9 Э. Карр Том 1(1) Основы плановой экономики

Э. Карр

9

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Основы плановой экономики 1926-1929

Том 1(1)

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

9

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ 1926 — 1929

Том 1

Часть 1

E. CARR

A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

9

FOUNDATIONS OF A PLANNED ECONOMY 1926—1929

Volume one

Part one

London
Macmillan
1969

На правах рукописи
Для служебного пользования

2

№_____

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

9

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ 1926—1929

Том I

Часть 1

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междуцарствие. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор *В. А. СУРОВОВ*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 7

Часть I

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

А. Сельское хозяйство

Глава 1. Урожай 1926 г. 13
Глава 2. Урожай 1927 г. 32
Глава 3. Урожай 1928 г. 57
Глава 4. Земля и крестьянство 84
Глава 5. Сельскохозяйственная кооперация 109
Глава 6. Колхозы 119
Глава 7. Совхозы 135
Глава 8. Механизация сельского хозяйства 145
Глава 9. Контрактация 160
Глава 10. Землеустройство 166
Глава 11. Накануне «Великого перелома» 173

Б. Промышленность

Глава 12. Развитие индустриализации 196
а) Промышленность в 1926 г. 196
б) «Непрерывный и устойчивый рост 1926—1927 г.» 199

Стр.

в) Напряжение, 1927—1929 г. 211
г) Форсирование темпов, 1928—1929 г. . . . 226

Глава 13. Себестоимость продукции и эффективность производства 242

Глава 14. Организация государственной промышленности . 255
а) ВСНХ и Главки 255
б) Республиканская и местная промышленность 262
в) Тресты и синдикаты 267
г) Предприятия 274

Глава 15. Негосударственная промышленность 279
а) Кооперативная и частная цензовая промышленность 279
б) Мелкая промышленность 282

Глава 16. Реконструкция промышленности 290
а) Экономическая самостоятельность . . . 291
б) Внедрение новой техники 298
в) Приоритетное развитие производства средств производства 304
г) Военная промышленность 307
д) Новое строительство 311

ПРИМЕЧАНИЯ 326

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга открывает четвертую, заключительную часть серии «История Советской России», задуманной мной 20 лет назад, первый том которой «Большевистская революция 1917—1923» (часть I) вышел в свет в 1950 г. В работе над данным томом мне впервые посчастливилось иметь соавтора, профессора Р. В. Дэвиса из Бирмингемского университета, взявшего на себя все возрастающую тяжесть исследовательской работы и написания книги, а также внесшего неоценимый вклад в наш совместный труд благодаря своей компетентности в вопросах экономики. И хотя оба мы являемся соавторами книги и совместно обсуждали в деталях каждый ее раздел, тем не менее черновые наброски отдельных глав (по сельскому хозяйству, труду, торговле и распределению) были написаны мной, а других (по промышленности, финансам и планированию) — профессором Дэвисом. Важность и сложность обсуждаемых вопросов может до некоторой степени служить оправданием большого объема данного тома, который, как и третий том трилогии, «Социализм в одной стране. 1924—1926 гг.», выходит в двух частях, с непрерывной нумерацией страниц.

Первоначальный замысел «Истории Советской России», изложенный в предисловии к первому тому «Большевистской революции, 1913—1923», вышедшему в 1950 г., претерпел целый ряд изменений. Однако границы рассматриваемого периода, заканчивавшиеся ранее 1928 г., расширены теперь лишь на несколько месяцев. Принятие V Всесоюзным съездом Советов (май 1929 г.) первого пятилетнего плана народнохозяйственного развития и успешное начало программы индустриализации являются, по-видимому, как раз той исторической вехой, которой следует завершить данный труд. События последних месяцев 1929 г., результатом которых явилась объявленная в первые дни 1930 г. принудительная коллективизация в деревне (хотя она и была в определенном смысле составной частью пятилетнего плана), положили начало новому, мрачному периоду советской истории. В области политической жизни страны разгром последней реальной оппозиции — «правого уклона» — весной 1929 г. ознаменовал установление безраздельной диктатуры Сталина, получившей свое освещение во

время празднования его пятидесятилетнего юбилея в декабре следующего года.

Для историка, изучающего Советский Союз, весна 1929 г. является важной вехой в жизни страны еще и по другой причине. До этого времени в руководящих партийных органах по всем важнейшим вопросам проходили дискуссии. И хотя открытые высказывания взглядов, противоречащих официальной точке зрения, стали все больше ограничиваться, все же еще можно было без труда установить, какие вопросы обсуждались в то время, оценить силу аргументов каждой из сторон и вообще узнать, кто их выдвигал. Но начиная с весны 1929 г. всему этому пришел конец. Нам достаточно хорошо известно, под каким давлением было принято в конце года решение о проведении принудительной коллективизации, но мы очень мало знаем о том, какие дискуссии, должно быть, предшествовали этому решению в высших государственных и партийных органах и какие мнения высказывали другие политические деятели, помимо Сталина. Дальше туман начинает сгущаться еще больше, и, несмотря на отдельные проблески откровений, к 30-м годам он уже плотной пеленой окутывает всю советскую политику. Именно поэтому я никогда не ставил себе честолюбивой цели выйти в своем исследовании за рамки данного периода. К тому же мой возраст не оставляет никакой надежды на то, что удастся когда-либо сделать это. Я буду считать, что мне очень повезло, если смогу закончить свое исследование этим периодом. Настоящий том посвящен политике партии и правительства в период 1926—1929 гг. Что же касается международных отношений этого периода, то они войдут в следующий том, над которым, я надеюсь, мы будем работать совместно с профессором университета Британской Колумбии Иваном Авакумовичем.

Мне бы хотелось остановиться на некоторых технических моментах. В своей работе мы пользовались сборником «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изданным в 1954 г. (так как издание 1941 г. достать значительно сложнее), а также многотомным изданием сборника резолюции съездов Советов, опубликованным в 1959—1963 гг. Мы, как и раньше, продолжали пользоваться вторым изданием Полного собрания сочинений В. И. Ленина, считая целесообразным переходить на последнее, пятое издание, поскольку в настоящем томе приводится совсем немного ссылок на ленинские работы. Приношу свои извинения за неправильное употребление сокращения ВЦИК в предыдущих томах. В период с 1917 г. по 1923 г. оно употреблялось для обозначения высшего органа государственной власти РСФСР, а после образования СССР я продолжал использовать его применительно к СССР, вместо ЦИК, пришедшего ему на смену и практически исполняющего все его функции. Фактически сокращение ВЦИК очень скоро перестало использоваться в этом значении, а употреблялось лишь для обозначения ставшего теперь подчиненным органа Российской федерации. В на-

стоящем томе сокращение ЦИК без всяких добавлений означает ЦИК СССР, если же имеется в виду ЦИК РСФСР, то оно так и пишется, сокращение же ВЦИК не употребляется вовсе, так как это может внести ненужную путаницу.

Мне остается выполнить еще одну приятную задачу — выразить горячую благодарность всем, кто оказывал мне помощь в работе над настоящим томом, иногда рекомендуя какой-нибудь интересный или неопубликованный материал, иногда обсуждая со мной в письмах, а чаще в личных беседах неясные, спорные вопросы. Я не могу перечислить все их имен, но надеюсь, что они не расценят это как знак неблагодарности с моей стороны за оказанную мне помощь. Однако некоторым из них я должен выразить особую признательность. Это профессор Р. Е. Ф. Смит, специалист по русскому языку в Бирмингемском университете, настоящий кладезь знаний и мудрости, которыми он так щедро делился со всеми, кто занимался изучением такого сложного вопроса, как положение русского крестьянства на различных этапах развития страны. Большую помощь в изучении положения крестьянства России в 20-е годы мне оказала книга доктора Моше Левина «Русское крестьянство и Советская власть». И хотя не со всеми его выводами я могу согласиться, беседы с ним доставили мне огромное удовольствие и принесли большую пользу, и я весьма благодарен ему за предоставленную возможность познакомиться с рукописью его книги до выхода ее в свет. В ходе продолжавшихся несколько лет дискуссий с американскими друзьями — Гербертом Маркузе из Калифорнийского университета в Ла-Холле, Баррингтоном Муре из Принстонского университета и Арно Мейером — мне удалось глубже понять ключевые моменты советской истории. К каждому из них я испытываю чувство глубокой благодарности. Я также весьма признателен Е. Е. Орчарду из информационного отдела Министерства иностранных дел, Морису Доббу и Андрею Ротштейну за то, что они щедро предоставили в мое распоряжение редкие русские издания.

Мне также хочется выразить благодарность целому ряду учреждений. Работая над начальными главами своей книги, я в течение двух месяцев пользовался гостеприимством Фонда Рокфеллера в Вилла-Сербелони на озере Комо и его директора Джона Маршалла, предоставившего мне прекрасные условия для работы. Год спустя я провел приблизительно столько же времени в Гарвардском университете, где я жил под гостеприимным кровом «Джон Уинтроп хаус» и пользовался богатейшими фондами Уайденеровской библиотеки, а также читал архивы Троцкого в Хаутоновской библиотеке, бесспорно являющимися крупнейшими зарубежными хранилищами неопубликованных материалов об этом периоде жизни в Советском Союзе. Свою благодарность различным библиотекам этой страны и ее работникам я уже высказывал ранее в предисловиях к предыдущим томам. По мере работы над настоящей серией моя благодарность отнюдь не уменьши-

лась, и я хочу еще раз повторить слова горячей признательности всем тем, кто с неустанным вниманием и терпением относился ко всем моим просьбам. И, как всегда, самой горячей похвалы заслуживает работа моего секретаря Джин Файф.

Е. Х. Карр

С большой радостью и энтузиазмом воспринял я сделанное мне несколько лет тому назад предложение г-на Карра стать соавтором этого крупномасштабного произведения. Работа над ним доставила мне чувство огромного удовлетворения, очень многие оказали мне большую помощь, больше всех сам г-н Карр. Я особенно благодарен ему за терпение и чуткость, проявленные ко мне, когда после создания Центра по изучению Советского Союза и стран Восточной Европы при Бирмингемском университете в 1963 г. моя работа над книгой несколько затормозилась. Мои коллеги по работе в Центре — Г. Р. Баркер и Р. Е. Ф. Смит, а также секретарь Руфь Кокс — помогли ускорить работу над завершением книги, великодушно взяв на себя часть моих административных обязанностей. Мне также хочется поблагодарить профессоров Д. Ганика, А. Ноува и И. Таниучи, прочитавших часть моей первоначальной рукописи; доктора Шлезингера, предоставившего в наше распоряжение информацию о политике того времени, Джеффри Уилла, от которого мы получили библиографические данные по Турксибу; Джин Файф, так мастерски расшифровывающую мои закорючки, и, конечно же, свою жену Френсис, читавшую отдельные страницы моей рукописи и стойко переносившую вместе с детьми мои долгие отсутствия и занятость.

Зимой 1963/64 гг. я имел возможность два месяца работать в Москве, в Институте экономики Академии наук СССР, пользуясь богатейшими фондами Библиотеки им. В. И. Ленина и фундаментальной библиотекой Академии общественных наук, я смог собрать обширнейший материал, а также обменяться взглядами по многим вопросам с доктором Гладковым и его коллегами из Института экономики, а также с В. П. Даниловым, С. Л. Рогачевской и их коллегами из Института истории АН СССР. Моя поездка была организована по линии «Юниверсити грантс комити» в рамках программы «Хэйтер трэвел грантс», она позволила мне гораздо ближе узнать Советский Союз.

Р. У. Дэвис

Мы хотим воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить нашу искреннюю благодарность г-ну Дугласу Мэттьюсу за его кропотливую работу по составлению индекса.

Е. Х. К.
Р. У. Д.

Часть 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

А. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ГЛАВА 1

УРОЖАЙ 1926 г.

Урожай 1925 г. показал, что зерновая проблема имеет две стороны — ее решение требует увеличения не только валового объема зерна, но в первую очередь увеличения объема товарного зерна. Слово «товарность» стало наиболее часто употребляемым словом в дискуссиях того времени[1]. Состоявшаяся в апреле 1925 г. XIV конференция ВКП (б) поставила вопрос «товарности сельскохозяйственной продукции» в один ряд с вопросом восстановления промышленных предприятий, рассматривая их как важнейшие условия подъема экономики всей страны. Эта же мысль прозвучала на апрельском Пленуме ЦК 1926 г. и на состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде партии[2]. Причины низкой товарности зерна ни у кого не вызывали сомнения — до тех пор, пока в сельском хозяйстве сохранялось преобладание огромной, непрерывно возрастающей массы мелких единоличных хозяйств, находящихся на уровне прожиточного минимума или ниже его, вряд ли можно было ожидать увеличения производства товарного зерна для города и промышленности[3], а нехватка промышленных товаров для деревни лишала крестьянство стимула поставлять свое зерно на рынок. Однако пока никто не собирался заниматься этой проблемой вплотную. Был сделан вывод о том (и оппозиция продолжала настаивать на этом), что для проведения в жизнь намеченной XIV съездом партии в декабре 1925 г. программы индустриализации потребуются дополнительные поставки зерна. Был также сделан вывод о том, что необходимо «взять за ребра» кулака и частного торговца. Журнал аграрной секции Коммунистической академии «На аграрном фронте» призвал к принятию самых суровых мер:

«...Необходимо быть готовым к жесткой политике в отношении неплановых заготовителей (хлеба) и частного капитала. Это не значит, что должно быть проведено полное запрещение заготовок неплановых и частных заготовителей... Однако повторять вторично либеральный опыт с частным капиталом и неплановыми заготовителями, в условиях нисколько не лучших истекшего заготовительного года, было бы полной нелепостью»[4].

При этом считалось, что желаемых результатов можно было добиться путем пересмотра и разумного повышения сельскохозяй-

ственного налога, столь резко сниженного в 1925 г., а также путем усовершенствования самого механизма его визирования, утвержденного в апреле 1926 г. Пленумом Центрального Комитета партии[5], не затрагивая при этом самой основы политики для успокоения крестьянства. Впервые за все время начиная с победы революции крестьянство в целом стало жить гораздо лучше. Сохранявшиеся в течение всей зимы 1925/26 г. высокие цены на хлеб[6] к марту 1926 г. достигли небывало высокого уровня, но затем внезапно и резко упали ниже уровня соответствующего периода 1925 г.[7] Выражая точку зрения Госплана, Громан предсказывал, что годовой план хлебозаготовок «может быть выполнен при понижающихся ценах», что позволит выйти из хозяйственных затруднений и усилить темп восстановления народного хозяйства[8]. В постановлении СНК и СТО от 28 июня 1926 г. («О хозяйственной конъюнктуре за первую половину 1925—1926 хозяйственного года») прозвучал сдержанный оптимизм. В нем отмечалось, что представленный Госпланом проект директив по составлению контрольных цифр на 1926—1927 хозяйственный год необходимо принять к сведению и рассматривать эти предложения лишь как предварительные и ориентировочные. Несмотря на намечаемое расширение посевных площадей по сравнению с предыдущим, 1925 г., на 5%, Госплан проявил определенную осторожность, спрогнозировав на 1926 г. всего лишь 4000 млн. пудов зерна (около 66 млн. т) против 4400 млн. пудов, полученных в 1925 г. В постановлении выражалось удовлетворение в связи со «значительным ростом товарной продукции» и подчеркивалось, что размеры реальных капиталовложений в промышленность будут зависеть от урожая. Однако плановые органы по-прежнему никак не могли справиться с сельским хозяйством, и оно пока еще не стало объектом специальных постановлений[9]. На какое-то время все внимание переключилось с сельского хозяйства на другие отрасли экономики.

С 14 по 23 июля 1926 г. проходил объединенный Пленум Центрального Комитета ВКП(б) и Центральной Контрольной Комиссии. На нем впервые открыто выступили совместно две оппозиции — Зиновьева и Троцкого — и образовался антипартийный блок, сформулировавший свою платформу в так называемой «декларации 13-ти», где речь шла в основном об индустриализации и политическом расколе в партии. В декларации также выражалась озабоченность определенной части партийных кругов проводимой партией политикой уступок зажиточному крестьянству и повторялся старый тезис о том, что «в вопросах сельскохозяйственной политики опасный сдвиг в сторону деревенских верхов становится все более и более заметным». «Союз с середняком» был представлен как «курс в поддержку зажиточного середняка» и усиления нажима на бедняка, а «зажиточный середняк» был назван, ни много ни мало, «младшим братом кулака»[10]. Было выдвинуто обвинение в том, что проводимая партией и правительством хозяй-

ственно-экономическая политика играет на руку кулаку. Оппозиция также продолжала настаивать на повышении сельскохозяйственного налога и прогрессии налогообложения, что было основным требованием Троцкого[11]. Каменев, как и на предыдущем, апрельском пленуме, выступивший с докладом о хлебозаготовках, выдвинул требование: «Снижение (хлебных) цен, во что бы то ни стало, как основная директива». В 1925/26 г. средняя годовая цена на хлеб составляла 1 руб. 04 коп. — он предложил снизить ее до 85—90 коп., считая при этом, что «и 84 к. — это не есть барьер, ниже которого нельзя опускаться»[12].

Принятая единогласно резолюция была явным компромиссом. Она исходила из последних, более оптимистичных, чем прогнозы Госплана, прогнозов ЦСУ, согласно которым валовой урожай зерна должен был составить в 1926 г. ориентировочно 4700 млн. пудов (около 77 млн. т), а объем товарного зерна — возрасти до 900 млн. — 1 млрд. пудов, при этом предполагалось, что около 700 млн. пудов будет снято с рынка плановыми заготовителями, а 300 млн. пудов останется для закупок непланового потребителя, частника и т. п., который будет неизбежно использовать часть хлеба для непроизводительного потребления (самогон). «Некоторое увеличение налогов», о котором было достигнуто согласие, отмечалось как благоприятный фактор, но в то же время обращалось внимание на ряд неблагоприятных факторов, которые могли противодействовать успешному проведению хлебозаготовительной кампании, таких, как: диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью, стремление зажиточной части крестьянства задержать выброску своей продукции на рынок и отсутствие у государства хлебных резервов, которые могли позволить ему свободно маневрировать на рынке. В резолюции подчеркивалось, что образование резервного государственного фонда хлеба в размере не менее 50 млн. пудов должно рассматриваться «как одна из важнейших задач будущей заготовительной кампании»[13]. Никаких конкретных цен названо не было. Однако позднее, когда Рыков, выступая на собрании актива Московской партийной организации по итогам пленума, сказал, что средняя цена по основным зерновым культурам должна быть около 85—90 к.[14] (как и предлагал Каменев), стало ясно, что с молчаливого согласия она была принята[15].

Но наиболее активно и горячо официальную линию партии отстаивал Бухарин. Выступая на собрании актива Ленинградской партийной организации (28 июля 1926 г.), он сделал отправным пунктом своего доклада по итогам пленума известный тезис о том, что все экономические трудности проистекают из нарушения естественного и необходимого баланса между промышленностью и сельским хозяйством. Он утверждал, что промышленность в своем развитии намного опережает сельское хозяйство (оппозиция придерживалась обратной точки зрения), и без особого труда доказал, что за последние два года промышленный прирост как по

объему валовой продукции, так и «по людской базе» намного превысил прирост в сельском хозяйстве. Бухарин обрушился с резкой критикой на Пятакова, требовавшего дальнейшего ускорения индустриализации и повышения отпускных цен на промышленные товары, так как это могло привести к еще большей диспропорции между городом и деревней. Он также отметил успехи, достигнутые партией в проведении политики «успокоения крестьянства и успокоения середняцкой крестьянской массы»[16]. Несколько недель спустя окончательный вариант контрольных цифр на 1926—1927 гг. был направлен в СТО и затем опубликован[17]. В нем предусматривалось увеличение производства валового объема зерна до 4800 млн. пудов (79 млн. т), то есть на 9% больше, чем в предыдущем году, а прирост всей товарной сельскохозяйственной продукции должен был составить 18%, в том числе товарного зерна — 16%[18].

Политика расчета на успех в данном случае себя оправдала. В 1926 г. был получен рекордно высокий урожай зерна — 76,8 млн. т, что было лишь ненамного ниже намеченных Госпланом контрольных цифр[19]. Крестьянская газета «Беднота» писала о том, что страна вступает в новый хозяйственный год (с 1 октября 1926 г.), что «впереди — борьба уже не за восстановление, а за развитие народного хозяйства», и с уверенностью заявляла, что «деревня строит социализм вместе с городом»[20]. Если в 1925 г., в период с сентября по декабрь, наблюдалось резкое снижение темпов хлебозаготовок, то в этот же период 1926 г. они непрерывно возрастали, и за весь квартал было заготовлено почти вдвое больше хлеба, чем за этот же квартал предыдущего года[21]. Микоян круто изменил проводимую до него Каменевым политику снижения цен на сельскохозяйственную продукцию «любой ценой», заявив, что не будет предприниматься попытки осуществлять закупки хлеба по ценам, ниже установленных. «С точки зрения коммерческой нам может быть выгодно покупать хлеб дешевле, но исходя из интересов государства в целом, мы должны быть против этого», — сказал он[22]. В течение последующих месяцев хлебные цены оставались относительно стабильными, и не происходило ничего такого, что могло бы вызвать спекуляцию. Общий объем хлебозаготовок за весь сельскохозяйственный год (июль 1926 — июнь 1927 г.) составил 10,6 млн. т зерна, против 8,4 млн. т в предыдущем году[23]. План по пшенице был выполнен почти полностью, а по ржи — на 95%[24]. Увеличился не только валовой объем зерна и объем товарного зерна, возросли и плановые заготовки товарного зерна через государственную и кооперативную часть, составившие в 1926/27 г. 77% от общего объема заготовок[25]. Цены также были вполне приемлемыми — средняя заготовительная цена четырех основных зерновых культур составила 93 коп. за пуд, то есть несколько выше цен, предлагаемых в июле 1926 г. (85—90 коп.), но в то же время значительно ниже средней цены 1925/26 г. (1 руб. 16 коп.)[26]. Увеличился также экспорт зерна —

со 147 млн. пудов в 1925/26 г. до 186 млн. пудов (около 3 млн. т) в 1926/27 г., хотя планом было предусмотрено 215 млн. пудов. Однако невыполнение плана экспортных поставок зерна почти не отразилось на плане валютных поступлений, поскольку в результате повышения в экспорте удельного веса наиболее дорогой культуры — пшеницы — удалось получить почти всю запланированную сумму — 275 млн. руб.[27].

Одним из наиболее неблагоприятных факторов урожая 1926/27 г. явилось снижение прироста так называемых технических культур, являющихся источником сырья для промышленных предприятий, таких, как, хлопок, сахарная свекла, подсолнечник, картофель, конопля и табак. В то время как цены на хлеб в течение всей зимы 1925/26 г. повышались, цены на сырьевые культуры были снижены[28], и это привело к сокращению в 1926 г. посевов этих культур и снижению их урожая по сравнению с предыдущим годом, за исключением сахарной свеклы[29]. На состоявшейся в октябре 1926 г. XV конференции ВКП б) Рыков в своем докладе объяснял эту ошибку тем, что проблема хлебных цен обсуждалась в 1925 г. «очень часто, везде и повсюду», а проблема сырьевых цен «как-то выпала из поля общественного внимания». Яковлев дал более убедительное объяснение низким ценам на сырьевые культуры, считая, что основной причиной являлись «монополистические извращения со стороны отдельных промышленных трестов и синдикатов»[30]. Месяцем позже народный комиссар земледелия РСФСР, обращаясь к своим коллегам из других республик, сказал, что наиболее серьезной проблемой на сегодняшний день является «спад в производстве технических культур»[31]. Основная причина этого спада заключалась в том, что после революции произошло раздробление крупных помещичьих хозяйств и раздел площадей, на которых выращивались эти культуры, между мелкими крестьянскими хозяйствами, которые почти их не выращивали (за исключением картофеля для домашнего потребления и на корм скоту да подсолнечника). Но там, где они выращивались, недостаток промышленных товаров содействовал увеличению потребления этого сырья для собственной переработки в готовые товары[32]. С другой стороны, львиную долю этих культур заготавливали государственные и кооперативные органы — 100% хлопка, 96,5 — сахарной свеклы, 94,4 — льна и 89,8% табака[33], что препятствовало установлению на них более высоких цен.

Несмотря на в общем благоприятные результаты официальной политики, оппозиция не сразу сложила свое оружие. Печатный орган Госплана журнал «Плановое хозяйство» опубликовал статью Смилги (август 1926 г.) о контрольных цифрах, в которой он утверждал, что «баланс между городом и деревней... нарушен в пользу последней»[34]. 30 сентября 1926 г. в «Большевике» была опубликована статья за подписью некоего Майзлина с резкими нападками на официальную линию партии, изложенную Бухари-

ным в его докладе на собрании актива Ленинградской партийной организации 28 июля 1926 г. Автор статьи усмотрел в ней «в корне неправильную боязнь «обидеть» крестьянина индустриализацией», отмечая при этом, что Бухарин в своем докладе только дважды употребил слова «кулак» и «бедняк» и, что он якобы пытается установить «смычку с кулаком», Майзлин предлагал повысить оптовые цены на промышленные товары, чтобы иметь дополнительный источник финансирования индустриализации [35]. Теоретические выпады оппозиции сопровождались активизацией ее пропагандистской деятельности, что привело в первой половине октября к целому ряду столкновений между лидерами оппозиции и членами Политбюро, но, поскольку в стране царил общий оптимистичный настрой, критика оппозиции «падала на каменистую почву». 16 октября 1926 г. лидеры оппозиции — Зиновьев, Каменев, Сокольников, Троцкий и Евдокимов — подписали заявление, которое, хотя в нем не затрагивались никакие спорные экономические вопросы, явилось фактически документом капитуляции и признания официальной линии партии. На следующий же день это заявление было опубликовано в печати [36]. Один из бывших оппозиционеров, перешедших на сторону партии, рабочий Андреев сообщил Центральной Контрольной Комиссии, что лидеры оппозиции объясняли свое поражение среди прочих причин тем, что «экономическое положение не так плохо, как они думали» [37]. Открывшаяся 26 октября 1926 г. XV партийная конференция ознаменовалась широким наступлением на оппозицию по всему фронту. С докладом «О хозяйственном положении страны» выступил Рыков. Он подчеркнул, что индустриализация и сельское хозяйство должны развиваться параллельно, и подверг критике две крайние точки зрения по этому вопросу, основанные на предположении о существовании между ними противоречий [38]. Дискуссия по экономическим вопросам, в которой оппозиция отказалась принимать участие, представляла мало интереса, а по вопросу об оппозиции (в которой выступили все трое — Каменев, Зиновьев и Троцкий) ничего существенного к экономическим вопросам не прибавила. Троцкий признал, что «...хозяйственный опыт с апреля, очевидно, еще слишком мал для того, чтобы мы могли надеяться переубедить товарищей — членов конференции», и повторил свое старое утверждение о том, что «кулак поднимается», а «удельный вес бедняка в деревне уменьшается» [39]. Сталин, выступивший с докладом «О социал-демократическом уклоне», прокомментировал с сарказмом высказывание Троцкого на апрельском пленуме о том, что в «существующих условиях хороший урожай мог оказаться фактором, дезорганизующим экономику» [40]. Бухарин сказал, что успех хлебозаготовительной кампании «разбивает вдребезги всю философию экономического строительства, которую в прошлом году проповедовала оппозиция» [41]. В резолюции «О хозяйственном положении страны и задачах партии» конференция осудила взгляды оппозиции «о необходимости проведения индуст-

риализации путем такого обложения деревни и такой политики цен, которые неизбежно привели бы к приостановке развития сельского хозяйства», а также подвела итоги истекшего 1926 г. и «повторного хорошего урожая»[42]. В целом ситуация как в сельском хозяйстве, так и в промышленности складывалась весьма благоприятно. Старый 1926 г. заканчивался в атмосфере спокойной уверенности. Принятие в начале января 1926 г. «Положения о постоянном государственном хлебном фонде для удовлетворения чрезвычайных потребностей государства в хлебе»[43] явилось свидетельством общего оптимистичного настроя.

Партийные руководители не упускали ни малейшей возможности, чтобы продемонстрировать свое торжество над оппозицией. Выступая на VII расширенном пленуме ИККИ (Исполкома Коммунистического Интернационала), состоявшемся в декабре 1926 г., Бухарин с насмешкой говорил о том, что год назад оппозиция предсказала «саботаж кулаком хлебозаготовок», а они превысили прошлогодние на 35%. «Самая основа главной экономической теории оппозиции рухнула», — сказал он[44]. Микоян в статье, опубликованной в «Большевике» 31 декабря 1926 г., подчеркивал, что, говоря о диспропорции, необходимо отличать «диспропорцию в распределении производительных сил», являющуюся основной, от «диспропорции в рыночной конъюнктуре», проистекающую из первой. Он выражал надежду на уменьшение товарного голода, а также высмеивал склонность оппозии «предсказывать, предвещать, пророчествовать самое худшее, что можно предположить и придумать о нашем хозяйстве»[45]. Аналогичная самоуверенность прозвучала в докладе Микояна на заседании Политбюро 3 января 1927 г.:

«Мы добились того, что крестьянская стихия, крестьянский хлебный рынок находится целиком и полностью в наших руках, мы можем в любое время понизить и повысить цены на хлеб, мы имеем все рычаги воздействия в наших руках»[46].

Выступивший на состоявшейся в том же месяце Ленинградской губернской партийной конференции Киров сказал: «Помаленечку из хозяйственных ухабов выходим. Даже в таком вопросе, как с мужиком, который хлеб зажал, вышли»[47]. Бухарин в своем докладе на XV Московской губернской партийной конференции прокомментировал с сарказмом высказывание Каменева по поводу хлебозаготовок предыдущего года о том, что кулак «нас регульнул» (то есть спрятал запасы хлеба). «Если бы товарищи из оппозиции были правы, — сказал Бухарин, — то мы с делом хлебозаготовок должны были бы иметь в теперешнем году гораздо больше затруднений, чем в прошлом, мы должны были бы иметь срыв наших планов со стороны кулака в гораздо большей мере, чем в прошлом году». Далее он сказал, что этого не произошло и что в действительности «мы регулируем кулака» и получили «гарантию против вздорожания цен на сельскохозяйственные продукты», «хлебозаготовительные операции вдрызг изничтожили

экономическую философию наших оппозиционных товарищей»[48]. Настроение уверенности сохранялось в течение нескольких месяцев. Партийный журнал «Большевик», подводя итоги состоявшегося в апреле 1927 г. IV съезда Советов, отмечал, что «практическая борьба за построение социализма сняла разговоры о якобы существующем противоречии между промышленностью и сельским хозяйством»[49]. «В настоящее время, — писала «Беднота» от 13 мая 1927 г., — Советское государство настолько овладело хлебным рынком, что начиная с этого квартала никакие непредвиденные, неблагоприятные обстоятельства или просчеты не могут угрожать планам нашего строительства». Разделяя общую уверенность, Госплан в «Контрольных цифрах на 1927—1928 гг.» торжественно провозглашал, что достигнут «усиленный охват хлебного рынка, приближающий возможность полного подчинения заготовительных хлебных цен политике государства, и предсказывал продвижение советской экономики, в корне отличающейся в этом отношении от капиталистической, «к безконъюнктурному, не циклическому типу развития»[50].

Успех хлебозаготовок приписывался в основном двум главным факторам — разумному применению сельскохозяйственного налога и повышению эффективности работы государственных и кооперативных заготовительных организаций. Увеличилась не только прогрессия налогообложения, но и сам налог стал взиматься более оперативно, что, по общему мнению, способствовало повышению хлебозаготовок осенью 1926 г.[51] Еще более эффективным было, наверное, усовершенствование механизма взимания налога. Против частника применялись жесткие дискриминационные меры через систему железнодорожных тарифов[52]. В докладе наркомторга СССР Совету Труда и Обороны сообщалось еще об одном важном факторе — эспроприации частных мельниц. На 1 июня 1927 г. из частного пользования была изъята одна четвертая часть мельниц[53]. По-прежнему продолжали поступать сигналы о трениях и соперничестве между государственной заготовительной организацией РСФСР («Хлебопродукт») и вновь созданными заготовительными организациями Украины («Укрхлеб») и Кавказа («Кавкхлеб»). Сообщалось о «случаях нарушения заготовительной дисциплины» и о том, что Госбанк, функции которого были теперь теоретически ограничены сбором и хранением на своих элеваторах закупленного зерна, все еще финансировал закупки частников. Торговцы-частники, особенно в южных районах, все еще превосходили как числом, так и умением представителей государственных и кооперативных заготовительных организаций. Но все эти трудности наблюдались лишь в первые недели заготовительной кампании 1926 г., а к сентябрю — октябрю государство уже полностью контролировало ситуацию. Был сделан вывод о том, что «роль стихийных факторов, частного капитала и кулацкой верхушки деревни» оказалась далеко не такой сильной, как это

могло показаться некоторым товарищам [54]. Но поступали и более тревожные сигналы. В вышедшем в конце 1926 г. обозрении наркомторга обращалось внимание на непрекращающуюся деятельность частного капитала в торговле зерном. Частные скупщики конкурировали с официальными заготовительными органами, причем нередко скупали зерно именно у кулаков, затем перевозили его на частном речном транспорте (поскольку доступ к железнодорожному транспорту был ограничен), мололи его на частных мельницах и затем продавали частному мучному оптовику и розничнику, и к этому надо прибавить капиталистическое финансирование всего этого процесса [55]. Об этом также рассказывал Ларин в своем выступлении на IV съезде Советов, состоявшемся в апреле 1927 г. Он говорил о том, как в Поволжье кулаки производят хлеб, затем продают его «частным капиталистическим оптовикам», которые переправляют его частным водным транспортом в крупные города, где через частные магазины продают хлеб населению [56]. Частник заготавливал только 11% всего зерна [57], но зато львиную долю сливочного масла, семян подсолнечника и мяса, а плановые заготовки государственных и кооперативных органов в 1926/27 г. составляли соответственно всего лишь 45%, 33 и 7% [58].

В обобществленном секторе заготовки характеризовались снижением роли государственных органов и увеличением роли сельскохозяйственной и потребительской кооперации. Кооперативный «Хлебоцентр», созданный 1 июня 1926 г., оказался более гибким, чем государственный «Хлебопродукт». Приемные пункты государственных органов были крупнее кооперативных и лучше оборудованы, у них было сосредоточено большинство элеваторов, но располагались эти пункты в крупных центрах, в основном при станциях, и в отличие от кооперации занимались только заготовками хлеба [59]. Как писал Ц. Крон в своей работе «Частная торговля в СССР»: «...тяжелому аппарату государственного заготовителя не под силу проникнуть в переулки и закоулки крестьянского хозяйства» [60]. План хлебозаготовок был выполнен государственными органами в 1925/26 г. на 70,4%, в 1926/27 г. — на 63,9, в 1927/28 г. — на 34,9 и в 1928/29 г. — на 26,4% [61]. Развитие кооперации сопровождалось острой конкурентной борьбой между сельскохозяйственной и потребительской кооперацией. Директивы партии и правительства на этот счет были непоследовательны и противоречивы. Постановление от 25 февраля 1927 г. СТО признавало ведущую роль сельскохозяйственной кооперации, однако в более позднем постановлении, от 29 мая 1927 г., это решение было пересмотрено в пользу потребительской кооперации, но, по некоторым сообщениям, сельскохозяйственная кооперация его игнорировала [62]. Кто бы ни был прав в этой ссоре, сдвиг в сторону кооперативных заготовок был примечателен по двум причинам. Во-первых, он показал, что крестьянство предпочитало сдавать хлеб не государственным, а кооперативным заготовительным органам, а во-вторых, он свидетельствовал о том, что кооперация стала все боль-

ше осваиваться с функциями государственных организаций, участвующих в проведении политики общества.

Если бы эти административные меры действительно определяли благоприятный исход хлебозаготовительной кампании 1926/27 г., их результат мог бы стать предвестником будущих успехов. Партия и правительство пришли к выводу о том, что проблема изъятия зерна у крестьянства была решена при помощи разумной налоговой политики и четкой организации хлебозаготовительной кампании и что, по-видимому, и в будущем ее можно будет решать таким же образом. Этот вывод способствовал сохранению оптимистического настроя руководства в течение всего года и использовался как аргумент для отражения нападок оппозиции. К сожалению, диагноз был поставлен не совсем точно. Несмотря на небольшие успехи хлебозаготовительной кампании, доля товарной продукции в валовом объеме зерна упала намного ниже дореволюционного уровня[63]. И даже в этом году, на общем благоприятном фоне, наблюдались тревожные явления. По Украине прокатилась, но затем стихла, кампания дезорганизации рынка со стороны частника[64]. Отмечалась нехватка хлеба в Смоленской губернии, где под влиянием распространившихся весной 1927 г. слухов о войне «население, учитывая опыт недавней войны, старалось припрятать хлеб, в результате чего имеющиеся излишки не попали на рынок». Сообщалось о «случаях отказа крестьян сдавать хлеб из-за невыгодных условий сдачи»[65]. Но в общем и целом между обеими сторонами царило согласие. Высокий урожай зерновых в течение двух последних лет способствовал улучшению положения крестьянства. Учитывая опыт 1925/26 г., власти старались не предъявлять ему чрезмерных требований и не проводить резкого снижения цен на сельскохозяйственную продукцию. В период осень 1926 г. — весна 1927 г. несколько улучшилось снабжение деревни промтоварами, были достигнуты определенные успехи в кампании за снижение на них розничных цен[66]. Все это привело к тому, что крестьянство стало более охотно сдавать хлеб заготовительным органам, хотя по-прежнему на руках у более зажиточной его части находились большие запасы[67]. Но ни одно их этих условий не могло лечь в основу будущих заготовительных кампаний.

Хотя высокий урожай зерна и успех хлебозаготовок 1926/27 г. несколько приглушили остроту зерновой проблемы, они не сняли беспокойства партийных кругов по поводу того, что проводимая политика благоприятствует так называемым «кулацким элементам» (несмотря на то что они также внесли свой вклад в эти достижения), и в этом отношении нападки оппозиции являлись живым укором совести партии. С усилением кампании за индустриализацию и плановое развитие хозяйства экономическая жизнь в стране стала постепенно меняться. Никаких кардинальных изменений в хозяйственной политике, при условии отсутствия

кризиса в снабжении продовольствием и сырьем, очевидно не предвиделось. И этот благоприятный момент было решено использовать для укрепления довольно слабого социалистического сектора в сельском хозяйстве. В марте 1927 г. вышли постановления правительства об укреплении колхозов и совхозов, а в мае 1927 г. — о развитии сельскохозяйственного кооперирования [68]. Незадолго до созыва IV съезда Советов, состоявшегося в апреле 1927 г., журнал «На аграрном фронте» поместил статью председателя аграрной секции Коммунистической академии Милютина, в которой говорилось о том, что поднятие уровня сельскохозяйственного производства требует применения сельскохозяйственной техники и разного рода агрикультурных улучшений, а также обращалось внимание на упускаемый из виду в течение долгого времени важный аспект политики партии: «...путь коллективизации, путь кооперирования является единственным путем для перехода от мелкого единоличного хозяйства к крупному сельскому хозяйству» [69]. Из всех выступавших на съезде один Микоян отметил — несмотря на успех хлебозаготовительной кампании, — что «хлеб и хлебная проблема — наиболее острая проблема на всем протяжении русской революции» [70]. Однако принятое съездом постановление по докладу (Калинина) «Об основных задачах сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и индустриализацией страны» резко отличалось по тону от постановления предыдущего съезда Советов, состоявшегося в мае 1925 г., в самый разгар кампании «уступок кулаку» и поддержки свободного предпринимательства в деревне [71]. На передний план в постановлении выдвигалась задача индустриализации страны, что требовало дальнейшего переустройства сельского хозяйства, от которого, как и от реорганизации промышленности, зависело развитие всего народного хозяйства. Отсюда вытекал следующий принцип:

«Подъем крестьянского хозяйства и постепенное, но неуклонное проведение в жизнь реорганизации сельского хозяйства на новой, более высокой технической основе неразрывно связаны с развитием кооперативных форм хозяйства и ростом на добровольных началах крупного коллективного сельского хозяйства».

Более того, эта политика, направленная на укрепление и поднятие хозяйства середняцкой и бедняцкой массы, была «вместе с тем связана с ограничением роста эксплуататорских (кулацких) элементов» [72]. Не прекращала свои нападки и оппозиция после нанесенного ей в конце 1926 г. поражения. На повестке дня перед партией стояли в то время два основных вопроса: первый — это явление классового расслоения крестьянства, разногласия по которому наметились еще в 1925 г. [73], и второй — темпы индустриализации. Как по первому, так и по второму вопросу оппозиция постоянно оспаривала официальную линию партии.

Тезис о классовом расслоении крестьянства был неотъемлемой частью партийной доктрины. Вывод Маркса о разделении крестьянства при капитализме на две основные категории — мелких сельскохозяйственных капиталистов и сельскохозяйственных наемных рабочих — явился результатом его изучения сельской жизни Англии и был положен в основу ранней работы Ленина «Развитие капитализма в России», опубликованной в 1898 г. Но это была скорее модель для исследования, нежели описание существующего положения вещей. Некоторые преуспевающие крестьяне, особенно после Столыпинской реформы, приобрели статус, который вполне обоснованно можно рассматривать как статус «мелкого буржуа» или «мелкого капиталиста», а батраков, зарабатывающих себе на жизнь работой по найму, вполне обоснованно можно было назвать «пролетариями». Но наиболее типичной фигурой русской деревни до и особенно после революции оставался середняк (не подпадавший ни под одну их этих категорий), жизненный уровень которого был несколько выше прожиточного минимума, но не настолько высоким, чтобы его можно было назвать даже мелким капиталистом, и который упрямо цеплялся за свой участок земли, являвшийся для него единственным источником существования. Отсюда постоянные попытки разделить эту расплывчатую категорию крестьнства на «крепкие» и «слабые», «зажиточные» и «бедные» слои. Но проведение четких различий между ними было практически невозможно, и все усилия, направленные на выработку точных определений понятий «кулак», «середняк» и «бедняк», кончались неудачами [74]. Необходимость осуществления классового подхода к крестьянству, являвшегося одним из основных постулатов партийной доктрины, и неспособность установления четко сформулированных критериев классовых различий между отдельными категориями крестьянства вносили во все теоретические споры еще больше путаницы.

Высокий урожай и успешное проведение хлебозаготовок в 1925 и 1926 гг. — во многом благодаря проявленному зажиточным крестьянством терпению и оказанной ему поддержке — вновь выдвинули проблему расслоения крестьянства на передний план. Непосредственным результатом революции явилось уравнительное распределение земель и скота, включая земли и скот кулацких хозяйств, среди крестьян, хотя и были отклонения от этого принципа [75]. В общем и целом оно привело к улучшению положения бедняцких хозяйств и ухудшению зажиточных. Однако в дальнейшем наблюдается частичный поворот этого процесса вспять. Аренда земли и использование наемного труда, получившие поддержку Центрального Комитета партии и III съезда Советов (состоявшегося в апреле — мае 1925 г.) [76], а также наем скота и инвентаря способствовали дальнейшему расслоению крестьянства и проникновению в традиционную систему земледелия капиталистических методов ведения хозяйства, даже если при этом иногда применялась оплата за наемный труд или аренду земли, частично или

полностью, в натуральной форме. Журнал «На аграрном фронте» писал о значительном расширении такой практики в период 1926—1927 гг. и приводил яркие примеры классового расслоения крестьянства [77].

Широкая дискуссия по этому вопросу развернулась на конференции Научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, на которой с обширными докладами выступили: директор института Чаянов, «профессора Наркомзема» Макаров и Челинцев (все трое бывшие эсеры, называвшиеся иногда «неонародниками»), а также директор Конъюнктурного института Кондратьев [78]. Трое бывших эсеров, верные своему идеалу сельского хозяйства, основанному на мелких и по возможности равных крестьянских хозяйствах, нехотя признали существование классового расслоения деревни, но при этом старались доказать, что это не простая и не однозначная проблема. Макаров говорил о том, что в различных районах расслоение проходит по-разному, Челинцев — о том, что если крупные хозяйства ведут к господству рынка и расслоению крестьянства, то мелкие «нейтрализуют» влияние рынка и ведут к социализму, а Чаянов — о том, что существуют четыре типа расслоения. Кондратьев, взгляды которого на сельское хозяйство в 20-е годы позволяли отнести его скорее к последователям Столыпина, нежели к народникам, сумел увидеть за этими тонкими различиями самую суть природы классового расслоения крестьянства:

«Основные и общие предпосылки процесса дифференциации деревни лежат в существовании и развитии рыночных отношений». Он подчеркнул, что главная цель заключается в преодолении примитивной отсталости огромной массы мелких крестьянских хозяйств; вопрос лишь в том, каковы пути достижения этой цели:

«Если бы рост коллективного земледелия мог идти достаточно быстро, если бы государство располагало вполне достаточными средствами содействия низшим группам хозяйств, оно могло бы, разумеется, без всякой угрозы быстрому развитию производительных сил с. хозяйства, подтягивая низшие группы вверх, совершенно не допустить образования... групп крепнущего середняка, способного в каждый момент в некоторой части превратиться в мелкую деревенскую буржуазию. Нужно признать, однако, что такими достаточными средствами государство в данное время еще не располагает . . . Оставаться на прежней примитивной базе нашего сельского хозяйства мы сколько-нибудь длительно не сможем» [79].

Хотя Кондратьев высказывал свои взгляды весьма осторожно, отвечавший ему оратор — председатель партийных кругов — обвинил его (и не без основания) в том, что он считает расслоение деревни «позитивным фактором для развития экономики» и является «защитником сельской буржуазии» [80]. Тем не менее посылки Кондратьева, но отнюдь не его выводы, соответствовали общепри-

нятой точки зрения в партии. Никто не мог серьезно оспаривать тот факт, что наиболее обеспеченные и занимающие наиболее привилигированное положение крестьяне являются в то же время лучшими работниками, имеющими наиболее современное оборудование, и поставляют большую часть своей товарной продукции для снабжения города и промышленности. Крупнейший специалист по расслоению деревни и один из самых строгих его критиков Крицман писал о том, что «зажиточные, т. е. капиталистические или становящиеся капиталистическими, слои деревни являются (наряду с коллективами) носителями прогресса сельского хозяйства»[81]. По существу, это была открыто высказанная попытка (хотя и в завуалированной форме) оправдать политику поддержки зажиточного крестьянства, а, как отмечал Кондратьев, такая политика вела к дальнейшей дифференциации[82].

В то время как оппозиция продолжала твердить об опасности расслоения крестьянства, высказывания партийного руководства звучали весьма неопределенно. В резолюции апрельского (1926 г.) Пленума ЦК шла речь «о неизбежном усилении кулачества в данный период НЭПа» и «борьбе кулацких элементов за овладение деревней», а также обращалось внимание на проблемы, связанные с наймом рабочей силы и сдачей земли в аренду[83]. Однако ситуация была намного сложней, чем она казалась критикам. После получения высоких урожаев зерновых в течение двух лет подряд вся деревня стала жить лучше. До некоторой степени улучшилось и положение беднейшего крестьянства. Выступая от имени оппозиции, Смилга доказывал (и его доводы не были лишены оснований), что политика поддержки зажиточного крестьянства приведет в конечном счете к росту мелких капиталистических элементов в деревне и неизбежному «наплыву выходцев из деревни в город»[84]. Однако пока эти явления как будто не наблюдались, и никто не осмеливался высказать мысль, что это как раз то, что скоро потребуется быстро растущей промышленности. Июльский (1926 г.) Пленум Центрального Комитета партии, на котором борьба с оппозицией развернулась по целому ряду других вопросов, отбросил в сторону проблему расслоения крестьянства и ограничился рассмотрением практических мероприятий, связанных с предстоящей заготовительной кампанией[85]. Выступая на собрании актива Ленинградской партийной организации с докладом по итогам пленума, Бухарин обвинил оппозицию в том, что она «страшно преувеличивает дифференциацию». Он доказывал, что таких максимальных темпов дифференциации крестьян, как при капитализме, которые ведут к вымыванию середняцких хозяйств, в условиях национализации земли быть не может, отметив при этом, что «картина здесь не могла сколько-нибудь существенно измениться за какую-нибудь пару лет». Он осудил попытки оппозиции «приравнять частный капитал к крестьянскому хозяйству», а также «смешения крестьянского хозяйства с капиталистическим»[86]. Против оппозиции было вновь выдвинуто

обвинение во враждебном отношении ко всему крестьянству в целом.

Дискуссия проходила непоследовательно и безрезультатно. В своем докладе на XV партийной конференции Рыков отрицал существование расслоения крестьянства, «как это... понимали в старое время», то есть как рассасывание середняцкого слоя. Он отмечал:

«Мы имеем общий подъем всех групп хозяйств, уменьшение бесскотных, беспосевных и малопосевных хозяйств. Все группы крестьянства растут вверх. Основная толща середняцкого слоя не только не распадается, но растет и приобретает большее значение, так как поднимающиеся на основе нашей политики в деревне бедняцкие слои пополняют середину».

Эту радужную картину, по-видимому, не омрачила даже вскользь высказанная мысль о том, что происходит «пролетаризация части беднейшего крестьянства, которое становится все более влиятельным, деятельным и активным»[87]. Несколько дней спустя, при обсуждении проекта «Общих начал землепользования и землеустройства» на заседании аграрной секции Коммунистической академии, один из участников дискуссии высказал вполне недвусмысленное предположение о том, что «капиталистические элементы в нашем сельском хозяйстве будут в значительной мере развиваться и мы будем вынуждены по целому ряду вопросов встать на легализацию этих явлений»[88]. Ведущая экономическая газета признавала, что высокий урожай зерна означал победу зажиточного крестьянства:

«Все наши обозреватели февральской конъюнктуры подчеркивают факт сосредоточения остающихся товарных излишков хлеба в руках зажиточных слоев деревни, которые увеличивают свои запасы еще и закупками выбрасываемого на рынок хлеба»[89].

Состоявшаяся весной 1927 г. сибирская краевая конференция, оценивая сложившуюся ситуацию, отмечала: «...зажиточные слои деревни развиваются более быстро, а средние и беднейшие — несколько медленнее»[90]. В этот период партия была весьма обеспокоена скоплением на руках у крестьянства больших запасов хлебных излишков. На основании данных ЦСУ на 1 июля 1926 г., они составили 360 млн. пудов (почти 6 млн. т)[91]. В ходе проходившей в сентябре 1926 г. в Комакадемии дискуссии Сокольников высказал предположение о том, что накопление зерна у зажиточной верхушки составит к концу года 600 млн. пудов (почти 10 млн. т)[92]. Спустя полгода, выступая на IV съезде Советов, Рыков привел официальные данные, свидетельствующие о том, что у крестьянства накопилось около 700 млн. пудов хлеба, подчеркнув при этом, что накопление таких больших запасов хлеба, преимущественно у кулака, ведет к тому, «что в значительной мере задерживается общий темп развития хозяйства». В то же время он опроверг всякие заявления о том, что якобы в официальной политике существуют разногласия[93].

Но все эти обтекаемые высказывания не могли ни успокоить оппозицию, ни внести ясность в обсуждаемые вопросы. Недоверие к середняку, рост его влияния и богатства сплачивали оппозицию сильнее, чем единство взглядов по какому-либо другому вопросу. В мае 1927 г. 83 члена оппозиции направили в Центральный Комитет декларацию, в которой они заявляли о том, что «расслоение крестьянства растет все более быстрыми темпами», что 3,5 млн. батраков почти не играют никакой роли в Советах, кооперации или партийных ячейках, что оказываемая беднякам помощь явно недостаточна и что на состоявшемся месяц назад IV съезде Советов не было сказано ни слова «по основному вопросу» о расслоении крестьянства. «Все это, — отмечалось в декларации, — подрывает наши точки опоры в деревне и затрудняет союз рабочего класса и беднейшего крестьянства с середняком» [94]. Расслоение крестьянства по-прежнему оставалось типичной чертой советской деревни, а формы его проявления были весьма разнообразны. Зажиточные крестьяне использовали труд бедняков, имели больше техники и скота, получали более высокие урожаи на лучших и больших по размеру участках, более того, все эти преимущества создавали для них дополнительные привилегии, которые способствовали дальнейшему улучшению их положения. Во время землеустроительных работ им отводились самые хорошие, наиболее легко обрабатываемые земли [95]. Агрономы считали, что давать советы беднякам — пустая трата времени, и поэтому предпочитали работать с зажиточным крестьянством [96]. И именно зажиточные крестьяне получали в первую очередь аванс в кредитной кооперации [97]. У Бухарина не было никаких иллюзий относительно роли кулака в советской деревне:

«На стороне кулака имеется преимущество: культурно-политическая выучка. Можно было бы привести много примеров, когда из-за этой выучки кулак забивает местные организации батраков и бедноты. Это объясняется слабым культурно-политическим уровнем наших людей в деревне и сравнительно большей культурно-политической грамотностью представителей кулацких слоев» [98].

Расслоение крестьянства в смысле четкого деления его на группы по определенным, общепризнанным критериям было чем-то мифическим и вызывало многочисленные бесплодные споры. Но расслоение в смысле неуловимой, но не поддающейся определению градации крестьянства по целому ряду признаков, на привилегированные, менее привилегированные и лишенные всяких привилегий слои, являлось реальностью, вытекающей из самой концепции НЭПа — правом каждого крестьянина осуществлять реализацию излишков сельскохозяйственной продукции к собственной выгоде. Вряд ли можно было оспаривать тот факт, что за последние два года в результате проводимой партией политики положение зажиточного крестьянства стало более прочным, а его материальное благосостояние повысилось. Но вопрос заключался в

том, было ли это явление позитивным фактором для Советской власти или оно несло с собой угрозу авторитету режима и судьбе будущих хлебозаготовок.

Другим важным вопросом, стоявшим в то время перед партией, был вопрос о степени использования излишков сельскохозяйственной продукции для ускорения индустриализации. Хотя до 1914 г. индустриализация финансировалась в основном за счет иностранных капиталовложений, тем не менее косвенно она способствовала значительному ухудшению положения крестьянства. Цены на сельскохозяйственную продукцию, которую крестьянин продавал на рынке, зависели от конъюнктуры на мировом рынке, а цены на промышленные товары, которые он покупал, были непомерно взвинчены из-за высоких протекционистских тарифов. Для советской экономики, которая не могла рассчитывать на приток иностранных капиталовложений, попытка создания современной тяжелой промышленности потребовала бы принятия программы долгосрочных капитальных вложений без какого-либо увеличения производства товаров широкого потребления. Это потребовало бы от крестьянства, составляющего большинство населения страны, увеличения поставок сельскохозяйственной продукции для быстро растущих городов и промышленности. Однако если бы повышение налогов, рост цен на товары широкого потребления или их острый дефицит оказали на крестьянина непомерное давление, то вместо увеличения поставок сельскохозяйственной продукции он мог начать сокращать их, придерживая излишки, уменьшая посевы культур для рынка и переходя на самообеспечение. От решения этого сложного вопроса зависели отношения между крестьянством и режимом. Появление весной 1926 г. книги Преображенского «Новая экономика», в которую также вошел сделанный им в августе 1924 г. в Комакадемии доклад «Об основном законе социалистического накопления»[99], еще больше укрепило за ним репутацию ведущего ученого-экономиста страны, придерживающегося независимых взглядов. В этой работе он показал сложный характер процессов, лежащих в основе индустриализации. Созвучную ему точку зрения выразил журнал «Большевик» в своей передовой статье еще в мае 1926 г.:

«Само собой разумеется, что индустриализация будет производиться за счет деревни, в первую очередь за счет ее буржуазных слоев, а также, в известной мере, и за счет основной середняцкой массы крестьянства»[100].

Но это признание, даже смягченное заверениями об «известной мере», вряд ли выражало общепринятую точку зрения в партии в тот период. Вплоть до осени 1927 г. партийное руководство все еще продолжало надеяться, что индустриализацию удастся финансировать в основном за счет повышения эффективности экономики и сокращения затрат, что позволит накопить нужные средства и избежать необходимости оказания сильного давления

на крестьянство. В апреле 1926 г. Сталин писал о том, что крестьянство является союзником рабочего класса и его нельзя подвергать «усиленному режиму» при помощи политики налогообложения и ценообразования[101]. Требовавший повышения цен на промышленные товары с целью принудительного извлечения у крестьян излишков производимой ими продукции Оссовский был исключен из партии 11 августа 1926 г.[102] Во многих проходивших в то время дискуссиях Преображенский часто становился на его сторону[103]. В Обращении партии и правительства «Об успехах и недостатках кампании за режим экономии» от 16 августа 1926 г., подписанном Сталиным, Рыковым и Куйбышевым, против оппозиции было вновь выдвинуто обвинение в том, что она хочет «обобрать крестьянство»[104]. На состоявшейся в октябре 1926 г. XV партийной конференции Каменев и Зиновьев были подвергнуты резкой критике за их поддержку «теоретика оппозиции» Преображенского, призывающего к эксплуатации крестьянства, а Бухарин назвал предложение Троцкого «обобрать крестьянство» не чем иным, как «жестом отчаяния», то есть попыткой найти выход из воображаемого кризиса путем оказания «сверхчеловеческого нажима» на крестьянство. Сторонник Бухарина Стецкий заявил, что признание невозможности построения «социализма в одной стране» неизбежно приводит к «политике нажима на крестьянство»[105].

Спор разжигался в целях полемики, и в аргументах, выдвигаемых обеими сторонами, появился элемент демагогии. Несмотря на то что Преображенский считал излишки сельскохозяйственной продукции единственным источником индустриализации, он никогда не призывал к применению против крестьян, даже против кулака, никаких других средств борьбы, кроме налогов и рыночной экономики[106]. В течение всего 1927 г. между большинством и оппозицией все еще продолжался спор по поводу НЭПа, основная идея которого состояла в том, что пролетарское государство должно сосредоточивать в своих руках «командные высоты экономики» и являться единственным источником и владельцем всех направляемых в промышленность средств, а связь промышленности с сельским хозяйством должна регулироваться через рынок и механизм цен и, таким образом, хозяйственная политика должна приспосабливаться к законам рынка. О том, насколько недооценивалась пока еще вся важность и актуальность этой проблемы, можно судить по «Перспективам развития сельского хозяйства на 1925/26—1929/30 гг.», разработанным ОСВОК (Особым совещанием по восстановлению основного капитала) в 1926 г. и опубликованным в 1927 г., в которых прогнозируемый прирост товарооборота сельскохозяйственной продукции должен был составить 12%, а экспорт зерна — половину довоенного уровня[107]. Не было запланировано никаких кардинальных преобразований и в социально-экономической структуре сельского хозяйства, за исключением таких мероприятий, как землеустройство, да и то лишь на $^1/_4$

части территории РСФСР и $^1/_3$ — Украины[108]. И только хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. заставил наконец партийное руководство и правительство отказаться от основных положений и аргументов, которыми они руководствовались в своих спорах с оппозицией, и перейти к политике, которая на первый взгляд выглядела как попытка переиграть оппозицию в ее же собственной игре, а на самом деле означала совершенно иной подход к тому, что является экономически выгодным и целесообразным.

ГЛАВА 2

УРОЖАЙ 1927 г.

Первые сведения о результатах урожая 1927 г. не давали повода для любой тревоги даже в партии, глубоко обеспокоенной усиливающейся враждебностью капиталистического мира и острой внутрипартийной борьбой с оппозицией. В начале июля 1927 г. крестьянская газета «Беднота» поздравила своих читателей с тем, что их ждет «совсем иная, нежели в прошлом году, картина — аппарат хлебозаготовителей сильно сокращен и упорядочены цены»[1]. Состоявшийся в том же месяце Пленум ЦК ВКП(б) оценил развитие экономики в истекшем году как «подъем всего хозяйства в целом (вместо предсказанного кризиса)». На Пленуме отмечалось, что в начавшемся сельскохозяйственном году, вероятно, будет получен «средний (хотя и несколько пониженный по сравнению с прошлым годом) урожай». Однако предполагалось, что это позволит создать хлебофуражный государственный фонд в размере не менее 50 млн. пудов (около 820 тыс. т), — очевидно, расчеты строились, исходя из предположения о том, что хлебозаготовительная кампания будет проходить нормально. Пленум осудил «демагогические предположения оппозиции о насильственном изъятии натуральных хлебных излишков», считая, что они «направлены, по сути дела, на отмену новой экономической политики»[2]. Казалось, ситуация находится полностью под контролем. По-прежнему основным направлением официальной политики партии и правительства оставался курс на умиротворение крестьянства. В контрольных цифрах Госплана на 1927/28 г. предусматривалось незначительное по сравнению с предыдущим годом снижение производства зерновых культур — до 98,1% от уровня 1926/27 г. в довоенных ценах и до 99,4% в текущих ценах, но при этом намечалось увеличение производства товарного зерна на 6%[3].

В течение целого квартала (с июля по сентябрь) 1927 г. не произошло ничего тревожного, что могло бы обмануть эти ожидания. Темпы хлебозаготовок несколько опережали уровень 1926 г.[4]

Однако состояние безмятежности, царившее в официальных кругах, было резко нарушено очередными нападками оппозиции,

получившими новый толчок в результате ухудшения международного положения весной 1927 г.[5] и продолжавшимися в течение всего лета с нарастающей силой. Основной мишенью этой кампании была якобы кулацкая линия партии. Часть оппозиции, возглавляемая Зиновьевым (которую, учитывая прошлое Зиновьева, можно было вполне заподозрить в крестьянской ориентации), выразила свои взгляды в статье, написанной самим Зиновьевым и опубликованной в «Большевике». В ней подверглась резкой критике как явно кулацкая линия Устрялова и Кондратьева, так и линия «неонародников» — групы профессоров Наркомзема (Челинцева, Чаянова и Макарова), считавших индивидуальное крестьянство ключом к успеху[6].

Летом 1927 г. лидеры оппозиции подготовили свою «платформу», основные идеи которой были сформулированы Троцким. В ней оспаривалась линия партии как по экономическим, так и политическим вопросам. В начале сентября 1927 г. члены оппозиции вышли в Политбюро с требованием распространить ее накануне съезда партии и, получив отказ, отпечатали и распространили ее нелегально[7]. В разделе по сельскому хозяйству основной упор делался на последствиях расслоения крестьянства: «Кулацкая каста, вырастающая из этой массы крестьянских хозяйств, повторяет процесс примитивного накопления капитала, подрывая тем самым позиции социализма». Но предлагаемые ими практические меры были не новы — они заключались в защите беднейшего крестьянства от кулачества, оказании ему помощи в борьбе с ним и в организации этой борьбы, а также в «ускорении развития совхозов и колхозов» и резком улучшении системы прогрессивно-подоходного налогообложения», что позволило бы освободить 40—50% беднейших крестьянских хозяйств от уплаты налога[8]. Для оппозиции настал самый благоприятный за последние два года момент. Проблема нехватки продовольствия, едва ощутимая летом 1927 г., к осени превратилась в хроническую[9], и от нее уже нельзя было отмахнуться. Официальная политика партии стала буксовать. Оппозиция нанесла удар по самому больному месту. Курс на индустриализацию и плановую экономику, намеченный еще XIV съездом партии в декабре 1925 г., сопровождался ростом недовольства в партийных кругах политикой покровительства зажиточному крестьянству[10]. Хотя партийные руководители, особенно Бухарин, продолжали доказывать, что оппозиция сильно преувеличивает кулацкую опасность, тем не менее стало ясно, что в вопросе наступления на кулачество партия не может продолжать плестись в хвосте у оппозиции. В резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК, принятой 9 августа 1927 г., отмечалось, что «максимальное ограничение эксплуататорских тенденций кулака является основной предпосылкой всемерного роста социалистических элементов во всем народном хозяйстве»[11].

Объявить о начале новой кампании — форсированного наступления на кулачество — было поручено Бухарину[12], что и было сде-

лано на Московском губернском съезде профсоюзов 12 октября 1927 г.

В заключение своего длинного доклада он сказал, что после XIV съезда партии были достигнуты определенные успехи во всех областях, укрепился союз с середняком и «...мы можем сделать теперь поворот в сторону нажима на кулачество и буржуазные элементы вообще», и затем призвал «перейти к более форсированному наступлению на капиталистические элементы, и прежде всего на кулака»[13]. В специальном Манифесте по случаю X годовщины Октябрьской революции, который огласил Рыков в день открытия 2-й, юбилейной сессии ЦИК 15 октября 1927 г.[14] и который был принят единогласно без прений и поправок, было объявлено об увеличении процента крестьянских хозяйств, подлежащих освобождению от единого сельскохозяйственного налога с 25% до 35%[15]. В принятом сессией постановлении отмечалось, что необходимо «обеспечить дальнейший подъем и кооперирование бедняцких и середняцких хозяйств и систематическое ограничение эксплуататорских тенденций и роста кулацких элементов»[16].

К этому времени стали проявляться первые признаки надвигающейся катастрофы в области хлебозаготовок. Вслед за незначительным снижением их темпа в сентябре последовал резкий спад в течение трех последующих месяцев[17]. Но сохранявшийся более года оптимистический настрой не мог исчезнуть за одну ночь. Партийное руководство было слишком озабочено борьбой с оппозицией, чтобы обращать внимание на более земные дела, да и признание в этот момент неблагоприятных факторов, свидетельствующих о банкротстве официальной политики, было политически и психологически невыгодно. Микоян, по-видимому более чутко реагирующий на все происходящее, в начале октября 1927 г. выражал озабоченность, заверяя, что к середине месяца снабжение хлебными продуктами улучшится, а некоторое время спустя председатель Наркомторга уверял, что дальнейшее ухудшение маловероятно[18]. Один из «красных профессоров» Бухарина, Гольденберг, утверждал, что все эти трудности носят временный, переходный характер и что снабжение продовольствием уже налаживается[19]. В обстановке мнимого благополучия началась подготовка к XV съезду ВКП(б), созыв которого был намечен на начало декабря 1927 г. и который должен был стать полем решающей битвы против оппозиции. Тезисы доклада Молотова о работе в деревне, а также Молотова и Кржижановского о пятилетнем плане были, как обычно, представлены на обсуждение Пленума ЦК, открывшегося 21 октября 1927 г. В тезисах Молотова подчеркивалось значение нового лозунга, выдвигалось требование «дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака», а также делался вывод о том, что «обнаружился решающий перелом в сторону изоляции кулака»[20]. В тезисах доклада о пятилетнем плане говорилось о «возможности перейти к дальнейшему, более

систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника» и о «наступлении на кулака»[21]. Судя по этим тезисам, ничто не предвещало близкого кризиса или радикальных изменений в хозяйственной политике партии. По вопросу о работе в деревне оппозиция представила свои контртезисы. В них она заявляла о том, что проводимая партией политика есть «ревизия ленинизма в крестьянском вопросе», с помощью цифровых данных пыталась доказать все возрастающую кулацкую опасность, выдвигала утверждение о том, что распространение найма рабочей силы «подрывает основы национализации земли», а также резко осуждала ущемление интересов бедняков в кооперации и недооценку колхозов и совхозов. Оппозиция предлагала извлечь у 10% крестьянских хозяйств в форме обязательного займа не менее 150 млн. пудов хлеба[22]. Официальные тезисы были розданы членам ЦК лишь за несколько часов до начала работы Пленума, так что оппозиция не имела возможности представить свои контртезисы[23]. Пленум открылся 21 октября 1927 г. в атмосфере напряженности и вражды. Отношения с оппозицией были накалены до предела. На повестке дня, помимо утверждения официальных тезисов докладов к съезду, стоял также вопрос об исключении Зиновьева и Троцкого из членов ЦК[24]. Выступивший по докладу Рыкова Смилга говорил о том, что снижение хлебозаготовок является «следствием расслоения деревни и денежной инфляции», о том, что выстраиваются «громадные хвосты на муку и на основные предметы рабочего потребления в столице и крупных промышленных пролетарских районах». Но заключительную часть его выступления, как и выступление говорившего после него Евдокимова, почти не было слышно из-за выкриков с места[25]. Речь Троцкого в ответ на предложение исключить его и Зиновьева из членов Центрального Комитета потонула в шуме; доносились лишь отдельные обрывки фраз. В варианте, напечатанном позднее в том виде, в каком он хотел ее произнести, Троцкий с презрением высмеивал «сегодняшние выкрики о форсированном наступлении на кулака», которому вчера еще кричали «обогащайся», говорил, что не верит в то, что общее направление официальной политики может измениться[26]. 23 октября 1927 г. были утверждены тезисы основных докладов к съезду и исключены из членов Центрального Комитета Зиновьев и Троцкий.

Через три дня Бухарин выступил на собрании актива Ленинградской партийной организации с докладом «Об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)». Как и все его выступления в течение последних двух с половиной лет, доклад был пронизан духом безмятежного оптимизма. Бухарин иронизировал по поводу предсказаний оппозиции об экономических трудностях: «Именно потому, что все идет не так, как предрекала оппозиция, именно поэтому она и обнаруживает такое истерическое бешенство по поводу неоправдавшихся своих надежд». Он утверждал, что «никакого тупика в политике не получилось», что достигнуто

«политическое успокоение в деревне», имеющее под собой определенный хозяйственный и политический базис». Бухарин вновь назвал кулака «нашим основным противником» и пытался разъяснить, что имелось в виду под «форсированным наступлением» на кулака. Это означало: улучшение системы прогрессивно подоходного налогообложения; борьбу с куплей, продажей, дарением и завещанием земель, сокращение сроков аренды, прекращение выделов на отруба «кулацкого типа» и строгое соблюдение кодекса Законов о труде. Бухарин также предлагал лишить кулаков права голоса в земельных обществах. Но при этом он отметил: «Мы не могли перейти к форсированному наступлению на капиталистические элементы деревни, не имея вместе с собою крестьянина-середняка»[27]. Его доклад, по-видимому, также не сулил никаких кардинальных изменений в политике партии. Вскоре после этого оппозиция закончила составление своих запоздалых контртезистов по пятилетнему плану. Снижение темпа хлебозаготовок, которое становилось все более очевидным, а также шум и крики во время выступлений членов оппозиции на Пленуме обострили ситуацию еще больше. Все это придало новому документу оппозиции более резкий и полемичный тон. Хваленый лозунг «Наступления на кулака» был осужден как плагиат: «ЦК списывает из платформы оппозиции лозунг нажима на кулака и нэпмана». Основная мысль контртезисов была выражена в разделе «Казенный оптимизм — помощь врагу»: «Капитализм в деревне растет и абсолютно, и относительно, и с каждым днем увеличивается зависимость Советского государства и его промышленности от сырьевых и экспортных ресурсов зажиточно-кулацкой части деревни ...с конца сентября положение на хлебном рынке начинает заметно ухудшаться. Заготовки падают, и к настоящему времени стоят приблизительно на 10% ниже, чем в прошлом году»[28].

После демонстрации, организованной оппозицией по случаю X годовщины Октябрьской революции, 14 ноября 1927 г. Троцкий и Зиновьев были исключены из партии[29].

Накануне очередного, XV съезда партии, как и перед XIV съездом в 1925 г., состоялась Московская губернская партийная конференция, явившаяся генеральной репетицией перед главным событием. Она проходила с 20 по 28 ноября 1927 г. и широко освещалась в «Правде». Основной доклад на конференции был сделан Бухариным; он подверг оппозицию беспощадной критике. Принятая по докладу резолюция «целиком и полностью» одобрила тезисы доклада Молотова «О работе в деревне»[30]. За два дня до начала работы съезда на конференции с отдельным докладом по сельскому хозяйству выступил секретарь Московской губернской партийной организации Бауман. Процитировав и поддержав призыв Молотова «к более усиленному наступлению на кулака», он ненадолго остановился на развитии сельского хозяйства Московской губернии, отметив, что основным направлением является «молочно-травопольно-огородное», подчеркнув при этом, что глав-

ная задача состоит в том, чтобы, создавая из Москвы своего рода русский советский Манчестер, «одновременно превращать московскую деревню в социалистическую Данию». Во всем остальном Бауман четко следовал официальной линии партии. Он обрисовал «деревню, которая приобрела в общественную собственность сложные машины, переходит на общественную запашку земли, совместный обмолот хлеба всей деревней, постройку общественных строений», и сказал, что для того, чтобы добиться поставленной задачи, потребуется 5—6 лет упорной работы. Хотя указание точного и сравнительно короткого периода времени было весьма симптоматично, однако лозунги, которыми он закончил свое выступление: «Даешь социалистическую реорганизацию сельского хозяйства! Даешь строительство социалистической деревни!» — свидетельствовали о том, что никаких кардинальных изменений в официальной политике не предвиделось. В представленных им тезисах доклада, одобренных конференцией в принципе, он подчеркнул необходимость более широкого, «вплоть до поголовного, кооперирования крестьянских хозяйств» и «обобществления отдельных производственных процессов целых деревень»[31].

X съезд Коммунистической партии Украины, проходивший в Харькове одновременно с губернской партийной конференцией в Москве, провозгласил, что «успешное развитие сельского хозяйства может быть достигнуто только путем дальнейшего развития кооперирования и коллективизации сельского хозяйства», и потребовал принятия мер «систематического ограничения эксплуататорских... стремлений кулака»[32].

2 декабря 1927 г., наконец, открылся XV съезд партии. Он проходил в обстановке нарастающей тревоги в связи с ходом заготовительной кампании. Если заготовки в октябре составляли две трети от объема заготовок предыдущего года, то в ноябре — уже менее половины[33]. Однако первые сообщения о снижении темпов хлебозаготовок, казалось, не вызвали особой реакции. Ни у кого не было желания публично признаваться в своих просчетах, масштабы которых пока еще было трудно оценить, что было бы только на руку противникам партии. Основная задача съезда состояла в том, чтобы завершить разгром оппозиции и укрепить единство партийных рядов. Политический доклад Центрального Комитета съезду был сделан Сталиным. В нем отмечались неудовлетворительные темпы развития сельского хозяйства и подчеркивалось, что единственный выход из создавшегося положения заключается «в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники». Он не останавливался специально на вопросе хлебозаготовок, но отметил наличие «элементов товарного голода», считая, что это неизбежный «минус» процесса индустриализации, и высказал предположение о том, что эти «элементы» сохранятся на «ближайший ряд лет»[34]. Выступивший после Сталина Каганович отметил, что «текущие трудности неизбежны в таком гигантском строительстве, как наше»[35]. Рыков в своем

докладе о пятилетнем плане развития объяснял хлебозаготовительные трудности «нехваткой промышленных товаров» и выражал надежду на то, что она будет сокращаться. Из всех ораторов, выступивших в прениях, один Микоян открыто и прямо сказал о снижении темпа хлебозаготовок. Имея в виду распространившиеся летом 1927 г. ложные слухи о готовящейся войне, он сказал: «Мы пережили экономические затруднения кануна войны без того, чтобы иметь войну». Микоян считал, что необходимо увеличить поставки промышленных товаров в деревню «даже за счет временного (на несколько месяцев) оголения городских рынков». Он также призвал выработать целую систему мероприятий для форсированного развития посевов зерновых хлебов, напомнив о посевных комитетах 1920 г., что было бы необычным возвратом к периоду политики военного коммунизма[36]. Рыков в своих ответах на вопросы был более прямолинеен, чем в докладе: «Пробелом в прениях является то, что в них не было уделено достаточно внимания вопросам конъюнктуры этого года. Основное затруднение в хозяйственном положении в настоящий момент касается не всего товарооборота между городом и деревней, а лишь части его — именно хлебозаготовок. Но это частное затруднение может вырасти в общий хозяйственный кризис».

Однако он не внес никаких конкретных предложений по этому вопросу, за исключением одного — предусмотреть в Пятилетнем плане «дополнительные меры по развитию зерновых культур»[37]. В своем докладе о работе в деревне Молотов также обошел молчанием проблему, которая только-только начала маячить на горизонте два месяца назад, когда он писал свои тезисы. И хотя вопросу хлебозаготовок на съезде уделялось явно недостаточное внимание и он рассматривался поверхностно, тем не менее съезд продемонстрировал определенные изменения в подходе к сельскому хозяйству в целом, высветив новые аспекты политики, сформировавшейся в течение предыдущего года.

Изменения заключались прежде всего в том, что сельское хозяйство теперь рассматривалось непосредственно в рамках индустриализации, и в том, что была предпринята попытка подчинить его планированию. Большие промышленные достижения 1927 г. еще больше обнажили всю отсталость сельского хозяйства и показали, что оно является тормозом дальнейшего развития страны. Признание съездом планирования как центрального фактора развития советской экономики поставило на повестку дня вопрос об увязке планирования с сельским хозяйством. С тех пор как Рыков высмеял идею планирования урожая сельскохозяйственной продукции, который зависел от того, «будет дождь или нет»[38], неподатливость сельского хозяйства планированию стала избитой темой. Каминский в своем выступлении на съезде отметил, что трудно предсказать заранее, как поведет себя двадцатипятимиллионная армия крестьянских хозяйств. «Отсталое и нищее наше крестьянское хозяйство, — сказал он, — с большой легкостью пере-

ходит к натуральным формам хозяйства»[39]. В резолюции съезда по Пятилетнему плану говорилось о том, что главным препятствием на пути планирования являются «основные диспропорции нашего хозяйства», особенно «диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством»[40]. И хотя имевшихся средств было явно недостаточно для того, чтобы решить поставленную задачу, сам вывод о том, что планирование играет жизненно важную роль в развитии сельского хозяйства, имел огромное значение и свидетельствовал, что эта важная проблема больше никогда не будет упускаться из виду. Крестьянин являлся наименее поддающимся планированию элементом экономики, однако его поставки сельскохозяйственной продукции были жизненно необходимы для индустриализации, и поэтому успех планирования всей экономики зависел от того, удастся ли подчинить стихийное крестьянское хозяйство централизованному плановому руководству.

Вторым важным изменением в подходе к сельскому хозяйству был призыв к «более решительному наступлению на кулака», прозвучавший в тезисах доклада Молотова «О работе в деревне». Это наступление означало отход от политики умиротворения крестьянства, которую партия проводила с момента введения НЭПа, или, точнее, с момента начала кампании «лицом к деревне» в 1924 г., и от политики терпимого отношения к зажиточному крестьянству, провозглашенной годом позже. Однако в выступлениях на самом съезде его роль обрисовывалась нечетко. Признавая значение этого нового лозунга, в то же время необходимо было подчеркнуть его отличие от прошлых нападок оппозиции на якобы кулацкую линию партии, и эта необходимость вносила определенный элемент умеренности в официальные высказывания по этому вопросу.

В своем докладе на съезде Сталин старался избегать прямых нападок на кулака и критиковал тех, кто думал, что «можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ». «Это средство — легкое, но далеко не *действенное*». Он сказал, что хотя и не исключает административные меры, но считает, что основным средством борьбы против кулака должны быть экономические меры, однако дальше развивать эту мысль не стал[41]. Молотов обрушился на кулака с более резкими нападками. Он заявил о том, что подъем сельскохозяйственного производства в настоящих условиях «означает рост производительных сил товарного хозяйства, а это в свою очередь неизбежно ведет и порождает рост капиталистических элементов в деревне». И хотя политика партии направлена на подъем сельскохозяйственного производства, она «неразрывно связана с рядом постоянных, систематических и все усиливающихся мер ограничения роста капиталистических элементов», которые должны быть обеспечены «разными способами и путями». Он также признал от имени партии, что «было допущено... колоссальное количество... глупостей и

безобразий», и сказал, что нашим основным методом коллективизации деревни должно являться «убеждение плюс поощрение»[42]. В докладе о директивах по Пятилетнему плану развития Рыков был вынужден признать необходимость «перекачки средств из крестьянского хозяйства в промышленность», отметив при этом, что «придется некоторое время кое в чем пожаться»[43]. Бухарин по экономическим вопросам на съезде не выступал. Но Калинин (известный защитник крестьянства с давних пор) объяснил, что, когда Бухарин говорил «о форсированном наступлении» на кулака, он имел в виду совсем не то, что требовала оппозиция — «принудительный заем» и «принудительное изъятие хлеба», — так как это означало бы возврат к политике военного коммунизма. Калинин сказал, что, когда Бухарин говорил о форсированном наступлении на кулака, он имел в виду «уничтожение той почвы, из которой вырастает кулак»[44]. Однако, невзирая на эти уточнения, факт остается фактом, что к моменту окончательного поражения оппозиции политика растущего «наступления на кулака» получила одобрение высшего партийного органа.

В конце концов, все основные вопросы сельскохозяйственной политики, обсуждавшиеся на XV съезде партии, — увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции, внедрение планирования и наступление на кулака — были сведены к одному — к необходимости проведения коллективизации в деревне. Это был основной вопрос, неизбежно вставший на повестку дня всякий раз, когда сельское хозяйство переживало очередной кризис или когда начиналась очередная дискуссия по сельскому хозяйству. Он обсуждался очень широко, приводились убедительные с точки зрения партии доводы. Но, хотя ее политика по данному вопросу была правильной и обоснованной, не она, а суровые факты, лежащие в основе этой политики и происходящего кризиса, стали движущей силой кампании по коллективизации. Все, чего можно было достичь путем стихийного возрождения сельского хозяйства после революции и гражданской войны, было достигнуто уже к 1925 г., дальнейшее развитие сельского хозяйства требовало решительного поворота вспять тенденции к развитию мелкого крестьянского хозяйства, наметившейся после революции.

Здесь снова вставал вопрос о кулаке. Даже если представить выбор между ставкой на зажиточного крестьянина и на коллективизацию как выбор между капиталистическим и социалистическим путями решения проблемы, то преимущества первого по сравнению со вторым казались неоспоримыми. Из имеющихся колхозов лишь немногие были эффективными и рентабельными. Нарком земледелия Украинской ССР Шлихтер позднее вспоминал: «Раньше выступления против коллективизации сводились к тому, что коллективизация не разрешает с нужной быстротой хлебной проблемы. Вопрос ставился таким образом: лучше получить синицу кулацкого хлеба в руки, чем гоняться за журавлем коллективизации в небе»[45].

Такова была политика партии в 1925 г., основным выразителем которой был Бухарин. Но к 1927 г. эта политика также стала буксовать. Она подверглась резкой критике оппозиции (точку зрения которой втайне разделяли многие из тех, кто на словах продолжал поддерживать официальную линию партии) за то, что все богатство и власть оказались в руках элементов, по существу враждебных Советской власти, и за то, что эта политика вела к дальнейшему разрыву между двумя секторами экономики: капиталистическим сельским хозяйством и социалистической промышленностью. Теперь положение усугублялось еще и катастрофически низким объемом хлебозаготовок, так как крестьяне, у которых был хлеб, отказывались сдавать его. Один весьма наблюдательный иностранный корреспондент писал по поводу этих событий: «Нэпмановская Россия находится на смертном одре, советская система сошла с рельсов, и для того, чтобы вернуть ее на прежний путь, понадобятся поистине героические усилия» [46]. На XV съезде партии Молотов признал, что при существующем положении вещей «на стороне зажиточно-кулацкой части деревни лежат сейчас преимущества», что они производят в 1,5—2,5 раза больше сельскохозяйственной продукции, чем мелкие крестьянские хозяйства, тогда как масса середняков и бедняков находится почти в безвыходном положении. Молотов сказал, что в редакцию крестьянской газеты «Беднота» поступают пока еще немногочисленные письма крестьян, основная мысль которых сводится к следующему: «Возьмите нашу землю, организуйте крупные имения, переведите нас на положение рабочих. Довольно нам биться со своими никудышными хозяйствами» [47].

Комментируя доклад Молотова, редакционная статья «Бедноты» провозгласила «путь от раздробленных и мелких хозяйств к крупному социалистическому хозяйству как единственный путь развития для середняцких и бедняцких хозяйств» [48].

Резолюция XV съезда обратила внимание на необходимость обеспечения быстрых темпов развития тех отраслей тяжелой промышленности, которые «содействовали бы преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства». Она отметила, что происходящий в сельском хозяйстве кризис характеризуется «борьбой социалистических и капиталистических тенденций», и подчеркнула правильность кооперативного плана Ленина, по которому «именно через кооперацию социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство... в крупное обобществленное хозяйство на основе новой техники (электрификации и т. д.)» [49]. И если в постановке вопросов не было ничего нового, то сам факт, что решение по ним было принято высшим органом партии, съездом, придало им вид новой программы, а съезд вошел в историю как важная веха в развитии аграрной политики партии.

Наступление на кулачество, о котором говорилось в выступлениях и документах XV сеъзда ВКП(б), началось гораздо раньше,

чем можно было предвидеть, судя по сложившейся ситуации. Хотя любая связь между решениями XV съезда партии и «чрезвычайными мерами», применяемыми против кулачества в самом начале 1928 г., официально отрицалась [50], а некоторые из них были впоследствии осуждены как перегибы, тон этой кампании был задан на съезде, и многие из тех, кто осуществлял эти чрезвычайные меры, конечно же, верили в то, что следуют намеченному партией курсу «наступления на кулачество». Положение с хлебозаготовками в декабре, когда проходил XV съезд партии, обострилось до чрезвычайности, и даже те, кто пребывал в состоянии наибольшей самоуспокоенности, не могли больше игнорировать его. Как в ноябре, так и декабре, когда обычно заготавливалось самое большое количество хлеба, в 1927 г. было заготовлено в два раза меньше хлеба, чем за эти же месяцы предыдущего года [51]. Отмечалось, что самый низкий уровень хлебозаготовок наблюдался в восточных районах страны, «несмотря на то, что урожай там был довольно высокий» [52]. Таким образом, трудности, с которыми столкнулась Советская власть, объяснялись уже не кризисом в производстве зерна, а нежеланием крестьянства сдавать хлеб государству. Причины этого явления были далеко не ясны, хотя отчасти они объяснялись повышением благосостояния крестьянства. За последние два года доходы крестьян резко возросли частично благодаря хорошим урожаям и высоким ценам на сельскохозяйственную продукцию, а частично благодаря дополнительным заработкам на отхожих промыслах, особенно в строительстве, чему способствовало бурное развитие индустриализации [53]. Помимо больших запасов хлеба, скопившихся у крестьян в результате высоких урожаев в течение двух предыдущих лет [54], резко возросли также их денежные сбережения: с 292 млн. руб. весной 1927 г. до 450 млн. руб. к 1 декабря 1927 г. — и составили в среднем 17,6 руб. на одно крестьянское хозяйство [55].

С повышением уровня благосостояния крестьянства у него появилось новое чувство уверенности. Обычный жизненный уровень русских крестьян не превышал прожиточного минимума. В течение последних десяти лет многие из них перенесли голод или угрозу голода. Правительство и город были для них чем-то весьма далеким, представляющим потенциальную угрозу. Они видели, что деньги обесцениваются. Хлеб был единственным товаром, стоимость которого не только не уменьшалась, но, напротив, возрастала. Для того чтобы преодолеть природное стремление крестьян удерживать хлеб, требовались либо принуждение, либо мощные экономические стимулы. После урожая 1927 г. налог уже не давал такого эффекта, как в предыдущем году, поскольку крестьяне могли позволить себе выплачивать его деньгами и задерживать зерно до будущего года на случай неурожая или в надежде на возможное повышение цен весной [56]. Высокие урожаи зерновых в течение трех лет подряд с 1925 по 1927 г. вызывали опасение, что следующий год мог оказаться неурожайным, поэто-

му они стремились удержать хлеб как можно дольше или использовать его как можно рациональнее[57]. Конечно, дольше всего могли задержать хлеб зажиточные хозяйства в наиболее богатых районах. Самый низкий уровень хлебозаготовок наблюдался в районах наивысшей концентрации крупных зажиточных хозяйств. Менее зажиточные или менее предусмотрительные хозяйства предпочитали использовать излишки хлеба для подпольного самогоноварения[58], а зажиточные — не только задерживали свои излишки, но иногда скупали хлеб и у других крестьян. Резкая активизация торговли хлебом в начале 1928 г. объяснялась тем, что зажиточные крестьяне скупали хлеб, чтобы затем продать его по более высоким ценам[59].

Отчасти нежелание крестьян сдавать хлеб можно было преодолеть при помощи мощных экономических стимулов, но, к несчастью, они отсутствовали. Вслед за незначительным повышением хлебных закупочных цен в июле — августе 1927 г. вновь наступило их понижение в последующие месяцы, когда стал поступать новый урожай[60]. С другой стороны, пытаясь исправить просчеты предыдущего года, правительство повысило цены на технические культуры и продукты животноводства, поэтому крестьянину было выгоднее продать их в первую очередь, чтобы удовлетворить свои первоочередные потребности, задерживая при этом реализацию зерновых до повышения на них цен. Что же касается промышленных товаров, которые могли бы поглотить денежные сбережения крестьян или стимулировать реализацию хлебных излишков, то их явно не хватало. Как писал журнал «Экономическое обозрение», крестьянин, «...привозя хлеб, предварительно обходит торговые предприятия и высматривает, что он может купить, и соответственно этому продает часть или весь привезенный хлеб»[61]. Летом и осенью 1927 г. розничные цены на промышленные товары были значительно снижены[62]. Но снижение цен произошло тогда, когда спрос на промышленные товары как в городе, так и в деревне намного превысил их предложение. Осенью 1927 г. и город и деревня находились в тисках товарного голода.

Эти экономические трудности усугублялись еще и организационными проблемами. Был издан целый ряд циркуляров, направленных на ликвидацию скандальной ситуации, сложившейся в предыдущем году в связи с активной конкуренцией между различными государственными и кооперативными заготовительными органами. Все они, очевидно, сковывали инициативу заготовительных органов[63]. Сталин писал о том, что партийные организации, «упоенные успехами прошлогодней заготовительной кампании и полагая, что и в этом году заготовки пойдут самотеком», не уделили достаточного внимания этому вопросу[64].

Упорная борьба между сельскохозяйственной и потребительской кооперациями не затухала[65]. Выступая на XV съезде партии, Молотов с негодованием говорил о том, что сельскохозяйственная

и потребительская кооперации ведут себя как «непримиримые враги» и «ведомственные супостаты», а в отношениях между государственными и кооперативными органами постоянно происходят «взаимные атаки и нападения»[66]. Создание в апреле 1928 г. всесоюзного заготовительного органа «Союзхлеб» и достигнутое между ним и Центросоюзом соглашение о том, что теперь хлебозаготовками будет заниматься потребительская кооперация[67], по-видимому, были направлены на то, чтобы ограничить деятельность сельскохозяйственной кооперации по заготовке зерна[68]. Ничуть не лучше, чем закупка у крестьян сельскохозяйственной продукции, была организована и продажа им промышленных товаров. Гораздо легче было реализовывать промышленные товары на емком городском рынке, чем направлять их в деревню. Ограничения частной торговли, введенные летом 1927 г., еще больше усугубили трудности простого покупателя, поскольку они привели к вытеснению с рынка частного торговца, поставляющего большую часть сельскохозяйственной продукции для розничной продажи, а кооперативные и государственные организации оказались еще не готовыми занять его место[69]. Очевидно, все эти трудности привели крестьянина к мысли о том, что, продает ли он свой хлеб официальным заготовительным органам или на частном рынке, даже по более высоким ценам, все равно он не сможет купить на вырученные деньги никаких промышленных товаров. Партия же, проводившая ярко выраженную политику ориентации на развитие города и промышленности, не могла понять мотивы поведения крестьянства, вникнуть в его интересы или оценить всю сложность стоящих перед ним проблем, и поэтому ее отношение к нему сводилось к ничем не оправданному нетерпению, сочетавшемуся, по-видимому, с не менее неоправданным оптимизмом. На XV съезде партии Бауман очень красноречиво обрисовал царившее в партийных кругах общее состояние замешательства по отношению к крестьянству:

«У нас в деревне вообще очень много контрастов: мы имеем проявление чувства величайшего интернационализма, интереса к мировой политике и одновременно антисемитизм, звериную ненависть по отношению к Коммунистической партии и одновременно величайшую поддержку Коммунистической партии. Мы имеем прадедовскую косность и одновременно переход на коллективные формы хозяйства. Мы имеем радио — на соломенной крыше захудалой избенки, рост культурности и беспросветный алкоголизм и т. п. Несомненно, контрастов много, мы имеем еще порой остатки средневековья, но вместе с тем растут и крепнут новые, социалистические начинания»[70].

После съезда партийное руководство, не отвлекаемое больше внутрипартийной борьбой и не боясь предпринимать меры, которые могли бы дать оппозиции повод для утверждения, что ее критика была обоснованной, смогло наконец-то вплотную заняться поисками выхода из глубокого экономического кризиса, поразив-

шего всю страну. Надежды на экспорт зерновых культур не оправдались. В ряде случаев возникали критические ситуации, когда, как и в 1919—1920 гг., приходилось реквизировать у крестьян весь собранный ими урожай для того, чтобы накормить городское население, рабочих промышленных предприятий и Красную Армию.

Хлебозаготовительный кризис потребовал принятия самых суровых мер. 14 декабря 1927 г., когда съезд еще продолжал свою работу, Центральный Комитет партии направил местным партийным органам директиву, а спустя 10 дней еще одну, в которых подчеркнул всю серьезность сложившейся критической ситуации с хлебозаготовками[71]. Первые признаки озабоченности в печати прозвучали в небольшой заметке на пятой странице «Правды» от 24 декабря 1927 г. В ней говорилось о том, что в целях максимального форсирования работы местных органов «по расширению экспорта, а также по усилению хлебных и сырьевых заготовок» наркомторг СССР Микоян подписал приказ, согласно которому ряд руководящих работников Наркомторга СССР и РСФСР командируются на Украину, в Среднюю Азию и Казахстан, на Урал и в Башкирию, на Северный Кавказ, в Тамбовскую, Воронежскую, Курскую, Саратовскую, Астраханскую губернии, в Крым, в Вологодскую и Архангельскую губернии, а также в Белоруссию. Были приняты меры по улучшению снабжения промышленными товарами наиболее важных областей. За период с 27 декабря 1927 г. по 15 января 1928 г. было отправлено почти вдвое больше обычного хлопчатобумажных тканей из Ленинграда в Сибирь, на Урал, в Поволжье, на Украину и Северный Кавказ[72]. Редакционная статья в «Правде» от 6 января 1926 г. отмечала «замедление» хода хлебозаготовок по сравнению с 1926—1927 гг. и считала, что главной причиной этого отставания является «инертность нашего хозяйственного (торгового, финансового, промышленного) аппарата, а зачастую и даже партийных организаций». В тот же день Политбюро приняло директиву ко всем партийным организациям (она не была опубликована), заканчивающуюся словами угрозы в адрес партийных руководителей, которых ждало наказание в том случае, «если они не добьются в кратчайший срок решительного перелома в хлебозаготовках»[73]. На следующий день последовал приказ ВСНХ «Мобилизация промышленности на помощь заготовкам хлеба и сырья», призывающий к выпуску маскимального количества товаров широкого потребления в предстоящем квартале[74]. «Правда» от 8 января 1928 г. поместила интервью с Микояном, в котором он требовал обратить самое серьезное внимание на вопрос о хлебозаготовках, имеющий решающее значение, и после которого почти в каждом номере «Правды» и «Бедноты» стала печататься информация о ходе хлебозаготовительной кампании.

Для оказания помощи в проведении хлебозаготовок было направлено на места, в ведущие области, свыше 4 тыс. ответствен-

ных губернских и окружных работников и до 26 тыс. уездных, районных и волостных. По одной только Украине на хлебозаготовки было послано до 6 тыс. человек[75].

В 1928 г. ленинградский Губком партии принял постановление об отправке 50 партийных работников в распоряжение Центрального Комитета партии «для ответственной работы по хлебозаготовкам» в районах Сибири и Казахстана[76]. Партийными комитетами на местах были созданы «специальные группы из трех человек (тройка)»[77] с целью контроля за ходом хлебозаготовок. Партийные работники высшего звена выезжали на наиболее ответственные участки. Андреев был назначен первым секретарем Северо-Кавказского крайкома партии, Жданов руководил заготовками в Поволжье, а Шверник — на Урале, Микоян выезжал как в Северо-Кавказский край, так и в другие районы страны. Он присутствовал на заседании бюро Северо-Кавказского крайкома партии 12 января 1928 г., на котором были даны «указания по ускорению темпов хлебозаготовок»[78]. 15 января Сталин отправился из Москвы в поездку по Сибири[79], где был собран рекордно высокий урожай зерна, который затем был весь припрятан зажиточным крестьянством. Насколько известно, это была единственная поездка Сталина в отдаленные районы страны после смерти Ленина. Он выступал в ряде крупных центров, таких, как Новосибирск, Рубцово, Барнаул и Омск, говоря о том, что у кулака сложились большие излишки хлеба, и предлагая провести планомерную кампанию борьбы с ним. Он требовал привлечения кулаков к судебной ответственности по 107 статье, включенной в Уголовный кодекс РСФСР в предыдущем году, а также в Уголовный кодекс УССР[80], по которой все хлебные излишки в кулацких хозяйствах должны были быть конфискованы в пользу государства, с тем чтобы 25% этих излишков были распределены между бедняками по низким ценам или в порядке долгосрочных кредитов, что было явной попыткой завоевать симпатии бедноты и заручиться ее поддержкой в проведении хлебозаготовительной кампании. Это была единственная ближайшая мера, предложенная им. Но он также говорил о преимуществах колхозов и совхозов, доказывая, что советский строй не может продолжать развиваться на двух разнородных основах — на объединенной социализированной промышленности и мелком крестьянском хозяйстве, и заявил о необходимости перехода от «социализации промышленности к социализации всего сельского хозяйства», от «мелких крестьянских хозяйств», к «крупным коллективным хозяйствам»[81]. Тем временем «Правда» в статье по материалам проверки Рабкрина отмечала невыполнение директив партии и правительства в области хлебозаготовок и обращала внимание на то, что местные органы слишком увлекаются администрированием и недоучитывают значение разъяснительной работы[82]. Когда 6 февраля 1928 г. Сталин вернулся в Москву, хлебозаготовительная кампания шла полным ходом, были отмечены первые успехи, но вместе

с тем ощущалось беспокойство по поводу отдельных перегибов. Передовая статья в «Правде» от 5 февраля 1928 г. обвиняла кулака «в сокрытии истинных размеров урожая», осуждала возобновившиеся вспышки «соперничества между основными хлебозаготовительными организациями» [83] и в то же время обращала внимание на то, что в отдельных районах «имеет место возврат к принудительным методам и формам проведения хлебозаготовительной кампании». В другой статье, опубликованной в «Правде» 12 февраля 1928 г., Микоян призывал к соблюдению революционной законности в борьбе против кулака и осуждал тех советских и партийных работников, которые «находили более простым обойтись административными методами». На следующий день Центральный Комитет направил всем партийным организациям еще одну директиву — письмо за подписью Сталина. В нем отмечалось, что кризисная ситуация с хлебозаготовками объяснялась частично стяжательством кулака, подрывающего советскую политику цен, и частично недостатками в работе партийных и советских органов, недооценивающих «борьбу против кулака и кулацкую опасность», а, поскольку у государства не было резервов хлеба, которые оно могло выбросить на рынок, единственной возможной формой борьбы за хлеб в сложившихся условиях оставалось проведение чрезвычайных мероприятий, разработанных в начале января, включая применение 107 статьи ко всем крестьянам, у которых имелись хлебные излишки свыше 200 пудов, а также «проверка и решительное очищение всех организаций, как партийных, советских, так и кооперативных» [84].

Спустя два дня после принятия этой директивы в передовой «Правды» была прямо названа причина кризиса хлебозаготовок — растущее влияние кулака и неспособность партийных организаций принять своевременные меры борьбы с кулацкой опасностью:

«Из ряда причин, определивших затруднения в хлебозаготовках, следует отметить следующие. Выросла и разбогатела деревня. Вырос и разбогател прежде всего кулак. Три года урожая не прошли даром. Увеличение доходов крестьян от незерновых сельскохозяйственных культур, животноводства и отхожих промыслов при относительном отставании предложения промтоваров дало возможность крестьянству вообще, кулаку в особенности, удержать у себя хлебные продукты для того, чтобы поднять на них цены» [85].

В резолюции апрельского 1928 г. Пленума ЦК подчеркивалось, что кулачество смогло «использовать свои позиции на рынке и оказать вместе с частником довольно значительное влияние на всю рыночную конъюнктуру» [86]. Год спустя Сталин объяснял приблизительно в таком же ключе, почему «кулак давал хлеб в порядке самотека до 1927 года», а потом перестал:

«Если раньше кулак был еще сравнительно слаб, не имел возможности серьезно устроить свое хозяйство, не имел достаточно капиталов для укрепления своего хозяйства, ввиду чего он был

вынужден вывозить все или почти все излишки своего хлебного производства на рынок, то теперь, после ряда урожайных годов, когда он успел обстроиться хозяйственно, когда ему удалось накопить необходимые капиталы, — он получил возможность маневрировать на рынке, он получил возможность отложить хлеб, эту валюту валют, в резерв для себя, предпочитая вывозить на рынок мясо, овес, ячмень и прочие второстепенные культуры» [87].

Трудно воспроизвести в деталях обстановку в деревне в первые три месяца 1928 г., особенно неясно, в какой степени применялись прямые действия против крестьян и насколько эффективными оказывались угрозы и примеры перед глазами для достижения желаемых результатов. Склонный к лавированию Рыков призывал к решению задач «комбинированным экономическим и административным методом» [88]. Но фактически государство могло выполнить план хлебозаготовок только административными методами. Было конфисковано или сдано, более или менее добровольно, огромное количество хлеба. Очень широко, но не всегда последовательно применялась пресловутая 107 статья, жертвы которой служили наглядным примером и предупреждением на будущее всем остальным. Упоминаются факты создания заградительных отрядов и незаконных обысков в целях выявления излишков хлеба. В отдельных районах допускались запрещения внутридеревенской купли-продажи хлеба или «вольного» хлебного рынка вообще. Годовщина смерти Ленина (21 января 1928 г.) и День Красной Армии (23 февраля 1928 г.) были отмечены резким повышением хлебозаготовок [89], что, по-видимому, считалось проявлением верноподданнических чувств. Количество подлежащего сдаче хлеба по хозяйствам устанавливалось более или менее произвольно, что напоминало продразверсточные методы времен политики военного коммунизма и порождало слухи о том, что НЭП якобы отменяется. Один очевидец из района Среднего Поволжья называл происходящие события «возвратом к системе продразверстки», при которой определялось «точное количество хлеба, подлежащее сдаче государству по каждому сельскому району, по каждой деревне». Многие крестьяне стали поговаривать о том, что вновь вернулся 19-й год. Но хуже всего было то, что, когда план хлебозаготовок был уже выполнен, власти пришли к заключению, что у крестьян остались большие запасы хлеба, и старались под всякими «возможными и невозможными предлогами» изъять их для обеспечения будущих хлебозаготовок [90]. Помимо оказания прямого нажима на крестьянство, они пытались ослабить его сопротивление хлебозаготовкам также и мерами, рассчитанными на извлечение деревенских накоплений в денежной форме [91].

Расчеты за хлеб иногда производились в форме облигаций крестьянского займа; были нередки случаи принудительного распределения облигаций этого займа [92]. Статистические данные Нарком-

торга свидетельствовали об увеличении покупательного спроса крестьянства с октября по декабрь 1927 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года на 3,2% и о его снижении с января по март 1928 г. по сравнению с соответствующим периодом 1927 г. на 5,4% [93].

Примеров еще более глубокого и жесткого принуждения крестьянства к вступлению в колхозы хватало с избытком. Сообщалось, что была предпринята попытка насильственной коллективизации в Тюмени, где «земельные общества» большинством голосов приняли решение о совместной трудовой деятельности и о создании колхозов, к вступлению в колхозы силой, под угрозой штрафов, арестов или путем задержания в сельсовете до тех пор, пока не будет получено согласие. К 1 апреля 1928 г. из 448 крестьянских хозяйств в колхозах числилось 444, но уже в следующем месяце начался массовый выход крестьян из колхозов, и к 1 мая, несмотря на нажим властей, в колхозах осталось только 204 двора [94]. Известен и другой случай, о котором писалось позднее, как в одной украинской деревне местный комитет бедноты и комсомольская организация проводили раскулачивание крайне жестокими методами. Они организовали целую серию рейдов с обысками, в результате которых были либо конфискованы, либо уничтожены не только все запасы зерна в 21 кулацком хозяйстве, но и их имущество, а девять семей были высланы в Сибирь и Казахстан [95].

В официальных документах сообщалось о том, что экстраординарные мероприятия применялись только против кулака и зажиточного крестьянства, но по мере того, как шло время и кампания сплошной коллективизации набирала силу, все эти заявления становились менее убедительными. Микоян с необычной прямотой писал в «Правде» от 12 февраля 1928 г.: «Главная масса излишков хлеба — у середняков, которые часто не торопятся с продажей этого зерна, если не смогут купить соответствующего количества нужных им промышленных товаров или если их к этому не толкает необходимость погашения задолженности государству или кооперации».

Та же мысль высказывалась и в директивном письме бюро Северо-Кавказского крайкома от 2 февраля 1928 г.: «...надо иметь в виду, что все-таки основная масса хлебных излишков находится у середняка, и поэтому в феврале заготовлять хлеб придется главным образом за счет излишков середняцкой массы деревни, то есть мелкими партиями» [96].

Утверждают, что Молотов якобы сказал: «Мы должны нанести по кулаку такой удар, чтобы середняк перед нами вытянулся», а другой партийный деятель будто бы назвал применение статьи 107 в отношении кулака «отличным уроком для середняка» [97]. Культ середняка прочно укоренился в партийной доктрине еще со времен Ленина [98]. Совсем недавно, еще в ноябре 1927 г., Сталин с негодованием цитировал троцкиста И. Н. Смирнова, который

сказал: «Лучше перетерпеть нам разлад с середняком, чем идти к неизбежной гибели»[99]. Теперь это все осталось позади. В вышеупомянутой статье в «Правде» от 15 февраля 1928 г. говорилось о том, что кулак «имеет возможность вести за собой середняка». Даже Каганович признавал, что «середняк... поддается иногда влиянию кулака и проявляет недовольство», что по середняку ударяет тяжесть налогов, ножницы цен на хлеб и промышленные товары и меры, направленные против кулака[100]. Как отмечал один автор того времени, тактика кулака была направлена «на разрыв союза бедноты с середняком ...сплочение рядов кулачества и середняков и отождествление интересов кулака и середняка»[101]. Даже бедняк не остался в стороне от этого процесса. Микоян объяснял «колебания» в среде бедняков влиянием кулачества и признавал, что в результате применения местными партийными и советскими работниками «административных мер воздействия» эти колебания усиливаются[102]. Бауман писал еще более откровенно о том, что «бедняк... порой недоедая, также частично пошел на поклон к кулаку», что «в деревне за последний период произошли социально-политические сдвиги не в нашу пользу, а в пользу кулака»[103]. «Объявление кулака вне закона, — писал Фрумкин несколько месяцев спустя в своем письме, обличающем политику партии, — привело к беззакониям по отношению ко всему крестьянству»[104]. Острота и упорство сопротивления крестьянства были совершенно очевидны, хотя и предпринимались попытки представить дело так, будто сопротивление оказывает только кулачество. Запасы излишков хлеба в 2 тыс. пудов были распространенным явлением, но иногда они доходили и до 15 тыс. пудов[105]. Рассказывают, что один сибирский кулак, у которого нашли 500 пудов спрятанного хлеба и ружье, сказал со злостью: «Это и есть классовая борьба»[106]. Кулаки в Смоленской губернии прятали хлеб и «открыто провозглашали тосты за уничтожение всех коммунистов». Середняки и бедняки находились под их влиянием[107]. Согласно партийным архивам, в 1928 г. было зарегистрировано 1440 «террористических актов, совершенных кулацкими элементами»[108].

В ходе напряженной борьбы за выполнение плана хлебозаготовок кулак вновь стал основным врагом и пугалом для советского режима. Впервые за три года сравнительно благоразумного отношения к зажиточному крестьянству и середняку по нему был вновь нанесен ощутимый удар. Впоследствии Сталин назвал это «контр-удар (ом), который отбил ...охоту у кулаков и спекулянтов угрожать голодом рабочему классу и нашей Красной Армии», и попыткой отразить «первое, в условиях НЭПа, серьезное выступление капиталистических элементов деревни против Советской власти»[109]. Главная цель этих мер заключалась в том, чтобы «ликвидировать антисоветское выступление кулачества»[110]. Журнал «На аграрном фронте» отмечал, что в ходе хлебозаготовок кулак был основательно «потрепан»[111].

Последствия этой трепки отразились на всех звеньях партийно-государственного аппарата [112]. Рассказывают, что некоторые партийные работники Сибири считали, что они могли распоряжаться своими хлебными излишками, как им заблагорассудится. В отдельных случаях излишки составляли 300—500 пудов (5—8 т) [113].

Эти местные партийные и советские чиновники, привыкшие за последние три года к мысли о том, что основу сельскохозяйственной политики партии составляет мир с зажиточным крестьянством, и не проводившие классовой борьбы в деревне, были объявлены «еретиками». Многие из них, несомненно, были ликвидированы в ходе проходившей в то время чистки. Ее отзвуки докатились и до Красной Армии, состоявшей в основном из крестьян. Состоявшаяся в Белоруссии весной 1928 г. конференция политических комиссаров Красной Армии выразила озабоченность в связи с усилением в ее рядах влияния зажиточного крестьянства [114]. Прямым следствием чрезвычайных мер, объявленных в феврале 1928 г., явилось освобождение придерживавшегося политики классового мира с крестьянством Смирнова от обязанностей наркомзема РСФСР и назначение на его место более бескомпромиссного Кубяка [115]. Несколько дней спустя были переведены на другую работу и ближайшие помощники Смирнова по Наркомзему — Тодорович и Свидерский [116].

В результате чрезвычайных мер, принятых в январе — марте 1928 г., удалось компенсировать потери предыдущего года. В первые три месяца 1928 г. заготовки значительно превысили уровень заготовок за те же месяцы 1927 г. и к февралю достигли рекордно высокой цифры — почти 1,9 млн. т, а к концу марта 1929 г. за 9 месяцев текущего сельскохозяйственного года было заготовлено намного больше хлеба, чем за соответствующий период 1926/27 г. [117]

Таким образом, кризис миновал. Выступая на пленуме Моссовета, состоявшемся в начале марта 1928 г., Рыков торжественно заявил о том, что «вопрос о хлебном кризисе с повестки дня снят» [118]. Печатный орган ВСНХ «Торгово-промышленная газета» с восторгом писала: «Мы год большого урожая заставляем быть годом большего хозяйственного подъема... Мы осуществили перелом на хлебозаготовительном рынке, заготовили около 200 млн. пудов хлеба в течение января — февраля и тем самым поставили на место краеугольнный камень, грозивший выпасть из фундамента громадного здания хозяйственного плана текущего года» [119].

Принятая апрельским 1928 г. Пленумом ЦК резолюция, хотя и не лишенная некоторой неопределенности, стремилась в первую очередь отметить успешное проведение операции. Она вскрыла причины хлебного кризиса, подчеркнув, что одной из них является «повышение достатка деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев», одобрила меры чрезвычайного характера, обратив особое внимание на то, что «без проведения этих и подоб-

ных им мероприятий не могли быть устранены серьезнейшие затруднения в области заготовки хлеба», осудила извращения и перегибы, допущенные в ходе их проведения, назвав все это «сползанием на рельсы продразверстки», и вновь подтвердила мысль о том, что лозунг XV съезда партии «развивать дальше наступление на кулачество» осуществим лишь на основе «новой экономической политики». Но общий вывод был предельно ясен — резолюция приветствовала «ослабление роли и влияния кулачества»[120]. И, выступая через два дня после Пленума на собрании актива Московской партийной организации, Сталин сказал, что проводимые партией мероприятия дали ей возможность «связать решительную борьбу против кулацко-спекулянтских элементов деревни с борьбой за кровные интересы широких масс трудящихся, и, связав их, партия сумела повести за собой большинство трудящихся масс деревни, изолировав кулака»[121]. Однако эти выводы были сделаны отнюдь не без споров и разногласий в партии, о чем свидетельствует различное отношение к этому вопросу со стороны партийных руководителей. Куйбышев, председатель ВСНХ и главное лицо в партии, отвечающее за индустриализацию[122], с самого начала приветствовал меры чрезвычайного характера с неподдельным энтузиазмом. В своем неопубликованном докладе на заседании партийной ячейки аппарата ВСНХ СССР он говорил о том, что причиной кризиса хлебозаготовок явилось прохладное отношение партии: «Из этого законного дела была вынута партийная душа... многие не понимали, что дух закона, дух нашей партии и всей нашей политики в настоящий момент должен быть резко направлен против кулака»[123].

Несколько дней спустя, выступая на заседании президиума ВСНХ СССР, он вновь вернулся к этой теме.

В разделе доклада, озаглавленном «Роль субъективного фактора», он сказал:

«Нельзя отрицать, что административный нажим, который был произведен в области хлебозаготовок, мобилизация всех сил партии на это дело, активное руководство и вмешательство в сферу действия низших органов, которое по обычным правилам не полагается, дали несомненные результаты. То, что мы имеем повышение хлебозаготовок, — это является следствием административного нажима»[124].

Отношение к этому вопросу Кагановича было столь же бескомпромиссным. В своем докладе на общегородском активе Харьковской парторганизации по итогам мартовского (1928 г.) Пленума ЦК Компартии Украины он хвастливо заявил о том, что применявшиеся в течение трех последних месяцев чрезвычайные меры опровергли обвинение оппозиции о якобы кулацком уклоне в партии. Он сказал, что, хотя, несомненно, были допущены отдельные ошибки, партия будет продолжать борьбу с кулаком, и призвал к дальнейшему «форсированию» кампании хлебозаготовок, подчеркнув при этом, что «*демобилизованные* настроения», которые

проявились среди некоторых членов партии в связи с январскими и февральскими успехами, должны быть ликвидированы[125].

Рыков и Бухарин придерживались противоположной точки зрения. Когда в своем выступлении на пленуме Моссовета Рыков говорил о том, что вопрос о кризисе хлебозаготовок с повестки дня снят, он вовсе не имел в виду, что кулак являлся козлом отпущения во всех экономических трудностях и ошибках партии. «Затруднения в хлебозаготовках, — говорил он, — теоретически мыслимы и в том случае, когда в деревне нет ни одного кулака». Он не скрывал своего отрицательного отношения к кампании форсирования хлебозаготовок, проводимой партией: «Несомненно, эта кампания носит все типичные черты «ударности». Если бы меня спросили, не лучше ли было бы, если бы удалось более нормальным путем, т. е. не прибегая к такой ударной кампании, изжить хлебозаготовительный кризис, — я откровенно сказал бы, что это было бы лучше». Он отмечал, что в этой кампании есть «свои плюсы и минусы». К минусам Бухарин отнес тот факт, что «отдельные товарищи в некоторых ситуациях стали скатываться к методам военного коммунизма», но при этом он решительно опроверг всякие разговоры о том, что партия якобы намерена отказаться от НЭПа[126].

Месяцем позже, выступая на 3 сессии ЦИКа СССР, Рыков говорил о том, что «кулацкие слои пытались представить» применение мер судебного порядка как общее изменение политики правительства в отношении крестьянства. «Теперь всем стало ясно, — пояснил он, — что чрезвычайные меры в хлебозаготовках были направлены исключительно против спекуляции кулацких слоев деревни»[127]. В своем докладе на собрании актива Ленинградской партийной организации по итогам апрельского (1928 г.) Пленума ЦК Бухарин объяснял крупнейшие затруднения в деле хлебозаготовок не политическими ошибками партии и не столько сопротивлением кулачества, сколько рыночной ситуацией. Он сказал, что были допущены «довольно серьезные конъюнктурные ошибки», и эти ошибки, а также трудности, вызванные борьбой с оппозицией, помешали своевременному принятию необходимых мер. Был нарушен баланс между спросом и предложением, и это позволило кулаку успешно маневрировать против государственной политики цен[128]. Основная мысль его выступления заключалась в том, что для того, чтобы получить хлеб, нужно было правильно оценивать рыночную ситуацию и что чрезвычайные принудительные меры были вызваны лишь просчетами планового руководства и запозданием ряда экономических мероприятий[129]. Теперь, когда опасность кризиса миновала, он считал, что нормальное развитие НЭПа, естественно, будет восстановлено.

Хотя слухи о разногласиях между Сталиным и Рыковым получили широкое распространение еще в первые месяцы 1928 г.[130], было бы неправильно считать, что большинство партийных руководителей, и особенно Сталин, придерживались в тот период мето-

дов насилия или предпочитали рыночной экономике политику прямых действий.

Несмотря на то что как в письме ЦК от 13 февраля 1928 г., так и в резолюции апрельского (1928 г.) Пленума ЦК по-прежнему звучал лозунг «дальнейшего наступления на кулачество», оба документа в самой резкой форме осудили извращения и перегибы, допущенные в ходе заготовительной кампании и тем самым подготовили почву для менее жесткой политики партии в деревне. В передовой «Правды» от 25 марта 1928 г. прозвучали заверения в том, что «борьбу за социалистический путь развития советской деревни партия ведет и будет вести в рамках революционной законности, испытанной и проверенной крестьянством за 7 лет НЭПа».

В печати было опубликовано письмо председателя СНК СССР Рыкова, адресованное председателям совнаркомов союзных и автономных республик и председателям краевых, областных и губернских исполнительных комитетов о запрещении принудительного размещения займа укрепления крестьянского хозяйства [131]. Нарком торговли РСФСР Эйсмонт в своем интервью объяснил, что 107 статью следует применять только против спекулянтов зерном [132]. Резолюция апрельского Пленума ЦК вновь осудила «злостную агитацию кулачества, нэпманов и их подголосков об отмене НЭПа» и о возрождении политики военного коммунизма, а также подчеркнула, что «лозунг XV съезда партии «развивать дальше наступление на кулачество» осуществим лишь на основе «новой экономической политики, являющейся единственно правильной формой сочетания крупной социалистической индустрии и мелкого крестьянского хозяйства, и на почве строгого проведения революционной законности пролетарского государства» [133]. В своем выступлении после апрельского Пленума ЦК Сталин заявил о том, что страна вышла из заготовительного кризиса, и заверил в том, что, «если в будущем... году не будет чрезвычайных обстоятельств и заготовки пойдут нормально, 107 ст. не будет иметь применения. И наоборот, если... капиталистические элементы начнут опять «финтить», 107 ст. снова появится на сцене» [134].

28 мая 1928 г. Центр направил местным органам предписание, в котором осуждал закрытие базаров, требовал открыть их вновь и ликвидировать это извращение [135]. Однако все эти заверения носили двойственный характер. С одной стороны, в резолюции апрельского пленума звучали умиротворяющие нотки, а с другой стороны, она призывала продолжать кампанию хлебозаготовок в текущем третьем квартале «с неослабным вниманием и настойчивостью» [136]. Выступая после Пленума на собрании актива Московской партийной организации, Сталин сказал: «Кто думает вести в деревне такую политику, которая всем понравится, и богатым и бедным, тот не марксист, а дурак» [137]. Это замечание вызвало новый прилив энергии у членов партии. Статья в «Известиях» ЦК ВКП(б) отмечала, что теперь, когда хлебозаготови-

тельный кризис миновал, видно, что основной причиной резкого снижения заготовок явилась «демобилизация партаппарата по отношению к хлебозаготовкам», а также «...ослабление нажима у большинства районных парторганизаций, а не недостаток хлеба у крестьянства»[138].

«Правда» от 25 апреля 1928 г. с возмущением писала о том, что «хлебозаготовки в текущем месяце снижаются, а кое-кто решил почивать на лаврах». В передовой статье следующего номера газеты выдвигалось бескомпромиссное требование не ослаблять «нажима на кулаков и частника». Вновь вовсю стали применяться репрессивные меры, имевшие место в начале года. В Пензенской губернии были преданы суду прямо на месте два кулака, один из которых припрятал 16 т хлеба, а другой продавал свои излишки в соседней деревне по спекулятивным ценам. Обоих приговорили к конфискации всех имеющихся у них запасов хлеба. Иногда применялся очень простой, но эффективный метод борьбы с укрывателями хлеба с использованием красных и черных досок, на которых были написаны фамилии хлебосдатчиков и хлебоукрывателей[139]. Тяжелое положение на Украине и Северном Кавказе усугубилось еще больше в связи с гибелью озимых посевов в результате суровой зимы (что потребовало пересева), а также в связи с нехваткой кормов, вызванной запозданием весны[140]. Делегат от Северного Кавказа рассказывал на сессии ЦИК СССР о том, что крестьяне срывали с крыш своих построек солому, чтобы хоть как-то предотвратить падеж скота, начавшийся в условиях сильных весенних заморозков[141]. Но главным препятствием на пути выполнения плана хлебозаготовок было то, что страховые запасы хлеба, имевшиеся у крестьян в январе—марте 1928 г. и в значительной мере способствовавшие успеху чрезвычайных мер, уже иссякли. В большинстве районов их выудили заготовительные органы еще в начале 1928 г., и у крестьян ничего не осталось[142].

Дальнейшее снижение темпов хлебозаготовок после апреля 1928 г. было отмечено (не без самокритичности) в резолюции июльского Пленума ЦК:

«Все это создало почву для повторного применения чрезвычайных мер и для административного произвола в заготовительных районах, нарушения революционной законности, частичного применения методов продразверстки (обход дворов, закрытие базаров, незаконные обыски и т. д.)»[143].

Эти притеснения крестьянства завершили начавшийся весной 1928 г. с применением чрезвычайных мер процесс отчуждения не только кулачества, но и середняка. Рыкову было гораздо труднее оправдывать хлебные поборы крестьянства, проводимые в апреле—июне, чем в начале года (январе—марте), тем более что они ударяли в основном по середняку и бедняку[144], увеличивая еще больше их зависимость от зажиточного крестьянства, чьи ресурсы хотя и были в значительной мере подорваны, все же позволяли

ему выдержать все испытания. В своем меморандуме членам оппозиции, написанном летом 1928 г., Смилга заявил, что «двукратное применение чрезвычайных мер способствовало устрашению не только зажиточного, но и среднего крестьянства, а также еще большему сближению середняка с кулаком»[145]. Сталин признавал, что борьба с кулачеством иногда ведется «так неуклюже и бессмысленно, что удары падают на середняка и бедняка», и что союз с середняком получает трещину, «а часть бедноты попадает временно в лапы кулака»[146]. Он тоже признал, что в апреле—июле «пришлось задеть страховые запасы крестьянства»[147], поскольку виды на урожай были еще не ясны. Один из журналистов писал в то время о том, что крестьянские страховые запасы являлись «вредным анахронизмом», и призывал сосредоточить все резервы хлеба в руках государства, чтобы в критических ситуациях оно могло распоряжаться ими наилучшим образом[148], что вряд ли могло понравиться крестьянству. Весной и летом 1928 г. прокатились крупные крестьянские волнения, которые так и не привели ни к каким результатам. На июльском (1928 г.) Пленуме ЦК Андреев говорил о крестьянских выступлениях на Северном Кавказе, Бухарин отмечал рост «волны недовольства» среди крестьян — в 150 местах были зарегистрированы «беспорядки», имели место «десятки террористических актов», «погромов на хлебных биржах Ленинграда и Москвы», произошли вооруженные выступления в Кабардино-Балкарской автономной области и других районах — и называл чрезвычайные меры «возвратом к политике военного коммунизма»[149].

Однако не следует забывать и о другой стороне взаимоотношений между городом и деревней. Даже усиленные меры, предпринимаемые государством, не смогли обеспечить уровень хлебозаготовок прошлого года. Общий объем заготовок с июля 1926 по июль 1927 г. составил 10 590 тыс. т, а за те же месяцы 1927—1928 гг. только 10 382 тыс. т[150]. Проблема нехватки продовольствия, имевшая место в больших городах летом и осенью предыдущего года, вновь вспыхнула с особой остротой, и ее нельзя было больше скрывать или делать вид, что она не существует. Весной и летом 1928 г. вновь появились длинные хвосты за хлебом и первые хлебные карточки[151]. Правительство сочло необходимым использовать часть твердой валюты, в которой так остро нуждалось, для закупки за границей 250 тыс. т зерна на общую сумму 30 млн. руб.[152] Кубяк с негодованием говорил о том, что, в то время как государство вынуждено прибегать к импорту зерна, чтобы прокормить городское население, у многих крестьян мыши поедают зерно, припрятанное в амбарах[153]. Но никто не мог дать простого и ясного ответа на вопрос о том, кто должен нести ответственность за нехватку хлеба.

ГЛАВА 3

УРОЖАЙ 1928 г.

Подготовка к весенней посевной кампании 1928 г. проходила в весьма мрачной обстановке, вызванной применением в течение первых трех месяцев этого года чрезвычайных мер. Ощущалось глубокое беспокойство по поводу того, что драконовские методы по обеспечению хлебозаготовок от урожая 1927 г. могли вызвать снижение посевных площадей в 1928 г. 10 января 1928 г. в «Правде» был опубликован призыв ЦК ВКП(б) к расширению посевных площадей. Впервые начиная с 1921 г. руководство было серьезно обеспокоено предстоящей посевной кампанией. 21 февраля 1928 г. СНК СССР принял постановление «О мерах к расширению яровых посевов в 1928 г.» [1]. За ним последовало обращение ЦИК СССР к крестьянству «О расширении яровых посевов в весну 1928 г.» от 2 марта 1928 г. [2] Стало налаживаться снабжение деревни семенами — крестьяне теперь получали больше семян и лучшего качества [3]. В одной только Российской Федерации за какие-нибудь полтора года (с октября 1927 г. по апрель 1928 г.) возникло свыше 10 тыс. посевных товариществ [4]. Многие местные руководители, сильно обеспокоенные возможным сокращением посевных площадей, поспешно изобретали новые формы проведения посевной кампании. В некоторых районах, получив план посевной от волостного исполкома, сельсовет распределял этот план по отдельным хозяйствам, вызывая каждого хозяина в сельсовет и беря с него подписку об обязательном засеве определенного количества гектаров. Считалось, что этот метод напоминает политику военного коммунизма, и поэтому он получил осуждение официальных властей. Другой метод заключался в том, что, получив план посевной, сельсовет созывал сход, который обычно постановлял «принять план к сведению» и на этом расходился. И наконец, третий, более гибкий метод заключался в том, что сельсовет, опять-таки вызывая крестьян к себе, выяснял у них, сколько они смогут засеять [5]. И хотя эти меры рассматривались как «передвижка вопросов конкретного планирования и регулирования сельского хозяйства в низовую ячейку советского аппарата (сель-

совет)»[6], их принудительный характер был вполне очевиден. «Годичный производственный план, составляемый на каждое село агрономом станции с участием крестьян» и утверждаемый затем общим собранием крестьян, являлся также характерной чертой создаваемых в то время машинно-тракторных станций[7]. На апрельском (1928 г.) Пленуме ЦК принял решение об усовершенствовании хлебозаготовительного аппарата и о создании путем слияния Хлебопродукта и местных заготовительных организаций общесоюзного акционерного общества «Союзхлеб», которое должно было осуществлять хлебозаготовки совместно с центральным органом потребительской кооперации Центросоюзом[8]. Это решение вступило в силу после принятия постановления ЦИКа и СНК СССР от 13 июня 1928 г. «Об организации хлебозаготовок и хлебоснабжения в 1928 г.», где была определена организационная структура хлебозаготовительного аппарата[9].

Опасаясь, что чрезвычайные меры могут вызвать серьезное недовольство крестьян, официальные власти усилили внимание к вопросам коллективного земледелия. В призыве ЦИК от 2 марта 1928 г. к расширению посевных площадей прозвучали также и назидательные нотки о преимуществе коллективного земледелия:

«Переход на более высокий уровень производства не под силу единоличным хозяйствам... Наиболее верный путь к поднятию сельского хозяйства — путь Ленина, путь объединения маломощных и середняцких хозяйств, создание товариществ, артелей, коммун и коллективов для совместной обработки земли, для общественного труда»[10]. Комсомол последовал примеру партии — на VIII съезде, состоявшемся в мае 1928 г., он призвал всех комсомольцев стать организаторами и застрельщиками коллективизации[11]. 15 мая 1928 г. ЦК ВКП(б) обратился с призывом ко всем местным организациям активизировать «социалистическое строительство в деревне». Примечательно, что это был первый партийный документ, в котором открыто провозглашалась ликвидация кулачества как цель партии. Необходимость этого шага ЦК объяснял ожесточенным сопротивлением кулака хлебозаготовительной кампании. Однако предполагалось, что процесс ликвидации кулачества будет проходить не в форме административных репрессий, а путем социалистического преобразования сельского хозяйства. В обращении говорилось:

«Кризис хлебозаготовок в этом году и попытки наступления кулачества против хозяйственной политики Советского государства целиком подтвердили правильность решений XV партсъезда о коллективизации сельского хозяйства и развитии крупного государственного земледелия как единственно решающем пути серьезного экономического подъема и социалистического развития деревни. Только на основе социалистического переустройства сельскохозяйственного производства мы сможем достигнуть радикального подъема производительных сил в сельском хозяйстве, изжить

нищету и отсталость нашей деревни и окончательно ликвидировать капиталистические элементы (кулачество) в деревне»[12].

Подобные заявления не могли не вызвать у крестьянства, во всяком случае у наиболее зажиточной его части, чувство тревоги и враждебности.

Вполне логично предположить, что многие крестьяне, особенно те, кто могли себе это позволить, стали сокращать свои посевы после того, что они испытали в первые месяцы 1928 г., хотя конкретные тому доказательства найти трудно[13]. Нередко наблюдались случаи, когда кулак отказывался брать землю в аренду у бедняка, обрабатывать его землю, а также давать в ссуду семена, инвентарь или машины. В тех же случаях, когда кулак давал ссуду, он требовал заверений, что никогда бедняк не будет бороться против своего «благодетеля»[14]. Выступая на V съезде Советов, Калинин процитировал одного кулака, который уговаривал местную бедноту не расширять посевную площадь: «...больше будем иметь — больше будут с нас шкуру драть»[15]. Отчасти сокращение посевных площадей объяснялось также запозданием весны и возвратами холодов, что вызвало гибель озимых посевов пшеницы и ржи на Украине и Северном Кавказе[16]. Помимо этого, увеличились посевные площади под техническими культурами, не подлежащими конфискации, в связи с чем возникло опасение, что «зерновые культуры могут быть вытеснены техническими и прочими культурами»[17].

Когда был закончен подсчет посевных площадей, то оказалось, что произошло расширение посевов технических культур по сравнению с 1927 г. на 18,3% и сокращение посевов зерновых на 2,6%[18]. Еще больше осложнилось положение с двумя основными продовольственными культурами — рожью и пшеницей, являвшимися основными объектами конфискации и реквизиции. Если производство ржи в течение двух последних десятилетий до 1914 г. оставалось более или менее стабильным, то производство пшеницы, главным образом на экспорт, возросло за этот период на 80%[19]. А после революции производство пшеницы сократилось еще больше, чем ржи. Но по мере выхода сельского хозяйства из состояния кризиса пшеница стала вновь вытеснять рожь и к середине 20-х годов оставила ее далеко позади[20]. В 1926 и 1927 гг. посевы ржи, по сравнению с рекордно высоким урожаем 1925 г., несколько сократились, а посевы более ценной культуры — пшеницы — заметно увеличились. Однако в 1928 г. было отмечено дальнейшее, более резкое снижение посевных площадей под этими зерновыми культурами: под рожью — с 28,4 млн. га до 26,1 млн. га и еще более резкое под пшеницей — с 32 млн. га до 28,4 млн. га[21]. В то же время увеличились посевы бедняцкого, и в первую очередь беднейшего, крестьянства[22]. Но как ни отрадно с точки зрения партийной доктрины было увеличение процента посевных площадей бедняков от общего объема, большого значения оно не имело, поскольку товарного хлеба оттуда почти не выходило.

Однако эти тревожные сведения стали известны далеко не сразу[23], и летом 1928 г. все еще теплилась надежда на то, что посевы яровых смогут компенсировать погибшие во многих местах посевы озимых. Вместе с тем предчувствие неотвратимости надвигающегося кризиса становилось все острей. Один из немногих иностранных обозревателей, посетивших русскую деревню летом 1928 г., писал:

«С течением времени уровень сознания крестьянства будет неизбежно расти, а его стремление к самоутверждению и запросы будут постоянно расширяться. Иначе и быть не может. ...Но коммунисты стоят перед мучительной дилеммой — они не могут обойтись без крестьянина и не могут пойти с ним на большой компромисс, поскольку крестьянин — это единоличник, владелец частной собственности, постоянно стремящийся к обогащению и вследствие этого являющийся заклятым врагом коммунизма»[24].

Калинин, чья удивительная простота помогла ему остаться в стороне от всех бурных споров и разногласий, воспользовался трибуной I Всесоюзного съезда коллективных хозяйств, состоявшегося в июне 1928 г., чтобы сделать ретроспективный обзор всего революционного процесса:

«Произошло перемещение земли, материальных средств, производственного инвентаря от кулацкой и помещичьей части к крестьянской бедноте и крестьянам-середнякам. Сельское хозяйство невероятно измельчало, раздробилось, и в настоящем году мы получаем реальные результаты этого положения. С точки зрения непосредственных плодов результаты печальные для Советского Союза». Далее он сказал, что поворот назад означал бы победу «контр-революционного переворота» и призвал к созданию «новых форм жизни», к поиску наилучшей формы колхоза, которая дала бы возможность кооперировать производство и вместе с тем «не подчиняла бы личность казарменному быту»[25].

Но все общие рассуждения об этих неопровержимых выводах не дали никаких конкретных результатов, а лишь способствовали углублению разногласий внутри партийного руководства по вопросу оценки чрезвычайных мер[26], что вызвало серьезные расхождения и по другим вопросам будущей политики. В мае и июне 1928 г., в обстановке нарастающей напряженности, Бухарин направил в Политбюро две записки, в которых, по-видимому, заявлял о своем несогласии с политикой ускоренной индустриализации, осуждал чрезмерное регулирование торговли со стороны государства, слишком большой упор на совхозы и колхозы и вообще выражал сомнение в целесообразности коллективизации[27]. Сталин отреагировал на это с присущей ему осторожностью. Выступая 29 мая 1928 г. перед студентами Института красной профессуры (являющегося бухаринской вотчиной), а также студентами Комакадемии и Свердловского университета, он сказал, что «замедлить темп развития индустрии — значит ослабить рабочий класс», имея при этом явно в виду Бухарина и стремясь опровергнуть

его тезис, но не называя его фамилии. Сталин отметил, что, несмотря на то что валовая продукция хлеба уже достигла довоенных норм, производство товарного хлеба резко сократилось, а также привел данные, представленные ему членом коллегии ЦСУ Немчиновым, свидетельствующие о том, что до войны производство товарного зерна составляло 26% от валого объема, а после войны — только 13,3%. До войны 21,6% товарного хлеба производили помещичьи хозяйства, 50 — кулаки и 28,4% — середняки и бедняки, а в 1926/27 г. совхозы и колхозы производили 6% товарного хлеба, кулаки — 20, середняки и бедняки — 74%. С другой стороны, количество производимого колхозами и совхозами товарного хлеба от валового объема их продукции составило 47%, кулаками — 20, а мелкими и средними хозяйствами — только 11,2%. Сталин также проанализировал расстановку классовых сил в деревне:

«Союз пролетариата с крестьянством в условиях диктатуры пролетариата нельзя рассматривать как союз со всем крестьянством... Такой союз не может быть осуществлен без борьбы с капиталистическими элементами крестьянства, без борьбы с кулачеством. Такой союз не может быть прочным без организации бедноты как опоры рабочего класса в деревне».

Стараясь избегать открытых столкновений с другими партийными руководителями, он лишь в общих чертах остановился на строительстве колхозов, на необходимости укрепления совхозов, повышения урожайности крестьянских хозяйств и перехода от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному земледелию, отметив при этом, что в случае выполнения всех этих задач через 3—4 года государство смогло бы получить дополнительно 250—300 млн. пудов (около 4—5 млн. т) товарного хлеба [28].

Следующий шаг был предпринят заместителем наркомфина и членом ЦК ВКП(б) Фрумкиным, направившим 15 июня 1928 г. в Политбюро еще более пессимистичное, чем записки Бухарина, письмо, в котором он утверждал, что коллективное хозяйство не является выходом из создавшегося положения, и требовал «в первую очередь (тогда как Сталин в своем выступлении перед студентами поставил эту задачу на третье место) внимания и помощи средним индивидуальным хозяйствам, которые смогут дать хлеб не через 5—10 лет, а в этом или следующем году...» Он допускал, что, возможно, опасность со стороны кулацких элементов и существует, но в тоже время утверждал: «Мы стоим сейчас перед лицом более серьезной опасности — нехваткой хлеба» и «каждый миллион пудов хлеба, от какой бы группы он ни поступил, укрепляет диктатуру пролетариата и ускоряет процесс индустриализации». Фрумкин доказывал: «...деревня, за исключением небольшой части бедного крестьянства, настроена против нас, и ...эти настроения уже начинают распространяться в рабочих центрах». Он считал, что «ухудшение ...экономического поло-

жения обострилось благодаря новой после XV съезда политической установке партии в деревне», что то, что намечалось как ограниченное «наступление на кулака» в рамках НЭПа, обернулось ударом по середняку:

«Вся партия стала менять свое отношение к середняку. И хотя по инерции мы все еще продолжаем говорить о смычке с середняком, на практике мы отталкиваем его от себя все дальше и дальше». Фрумкин требовал открытия базаров, закрытых в ходе чрезвычайных мер, повышения цен на хлеб и снижения цен на промтовары [29]. Сталин, явно не желая на этом этапе вступать в открытый бой с Бухариным, направил членам Политбюро закрытое письмо по поводу письма Фрумкина, в котором подверг последнего резкой критике. Он писал о том, что XV съезд партии принял резолюцию, где говорилось о необходимости «более решительного наступления на кулака». Что может означать в связи с этим требование возврата к XIV съезду? Оно может означать лишь одно — отказ от решений XV съезда партии. Сталин также отмечал, что отдельные, небольшие нарушения, допущенные в ходе заготовительной кампании, о которых писал Фрумкин, были уже исправлены до появления его письма, и делал общий вывод о том, что письмо Фрумкина является по сути «ходатайством за отмену ограничений в отношении кулака» [30].

Накануне июльского Пленума ЦК произошел один небольшой, но весьма примечательный эпизод. 30 июня 1928 г. «Правда», где в качестве главного редактора все еще «царствовал» Бухарин, опубликовала статью одного из его учеников из Института красной профессуры — некоего Марецкого. Ссылаясь на опубликованную недавно в «Известиях» [31] статью Карпинского и приводя отдельные из нее выдержки, Марецкий оспаривал сделанные им выводы о том, что якобы индивидуальное крестьянское хозяйство уже утратило свою роль, а «победа над кулаком — уже свершившийся факт», считая эти выводы преждевременными. Он считал, что это не так, что повторные затруднения с хлебозаготовками в апреле — мае 1928 г. показали, что еще не удалось сокрушить влияние кулачества в деревне, что при наступлении на кулака необходимо проводить различие между «экономическими» мерами НЭПа и «административными», между обычными и экстраординарными, которые следует применять только в чрезвычайных обстоятельствах. 1 и 3 июля 1928 г. «Правда» поместила две статьи еще одного ученика Бухарина — Астрова. Эпиграфом к одной из них была взята цитата Ленина о значении «смычки» с крестьянской экономикой, а в другой статье приводилась длинная цитата из доклада Бухарина на апрельском Пленуме ЦК, где он критиковал «...склонность отрицать важность роста индивидуальных хозяйств» и говорил о том, что «...переоцениваются методы административного порядка». Суть статьи Астрова сводилась к критике «экстраординарных мер», применение которых, как он считал, было оправдано против кулака, но приводило к «отрицательным

последствиям», если они ударяли по середняку, что могло привести к усилению влияния кулачества на «определенные слои середняка и бедняка». Астров доказывал, что при проведении курса наступления на кулачество партия должна остерегаться мер, которые могут привести к расколу рабочего класса с основными массами крестьянства [32]. 3 июня 1928 г. «Правда» опубликовала письмо (подразумевалось, что оно было написано Сталиным), адресованное неизвестному «товарищу С», озаглавленное «Ленин и вопрос о союзе с середняком», в котором Сталин подчеркивал, что, согласно ленинскому учению, задача «соглашения» или «союза» с середняком неразрывно связана с задачей непримиримой борьбы против кулака и что всякие попытки отделить эти задачи одну от другой неизбежно приводят к отклонениям от партийной линии — либо к ошибке оппозиции, отрицающей необходимость союза с середняком, либо к противоположной ошибке — установлению союза с середняком путем отказа от борьбы с кулачеством [33]. Это были чисто абстрактные, теоретические рассуждения, в письме и речи не было о том, что взгляды «товарища С» совпадают со взглядами Бухарина или его учеников.

4 июля 1928 г. открылся Пленум Центрального Комитета ВКП(б). Первые несколько дней были посвящены обсуждению сложных проблем Коминтерна [34]. Следующим пунктом повестки дня был доклад Микояна «Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением», по которому развернулись долгие и бурные прения [35]. После Лепсе, остановившегося на растущем недовольстве среди рабочих, и Чубаря, отметившего важность фактора цен, с широкой программой наступления по всему фронту выступил Осинский. Он заявил: «...мы переживаем размычку» (с крестьянством), при этом он пытался оспаривать официальные данные о размерах посевных площадей под зерновыми, стремясь доказать, что в 1928 г. они сократились. Осинский считал, что основной причиной кризиса является отсутствие экономических стимулов у крестьян:

«Все дело в ценах, кулак — это второстепенный фактор, он только выражает взгляды середняка и занимается его подстрекательством, а середняк сам знает, что ему делать. Крестьянин делал революцию для того, чтобы жить лучше, и мы дали ему все, что смогли, но не позаботились при этом, чтобы у него была хотя бы пара сапог».

Он говорил о том, что необходимо повысить цены на сельскохозяйственную продукцию и тем самым ликвидировать ножницы цен, призывал к снижению темпов индустриализации и критиковал такие дорогостоящие проекты, как Днепрострой. Хотя его выступление, по существу, позволяло отнести его к правым, однако он постарался перестраховаться, стремясь польстить Сталину, отметив его чувство здравого смысла [36]. Андреев в мрачных тонах обрисовал ухудшение отношений с крестьянством, объясняя его тем, что «мы затронули страховые запасы, которые середняки ни-

как не хотели отдавать». Стецкий, выступление которого неоднократно прерывалось выкриками с места, сказал, что Микоян сильно преувеличил «объективные условия и конкретные причины», вызвавшие кризис, и что именно нажим, оказанный на кулачество после апрельского Пленума ЦК, помог ему завоевать на свою сторону середняка и часть бедноты. Как Андреев, так и еще в большей степени Стецкий выразили серьезную озабоченность в связи с возможным повторением чрезвычайных мер. «В деревне говорят, — сказал он, — что вновь вернулись 19-й и 20-й годы» [37]. В своем путаном выступлении Сокольников говорил о том, что в прошлом его обвиняли в «аграрном уклоне» и в том, что он выступает против индустриализации, но теперь он признает свои ошибки, однако при этом неоднозначно высказался за повышение цен на сельскохозяйственную продукцию [38]. Каганович отстаивал чрезвычайные меры, а Рыков пытался отмежеваться от Осинского и занять промежуточную позицию и в то же время, невзирая на выкрики с места, продолжал критиковать чрезвычайные меры, обвиняя Кагановича в том, что он поддерживает их «как таковые — во все времена и при всех обстоятельствах» [39]. Молотов обрушился на Астрова за его статью в «Правде» и на Сокольникова за недооценку «ведущей роли пролетариата в союзе с крестьянством» [40]. Однако он якобы признал, что «середняк окреп и вступил в коллективизацию с нами» [41]. Калинин предпринял слабую попытку защитить себя от обвинений в том, что он якобы поддерживает кулака, доказывая, что «весь вопрос упирается в сельскохозяйственное производство». Ярославский опроверг «эту неправильную формулировку», считая, что она была бы «подарком для оппозиции», — «получается, как будто мы в принципе не против кулака» [42].

Сталин выступил в прениях 9 июля 1928 г. [43] Он начал свою длинную речь с полемики с Осинским и Сокольниковым, пытаясь доказать, что повышение цен, к которому они призывают, может вызвать замедление темпов индустриализации [44]. Он также утверждал, что ввиду отсутствия иностранных займов только внутренние источники могут обеспечить средства для индустриализации: «рабочий класс, создающий материальные ценности и являющийся главной движущей силой индустриализации, и крестьянство переплачивающее на ценах на промышленные товары и недополучающее на ценах за сельскохозяйственные товары.» Он сказал, что эта «дань» или сверхналог — дело неприятное, но «без этого добавочного налога наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут». Далее Сталин опроверг обвинения в том, что он якобы выступает за разжигание классовой борьбы в деревне. «Но с другой стороны, — отметил он, — необходимо давить и теснить капиталистические элементы деревни, доводя их иногда до разорения», не ожидая при этом, что «кулаки будут нам благодарны за это и что они не попытаются организовать часть бедноты или середняков против политики Советской власти». Говоря

о чрезвычайных мерах, он подчеркнул, что их нельзя рассматривать как «нечто абсолютное и раз и навсегда данное», и в том же время нельзя считать, что они «плохи при всяких условиях». Однако даже в этом резком выступлении проступало его все еще терпимое отношение к мелкому индивидуальному хозяйству:

«Не правы товарищи, утверждающие, что мелкое крестьянское хозяйство исчерпало возможности своего дальнейшего развития и что, стало быть, не стоит дальше помогать ему. Это совершенно невероятно. Возможностей развития имеется у индивидуального крестьянского хозяйства еще немало. Надо только уметь помогать ему реализовать эти возможности»[45]. Общее впечатление, оставшееся от его выступления, заключалось в том, что он готов на любые средства, лишь бы не замедлять темпы индустриализации. Это был основной предмет разногласий.

На следующий день, 10 июля 1928 г., на Пленуме выступил Бухарин. Речь его была весьма сдержанной, но общая мысль предельно ясна. Он настаивал на том, что нельзя игнорировать вопрос о ценах. «Я целиком согласен с тем, что вопрос о ценах должен быть поставлен со всей остротой», — сказал он. Оправдывая применение чрезвычайных мер в прошлом, как абсолютную необходимость, он считал, что «политический смысл» стоящей в настоящее время перед ЦК задачи состоит в том, чтобы ликвидировать эти меры, так как в экономическом отношении они больше не дают никаких существенных результатов, а в «политическом — приводят к серьезным, далеко идущим и, к сожалению, негативным последствиям — подрыву наших отношений с широкими слоями крестьянства». Но самый смелый шаг Бухарина заключался в том, что он поддержал «первый пункт известного письма Фрумкина», где речь, по-видимому, шла о том, что деревня отвернулась от режима. Он подробно остановился на «массовых демонстрациях недовольства» и «террористических актах» против режима, имевших место в различных районах страны. Бухарин выразил опасения по поводу того, что кризисная ситуация с хлебозаготовками может привести к повторному применению чрезвычайных мер, что было бы равносильно «принуждению крестьянства к вступлению в коммуны» и помогло бы кулаку сплотить вокруг себя крестьянство и повести его на борьбу с партией. В этом месте Сталин бросил реплику: «Не так страшен черт, как его малюют». Бухарин говорил о необходимости делать различия между нажимом на кулака и середняка, утверждая, что сам кулак не опасен, если только за ним не пойдет середняк: «Мы можем расстрелять его из пулемета, и он не сможет потрясти нашу страну»[46]. После окончания своего выступления Бухарин представил в Политбюро свои тезисы, где, как и в майской, так и в июньской записках, речь шла об угрозе «размычки с крестьянством» и выдвигалось требование проведения менее жесткой политики. Выступивший после него Томский поддержал его по всем основным пунктам, опровергнув выдвинутые против представите-

лей правых обвинение в «паникерстве» и призвав к умиротворению крестьянства [47]. Утверждают, что он якобы сказал: «Вы хотите нэп без нэпманов, без кулаков и концессионеров — не выйдет!» [48]

В единогласно принятой по окончании прений резолюции безошибочно угадывались тревожные нотки:

«...крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли... таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней, стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства».

В резолюции отмечалось, что «нарушение рыночного равновесия и обострение этого нарушения» вызвано «повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев», что индивидуальное мелкое и среднее крестьянское хозяйство «значительное время будет еще базой зернового хозяйства». Она вновь подтвердила поставленную XV съездом партии задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы и установку «опоры на бедноту, прочного союза с середняком и наступления на кулака». При этом обращалось внимание на то, что коллективы должны быть «добровольными объединениями» и наступление на кулака должно вестись «отнюдь не методами так называемого раскулачивания». Резолюция также решительно осудила перегибы и извращения, допущенные в ходе заготовительной кампании, — «административный произвол, ...нарушения революционной законности ...применение методов продразверстки» (слово «продразверстка» было знакомо еще со времен военного коммунизма) и призвала к проведению в предстоящей заготовительной кампании мероприятий, исключающих «необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер». Из всех предлагаемых мер было достигнуто соглашение об «известном повышении цен на хлеб» [49]. Однако вопрос о том, насколько стоит повышать цены, оставшийся в резолюции открытым и, по-видимому, так и не решенный до закрытия Пленума, явился, очевидно, предметом острых споров, поскольку на другой день после принятия резолюции Сталин, выступая по вопросу о совхозах, сделал небольшое отступление, сказав, что те товарищи, которые требовали «восстановительных цен», теперь отказываются от этого требования [50].

Резолюция, весьма расплывчато сформулировавшая основные направления политики партии, явилась по форме компромиссом. Как впоследствии вспоминал Сталин, в Центральном Комитете имелись «самые незначительные элементы примиренческого отношения к правой опасности». Однако раскол в руководстве публично не обсуждался, и всякие слухи о разногласиях в Политбюро пресекались [51]. Тем не менее резолюция в известной степени означала поражение Сталина, выступившего против всякого повышения цен. Троцкий, наблюдавший за происходящими события-

ми из Алма-Аты, где отбывал ссылку, назвал это «первой публично одержанной победой (правда, при помощи самого Сталина) Рыкова над Сталиным» и сказал, что начавшемуся в феврале этого года повороту влево «пришел конец» [52]. Один только Бухарин, менее мужественный или, скорее, более проницательный, чем его товарищи по оппозиции, был томим мрачным предчувствием надвигающегося поражения. 11 июля 1928 г., на другой день после принятия Пленумом резолюции, он тайно встретился с Каменевым. Оба они пришли к выводу о том, что Сталин все больше и больше укрепляется во мнении, что ввиду отсутствия колоний и иностранных займов единственным источником для финансирования индустриализации остается «обложение данью крестьян» и что в случае провала хлебозаготовок он вновь прибегнет к «чрезвычайным мерам» и методам военного коммунизма. Бухарину ничего не оставалось делать, как с грустью признать свое бессилие. Он сказал, что уверен в том, что Сталин «задушит» всех своих противников и ввергнет страну в пропасть [53].

Ставшие традиционными выступления партийных руководителей на собраниях активов партийных организаций по итогам пленумов на сей раз вызвали чувство замешательства — складывалось впечатление, что мнения разделились и что окончательное решение еще не выработано. Рыков, выступавший на собрании актива Московской партийной организации, придал своему докладу полемический тон, подвергнув резкой критике «одного из очень ответственных товарищей» (очевидно, имея в виду Баумана), который сказал: «Развитие производительных сил у нас совершается в формах коллективизации сельского хозяйствах и в иных формах совершаться не может». Рыков заметил, что товарищи, «ставящие крест» на развитии индивидуальных хозяйств, «держатся в корне ложных и вредных взглядов». Он подчеркнул, что на фоне обострения вопроса хлебозаготовок произошло изменение в отношении к Советской власти как со стороны бедняцких, так и середняцких слоев, что могло привести к серьезной угрозе смычке рабочих и крестьян (при этом он старался избегать слова «размычка»). Рыков отметил, что утверждения о том, что «перегибы» задели всего лишь несколько тысяч человек, весьма опасны, ибо дело не в статистике, а в «политическом резонансе в деревне». Заканчивая свой доклад, он несколько сбивчиво попытался объяснить, почему не согласен как с точкой зрения о том, что «чрезвычайные меры неизбежны и вытекают из решений XV съезда партии», так и с точкой зрения о том, что решения, только что принятые Центральным Комитетом, означают отказ от курса на развитие индустриализации [54]. Выступление Сталина на собрании актива Ленинградской партийной организации, состоявшееся в один день с выступлением Рыкова в Москве, было выдержано совсем в ином тоне. В нем прозвучала абсолютная уверенность в том, что чрезвычайные меры, в том числе и принятые в апреле — мае, были неизбежны — «...хлеб все-таки надо было со-

брать». Он опроверг точку зрения о том, что это «была размычка» с крестьянством. Как и прежде, он считал, что существо затруднений на хлебном рынке объясняется преобладанием мелких крестьянских хозяйств, но в то же время вновь заявил, что «люди, которые думают, что индивидуальное крестьянское хозяйство исчерпало себя и его не стоит поддерживать», — это люди, которые «не имеют ничего общего с линией партии». Он снова повторил уже знакомые слова угрозы в адрес тех, кто допускал перегибы в проведении чрезвычайных мер, упомянул мимоходом о повышении цен и, как всегда, закончил свое выступление на оптимистичной ноте. Однако, по-видимому, за его внешне бодрым тоном скрывалась внутренняя тревога [55]. В ходе дискуссии по вопросу о хлебозаготовках, начавшейся после Пленума, в партийных организациях и на предприятиях проявилось общее состояние растерянности из-за неспособности Центрального Комитета партии выработать четкую программу действий [56].

Окончательное решение по этому вопросу было сформулировано в широко разрекламированном постановлении СНК СССР от 19 июля 1928 г. В нем говорилось о том, что чрезвычайные меры, применявшиеся в январе 1928 г., были направлены против «спекулянтов в деревне и крупных держателей хлеба (кулаков)», хотя во многих местах по ошибке они задели «более широкие слои крестьянства». В постановлении отмечалось, что, по имеющимся сведениям, урожай 1928 г. должен быть лучше прошлогоднего и будет создана возможность успешного развития хлебозаготовок «без применения чрезвычайных мер» и что правительство намерено запретить насильственное изъятие хлеба и прекратить всякого рода запретительные меры в отношении базаров и частной торговли хлебом. Но самое главное заключалось в том, что было принято решение о повышении заготовительных цен на хлеб на 10—20 коп. за пуд, в зависимости от района, в результате чего общее повышение цен на зерновые культуры должно было в среднем составить 10,6%, в том числе самое высокое на рожь — на 15,9% и самое низкое на ячмень — на 8% [57]. Лозунг «успокоение крестьянства» по-прежнему оставался основным направлением политики партии в деревне.

Выступая на 41 собрании уполномоченных Центросоюза в тот же день, когда было объявлено это решение, Микоян говорил о том, что нужно установить такие цены, которые «увеличили бы стремление крестьянства к расширению своих посевов под зерно, к повышению урожайности зерновых площадей. Но, по-видимому, его больше всего беспокоило то, что повышение заготовительных цен на хлеб может привести к опасным последствиям — к увеличению покупательского спроса крестьянства на промышленные товары, дефицит которых может вызвать повышение промышленных цен, и к увеличению продажных цен на хлеб, что может вызвать требование повышения заработной платы рабочим. Он доказывал, что повышение цен на сельскохозяйственную продукцию нельзя

переносить на потребителя [58]. Спустя две недели в «Правде» была опубликована статья Молотова (написанная им, очевидно, по поручению ЦК), в которой излагалась официальная точка зрения по этому вопросу. Молотов назвал повышение заготовительных цен на хлеб «уступкой середняку». Как и Сталин, он обрушился с критикой на Бухарина (так же, как и Сталин, не называл его прямо по фамилии) и на тех товарищей, которые «договорились до заявлений о якобы происшедшей размычке». Он утверждал, что основная причина хлебозаготовительного кризиса заключалась в том, что после урожайного 1927 г. деревня, «особенно ее зажиточная верхушка», стала экономически более крепкой, чем после 1926 г. Он заявлял: «Для изживания классов требуется целый переходный период, главных этапов которого мы еще не прошли», считая, что при этом очень важно не переоценить целесообразность выбранных мер [59]. Высказывания Сталина и Молотова в этот период не были высказываниями людей, сделавших хорошо продуманный шаг влево, и еще в меньшей степени высказываниями людей, верящих в то, что коллективизация является наиболее целесообразной политикой на ближайшее будущее, а, скорее, это были высказывания людей, испытывающих чувство растерянности и нерешительности перед лицом неразрешимой проблемы и все еще надеющихся как-то выпутаться из затруднительного положения.

В конце июля и весь август 1928 г. в Москве проходил VI конгресс Коминтерна [60]. Но еще до окончания его работы (1 сентября) большинство советских партийных и государственных руководителей выехали из Москвы на отдых, даже не подозревая о надвигающемся кризисе. В сентябре снова стали сгущаться тучи. В своем докладе ЦК от 10 сентября 1928 г. Милютин сообщал, что урожай зерновых составил 4800 млн. пудов (то есть 79 млн. т) и превысил урожай предыдущего года на 300 млн. пупудов. Но этот прирост относился в основном к кормовым культурам — овсу, ячменю и кукурузе, производство же товарного зерна для нужд населения составило всего лишь 504 млн. пудов против 520 млн. пудов в предыдущем году, тогда как, по оценкам экономистов, потребление хлеба городским населением, рабочими промышленных предприятий и Красной Армией уже достигло 550 млн. пудов. Это предвещало «серьезные хлебные затруднения» и возможные политические осложнения [61]. Положение усугублялось еще и тем, что повышенный урожай зерна наблюдался в тех районах (Сибирь, Казахстан), откуда вывоз хлеба затруднялся вследствие отдаленности глубинных пунктов от железных дорог, нехватки транспортных средств и их невысокой скорости, а наиболее низкий урожай — в легкодоступных районах (Центральное Черноземье, Северный Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье и прежде всего степи Украины) [62]. Первые сведения о ходе хлебоза-

готовок были малоутешительными. В связи с запозданием созревания зерновых хлебов заготовки в июле почти равнялись нулю, и, хотя в августе, после повышения хлебных заготовительных цен, положение несколько улучшилось, общий объем заготовок к концу месяца составлял лишь половину объема хлеба, заготовленного за тот же период предыдущего года. Наиболее высокий спрос на хлеб нового урожая наблюдался на «городских рынках производящих районов» и среди самих сельских потребителей, стремящихся пополнить свои запасы, сильно опустошенные в результате чрезвычайных мер в начале 1928 г.[63] Спекулянты скупали хлеб, перепродавая его по баснословным ценам. Вновь стали появляться «мешочники» (тревожное явление, получившее широкое распространение во времена военного коммунизма), перевозившие хлеб небольшими партиями на большие расстояния. Журнал «Экономическое обозрение» писал: «Волна мешочников из потребляющих районов устремилась на Урал, в Среднее Поволжье и Центрально-Черноземную область, а мешочники и хлебные спекулянты из южных районов заполнили хлебные рынки Поволжья»[64]. В августе 1928 г. стали отмечаться повторные перебои в снабжении хлебом городов Поволжья и восточных районов страны[65]. Один украинский обозреватель в своей статье, опубликованной в журнале «Вопросы торговли», предсказывал, что развитие хлебозаготовок на Украине будет, по всей вероятности, проходить «с огромными трудностями», считая, что это обусловлено «заметно усилившимся удельным весом в заготовках частника и повышенными закупками зерна населением малоурожайных районов»[66]. Все это делало задачу официальных заготовительных органов поистине непосильной. Передовая статья в «Правде» от 5 сентября 1928 г. отмечала, что последние два месяца хлебозаготовок «не оправдали возлагавшихся на них надежд». Эти трудности, как и следовало ожидать, вызвали знакомую реакцию — в некоторых районах, главным образом на Северном Кавказе, стали наблюдаться «рецидивы приемов и форм принудительного проведения хлебозаготовительной кампании»[67].

Не стихала и ожесточенная конкуренция между различными заготовительными организациями, несмотря на все усилия, направленные на усовершенствование заготовительного аппарата. 1 июля 1928 г. начал функционировать новый государственный заготовительный орган — Союзхлеб[68]. Выступая на июльском 1928 г. собрании уполномоченных Центросоюза, председатель Союзхлеба говорил о том, что конкуренция между государственными и кооперативными заготовительными органами доходит иногда «до анекдотических случаев»[69]. Все это получило широкое освещение в печати[70]. Член правления Центросоюза в своем выступлении на этом же собрании с горечью рассказывал о том, что один из пайщиков местного кооператива в течение трех лет сдавал свой хлеб государственным заготовительным органам, не видя никакой разницы в сдаче хлеба госорганам или своему кооперативу. Высту-

павший также потребовал ликвидировать лобазы Союзхлеба, чтобы потребительская кооперация могла взять монополию распределения хлеба в свои руки [71]. 2 сентября 1928 г. заместитель Председателя СНК СССР Рудзутак в своем интервью «Бедноте» осудил как соперничество между хлебозаготовительными организациями, так и применение любых «принудительных или чрезвычайных мер». Несколько дней спустя всем государственным органам, начиная от председателя СНК союзных и автономных республик и кончая местными Советами [72], была направлена на этот счет директива за его подписью, предписывающая трем основным государственным и кооперативным заготовительным органам — Союзхлебу, Центросоюзу (потребительская кооперация) и Хлебоцентру (сельскохозяйственная кооперация) — принять меры для прекращения «агитации» друг против друга [73]. Все эти усилия увенчались успехом, и в сентябре — октябре был отмечен устойчивый рост заготовок зерновых, хотя при этом резко сократились заготовки основных продовольственных культур — пшеницы и ржи. Это улучшение ситуации, составляющее разительный контраст с разразившимся осенью 1927 г. хлебозаготовительным кризисом, объяснялось тремя основными причинами: необходимостью уплаты сельскохозяйственного налога крестьянством, повышением заготовительных цен на зерновые культуры и желанием крестьян запастись промтоварами до наступления зимы [74]. Как отмечалось позднее, большую часть хлебозаготовок обеспечили середняцкие хозяйства, тогда как кулаки либо укрывали хлеб, либо пускали его в частную продажу [75].

Начавшиеся в сентябре 1928 г. очередные перебои в хлебозаготовках и признание самого факта, что хлебозаготовительные трудности стали носить хронический характер, поставили эту проблему и центр внимания партии. В Московской партийной организации произошло чрезвычайное происшествие. 11 сентября 1928 г. состоялся Пленум Московского комитета ВКП(б), на котором с докладом об экономическом положении выступил секретарь МК Угланов [76]. Он ничего или почти ничего не сказал о хлебозаготовках и легкомысленно отмахнулся от сообщений о снижении посевных площадей, сказав на это, что «статистика частенько врет». Процитировав решения июльского Пленума о необходимости развития кооперации, колхозов и крупных зерновых совхозов и не сказав при этом ни слова о наступлении на кулачество, он обрушился с критикой на потерпевшую поражение троцкистскую оппозицию, высмеивая ее попытки найти в партийном руководстве «правый» или «центристский» уклон. Резолюция пленума была выдержана в том же духе и, по-видимому, была принята без возражений [77].

За этим последовала быстрая, но скрытая реакция неодобрения в передовой статье «Правды» от 15 сентября 1928 г., которая, хотя и поддержала принятую пленумом ЦК резолюцию, направленную против троцкизма, в то же время подчеркнула, что

июльский Пленум ЦК обращал также внимание на необходимость борьбы с теми элементами, которые «...пытаются обойти решения XV съезда ВКП(б) о дальнейшем наступлении на кулачество». По-видимому, ничуть не раскаявшись, Угланов в своем очередном выступлении 25 сентября 1928 г. продолжал настаивать на том, что основная проблема заключается в «отставании сельского хозяйства от промышленности»[78]. Выступая на заседании Президиума Госплана РСФСР, состоявшемся 26 сентября 1928 г., Гольденберг также призывал покончить со «стагнацией» в сельском хозяйстве и с «абсолютной регрессией» в производстве зерна, предлагая сократить капиталовложения в тяжелую промышленность и направить больше средств в текстильную промышленность[79]. Затем произошел еще один эпизод, свидетельствующий о том, что напряженность продолжала нарастать. В обычной статье о хлебозаготовках, опубликованной в «Правде» 23 сентября 1928 г., была высказана мысль о том, что «препятствие, лежащее на пути заготовок, следует искать не в каких-либо глубоких политических и экономических явлениях, а в тех или иных временных диспропорциях между хлебозаготовками и промышленным снабжением, в невыгодной дислокации урожая, позднем созревании его, дождях, мешающих уборке...». Вряд ли статья была написана самим Бухариным, но недооценка значения социальных проблем деревни и стремление выгородить зажиточное крестьянство совпадали с его взглядами. 27 сентября 1927 г. Политбюро рекомендовало «Правде» исправить допущенную ошибку[80].

Возможно, все это было простым совпадением, но как раз в это время, накануне нового хозяйственного года, 30 октября 1928 г. «Правда» поместила большую статью Бухарина под названием «Заметки экономиста (К началу нового хозяйственного года)»[81]. Анализируя проблемы зернового хозяйства, Бухарин без труда доказал, что за последние три года промышленность в своем развитии намного обогнала сельское хозяйство и что «...хлебозаготовительный кризис вовсе не является изобилием хлеба при голоде на промтовары». Он призвал к развитию сельского хозяйства на основе кооперирования крестьянства и строительства совхозов и колхозов, не допустив при этом тактической ошибки и не обойдя молчанием вопрос о наступлении на кулачество, но говоря о «серьезной опасности» хлебозаготовительного кризиса, предложил если не замедлить, то хотя бы не ускорять индустриализации: «Наивысший длительный темп получается при таком сочетании, когда индустрия подымается на быстро растущем сельском хозяйстве». Бухарин доказывал, что сельскому хозяйству должна быть предоставлена возможность догнать промышленность, поскольку это единственный способ избежать «перенапряжения капитальных затрат»[82]. Признание первостепенной важности вопросов развития сельского хозяйства шло вразрез с официальной линией партии. В своем неопубликованном меморандуме в ответ на статью Бухарина Смилга назвал его «физио-

кратом 20 века» и «типичным потомком славянофильской реакции», считая, что попытка поставить развитие промышленности в зависимость от «характера и условий сельского хозяйства» не только подрывает основы марксизма, но и ведет к снижению темпов капиталовложений в промышленность и к перенесению «всей тяжести инфляции на плечи рабочего класса» [83].

Предварительная проба сил в Московской партийной организации показала, что перевес был явно не на стороне группы Бухарина. Сам Бухарин все лето был очень занят партийными делами и проходившим в Москве конгрессом Коминтерна, а затем уехал отдыхать на Кавказ [84] и в последующих событиях участия не принимал. 2 октября 1928 г. Московский комитет партии обратился с открытым письмом ко всем членам партии, в котором признавал ошибки, допущенные в резолюции октябрьского Пленума МК и обещал их исправить. 18 сентября 1928 г. состоялся объединенный Пленум МК и МКК. В этот же день ЦК направил всем членам Московской организации ВКП(б) специальное письмо, опубликованное на следующий день на первой странице «Правды», в котором говорилось о «вылазке [85] кулацких элементов против хозяйственного плана пролетарского государства во время прошлогодних хлебозаготовок» и отмечалось, что еще в письме от 13 февраля 1928 г. ЦК подчеркивал, что в партийных и других организациях появились «известные, чуждые партии элементы, не видящие классов в деревне». ЦК подверг критике резолюцию сентябрьского Пленума МК и МКК, одобрил открытое письмо МК от 2 октября 1928 г. и выразил уверенность в том, что борьба внутри Московской партийной огранизации будет ликвидирована, а также призвал всех ее членов обеспечить «полное единство большевиков» [86].

Когда открылся октябрьский Пленум МК, Угланову на какое-то время удалось отвести от себя грозу, сделав доклад по основному вопросу и выдвинув проект резолюции, осудившей решения октябрьского Пленума ЦК. При всем при том тон его доклада был отнюдь не оборонительный. Он говорил о том, что предпринимаются попытки «искусственно дискредитировать лидеров», с сарказмом заметив при этом, что, хотя у Сталина есть «недостатки, о которых говорил товарищ Ленин», он на них останавливаться не будет, «потому что об этом уже говорили в свое время троцкисты» [87]. Прения, в ходе которых была высказана изрядная доля враждебности с обеих сторон, продолжались два дня. В них выступили и Молотов, и Сталин, что явилось лишним подтверждением важности события. Сталин открыто заявил о «правом уклоне» в партии по вопросу об отношении к крестьянству. Он назвал только некоторых мелких представителей этого уклона и категорически возразил против того, чтобы проблема правого уклона была сведена к отдельным личностям, отметив, что правый уклон порождается условиями развития Советской страны, где капитализм уже свергнут, но «где еще не вырваны его кор-

ни», которые (о чем свидетельствовала приведенная им цитата Ленина) находятся в мелком товарном производстве города и особенно деревни. Признав, что в составе ЦК имеются «самые незначительные элементы» примиренческого отношения к правой опасности, он в то же время категорически отверг всякие утверждения о существовании правого уклона в Политбюро [88]. Заключительное выступление Угланова было более сдержанным, чем его доклад; он сделал несколько «реверансов» в сторону Сталина и призвал всех к борьбе с правой опасностью [89]. Пленум принял постановление, осудившее прежние ошибки руководства МК, и освободил часть партийных работников (но не Угланова) от занимаемых должностей [90].

Затем последовала шумная кампания разоблачения правого уклона. Почти ежедневно в печати стали появляться сообщения о борьбе с правой опасностью в различных партийных организациях, хотя пока еще никто не был назван по фамилии. В этой обстановке было объявлено о созыве очередного Пленума ЦК, намеченного на 16 ноября 1928 г. Накануне Пленума Фрумкин направил очередное письмо в адрес ЦК, где повторялись все старые обвинения в адрес партийного руководства, о которых шла речь в его июньском письме, и выдвигались новые, еще более резкие. Он писали о «застое» в деревне и «деградации» сельского хозяйства. Пытаясь найти некую расплывчатую формулировку для компромисса, он предлагал «не мешать производству кулацких хозяйств, борясь одновременно с их кабальной эксплуатацией», и заявлял, что проводимая политика «привела основные массы середняка в состояние замешательства» [91]. Именно в этот момент произошел раскол в самом Политбюро. Ввиду продолжавшегося отсутствия Бухарина, Рыков представил на рассмотрение Политбюро проект резолюции по контрольным цифрам на 1928/29 г., которые затем предстояло обсудить на Пленуме. Политбюро отклонило тезисы Рыкова, сочтя выделяемые ассигнования на колхозное и совхозное строительство недостаточными. Была создана специальная комиссия Политбюро, которая пересмотрела эти цифры в сторону увеличения, и Рыков выразил полное согласие с ними. На следующий день после того, как Политбюро закончило рассмотрение этого вопроса, в Москву возвратился Бухарин. Между ним и Сталиным произошла бурная стычка как по хозяйственным вопросам, так и по вопросу о некоторых должностных перемещениях. После этого Бухарин, Томский и, вероятно, Рыков подали заявления об оставке. Но в конечном счете был достигнут компромисс. Какие дальнейшие изменения были внесены в проект резолюции — сказать трудно, однако Бухарин скрепил компромисс тем, что собственноручно сформулировал пункты резолюции, осуждающие правый уклон [92]. Поскольку в глазах общественности единство в Политбюро сохранилось, было принято решение не информировать ЦК об имевших место разногласиях.

16 ноября 1928 г. открылся Пленум ЦК. Рыков выступил с исправленными тезисами по контрольным цифрам [93], а Сталин — с докладом от имени всего руководства (пытающегося сохранить видимость единства). Обрушившись с резкой критикой на Фрумкина и буквально упиваясь ею, Сталин в то же время нехотя защищал Бухарина, ссылаясь на то, что в «Записках экономиста» тот поставил «всего лишь отвлеченный теоретический вопрос о возможной деградации в деревне», а вовсе не утверждал, что она существует, добавив при этом: «Вполне возможно, (что Фрумкин) попытается схватить за фалды Бухарина, но... это ему не поможет». Сталин объявил, что Пленум заслушает доклад Андреева специально по вопросу о путях разрешения зерновой проблемы на Северном Кавказе и что в будущем аналогичные сообщения будут заслушиваться и по другим районам. Такая конкретная постановка вопроса предполагала не общие рассуждения о хлебозаготовках, а сосредоточение внимания партии на районах, в наибольшей степени пригодных для крупного сельскохозяйственного производства, где вопрос об отношениях между мощным кулаком и крупными сельскохозяйственными коллективами, организованными государством, стоял наиболее остро. Хотя Сталин осудил «правый уклон» и обвинил Угланова в примиренчестве, он вновь опроверг всякие слухи о якобы имеющихся разногласиях в Политбюро [94]. Доклад свидетельствовал о том, что на данном этапе Сталин не собирается заострять внимание на вопросах партийной благонадежности.

Резолюция Пленума по контрольным цифрам на 1928—1929 гг. компенсировала отсутствие внимания к сельскому хозяйству, поставив «зерновую проблему» на первое место среди «основных участков хозяйственного фронта, которому следует уделять особое внимание». В ней отмечалось: «...длительный рост индустрии становится объективной невозможностью без соответственного роста сельского хозяйства» — и подчеркивалась «опасность дальнейшего расхождения между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства (как) главная опасность текущего момента». Резолюция впервые выделила два основных источника повышения производства зерна, предусмотрев на 1929 г. расширение посевных площадей на 7% и повышение урожайности — на 3% [95], что нашло свое отражение в контрольных цифрах [96].

В специальной резолюции Пленума о положении в Северо-Кавказском крае отмечалось, что посевные площади составили только 88%, а общие валовые сборы полеводства — только 57,2% от довоенного уровня, но особенно резко сократилось производство товарного зерна, поэтому крайкому было рекомендовано исходить в своей работе «из необходимости дальнейшего укрепления классовых позиций пролетариата в деревне и дальнейшего ограничения капиталистических кулацких элементов». Пленум наметил ряд мер по улучшению положения сельского хозяй-

ства в этом районе, таких, как контрактация, трактороснабжение, расширение колхозного и совхозного строительства и улучшение работы по организации батрачества. Обе резолюции были приняты единогласно [97].

Сразу после Пленума ЦК состоялся пленум МК. Выступивший на нем Молотов говорил о «товарищах, которые допустили в последнее время некоторые ошибки, а именно примиренческие настроения в отношении правого уклона», но не назвал при этом ни одной фамилии. Пленум освободил Угланова от обязанностей секретаря МК по его просьбе и постановил избрать секретарями МК Молотова и Баумана. Были сделаны и другие перестановки в руководстве Московской партийной организации, дающие все основания назвать их «чисткой» [98]. Состоявшийся 30 ноября 1928 г. очередной Пленум МК, на котором вновь выступил Молотов, выразил горячее одобрение резолюции ноябрьского Пленума ЦК [99]. Выступивший в тот же день перед собранием актива Ленинградской партийной организации Рыков остался верен официальной линии партии, но, осудив должным образом правый уклон, он в то же время подверг критике «Комсомольскую правду» за то, что в своих нападках на правый уклон она доходит до крайности [100]. На высшем уровне пока никаких прямых санкций принято не было, и даже Фрумкин остался на своем посту. Однако последовавшее месяцем позже освобождение Томского от обязанностей председателя ВЦСПС явилось, во всяком случае отчасти, отголоском этих событий [101].

В последние месяцы 1928 г. медленно, но неотвратимо стал углубляться раскол внутри партийного руководства между двумя группировками — между теми, кто продолжал верить в возможность обеспечения хлебозаготовок лишь путем уступок индивидуальному крестьянскому хозяйству, и теми, кто считал, что хлеб при тех ценах, какие государство и промышленность могли себе позволить платить за него, можно будет в конечном счете получить только путем притеснения кулака и при помощи коллективизации. Этот раскол — являясь отчасти причиной, отчасти следствием — очень точно отражал прогрессирующее ухудшение отношений между крестьянством, в руках которого находился хлеб, и властями, обеспокоенными дальнейшей судьбой хлебозаготовок. В течение всего 1928 г. после заготовительного кризиса января — марта этого года, продолжалось активное наступление на юридические права зажиточного крестьянства. 24 марта 1928 г. пленум Особой Коллегии Высшего контроля по земельным спорам при Президиуме ВЦИК принял определение «О землепользовании лиц, существующих на нетрудовые доходы», которое гласило: «Землепользователи, для которых доход от их нетрудовых занятий является основным и вполне достаточным источником существования, не принадлежат к составу трудового земледельческого населения и поэтому, в силу ст. 9 Земельного кодекса, не имеют права поль-

зования землей». Согласно другому, более позднему постановлению, от 21 июня 1928 г., участок, обрабатываемый при помощи наемного труда, подлежал изъятию у этого землепользователя на основании статьи той же [102]. Независимо от того, применялись ли постановления на практике или нет, они служили постоянным предупреждением всем тем, кто осмеливался игнорировать решения органов государственной власти. Существовали и другие средства. Статья 60 Земельного кодекса предусматривала временное, «на срок не более одного севооборота» лишение земельным обществом права пользования землей, если землепользователь «оставит землю без хозяйственного использования» или сдаст ее в аренду с нарушением закона. По-видимому, на практике эта статья применения не имела, поэтому наркомземы союзных республик издали специальный циркуляр, в котором разъяснялось, что сокращение посевной площади — это один из «наиболее ярких видов оставления земли без использования» и что там, где «земельные общества недостаточно четко применяют ст. 60 к своим членам, умышленно сократившим посевы», сельсоветам надлежало наблюдать за приговорами земельных обществ по этим вопросам и в случае необходимости обжаловать их в земельных комиссиях [103]. На этом основании на Украине в 1928 г. у кулаков было изъято 61 250 га земельных излишков [104]. Всякие попытки, успешные и безуспешные, ограничить аренду земли [105] были направлены в основном против зажиточного крестьянства, применявшего эту практику наиболее широко. Опровергая утверждение Фрумкина о том, что якобы «объявление кулака вне закона привело к беззакониям по отношению ко всему крестьянству», Сталин в своем июльском 1928 г. письме в Политбюро с возмущением писал о том, что неверно, «что кулак объявлен вне закона» [106], а ноябрьский Пленум ЦК пытался вновь приободрить зажиточное крестьянство, воспев дифирамбы «революционной законности»:

«Без этой последней, без упорядочения и строгого проведения заранее известных населению норм не может быть уверенности в ведении хозяйства, хозяйственного расчета, индивидуального плана, т. е. не может быть роста производительных сил крестьянского хозяйства...

...революционная законность вызывается хозяйственной необходимостью» [107].

Но при всем при том, что было открыто много каналов для наступления на зажиточное крестьянство в рамках закона, обещания защитить его от противозаконных действий, если кто-то и верил в них, большого значения не имели.

Реакция зажиточного крестьянства на эти действия была аналогична его реакции на «чрезвычайные меры» — растущая враждебность по отношению к режиму и усиливающийся протест против беззакония. И хотя не все то, в чем обвиняли кулаков, было правдой и, вероятно, не всех, оказывающих сопротивление влас-

тям, можно было однозначно назвать кулаками, тем не менее деревенское кулачество, несомненно, пыталось настроить бедняков против проводимых властями мероприятий — контрактации, машинизации и коллективизации — и пускало в ход уговоры, подкуп и запугивание [108]. Выступая на московском совещании редакторов газет в сентябре 1928 г., Молотов в деталях рассказывал о том, как в Вотской автономной области кулачество при попустительстве сельсовета огранизовало зверское избиение 300 бедняков и середняков. Виновные предстали перед судом и были приговорены к различным срокам заключения — от 3 до 10 лет [109]. Случаи расправы недовольного крестьянства с селькорами (в том числе и убийства), получившие широкое распространение в 1925 г. [110], но затем было стихнувшие, летом 1928 г. вновь стали темой газетных новостей [111]. По мере нарастания накала борьбы с правым уклоном в партии, увеличивался и поток сообщений о кулацком вредительстве в печати. Центральной Контрольной Комиссией была принята резолюция, призывающая к более суровому наказанию всех тех, «кто терроризирует селькоров» [112]. В конце октября 1928 г. «Правда» писала о том, что за последние два месяца жертвами «кулацкого террора» пали 44 общественных работника деревни, из них — 14 селькоров, а несколько дней спустя она отмечала «все более учащающиеся случаи поджога кулаками колхозов, порчи ими общественных машин и т. д.» [113]. В районе Восточной Сибири «вооруженная контрреволюционная банда, состоявшая из бывших карателей колчаковской армии и местных кулаков», нападала на сельскохозяйственные коммуны и сельсоветы, на крестьянские обозы с хлебом для государства и «чинила расправу над партийными и советскими активистами» [114]. Враждебная эмигрантская газета «Социалистический вестник» назвала это явление «массовым террором против сельских коммунистов», пришедшим «на смену крестьянским восстаниям» [115]. Газета «Беднота», описывая в своей передовой статье враждебные действия кулачества против Советской власти, назвала их «вредительством», используя термин, который обычно употреблялся для обозначения промышленного саботажа, при этом она также называла кулаков «поджигателями», «убийцами» и «погромщиками», приводя многочисленные примеры поджогов хлеба в совхозах и колхозах, грабежей и бандитизма, «включая убийства рабочих совхозов и колхозов» [116]. Выступавшие на VI съезде профсоюза сельхозрабочих Всеработземлеса (ноябрь 1928 г.) делегаты говорили о том, что кулаки не принимают на работу членов союза и всячески притесняют батраков, которые работают в Советах или принимают участие в союзной работе, и что очень часто дело доходит до убийства батраков [117]. 28 ноября 1928 г. в Москве открылся 4-й Всесоюзный съезд рабселькоров (3-й состоялся два с половиной года назад), на котором с докладом выступил Бухарин. Стараясь избегать всяких упоминаний о недавних разногласиях, он говорил о том, что нельзя ослаблять темпы промыш-

ленного строительства и что, поскольку «кулак схватился местами за оружие», необходимо, чтобы «середняк шел с нами» [118]. Ситуация обострялась все больше и больше. Было вполне очевидно, что не все жертвы официальной политики и не все ее противники подпадают под узкую категорию «кулачества».

Атмосфера разногласий и напряженностьи отнюдь не способствовала урегулированию наболевшей проблемы хлебозаготовок. Вслед за повышением хлебозаготовок в сентябре — октябре 1928 г. [119] наступило очередное снижение в ноябре — декабре [120]. Выступая на 3-й сессии ВЦИК РСФСР (ноябрь 1928 г.), нарком земледелия РСФСР Кубяк обрисовал тяжелое положение в двух крупнейших зерновых районах в центральной и юго-восточной части страны, сложившееся в результате неурожая [121]. II конференция Коммунистической партии Украины, состоявшаяся весной 1929 г., обсуждала хлебозаготовительный кризис, вытекающий из «повторного недорода», затронувшего основной ее сельскохозяйственный район — степь» [122]. В результате снижения урожая и повышения в августе цен на зерновые культуры индекс цен на сельскохозяйственную продукцию в частной торговле сизился с 1 июля по 1 октября 1928 г. с 293 до 285 пунков, а с сентября 1928 г. он вновь стал повышаться и к 1 января 1929 г. достиг рекордно высокого уровня — 299 пунктов, поставив тем самым частного торговца в очень выгодное положение [123]. Некоторые крестьяне предпочитали перемалывать зерно на муку и продавать ее мешочникам, чем сдавать зерно заготовителям [124]. «Зажиточно-кулацкие слои деревни систематически бойкотируют хлебозаготовки», — писал журнал «Вопросы торговли», отмечая при этом «повышение... частного хлебооборота» [125]. Между тем крестьянство, как всегда, испытывало острую нехватку промтоваров. 17 января 1929 г. наркомторг СССР издал директиву, в которой устанавливался порядок отпуска промтоваров по районам «в соответствии с ходом хлебозаготовок», что было бы правильнее назвать «оголением одних районов за счет других» [126]. В отдельных случаях имел место сбыт промтоваров в форме натурального обмена, что официально запрещалось [127].

К концу 1928 г. хлебозаготовительный кризис принял угрожающие размеры. «Правда» от 5 января 1929 г. обращала внимание на то, что с ноября началось значительное падение заготовок. Как и в предыдущем, 1927 г., руководители партии и правительства (хотя и в меньшем составе) отправились в основные хлебозаготовительные районы страны: Микоян — в Сибирь, Кубяк — в Казахстан и Каминский — в Среднее Поволжье, но их сообщения о ходе хлебозаготовок были противоречивы и не давали четкой картины о состоянии дел [128]. То, что происходило в деревне в начале 1929 г., освещалось не так широко, как хлебозаготовительная кампания предыдущего года. Проблема хлебозаготовок была не нова, все не только устали от нее, но, главное, не знали, что с ней делать. У крестьян больше не было огромных

запасов припрятанного хлеба, конфискация которых помогла в начале 1928 г. спасти план заготовок. Все крестьянство в целом оказалось намного ближе к черте голода, чем в прошлом году. Для того чтобы уплатить сельскохозяйственный налог, крестьянам приходилось продавать скот, и в некоторых районах рыночные цены на скот упали ниже официальных [129]. Чрезвычайные меры, которые, по-видимому, помогли найти выход из создавшегося положения год назад, теперь получили официальное осуждение.

«Правда» писала о том, что растет количество «жалоб на неправильные действия местных представителей советской власти» [130], рассмотрением которых занималась прокуратура. Сообщалось, что в Сибири юридические санкции против кулачества, включая пресловутую ст. 107, «за редкими исключениями», не применялись. Однако положение с хлебозаготовками было крайне острым, а политика потворства кулаку могла вызвать еще более резкое осуждение, чем суровые меры. Поэтому в Сибири, на Урале и Казахстане ЦК, по-видимому, санкционировал проведение по постановлению местных властей более или менее открытой реквизиции хлеба под видом самообложения, и эти «экономические репрессии... на основе закона о самообложении... дали весьма основательные положительные результаты» [131]. Впоследствии Сталин говорил о том, что «уральско-сибирский метод хлебозаготовок... дает возможность мобилизовать трудящиеся слои деревни против кулачества» [132]. Этот метод зародился в одной из деревень Новосибирского округа, где избранная бедняками и середняками комиссия распределила среди крестьянских хозяйств индивидуальные плановые задания по сдаче зерна, причем на долю кулацких дворов пришлось 65% плана хлебозаготовок, а на долю середняков — 35%. Отказавшимся выполнить твердое задание предлагалось уплатить стоимость причитавшегося хлеба в пятикратном размере [133]. Все эти меры встречали сопротивление не только со стороны кулака. В Сибири отмечались случаи массового сопротивления крестьян сдаче хлеба, получившего название «волынок» [134]. «Правда» опубликовала несколько наивный, но удивительный очерк одной журналистки о поездке женщины — председателя райисполкома по деревням Поволжья. Когда она приехала в первую деревню и стала говорить крестьянам о том, что необходимо подтянуть животы, но хлеб сдать и помочь народу, один из бедняков стал всячески ругать председателя сельсовета и кулаков, укрывающих хлеб, но, когда она предложила объявить ему бойкот, в зале воцарилась тишина — никто не хотел наживать врагов. Во второй — сразу, как только узнали о ее приезде, все укрыватели уехали в город, а без них ничего нельзя было сделать. В третьей — крестьяне избили уполномоченного по заготовкам палками, поэтому она решила без оружия на заготовки не ездить [135].

Обо всех этих событиях шла речь во время бурных дискуссий,

развернувшихся на XVI партийной конференции, состоявшейся в апреле 1929 г. и на состоявшемся месяцем позже V съезде Советов [136]. Выступая на конференции и говоря в основном о положении в Сибири, член ЦК Эйхе пытался опровергнуть утверждения о том, что якобы «в партии приобретают права методы чрезвычайщины», но вместе с тем заметил: «...без борьбы с капиталистическими элементами мы... плана не выполним» [137]. Сталин, признавая, что в Аджарии «идут волнения», то есть «так называемое восстание», в то же время обвинял оппозицию в том, что она раздувает «такую ничтожную мелочь» [138]. Другой делегат, от Нижнего Поволжья, говорил о том, что сначала они пытались бронировать промтовары только для хлебосдатчиков, организуя красные обозы, приветствуя тех кулаков, которые сдают хлеб, но затем эти меры оказались недостаточными и пришлось перейти к более жестким, таким, как «многократное самообложение» и «бойкоты» в различных степенях и в различных формах. Он назвал это «врастанием в чрезвычайные меры», чем вызвал смех в зале [139]. Никто из выступающих не отрицал того факта, что были допущены отдельные перегибы. Завоевавший в годы гражданской войны большую популярность Буденный осудил «принудительные меры» и «чиновничий подход» по отношению к крестьянству, которое не всегда понимает, чего от него требуют. Выступая несколько недель спустя на V съезде Советов, Буденный и Рыков говорили об ошибках и перегибах [140]. Другой делегат съезда сказал: «Мы неоднократно читали в газетах распоряжения правительства о том, что насильственные меры недопустимы, а они продолжаются» [141]. Позднее печать писала о так называемых «методах общественного воздействия», принимаемых по отношению к «злостным несдатчикам хлеба» (лишении через общие собрания пайщиков прав на получение дефицитных товаров в кооперации, лишении кредитов, исключении из членов кооперации и т. д.) и по отношению к частникам, хлебным спекулянтам, загнанным в подполье [142]. Однако все это вовсе не означало, что отказ от возврата к «чрезвычайным мерам» первых месяцев 1928 г. являлся серьезным препятствием на пути хлебозаготовительной кампании 1928/29 г.

В этих исключительно трудных условиях хлебозаготовки шли все хуже и хуже. После спада, наступившего в ноябре — декабря [143], в январе — марте 1929 г. они упали еще ниже, составив лишь небольшую часть от объема заготовок 1928 г., и намного ниже объема двух предыдущих лет. С каждым месяцем заготавливалось все меньше хлеба, в том числе пшеницы и ржи. Незначительное повышение, отмечавшееся в мае — июне, произошло, по мнению Микояна, благодаря «...нажиму на кулака и мобилизации середняцкой и бедняцкой общественности...» [144]. К концу сельскохозяйственного года (30 июня 1929 г.) хлебозаготовки составили 8,3 млн. т, из них пшеницы и ржи — только 5,3 млн. т, тогда как в предыдущем, 1927/28 г. они составили 10,3 млн. т,

из них пшеницы и ржи — 8,2 млн. т [145]. Цифры, приведенные Микояном в его докладе на Пленуме МК в июне 1929 г., свидетельствовали о том, что в 1927/28 г. заготовки на Украине, Северном Кавказе, Крыму и ЦЧО составляли 67,5% от общего объема по стране, а в 1928/29 г. — только 31,1%. Доля одной только Украины сократилась с 40,8% в 1927/28 г. до 15,2% в 1928/29 г. [146]. Плановые заготовки в валовом сборе зерна по всем производящим районам страны составили в 1926/27 г. — 17,1%, в 1927/28 г. — 17,6, а в 1928/29 г. только 14,2%, в том числе: по южным районам — 11, центральным — 12,2 и восточным — 20%. Понижение процента плановых заготовок произошло в основном за счет главных продовольственных культур — пшеницы и ржи [147]. Частично проблема нехватки хлеба решалась за счет импорта, но в основном за счет смешивания при выпечке хлеба овсяной и кукурузной муки с пшеничной и ржаной, за счет использования муки более грубого помола, а также при помощи хлебных карточек [148]. Положение усугублялось еще и тем, что возникшими затруднениями пытался воспользоваться частник. Удельный вес частного сектора в хлебозаготовках в 1927/28 г. составлял только 12%, в 1926/27 г. — 14, а в 1929 г. — уже 23%. Наибольшего размаха частный рынок достиг в крупнейших хлебных районах на юге страны (Украина и Северный Кавказ), где через руки частника прошло 29% всей торговли хлебом. Но отнюдь не весь хлеб попадал в крупные центры. Одним из источников прибыли частного торговца стали «межрайонные переброски хлеба». Декабрь 1928 г. и январь 1929 г. явились «медовыми месяцами межрайонной спекуляции хлебом», после чего против нее «стали применяться более жесткие меры», и частнику пришлось уйти в подполье [149]. Тем не менее все это причинило значительный ущерб хлебозаготовительной кампании и вновь продемонстрировало сопротивляемость и живучесть частного хлебного рынка.

Хлебный кризис проявился в резком колебании цен. Начиная с 1 октября 1928 г., стали неуклонно повышаться как официальные заготовительные, так и частные цены на сельскохозяйственную продукцию. В конце 1928 г. рыночные цены на пшеницу составляли по разным районам от 110 до 341% от уровня официальных цен, на рожь — от 113 до 384% и на овес — от 127 до 307% [150]. С 1 января 1929 г. частные цены на сельскохозяйственную продукцию, вне всякой связи с официальными заготовительными ценами, резко возросли [151]. Этот рост был особенно заметен в ценах на зерновые культуры. Свободные рыночные цены на зерновые превысили цены предыдущего года в Поволжье на 37—38%, в Сибири — на 39, Северном Кавказе — на 130, ЦЧО — на 151 и в Крыму — на 178%. В целом по всей стране уровень частных цен повысился по сравнению с 1927/28 г. на 100%, а на пшеницу и рожь еще больше [152]. По официальным подсчетам, производящие районы получили в результате продажи своей продукции в 1928/29 г. 932 млн. руб., тогда как в предыдущем году — только

666 млн. руб. [153]. Если в обобществленном секторе разница в ценах на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары складывалась все еще в пользу последних, то в частном секторе наметился явный перевес в сторону цен на сельскохозяйственную продукцию [154], хотя дефицит промтоваров делал этот перевес весьма иллюзорным. В течение всего года разрыв между рыночными и официальными ценами непрерывно увеличивался. За один только март частные цены на пшеницу повысились на 23,6% [155]. Частные цены на муку в апреле 1929 г. превысили цены предыдущего года в производящих районах в три раза, а в потребляющих — в четыре [156]. В результате разрыва между растущими ценами на зерно и твердыми ценами на хлеб в городе стали наблюдаться странные аномалии в отношении хлеба. Например, в ряде городов Украины крестьяне скупали по дешевой цене хлеб для еды и на прокорм скоту, а свое зерно реализовали по более высоким ценам на базарах [157]. Добиться в этих условиях сдачи крестьянством хлеба официальным заготовительным органам можно было только при помощи определенного нажима. Даже колхозы иногда продавали свой хлеб на частных рынках [158]. Таким образом, попытки организовать кампанию добровольной сдачи хлеба провалились.

ГЛАВА 4

ЗЕМЛЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

Временное затишье, наступившее после бурных споров 1925 г. о земельной политике партии, способствовало активизации усилий по уточнению давнишних неясностей земельного законодательства. Еще осенью 1922 г. был принят Земельный кодекс РСФСР, который затем с небольшими поправками был принят и другими союзными республиками [1]. Вступившая в силу в конце 1923 г. Конституция СССР провозгласила, что, помимо прочих функций, к компетенции союзного правительства относится и «установление общих начал землеустройства и землепользования», но никаких практических шагов для проведения этой статьи в жизнь предпринято не было. Летом 1926 г. Комиссия Законодательных Предположений при Совнаркоме РСФСР [2] разработала проект «Общих начал землепользования и землеустройства», который подлежал утверждению на сесии ЦИК СССР до конца зимы следующего года. Ознакомившись с этим внушительным документом, СНК СССР на своем заседании 29 июня 1926 г. принял решение передать его на предварительное обсуждение в Коммунистическую академию с привлечением всех крупнейших экономистов и специалистов по аграрному вопросу и земельному праву [3]. Свой проект, втрое меньший по объему и не столь грандиозный, представил в Академию и СНК РСФСР, а несколько позже и СНК БССР, назвавший проект КЗП неприемлемым, поскольку он якобы являлся попыткой навязать Всесоюзный земельный кодекс, что противоречило Конституции [4]. Все эти проекты довольно подробно обсуждались на заседании аграрной секции Коммунистической Академии, проходившей с 30 сентября по 4 октября под председательством Милютина, и менее подробно — на заседании секции общей теории права и государства, состоявшейся 14 октября 1926 г. В следующем месяце они обсуждались крестьянами — членами ВЦИК РСФСР, а затем — сессией ВЦИКа в Москве [5]. И наконец, 15 января 1927 г. было принято постановление Президиума Коммунистической академии, выражающее мнение аграрной секции по этим проектам [6]. В нем говорилось, что проект СНК РСФСР «является более приемлемым», чем про-

ект Комиссии Законодательных Предположений СНК СССР, который «вдается в излишние подробности». Постановление отмечало упущения обоих проектов, но не давало четкого и ясного ответа на поставленные вопросы. Состоявшийся в апреле 1927 г. IV съезд Советов одобрил проделанную работу и указал на необходимость «продолжения обсуждения этих «начал» как в центре, так и на местах»[7]. Вплоть до октября 1927 г., когда состоялась сессия ЦИК СССР, никаких новых шагов не предпринималось. Выступивший на сессии Милютин предложил отложить рассмотрение вопроса до следующей сессии, чтобы иметь возможность обсудить его еще раз с привлечением широких масс. Предложение было принято[8] *.

Однако одновременно с этим вышло постановление Центрального Комитета партии от 20 октября 1927 г. («Директивные указания для выработки союзного закона о землеустройстве и землепользовании»), которое дало проекту новый толчок. Все это свидетельствовало о том, что осенью 1927 г. наметились изменения в основных направлениях политики партии в деревне. Теперь главная ее цель формулировалась как «обеспечение все большего усиления роли и значения социалистического строительства в сельском хозяйстве. Предлагалось «ограничить практику выделения на отруба и особенно хутора, совершенно прекратив ее в тех случаях, где она ведет к росту кулацких элеменов». Это означало отмену свободного выбора форм землепользования, установленного Земельным кодексом 1922 г. и подкрепленного в 1925 г. Было обещано содействие совхозам и другим формам коллективного земледелия[9]. В своем выступлении на XV съезде партии Кржижановский сказал, что придает этим директивам «колоссальное значение», так как в них даются «прямые указания как раз в сторону перекрытия индивидуального хозяйства коллективизирующимся крестьянским хозяйством»[10]. После опубликования этих директив Совнарком создал комиссию специалистов по аграрному вопросу и земельному праву под председательством Милютина для дальнейшей доработки проекта. Новый проект получился значительно длиннее каждого из первых трех. Он был представлен на рассмотрение сессии ЦИК СССР в апреле 1928 г., на которой было принято решение направить его союзным республикам «для предварительного обсуждения рабочими и крестьянами местных Советов и советскими общественными организациями» с тем, чтобы утвердить его на следующей сессии ЦИКа с учетом всех высказанных замечаний[11]. Окончательный вариант проекта со всеми поправками и дополнениями, после широкого обсуждения на местах, в исполкомах, сельсоветах, земельных обществах и комитетах бедноты был представлен на рассмотрение

---

* На 2-й сессии ЦИКа СССР (октябрь 1927 г.) этот вопрос не обсуждался и Милютин не выступал, он внес это предложение на 3-й сессии ЦИКа СССР 4-го созыва в апреле 1928 г. — *Прим. ред.*

сессии ЦИК в декабре 1928 г. и после непродолжительных прений наконец утвержден. Центральным исполнительным комитетам союзных республик было предложено в 6-месячный срок произвести пересмотр своих законодательств в соответствии с Общими Началами [12].

Несмотря на некоторые юридические неточности отдельных его положений, этот документ очень легко стали называть законом. Сам факт, что его обсуждение растянулось на два с половиной года, свидетельствовал о сложности рассматриваемых вопросов и, очевидно, о бесплодности попыток решить их при помощи одного законодательного акта. Высказанные союзным республикам рекомендации о приведении их земельных кодексов в соответствие с новым документом, по-видимому, ни к чему не привели. Разработанный Наркомземом РСФСР новый Земельный кодекс был представлен на рассмотрение коллегии, одобрившей его на утверждение СНК РСФСР [13]. По-видимому, на этом дело и кончилось. Впоследствии проект комиссии Наркомзема РСФСР был подвергнут критике за то, что он якобы «уводил... назад» от Общих Начал [14]. Таким образом, задача пересмотра земельных законодательств союзных республик в свете Общих Начал осталась невыполненной. Однако как Общие Начала, так и предшествующие им дискуссии послужили весьма ценным ориентиром для выработки сельскохозяйственной политики в этот период и политики по отношению к тем, кто им занимается.

Собственность на землю была несколько непривычным и относительно новым социальным и юридическим понятием для России. Традиционно царь считался хозяином всех земель в стране, которой он управлял. Крестьяне имели право лишь пользоваться землей, которую они обрабатывали совместно со своими семьями. Это право было основополагающим, из него вытекали все другие права. Когда царь жаловал своим верноподданным поместья, то самое ценное заключалось не столько в земельных угодьях, сколько в крестьянах, обрабатывающих их, ибо рабочие руки, а не земля, являлись дефицитом, земля же без крепостных была бесполезным даром. И только с развитием капитализма в России (XVIII—XIX вв.) земля стала объектом свободной купли и продажи (без учета интересов тех, кто ее обрабатывал), чему во многом способствовала отмена крепостного права и еще в большей степени Столыпинская реформа, предоставившая право юридической собственности на землю не только крупному и мелкопоместному дворянству, но и крестьянству. Против такого права собственности на землю всегда выступали враги капитализма — «народники», считавшие, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. В ходе предшествующих революции 1917 г. споров Ленин и большевики выдвинули программу национализации земли [15], против которой выступили эсеры, нашедшие для своей земельной программы хотя и несколько туманное, но бо-

лее соответствующее русским традициям слово. Они заявили, что земля должна стать народным «достоянием».

Принятый на другой день после победы Октябрьской революции Декрет о земле провозгласил конфискацию помещичьих (но не крестьянских) земель. В него полностью вошел составленный эсерами Крестьянский наказ о земле, который предстояло утвердить на Учредительном Собрании. Декрет провозгласил отмену частной собственности на землю, которая объявлялась «всенародным достоянием» и переходила в пользование «всех трудящихся на ней». В Декрете от 14 февраля 1918 г., составленном также совместно с левыми эсерами, эти положения дальнейшего развития не получили [16]. Постановление ВЦИК от 14 февраля 1919 г. («О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию») провозгласило необходимость «перехода от единоличных форм землепользования к товарищеским», вся земля в пределах РСФСР объявлялась «единым государственным фондом» [17]. В Земельном кодексе РСФСР, принятом в декабре 1922 г., впервые было ясно сказано, что все земли в пределах РСФСР составляют «собственность Рабоче-Крестьянского Государства» (ст. 2), хотя при этом вновь повторялась и старая формулировка о «едином государственном фонде». Право «бессрочного пользования землей» (ст. 11) предоставлялось всем «гражданам РСФСР (без различия пола, вероисповедания и национальности), желающим обрабатывать ее своим трудом» (ст. 9) [18]. Вопрос об аренде не стоял, ибо землепользователь не являлся ни орендатором земли у государства, ни ее собственником. Земля не могла быть предметом купли-продажи, залога, дарения, завещания или обмена. Все ограничения и оговорки, обусловливающие право землепользователя сдавать землю в аренду, на практике оказались бессмысленными, а теоретически понятие собственности на землю оставалось весьма туманным и расплывчатым. Как и в царской России, при Советской власти не было проведено четкого различия между собственностью на землю и суверенитетом. Земля, выделяемая совхозам или государственным трестам, являлась «государственной собственностью» в том смысле, что она регулировалась нормами гражданского права, а вся остальная земля считалась «государственной собственностью» в ином сысле и фактически регулировалась нормами государственного права. Ст. 1 Общих Начал решительно заявляла: «Всякого рода сделки, нарушающие в прямой или скрытой форме начало национализации земли (купля-продажа, залог, дарение, завещание земли, самовольный противозаконный обмен землей и т. п.), недействительны и влекут за собой уголовную ответственность участников этих сделок».

При разработке первоначальных проектов Общих Начал в 1926 г. все еще можно было слышать настойчивые требования прочного закрепления земли за землепользователем, иногда предлагались весьма крайние формулировки, фактически граничащие

с признанием частной собственности на землю [19]. Вслед за Земельным кодексом 1922 г. требование о предоставлении землепользователю права «бессрочного» пользования землей было выдвинуто во всех трех проектах Общих Начал. В проекте КЗП Совнаркома СССР особый упор делался на то, что земли, закрепленные за земельными обществами, коллективными хозяйствами и дворами, дальнейшему перераспределению не подлежат (ст. 48) [20]. Но еще до принятия Общих Начал в 1928 г. стала высказываться противоположная точка зрения, и в конце концов верх одержал более осторожный подход. Упор на коллективизацию требовал закрепления принципов национализации земли, а не очевидных нарушений этих принципов на практике [21]. Общие Начала провозгласили установление на землю «государственной собственности Союза ССР», что положило конец всем спорам о том, является ли земля собственностью СССР, не существовавшего в момент национализации земли, но фактически сразу же после своего создания присвоившего себе право распоряжаться всеми землями, сдавая их в концессию иностранным предпринимателям, выделяя земли переселенцам и распределяя их среди союзных республик, хотя, согласно утвержденным Земельным кодексам этих республик, земля провозглашалась их собственностью. Предложение Белоруссии решить эту головоломку путем проведения четкого различия между землей как территорией, подпадающей под действие государственного права (и в этом смысле являющейся собственностью СССР), и землей как категорией, подпадающей под действие земельного права (и в этом смысле являющейся собственностью данной республики) [22], поддержки не нашло.

В отличие от Земельного кодекса 1922 г., в Общих Началах был приведен подробный перечень субъектов права землепользования. Земля предоставлялась в пользование: «земельным обществам и другим объединениям с единоличными и смешанными формами землепользования», дворам, коллективным и советским хозяйствам, другим государственным (в том числе городским) учреждениям и «общественным организациям (крестьянским обществам взаимопомощи, комитетам незаможних селян и т. д.)» (ст. 5). Однако сбивало с толку то, что все эти организации наслаивались одна на другую. Как отмечалось в комментарии к одному из проектов Общих Начал, трудовое землепользование предполагало наличие четырех субъектов права на одну и ту же землю: отдельного гражданина, двора или сельскохозяйственного коллектива, земельного общества и государства [23]. Права землепользователя, частично регламентируемые нормами гражданского права, но ограниченные рамками государственного права, все еще сохранили на себе отпечаток феодальных времен, когда землепользователь был обязан соблюдать определенные условия и порядок землепользования. Земля предоставлялась крестьянству уже не в «бессрочное пользование», а «без установления наперед

определенного срока» (ст. 10). В ходе прений обращалось внимание на неправильное толкование термина «бессрочное пользование» как «вечное пользование» [24].

О странном порядке землепользования можно было судить хотя бы по различным ситуациям, возникавшим в отношении земли и другой собственности при выделении крестьянского хозяйства из земельного общества или «мира». В одних случаях производился раздел земли и выделяющийся двор получал свою часть, в других — он вообще лишался всяких прав на землю. Принятие решения зависело от земельных комиссий, являвшихся государственными органами [25]. Статья 25 Земельного кодекса гласила: «Все сооружения, постройки, посевы и другие растения, и вообще все, соединенное с участком земли, находящимся в пользовании землепользователя, принадлежит ему». Все спорные вопросы решались через суд в соответствии с нормами гражданского права. Но на практике решать их было весьма сложно, поскольку большая часть этой собственности относилась непосредственно к участку и была неотделима от него. Это лишний раз подчеркивало всю сложность задачи по выработке жестких юридических норм, регламентирующих решение вопросов, которые продолжали решаться в зависимости от местных условий [26]. Ни для кого не было секретом, что продажа земли «под теми или другими формами» [27] все еще продолжалась. В принятые в 1928 г. Общие Начала не вошло принципиальное положение, сформулированное в ст. 25 Земельного кодекса, но в них имелась оговорка о том, что законодательства союзных республик должны предусмотреть меры по обеспечению «возмещения убытков и неиспользованных затрат», а также «кредитования маломощных хозяйств, уплачивающих возмещение неиспользованных затрат» (ст. 13). Что же касается принципа недопустимости частной собственности на землю, то он остался незыблем.

Самой мелкой хозяйственной единицей по использованию и обработке земли в русской деревне с незапамятных времен являлся «двор», или «хозяйство». В жизни отсталого, плохо организованного общества он играл весьма важную роль. В краткой записке к проекту Общих Начал КЗП СССР 1926 г. говорилось: «Отдельный гражданин не имеет прямого и самостоятельного права на землю. Пользоваться землей он может не иначе, как в составе двора или сельскохозяйственного коллектива. Носителем права трудового пользования в полном объеме является двор или сельскохозяйственный коллектив» [28]. Однако, несмотря на категоричное и широко распространенное мнение, в период, когда обсуждался проект Общих Начал, двор стал постепенно приходить в упадок. Патриархальная семья, где отец командовал сыновьями, а мать — невестками и которая включала в себя слуг и фиктивных родственников-приемышей [29], была типичной семьей эпохи крепостного права и натурального хозяйства. В конце XIX в.

двор состоял в среднем из 5—6 душ, и лишь в некоторых губерниях ЦЧО — Воронежской, Тамбовской и Рязанской — свыше 6 душ [30]. В середине 20-х годов среднее число душ в крестьянском дворе не превышало 5,2. И лишь среди зажиточного крестьянства сохранились дворы в виде больших семей, объединенных общей хозяйственной деятельностью. Приводимая ниже таблица свидетельствует о зависимости числа душ в крестьянских дворах от их социальной принадлежности:

Социальные группы	Количество хозяйств (тыс.)	Население (тыс.)	Среднее количество душ в хозяйстве
Бедняки	5 200	22 400	4,3
Середняки	13 900	76 700	5,5
Кулаки	780	5 000	6,3

Другие данные свидетельствовали о том, что крестьянские хозяйства, имевшие менее двух десятин земли, состояли в среднем из 4,3 души, а свыше 16 десятин — из 6,4 души [31]. Но, конечно, ситуация существенно отличалась от района к району. В конце 20-х годов в Сибири все еще можно было встретить крупное кулацкое хозяйство — настоящую «патриархальную семью», насчитывающую свыше 20 человек во главе со старым хозяином, но такие семьи уже были большой редкостью [32].

Двор как единица примитивного натурального хозяйства основывался на предположении о том, что все члены этого хозяйства сообща работают и сообща потребляют производимую ими продукцию внутри самого хозяйства, без всяких денежных расчетов. Но как только появилась возможность заработать несельскохозяйственную продукцию или сельскохозяйственную продукцию, но за пределами двора и как только члены двора стали попадать в зависимость от промышленных, пускай самых простых, товаров, начали зарождаться элементы денежных отношений. До революции около 6,5 млн. крестьян в год оставляли свои дворы и уходили на отхожие промыслы, из них 3 млн. — на земледельческие работы, 2,5 млн. — на строительные и дорожные работы и 1 млн. — на другие виды работ [33]. Денежные приходы и расходы крестьянского хозяйства в Центральной полосе России составляли от 25 до 50% всех приходов и расходов [34]. Однако элемент личной собственности и личной выгоды был несовместим с функционированием двора как коллективной единицы. Шли споры о том, какую часть доходов от неземледельческих заработков должен вносить каждый член двора в общий котел (то есть фактически главе семейства) [35]. Поступали жалобы на «неравенство трудовой нагрузки отдельных членов двора» [36]. Невыносимое бремя налогов, наиболее тяжелое для крупных хозяйств, иногда при-

водило к делению дворов [37]. Дальнейшему развитию этих экономических явлений способствовали социальные завоевания революции, такие, как повышение уровня грамотности, обеспечение равноправия женщин и стремление молодежи к самостоятельности. Разделы дворов чаще всего происходили «из-за брани женщин» и «по требованию младших членов двора» [38]. Если раньше в деревне почти ничего не слышали о разводах, то теперь и они докатились до села, а поскольку ст. 66 Земельного кодекса гарантировала лицам, входящим в состав двора вследствие брака или примачества, права на пользование землей и имуществом общего пользования, то жена-крестьянка при разводе могла потребовать свою долю, чему особенно рьяно противились приверженцы старых взглядов о неделимости двора [39]. Таким образом, раздел дворов в 20-е годы очень часто сопровождался ожесточенными ссорами, приводившими к распаду семьи. Журнал «На аграрном фронте» приводит цитату из статьи одного народного судьи из Псковской губернии, который хотя и несколько преувеличил степень описываемого явления, но в общем характеризовал его вполне правильно:

«Кто работает в деревне, тому постоянно приходится наблюдать невыносимые взаимные отношения членов крестьянского двора между собой, заключающиеся в ожесточенной взаимной вражде, нередко выливающейся в избиение более сильным слабых и даже истязание. Явление это, по моим наблюдениям, захватывает до половины всего крестьянского населения и за последнее время все более усиливается».

Если земельная комиссия отказывала в таких случаях в разделе и без того маломощного хозяйства, стороны могли произвести «самочинный раздел «дедовским способом», раздробляя его на мелкие куски, лишь бы освободиться от семейных дрязг» [40].

В 1916 г. в России насчитывалось около 16 млн. крестьянских хозяйств. В течение первых 10 лет после революции их число увеличилось на 50% и к 1928 г. достигло своего максимума 25 586 тыс. [41] Тогда как до 1921 г. стремление к разделу дворов и увеличение их числа объяснялись, несомненно, противодействием Столыпинской реформе и затрагивали в основном более крупные и зажиточные хозяйства, в период НЭПа этот процесс распространился и на середняцкие, и на бедняцкие хозяйства. Нарком юстиции РСФСР Курский (выступая на 3-ей сессии ВЦИКа 12-го созыва в 1926 г.) говорил о том, что ежегодно делится свыше 2% дворов и появляется около полумиллиона новых дворов в год, что является «определенным естественным процессом распада прежней многочисленной семьи»[42]. В отдельных случаях члены двора уходили на заработки в другие места, земля оставалась необработанной и хозяйства переставали существовать. Согласно постановлению СНК РСФСР от 9 октября 1925 г., собственность «заброшенных» дворов переходила в распоряжение крестьянских комитетов взаимопомощи, а если таковые не существали, то к

сельсоветам [43]. Как сообщало «Социалистическое строительство СССР», в период 1927—1929 гг. количество дворов сократилось с 25 млн. до 24,5 млн. [44] Однако прогрессирующее дробление земли на мелкие убыточные хозяйства, число которых продолжало расти, вызывало тревогу всей партии, а также старых экономистов, все еще пользующихся влиянием в Наркомземе, поскольку это вело к снижению урожайности [45] и товарности сельскохозяйственной продукции [46]. Но партия никак не могла прийти к единому мнению относительно средств борьбы с этим явлением. Эффективный запрет дробления дворов мог привести к закреплению неограниченной власти главы семейства, его превращению в крестьянского капиталиста, эксплуатирующего труд других членов семьи, и к установлению режима сельской «буржуазии» [47]. Именно таким хотел видеть двор Столыпин. Стремление сохранить крупные хозяйства отвечало задачам лозунга «ставки на кулака», вновь провозглашенного в 1925 г., но продержавшегося очень недолго. В течение всего периода 20-х годов предпринимались попытки ограничить дальнейшее мельчание крестьянских хозяйств законодательным путем [48]. 30 марта 1927 г. вышла инструкция Наркомзема и Наркомюста по борьбе с дроблением хозяйств, в которой подчеркивалось, что в соответствии с политикой Советской власти, «направленной на укрепление крестьянского хозяйства и развитие его товарности», необходимо предупреждать случаи «нецелесообразных разделов трудовых земледельческих хозяйств». Раздел дворов допускался только в двух случаях: во-первых, при условии, что отделяющиеся дворы могли создать свое хозяйство, и, во-вторых, при условии, что разделившиеся дворы получали количество инвентаря, необходимое для жизнеспособного устойчивого хозяйства. Во всех остальных случаях отделяющиеся теряли право на землю и могли получить лишь небольшую часть движимого имущества на очень жестких условиях [49]. Однако вряд ли эти суровые меры, направленные на сохранение устойчивости двора, применялись на практике [50].

Когда в 1928 г. был разработан окончательный вариант проекта Общих Начал, идея недробимости крестьянского двора была выражена в нем в менее категоричной форме. При его обсуждении Милютин вновь заявил, что, несмотря на многочисленные возражения, «мы не можем запрещать выделов и разделов» земель крестьянских дворов [51]. Принятые наконец-то Общие Начала предусматривали выработку союзными законодательствами мер по «предупреждению чрезмерного дробления трудового хозяйства путем экономических мероприятий, в частности путем организации кредитования крестьянских хозяйств для выплаты возмещения выделяющимся членам двора, а также путем установления норм недробимости» (ст. 13). Однако, когда была предпринята попытка включить в новый Земельный кодекс РСФСР статью об установлении нормы, ниже которой нельзя дробить землю при семейных разделах, нарком земледелия Кубяк выступил против [52].

Тщетность усилий, направленных на ограничение дробления крестьянских хозяйств законодательным путем, становилась все более очевидной. Резюмируя суть проблемы, автор одной из статей, опубликованной в журнале «На аграрном фронте», делал однозначный вывод:

«Методы полного осуществления недробимости крестьянского хозяйства могут быть осуществлены либо капиталистическим путем, то есть уничтожением крестьянского хозяйства как мелкобуржуазного и превращением его в капиталистическое сельскохозяйственное предприятие, либо же социалистическим путем, включением в коллектив... В наших условиях неделимым может быть только социалистический коллектив» [53].

Однако защита «двора» оказалась, практически и теоретически, весьма сложным делом, и это еще раз подчеркнуло важную роль другого освященного временем механизма регулирования стихийного крестьянского хозяйства — «мира», или «общины» (называемой обычно в официальных документах «земельным обществом»). В 20-е годы на всей территории Российской Федерации преобладала общинная форма землепользования. В 1927 г. в пользовании общин находилось свыше 222 млн. га земли, то есть около 95% всех земельных угодий республики [54]. В Белорусской ССР общинного землепользования практически не наблюдалось и двор оставался главной единицей сельского хозяйства. Это объяснялось в основном большой пересеченностью почвы (более пригодной для животноводства, чем для земледелия), наличием большого количества водоемов (что делало совместное землепользование не столь необходимым) и частично сохранившимся влиянием польского и немецкого господства [55]. В Западной Украине, также в прошлом пережившей польское господство, «земельные общества» были весьма слабы и практически никаких переделов земли не производили [56]. В западных и северо-западных районах РСФСР удельный вес общинного землепользования был самым низким и составлял всего 65—75% [57]. В разных районах страны число дворов, входивших в состав «земельного общества», его структура и виды деятельности существенно отличались друг от друга. В 1921 г. в малонаселенных северных и северо-западных губерниях в состав одного общества входило в среднем 20 дворов, в Псковской губернии — всего лишь 11,6 дворов (меньше всего), в губерниях средней полосы России — от 20 до 100 дворов, в южных районах — от 100 и выше, и самое большое число — 547,9 двора — в Ставропольской губернии [58]. Данные о количестве дворов в одном «земельном обществе» в целом по стране существенно различались [59]. Но в тех районах, где наблюдались наибольшие расхождения, среднее «земельное общество» являлось чисто гипотетическим понятием [60].

Из всех форм землепользования общинное являлось самым противоречивым. Одни решительно выступали против «земельного общества», считая его воплощением отсталости сельского хозяй-

ства России, а другие, напротив, всячески отставивали его, утверждая, что оно является символом коллективизма и что на его основе будет строиться социалистическое сельское хозяйство. Каждая из сторон выдвигала свои аргументы, стремясь доказать, что «земельное общество» способствует укреплению или, наоборот, ослаблению мощи кулака [61]. Всякая эта путаница и неопределенность не позволяли выработать четкую и последовательную линию. Многие большевистские теоретики, включая Ленина, считали до революции однозначно, что община — это отживающий организм и что одна из задач революции состоит в том, чтобы ликвидировать ее. Но первые законодательные акты периода НЭПа были нейтральные по отношению к различным формам землепользования, что позволяет сделать вывод о том, что существовала полная свобода выбора. В проекте Общих Начал КЗП Совнаркома СССР отношение к «земельному обществу» было весьма противоречивым. Определяя «земельное общество» как «объединение дворов в целях установления и регулирования для них порядка землепользования» (ст. 25), проект в то же время подчеркивал, что право землепользования принадлежит ему в тех случаях, когда оно перешло к «совместному, т. е. товарищескому, пользованию землей» (ст. 15), однако это условие упорно не соблюдалось. С другой стороны, в последующих статьях этого проекта земельным обществам предоставлялись широкие права на землю и по отношению к его членам (ст. 29) и подчеркивалось, что оно «несет ответственность перед государством за правильное и целесообразное использование закрепленных за ним угодий» (ст. 35).

Широкий диапазон мнений по этому поводу свидетельствовал о том, что партия столкнулась, очевидно, с неразрешимой проблемой. «Беднота» опубликовала в сентябре 1926 г. статью одного крестьянина, в которой тот прямо спрашивал:

«Так что же делать? Община преобладает, с ней приходится считаться. Но без изменения порядков общинного землепользования нечего и думать об улучшении сельского хозяйства, о коллективной обработке земли при помощи машин и т. д.».

В более позднем номере газеты были помещены краткие высказывания крестьян «за» и «против» общины (большинство было против) под рубрикой «Община держит. Как вырваться? — Община рушится. Куда итти?» [62]. Защитники общины опирались на некоторые старые эсеровские лозунги, а также положения аграрной политики партии на раннем этапе. Поскольку процесс дробления кулацких хозяйств, созданных в результате Столыпинской реформы, проходил после революции в форме возврата к общине, казалось по меньшей мере нелогичным, чтобы социалисты ломали этот наиболее крепкий и получивший широкое распространение институт крестьянского землепользования. Но главный аргумент сторонников общины имел другое, более практическое значение и заключался в том, что, как и в царской России, община

по-прежнему являлась инструментом, при помощи которого государство могло управлять разрозненной стихийной крестьянской массой [63]. В заключении к проектам Общих Начал Комиссии Законодательных Предположений и СНК РСФСР, представленном Комакадемии, замнаркома земледелия Свидерский доказывал, что ликвидация земельных обществ как землепользователей «поведет еще к тому, что государство лишится посредствующей организации, через которую оно ныне проводит регулирование земельно-хозяйственных отношений, и станет лицом к лицу с 24 млн. распыленных крестьянских дворов» [64].

Выступая в ходе проходивших в Комакадемии прений, Свидерский сказал, что «земельное общество» есть «одна из основ национализации земли», и добавил: «Исключите земельное общество, и вы идею национализации земли сразу сделаете неустойчивой». Он считал, что «земельное общество» является «регулятором земельных отношений, предохраняющим против сосредоточения земли в отдельных руках... и против принципа индивидуального хозяйствования» и «надежной гарантией провозглашенного революцией принципа равноправия». Свидерский был убежден, что этот принцип может быть сохранен, если земля будет находиться в пользовании земельного общества, которое и является ответственным перед государством за вверенную ему землю» [65]. Другой оратор говорил о том, что напрасно некоторые думают, что стоит издать закон об отмене земельного общества, как оно тотчас исчезнет [66]. Как писала печать, в Ленинградской губернии местные земельные органы путем устной и письменной пропаганды, а также мерами административного нажима насаждают общинное землепользование и препятствуют переходу на отруба и хутора [67]. В том же году было внесено дополнение к ст. 116 Земельного кодекса РСФСР, которое гласило, что там, где не проводилось перераспределение земли и где сохранилась значительная неравномерность земельных наделов, такое перераспределение может быть произведено по требованию хотя бы меньшинства членов общества по разрешениям народного комиссариата земледелия на основании свидетельств земельных органов (не ниже губернских) [68].

Самыми рьяными противниками общины были приверженцы индивидульных форм землепользования и хозяйствования, считавшие их экономически более выгодными. Они стремились доказать, что община является главной опорой устаревших методов земледелия — трехполья [69], что хуторские хозяйства, несомненно, намного крепче общины [70]. В 1926 г. в резолюции совещания сельскохозяйственных коллективов Ульяновской области отмечалось: «В настоящее время главной причиной организации (колхозов. — *ред.*) является стремление избавиться от общинной формы землепользования и перейти к другой форме, дающей возможность поднять производительность труда в сельском хозяйстве» [71]. Но в этот период идея создания колхозов еще не находила широкой

поддержки [72], и мысль о том, что в один прекрасный день они могут прийти на смену общине, казалась настоящей утопией. С другой стороны, общины, очевидно, стали гораздо реже проводить регулярные переделы земли. И если в Сибири земля перераспределялась почти каждые 9 лет, то в Центрально-Черноземной области и в промышленно развитых районах практиковались в основном частичные переделы, так называемые «скидки и накидки» [73].

В 1927 г. наметилось усиление нападок на политику поддержки зажиточного крестьянства и одновременно повышение интереса к коллективным методам хозяйствования, что сопровождалось ухудшением отношения к общине. Постановление Президиума Комакадемии (январь 1927 г.) критиковало как проект Общих Начал Комиссии Законодательных Предположений Совнаркома СССР, так и проект Совнаркома РСФСР за то, что в них не предусматривались статьи, способствующие обобществлению земледелия. Вторя этой критике, статьи в авторитетных журналах высмеивали проект КЗП за то, что в нем была весьма слабо сформулирована статья о переходе земельных обществ к коллективизации [74]. Состоявшийся в апреле 1927 г. IV съезд Советов осудил частый передел крестьянского хозяйства [75]. В сентябрьской платформе оппозиции (1927 г.) говорилось о том, что «земельное общество» находится вне всякого контроля со стороны советского руководства и все больше подпадает под влияние кулака и что контроль общества над землепользованием «подрывает основы национализации земли» [76]. Выступая на XV съезде партии в декабре 1927 г., Молотов говорил о том, что «кулак налегал на «земельные общества» и там старался окопаться», и обвинял Шлихтера в том, что он тешит себя иллюзиями, что «незаметно» все общество вступит в коллектив [77]. Однако четкой позиции по этому вопросу выработано не было. Один из ортодоксальных партийных руководителей, С. В. Косиор, выступая на съезде с отчетом ЦК по оргвопросам, сказал, что «чрезвычайно существенную роль играют» «земельные общества», «на которые мы до сих пор не обращали внимания» [78], а автор одной из статей, опубликованных в «Большевике», анализируя высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, делал вывод о том, что «...община, преобразованная в земельное общество, является низовой организацией, на основе которой происходит регулирование государством всего землепользования» [79]. Во время обсуждения проекта Общих Начал на сессии ЦИК СССР в апреле 1928 г. официальный докладчик по этому вопросу Милютин говорил о нецелесообразности механического уничтожения тех или ных форм землепользования — нежизнеспособные отомрут сами собой. В то же время он осудил частые переделы земли, проводившиеся в основном «земельными обществами», и сказал, что эти переделы должны строго регламентироваться законодательствами союзных республик и проводиться только в особых случаях, например, с це-

лью улучшения хозяйства или как мера, направленная против кулака [80].

Находясь на грани вымирания, «земельные общества» продолжали упорно цепляться за жизнь и во многих отношениях оказались еще незаменимыми. Так, например, совхоз им. Шевченко начал заключать с крестьянскими хозяйствами договоры на тракторную обработку земли. Поначалу договор заключала только часть хозяйств, а другие занимали выжидательную позицию, поэтому тракторная обработка была неэкономичной. Но вспоследствии такие договоры стали заключаться с целыми «земельными обществами» [81]. Комментируя проект Общих Начал, «Беднота» писала о том, что общество, являвшееся, согласно Земельному кодексу, просто «совокупнностью хозяйств», превратилось в кооперативную организацию, «которая устанавливает земельно-хозяйственные распорядки, надзирает, кооперирует, имеет правление, самостоятельное имущество, бюджет и т. д., т. е. становится маленьким государством в государстве» [82]. При обсуждении проекта Общих Начал на следующей сессии ЦИКа СССР в декабре 1928 г. Милютин повторил свою мысль о том, что перераспределение земель должно проводиться как можно реже и только в крайних случаях. В то же время он косвенно пытался защитить «земельные общества» как «ступень к более коллективным формам хозяйства» [83]. В своем окончательном варианте проект, утвержденный на сессии, не смог дать четкого определения функций земельного общества. Ст. 14 гласила, что переделы земли могут производиться в «обществах с общинным порядком землепользования» и что законодательствами союзных республик может быть допущено (очевидно, без всяких ограничений) «частичное перераспределение земли». Из двух сторон, выступающих «за» и «против» перераспределения, ни одна не могла считать себя одержавшей победу после утверждения Общих Начал. С другой стороны, в проект была внесена поправка, на основании которой земельному обществу простым большинством голосов предоставлялось право решать вопрос о переходе всех своих членов к многополью и другим усовершенствованным методам сельскохозяйственного производства [84], что было последней попыткой приобщить земельное общество к техническому прогрессу [85].

И хотя Общие Начала, принятые в декабре 1928 г., имели небольшую или вовсе никакой ценности как юридический документ, в своем окончательном варианте они, несомненно, отражали основные тенденции земельной политики партии в тот период и должны были способствовать ее проведению в жизнь. В Земельном кодексе РСФСР 1922 г., рожденном в медовый месяц НЭПа, ничего не говорилось ни о кулаках, ни о бедняках, и настроение умиротворения сохранялось вплоть до конца 20-х годов. Но проект Общих Начал разрабатывался в период нарастающего противодействия политике, благоприятствующей зажиточному крестьян-

ству, и был утвержден год спустя после начала кампании «наступления на кулачество», поэтому в нем отразилась растущая озабоченность руководства ходом классовой борьбы в деревне. На повестке дня стояла задача изоляции кулака, уже бесспорно признанного капиталистическим элементом, от остальной массы крестьянства, статус которого становилось все труднее и труднее определить. Как указывалось в «Контрольных цифрах» Госплана на 1927/28 г., в бедняцких и середняцких хозяйствах, которые не являются ни социалистическими, ни капиталистическими, «сосредоточена основная масса населения страны»[86]. В «Контрольных цифрах» на следующий год это определение было еще более расплывчатым: «Основные корни капитализма... кроются в крестьянском хозяйстве, некапиталистическом в массе своей»[87]. В Общих Началах явно прослеживалось стремление сплотить эту некапиталистическую массу в борьбе против кулака. Целая глава (ст. 33—34) была посвящена «мерам поощрения коллективных и других товарищеских форм землепользования». Тема «борьбы против кулачества» пронизывала весь текст этого документа[88].

Однако что в нем отсутствовало, так это определение основных категорий крестьянства. «Контрольные цифры» Госплана на 1927/28 г. несколько усовершенствовали общепринятую классификацию, разделив все крестьянство на 5 социальных групп: пролетарские хозяйства (то есть батраки), полупролетарские (то есть бедняки, частично продающие свою рабочую силу), середняцкие, предпринимательские и мелкокапиталистические[89]. Молотов в выступлении на XV съезде партии в декабре 1927 г. подверг критике как сборник ЦСУ за то, что в нем все крестьяне зачислены в одну группу и «нет никакой классовой, т. е. научной, группировки»[90], так и «Контрольные цифры» Госплана за то, что в результате деления крестьянства на 5 основных групп середняк просто превратился в одну из этих групп и перестал быть «центральной фигурой земледелия»[91]. Таким образом, существовали разногласия не только относительно названия отдельных групп крестьянства, увеличения или уменьшения их численности (что было чрезвычайно важно), но также и относительно самих критериев подразделения крестьянства на социальные группы, что являлось предметом постоянных дискуссий[92]. Весьма сложная классификация, предложенная ЦСУ[93], практического применения не нашла. Помимо очевидного, но явно неудовлетворительного критерия — размера земельного участка[94], время от времени предлагались и другие, такие, как число наемных работников[95], количество сдаваемого в аренду инвентаря[96], размер дохода, получаемого от сельского хозяйства[97], которые были найдены неприемлемыми. Кондратьев, писавший о том, что «необходимо законодательно уточнить понятие кулачества»[98], в то же время считал, что сдача земли в аренду и наем рабочей силы не должны при этом учитываться. Более приемлемым критерием деления крестьянства на социальные группы (если бы это было практически

осуществимо) мог стать объем хлебных запасов [99]. Но даже если бы такие критерии и были выработаны, постоянная мобильность этих социальных групп не позволила бы провести их точный подсчет. Как отмечал один из работников Госплана, специалист по сельскому хозяйству, в своей статье, опубликованной в «Плановом хозяйстве»: «...нет непроходимой грани между растущим вверх середняком и кулаком» [100].

Кампания против кулака и постоянное упоминание о нем во всех законодательных документах привели к тому, что власти стали считать его чем-то неизбежным. «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» от 20 февраля 1927 г. явилось первой попыткой Наркомфина определить категорию лиц, подлежащих индивидуальному налогообложению [101], а другое, более позднее, вышедшее в мае 1929 г.,но выдержанное в тех же тонах, давало подробное юридическое определение кулацкого хозяйства, перечисляя все его признаки: это хозяйство, систематически использующее наемный труд, имеющее мельницу или другое промышленное предприятие, сдающее в наем сложные сельскохозяйственные машины, помещение под жилье или предприятие; это хозяйство, члены которого занимаются торговлей, ростовщичеством или другой деятельностью, не связанной с сельским хозяйством [102]. Но фактически кулак уже стал категорией, не поддающейся экономическому определению, и причина частого упоминания о нем была связана с политическими соображениями. Выступая на XV съезде партии в декабре 1927 г., Енукидзе говорил о «практических трудностях определения кулака» и о том, что «кулак мешает задаче перехода к крупному обобществленному сельскому хозяйству» [103]. С другой стороны, было много неясностей и в определении бедняка. Одни определяли его как безлошадного крестьянина [104], другие — как крестьянина, доход которого не превышает 80 руб. в год [105]. Слово «бедняк» имело также и эмоциональную окраску. Союз с бедняком был основополагающим принципом партийной доктрины со времен Ленина. Выступая на XIV съезде партии в декабре 1925 г., Сталин сказал: «Мы должны иметь союз с беднотой» [106]. Но никто не пытался дать определение категории «середняка», то есть той части крестьянства, которая оставалась, если вычесть, с одной стороны, кулака, а с другой — бедняка. Однако все чаще и чаще из общей массы середняка стали выделять зажиточное крестьянство, или «крепкого середняка», находившегося где-то посередине между середняком и кулаком [107]. Середняк иногда жаловался на то, что если кулаки организуются сами, бедноту организует партия, то до них вообще никому дела нет: «Как будто нас и за людей не считают» [108].

Процент кулачества колебался от района к району. В то время как на европейской части территории Российской Федерации кулачество было в основном ликвидировано сразу же после революции и больше не росло, на Украине и в Белоруссии, где Советская власть была установлена позже, после длительной граждан-

ской войны, и особенно на окраинах, в таких районах, как Крым, Казахстан, Сибирь, Закавказье и Средняя Азия, куда Советская власть пришла еще позже, кулачество было еще довольно многочисленно[109]. На Северном Кавказе имелись отдельные богатые хутора, где приходилось по 20 десятин на душу населения[110]. На Северном Кавказе и в степной части Украины на долю 10% самых зажиточных кулацких хозяйств приходилось 35—45% всех средств производства и 30% стоимости всего рабочего скота, а на долю самых бедняцких крестьянских хозяйств — всего лишь 5—7% всех средств производства и в массе своей это были хозяйства, лишенные скота[111]. В Сибири, где, как отмечал Ленин, кулак был экспроприирован в меньшей степени, чем в России и на Украине[112], и, как писал «Большевик», фактически не было комитетов бедноты, а земельные наделы были значительно крупнее, чем в европейской части страны, кулацкая часть деревни сохранила в своих руках основную массу своего сложного инвентаря, и это обстоятельство, при огромном значении сельскохозяйственных машин вообще, а в Сибири в особенности, способствовало быстрому росту этой верхушки деревни[113] и дальнейшему углублению дифференциации.

Однако в оценках общей численности кулачества наблюдались определенные расхождения, зависящие от политических взглядов и целей, которыми руководствовались делающие оценки. Согласно сборнику ЦСУ, в 1926—1927 гг. в сельском хозяйстве было занято 108 млн. человек, из них — 28 млн. бедняков, свыше 82 млн. середняков и почти 6 млн. предпринимателей (слова «кулак» все по-прежнему старательно избегали); отсюда можно предположить, что в 1928 г. насчитывалось приблизительно около 1 млн. кулацких хозяйств[114]. По самым низким оценкам, общая численность кулачества в этот период составляла 800 тыс. дворов, из них 600 тыс. уцелевших после революции, а 150 тыс. появившихся за 6 лет НЭПа после 1921 г.[115] Хотя власти признавали сам факт роста кулачества, они не разделяли мрачных взглядов оппозиции относительно роли кулака. Создавшееся положение было проанализировано Бухариным в его докладе на XVI Московской губернской партийной конференции в ноябре 1927 г. Он сказал:

«Мы имеем числовой рост батрачества и несомненный рост кулака, рост его хозяйственного назначения, потому что кулаки представляют из себя группу с более сильным хозяйством... Крестьянин-середняк остается основной массой. Кулачество растет. Количество батраков возрастает. Сокращается беднота»[116].

Выступивший несколько дней спустя на краевой партийной конференции Северного Кавказа Калинин со всей категоричностью заявил:

«...Основной слой крестьянства (т. е. середняк)... растет быстрее, чем слой кулацкий, удельный вес которого с каждым годом все более и более снижается»[117]. Точка зрения о том, что кулак и середняк растут, а беднота уменьшается, получила официальное

подтверждение в докладе Сталина на XV съезде партии в декабре 1927 г.[118]

Два основных вопроса, по которым наметились разногласия в партии еще в 1925 г., — сдача земли в аренду и наем рабочей силы — решались в этот период в духе молчаливой снисходительности к середняку и пока еще не стали центром внимания партии. И хотя сдача земли в аренду, как и наем рабочей силы способствовали углублению классового расслоения крестьянства[119], вызывая тем самым нападки оппозиции и являясь одним из наиболее уязвимых мест в политике партии, тем не менее все были убеждены, что в условиях отсутствия всеобщей коллективизации ни один режим не сможет без этого обойтись.

Начавшаяся было после 1926 г. регулярная публикация статистических данных по аренде земли затем, очевидно, прекратилась. Однако в докладе Рабкрина, опубликованном летом 1927 г., отмечалось, что общая площадь всей сдаваемой в аренду земли составляет 15 млн. десятин, тогда как до войны она составляла 26 млн. десятин, и подчеркивалось, что аренда земли является «широко распространенной практикой... во всех районах России»[120]. «Беднота» в августе 1926 г. писала о различном отношении к аренде земли разных социальных слоев крестьянства. Если зажиточный крестьянин, для которого аренда земли являлась привычным делом, обычно брал землю с целью наживы, для того чтобы в течение нескольких лет выжать из нее все соки, а середняк брал в аренду несколько десятин земли, чтобы иметь надежный посев, то беднота арендовала землю по необходимости, платя при этом за нее огромные деньги. Сельсоветы же занимались только регистрацией аренды и в условия контракта не вмешивались[121]. Бедняк, у которого не хватало средств для обработки своего участка земли, все чаще и чаще выступал в роли арендодателя[122]. В плодородных районах центральной части страны зажиточные крестьяне с посевами свыше 16 десятин половину этих земель брали в аренду, а в среднем размер арендованной площади на одно хозяйство составлял 11,8 десятины. В более крупных крестьянских хозяйствах Сибири, Северного Кавказа и Поволжья с посевами свыше 25 десятин размер арендованной площади составлял в среднем 19,3 десятины[123]. Выступая на сессии ЦИК СССР в октябре 1927 г., Милютин отметил, что аренда земли получила довольно широкое распространение и что 16% всех арендаторов составляют кулаки, арендующие 30% всей сдаваемой в аренду земли[124] *. Выплата арендной платы в денежной форме была скорее исключением, чем правилом. Одна треть всех выплат в Российской Федерации производилась в виде издольщины, применявшейся также на большей части Украины и Закавказья. Другими распространен-

* Речь идет о 3-й сессии ЦИКа 4-го созыва, состоявшейся в апреле 1928 г.— *Прим. ред.*

ными формами арендной платы, особенно в Российской Федерации, были натуральная и отработка [125].

Совершенно очевидно, что вплоть до 1928 г. никаких серьезных шагов по ограничению аренды земли не принималось. Время от времени появлялись критические выступления в печати. В платформе оппозиции (сентябрь 1927 г.) говорилось о том, что «аренда земли с каждым годом приобретает все большие и большие масштабы», и о том, что большинство сделок носит скрытый характер, поскольку крестьяне пытаются уклониться от уплаты налога [126]. И хотя на проходившем в декабре 1927 г. XV съезде партии вопрос о сокращении аренды земли не стоял, в резолюции съезда «О работе в деревне» были намечены основные задачи в этом направлении: «Постепенное сокращение площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов. Ограничение срока аренды не более как сроком одного севооборота, но не свыше 6 лет. В отношении тех, кто, несмотря на оказываемую им помощь со стороны государства и кооперации, не обрабатывает сам или силами своей семьи выделенной им земли, из года в год сдавая землю в аренду, ограничить право сдачи земли в аренду по решению волостных (районных) исполкомов сроком от 3 до 6 лет подряд, по истечении которых лишать их права распоряжаться землей и передавать землю в распоряжение земельного общества» [127].

Несмотря на выработанные рекомендации, никаких конкретных мер за этим не последовало. А летом 1928 г. снова стали раздаваться недовольные голоса крестьян, озабоченных тем, что аренда земли ведет «к укреплению кулацкой прослойки в деревне» [128]. 18 июля 1928 г. вышло совместное постановление ЦИК и СНК СССР, предписывающее совнаркомам союзных республик ограничить сдачу земли в аренду на срок не более одного севооборота, но не свыше 6 лет. «Если же по истечении установленного срока хозяйство не захочет или не сможет приступить к самостоятельному использованию выделенной ему земли, оно лишается права пользования ею». С тех пор как в 1922 г. впервые была разрешена аренда земли, это была первая попытка провести в жизнь формально существующее положение о том, что аренда земли должна носить временный характер [129]. Этот пункт об ограничении срока аренды вошел в принятые полгода спустя Общие Начала, включившие в себя и две дискриминационные статьи, направленные специально против кулачества, согласно которым земля, сдаваемая в аренду кулацким хозяйствам, подлежала изъятию. Сельские Советы отказывались регистрировать договор об аренде, если арендатором являлось кулацкое хозяйство или если условия аренды являлись кабальными для маломощного хозяйства [130]. Все эти меры привели к определенному сокращению практики аренды земли к 1928 г. [131], хотя вполне вероятно, что она просто стала принимать более скрытые формы. Одной из таких форм являлась супряга, то есть объединение крестьян для совместного выполнения не-

которых работ, использования рабочего скота, инвентаря и т. д. (либо для первого, второго и третьего вместе) обычно на время вспашки или уборки урожая. Супряга между хозяйствами равной мощности и равного статуса рассматривалась как «зародыш коллективного земледелия», а между зажиточным и бедняцким хозяйством — как одна из форм найма рабочего скота и инвентаря, ведущая к эксплуатации[132]. Во время хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. такое сомнительное партнерство зажиточных и бедняцких крестьян, очевидно, в интересах повышения производства зерна получило определенную поддержку властей[133].

Что касается применения найма рабочей силы в деревне, то несмотря на то, что в постановлении апрельского (1926 г.) Пленума ЦК оно рассматривалось как «опыт»[134], заслуживающий тщательного изучения, истинная причина этого явления заключалась в существовании в деревне (и с этим ничего нельзя было поделать) так называемого «избыточного» населения[135], то есть безземельных или малоземельных крестьян, лишенных всяких средств существования. Применение наемного труда оставалось важнейшим условием расширения производства, и хотя вопрос этот обсуждался довольно широко, никаких серьезных мер по его решению в этот период пока не принималось. Декреты ВЦИК и СНК РСФСР, принятые в феврале и июне 1926 г. во изменение статьи 39 Земельного кодекса РСФСР, а также Постановление СТО, регулирующее применение подсобного труда, официально санкционировали применение подсобного труда как в отдельные периоды сельскохозяйственных работ, так и в течение срока не больше года на земле, предоставленной данному хозяйству или арендованной им, и тем самым развеяли миф о том, что будто бы наемный труд применим только в крайних случаях как временная мера. Поскольку считалось, что «хозяйства, в которых наемный труд носит случайный и подсобный характер, капиталистическими не являются», зажиточные середняцкие слои, наиболее широко применявшие батрацкий труд, могли использовать его безбоязненно[136]. Все это способствовало процветанию наемного труда и все более широкому его распространению[137]. В Сибири, Закавказье и на Урале, то есть в тех районах, где было сосредоточено наибольшее количество крупных крестьянских хозяйств, наемный труд применяли около 30% хозяйств, а в Ленинграде и западноевропейской части страны — менее 15% хозяйств[138]. Широко использовали рабочих по найму и коллективные хозяйства. В 1928 г. наемный труд применяли 79% всех коммун, 35 — всех артелей и 42% товариществ. Если применение наемного труда в артелях и товариществах ограничивалось в основном наймом либо необходимых специалистов (например, трактористов), пастуха и т. д., либо только на период страды, то в коммуны нанимали преимущественно постоянных работников, число которых иногда достигало половины всех работников коммуны. Временные правила в большинстве колхозов не соблюдались[139].

Статистика учета работающих по найму была налажена крайне неудовлетворительно и являлась весьма ненадежной[140]. Батраком считался крестьянин или бывший крестьянин (так называемый «пролетарий»), единственным источником существования которого была продажа рабочей силы более богатому или менее бедному соседу. Однако на практике батрака, у которого часто сохранялся небольшой участок обрабатываемой им земли, было очень трудно отличить от бедняка (так называемого «полупролетария»), у которого было либо очень мало земли либо не хватало средств для ее обработки, и поэтому он был вынужден продавать свою рабочую силу[141]. Но как всякий, не имеющий своей земли или не обрабатывающий ее, крестьянин-батрак, по-видимому, вызывал презрительное к себе отношение со стороны традиционной крестьянской общины. Его называли уничижительно «чужаком» или «пришлым», а всякие попытки наделить его землей обычно встречали сопротивление других крестьян[142]. Проведенные сельсоветами в августе 1926 и 1927 гг. анкетные опросы были первой попыткой определить численность и состав работающих по найму в деревне. Как показали результаты опросов, общее количество работающих по найму, без учета кустарно-промысловых рабочих, возросло за 1926—1927 гг. с 2275 тыс. человек до 2382 тыс., в том числе: прирост мужчин составил свыше 70%, людей старше 17 лет — 54, подростков 16—17 лет — 20, детей до 16 лет — 26% (почти равное количество мальчиков и девочек). Детей чаще всего нанимали для того, чтобы пасти домашнюю птицу или скот[143].

Более поздний и более точный статистический анализ, проведенный с учетом деления наемных работников на пролетариев и полупролетариев, а также на занятых в частном и социалистическом секторах, показал, что к концу 20-х годов число работающих по найму в частном секторе сократилось, а в социалистическом — увеличилось[144]. Относительное сокращение использования батрацкого труда в 1928 и 1929 гг. было вызвано, вероятно, кампанией наступления на кулачество. На XVI партийной конференции, состоявшейся в апреле 1929 г., говорилось о том, что число безработных батраков, отчасти в результате неурожая, но главным образом в результате ограничения кулацкой верхушки, увеличилось более чем на 100 тыс.[145] Произошли и другие существенные изменения. Число поденных работников всегда превышало число постоянных или сезонных, а после 1927 г. число первых еще более возросло, а вторых — еще более снизилось[146]. На Урале мужской труд, постепенно вытесняемый женским, переместился, очевидно, в шахты и на заводы[147]. Несмотря на то что заработная плата и условия труда батраков колебались в зависимости от района, в целом они были на самом низком уровне. В «Контрольных цифрах» на 1927—1928 гг. говорилось о том, что в связи с введением в совхозах 8-часового рабочего дня батраки летом получали за сверхурочную работу, а зимой за полный рабочий день, который не соблюдался, так как потребностей в этом не бы-

ло[148], но это относилось только к некоторым колхозам; в целом же заработная плата батраков, заключавших с совхозами коллективные договоры через Всеработземлес, была установлена в следующем размере (в рублях):

Год	Батраки		Батрачки	
	взрослые	подростки	взрослые	подростки
1926	19,70	12,80	17,00	12,80
1927	21,70	13,90	18,00	13,60

Зарплата батраков, работающих без трудового договора, была на 15% ниже[149]. Однако вряд ли эта официальная статистика отражала истинное положение вещей. Русская деревня еще в значительной степени оставалась традиционно патриархальной, и такие понятия, как оплата за труд, внедрялись очень медленно. В кулацких хозяйствах только 54% заработной платы батраков выплачивалось в денежной форме, а в хозяйствах трудящегося крестьянина — только 45%. Журнал «На аграрном фронте» описывал один случай (который, очевидно, не был исключением), когда во время обследования у одного «нанимателя» было обнаружено 4 батрачки и 1 батрак, работавшие под видом беженцев в течение 8 лет бесплатно[150]. На VII съезде профсоюзов один батрак рассказывал о том, как в Вятской губернии наниматели пытаются «застращивать» батраков, которые хотят записаться в союз, и о том, что за все лето батраки получают всего 10—20 руб.[151] В южных районах страны, где возделывались культуры, произрастающие только в жарком субтропическом климате, условия труда были еще более тяжелыми. Женщины, работающие на табачных плантациях Северного Кавказа, получали в среднем около 12 руб. в месяц и ютились в жалких тесных лачугах; к тому же, поскольку они считались сезонными рабочими, на них не распространялось социальное страхование[152]. Нередко на юге России и в Закавказье, районах виноградарства и садоводства, имели место забастовки батраков[153].

На протяжении всего этого времени батрак оставался пасынком Советской власти. «Правда» писала о том, что принятые в апреле Временные правила (своего рода батрацкий устав) всеми забыты и практически никем не соблюдаются[154]. Вышедшие в июле 1926 г. и январе 1927 г. постановления правительства «Об условиях труда временных рабочих и служащих»[155], хотя и могли в определенной степени быть применимы по отношению к батракам, по-видимому, в первую очередь предназначались для рабочих промышленности, особенно строителей, а циркуляр Наркомтруда (февраль 1926 г.) о неуклонном выполнении Кодекса Законов о труде, касающийся сельскохозяйственных рабочих, «так и остался на бумаге»[156]. В сентябрьской (1927 г.) платформе оппозиции под-

черкивалось, что заработная плата батраков составляет только 63% довоенного уровня, что батраки подвергаются эксплуатации во всех ее формах и что для того, чтобы покончить с ней, необходимо разработать систему всесторонней защиты интересов наемных работников не только от кулака, но и так называемого «крепкого середняка»[157]. Однако вплоть до появления крупных совхозов и колхозов, создание которых привело к целому ряду новых проблем, почти ничего не было слышно о тяжелой жизни наемных работников, мало чем отличающейся от жизни всех бедняков. Осенью 1928 г. Всеработземлес потребовал открытия для рабочих совхозов столовых, бань, яслей и т. д. Только 45% всех постоянных рабочих совхозов и 20% временных имели в этот период жилье, что объяснялось, по-видимому, тем, что в большинстве случаев их труд носил сезонный характер[158]. Одна батрачка из колхоза «Гигант», выступая на VIII съезде профсоюзов, говорила о нехватке в деревне врачей, школ, клубов и газет[159]. Но в основном все эти требования сводились к необходимости создания городских условий на селе, а не улучшения жизни бедных наемных рабочих.

Слабая организационная работа профсоюза сельскохозяйственных рабочих Всеработземлеса и его низкий авторитет в профсоюзном движении[160] создавали дополнительные трудности в деле защиты интересов сельскохозяйственных рабочих. Хотя численность его рядов постоянно возрастала и за три года (с 1 января 1924 г. по 1 июля 1927 г.)[161] увеличилась с 250 тыс. (из них 52 тыс. батраков и батрачек) до 900 тыс. (из них почти 500 тыс. батраков и батрачек), а к VI съезду Союза сельхозлесрабочих в ноябре 1928 г. он уже объединял свыше 1 млн. человек (из них 600 тыс. батраков, батрачек и пастухов)[162]*, эти цифры большого значения не имели. Когда один из делегатов Всеработземлеса, выступая на VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г., отметил, что «через союз сельскохозяйственных рабочих проходит поток рабочих, направляющихся из деревни в город», и пожаловался на то, что работники профсоюза с мест относятся свысока к тем рабочим, которые идут из деревни, Томский на это ответил, что профсоюз должен в первую очередь обеспечивать работой «настоящего, чистейшего пролетария, у которого нет ни кусочка надела, никакой собственной крыши, — городского, фабрично-заводского пролетария»[163]. В начале 1927 г. ЦК принял длинное, но так и оставшееся на бумаге постановление, в котором отмечались недостатки Всеработземлеса в области массовой просветительской работы и защиты экономических интересов батраков[164]. В резолюции XV съезда партии обращалось внимание на необходимость «усиления работы союза сельхозлесрабочих по организации еще не организованных батраков», по вовлечению в профсоюз других «по-

* «Правда» приводит на 1 января 1924 г. цифру 280 тыс., а на июль 1927 г. — 1189 тыс. человек.

лупролетарских элементов в деревне»[165]. На VI съезде Союза сельхозлесрабочих, состоявшемся в ноябре 1928 г., председатель профсоюза был вынужден признать, что «большинство батраков не организованы и безграмотны» и «не имеют представления о том, что такое профсоюз»[166]. А на состоявшемся месяцем позже VIII съезде профсоюзов представитель Наркомтруда говорил о том, что «гарантии, которые предусмотрены для постоянных рабочих» Кодексом Законов о Труде, не могут распространяться на временных рабочих из-за краткосрочности их работы и что возникла необходимость внести в него некоторые изменения, которые дадут «возможность применять подсобный труд бедняцкому и середняцкому хозяйствам»[167]. Однако все это не сулило батраку никакой конкретной помощи ни от профсоюза, ни от государственных органов.

Общие Начала не пытались ни скрыть, ни как-то ограничить распространение наемного труда в деревне, подразделяя его на две категории (ст. 45 и 46) — наемный труд в крестьянском хозяйстве, регулируемый Временными правилами, принятыми 18 апреля 1925 г., и труд во всех других хозяйствах (в том числе и кулацких), регулируемый Кодексом Законов о Труде, при этом надзор за соблюдением этого Кодекса возлагался на инспекцию труда и сельсоветы. В постановлении ЦИК СССР и СНК СССР от 20 февраля 1929 г. «О порядке применения Кодекса Законов о Труде в кулацких хозяйствах» говорилось о том, что «весь наемный труд, как в хозяйствах кулацкого типа», так и в «трудовых крестьянских хозяйствах», должен осуществляться на основе письменного договора между нанимателями и сельскоозяйственными рабочими при участии профсоюза[168]. Но из вышедшего несколько дней спустя постановления СНК СССР от 4 марта 1929 г. стало ясно, что, несмотря на ужесточение ограничений по применению наемного труда в кулацких хозяйствах, основная его цель заключалась в том, чтобы ослабить ограничения по использованию наемного труда во всех других хозяйствах, а также «внести необходимые поправки» во Временные правила от 18 апреля 1929 г.[169] На XVI партийной конференции, состоявшейся в апреле 1929 г. и проходившей в самый разгар наступления на кулачество, один из профсоюзных работников с возмущением говорил о том, что ни партия в целом, ни выступавшие на конференции не уделяют достаточного внимания батрачеству, «пролетарскому слою», насчитывающему свыше 10 млн. человек, и что принимаемые до сих пор меры лишь способствовали ухудшению его и без того тяжелого положения, поэтому единственным выходом для батрачества является индустриализация и вовлечение батраков в промышленность, совхозы и действительно крупные колхозы, тогда как многие колхозы занимаются «самой безобразной эксплуатацией наемного труда»[170]. Вряд ли это могло воодушевить тех, кто считал коллективизацию панацеей от всех бед для батрака.

Помимо Всеработземлеса, попытки организовать батрачество

предпринимались и другими организациями — крестьянскими обществами взаимопомощи и комитетами бедноты (на Украине) и «группами бедноты» (в других районах) [171]. Однако зачастую в силу целого ряда причин эти попытки заканчивались неудачей. Партийная прослойка в деревне как в качественном, так и в количественном отношении была, как правило, весьма слабой. Даже там, где между членами партии и бедняками существовали определенные контакты, из-за отсутствия взаимопонимания они часто сводились к нулю. Безграмотные, не умеющие красноречиво говорить, батраки редко выступали на партийных собраниях. Правда, крестьянство было не однородным (классовое расслоение в деревне не было пустым звуком), и у каждой группы были свои интересы. Правда и то, что зажиточные крестьяне часто эксплуатировали и притесняли своих более бедных собратьев. Но правда и то, как это ни парадоксально и чего никак не могли понять партийные лидеры, что между всеми социальными группами крестьянства существовала определенная связь, общность интересов, крестьянская солидарность, солидарность деревни против города, против находящейся где-то далеко центральной власти, и что в трудную минуту бедняк скорее обратится за помощью к кулаку (который может оказать помощь хотя и на весьма тяжелых, но зато хорошо известных условиях), чем к партии или правительству, сосредоточившим все свое внимание на проблемах индустриализации и относящимся к крестьянству и его запросам с полным безразличием и даже враждебностью. Время от времени появлялись сомнения в правильности выдвигаемых партийным руководством лозунгов — «батрак — пролетарий» [172], «беднейшее крестьянство — надежный союзник рабочего класса» [173]. Но они прочно укоренились в партийной доктрине и вытекали из стоящих перед партией задач. Казалось, было бы вполне логично и естественно предположить, что батраки и бедняки заинтересованы в коллективизации по своей природе и что в борьбе против своего основного врага — кулачества Советская власть может вполне на них положиться, однако жизнь показала, что это предположение было глубоко ошибочным.

ГЛАВА 5

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ

С момента принятия апрельской 1925 г. XIV партийной конференцией резолюции «О кооперации»[1] все усилия партии были направлены на то, чтобы через сельскохозяйственную кооперацию обеспечить сочетание интересов каждого крестьянина с интересами всего общества. С одной стороны, кооперативы являлись уже сложившейся и в принципе приемлемой для широких, особенно зажиточных слоев деревни формой объединения крестьянства (не исключающей также индивидуального хозяйства и землепользования), а с другой — они предполагали более совершенные, способствующие повышению урожайности методы хозяйствования (такие, как переход к многополью, снабжение семенами, машинной техникой, тракторами и т. д.), а также улучшение организации сбыта сельскохозяйственной продукции, и благодаря тому, что кооперация получила «благословение» в последних работах Ленина, ее приветствовали как важную веху на пути перехода крестьянства к социализму и к коллективному хозяйству[2]. В середине 20-х годов термин «сельскохозяйственная кооперация» применялся по отношению к широкому кругу многочисленных сельскохозяйственных объединений, имеющих различные функции и организационные формы[3]. Статистика в этой области никогда особой точностью не отличалась. Согласно одной классификации, колхозы относились к системе сельскохозяйственной кооперации, согласно другой — нет[4]. Существовало также большое количество независимых, так называемых «диких» кооперативов, число которых трудно было определить, поскольку они не были официально зарегистрированы и ни одному центральному кооперативному органу не подчинялись[5].

Нижеприведенная таблица, составленная на основании официальных данных, отражает (с учетом этих оговорок) общее количество сельскохозяйственных кооперативов по годам:

	1 октября 1927 г.	1 октября 1928 г.	1 октября 1929 г.
Общее количество сельскохозяйственных кооперативов	61 585	107 000	165 000
В том числе: колхозов	18 840	38 289	71 086[6]

В этот период, несомненно, наблюдается быстрый рост сельскохозяйственной кооперации и числа ее пайщиков, хотя часть этого прироста можно отнести за счет усиления организационной работы и более полного статистического учета. К середине 20-х годов положение сельскохозяйственных кооперативов универсального типа, занимающихся сбытом и снабжением, становится все более критическим [7], постепенно они сходят на нет, и на смену им приходят сельскохозяйственные объединения, специализирующиеся либо на одном виде продукции, либо на выполнении одной функции — так называемые специальные кооперативы. К 1928 г. они составляли большинство сельскохозяйственных объединений [8]. Специальные сельскохозяйственные кооперативы были двух видов — одни занимались вопросами снабжения и сбыта, другие — производства. Сельскохозяйственные кредитные кооперативы составляли отдельную категорию [9]. Что касается снабженческо-сбытовых кооперативов, то в масштабах страны они объединялись в союзы или центры (Маслоцентр, Льноцентр, Союзкартофель, Плодовинсоюз, Табаководсоюз и т. д.), имеющие весьма слабые связи с центральным органом сельскохозяйственной кооперации, Сельскосоюзом [10]. Из всех видов сельскохозкооперации сбытовая работала успешнее всего, и ее положение было наиболее стабильным. На состоявшейся в 1926 г. XIX сессии Совета Сельскосоюза отмечалось, что наиболее значительны достижения в производственно-сбытовых системах сельхозкооперации, в наиболее товарных отраслях сельского хозяйства (в маслодельной кооперации, льняной, свеклосевной, картофельной и т. п.). Вместе с тем подчеркивалась необходимость скорейшего «оформления специальных производственно-сбытовых систем» [11]. В развернутом Постановлении ЦК ВКП (б) от 19 августа 1926 г. «О сельскохозяйственной кооперации» (где речь шла как о колхозах, так и сельскохозяйственной кооперации), отмечалась «недостаточная увязка работы сельскохозяйственной кооперации с потребностями и интересами производителя... преобладание торгового уклона в ущерб кооперативно-сбытовой и производственной работе», подчеркивалась необходимость более «активного привлечения сельскохозяйственной кооперации к работе плановых и регулирующих органов» для выработки мер по регулированию цен на сельскохозяйственную продукцию [12]. На состоявшемся в апреле 1927 г. IV съезде Советов представитель сельскохозяйственной кооперации Каминский сказал, что сельскохозяйственная кооперация поставляет промышленности 89% хлопка, 83 — табака и 70% свеклы [13]. В Западной Сибири — основном районе маслоделия — наибольших успехов добилась молочная кооперация, охватившая 72% крестьянских хозяйств этой отрасли [14]. С момента своего создания сельскохозяйственная кооперация принимала активное участие в хлебозаготовительных кампаниях, ее заготовительный орган Хлебоцентр [15] находился в тех же условиях, что и другие центры специальных кооперативных объединений по сбыту сельскохозяйственной продук-

ции, но особая важность вопроса хлебозаготовок придавала ему статус самостоятельной организации.

Кооперирование крестьянства по линии сбыта зерновых культур всегда было менее развито, чем по линии сбыта технических культур и продуктов маслоделия. Положение усугублялось еще больше необъяснимым соперничеством и даже враждой между сельскохозяйственной и потребительской кооперацией [16]. А система хлебозаготовок, несмотря на то что сельскохозяйственная кооперация принимала в ней активное участие, почти никакого отношения к кооперативному движению не имела.

Специальные сельскохозяйственные кооперативы второго вида — производственные — развивались гораздо медленнее, чем сбытовые. Во время проходившей в январе 1926 г. дискуссии в Комакадемии Преображенский сказал, что, хотя производственная кооперация «теоретически возможна и практически неизбежна», он в то же время не верит в ее эффективность, и пытался при этом высмеять «кооперативный фидеизм, лишенный всякой научной основы» [17]. Что касается коллективного и кооперативного земледелия (в любой форме), этот скептицизм был вполне оправданным, и колхозы, чей статус как сельскохозяйственной кооперации был пока неясен, в то время особой поддержкой еще не пользовались [18]. Однако при содействии властей создавались всевозможные товарищества по оказанию помощи крестьянству в производственной деятельности и в повышении производительности их хозяйств [19]. Часто, но не всегда, эти товарищества регистрировались как сельскохозяйственные кооперативы. Наибольшее распространение из производственных сельскохозяйственных кооперативов получили машинно-тракторные, затем мелиоративные, скотоводческие и семеноводческие товарищества [20]. Однако чаще всего их статус был весьма неопределенным.

В 1927 г. производственные кооперативы в большинстве своем были «дикими», то есть не входили в систему сельскохозяйственной кооперации. Только 450 из нескольких тысяч мелиоративных товариществ были официально зарегистрированы в системе сельскохозяйственной кооперации [21].

В 1927 г. была предпринята, по-видимому неудачная, попытка навести порядок в хаотичной системе сельскохозяйственной кооперации и активизировать производственное кооперирование. Сельскосоюзу так и не удалось подчинить себе новые производственные товарищества [22], и в 1926 г. было предложено ограничить функции по отношению к ним лишь снабжением необходимыми средствами производства [23]. 3 мая 1927 г. вышло постановление ВКП (б) о создании единого центра сельскохозяйственной кооперации, получившего название «Союз союзов сельскохозяйственной кооперации» (сокращенно «Союз союзов») и ставшего руководящим органом всей сельскохозяйственной производственной кооперации, за исключением кооперации Украины, которая сохранила свой руководящий орган «Сильский господар». Председателем это-

го нового союза стал Каминский, незадолго до этого назначенный председателем только что созданного Колхозцентра. Сельскосоюз был реорганизован в специальный центр «производственного снабжения» сельхозкооперации (машинами, семенами и т. д.) [24].

В отношениях между сельскохозяйственной кооперацией и быстро растущими и приобретающими все большую самостоятельность коллективными хозяйствами по-прежнему оставалось много неясностей [25]. На XV съезде партии Милютин говорил о том, что кооперативные формы пока еще весьма слабо дают возможность подходить непосредственно к производственным процессам деревни [26]. Тем не менее XV съезд ВКП (б) в своих резолюциях «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» и «О работе в деревне» решительно опроверг оппозиционные предложения об изъятии капиталов у кооперации и подчеркнул, что «наряду с всемерным развитием сбытовой кооперации необходимо... оказывать большую поддержку всем жизнеспособным формам производственного кооперирования» и добиваться включения так называемых «диких» кооперативов в систему сельскохозяйственной кооперации [27]. При помощи этих мер партия надеялась привлечь сельскохозяйственную кооперацию к более активному участию в государственной политике и помочь ей стать составной частью системы советских экономических институтов.

Были достигнуты определенные успехи по сбыту сельскохозяйственной продукции и снабжению деревни машинами через кооперативную сеть. В 1928 г. сельхозкооперация обеспечила 35% всего запланированного объема хлебозаготовок (по техническим культурам этот процент был еще выше, по хлопку — до 100), а также 85,9% поставок промышленного оборудования для деревни (против 73,2% в предыдущем году), в том числе 90% всех сельскохозяйственных машин и 67% тракторов и запасных частей [28].

В перспективных планах Союза сельскохозяйственных союзов на 1927/28—1931/32 гг. и 1928/29—1932/33 гг. предусматривалось кооперирование к концу каждой пятилетки соответственно 70 и 85% всех крестьянских хозяйств [29]. Создание Всесоюзного Совета сельскохозяйственной кооперации [30] еще больше усложнило и без того громоздкую бюрократическую систему управления сельскохозяйственной кооперацией. Общепризнанная тенденция превращения сельскохозяйственной кооперации в оплот зажиточного крестьянства [31] и в инструмент усиления его сопротивления массовой коллективизации препятствовала установлению нормальных отношений между сельскохозяйственной кооперацией и коллективными хозяйствами и вызывала разногласие в партии.

В так называемой «Декларации 13-ти», представленной оппозицией на рассмотрение июльского (1926 г.) Пленума ЦК, против партийного руководства было выдвинуто обвинение в том, что оно якобы намеренно пытается вывести сельскохозяйственную кооперацию из-под контроля беднейшего крестьянства и деревенских коммунистов и подчинить ее «крепкому» середняку [32]. Но эти по-

дозрения были явно необоснованными. «Правда» писала: «...в такой кооператив, где кулак не имеет возможности повести свою линию, он вообще, не идет». Иногда кулаки пытались обосновать свое участие в кооперации такими доводами, как один саратовский кулак во время перевыборов в кооперацию: «Вам — совет, нам — кооперация» [33]. До некоторой степени социальный состав сельскохозяйственной кооперации зависел от вида специализации. Преуспевающая молочная кооперация находилась в основном в руках зажиточного крестьянства, а играющая гораздо менее важную роль картофельная была по своему составу преимущественно бедняцкой [34]. Насколько можно судить по отчетным данным сельскохозяйственной кооперации того времени (хотя, по общему мнению, статистика эта особой точностью не отличалась), в 1927/28 г. кооперацией было охвачено 35% всего крестьянства, причем низшие слои — на 25—30, средние — на 40, а высшие — на 50—60% [35]. Это означает, что 30% всех кооперированных хозяйств составляли бедняцкие, 60 — середняцкие и 10% — зажиточно-кулацкие хозяйства [36]. Излюбленное утверждение о том, что путь к социализму лежит от общины через кооперацию к полной коллективизации, опровергалось статистикой, свидетельствующей о том, что хуторяне и отрубники были кооперированы гораздо больше, чем общинники [37]. В постановлении ЦК ВКП (б) от 19 августа 1926 г. «О сельскохозяйственной кооперации» говорилось о том, что сельскохозяйственная кооперация должна уделять особое внимание бедняцким хозяйствам и обеспечивать реальную возможность вовлечения в кооператив «всех слоев крестьянства» [38]. Очевидно, под влиянием этого постановления стала применяться практика дифференциации вступительных и паевых взносов по социальным хозяйственным группам, а также создан специальный фонд кооперирования бедноты [39].

Резолюция XV съезда партии в ответ на нападки оппозиции хвастливо заявляла: «Состав кооперации в деревне резко отличается от ее состава в дореволюционное время... в основном наша кооперация является кооперацией бедняцко-середняцкой».

В то же время в другой, менее полемичной части этой резолюции говорилось о том, что состав кооперации обнаруживает «относительно слабую кооперированность бедноты и непропорционально высокую кооперированность зажиточной деревни» и что «те же недостатки» отмечаются и в составе выборных органов кооперации, несмотря на решение о недопущении кулака в эти органы. Резолюция также подвергла критике органы кооперации за то, что они нередко не дают «должного отпора притязаниям кулачества», и за то, что верхние слои деревни пользуются льготами при получении машин и кредитов [40].

В июне 1928 г. ЦК вновь занялся рассмотрением вопроса социально-политического состава работников кооперации в деревне и признал необходимым проведение проверки кадров руководящих работников как сельскохозяйственной, так и потребительской ко-

операции в районах, производящих зерновые и технические культуры [41]. По итогам этой проверки в ноябре 1928 г. было принято постановление, которое констатировало «наличие значительной засоренности низового сельского кооперативного аппарата и его средних звеньев классово чуждыми и разложившимися элементами», а также «низкую квалификацию и явную непригодность к выполняемой работе большого слоя работников». В постановлении также отмечалось недостаточное использование фондов кооперирования бедноты и наличие значительной зажиточно-кулацкой прослойки и недостаточный удельный вес бедноты [42]. Однако прозвучавший на пленуме Всесоюзного совета сельскохозяйственной кооперации (декабрь 1928 г.) призыв заняться кооперированием батраков нашел в прениях слабый отклик [43].

В партийном журнале «Большевик» (декабрь 1928 г.) появилась статья, автор которой утверждал, что кооперативы еще не стали социалистическими предприятиями [44]. В том же месяце вышло еще одно постановление Совнаркома СССР — «О мерах борьбы с лжекооперативами», в которые просочились кулаки [45]. После дискредитации Бухарина — в прошлом наиболее активного сторонника кооперации — в партийных кругах стало все больше укрепляться мнение о том, что она является рассадником правого уклона [46]. С переносом центра тяжести партийной работы на крупное общественное производство и на расширение колхозного движения все отчетливее стала проявляться подчиненность сельхозкооперации колхозам [47]. Журнал Госплана «Плановое хозяйство» обрушился на кооперацию с резкими нападками, обвиняя ее в том, что «...крестьянина раздирают на несколько частей разные виды сел.-хоз. кооперации», что он должен иметь дело с большим количеством анкет, опросных листов и разных кооперативных чиновников [48].

По мере продвижения Советского Союза к коллективизации возникшая первоначально как объединение крестьян-предпринимателей сельскохозяйственная кооперация, которая так и не смогла преодолеть существующее по отношению к ней предубеждение, что она якобы служит интересам, противоположным коллективизации, стала постепенно все больше утрачивать свое значение и самостоятельность и скоро отошла на задний план. Летом 1929 г. возникла необходимость использовать все имеющиеся рычаги для формирования находящейся под угрозой срыва хлебозаготовительной кампании и расширения коллективизации, в связи с чем интерес к кооперации на какое-то время вспыхнул вновь, и ЦК в своем постановлении подчеркнул, что сельскохозяйственная кооперация должна ставить своей важнейшей задачей «всемерное содействие перерастанию простейших производственных объединений в более сложные формы производственного кооперирования и организации на этой основе крупного коллективного производства» [49]. Но уже в следующем году, с началом кампании массовой коллективизации, кооперация фактически угасает.

Кредитная кооперация была общепризнанной и с 1925 г. прочно укоренившейся формой сельскохозяйственной кооперации, хотя при этом подчеркивалось, что она является организационно самостоятельной и имеет свои функции [50]. Она постоянно испытывала нехватку свободных средств. Вклады населения были весьма незначительны, паевые взносы — ничтожно малы, по ним была постоянная задолженность, так что практически кредитные товарищества, прямо или косвенно, зависели от государственных кредитов и, по существу, являлись лишь распределителями государственных средств, направляемых Центральным сельскохозяйственным банком (Центросельбанком) через республиканские сельскохозяйственные банки в крестьянские хозяйства [51]. В постановлении ЦК ВКП (б) «О сельскохозяйственном кредите» от 19 августа 1926 г., принятом в тот же день, что и важнейшее постановление «О сельскохозяйственной кооперации», отмечалось, что основная цель политики партии по вопросам кредитования состоит в «...вовлечении средств населения в с.-х. кредитные товарищества и в оказании помощи кредитом крестьянскому населению», при этом система сельскохозяйственного кредита должна была ставить своей задачей «привлечение в сельскохозяйственную кредитную кооперацию в первую очередь малоимущих и середняцких слоев крестьянства и их обслуживание».

В постановлении также подчеркивалась необходимость принятия со стороны Центрального сельскохозяйственного банка (ЦСХБ) и банков союзных республик мер по развертыванию «системы с.-х. кредита» и по «усилению кредитования низовой сети». ЦСХБ совместно с Сельскосоюзом было поручено разработать типовой устав таких сельскохозяйственных кредитных товариществ с посредническими функциями, как «агентства» или филиалы, что было отступлением от решения 1925 г., согласно которому сельскохозяйственная кооперация и сельскохозяйственная кредитная кооперация рассматривались как самостоятельные объединения. Согласно новому постановлению, сельскохозяйственные кооперативы могли теперь выполнять функции кредитования в качестве отделений или «агентств» [52]. В 1924 г. было зарегистрировано 6674 кредитных товарищества, входящих в низовую сеть сельскохозяйственного кредита, насчитывающих 1544 тыс. членов, в 1927 г. число товариществ увеличилось до 8453, а членов — до 5450 тыс. и в 1928 г. — соответственно до 9808 и 7454 тыс., что составило 27,3% всех крестьянских хозяйств [53]. Общая сумма кредита, выплаченного в 1926/27 г. через губернскую кооперативную сеть, составила 430 млн. руб. (в том числе 40% долгосрочных ссуд), из них 250 млн. руб. прошли также и через низовую кооперативную сеть (в том числе 35% долгосрочных ссуд) [54].

18 января 1927 г. вышло положение ЦИКа и СНК СССР «О кооперативном кредите», определявшее статус и функции «сельскохозяйственных кредитных организаций», согласно которому они становились частью системы сельскохозяйственной коопе-

рации. Это постановление основывалось на нереальном предположении о том, что основной капитал кредитно-кооперативных организаций должен строиться из паевых взносов членов [55]. Однако эта иллюзия окончательно развеялась, когда год спустя вышло новое постановление СНК СССР «Об основании долгосрочного кредитования кооперации», в котором, хотя и звучала прежняя мысль о том, что фонды составляются из средств самой кооперации, тем не менее утверждалось, что основным источником кредитования кооперативных организаций должны были стать, по-видимому, долгосрочные банковские ссуды [56].

С самого начала кредитная политика, безусловно, имела классовый характер. На XII съезде ВКП (б) (апрель 1923 г.), говорилось о том, что необходимо создание такого государственного и кооперативного кредита, который мог бы «вклиниться в экономические отношения крестьянства против кулака» [57]. Постановлением от 17 марта 1926 г. был создан фонд кредитования деревенской бедноты, составляемый из отчислений от прибыли сельскохозяйственных банков союзных республик, специальных бюджетных ассигнований других кредитующих организаций. Операции по фондам кредитования производились сельскохозяйственными банками союзных республик через общества сельскохозяйственного кредита. Согласно более поздним инструкциям, ссуда выдавалась только на приобретение скота или инвентаря и размер ее ограничивался 200 руб., в исключительных случаях 300 руб. на срок от 3 до 5 лет [58]. К 1 октября 1927 г. этот фонд составил почти 33 млн. руб., в основном за счет отчислений из республиканских бюджетов, плюс 7,5 млн. руб. — за счет ассигнований из бюджета СССР на 1927/28 г. [59]

Вопрос о классовой природе кооперативов стоял особенно остро, когда дело касалось кредитно-кооперативных организаций, которые, естественно, стремились обслуживать в основном кредитоспособных клиентов, что противоречило линии партии, направленной на оказание помощи и предоставление кредитов в первую очередь маломощным крестьянским хозяйствам. На XV партийной конференции (октябрь 1926 г.) оппозиция выдвинула предложение осудить «сдвижок» кредитной кооперации в сторону деревенских верхов [60]. Руководство сначала предпринимало попытки отрицать или, во всяком случае, преуменьшать размеры этого «сдвижка». Назывались следующие цифры: в 1926/27 г. 33,8% (75 млн. руб.) всех ссуд было распределено среди бедняков и маломощных середняков, 56,6% (125—130 млн. руб.) — среди середняков и 9,6% (20 млн. руб.) — среди кулаков [61]. Однако позднее, в исследованиях, проведенных при подготовке к XV съезду партии (декабрь 1927 г.), отмечался факт возрастания размера кредита по мере увеличения мощности хозяйств, что рассматривалось как «прямое нарушение партийной линии, которое должно было быть исправлено немедленно самым решительным образом» [62]. Число примеров социальной дискриминации все возрастало. Один крестья-

нин — бедняк — платил за плуг 30% задатка и 70% после первого урожая, а другой — середняк, проживающий в полуверсте от него, — получал его в рассрочку на 3 урожая с уплатой 15% задатка и платил за предоставляемый ему кредит вдвое дешевле [63]. В Воронежской, Тамбовской и Курской губерниях крестьянские хозяйства, имеющие посевы свыше 4 га, получали больше кредитов, чем малопосевные хозяйства.

Аналогичная картина наблюдалась и при группировке по рабочему скоту [64]. В докладе Рабкрина РСФСР, составленном по результатам проведенного весной 1928 г. обследования, говорилось о том, что «в 1925/26 г. имелось явное искажение линии партии в области социального направления кредита», а анализ ситуации по большинству районов в 1926/27 г. показал «такую же безотрадную картину». В некоторых губерниях небольшая группа зажиточных крестьян получала от 16,5 до 24,2% всех ссуд. Размер ссуд, выдаваемых зажиточным хозяйствам, был в среднем вдвое выше, чем у бедняцких [65]. Газета «Известия» с неудовольствием отмечала, что кредитные товарищества придерживаются принципа: «наше дело — торговать, а не заниматься организационными вопросами» — и отдают предпочтение зажиточному крестьянству [66].

Однако официальные власти предпринимали все более энергичные усилия по преодолению этих тенденций. В постановлении Экономического Совета РСФСР от 9 июня 1928 г. был провозглашен принцип, согласно которому удельный вес бедняцких хозяйств в числе заемщиков должен был превышать их удельный вес в числе пайщиков, а средний размер средств, отпущенных одному бедняцкому хозяйству, должен был превышать средний размер ссуд на одно зажиточное хозяйство [67]. Постановление СНК СССР от 7 сентября 1928 г. предусматривало направление не менее 40% всего сельскохозяйственного кредита бедняцким хозяйствам, снижение для них ссудного процента и продление сроков его взимания, а также другие меры, способствующие приобщению беднейшего крестьянства к коллективному хозяйству [68]. Кредитование обычно имело целевое назначение: на приобретение лошади, коровы, кормов или инвентаря и т. д. [69] Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, система кредитования маломощных хозяйств по-прежнему оставалась объектом серьезной критики. Высказывалась точка зрения, что небольшая одноразовая ссуда маломощному крестьянскому хозяйству, «не имеющему никаких фактически средств производства, кроме рабочих рук», «не могла ни в коей мере способствовать повышению уровня его производства и часто просто растрачивалась крестьянином не на просимые, а на потребительские цели. Предлагалось оказывать «помощь бедноте, не имеющей почти никаких производственных возможностей... предоставлять в каких-то других формах, но только не в форме небольшого единоличного кредита» [70]. Выступая на III Всесоюзном съезде работников сельскохозяйственного кредита, состоявшемся с 17 по 22 января 1929 г. в Москве, Рудзутак отметил заслуги сельскохозяй-

ственной кредитной кооперации, которая, оказывая помощь мелким и средним крестьянам, способствовала их высвобождению из-под экономической зависимости от кулака. В то же время он был вынужден признать, что крестьяне, не имеющие средств производства, охвачены кредитом на 2%, а крестьяне со средствами производства, стоимость которых составляет свыше 1600 руб., охвачены кредитом на 20%, то есть получали основную массу кредита [71].

С другой стороны, заместитель председателя Совнаркома Лежава открыто заявил, что нельзя мириться с таким положением, когда работа по кредитованию превращается в «простую выдачу средств по признаку коллективных хозяйств, по признаку середняцких хозяйств и т. д.» [72]. Очевидно, именно эта точка зрения нашла свое отражение в постановлении ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1929 г., в котором критиковалась «сложность и распыленность руководства и контроля» за деятельностью учреждений кредита и подчеркивалось, что «только союзы, вполне устойчивые в финансовом и хозяйственном отношении», могут включаться в систему сельскохозяйственного кредита [73]. Поэтому неудивительно, что критики продолжали считать одним из недостатков системы сельскохозяйственного кредита «чрезвычайно слабое... внимание к социальному направлению кредитов» [74]. Таким образом, с одной стороны, финансовые и кредитные органы упрямо игнорировали классовые принципы кредитной политики, а с другой — они стояли перед очень трудно выполнимой задачей оказания помощи тем, кто был слишком беден, чтобы помочь себе самому.

ГЛАВА 6

КОЛХОЗЫ

Снижение интереса к коллективным хозяйствам всех видов было настолько ярко выраженной чертой официальной политики в 1925 г.[1], что уже в следующем году это вызвало определенную негативную реакцию, и под давлением оппозиции, а также в связи с обеспокоенностью определенной части партийных кругов партии пришлось заявить о своей приверженности коллективным формам земледелия и скорректировать основные направления текущей политики. В самом начале 1926 г. был создан Всесоюзный Совет коллективных хозяйств[2], но никаких материалов о его работе в этот период найти не удалось. Вопрос о строительстве колхозов и совхозов был рассмотрен на Политбюро 26 июня 1926 г. Материалы и доклады по колхозному строительству были подготовлены Сельскосоюзом и Рабкрином, а по совхозному — Наркомземом[3]. Однако решение Политбюро отсутствует. 19 августа 1926 г. вышло постановление ЦК «О сельскохозяйственной кооперации», в котором отмечалось, что «важнейшей задачей является усиление работы по производственному кооперированию и коллективизации беднейших хозяйств», что этим вопросам «должно быть уделено особое внимание со стороны партийных комитетов», а также подчеркивалась необходимость «оказания этому движению финансовой и другой помощи»[4].

В постановлении сессии ВЦИК РСФСР (ноябрь 1926 г.) по докладу Исполнительного комитета недавно созданного Северо-Кавказского края отмечалось: «...плодородная почва, благоприятные условия для развития высокосортных зерновых и технических культур в ряде районов, наличие пастбищ для развития скотоводства, возможность применения сельскохозяйственных машин для обработки больших земельных площадей в Северо-Кавказском крае способствуют объединению мелких крестьянских хозяйств в кооперативы и колхозы»[5].

В развернутом постановлении ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1926 г. «Об итогах совхозного и колхозного строительства» говорилось о том, что «коллективное движение начало выходить из состояния кризиса, в котором оно находилось в первые годы нэпа», что колхозы являются «наиболее развитой формой непосредствен-

ной коллективизации сельского хозяйства» и что рост колхозов «подтверждает эффективность коллективного движения».

Отмечалось, что этот рост был достигнут, с одной стороны, благодаря стремлению маломощного крестьянства «освободить себя от эксплуатации кулака», а с другой — благодаря «развитию машинизации, в частности тракторизации земледелия». Особый упор делался на то, что положенные в основу кооперативного строительства «начала добровольного членства и свобода выбора организационных форм» должны найти наиболее последовательное и полное применение. «Какое бы то ни было принуждение при организации коллективных хозяйств или искусственное форсирование перехода от простейших форм коллективных хозяйств к более сложным формам неизбежно нанесли бы коллективному движению огромный вред и задержали бы его развитие».

В постановлении была также предпринята попытка внести ясность в весьма запутанные до того времени отношения между колхозами и сельскохозяйственной кооперацией. Подчеркивалась необходимость увязки развития коллективно-хозяйственного движения «с общей системой сельскохозяйственной кооперации», и отмечалось, что «коллективные хозяйства входят на общих с прочими кооперативами основаниях членами в общие и специальные союзы сельскохозяйственной кооперации». Но в то же время этому очевидному стремлению считать колхозы просто одной из форм сельскохозяйственной кооперации противоречило другое решение, направленное на укрепление их организационной самостоятельности — а именно создание, помимо Всесоюзного совета коллективных хозяйств, специальных республиканских центров коллективных хозяйств с функциями «организационного руководства» колхозами. Постановление призывало к «всемерной и действительной поддержке этого движения со стороны партии и государства» [6].

Очевидно, это постановление должно было ознаменовать начало нового этапа в политике партии. Была создана комиссия по коллективизации под руководством Молотова, которая, как сказал позднее Калинин, произвела «революцию в умах» [7]. Вышедшее 16 марта 1927 г. постановление ЦИК и СНК «О коллективных хозяйствах» по существу дублировало постановление ЦК ВКП (б) и приводило из него отдельные выдержки [8]. На состоявшейся 6—10 апреля 1927 г. V сессии Всесоюзного Совета коллективных хозяйств были заложены основы новой организации — Всероссийского Союза сельскохозяйственных коллективов, — в задачи которой входило руководство колхозным строительством, организация колхозных объединений и повышение производительности колхозов [9].

Председателем Колхозцентра был назначен один из партийных руководителей сельскохозяйственной кооперации — Каминский [10], что явно свидетельствовало о стремлении рассматривать колхозы и сельскохозяйственную кооперацию как составные части одного движения и о намерении положить конец их соперничеству и за-

висти. В вышедшем в это время постановлении ЦК ВКП (б) подчеркивалось, что вся работа по созданию колхозов и подбору руководителей управленческого аппарата колхозобъединений должна проводиться «под непосредственным руководством парторганов»[11]. За ним последовал циркуляр, в котором ЦК призвал все партийные организации на местах принять активное участие в проведении отчетно-перевыборной кампании коллективных хозяйств[12].

Под воздействием этих мер коллективное хозяйственное движение развивалось быстрыми темпами, хотя отсутствие надежных статистических данных не позволяет отразить этот процесс с большой точностью. Одной из причин статистической путаницы была нечеткость терминологии. Помимо трех общепризнанных видов коллективных хозяйств — коммун, артелей и ТОЗов[13], — колхозами часто ошибочно называли всевозможные ассоциации (коих было огромное множество), такие, как товарищества по совместному использованию машин, по совместному приобретению семян, мелиоративные товарищества и т. д., которые на самом деле являлись сельскохозяйственными кооперативными объединениями. К 1 октября 1927 г. на Украине насчитывалось 11 344 колхоза, из них 5 тыс. машинно-тракторных товариществ[14]. Одна статистика учитывала «дикие», официально не зарегистрированные колхозы, другая — нет[15]. Общее количество колхозов иногда завышалось за счет «мертвых душ», то есть колхозов, которые фактически развалились, но ликвидация которых еще не была официально оформлена[16]. Проведенное в 1926 г. в Самарской губернии обследование показало, что из 700 зарегистрированных колхозов действуют только 250[17]. «Беднота» писала о борьбе с «бумажными колхозами»[18]. Одной из серьезнейших проблем, стоящих в то время перед колхозами, был выход крестьян из коллективов. Всего лишь за год, с 1 июня 1927 г. по 31 мая 1928 г., коммуны потеряли 20,6% своих членов, артели — 22,5 и ТОЗы — 24,2%. На Северном Кавказе выбывшие составляли около 80%, что объяснялось «старым бытом и традициями индивидуального хозяйствования»[19]. Тем не менее, с учетом всех этих оговорок, можно сделать вывод о том, что после незначительного увеличения колхозов в 1926/27 г. последовал их бурный рост, и к 1927/28 г. их число почти удвоилось[20]. Этот рост объяснялся отчасти инициативой местных властей, отчасти нажимом со стороны центральных руководящих органов, отчасти появившимся стремлением называть «колхозами» любое сельскохозяйственное объединение, имеющее хотя бы отдаленное сходство с ними. И хотя общее количество колхозов за этот период, безусловно, возросло, изменения в самом характере этих объединяемых одним словом сельскохозяйственных единиц были мало обнадеживающими. Новые коллективные хозяйства были не такими крупными, как старые; они тяготели к более простым, свободным формам, а их социальный состав и характер вызывали растущую тревогу.

Во-первых, колхозы, возникавшие в 1927 и 1928 гг., были, как правило, небольшими. Если на начальном этапе коллективизации как колхозы, так и совхозы создавались в основном в бывших помещичьих имениях (в 1926 г. такие колхозы составляли 44% всех коллективных хозяйств) [21], то затем этот источник иссяк и дальнейшее колхозное строительство стало зависеть, как указывалось в постановлении ЦК от 30 декабря 1926 г., от «самодеятельности крестьянского населения и организованной помощи со стороны государства» [22]. А «организованная помощь со стороны государства», как отмечалось в статье, опубликованной в «Большевике» в октябре 1928 г., «до недавнего прошлого» была ничтожно мала, и «в огромном большинстве случаев процесс коллективизации совершался самотеком, без достаточного руководства» [23]. Новые колхозы создавались из небольших групп крестьян при помощи различных методов — как принуждения, так и поощрения, либо на пустом месте, либо путем объединения существующих хозяйств. Новые колхозы, создаваемые в 1928 г., были, как правило, вдвое меньше старых [24]. Поскольку посевная площадь вновь создаваемых колхозов сократилась гораздо сильней, чем количество входящих в их состав хозяйств, можно сделать вывод о том, что новые колхозы состояли в основном из маломощных хозяйств [25]. Эти колхозы были гораздо хуже обеспечены средствами производства, чем старые [26], и могли приобрести рабочий скот и сельскохозяйственные машины только за счет государственных кредитов [27].

Во-вторых, весь период НЭПа характеризовался все более усиливающимся сдвигом в колхозном движении от более сложных форм «коммун» к самым низшим «ТОЗам». Идиллические настроения первых лет после революции [28], когда коммуны только зарождались, теперь проявлялись крайне редко [29]. Если на начальном этапе коммуны часто создавались рабочими-энтузиастами, то постепенно это движение сошло на нет [30]. Более того, стал меняться сам характер коммун как формы объединения крестьянских хозяйств. Принятые в 1926 г. Устав и Правила сельскохозяйственных коммун рекомендовали производить оплату труда в соответствии с количеством и качеством труда, затрачиваемого членами коммун, и реализовывать поставляемую ими продукцию по рыночным ценам [31]. Особенно высок удельный вес коммун в 1928 г. был в Сибири, где они составляли около 15% всех коллективных хозяйств [32]. Но даже и там они постепенно приходили в упадок. В одном из районов Сибири, где сначала было зарегистрировано 100 коммун, к весне 1928 г. осталось только 30, причем 16 из них, по официальному утверждению, были «больны» [33]. В докладе Рабкрина за 1926 г. говорилось о том, что одной из основных причин низкой популярности коммун является «чрезмерная коммунизация быта, вплоть до предметов личного потребления» [34]. Особенно рьяными противниками чрезмерного обобществления были женщины [35]. Выступая на IV съезде Советов в апреле 1927 г., Калинин отмечал, что 90% всех распавшихся колхозов «разорялись

на почве внутреннего неустройства, на почве коммунального сожительства», подчеркнув при этом, что «коммунальную обработку земли надо... отделить от совместного сожительства»[36]. Что касается артелей, то они преобладали в основном в районах, производящих технические культуры, где важную роль играла организация совместного сбыта продукции. Так, например, в Белоруссии и Узбекской ССР, выращивающих преимущественно лен и хлопок, артели составляли свыше 80% всех коллективных хозяйств, а в зерновых районах Центрально-Черноземной области и Северного Кавказа — соответственно только 17,3 и 13,99%[37]. Что же касается ТОЗов, то они составляли 77% всех новых, возникших в 1928 г. колхозов и свыше 60% всех существующих[38]. ТОЗы представляли собой хозяйства с наиболее низким уровнем обобществления — то есть хозяйства, где обобществление производилось только в определенных пределах и с определенными целями. По некоторым данным, личные участки земли, не включенные в общую площадь коллективного хозяйства, имели: 8% членов коммун, 30 — членов артелей и 58% членов ТОЗов[39]. В коммунах был обобществлен почти весь рабочий скот и коровы, в артелях — только 59,3% рабочего скота и 34,5 — коров, а в ТОЗах — 32,4 рабочего скота и 5,1% коров[40]. Но даже в ТОЗах было обобществлено 81,9% сельскохозяйственного инвентаря, а коллективные посевы составляли 54,9%[41]. Как писала «Беднота», в товариществе было слишком трудно «объединить личное и общее, уничтожить расслоение и яркое проявление материального неравенства»[42]. Создавая условия для развития «экономического неравенства», они тем самым притягивали к себе кулака[43]. Статья в «Большевике» описывала невероятную сложность всевозможных учетов, проводимых в ТОЗах: учет затраченного труда, учет работы машин и т. д. Казалось, что в «товариществе собрались люди для самоистязания учетом». По мнению автора статьи, члены ТОЗа пытались «разрешить неразрешимую задачу — использовать... преимущества коллективного хозяйства, сохранив единоличное хозяйство»[44]. ТОЗы имели не только самый низкий уровень обобществления средств производства, самую низкую техническую оснащенность, но и самую низкую производительность труда. Средний уровень обеспеченности крестьян средствами производства (рабочим скотом и инвентарем) в коммунах превышал средний уровень обеспеченности членов товариществ в четыре раза[45]. Открыто признавалось, что ТОЗы — это организации, «в которых еще слабо развиты черты коллективного производства, еще мало материальных возможностей к организации крупного коллективного производства»[46].

В-третьих, социальный состав и классовая ориентация колхозов как одной из разновидностей сельскохозяйственной кооперации вызывали все более серьезные опасения партийных руководителей. Весной 1927 г. в журнале «На аграрном фронте» была напечатана большая обзорная статья в защиту колхозов, озаглав-

ленная «Колхозное движение на переломе», в которой говорилось о том, что существуют еще «лжеколхозы» эксплуататорского типа, применяющие наемный труд и служащие прикрытием для бывших помещиков, пытающихся сохранить свои гнезда. По мнению автора, основная задача состояла в том, чтобы «получить массовое движение колхозов на основе блока бедноты и середняка... А этого мы еще в значительной мере не имеем», — делал вывод он [47]. Против лжеколхозов велась неустанная борьба. В 1926/27 г. было ликвидировано большое количество лжеколхозов: 30% всех колхозов в Смоленской губернии, 42 — в Орловской и 52% — в Самарской. В других районах лжеколхозы составляли около 20% всех колхозов [48]. Крупнейший специалист и видный критик в этой области Ларин писал: «...из всей товарной продукции всех колхозов не менее одной четверти фактически является капиталистической продукцией, прикрытой только лжекооперативной формой». Доказательством лжеколхоза являлись следующие признаки: 1) хозяйство велось не членами колхоза, а наемными рабочими; 2) под вывеской колхоза каждый крестьянин фактически вел свое личное хозяйство, колхозная земля совместно не обрабатывалась; 3) колхоз состоял исключительно из небольшой группы зажиточных крестьян, то есть представлял собой своего рода акционерное общество; 4) внутри колхоза одни члены эксплуатировали других [49]. Отмечались случаи, «когда эксплуататорские отношения, имевшие раньше место среди индивидуальной части членов колхоза, переходили в самый колхоз, когда колхоз в целом выступал в качестве эксплуататора наемной силы, сдатчика средств производства окружающей среде» [50]. Другой автор зашел так далеко, что взял на себя смелость утверждать, что коллективизация это — «...не проявление революционного настроения, направленного на уничтожение современных форм индивидуального хозяйства, а... поиски способов удержать это индивидуальное хозяйство в других формах» [51]. И только в 1928 г. наметился определенный сдвиг в развитии крупного коллективного хозяйства, где, можно было сказать, «...элементы социалистического хозяйства развиты настолько сильно, что они стояли уже теперь близко к совхозам — предприятиям последовательно социалистического типа» [52].

Несмотря на крайне неудовлетворительное состояние существующих колхозов, партия была полна решимости проводить коллективизацию сельского хозяйства и впредь. Стараясь по-прежнему избегать методов принуждения, она не могла отмахнуться от тех форм сельскохозяйственных объединений, которые, хотя бы в названии, олицетворяли принцип добровольности. И хотя высшие формы коллективных объединений крестьян имели лучшую техническую оснащенность, упор тем не менее делался главным образом на «простейшие», наиболее массовые формы — товарищества (ТОЗы). Этим формам отдавалось предпочтение еще с 1925 г., когда отношение к коллективизации было в общем еще весьма прохладное. Как постановление ЦК «Об итогах совхозного и колхоз-

ного строительства» от 30 декабря 1926 г., так и постановление ЦИК и СНК СССР «О колхозах» от 16 марта 1927 г. приветствовали «постепенную коллективизацию крестьянского хозяйства наиболее простыми и доступными для широких масс путями»[53]. Развитию ТОЗов оказывали содействие и Союз союзов сельскохозяйственной кооперации и Всесоюзный Совет колхозов[54]. XV съезд партии посвятил колхозам лишь небольшую часть своей резолюции и высказал официальное одобрение постановления ЦК от 30 декабря 1926 г.[55] Выступивший на съезде Милютин подчеркнул, что колхозы «...имеют скорее показательное, чем экономическое значение»[56]. И тем не менее сам факт, что на съезде в тезисы Молотова «О работе в деревне» было внесено дополнение о том, что «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне», указывал на то, что они были призваны играть решающую роль в будущей политике партии. Пункт тезисов, в котором шла речь о необходимости обеспечения со стороны партии полной поддержки сельскохозяйственным коммунам, артелям и разного рода производственным товариществам (слово «колхоз» при этом не упоминалось), был усилен дополнением, подчеркивающим, что эти формы «доказали уже во многих случаях свое преимущество перед мелкими крестьянскими хозяйствами»[57]. В докладе Рабкрина о результатах планового обследования колхозов, опубликованном в начале 1928 г., отмечалось, что колхозы имеют более высокую доходность с посева и более высокий размер валовой доходности на работника по сравнению с единоличным хозяйством и что, несмотря на неустойчивость колхозов и известные недочеты в колхозном строительстве, они, бесспорно, стали крупным фактором в деле социалистического переустройства в деревне[58]. Колхозы опережали крестьянские хозяйства и по обеспеченности рабочим скотом и инвентарем, а также по переходу к многополью[59]. Дальнейший интерес к колхозному движению был продемонстрирован открывшимся 24 мая 1928 г. III Всероссийским съездом колхозов и состоявшимся неделей позже I Всесоюзным съездом колхозов[60]. Еще до начала работы обоих съездов «Правда» осудила сельские партийные ячейки за то, что они слабо охватывают своим руководством колхозное строительство. Так, в повестке дня собраний сельских ячеек вопросы колхозного строительства составляли только 1,7%[61]. Выступивший на Всероссийском съезде колхозов председатель Колхозцентра обратил внимание на огромную разницу в паевых и вступительных взносах крестьян — они колебались от 5 до 800 руб. Там же, где устанавливался маленький взнос, а на лицевом счету члена колхоза имелись большие накопления, наблюдалось перерождение коллектива в акционерную компанию[62]. На более важном, Всесоюзном съезде колхозов с вступительным словом выступил Калинин, а с основным докладом — Яковлев, ставший председателем Всесоюзного Совета колхозов. В его до-

кладе, озаглавленном «Кулак или колхоз?» и опубликованном в печати, вновь был поставлен вопрос о выборе пути развития от мелкого к крупному хозяйству — капиталистический или социалистический? «Как строить социализм в деревне? — сказал он в заключение. — Вот в какой области колхозы пишут и записывают новое слово в истории человечества». Отвечая, однако, на реплики во время своего выступления, Яковлев опроверг утверждения о том, что колхозы ведут к ликидации мелкого крестьянского хозяйста, сказав, что к этому ведут кулаки, а задача колхозов состоит в том, чтобы объединить беднейшее крестьянство против кулака [63]. Тезисы доклада, опубликованные накануне съезда, были приняты без всяких поправок и дополнений. В них устанавливалась минимальная норма учредителей колхозов — 10 хозяйств — и подчеркивалась необходимость создания кустовых объединений колхозов для совместной обработки земли. Многие выступающие на съезде призывали к расширению колхозного движения. Съезд рекомендовал производить распределение рабочей силы в колхозах по планам, утвержденным Советом колхоза, проводить специализацию труда членов колхоза путем прикрепления их для работ в определенных отраслях хозяйства и выделять специалистов для руководства отдельными отраслями. Съезд осудил как уравнительное распределение доходов в колхозах, так и распределение по размерам имущественных паев или вкладов. Он рекомендовал такое распределение доходов, которое могло «обеспечить материальную заинтересованность членов в развитии коллективного хозяйства» и оплату труда по его количеству и качеству [64]. Съезд также освободил Яковлева от обязанностей председателя Всесоюзного Совета колхозов и избрал вместо него Молотова [65].

Рост числа и влияния колхозов вновь привлек внимание к забытому на какое-то время вопросу о взаимоотношениях между колхозами и сельскохозяйственной кооперацией. Постановление ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. оказалось неэффективным [66]. Согласно информации ЦК о ходе проведения отчетно-перевыборной кампании в колхозах осенью 1927 г., значительное число коммун, до 50% всех артелей и в ряде районов до 90% машинных, мелиоративных и др. производственных объединений находились вне сельскохозяйственной кооперации [67]. Как сообщалось, представители кооперации наведывались в колхозы с кратким визитом один раз в год, а в артели и ТОЗы — и того реже [68]. Но несмотря на то, что эти две системы и та политика, которую они воплощали, существенно отличались друг от друга, грань, разделяющая их, была очень нечеткой и расплывчатой. Когда XV съезд партии осудил оппозицию, предлагавшую направить совхозам и колхозам фонды, предназначенные для кооперации [69], это было равносильно признанию, что колхозы и кооперативы — отличные друг от друга, самостоятельные формы объединений. Однако в другой части резолюции съезда колхозы рассматривались как разновидность сельскохозяйственного производственного ко-

оператива [70]. В начале 1928 г. стала преобладать тенденция считать колхозы отдельным видом кооператива и частью центральной системы кооперации [71]. Но большая часть колхозной продукции сбывалась не через кооперативную сеть [72], и колхозы почти не имели никакого отношения к специализированным кооперативным центрам, таким, как «Плодовинсоюз», «Картофельсоюз» и т. д. [73].

Бурный рост колхозов и совершенствование их собственной системы были достаточным основанием для того, чтобы Всероссийский и Всесоюзный съезды колхозов, состоявшиеся в мае и июне 1928 г., воспрепятствовали любым попыткам подчинить колхозы кооперативной дисциплине. Однако Сталин попытался подлить масла в огонь, обрушившись на тех, кто «колхозное движение противопоставляет кооперативному движению» (полагая, что это не одно и то же), на тех, кто противопоставляет колхозы кооперативному плану Ленина. «На самом деле, — сказал он, — колхозы есть вид кооперации, наиболее яркий вид производственной кооперации» [74]. Намек был схвачен на лету. Выступая в июле 1928 г. на 41-м собрании уполномоченных Центросоюза, Рыков уже говорил о колхозах как о «производственном кооперировании» [75]. Несмотря на то что в «Контрольных цифрах» Госплана на 1928—1929 гг. колхозам была отведена специальная глава, они также вошли и в другую главу «О кооперации», в раздел, озаглавленный «Кооперирование процессов производства» [76]. А в «Пятилетнем плане народно-хозяйственного строительства СССР» было сказано, что организатором проведения «технической и социальной реконструкции сельского хозяйства» будет являться «кооперация (включая кооперативное движение и движение колхозов)» [77]. Оценивая масштабы кооперирования, представитель Госплана также отнес колхозы к кооперации, заявив, что в 1928 г. всеми видами кооперации, включая колхозы, было охвачено 37,5% всех крестьянских хозяйств, а к концу пятилетки коэффициент кооперирования может составить 85% [78]. Публикуемые в то время статистические данные все чаще включают колхозы в состав сельскохозяйственной кооперации [79]. И тем не менее именно колхозы и их строительство начинают играть в этот период ведущую роль в системе кооперации, а сложившийся в 1925 г. перевес в пользу кооперации перемещается в другую сторону. Выступая на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК, Сталин отметил большое значение кооперации, особенно сельскохозяйственной, «создавшей психологическую базу среди крестьян в пользу колхозов» [80]. Сменивший Каминского на посту председателя Союза союзов сельскохозяйственной кооперации Владимирский, выступая несколько дней спустя на XVI партийной конференции, говорил о том, что необходимо понять «ту генетическую связь, которая существует между колхозным движением и кооперативным движением», подчеркнув при этом, что темп развития первого движения зависит от темпа развития второго. Но даже он назвал колхозы «наиболее высокими формами производственного кооперирования» [81]. Значение этого

вывода заключалось не столько в том, что колхозы были инкорпорированы в сельскохозяйственную кооперацию, сколько в том, что сельскохозяйственная кооперация была признана зародышем коллективных хозяйств, что явилось свидетельством нового направления в политике партии. С началом кампании массовой коллективизации, в ходе которой колхозы стали основной ударной силой, давнишнему спору между колхозами и кооперацией навсегда пришел конец.

Простое увеличение числа небольших колхозов, характерное для начального этапа возрождения колхозов, не могло обеспечить выполнение поставленной XV съездом партии задачи осуществления перехода к крупному сельскохозяйственному производству. В своей статье, опубликованной в «Известиях» в период работы двух колхозных съездов (май — июнь 1928 г.), один из руководителей колхозного движения, Карпинский, писал о том, что возможности экстенсивного развития крестьянского хозяйства путем простого расширения пахотных площадей уже исчерпали себя и что в будущем успеха можно добиться лишь на пути интенсификации (машинизации, тракторизации и т. д.). Отсюда следовал вывод, что «...развитие интенсивного машинизированного хозяйства в советских условиях возможно лишь в виде колхоза»[82]. Резолюция июльского (1928 г.) Пленума ЦК определяла колхозы, к созданию которых призвал XV съезд партии, «как добровольные объединения, построенные на базе новой техники и представляющие высшую форму зернового хозяйства как в смысле социалистического преобразования сельского хозяйства, так и в смысле обеспечения радикального повышения его производительности и товарности»[83]. Один из выступающих на 4-й сессии ЦИКа (декабрь 1928 г.) приветствовал широкое массовое движение за коллективизацию «...путем дальнейшего развития колхозного строительства как средства борьбы бедняков и середняков против попыток кулачества монополизировать землю»[84]. В принятых сессией Общих Началах отмечалось, что коллективные хозяйства «являются основным путем социалистического преобразования сельского хозяйства» и что для значительных слоев маломощного крестьянства нет возможности поднять свое хозяйство «...иначе, как путем перехода к товарищеским формам землепользования»[85].

Самым простым и, очевидно, наиболее доступным способом повышения производительности сельского хозяйства было создание из маломощных колхозов кустовых объединений[86], хотя и на начальном этапе таких объединений было мало и работали они «плохо»[87]. К 1 июня 1929 г. было создано 1213 кустовых объединений, охватывающих 14,2% всех колхозных дворов и 16,2% всей колхозной земли[88]. Но по своему характеру они существенно отличались друг от друга — одни создавались для совместной обработки земли, другие — просто для совместного пользования услугами агронома[89]. V съезд Советов, состоявшийся в апреле 1929 г., в своем постановлении призвал оказать содействие процессу «ук-

рупнения старых коллективных хозяйств»[90]. В то же время один из руководителей Наркомфина, Шанин, отличавшийся непоследовательностью взглядов и шараханиями из одной крайности в другую, в своей статье, опубликованной в «Большевике», призывал прекратить оказание всякой помощи маломощным колхозам и индивидуальным крестьянским хозяйствам и сосредоточить все усилия на МТС, за что и был подвергнут резкой критике в редакционной статье журнала, которая обвинила его в том, что он проповедует «ликвидацию массового колхозного движения»[91].

Но основной упор в колхозном движении теперь делался на создании на новых землях крупных (аналогичных гигантским совхозам) колхозов, оснащенных тракторами и охватывающих несколько деревень. Переходу к укрупнению колхозов во многом способствовало изменение географии колхозного движения. Если раньше, до 1928 г., 72% всех колхозов РСФСР создавались в основном в центральных и северо-западных районах страны, на базе помещичьих имений, то теперь 76% всех колхозов создавались в южных и юго-восточных районах, особенно на Северном Кавказе, где были наиболее благоприятные условия для крупного земледелия[92]. В первые пять месяцев 1928 г. число колхозов на Северном Кавказе увеличилось на 152%, а на Урале — на 335%[93]. Районы, имеющие наибольшие площади целинных земель, лучше всего подходили для экспериментирования в области крупного земледелия. 2-я Сессия Совета Колхозцентра, состоявшаяся в конце 1928 г., приняла план строительства крупных колхозов общей площадью 775 тыс. га, из них 300 тыс. га — на Северном Кавказе и 150 тыс. га — в Сибири[94]. В вышедшем в начале января 1929 г. постановлении СНК СССР «О весенней посевной кампании 1929 г.», в котором также определялись и задачи совхозов, намечалось увеличить колхозные посевные площади к 1929 г. до 3900 тыс. га[95*]. К середине 1929 г. в Российской Федерации было организовано уже 117 крупных зерновых колхозов, среди которых были как совсем небольшие, так и такие мощные гиганты, как колхоз «Елань» Ирбитского округа на Урале, площадью 80 тыс. га, и колхоз «Степной гигант» в Казахстане, площадью 20 тыс. га[96]. Отношение к товариществам, низшим формам коллективов, которым совсем еще недавно отдавалось предпочтение, теперь круто изменилось, и резолюция XVI партийной конференции, состоявшейся в апреле 1929 г., подчеркнула необходимость содействия переходу товариществ по общественной обработке земли «в высшие формы коллективного движения»[97]. Однако в то же время интенсивный рост колхозов вызывал и определенный скептицизм. Согласно более поздним источникам, Колхозцентр и его местные органы «увлеклись крупными колхозами, нарушили указания ЦК ВКП (б) об организации показательных крупных колхозов с земельной площадью 2—5 тыс. га и стали создавать колхозы-гиганты на пло-

* В постановлении этой цифры нет. — *Прим. ред.*

щади в 15—20 тыс. га, невзирая на отсутствие необходимой материальной базы»[98].

Информация о социальном составе и значении новых колхозов была весьма противоречива, да и ситуация в целом была неоднозначна[99]. Наиболее преданные делу строительства социализма члены партии по-прежнему мечтали о том, чтобы сделать колхозы оплотом беднейшего крестьянства в борьбе против кулачества, поэтому вполне понятно, что отношение кулаков к колхозам было преимущественно враждебным. Сообщается, что во многих местах кампания коллективизации встречала ожесточенное сопротивление со стороны кулаков, стремящихся при помощи подкупа и угроз удержать бедняков от вступления в колхозы. В деревне постоянно шли разговоры о том, что в колхозах «всех посадят на паек, а излишки отберут в принудительном порядке», что якобы «всех заставят жить в одной казарме» и что на смену помещику пришел «комиссар с кнутом». Кулаки говорили: «Раньше вы работали на царя и дворян, а теперь в товариществе на Советскую власть, у которой вы батраки». В борьбе против колхозов кулаки делали главную ставку на женщин[100]. Их запугивали тем, что все вступившие в колхоз будут вырезаны, что в колхозах они будут целые дни простаивать в очередях за куском хлеба. Имели место частые поджоги и случаи забоя скота[101]. Сообщалось также о том, что зажиточное крестьянство выступало против предоставления колхозам кредитов, поскольку они расходовали деньги нехозяйственно, и призывали к ликвидации всех колхозов и совхозов и передаче земли крестьянам[102].

Однако было бы неправильно объяснять сопротивление колхозному движению только подстрекательством кулаков — для каждого крестьянина вступление в колхоз означало отказ от собственного клочка земли и подчинение чужой, не известной ему власти[103]. И если одни колхозы становились прибежищем для бедняков и батраков, то другие — оплотом середняков и зажиточного крестьянства[104]. Начиная с 1927 г. партийное руководство высказывало озабоченность уже не столько социальным составом колхозов, сколько повышением их производительности. Выступая на собрании актива Московской партийной организации после апрельского (1928 г.) Пленума ЦК, Сталин сказал, что было бы неправильно думать, что колхозы должны состоять только из бедняцких слоев, «...колхозы должны быть бедняцко-середняцкими, охватывающими не только отдельные группки и группочки, но и целые деревни» и что необходимо показать середняку, что «он может развивать хозяйство лучше всего и скорее всего через колхозы»[105]. В выступлениях на XVI партийной конференции подчеркивалось, что на Северном Кавказе середняк тяготеет в основном к крупным колхозам, имеющим тракторы[106]. Другой причиной, привлекающей середняков в колхоз, было стремление уклониться от уплаты налога и получить участок земли получше[107]. На конференции также отмечалось, что «от практических работ-

ников колхозного строительства» часто приходится слышать о том, что нужно организовать «сплошь зажиточные, сплошь кулацкие колхозы» (очевидно, в интересах производства) [108]. Таким образом, положение колхозов в системе социалистического строительства было весьма неопределенным. Выступая на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в апреле 1929 г., Рыков утверждал, что экономика государства якобы находится в таких же простейших отношениях с колхозами, как и с индивидуальными хозяйствами (что, согласно официальной точке зрения, противоречило социалистической природе колхозов) [109]. По мнению некоторых, отдельные руководящие работники на местах относились к беднейшему крестьянству так же, как и кулачество, вместо того чтобы помочь бедняку поднять уровень его благосостояния, они говорили, что помогут ему, если он организуется в колхоз [110]. Поэтому неудивительно, что «кулак, — как писал журнал «На аграрном фронте», — иногда врастал в колхоз и пытался приспособить его к своим эксплуататорским стремлениям», что было равносильно созданию лжеколхозов. Особенно часто это можно было наблюдать в небольших колхозах [111]. Процент зажиточного крестьянства среди руководящего состава колхозов был намного выше, чем среди рядовых членов [112]. Все споры на эту тему в конечном счете свелись к одному вопросу — допускать кулака в колхоз или нет? Сибирская краевая партийная конференция, состоявшаяся еще в марте 1927 г., отмечала, что «опасно допускать в колхозы даже середняцкие зажиточные крестьянские хозяйства» [113], потому что, несмотря на то что зажиточные крестьяне были в принципе против колхозов, в тех случаях, когда они вступали в колхозы, руководствуясь своими интересами, эти интересы одерживали верх. Бедняки часто голосовали против исключения кулаков из колхозов, так как не хотели лишаться их рабочего скота и инвентаря [114]. Это был типичный пример солидарности крестьян (как зажиточных, так и беднейших), которую партия и правительство так и не смогли до конца преодолеть. Когда этот вопрос встал на повестке дня XVI партийной конференции, мнения по нему разделились [115]. В статье, опубликованной в «Правде» накануне конференции, Бауман писал о том, что «...кулак или должен подчиниться вновь устанавливаемым тракторной колонной порядкам, или он отшвыривается в сторону, вынужденный уйти из данного земельного общества» [116]. В дни работы конференции в «Сельскохозяйственной газете» появилась статья, призывающая не пускать кулака в колхозы [117]. Калинин, выступивший на конференции с докладом «Практические меры по подъему сельского хозяйства», сказал, что это — вывод, доведенный до абсурда, и что борьбу с кулаком надо вести внутри колхозов — «...если вы выделите ему землю, оставите его на своей земле, то это значит не борьба, не преодоление, а культивирование кулачества на веки веков» [118]. Однако другие выступающие не совсем разделяли его точку зрения. Ломидзе предложил к этому пункту тезисов доклада Калинина к конференции

длинное и звучавшее демагогически дополнение, направленное против кулака, а по основному вопросу о допущении кулака в колхоз он высказался весьма непоследовательно, чем вызвал раздраженную реплику Сталина: «У тебя какие-то бешеные колебания»[119]. Председатель СНК РСФСР Сырцов убедительно доказал в своем выступлении всю несовместимость классовых целей кулака с интересами Советской власти, заявив, что, «пока кулачеству не переломлен классовый хребет его сопротивления», ставить вопрос о том, чтобы пускать кулака в колхозы, будет равносильно тому, чтобы ставить вопрос о том, чтобы «пустить козла в огород», и что кулака можно допускать в колхоз, если только он согласен обобществить свои средства производства. Другой выступающий сказал, что если на фабрике партия имеет свое сильное ядро и поэтому ей легко удается нейтрализовать «чуждые элементы», то с колхозами все обстоит иначе: «есть кулак в колхозах, он командует колхозом»[120].

По мере работы конференции прения становились все жарче. И только один Шацкин, член ЦКК, бывший первый секретарь РКСМ и работник КИМа, прямо заявил о том, что считает позицию Калинина по отношению к кулаку неправильной, ибо в ней нет творчества, но даже он не поставил вопрос о принудительном «раскулачивании». Он сказал: «Одно из двух. Либо принимать кулака без раскулачивания — это значит крайне усилить элементы имущественного неравенства, крайне усилить возможности распада, капиталистического перерождения... Либо принимать кулака, который самораскулачивается. Но можно ли сейчас питать иллюзии, что кулаки в сколько-нибудь широком масштабе пойдут на раскулачивание?»[121]. Таким образом, вопрос, казавшийся на первый взгляд второстепенным, приобрел большое значение, но конференция так и не пришла по нему к единому мнению, поскольку взаимоотношения кулака и колхозов представляли собой неразрешимую задачу. Запретить доступ кулака в колхозы означало полностью исключить его из системы коллективного земледелия. Однако такое решение принято не было, и даже самые активные сторонники коллективизации старались избежать его. Как иронически отмечал Карпинский в своей статье, опубликованной в «Большевике»: «Предложения согнать кулаков с земли вовсе или переселить их на пустующие окраины либо на необитаемый остров мы не слышали», поэтому (ввиду отсутствия таких предложений) «...исключение кулаков при... коллективизации приводит лишь к ограничению... способов борьбы с кулачеством»[122]. Таким образом, при выработке окончательного решения по вопросу о коллективизации мнения в партии относительно того, стоит ли допускать кулака в колхоз или нет, разделились[123].

Достаточно полная, но несколько противоречивая статистика того времени свидетельствовала о том, что начиная с 1926 г. наблюдался бурный рост колхозов. И если в 1927 и 1928 гг. увеличение числа колхозов происходило на фоне уменьшения их объ-

ема, то дальнейший быстрый рост колхозов сопровождался их укрупнением. С 1 октября по 1 июня 1929 г. число колхозов возросло на 150%, а число крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, почти удвоилось. Посевная площадь колхозов выросла в 1928/29 г. в 2,5 раза, а товарная продукция — в 3,5 раза [124]. К 1 октября 1928 г. колхозы охватывали 2,3% всех крестьянских хозяйств, а год спустя — уже 4,1%. Однако положение в целом по стране было не одинаково. На 1 июня 1929 г. в колхозах насчитывалось 4 814 765 человек из них: 2 961 300 — в РСФСР, 1 537 236 — на Украине и гораздо меньше в других республиках. Самый высокий процент охвата крестьянских хозяйств колхозами в РСФСР отмечался в Крыму — 19, на Северном Кавказе — 12 и самый низкий в Ленинграде и западных областях — 1,4% [125].

В этот период колхозы и совхозы стали объединять одним общим словом — «социалистический сектор» сельского хозяйства, постоянно подчеркивая при этом его преимущества по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Нижеприведенная таблица свидетельствует об увеличении посевных площадей колхозов в общей массе посевных площадей, занятых культурами полеводства.

Год	Общая посевная площадь (в тыс. га)	Удельный вес различных секторов (в %)		
		совхозы	колхозы	индивид. крест. хоз-ва
1927	112 400	1,4	0,7	97,9
1928	112 959	1,6	1,2	97,2
1929	118 034	1,9	3,5	94,6[126]

Увеличивались не только посевные площади коллективных хозяйств, росла и их валовая продукция по зерновым культурам.

Год	Валовая продукция (в млн. тонн)	Совхозы	Колхозы	Единолич. хоз-ва
1928	73,3	1,1	0,9	71,3
1929	71,7	1,3	2,7	67,7[127]

Однако существовало много различных типов коллективных хозяйств, и иногда можно было слышать мнение о том, что в них отсутствует личная заинтересованность в результатах труда, присущая индивидуальным хозяйствам [128]. Тем не менее имелось

достаточно фактов, свидетельствующих о том, что, как правило, крупные совхозы и колхозы получали самые высокие урожаи. Еще более высоким критерием их эффективности была товарность продукции. Дело было не только в том, что, как отмечал Сталин, доля товарной продукции в общем объеме продукции совхозов и колхозов была намного выше, чем в других хозяйствах, но непрерывно возрастала и доля социалистического сектора в общем объеме товарной сельскохозяйственной продукции[129]. Еще в мае 1928 г. Сталин подчеркивал, что колхозы и совхозы призваны заменить крупные помещичьи хозяйства и стать основными поставщиками товарного хлеба[130]. Подсчеты составителей Пятилетнего плана показали, что в 1932 г. по «отправному варианту» плана совхозы и колхозы должны будут производить 39% всего товарного хлеба, то есть примерно столько, сколько производили в 1927/28 г. 10% зажиточных крестьянских хозяйств[131]. Весной и летом 1929 г. эти скромные прогнозы начали успешно претворяться в жизнь, что вселяло оптимизм и веру в колхозы и во все, что было с ними связано. Однако советское руководство даже и представить себе не могло, что такая рациональная, высокоэффективная и жизненно важная для Советской власти форма организации сельского хозяйства, как крупное обобществленное производство, может вызвать враждебное к себе отношение со стороны всего крестьянства в целом. И поэтому всякий раз, когда оппозиция начинала очередные нападки, руководство с уверенностью заявляло, что это — происки кулака, проявление его частнособственнических амбиций, испытывая при этом аналогичную уверенность в том, что только путем сплочения бедняцких и середняцких слоев крестьянства, являющихся жертвой и врагом кулака от природы, можно будет нанести оппозиции сокрушительный удар.

ГЛАВА 7

СОВХОЗЫ

Из всех форм коллективного земледелия совхозы больше всего соответствовали духу партийной доктрины и меньше всего конкретным условиям русской деревни в обстановке НЭПа. Совхозы, в большей или меньшей степени, являлись собственностью государства, финансировались государством и функционировали как промышленные государственные предприятия, использующие наемный труд. Но понятие «совхозы» объединяло множество различных сельскохозяйственных предприятий. В РСФСР центральным руководящим органом зерноводческих и животноводческих совхозов, объединенных в местные сельскохозяйственные тресты (сельтресты), был всесоюзный Госсельсиндикат, в Центральной Украине и Белоруссии — соответственно — Укрсовхозобъединение и Белосельтрест. На Украине и в прилегающих районах РСФСР множество совхозов, специализирующихся на выращивании сахарной свеклы, находились в подчинении Сахаротреста [1]. Существовали также специализированные всесоюзные тресты совхозов по овцеводству («Овцевод»), животноводству («Скотовод»), птицеводству («Птицевод»), табаководству («Союзтабак»), а также трест винокуренных заводов и т. д. [2] В конце 20-х годов еще существовали совхозы при крупных промышленных предприятиях и учреждениях, обеспечивающие своих рабочих и служащих сельскохозяйственной продукцией [3]. Из общей земельной площади совхозов, составляющей в 1926/27 г. 3,2 млн. десятин, на долю совхозов Госсельсиндиката и Сахаротреста приходилось более чем по 1 млн. десятин, а оставшаяся часть распределялась между государственными учреждениями, местными органами, кооперативами и разного рода коллективами [4]. Рабочие совхозов имели свои участки земли и скот, и, как утверждает статистический справочник на 1927—1928 гг., даже в совхозах только одна треть всех лошадей, четвертая часть рабочего скота и пятая часть коров находились в 1927 г. в общественной собственности [5]. Более половины всех совхозов в 1928 г. имели свои промышленные предприятия — мельницы, крупорушки, кузницы, маслобойни, крахмальные заводы, электростанции и т. д. [6] В одном из подмосковных совхозов был свой винокуренный завод с ректификационным отделе-

нием, мельница, маслобойный завод, молочный, сыроваренный завод и т. д., которые обслуживали окружающее население [7].

Несмотря на все официальные заявления, с самого начала введения НЭПа, и особенно в период проведения политики «уступок кулаку», власти относились к совхозам с недоверием и пренебрежением [8], на что имелись определенные основания, ибо большинство совхозов испытывало нехватку квалифицированных рабочих, опытных руководителей и грамотных специалистов. После того как в 1925/26 г. был ликвидирован целый ряд наиболее убыточных совхозов и все усилия были сосредоточены на перспективных, ситуация несколько улучшилась [9]. На основании официальных данных, с 1924 по 1926 г. валовая продукция совхозов (очевидно, включая сюда и совхозы Сахаротреста), выросла в денежном выражении с 12 млн. руб. до 50 млн. руб. и половина всех совхозов работала рентабельно. Если в 1924 г. совхозы обрабатывали только 47% своей пашни, а остальную сдавали в аренду, то в 1926 г. они уже обрабатывали 83% своей площади, используя при этом свою рабочую силу. Об этом говорил в своем докладе заместитель председателя Госсельсиндиката, но его оптимизм был несколько приглушен весьма трезвыми выводами:

«Ни одна отрасль нашего народного хозяйства так слабо не кредитовалась за истекшие годы, как совхозы... Совхозы существовали и работали как бы вне плана... Получалось такое впечатление, что совхозное строительство действительно не наше дело, что это чуждые нам предприятия» [10].

И только начиная с 1927 г. отношение властей к совхозам стало постепенно меняться. 30 декабря 1926 г. ЦК ВКП (б) приняло постановление «Об итогах совхозного и колхозного строительства», в котором отмечалось, что важнейшими недочетами, тормозящими развитие совхозов, являются «недостаточность планового руководства» совхозами со стороны органов Наркомзема, ограниченность капиталов, а также недостаточное их кредитование. В постановлении также указывалось на необходимость ликвидации аренды совхозной земли. В то же время совхозы освобождались от арендной платы за используемую ими землю, а также получали ассигнования в размере 6 млн. руб., в основном для приобретения скота и машин [11]. Это постановление легло в основу двух других постановлений ЦИКа и СНК СССР «О советских хозяйствах» и «О колхозах» от 16 марта 1927 г. В постановлении о совхозах ЦИК и СНК призывали покончить с «невнимательным, а подчас и отрицательным отношением» к совхозному строительству, а также высказывали ряд конкретных рекомендаций центральным исполнительным комитетам союзных республик и Центральному Сельскохозяйственному банку. Одна из последних рекомендаций заключалась в том, чтобы совхозы, которые провозглашались «образцами... крупных сельских хозяйств», оказывали ближайшим к ним крестьянским хозяйствам помощь «тракторами и сложными сельскохозяйственными машинами», что должно

было способствовать объединению крестьянских хозяйства «для совместного пользования сложными машинами» [12]. Однако, когда вопрос о деятельности совхозов обсуждался на коллегии Наркомзема, возобладал старый скептицизм. На коллегии отмечалось, что «в результате огромных убытков за последние 3 года финансовое положение ГСС (Госсельсиндиката) остается еще весьма тяжелым» и дальнейшая нормальная работа не может продолжаться без дополнительного оборотного капитала. Коллегия указала на желательность децентрализации управления совхозами, отметив необходимость перевода доходов совхозов в местный бюджет с оставлением за системой трестированных совхозов значения общегосударственного [13]. Но в общем и целом отношение практической выжидательности и некоторого недоверия к совхозам со стороны чиновников Наркомзема превалировало над легкомысленно восторженным отношением к ним со стороны партии. В материалах к первому Пятилетнему перспективному плану БССР на 1927/28—1931/32 гг. пессимистическое отношение к будущему коллективных хозяйств выражено вполне однозначно:

«Особых перспектив на значительное увеличение площади совхозов и колхозов не может быть... При современном построении сельского хозяйства... нет особых оснований рассчитывать в течение ближайшего времени на заметный переход к коллективным видам землепользования» [14]. Индивидуальное землепользование особенно широко применялось в Белоруссии, но и в других районах страны к совхозам по-прежнему относились со сдержанным безразличием. В 20-е годы вышли всего лишь две-три «более или менее серьезные» книги о совхозах [15].

Поставленная XV съездом партии в декабре 1927 г. задача сплошной коллективизации сельского хозяйства привлекла внимание официальных лиц к этому вопросу, значение которого до сих пор недооценивалось. Выступая на съезде, Молотов сказал, что совхозы дают доход уже в течение двух лет — «это пока очень жалкий доход, но он показателен» [16]. Однако главным новшеством этого времени явилось появление крупных зерноводческих совхозов типа украинского совхоза им. Шевченко под Одессой, о котором с большим энтузиазмом говорил на съезде Кржижановский, сказав, что «кулацкая часть населения подымает «бунт», когда видит, что ... это дело угрожает ее благополучию» [17]. Благодаря усилиям предприимчивого директора Маркевича в 1926 г. совхоз был уже переведен на тракторное обслуживание, а в 1927 г. впервые в стране все основные сельскохозяйственные работы в этом совхозе были механизированы. Совхоз имел 2800 га земельной площади и 24 трактора, но, поскольку этой площади для экономичного использования ресурсов было явно недостаточно, совхоз заключил генеральные договоры с близлежащими крестьянскими хозяйствами на обработку еще 5000 га их земель, включая и земли переселенцев [18]. Очевидно, именно успехи совхоза им. Шевчен-

ко способствовали тому, что в резолюцию XV съезда партии был включен пункт, призывающий все партийные организации и партийных работников советских и кооперативных органов «... укрепить совхозы, превратив их на деле в образцовые крупные хозяйства социалистического типа» [19]. Но еще в большей степени этому способствовали хлебозаготовительные трудности 1927/28 г. Бухарин впоследствии отмечал, что «постановка вопроса о совхозах и колхозах» вытекала из «угрожающего отставания зернового хозяйства» [20].

События начали развиваться с поразительной быстротой. 2 марта 1928 г. вышло постановление СНК СССР «О плане государственных мероприятий по сельскому хозяйству на 1927—1928 г.», в котором Госплану было поручено (пункт 30) изучить вопрос «об организации новых крупных государственных сельскохозяйственных предприятий» [21]. 23 апреля 1928 г. Политбюро приняло решение о создании специальной комиссии по строительству новых совхозов, в состав которой вошли Калинин (председатель), Микоян, Кубяк, Квиринг и др., и об организации в РСФСР и на Украине в течение трех-четырех ближайших лет (главным образом, на свободных, не занятых крестьянами землях) крупных зерновых совхозов, которые могли бы давать до 100 млн. пудов товарного хлеба в год. 8 мая 1928 г. состоялось первое заседание комиссии, на котором было отмечено, что план может быть реализован только при условии продления срока его выполнения до четырех-пяти лет. На втором заседании, 12 мая 1928 г., был намечен ряд практических шагов по организации совхозов на ближайший год. На рассмотрение комиссии был представлен проект Наркомзема РСФСР, предусматривающий строительство 125 новых совхозов с общей пахотной площадью в 30 тыс. га на Северном Кавказе, в Нижнем и Среднем Поволжье, на Урале и в Сибири, а также более тщательно переработанный проект, составленный работниками Госплана, по мнению которых, основным районом колхозного строительства должен был стать Казахстан, так как именно там имелись в достаточном количестве свободные земельные массивы. Комиссия, очевидно, предпочла более оптимистичный проект Наркомзема и поручила ему всю организационную работу по созданию совхозов. Перед ним была поставлена задача обеспечить в текущем 1928/29 г. производство не менее 5—10 млн. пудов товарного хлеба и в следующем — не менее 25 млн. пудов [22]. И если в постановлении СНК СССР по докладу Рабкрина о выполнении постановления ЦИКа и СНК СССР от 16 марта 1927 г. «О советских хозяйствах» отмечалось, что указанное постановление еще не проведено в жизнь и что предпринимаемые меры являются во всех отношениях слабыми и недостаточными, [23] то в партийном журнале «Известия ЦК ВКП(б)» выдвигались еще более грандиозные планы: «Ограниченность свободных земельных угодий в европейской части СССР, естественно, заставляет нас углубиться в Сибирь и Среднюю Азию. Осо-

бенно Казахстан располагает большими возможностями»[24]. Комиссия поручила Наркомторгу предоставить до 1 августа 1928 г. новым совхозам не менее 500 тракторов[25]. С целью обеспечения притока рабочей силы в новые совхозы предусматривались меры содействия хозяйствам переселенцев[26].

Но не только специалисты из Наркомзема скептически относились к совхозам. Один из руководящих чиновников писал впоследствии о том, что было довольно трудно «преодолеть буржуазные представления о нерентабельности крупного социалистического хозяйства», оказывающие «весьма сильное влияние не только на беспартийных специалистов, но и на партийные массы, не исключая и отдельных руководящих товарищей»[27]. В мае или июне 1928 г. против излишней концентрации внимания на совхозах выступил на Политбюро Бухарин, а 15 июня 1928 г. направил свое письмо в ЦК Фрумкин, в котором он призывал «не вести расширения совхозов в ударном и сверхударном порядке»[28]. Вопрос о строительстве новых совхозов обсуждался на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК. Калинин, выступивший на нем с докладом от имени комиссии, говорил, что если перед старыми совхозами стоят в основном «политико-воспитательные задачи», то новые совхозы должны стать «крупными фабриками зерна[29], а Осинский тщетно пытался доказать, что нельзя строить новые крупные совхозы, не зная «выгодны они или нет, что... даже в такой стране, как Соединенные Штаты, нет достаточных образцов этого хозяйства»[30]. Сталин лишь только вскользь коснулся вопроса о совхозах в своем первом выступлении на Пленуме 9 июля 1928 г., зато второе, состоявшееся через два дня, посвятил ему целиком, в основном делая упор на необходимости создания крупных зерновых совхозов. В ответ на довод оппозиции, что даже в Северной Америке не существует крупных зерновых хозяйств, он привел цитату из большой статьи одного советского профессора * о результатах обследования гигантского пшеничного хозяйства в Монтане, принадлежащего американскому предпринимателю Кэмпбелу, площадь которого составляла свыше 30 тыс. га и которое, предположительно, являлось крупнейшим в мире[31]. Пленум принял специальную резолюцию «Об организации новых (зерновых) совхозов», в которой одобрил директиву Политбюро «об организации в продолжение 4—5 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба», в расчете на то, что к концу этого срока они должны будут производить 100 млн. пудов (1,65 млн. тонн) товарного хлеба. В резолюции отмечалось, что украинский совхоз им. Шевченко должен служить примером для новых совхозов и что необходимо также учитывать «опыт строительства крупного сельского хозяйства за границей и в ... старых колхозах». И наконец, резолюция призывала принять все меры к тому, чтобы «снабдить новые зерновые совхозы достаточ-

* Профессор Тулайкова. — *Прим. ред.*

ным количеством мертвого инвентаря, и в первую очередь тракторов»[32]. На основании этой резолюции было принято постановление ЦИКа и СНК СССР от 1 августа 1928 г., согласно которому новые крупные зерновые хозяйства (называемые «зерновыми фабриками») объединялись в трест общесоюзного значения «Зернотрест», подчиняющийся непосредственно Совету Труда и Обороны. Отвод земель для новых совхозов должен был быть закончен к 1928 г., а внутрихозяйственное устройство — к 1929 г.[33] Согласно плану организации крупных зерновых совхозов и «Контрольным цифрам», на 1928/29 г. предусматривалось строительство 14 новых совхозов общей пахотной площадью 153 тыс. га на Северном Кавказе, в Нижнем и Среднем Поволжье, на Урале и Казахстане[34]. Одна из главных проблем, которую упускали из виду некоторые специалисты, заключалась в том, что наибольшая часть новых совхозов находилась в засушливых районах, ибо именно в этих районах были расположены «основные массы свободных земель»[35].

В течение всего лета 1928 г. шли споры по проблеме строительства новых крупных зерновых совхозов. Наиболее остро в это время стоял вопрос об их оптимальном размере и оптимальной организационной схеме. Зернотрест разделял точку зрения Кэмпбела и американского инженера Уэра (в прошлом управляющего американской сельскохозяйственной концессией в Сибири, а теперь работника Зернотреста) о том, что общая площадь совхоза должна составлять в среднем 30 тыс. га и должна подразделяться на 8 или 10 «экономий». Все машины, основные фонды, транспортные средства и учет должны быть сконцентрированы в совхозе. Во главе каждой «экономии» стоит управляющий агроном, подчиняющийся директору совхоза. С другой стороны, совещание работников совхозов Северо-Кавказского края, состоявшееся в Ростове в 1928 г., приняло другую организационную схему, по которой совхоз должен иметь не 30 тыс. га, а 150 тыс. га и состоять из трех «баз» по 50 тыс. га каждая. Мастерские для капитального ремонта, основные фонды и учет концентрируются в совхозе[36]. Директор совхоза им. Шевченко Маркевич писал о том, что при увеличении площади хозяйства до 5 тыс. га наблюдается резкое сокращение себестоимости обработки 1 га земли, а при увеличении до 40—50 тыс. га — сокращение происходит более замедленно[37]. В октябре 1928 г. вышло постановление ВЦИКа и СНК РСФСР («О выделении земель для образования новых крупных зерновых хозяйств), согласно которому Зернотресту были переданы один совхоз в Северо-Кавказском крае (площадью в 40 тыс. га) и два совхоза в Самарской губернии (площадью 34 тыс. и 13 тыс. га), а также еще 2600 тыс. га земель в Среднем и Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, на Урале и в Сибири[38]. Планировалось создание хлопковых совхозов в Дагестане (куда предполагалось переселить с гор две тысячи семей крестьянской бедноты в качестве рабочих) и в Крыму, куда предпола-

галось переселить еврейских земледельцев [39]. Выдвигались также планы строительства совхозов в Казахстане, однако они, по-видимому, не очень успешно претворялись в жизнь [40]. Крупнейшим новым зерновым совхозом в то время являлся совхоз «Гигант» Сальского округа Северо-Кавказского края. Он был организован на площади в 150 тыс. га «десятилетиями нетронутой земли». На его полях работали 300 тракторов, и уже осенью 1928 г. было вспахано 65 тыс. га и засеяно озимыми 12 тыс. га [41]. С целью содействия строительству крупных совхозов в январе 1929 г. было объявлено о создании еще одного комитета под председательством Калинина — «Комитет по содействию строительству крупных зерновых совхозов при Президиуме ЦИК СССР» [42]. В конце этого же месяца, в ответ на настойчивое приглашение Советского правительства в Москву приехал Кэмпбел. Он имел беседы с председателем Зернотреста Кальмановичем, со Сталиным и Калининым, и, помимо этого, посетил ряд совхозов [43]. Кэмпбел также выступил на съезде Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), на котором выступил и Рыков, но он старался избегать спорных вопросов и говорил в основном о «большом размахе американского хозяйства» и «энтузиазме сельскохозяйственных строителей» [44]. Состоявшаяся в апреле 1929 г. XVI партийная конференция в своей резолюции осудила «правых уклонистов», стремящихся «задержать и свернуть развитие совхозов», и высказалась в поддержку строительства «новых совхозов», которые должны были обеспечить к концу пятилетки по меньшей мере 1 646 200 т (100 млн. пудов) товарного хлеба в год и наметила закрепить за Зернотрестом от 10 до 12 млн. га земли «для дальнейшего развертывания совхозов» [45].

Тем временем в развитии старых совхозов не наблюдалось никаких, или почти никаких, сдвигов. В июне 1928 г., когда кампания по строительству новых совхозов начала приобретать более широкий размах, Совнаркому СССР был представлен доклад Рабкрина, свидетельствующий о том, что никто, в том числе и Госсельсиндикат, не выполняет постановление ЦИКа и СНК СССР от 16 марта 1927 г. о дальнейшем укреплении и расширении существующих совхозов. В принятом по докладу постановлении СНК отметил произведенную Рабкрином проверку, но не наметил никаких существенных мер, а лишь поручил Советам Народных Комиссаров союзных республик взять дело по улучшению строительства советских хозяйств в свои руки [46]. Ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК в весьма сдержанной форме отметил необходимость борьбы за улучшение старых совхозов, но дальше развивать эту мысль не стал [47]. Многие совхозы имели задолженность по выплате зарплаты рабочим, «обычным явлением» стало опротестовывание их счетов [48]. Вызывал определенные сомнения и социальный состав руководящих кадров совхозов. Один из делегатов VIII съезда профсоюзов (декабрь 1928 г.) говорил о том, что во многих совхозах Сахаротреста работают «старые помещи-

ки и старые служащие»[49]. Принятое в апреле 1929 г. постановление ЦК «О партработе в совхозах» отмечало, что состояние партработы является неудовлетворительным. Девять десятых всех совхозов все еще не имели партячеек, а в тех совхозах, где они были, их численность была невелика и они играли весьма незначительную роль. В постановлении подчеркивалось, что только 31% всех директоров совхозов Сахаротреста являлись членами партии. Среди рабочих совхозов членство в партии составляло от 3 до 10%[50]. В другом постановлении ЦК призвал усилить в совхозах партийную и профсоюзную работу и подчеркнул необходимость повышения квалификации секретарей ячеек в совхозах[51]. Состоявшаяся в этом же месяце XVI конференция ВКП(б) также выразила озабоченность этим вопросом. Председатель Всеработземлеса подверг резкой критике совхозы Московской и Ленинградской губерний, которые, «за редким исключением, похожи скорее на подкрашенные, подправленные, подчиненные помещичьи имения, нежели на сельскохозяйственные фабрики, производящие столь необходимую рабочему населению продукцию — овощи, молоко и т. д.» А другой делегат прямо заявил о том, что «совхозами управляют часто люди, не имеющие никакого опыта в сельском хозяйстве»[52].

Однако самая серьезная проблема старых совхозов заключалась в том, что они были очень мелкими. Например, в 1928 г. на территории ЦЧО насчитывалось 336 совхозов с земельной площадью 447,5 тыс. га, в том числе под посевами — только 25,9 тыс. га[53]. В дни, когда шло строительство новых гигантских зерновых совхозов, эти старые совхозы казались поистине миниатюрными хозяйствами, не пригодными для машинной обработки и для усовершенствования методов земледелия. На конференции также разгорелся спор по вопросу о том, кому должны подчиняться старые совхозы: центральному органу — Зернотресту — или местным органам[54]. 25 апреля 1929 г., когда конференция все еще продолжала свою работу, вышло постановление СНК СССР «Об укреплении старых советских хозяйств», в котором говорилось о необходимости принятия срочных мер «... к действительному превращению старых советских хозяйств в крупные сельскохозяйственные механизированные предприятия социалистического типа, построенные на базе высокой техники и машинизации (сельскохозяйственные фабрики)». Предполагалось, что цель должна была быть достигнута путем объединения существующих совхозов или в результате прирезки к ним новых земель, а в случае необходимости — путем обмена земель с окружающим крестьянским населением. Постановление также предусматривало обеспечение совхозов всеми необходимыми видами капиталов и долгосрочными кредитами на той же основе, что и промышленные предприятия[55]. Крупные сельскохозяйственные объединения, организованные по типу промышленных предприятий, по-прежнему оставались заветной мечтой советского руководства. Было приня-

то решение о расформировании работавшего весьма неудовлетворительно Госсельсиндиката и создании вместо него Совхозцентра — Всероссийского центрального объединения трестированных советских хозяйств Наркомзема РСФСР [56].

Несмотря на широкую пропаганду совхозов и определенные успехи в развитии совхозного движения, они по-прежнему занимали весьма скромное место в экономике страны. За период 1926—1929 гг. произошел лишь незначительный рост числа работающих в совхозах — с 497 тыс. человек до 627 тыс., причем сезонные, временные рабочие составляли от 85 до 90% от общего числа работающих [57]. Посевные площади, урожайность, а также доля совхозной продукции в общем объеме валовой продукции всего сельского хозяйства росли очень медленно [58]. Во время весенней посевной кампании 1929 г. намечалось увеличить посевную площадь совхозов по РСФСР всего лишь до 420 тыс. га и по УССР — до 170 тыс. га, а площадь индивидуальных крестьянских хозяйств — соответственно до 46 млн. и 11,5 млн. га [59]. В ряде мест совхозам выделялись мало пригодные для земледелия земли, поскольку большинство из них располагались в засушливых районах, в связи с чем они постоянно испытывали нехватку влаги [60]. Согласно первому постановлению ВЦИКа РСФСР о совхозах от 14 февраля 1919 г. [61], они должны были стать образцом ведения хозяйства для окрестного населения, а также оказывать ему всестороннюю помощь и поддержку. И хотя на практике это постановление скорее нарушалось, чем соблюдалось, о нем никогда не забывали [62], а в конце 20-х годов, с переходом к комплексной механизации сельского хозяйства, когда стало еще более очевидно, что концентрация машин, тракторов и прочей техники в совхозах и других крупных хозяйствах обеспечивает наиболее эффективное их использование, это постановление вновь выдвинулось на передний план. Однако теперь функции совхозов заключались не в том, чтобы служить образцом для крестьянских хозяйств и оказывать им помощь по агрокультурным вопросам, а в том, чтобы помочь крестьянству организоваться на коллективных началах. В исследовании, проведенном Рабкрином СССР накануне XV съезда партии по изучению положения в сельском хозяйстве, отмечалось, что совхозы «не только восстанавливают и реорганизуют производство, превращая его из убыточного в доходное, но в прогрессивно возрастающей степени содействуют технической и кооперативной перестройке сельского хозяйства» [63]. Резолюция съезда призывала все партийные организации укреплять совхозы, превратив их «в образцовые крупные хозяйства социалистического типа при одновременном усилении их помощи крестьянскому хозяйству (организация в совхозах прокатных пунктов, тракторных колонн и т. п.)» [64]. А резолюция ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК по докладу Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) отмечала, что необходимо добиваться, чтобы совхозы «выполняли не только роль зерновых фабрик, но и были для окружающего крестьянского

хозяйства образцом индустриального земледелия»[65].

1928 г. ознаменовался значительным улучшением всевозможной помощи, оказываемой совхозами окружающему населению[66]. Совхоз им. Шевченко от имени правления Украинского объединения совхозов заключил договор с 238 крестьянскими хозяйствами из окрестных сел на тракторную обработку земли. Из 26 сел только 9 заключили договор и перешли полностью всеми дворами на общественное полеводство, в остальных селах от 10 до 50% дворов сначала отказались от участия в договоре, но к концу года значительная часть этих дворов присоединилась к общественному полеводству. В общей сложности договор подписали 16 сел из 26[67]. Образец договора был распространен на XVI партийной конференции в апреле 1929 г.[68] В постановлении СНК РСФСР «О работе трестированных совхозов» от 18 июня 1929 г. большой раздел был посвящен тому, какие мероприятия должны проводить трестированные советские хозяйства «по социалистическому переустройству окружающих их крестьянских хозяйств», а именно: организация прокатных станций и колонн, снабжение посадочным материалом и удобрениями, а также оказание консультационно-инструкторской помощи[69]. Таблица, которая приводится в книге Яковецкого «Аграрные отношения в СССР», свидетельствует о том, что урожайность в крестьянских хозяйствах, пользующихся помощью совхозов, была намного выше, чем в тех хозяйствах, которые не пользовались этой помощью[70]. Но, вероятно, самая важная роль совхозов в деле развития советского сельского хозяйства заключалась в этот период в их пропаганде тракторов и их внедрении. Подчеркивалось, что там, где имелись крупные совхозы, коллективизация приобретала наибольшие масштабы. Рассказывали, что работники совхозов часто помогали создавать колхозы[71]. Однако результаты проведенного в то время обследования показали, что, хотя «враждебных актов со стороны крестьянства по отношению к колхозам» не отмечалось, все-таки «особого доброжелательства и заинтересованности в хозяйственном развитии совхозов» со стороны крестьян не наблюдалось[72]. Сломить традиционное неприятие вмешательства государства в дела крестьян было не так-то легко.

ГЛАВА 8

МЕХАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Поскольку коллективное использование сельскохозяйственных машин имело первостепенное значение для перехода к коллективному земледелию, обеспечение крестьян необходимым инвентарем и техникой стало решающим фактором сельскохозяйственной политики партии и правительства в 1926—1929 гг. Орудия труда русского крестьянства всегда были самыми примитивными, а после революции их производство и вовсе прекратилось [1]. Однако в период НЭПа оно начало постепенно возрождаться. В 1922—1923 гг. появились первые машинные товарищества, снабжающие крестьян сельскохозяйственным инвентарем и машинами, и хотя они были организованы на кооперативных принципах, поначалу подавлющая часть их являлась договорными, а не уставными объединениями и была изолирована от основной системы сельскохозяйственной кооперации (то есть входила в разряд так называемых «диких» кооперативов [2]). Апрельский 1925 г. Пленум ЦК, на котором обсуждались вопросы, имеющие решающее значение для развития сельского хозяйства, отмечал, что машинные товарищества создают «предварительные условия для постепенного (добровольного) перехода к крупному коллективному сельскому хозяйству, соединенному с применением последних приемов механизации его с электрификацией» [3]. Уже спустя полгода было создано 2268 машинных товариществ, охватывающих 34 тыс. крестьянских хозяйств [4]. Однако издержки производства и, следовательно, цены на сельскохозяйственное оборудование были очень высоки, у крестьян не было достаточно средств, чтобы купить их, а кредиты были весьма ограниченны, поэтому все эти перемены очень медленно пробивали себе дорогу в жизнь. В 20-е годы все еще довольно часто можно было видеть в деревне знакомую картину: «...несчастную жалкую деревянную соху... адамовского периода, иногда запряженную не только какими-нибудь худыми бычками, но и самим пахарем-крестьянином или его женой» [5]. Соха применялась в России с незапамятных времен, являясь символом ее отсталости, а пришедший на смену плуг стал символом прогресса [6]. В 1924 г. примитивная соха все еще составляла 46,5% всего пахотного инвентаря [7].

Начиная со второй половины 20-х годов, вопросы механизации сельского хозяйства стали занимать все более важное место в политике партии. В конце 1924 г. правительству Украины были представлены расчеты, демонстрирующие преимущества механизированного ведения хозяйства, и с этих пор дискуссии по этому вопросу не прекращались [8]. «Недостаточность сельскохозяйственного инвентаря и машиноснабжения, — отмечалось в резолюции XV партийной конференции, — служит причиной замедления хода развития сельскохозяйственного производства» [9]. Но и год спустя выступающие на XV съезда партии говорили о том, что на 1 октября 1927 г. в стране еще насчитывалось 5,5 млн. сох, в то время как 700 тыс. плугов лежали нераспроданными, при этом стоимость одной сохи составляла около 6 руб, а одного плуга — 14 руб. [10] Дальнейший толчок кампания механизации сельского хозяйства получила в результате разразившегося зимой 1927/28 г. хлебозаготовительного кризиса. В своем постановлении от 12 июня 1928 г. СТО потребовал принятия дальнейших мер по рационализации производства сельскохозяйственных машин, призвал Госплан и ВСНХ определить на ближайшие пять лет размеры потребностей в сельскохозяйственных машинах и разработать «в трехмесячный срок» основные мероприятия по замене сохи плугом [11]. Выступая на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК, Сталин увязал положение о смычке между городом и деревней с задачами машинизации сельского хозяйства. Он говорил о необходимости заменить «смычку по текстилю... смычкой по металлу», имея в виду, что смычка между рабочим классом и крестьянством должна проходить не только по линии снабжения его текстилем, то есть по линии удовлетворения личных потребностей крестьянства, но и по линии снабжения машинами, что должно было «переделать постепенно крестьянство, его психологию, его производство в духе коллективизации» [12].

Однако очень скоро трактор отодвинул на задний план все другие вопросы, связанные со снабжением деревни сельскохозяйственными машинами и орудиями труда. «Тракторизация сельского хозяйства» стала символом технического прогресса в деревне и одним из важнейших методов повышения производительности крестьянских хозяйств [13]. С появлением альтернативы конной тяге низкая производительность последней, а также необходимость ее замены стали все более очевидными. По данным Наркомзема, одна треть общего количества крестьянских хозяйств имела настолько низкий уровень производительности труда, что даже содержание лошадей было нерентабельно. Размер участка был намного меньше 8 га, то есть той площади, которую можно было вспахать при помощи одной конной тяги, таким образом, рабочий скот постоянно использовался не в полную мощность [14]. В своем докладе президиуму Госплана Маркевич отмечал, что 49% всех крестьянских хозяйств Украины имеют среднюю площадь 3 десятины земли, а посевную — 1,9 десятины. Если бы каждое из

этих хозяйств имело одну лошадь — что было бы идеальным случаем — то на каждые 100 десятин пришлось бы по 63 лошади, которые фактически и съели бы весь урожай [15]. По-видимому, трактор был наиболее рентабелен в районах, производящих как озимые, так и яровые хлеба, таких, как степная часть Украины и Северный Кавказ, поскольку тогда он был равномерно загружен в течение всего полевого периода [16]. Там были идеальные условия для тракторной вспашки и ее возможности казались поистине неограниченными. Тракторизация для деревни имела такое же значение, как и индустриализация для города. Однако страна производила еще очень мало тракторов, а цены на них были непомерно высоки [17]. В середине 20-х годов начинает постепенно возрастать ввоз тракторов из-за рубежа, главным образом из Америки, тракторов фирмы «Фордзон» [18]. 1 апреля 1927 г. СТО принял решение о строительстве тракторного завода в Сталинграде [19]. Вслед за этим «Беднота» поместила на первой странице большую статью о тракторе, сопроводив ее картинкой трактора и выдержками из выступлений Рыкова и Микояна, в которых они призывали к тракторизации [20]. В июле 1927 г., выступая на всесоюзном совещании по сельскохозяйственному машиноснабжению, Микоян доказывал, что социалистический строй может быть крепок только тогда, когда все сельское хозяйство будет строиться на «усовершенствованном плуге — тракторе... [который] показал свою силу как подлинно революционное звено для кооперирования нашего крестьянства» [21]. Несколько позднее «Беднота» прямо писала о том, что является основной целью политики машинизации сельского хозяйства: «Советское государство не просто заинтересовано в машиноснабжении. Оно стремится при этом к тому, чтобы машина становилась в деревне рычагом кооперирования и коллективизации сельского хозяйства» [22]. «Когда ты дашь (крестьянину) машины или электрификацию, — говорил Ленин, — тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты» [23]. Было ясно с самого начала, что тракторная вспашка требует обобществления мелких крестьянских наделов в одно большое хозяйство. В своем выступлении на XV съезде партии Молотов говорил о несовместимости мелких крестьянских хозяйств с современной сельскохозяйственной техникой и о том, что в этом заключается «основное зло деревни... ее основное противоречие» [24]. Таким образом, фактически трактор являлся катализатором коллективизации [25].

Самой сложной проблемой механизации сельского хозяйства было распределение машин и инвентаря. В постановлении от 6 мая 1925 г. СНК призвал государственные и кооперативные органы к предоставлению «крестьянскому и особенно бедняцко-середняцкому населению» кредитов для покупки машин и инвентаря [26]. Однако это постановление, по-видимому, осталось на бумаге, так как и в 1926 г. реализация даже небольших партий сельско-

хозяйственных машин представляла большие трудности. Микоян говорил о том, что на 1 октября 1926 г. на складах скопилось почти на 42 млн. руб. разных сельскохозяйственных машин и орудий, произведенных более чем за полгода [27]. Приказом ВСНХ осенью того же года за большие долги был ликвидирован Сельмашсиндикат [28]. В октябре 1926 г. СТО заслушал доклады представителей Наркомторга и ВСНХ. Наркомторг настаивал на увеличении кредита бедняцким и середняцким слоям населения для приобретения сельскохозяйственных машин. ВСНХ требовал увеличения дотаций на производство машин, предлагал создать специальный фонд тракторостроения путем взимания специального налога на ввозимые из-за границы трактора, а также призывал к повышению цен на сложные машины, распространяемые среди крепких хозяйств. Наркомторг поддержал требование ВСНХ об увеличении дотаций промышленности и предложил добиваться снижения себестоимости продукции за счет снижения цен на сырье и топливо [29]. СТО уклонился от решения этого весьма сложного вопроса, поручив его рассмотрение специально созданному Комитету по регулированию снабжения сельскохозяйственными машинами, в состав которого вошли представители советских и кооперативных органов. Все постановления Комитета должны были приниматься простым большинством голосов и могли быть опротестованы в коллегии Наркомторга СССР [30]. Но самую большую сложность представляла проблема финансов. Несмотря на то что Наркомзем выступил против повышения цен на сельскохозяйственные машины, считая,что, если это произойдет, крестьяне не станут покупать их, тем не менее СТО повысил цены на «более сложные» машины, сократив при этом и кредит, предоставляемый крестьянству [31]. Эти меры получили косвенное осуждение XV партийной конференции, которая подчеркнула, что одним из мероприятий по укреплению беднейшего и среднего крестьянства должно стать предоставление им специальных кредитов для покупки сельскохозяйственных машин [32].

Этот вопрос оставался в центре внимание партийного руководства в течение всего 1927 г. Число машинных товариществ неуклонно возрастало: если на 1 октября 1925 г. насчитывалось всего около 2000 товариществ, то спустя два года их было уже 10 200 [33]. Постановлением от 2 июля 1927 г. СНК РСФСР попытался вдохнуть новую жизнь и в крестьянские общества взаимопомощи, призвав к предоставлению им кредитов и различных видов помощи для снабжения крестьян сельскохозяйственными машинами и инвентарем, наравне с кооперативами [34]. Но ни одна из этих мер не лишала зажиточное крестьянство материальных преимуществ в получении сельскохозяйственных машин и орудий. В постановлении от 16 марта 1927 г. СНК обращал внимание на то, что наблюдаются «случаи использования кулацкими элементами машинных товариществ для прикрытия эксплуатации беднейших элементов деревни» [35]. В вышедшем спустя два месяца постановле-

нии ЦК от 3 мая 1927 г. «О состоянии и работе окружной Самарской организации» выдвигалось требование «установить более тщательный контроль за кредитованием машинных товариществ и индивидуальных хозяйств». В течение последующих месяцев Центральным Комитетом партии был принят целый ряд аналогичных постановлений, призывающих к борьбе против засилья кулацких элементов в «ложных машинных товариществах» [36]. Проведенное в 1927 г. обследование социального состава машинных товариществ показало, что процент зажиточного крестьянства в них, особенно в зерновых районах Северного Кавказа и Самарской губернии, непропорционально высок [37]. Августовский (1927 г.) Пленум ЦК сурово осудил имеющиеся на практике (по линии кооперации и машинных товариществ) «извращения директив партии в отношении обеспечения интересов бедняцко-середняцкой массы крестьянства» [38], а состоявшийся через четыре месяца XV съезд партии принял решение «облегчить снабжение колхозов и маломощных крестьян сельскохозяйственными машинами» и принять меры для «ограничения снабжения... (ими) кулацких элементов» [39].

Постепенно все усилия и директивы официальных властей стали приносить свои плоды. Госплан попытался решить финансовую проблему, запланировав в «Контрольных цифрах» на 1927/28 г. реализацию 75% всех сельскохозяйственных машин и тракторов в кредит, тогда как в течение двух предыдущих лет в кредит было реализовано только 35 и 50% всех машин и тракторов [40]. Бедняцкие и середняцкие хозяйства, особенно те, «которые были готовы сменить деревянную соху на современные почвообрабатывающие орудия», кредитовались на наиболее льготных условиях, а продажа сельскохозяйственных машин и орудий «верхушечным слоям деревни» допускалась исключительно за наличный расчет [41]. Продажа машин в кредит распространялась очень быстро: в 1925/26 г. было продано 30,7% всех машин, в 1926/27 г. — 47% и в 1927/28 г. — 81,1% [42]. В журнале «На аграрном фронте» приводятся данные о том, что за первое полугодие 1927/28 хозяйственного года (с октября по март) в трех губерниях Российской Федерации (ЦЧО, Саратовской и Ульяновской) совхозам и колхозам было продано 13% всех реализованных машин и что доля машин, проданных за тот же период бедняцким хозяйствам, увеличилась по сравнению с предыдущим годом с 29,8% до 34%, а машин, проданных зажиточным хозяйствам, снизилась с 18,2% до 8,8% [43]. Однако есть целый ряд доказательств того, что одновременно с этим проводилась и прямо противоположная политика. Так, например, во время хлебозаготовительного кризиса в январе — марте 1928 г. кулакам в обмен на сданный хлеб продавали сложные машины [44]. 9 марта 1928 г. Орджоникидзе, назначенный Чрезвычайным уполномоченным по проведению яровой кампании, подписал принятое специальной правительственной комиссией постановление по усилению темпов производст-

ва и сбыта сельскохозяйственных машин и орудий, которое обязало экономические советы, а также народные комиссариаты торговли и земледелия союзных республик устранить все извращения, имевшие место в практике машиноснабжения. На его основании было принято соответствующее постановление СТО [45]. Наблюдались также отдельные нарушения и при проведении контрактации (одной из новых форм смычки промышленности с сельским хозяйством), когда контрактационный договор с кулацкими хозяйствами обусловливался обязательством продать им взамен хлеба сельскохозяйственные машины [46]. 9 февраля 1929 г. в разгар зимней заготовительной кампании СТО принял постановление об увеличении продажи машин за наличный расчет «верхушечным слоям деревни» до 20% всего планового снабжения, за счет снижения удельного веса середняков. ЦК вовремя исправил эту ошибку, и 15 марта того же года было принято новое постановление, в котором нормы социального распределения машин были восстановлены [47].

В течение всего этого времени поступали непрерывным потоком жалобы на плохое снабжение машинами беднейших слоев крестьянства. Как видно из опубликованного весной 1928 г. доклада Рабкрина РСФСР, в крестьянских обществах взаимопомощи было сосредоточено 20 тыс. машин и 2 тыс. тракторов, однако при их распределении бедняцким хозяйствам не предоставлялось никаких льгот. В апреле 1928 г. на Украине были созданы специальные комиссии по проверке машинных «лжетовариществ», в результате чего было ликвидировано 1271 «лжетоварищество» и изъято 676 тракторов (с уплатой выкупа бывшим владельцам), которые были переданы бедняцко-середняцким колхозам и кооперативным организациям [48]. Весной 1929 г. в Барнаульском округе все молотилки находились в руках кулаков, составлявших 8% от общего числа крестьянских хозяйств, и остальные крестьяне были вынуждены брать их у кулаков в аренду [49]. Кулаки одной из сибирских деревень получали 75% своих доходов от эксплуатации машин [50]. Отмечались случаи, когда во главе машинных товариществ оказывались кулаки, сдающие машины в аренду «с целью эксплуатации соседних крестьян» [51]. Оплата за аренду машин крайне редко производилась в денежной форме, чаще всего — в натуральной или форме отработки [52]. Это еще больше усиливало зависимость арендаторов машин от их арендодателей.

Одним из наиболее эффективных средств оказания помощи бедняцким хозяйствам и ослабления их зависимости от зажиточных собратьев были прокатные пункты, предоставляющие им сельскохозяйственные машины и инвентарь на выгодных условиях. Они получили одобрение октябрьского (1925 г). Пленума как предприятия, «обслуживающие, главным образом, бедноту» [53]. В 1925 г. насчитывалось 4500 машинопрокатных пунктов, половина из которых относились к системе сельскохозяйственной кооперации; большая часть остальных находилась в ведении государст-

венных земельных органов и совхозов, и небольшой процент принадлежал крестьянским обществам взаимопомощи [54]. Сеть прокатных пунктов развивалась бурными темпами — если в 1925 г. их было 4500, то в последующие четыре года соответственно: 6300, 7300, 10 600 и 11 700 [55]. В резолюции XV съезда партии подчеркивалось, что государственные и кооперативные прокатные пункты являются «фактором, стимулирующим переход к коллективным формам обработки земли на основе новой техники» [56]. Несмотря на постановление СНК СССР от 21 февраля 1928 г., предписывавшее земельным органам и кооперации добиться полного использования маломощными и середняцкими хозяйствами инвентаря прокатных пунктов [57], по-прежнему продолжали поступать жалобы на неудовлетворительность оборудования прокатных пунктов, на ничтожное использование имеющихся там машин и орудий и на отсутствие квалифицированных механиков [58]. Более того, как и другие, призванные способствовать повышению производительности крестьянского хозяйства предприятия того времени, прокатные пункты служили скорее интересам «зажиточных хозяйств», которые «брали напрокат, в основном, сложные машины и на более длительный срок» [59]. Окончательный приговор прокатным пунктам гласил: «... (они) не связаны с процессом обобществления крестьянского хозяйства... и стоят на пути частнохозяйственного развития», хотя при этом выражалась не очень твердая уверенность в том, что они «уже имеют условия для перерастания в машинные станции» [60].

Но все проблемы, все споры, связанные с сельскохозяйственными машинами, приобретали еще большую остроту, когда речь заходила о тракторе. Очевидно, первые тракторы попали к тем, кто мог себе позволить купить их. Летом 1926 г. «Правда» выражала неудовольствие по поводу того, что в Северо-Кавказском крае (одном из важнейших зерновых районов) все тракторы оказались у зажиточного крестьянства [61]. В своем постановлении от 17 июля 1926 г. СТО предложил экономическим совещаниям союзных республик установить «строгий контроль» за тем, чтобы «при распределении тракторов предоставлялось преимущество коллективным тракторопользователям», а 3 декабря 1926 г. было издано еще одно постановление СТО, в котором он обязал снабженческие организации продавать трактора только: «а) государственным и кооперативным учреждениям и предприятиям; б) крестьянским коллективам (коммунам), сельскохозяйственным артелям, машинным и мелиоративным товариществам» [62]. Но все эти директивы оказались явно недостаточными. Состоявшееся в феврале 1927 г. II Всероссийское совещание тракторных работников сельскохозяйственной кооперации, созванное по инициативе Сельскосоюза, осудило «торговый уклон» в работе по трактороснабжению и одобрило решение правительства о снабжении тракторами только колхозов, кооперативов и совхозов [63]. В постановлении СТО, принятом в том же месяце, весь контроль за тракторо-

снабжением возлагался исключительно на органы Наркомторга — Комитет по регулированию снабжения сельскохозяйственными машинами при Наркомторге [64]. Постановлением СТО от 1 июня 1927 г. были увеличены льготы для бедняцких объединений при продаже тракторов в кредит, а постановление ВЦИКа и СНК РСФСР от 24 октября 1927 г. предоставило местным земельным органам право отказа в регистрации договора о продаже трактора, если покупателем являлось частное лицо [65].

Однако все эти меры не сразу привели к ликвидации сложившегося на начальном этапе трактороснабжения перекоса в пользу кулака. Статистические данные того периода позволяют прийти к выводу о том, что в руках зажиточного крестьянства, особенно в зерновых районах страны, сосредоточилось непропорционально большое количество тракторов. В начале 1927 г. АССР Немцев Поволжья, в которой зажиточное крестьянство составляло довольно высокий процент, имела уже достаточно много тракторов [66]. В Северо-Кавказском крае 25% всех тракторов в 1927 г. находилось в руках зажиточного крестьянства [67]. Но даже там, где тракторы принадлежали кооперативам или машинным товариществам, не всегда соблюдался принцип материальной заинтересованности, ибо товарищества обслуживали «как членов, так и нечленов, взимая одну и ту же плату за произведенную для них работу». Недостаточно эффективно использовался трактор и как фактор, способствующий коллективизации, поскольку обслуживание кооперированного населения происходило преимущественно «не коллективным, а единоличным путем» [68]. Выступая на XV съезде партии, председатель СНК Украины Чубарь выразил точку зрения, которую можно было услышать скорее в неофициальных беседах, чем в открытых дискуссиях, — он сказал, что поскольку нет возможности обеспечить продажу всех машин в кредит и поскольку за наличные их могут купить только зажиточные хозяйства, то запрещение продажи им машин может привести к сокращению их производства. Чубарь подчеркнул, что это — «вреднейшая реакционная политика», которая уже вызвала искусственное сокращение машиноснабжения [69]. В одной из критических статей, опубликованных в «Плановом хозяйстве», с сожалением отмечалось, что трактор «оказывался сплошь и рядом скорее орудием социальной дифференциации, чем орудием социализации сельского хозяйства» [70]. «Правда» высказывалась еще более категорично: «Сплошь и рядом владельцы тракторов сеяли хлеб в минимальных размерах, но зато набирали его тысячами пудов эксплуатацией трактора» [71].

Тем не менее можно сказать, что в области тракторизации обобществленного и кооперативного сельского хозяйства были достигнуты определенные успехи. В постановлении правительства от 15 июня 1928 г. было предусмотрено распределение тракторов в первую очередь между совхозами, колхозами и прокатными пунктами, а во вторую — между машинными товариществами, ко-

митетами крестьянских обществ взаимопомощи и другими «крестьянскими объединениями»[72]. Становилось все более очевидным, что совхозы и тракторы служат достижению одной цели и взаимно дополняют друг друга. Резолюция июльского (1928 г.) Пленума ЦК связывала развитие «новых зерновых совхозов» с интенсивной машинизацией и приводила в пример украинский совхоз им. Шевченко[73]. Однако «подавляющее большинство» жизнеспособных колхозов весной 1928 г. все еще не имели тракторов[74]. Статистика свидетельствует о том, что процент тракторов в единоличных хозяйствах в этот период начинает сокращаться: 1926 г. — 14,3%, 1927 г. — 9, 1928 г. — 5,2 и 1929 г. — 0,5%, а в совхозах — увеличиваться: 1926 г. — 14,3%, 1927 г. — 16, 1928 г. — 22,8 и 1929 г. — 25,5%[75]. В то же время в районах, имеющих неблагоприятные условия для строительства новых крупных совхозов, снабжение тракторами росло не так быстро. В 1926 — 1927 гг. в ЦЧО насчитывалось 2763 трактора, в 1928 — 3063 и 1929 — 3710[76].

Все большее значение в этот период начинает приобретать использование не отдельного трактора, а целых отрядов. Использование отдельного трактора в единоличном хозяйстве было убыточным, поскольку зачастую он использовался не на полную мощность, иногда простаивал или ломался, а запасных частей не хватало и т. д. — все это дезогранизовывало производство[77]. И только хозяйства, достаточно крупные, чтобы использовать сразу несколько тракторов, могли обеспечить высокий уровень механизации работ. Самое первое упоминание «о тракторном отряде» относится к 1922 г., когда Общество друзей Советской России в Америке отправило тракторный отряд в Пермскую губернию[78]. В течение нескольких последующих лет тракторные отряды Русско-Американского товарищества работали на концессиях «Агро-Джойнт» (совместное предприятие американской фирмы и еврейских поселенцев) на Северном Кавказе и на хлопковых полях Средней Азии[79]. В августе 1927 г. коллегия Наркомзема УССР поручила совхозу им. Шевченко обеспечить тракторную обработку залежных земель близлежащих крестьянских хозяйств. С этой целью в совхозе была создана первая тракторная колонна, когда 12 тракторов и группа подсобных рабочих вспахали 2800 десятин залежных земель, а затем был заключен договор на вспашку еще 5000 десятин земель переселенческих хозяйств[80]. После того, как Кржижановский, выступая на XV съезде партии, с восторгом отозвался о примере совхоза им. Шевченко[81], после того как Сталин воскликнул: «Побольше бы таких примеров и можно было бы продвинуть дело коллективизации далеко вперед»[82], а также после того, как съезд одобрил создание тракторных колонн в совхозах[83], успех этого нового начинания был обеспечен. Весной 1928 г. в совхозе им. Шевченко работали уже 14 тракторных отрядов из 68 тракторов; они обслуживали близлежащие села, получая в вознаграждение 25% урожая озимых хлебов и 33% яро-

вых [84]. Совхоз был «завален просьбами о заключении договоров», многие подхватили его пример. Вслед за совхозом им. Шевченко тракторные колонны стали создаваться Хлебоцентром совместно с Сельскосоюзом и Колхозцентром [85]. Их число возрастало с удивительной быстротой. Весной 1929 г. в системе Хлебоцентра имелось уже 45 тракторных колонн с 1222 тракторами (причем наименьшее количество на одну колонну было 10 тракторов, наивысшее — 52 трактора). Помимо этого, было создано еще 12 колонн с 261 трактором Сельскосоюзом, включая сюда 9 колонн со 172 тракторами в Северо-Кавказском крае [86]. В конце 1928 г. существовали три типа тракторных колонн — совхозные, кооперативные и колонны земельных обществ [87]. И, по-видимому, все они способствовали переходу к плановому коллективному сельскому хозяйству. Считалось, что «расширение строительства тракторных колонн разрешает и вопрос мобилизации товарного зерна» [88]. Калинин сравнивал опыт совхоза им. Шевченко по созданию тракторных колонн с упавшим яблоком, натолкнувшим Ньютона на мысль о создании закона о всемирном тяготении [89].

Кампания по распространению тракторных колонн, проводившаяся в период «наступления на кулачество» и рассчитанная на то, чтобы вырвать трактор из рук зажиточного крестьянина-единоличника и проложить дорогу к коллективизации, имела огромное революционизирующее воздействие на деревню. Журнал «На аграрном фронте» писал, что «с появлением тракторных колонн загорелась ожесточенная классовая борьба между отдельными социальными группами крестьянства» [90]. Однако была и другая реакция на тракторные колонны. Зажиточные крестьяне не только сами оказывали им ожесточенное сопротивление, но и старались настроить против них другие слои крестьянства, взывая к их врожденному консерватизму. Поэтому определенная часть крестьян относилась к этому большому начинанию с недоверием и враждебностью. «Беднота» приводила высказывания крестьян о тракторе и тракторных колоннах: «Тракторные колонны — нож поперек горла кулаку», а также писала о том, что кулаки распространяют слухи, что будто бы трактор, выпуская ядовитый газ в землю, отравляет ее и что будто бы в Апокалипсисе сказано, что антихрист придет на землю на «стальном коне» [91]. Рассказывали курьезный случай, когда крестьяне одного из селений, заключившие с тракторной станцией договор на обработку полей, потребовали, чтобы их поля обрабатывались лишь тракторами «Интернационал», выпускающими газы в воздух, а не тракторами «Фордзон», имеющими направленную вниз трубку, через которую газы выпускались в землю [92]. В Поволжье крестьяне распевали скверные частушки о тракторе:

«Трактор пашет глубоко
Земли сохнут.
Скоро все колхозники
С голоду подохнут» [93]

Спустя год в этом же районе к борьбе кулаков присоединились и монахи, которые говорили о том, что трактор — это «козни антихриста», а в одной из деревень ЦЧО баптисты организовали против трактора шествие с белыми крестами [94]. Кулаки иногда бросали в сеялки гвозди и подкупали трактористов, чтобы они ломали машины [95]. Скептическое отношение крестьян к трактору было весьма живуче — случалось, что крестьянин, получив прибыль от трактора, спешил приобрести лошадь, так как считал, что она надежнее [96]. Вообще, крестьянин смотрел на тракторные колонны как «на чье-то постороннее дело». Складывалось впечатление, что тракторная колонна «диктует условия крестьянам... (и что) не крестьяне отвечают за исход дела, а хлебная кооперация и государство» [97]. Иногда дело доходило до того, что крестьяне отказывались бесплатно подвозить воду и горючее для тракторов даже на свою пахоту [98].

Однако очень скоро на смену тракторным колоннам пришли более усовершенствованные, стационарные машинные центры — МТС (машинно-тракторные станции). Первые МТС были созданы в 1928 г. в совхозе им. Шевченко на базе тракторных колонн. Это название было придумано директором совхоза Маркевичем [99]. В ноябре 1928 г. состоялось заседание аграрной секции Госплана, на котором Маркевич изложил свою идею создания машинно-тракторных станций, но которое, однако, не дало никаких конкретных результатов. Маркевич доказывал, что оптимальный размер площади, обслуживаемый МТС, должен составлять от 40 тыс. га до 50 тыс. га, что потребует капитальных вложений в размере от 70 до 80 руб. на 1 га посевной площади. Некоторые из присутствующих (Макаров и Челинцев) выразили сомнение в экономичности таких станций, другие — сомнение в том, примет ли такие станции крестьянство [100]. Составители первого Пятилетнего плана народнохозяйственного строительства считали, что наиболее обеспеченные крестьянские хозяйства, хорошо оснащенные конной тягой, будут противиться механизации и поэтому необходимо «в интересах... социальной политики» исключить их из обслуживания машинно-тракторными станциями [101]. Однако все эти опасения оказались напрасными — всего лишь несколько месяцев спустя после создания первой МТС при совхозе им. Шевченко она объединила вокруг себя 25 селений, насчитывающих 10—12 тыс. крестьянских хозяйств и имеющих общую площадь около 50 тыс. га [102].

Противодействие этому новому движению началось, казалось бы, с неожиданной стороны — с попыток противопоставить создавшиеся при совхозах и являющиеся поэтому государственными организациями машинно-тракторные станции являющимся кооперативными организациями тракторным колоннам. Работники центрального органа сельскохозяйственной кооперации Украины

(Сельгосподаря) не смогли примириться с ростом машинно-тракторных станций и продолжали нападки на них, несмотря на «ясное решение» ЦК компартии Украины, осудившего эту практику [103]. Маркевич доказывал, что спор между государством и кооперацией беспредметен, что *«усиление непосредственного государственного влияния и участия его в основном производстве нашего народного хозяйства — производства сельскохозяйственной продукции — является абсолютно необходимым»* и что это не противоречит ленинскому кооперативному плану [104]. В ноябрьском номере журнала «Хозяйство Украины» за 1928 г. была помещена статья одного ответственного работника Укрколхозцентра, в которой он обрушился на машинно-тракторные станции совхоза им. Шевченко за то, что сторонники этого опыта стараются «подменить кооперативный принцип государственным и тем самым столкнуть партию... с правильного Ленинского пути» [105]. Эти споры продолжались, очевидно, до тех пор [106], пока не вмешались официальные власти, осудившие правый уклон в кооперации, носителем которого являлась «верхушка аппарата с.-х. кооперации, засоренная старыми буржуазными кооператорами» [107], после чего тракторные колонны вскоре утратили всякое значение. Решающую роль сыграло то, что с самого начала МТС могли обрабатывать гораздо большие площади, чем тракторные колонны или отдельные тракторы, и что они в наибольшей степени способствовали развитию крупных коллективных хозяйств. Все попытки противопоставить государственные организации кооперативным и совхозы колхозам больше не представляли никакой опасности.

На XVI партийной конференции (апрель 1929 г.) Шлихтер выдвинул новый подход к МТС, стремясь доказать, что для того, чтобы перестроить сельское хозяйство на социалистических началах, чрезвычайно важно «сохранить в руках государства контроль и руководство энергетическими ресурсами» (в сельском хозяйстве такой энергетической базой являлись электричество и трактор). Он говорил о том, что тракторы должны передаваться только колхозам и только при условии гарантированного минимума обработки посевных площадей и при условии обязательной сдачи всей товарной продукции государству [108]. Когда в ответ на это представитель кооперации пытался слабо возразить, сказав, что тракторные станции — это «не единственный путь массовой коллективизации деревни» [109], его замечание не было принято во внимание. Отбросив в сторону все формальные различия между государственными и кооперативными организациями, резолюция конференции призвала к развитию «широкой сети государственных и кооперативных машинно-тракторных станций как одного из методов обобществления важнейших производственных процессов всей массы индивидуальных хозяйств» [110]. В сущности, было вполне очевидно, что государственные МТС одержали победу над кооперативными тракторными колоннами [111]. Постоянно делался

упор на то, что МТС основаны на добровольческих началах [112]. Однако Маркевич при этом подчеркивал, что «должна быть установлена строжайшая трудовая дисциплина, которая ни в коем случае не должна быть ослаблена сознанием равноправности отдельных членов и добровольности объединения», и что каждый крестьянин является не «самостоятельно-хозяйственным лицом», а участником единого крупного производства [113]. Одной из характерных черт машинно-тракторных станций являлся «годичный производственный план, составляемый на каждое село агрономом станции с участием крестьян» и представляемый на утверждение общего собрания, периодически созываемого правлением для обсуждения основных вопросов производства. При машинно-тракторной станции создавался «Совет» из представителей всех сел, который периодически заслушивал доклад директора станции [114].

Очень скоро кампания в защиту МТС стала неотъемлемой частью кампании за сплошную коллективизацию сельского хозяйства и повышение его производительности. Выступая на V съезде Советов, Рыков сказал, что коллективизация означает машинизацию, и далее: «Построить же совхоз на сохе — это значит дискредитировать идею обобществления и практически сорвать все дело» [115]. Обслуживаемые МТС земельные общества фактически являлись коллективными объединениями и, как правило, переходили на устав товариществ по общественной обработке земли. МТС не только ускоряли коллективизацию, но также способствовали организации более крупных и мощных коллективных хозяйств [116]. Один из делегатов XVI партийной конференции рассказывал о том, что в ЦЧО тракторная колонна перевела на общественную обработку земли 14 земельных обществ, то есть вся земля была объединена в сплошной массив и был введен многопольный севооборот, и «это — там, где мы вчера еще имели трехполку, соху и сотни распыленных мелких крестьянских хозяйств» [117]. Согласно подсчетам работников МТС совхоза им. Шевченко (возможно, несколько завышенным), крестьяне при оплате за тракторную обработку от одной четверти до одной трети урожая при относительно меньших затратах получали такое же количество зерна и даже в некоторых случаях больше, чем при обработке своим скотом иинвентарем [118]. При этом бедноте предоставлялся кредит на 100% стоимости произведенных работ, середняки платили 50%, а зажиточные крестьяне должны были сразу внести всю стоимость произведенных работ [119]. Поскольку МТС обслуживали в основном земельные общества и другие группы крестьянских хозяйств [120] и товарищества, непонятно, как этот дифференцированный подход осуществлялся на практике. Рассказывают, что организация МТС и тракторных колонн встречала сильное сопротивление кулачества и проходила в «условиях ожесточенной классовой борьбы» [121].

Но в основном трудности в работе МТС были связаны с тех-

ническими проблемами. Рождение машинно-тракторных станций — этого совершенно нового эксперимента — сопровождалось большими мучениями. Один иностранный обозреватель писал о «варварском отношении к технике во всех обобществленных хозяйствах», о том, что «повсюду в русской деревне можно было видеть брошенные на полях, вышедшие из строя тракторы» [122]. В Самарской губении отмечались случаи, когда тракторы из-за отсутствия кредита на горючее (ибо кредиты выделялись только на покупку машин, но не оборотные средства) простаивали в сараях. Повсеместно ощущался острый дефицит запасных частей, во многих губерниях имелось всего лишь одна-две мастерских [123]. Еще более серьезную проблему представляла нехватка квалифицированных кадров, особенно трактористов и механиков. В 1927 г. на каждые 35—40 тракторов приходился один инструктор [124]. На XVI партийной конференции говорилось о том, что «во главе крупнейшей тракторной колонны иногда стоит учитель, который никогда ни агрономией, ни сельским хозяйством не занимался» [125]. Маркевич также призывал обратить внимание на эту проблему, но в то же время считал, что не правы те, кто предлагают отказаться от строительства новых МТС, пока не будут подготовлены квалифицированные кадры [126].

В период 1926—1929 гг. снабжение деревни сельскохозяйственными орудиями, тракторами и машинами значительно улучшилось. К 1928/29 г. по сравнению с 1925/26 г. производство сельскохозяйственного оборудования увеличилось более чем вдвое [127]. Значительно сократилось применение сохи в деревне: если в 1924 г. соха составляла 46,5% всего инвентаря, то в 1929 г. — только 28,5% [128]. Возросло и количество тракторов: если в 1924 г. насчитывалось только 2560 тракторов, то в 1929 г. их было уже 34 943, в том числе у совхозов было 9678 тракторов, а у МТС — 2382. В 1926 г. механическая тяга во всем сельском хозяйстве составила 1,7% всей тягловой силы, к 1929 г. она увеличилась до 2,8%, при этом в совхозах она составляла 60%, а в колхозах — 62,3% [129]. Все это свидетельствовало о тесной связи между машинизацией и коллективизацией, что постоянно подчеркивала партийная печать. Автор одной из статей, опубликованных в журнале «На аграрном фронте» осенью 1928 г., писал о том, что «коллективизация... без высшей техники» будет «мука мученическая» [130]. Однако в целом уровень механизации сельского хозяйства был по-прежнему очень низок. В 1928 г. 10% всех посевных площадей вспахивались сохой, три четверти всех посевов производилось вручную, половина урожая скашивалась косой и серпом и 40% собранного урожая обмолачивалось вручную [131]. Выступая на сессии ВЦИКа в ноябре 1928 г., Кубяк отмечал, что уничтожение сохи в трехлетний срок сомнительно, потому что «... у нас не хватит металла» [132]. Надежды составителей Пяти-

летнего плана на то, что механизация будет способствовать повышению урожайности, что позволит увеличить экспорт зерна и что в свою очередь даст дополнительные средства для увеличения импорта тракторов, оказались чистой утопией [133]. Довод о том, что машинная индустрия создает материальную основу для борьбы с кулачеством [134], был весьма спорным. К моменту, когда была начата кампания сплошной коллективизации, уровень механизации сельского хозяйства был по-прежнему крайне низок.

ГЛАВА 9

КОНТРАКТАЦИЯ

Одной из наиболее распространенных форм закупки сельскохозяйственной продукции, ставшей приобретать все большее значение в этот период, была контрактация, или закупка по контракту. Еще до революции существовала практика, когда сахарные заводы заключали с крестьянскими хозяйствами контракты, предусматривающие заказ на производство сахарной свеклы и ее закупку по оговоренным в контракте ценам. После революции эту практику продолжил Сахаротрест, причем существенным изменением было то, что закупка сахарной свеклы стала осуществляться по официальным ценам [1]. В 1923 г. контрактация стала применяться и в хлопковых районах Средней Азии, и уже к 1926/27 г. она охватывала почти все посевы хлопка [2]. В этот же период контрактация начинает распространяться и на другие, так называемые «технические» культуры — лен, подсолнух, табак и картофель (как для перегонки спирта, так и для получения крахмала). В 1927 г. впервые, в небольшом объеме, были законтрактованы посевы зерновых — пшеницы, ячменя, овса и кукурузы [3]. Поскольку контракты заключались в основном не с единоличными хозяйствами, а с кооперативами (либо уже действующими, либо специально для этой цели созданными и действующими от имени крестьян) и поскольку контрактация предусматривала снабжение крестьян семенами, а иногда и машинами, она стала все быстрее принимать коллективный характер [4]. В своем выступлении на XV съезде партии Молотов с энтузиазмом говорил о том, что контрактация уже охватила около двух миллионов крестьянских хозяйств (из них 900 тыс. хозяйств, выращивающих сахарную свеклу, 750 тыс.— хлопок и 150 тыс. — подсолнечник) и что она является одним «из важнейших условий развития плановости в сельском хозяйстве и роста элементов крупного общественного производства в деревне» [5]. К 1929 г. контрактация охватывала уже 80% всех посевов сахарной свеклы, и в том же году впервые начала проводиться контрактация плодоовощей [6].

Хлебные затруднения, имевшие место в начале 1928 г., еще в большей степени способствовали дальнейшему распространению контрактации посевов зерновых культур. В результате широкой контрактации зерновых, проведенной весной этого же года орга-

ном сельскохозяйственной кооперации, Хлебоцентром, было не только организовано 8 тыс. посевных товариществ, но и законтрактовано в общей сложности 2 млн. га зерновых посевов. Однако основным недостатком этой посевной кампании явилось запоздание с проведением контрактации[7]. Вслед за резолюцией июльского (1928 г.) Пленума ЦК, выражающей озабоченность в связи с трудностями хлебозаготовительного периода[8], СНК СССР принял постановление от 21 июля 1928 г. («О контрактации посевов зерновых культур в осеннюю кампанию 1928 г.»), в котором призвал к проведению контрактации посевов зерновых на площади в 5 млн. га (в том числе: 3600 тыс. га — РСФСР, 1250 тыс. — на Украине, 100 тыс. — в Средней Азии и по 25 тыс. га — в Белоруссии и Закавказской республике). Договоры на контрактацию не ограничивались только единоличными крестьянскими хозяйствами; они могли заключаться с целыми «земельными обществами», «производственными объединениями», и вся контрактация проводилась исключительно через систему сельскохозяйственной кооперации с реализацией всего законтрактованного зерна по плану Наркомторга. Производителям выдавался аванс, в среднем 8 руб. в год на гектар со взиманием 6% годовых. При контрактации посевов обусловливалась сдача производителями осенью зерна с законтрактованных площадей на сумму не менее 200%, выданных при контрактации авансов. За срочную сдачу зерна и высокое его качество предусматривались надбавки к цене. Было также признано необходимым приступить к заключению долгосрочных контрактов на посевы зерновых культур, что должно было содействовать «планомерному преобразованию зернового хозяйства с постепенным обобществлением производства»[9]. 2 августа 1928 г. вышло еще одно постановление, в котором СНК РСФСР призвал проводить контрактацию «гнездовым методом и по преимуществу сплошными массивами с охватом посевных площадей отдельных культур, целых селений и поселковых групп»[10]. Составленный в это время «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР» предусматривал развитие «массового процесса контрактации» и переход от «договоров с небольшими группами крестьян ...к заключению контрактов с большими посевными товариществами и целыми земельными обществами» и от краткосрочных договоров к долгосрочным[11]. В «Контрольных цифрах на 1928/29 г. отмечалось, что контрактация в этот период охватывала уже 12% всех посевных площадей и около 7—8 млн. крестьянских дворов, что составляло 30% их общего числа, а сумма аванса составляла в среднем от 30 до 40 руб.[12] По неполным данным, в одной только Российской Федерации в 1928 г. было организовано в связи с контрактацией 3987 колхозов, 4955 зерновых и 1385 машинных товариществ[13].

Как и во всяком новом деле, в контрактации, особенно на ее начальном этапе, было много сложностей. Контрактация технических культур проводилась, как правило, промышленными органи-

зациями, использующими эти культуры (например, Сахаротрестом), через центральные органы сельскохозяйственной кооперации. Что же касается контрактации зерновых культур, то на первом этапе (весна 1928 г.) основным ее проводником был орган сельскохозяйственной кооперации Хлебоцентр. Но когда осенью 1928 г. контрактация зерновых стала принимать массовый характер и очень скоро превзошла контрактацию всех других культур, то в нее стали активно вмешиваться как центральные государственные органы (Хлебопродукт, а затем ее преемник Союзхлеб), как местные торговые организации (часто контрактующие через свои местные кооперативные органы и игнорирующие Хлебоцентр), так и Госбанк, (контрактующий через систему сельскохозяйственной кредитной организации). Ситуация усугублялась еще больше раздорами между Наркомторгом, поддерживавшим государственные органы, и Наркомземом, поддерживающим Хлебоцентр. Еще одним препятствием на пути контрактации была «недостаточная оценка наркомземовскими и наркомторговскими органами роли в контрактации с.-х. кооперации» (как те, так и другие отказывались признавать, что именно она является основным ее проводником), при этом надо признать, что часто зачинщиком в драке являлись органы самой сельскохозяйственной кооперации (Хлебоцентр) [14]. «Беднота» писала о том, что слишком много различных организаций «сковывают и отягащают ее» и это приводит к срыву контрактации [15]. Кампания по контрактации озимых посевов 1928 г. началась в августе, а яровых посевов 1929 г. — в марте (и в том и другом случае с большим опозданием) [16]. Эту же тему затрагивали в своих выступлениях и делегаты XVI партийной конференции, которые жаловались на то, что нельзя разобраться в огромном «количестве директив, которые в области контрактации разосланы по широкому пространству нашего Союза», а также на то, что частые изменения планов подрывают «авторитет контрактующих организаций перед крестьянством» [17]. Очевидно, еще одной причиной переживаемых контрактацией трудностей было повышение хлебных цен в свободной продаже. К 15 ноября 1928 г., в срок, когда, согласно договору, к кооперативным заготовительным органам должно было поступить все законтрактованное зерно, поступило только 30%, а месяц спустя — только 50% всего законтрактованного зерна [18].

План на 1929 г. предусматривал значительное расширение контрактации зерновых в общем объеме урожая. Таблица, показывающая процент охвата контрактацией посевов всех основных культур от общего объема урожая, свидетельствовала о неуклонном увеличении доли контрактационных посевов в течение всего года. В «Контрольных цифрах» на 1928—1929 гг. предусматривалось увеличение законтрактованной площади по зерновым культурам на 60%; в действительности она увеличилась к концу года в три раза, а под техническими культурами — на 50% [19]. Эти успехи были достигнуты без дополнительного финансирования, а главным

образом за счет введения безавансовой контрактации, причем отсутствие аванса компенсировалось выгодой, получаемой крестьянами от сдачи законтрактованного зерна по более высоким ценам. В 1929 г. было законтрактовано 14 млн. га яровых культур, из них более половины — без аванса [20]. «Правда» открыто писала о том, что нужно полнее использовать безавансовую контрактацию в целях «подчинения частно-капиталистических элементов в сельском хозяйстве государственному контролю» [21], что позволяло сделать вывод о том, что безавансовая контрактация была гораздо ближе к приказу, чем к соглашению. В журнале «На аграрном фронте» говорилось о том, что для того, чтобы обеспечить своевременную сдачу законтрактованного зерна, был необходим некоторый нажим, а местные органы проявляли благодушие и это приводило к задержкам поставок зерна [22]. Микоян, всячески расхваливая контрактацию, определял ее как «двусторонний договор между государством и мелким товаропроизводителем, при котором государство ставит последнему определенные производственные заказы... а само берет на себя обязанность удовлетворить заказы села в его снабжении средствами производства и потребления» [23]. Однако это определение было слишком туманным, чтобы оно могло в чем-то убедить крестьян.

Политика социальной дискриминации, утвердившаяся в стране с момента провозглашения XV съездом партии в декабре 1927 г. курса наступления на кулачество, распространялась и на контрактацию. В постановлении СТО от 23 января 1928 г. был определен размер аванса (либо беспроцентного, либо не выше 8% годовых), выплачиваемого различным категориям крестьянства. Для коллективных хозяйств он составлял в среднем 35—60% стоимости законтрактованного сырья, для бедняцких — 30—40 и для середняцких — 25—30% [24]. Вообще было принято считать, что «контрактация намечает новые пути экономического наступления на кулачество» [25], поэтому кулак оказывал ей ожесточенное сопротивление, пытаясь настроить против нее крестьян [26]. Однако при контрактации, как и при снабжении крестьян кредитами и машинами, партия сталкивалась с той же проблемой — расхождением между интересами классовой политики и сиюминутной выгодой [27]. Но в какой бы форме ни применялась контрактация, ясно было одно, что маломощные крестьянские хозяйства не в состоянии повысить свою производительность и что наиболее эффективно использовали предоставляемый аванс в основном зажиточные хозяйства. 14 декабря 1928 г. СТО принял постановление, в котором определялись размеры авансов, выделяемых на контрактацию различных культур, установив повышенный размер аванса для маломощных хозяйств, однако существенно подправив это положение оговоркой, что контракты должны заключаться лишь с теми индивидуальными хозяйствами, «которые действительно в состоянии дать товарную продукцию в размере, обусловленном договором» [28]. Таким образом, во время яровой контрактации

1929 г. система дифференцированного авансирования трех социальных групп, принятая в 1928 г., была заменена авансированием только двух видов; общим — для всего населения — и повышенным (на 50%) — для бедняцких хозяйств [29]. Выступая на XVI партийной конференции в апреле 1929 г., Калинин критиковал тех, кто пытался превратить контрактацию в «собесовское учреждение», контрактуя такие бедняцкие хозяйства, от которых почти наверняка не будет возврата вложенных средств [30]. Вопрос о контрактации посевов кулака оказался таким же сложным, как и вопрос о принятии его в колхоз [31]. Выступивший на той же конференции Ломинадзе предложил внести в резолюцию пункт об оказании давления на кулака (путем принятия обязательных постановлений земельных обществ). Другой оратор подчеркивал, что контрактация с кулаком ни в коем случае не должна соединяться с кредитами и что неправильно рассматривать контрактацию, с одной стороны, как одну из форм производственного кооперирования, как средство создания социалистического хозяйства,. а с другой — как средство скорейшего получения наибольшего количества хлеба [32].

Весной 1929 г. Наркомторг СССР и Хлебоцентр разослали всем торготделам и заготовителям телеграмму, в которой говорилось о том, что заключение договора с «единоличными хозяйствами», даже на безавансовую контрактацию, считается «нецелесообразным» [33]. Насколько соблюдался этот запрет, сказать трудно, но он стал еще одним доказательством намерения властей использовать контрактацию как средство наступления на кулачество, как инструмент коллективизации. Теоретически контрактация оставалась делом добровольным, однако если большинство членов земельного общества (где кулаки были теперь лишены права голоса) принимали постановление о заключении контрактационных договоров, то оно становилось обязательным для всех его членов [34]. К весне 1929 г. контрактация представляла собой уже не просто систему государственных закупок сельскохозяйственной продукции, а являлась инструментом государственной политики, направленной как на повышение производительности сельского хозяйства, так и на его обобществление. На смену «торговой контрактации», сводившейся к простым закупкам по контрактам, пришла «производственная контрактация», при которой приобретатель продукта мог вмешиваться в процесс производства, давая рекомендации или оказывая помощь производителю [35]. Контрактация стала инструментом обеспечения не только количества, но и «качества продукции» [36]. Эта эволюция совпала с изменением основного направления советской экономики в сторону повышения товарности продукции, что способствовало постепенному изменению всего характера контрактации. Началась ее активная пропаганда в печати, описывающей контрактацию как «форму связи социалистического сектора с крестьянским хозяйством» и «систему мероприятий, направленных на реконструкцию крестьянского хозяйства» [37]. В ди-

ративе ЦК от 15 мая 1928 г. отмечалось: «Развитие практики контрактации должно явиться не только средством значительного роста самой сельскохозяйственной продукции (сырья, а также хлеба), но и важным орудием производственного кооперирования бедняцких и середняцких масс»[38]. Спустя несколько дней Сталин также отметил, что метод контрактации «является лучшим способом поднятия урожайности крестьянских хозяйств и вовлечения крестьян в кооперацию»[39]. Начиная с осени 1928 г., крестьянство, заключая договор о контрактации, тем самым принимало на себя обязательство не только по производству сельскохозяйственной продукции определенного вида и в установленном количестве, но и обязательство (в порядке компенсации за предоставляемую агротехническую помощь) по соблюдению методов обработки земли и форм организации труда[40].

Партия и правительство рассматривали машинизацию и контрактацию уже как два неразрывно связанных метода повышения урожайности крестьянского хозяйства и подведения его к коллективизации. В своей речи на сессии Совета Хлебоцентра, опубликованной в «Правде» в декабре 1928 г., Микоян говорил о том, что «тракторные колонны, непосредственно связанные с долголетней контрактацией, могут сыграть большую роль в деле расширения посевной площади, повышения урожайности крестьянских хозяйств и их технической реконструкции»[41]. На состоявшейся в том же месяце сессии ЦИК СССР была предпринята попытка определить «необходимый минимум простейших аргикультурных мероприятий, обязательных для хозяйств, привлекаемых к контрактации»[42]. В ходе массовой контрактации 1929 г. против крестьян иногда применялись меры полупринудительного характера, когда им просто «предлагали перейти на устав кооперативного объединения и внести пай»[43]. Резолюция XV партийной конференции, состоявшейся в апреле 1929 г., отмечала большое значение дальнейшего развития «массовой контрактации сельскохозяйственных продуктов не только как формы увязки развития сельского хозяйства с промышленностью, но и как метода повышения уровня производительности бедняцких и середняцких хозяйств»[44]. Журнал «На аграрном фронте» писал о том, что контрактация усилила темп внедрения сортовых семян, оказала огромное влияние на внедрение и развитие новых культур, расширила посевы бедняцких и середняцких групп и тем самым обеспечила их независимость от кулака, а также способствовала переходу к коллективному земледелию. Подчеркивалось, что контрактация означает «устранение рыночной стихии в производстве и сбыте продукции решающих культур полеводства», что она непосредственно связана с планированием, поскольку «крестьянская продукция поступает в социалистический сектор по определенному плану»[45]. В ходе кампании за плановую экономику контрактация стала мощным средством коллективизации и наступления на кулачество.

ГЛАВА 10

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО

Процесс, известный как «землеустройство», приобрел в этот период все возрастающее значение. Землеустройство с самого начала проводилось Наркомземом, специалисты которого — землемеры и землеустроители — разъезжали по сельской местности, проводя границы как между различными сельскими общинами — совхозами или колхозами, — так и между различными крестьянскими хозяйствами внутри общин. Первый тип был известен как межселенное землеустройство, второй — внутриселенное; на заре Советской власти землеустройство на 90% было первого типа [1]. Первоначальной целью землеустройства было простое закрепление права землевладения и отвод участков в натуре. Однако вскоре в процессе землеустройства стали предприниматься попытки устранить некоторые сложности в землепользовании, выправить границы, заменяя неудачно расположенные участки, устраняя самые большие неудобства узкополосных землевладений и участков, удаленных от места жительства крестьян, а также обеспечивая доступ к воде и другим удобствам. Любое достаточно значительное улучшение земель (мелиорация), как правило, проводилось крестьянскими кооперативами. Однако мелкие улучшения были заботой землеустройства, и, хотя считалось, что указанная работа проводилась по просьбе и за счет владельцев участков, в случае необходимости ее могли проводить и без их согласия. Сразу после революции механизм землеустройства стал использоваться в целях принудительного уравнивания земельных наделов [2]. Конец этому был положен принятием в 1922 г. Земельного кодекса РСФСР, который определял будущие цели и задачи землеустройства. Среди болячек, которые должен был «вылечить» Кодекс, было наличие больших, иногда слишком больших земельных наделов в руках одного двора — наследство слишком частых переделов и стремления к полному равенству между членами «мира» [3]. Это не только являлось основным препятствием к улучшению обработки почвы, но и заставляло крестьян совершать длительные переезды между различными частями надела. Землеустройство должно было «создать населению максимум удобства в использовании земли, покончив с чересполосицей, дальним расположением их от усадьбы и т. д.» (с. 142). В его разнообразные задачи входило

выделение земли государственным учреждениям (включая, вероятно, совхозы); распределение земель, находящихся во владении «земельных общин»; исправление границ, а также обеспечение улучшения дорог и водных путей; планирование и определение мест расселения в деревнях; определение и измерение границ между сельскими районами (с. 166). Однако в начале 20-х годов ощущался острый дефицит в необходимых для этого специалистах, поэтому значительная часть наделов по всей стране не была охвачена мероприятиями по землеустройству. «В этот период», как объяснялось впоследствии — равно как до 1925 г., — все дело финансирования землеустройства находилось целиком в руках крестьян, которые стремились к единоличной форме землепользования»[4].

Начиная с 1925 г., с усилением внимания к вопросам сельского хозяйства, стал ощущаться новый подход к проблеме, а землеустройство стало признанным инструментом партийной и государственной политики. III съезд Советов (май 1925 г.), отметивший, что землеустройство является необходимым условием «правильного ведения сельской экономики», принял решение, что «в основных районах» оно должно быть завершено в течение десяти лет и что стоимость землеустроительных работ для бедняцких слоев крестьянства должна приниматься на себя государством, а кредиты для этих целей «должны обеспечиваться другими слоями крестьянства»[5]. Поскольку зажиточное крестьянство в этот период пользовалось официальной благосклонностью и поскольку стоимость землеустроительных работ оплачивалась самими землевладельцами, вполне вероятно, что землеустройством главным образом была охвачена наиболее зажиточная часть землевладельцев[6].

С проведением политики, направленной против зажиточных крестьян, а следовательно, против хуторов и отрубов, усилия землеустроителей все более стали направляться на улучшение других наделов.

В этот период получили распространение три формы землеустройства — межселенная, внутриселенная и повторно-хозяйственная, которые включали в себя практическое улучшение методов возделывания земли, особенно переход от устаревшего трехполосного севооборота к современному многополосному, который уже успешно применялся в центральных частях страны. Вот данные о проведении землеустройства в РСФСР в 1927 г.:

Крестьянская земля	
межселенная	76 024 530 га
внутриселенная	16 257 190 га
повторная	13 951 580 га
	106 233 300 га
Государственная земля (совхозы)	9 798 882 га
	116 032 182 га[7]

Из таблицы, распространенной на сессии ЦИК СССР в декабре 1928 г., ясно, что 33% всей земли в СССР подлежало межселенному землеустройству; эта пропорция была выше в Центрально-Черноземном районе (80%), районе Центральной промышленной области (56,7%) и Северо-Кавказском районе (56,5%), и самой низкой в северном и северо-восточном. 46,1% работ по внутриселенному землеустройству было направлено на проведение деления крупных земельных общин, 37,4% — на переход к более крупным полосам, а 6,6, 6,5 и 3,4% соответственно — на формирование колхозов, отрубов и хуторов [8].

Медленный прогресс в области землеустройства можно отнести в основном на счет слабости организации и нехватки специалистов. В 1926 г. в РСФСР насчитывалось 7443 квалифицированных землемеров и землеустроителей, из которых около 6000 работали в сельской местности; учебные же заведения выпускали ежегодно около 700 человек [9]. Однако по мере того, как в партийных и советских кругах росла заинтересованность в проведении землеустройства, начали раздаваться недовольные голоса по поводу проводимой политики и тех шагов, которые она предусматривала. Заведующий кафедрой Московского межевого института, стоящий во главе землеустроительного образования престарелый профессор Хауке, в прошлом, очевидно, народник, рассматривался теперь как один из самых ярых представителей «буржуазно-кулацкой линии в аграрном вопросе» [10]. Объемистая инструкция по производству землеустроительных работ, изданная Наркомземом РСФСР в апреле 1928 г., как отмечалось, вводила «методы расценки буржуазно-капиталистического общества» [11]. Однако, несмотря на эти социальные и политические недостатки, материальный прогресс был очевиден. 1 января 1927 г. система многополосного севооборота была принята в 41% хозяйств в районе Центральной области, в 33 — в Северо-Западном и Урала, 4 — в Сибири и 1% — в Дальневосточном районе [12]. На IV Всесоюзном съезде Советов в апреле 1927 г. Шлихтер заявил, что введение новой системы севооборота зависит от проведения землеустройства [13]; а резолюция съезда объявила «отсутствие землеустройства одним из основных препятствий в деле правильного использования уже обрабатываемой земли и использования новых земельных площадей» [14].

В 1924 г. лишь 3860 тыс. га земли в РСФСР культивировались на основе системы многопольного севооборота; весной 1928 г. площадь под многопольем увеличилась до 13 740 тыс. га [15]. К 1928 г. на смену содержания земли под паром почти повсеместно пришли севообороты с травами, за исключением, пожалуй, Центрально-Черноземного района [16].

Новый толчок политика землеустройства получила с опубликованием Манифеста ЦИКа СССР от 15 октября 1927 г. по случаю приближающейся 10-й годовщины революции. В нем провозглашалось, что землеустройство слоев крестьянства будет при-

нято на счет государства и что на эти цели в 1927—1928 гг. будет выделено из госбюджета 10 млн. руб.[17]

А. П. Смирнов приветствовал в «Правде» это решение как «директиву о переходе от системы запросов населения к плановому землеустройству», которое ведет к «широкому плану реорганизации сельскохозяйственной территории СССР... на социалистических принципах»; а другой автор выразил мнение, что «плановый подход к землеустройству» может быть использован для содействия коллективизации и ликвидации «кулацких гнезд»[18]. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Молотов резко заявил, что «теперешнее положение с землеустройством буквально никуда не годится и прямо нетерпимо».

Тогда же Енукидзе заявил, что «...кулацкие элементы всячески игнорируют бедняков, лишают их возможности поделить землю, оттесняют их от землеустройства...», и выразил мнение, что «землеустройство приобретает сейчас основное значение»[19].

Резолюция съезда по Пятилетнему плану рассматривала землеустройство в качестве «элементарной предпосылки как общего перехода всего сельского хозяйства на высшую ступень агрикультуры, так и внедрения коллективных форм хозяйствования и обеспечения интересов бедноты и середняков в борьбе с кулаком». Резолюция о работе в деревне связывала проведение землеустройства с «другими мерами организации экономики» и призывала ограничить «практику выделения на отруба и особенно хутора, совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов»[20].

Эти официальные заявления ознаменовали собой новую точку зрения на землеустройство как инструмент политики, рассчитанной на продвижение дела коллективного ведения сельского хозяйства и усиление классовой борьбы в деревне. В условиях капитализма общественный интерес заключается лишь в межевании, то есть в «ограничении владельцу его частной собственности», что было «частным делом владельца земли». «В советских условиях землеустройство выступает в ином свете. Оно является одним из основных условий развития производительных сил»; и действительно, «советское ... правительство рассматривает землеустройство как одну из предпосылок к построению социалистических отношений в сельском хозяйстве»[21].

Землеустройство стало теперь признанным инструментом ускорения коллективизации и кампании против кулака. Начиная с этого времени гнездовой метод землеустройства, то есть принцип обязательного одновременного землеустройства не только личных наделов, но и целых районов, получил повсеместное распространение[22]. Яковлев заявил на расширенном заседании президиума Совета колхозов в марте 1928 г., что землеустройство должно быть «полностью подчинено задачам коллективизации» и должно быть нацелено на создание наделов, которые «без дальнейшего измене-

ния границ могут обеспечить создание обществ по совместной обработке земли»[23].

Приблизительно в это же время Наркомзем издал инструкцию по завершению землеустройства колхозов к концу лета и ограничению создания хуторов[24]. Были предприняты определенные попытки выполнить эти требования. Из обнародованных данных следовало, что между апрелем и ноябрем 1928 г. процент общин, подлежащих землеустройству, уменьшился с 28,7 до 7,5, артелей — с 51,2 до 24, а ТОЗов — с 75,8 — до 27,4. Однако при этом признавалось, что в большинстве случаев дело ограничивалось простым проведением границ, а не принятием мер, направленных на улучшение сельскохозяйственного производства[25].

К лету 1928 г. одна треть всех совхозов была все еще не землеустроена[26], а жалобы на медленный ход этих работ продолжали поступать[27]. В Сибири, где в 1926 и 1927 гг. работы по землеустройству продолжали практику выделения на отруба и хутора, в 1928 г. стало производиться землеустройство колхозов[28]. Один из приемов, который, очевидно, применялся до революции, с развитием землеустройства в этот период был вновь пущен в ход. Разделяя крупные и неуправляемые «листы», с неправомерно разбросанными и рассеянными наделами, а также осваивая новые земельные участки, группа дворов (как правило, 20—25, иногда до 120) отделялась от существующего «мира» и образовывала новое поселение, называемое «поселок» или «выселок»[29].

XV съезд партии в декабре 1927 г. одобрил эту практику как благоприятную для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства, ограничив практику выделения на отруба и хутора[30]. В журнале «Деревенский коммунист» был напечатан отчет о разделении земельной общины из 120 дворов в Орловской области на три общины с одним поселком, в результате чего была введена система многополосного севооборота, произведена концентрация земельных наделов, улучшилось использование семенного фонда и удобрений, а также были получены кредиты[31]. Указанная практика применялась в основном в юго-восточных районах, где все еще имелись незанятые земли, пригодные для выращивания хлеба. Обследование группы из десяти поселков — очевидно, на Северном Кавказе — показало, что в них имелось только четыре зажиточных хозяйства из почти 500[32]; как указывалось, целью создания поселков было «расселение бедняков и обедневших середняков с целью их последующей коллективизации»[33].

Эта система, однако, подверглась критике со стороны тех, кто видел в ней попытку избежать реальных мер по проведению коллективизации и намеренного возврата к старой системе[34].

Один из критиков считал, что поселок едва отличается от хутора, и рассматривал их создание как поощрение роста индивидуальных хозяйств[35]; представитель же Госплана заявил, что «...необходимо категорически прекратить раздел крупных селений на мелкие поселки»[36].

Мнения относительно успеха программы землеустройства попрежнему расходились. На сессии ЦИКа в декабре 1928 г. Милютин заявил, что хутора и отруба образовывались теперь исключительно в нехлеборобных районах, занятых в основном выращиванием технических культур (западные, северо-западные и Ленинградский районы), и что землеустройство в будущем должно быть направлено не на выделение на хутора и отруба, а на улучшение наделов «мира» как путем замены широких полос более узкими, так и деления наделов таким образом, чтобы избежать дальноземелья»[37]. Делегат Молдавии разъяснил, что землеустройство в Молдавии было проведено в 1926 г. и что в результате этого стала возможной совместная пахота в нескольких деревнях или даже группах деревень. Однако Ларин, обращая огонь критики на поселки, выразил сожаление, что землеустройство все еще использовалось в целях раздела существующих наделов и создания большего количества индивидуальных наделов[38].

В окончательном варианте текста «Основных принципов использования земли и землеустройства», одобренном ЦИКом на этой сессии, заявлялось, что землеустройство «должно содействовать общему прогрессу агрикультуры, ее организации в кооперативы и коллективизации»; одной из ее задач было «ограничить стяжательские амбиции кулака». При этом приоритет должен был быть отдан заявлениям о проведении землеустройства тем, «кто делает использование земли наиболее благоприятным для создания кооперативов, коллективизации и для поднятия технического уровня сельского хозяйства».

Заявления о «выделении на хутора и отруба» должны были рассматриваться в последнюю очередь или же вообще игнорироваться, если они служили интересам кулака. Землеустройство всех бедняцких и мелких середняцких крестьянских хозяйств, всех колхозов должно было осуществляться за счет государства, хотя и предполагалось, что «услуги населению, необходимые для проведения работ по землеустройству», могли быть проведены в обязательном порядке в соответствии с законодательством республик (ст. 15—20). Землеустройству совхозов отдавался приоритет (ст. 36а)[39].

Не все воспринимали этот процесс так прямолинейно, как корреспондент крестьянской газеты «Беднота», заявлявший, что ставкой в процессе землеустройства был вопрос о том, кто получит землю — кулак или колхоз[40]. Однако оратор, открывавший дебаты о землеустройстве в Коммунистической академии, заявил, что «Столыпин знал, каким образом находить пути, которые решили бы проблемы капиталистического развития деревни», и заключил выступление, сказав, что землеустройство могло стать *«одним из инструментов развития колхозов»*[41]; другой оратор нетерпеливо заявил, что «необходимо увязать практику землеустройства с созданием колхозов, имея в виду плановое создание действительно

крупных коллективных форм»[42]. V Всесоюзный съезд Советов в мае 1929 г. призвал к завершению землеустройства по всему Советскому Союзу в течение 4 лет[43]. Было подсчитано, что для этого потребуется увеличение на 50% штата «землемеров и землеустроителей», количество которых достигало около 11 500 человек[44].

ГЛАВА 11

НАКАНУНЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Проблема хлебозаготовок зимой 1928/29 гг. явилась тем более обескураживающей, что на первый взгляд она не представлялась неразрешимой. В «Правде» в октябре 1928 г., в разгар хлебозаготовок, были опубликованы статистические данные. Валовой урожай зерна составил порядка 4500 млн. пудов (74 млн. т), к которому можно было добавить резервных 500 млн. пудов (8,2 млн. т), оставшихся предположительно у крестьянства от прошлогоднего урожая. Около 470 млн. пудов (7,8 млн. т) требовалось для снабжения городов, промышленных предприятий и Красной Армии, еще 120 млн. пудов (1,9 млн. т) — для районов страны, не выращивающих хлеб, в частности для хлопководческих районов Средней Азии[1]. Заготовить для этих целей 600 млн. пудов (9,8 млн. т) из урожая 4500 млн. пудов не представлялось неразрешимой задачей. Осенью 1928 г. было подсчитано, что увеличение заготовок товарного зерна на 200 млн. пудов (3,3 млн. т) не только покроет его нехватку, но также позволит экспортировать какое-то количество[2]. В самом ближайшем будущем этого можно было достичь принятием двух мер, от которых выигрывали все и которые, казалось, не влекли за собой каких-либо социальных или политических последствий: повышением урожайности за счет улучшения обеспечения крестьян высококачественными семенами, удобрениями и тракторами, а также расширением посевных площадей, в основном в восточных районах. Такова была суть доклада Госплана Совнаркому СССР в сентябре 1928 г., согласно которому эти меры позволяли удвоить производство зерна в течение десяти лет[3]. В конце сентября 1928 г. Совнарком принял постановление, предписывающее Госплану запланировать увеличение объема сельскохозяйственной продукции в течение ближайших десяти лет в два раза[4]. В ноябре 1928 г. Пленум ЦК провозгласил «одной из важнейших и ударных задач хозяйственного плана добиться в 1929 г. расширения посевных площадей на 7% и повышения урожайности на 3%»[5]. Постановление СНК СССР, принятое в сентябре 1928 г., получило официальное одобрение на сессии ЦИК, состоявшейся в декабре этого же года, в резолюции которой выражалась уверенность в том, что поставленная задача может быть решена путем улучшения качества семян, более интенсивным использованием

сельскохозяйственных машин, тракторов и химических удобрений, а также завершением землеустроительных работ [6].

Необходимость повышения урожайности сельскохозяйственных культур ни у кого не вызывала сомнений. IV съезд Советов (апрель 1927 г.) отметил «необычайно низкую урожайность» в советском сельском хозяйстве [7]. Диаграмма, распространенная на XV съезде партии в декабре 1927 г., свидетельствовала о значительном отставании СССР от других европейских стран в области урожайности зерновых. Более того, если в Германии она уже достигла уровня 1914 г., а во Франции намного превзошла его, то в Советском Союзе она все еще была значительно ниже этого уровня [8]. Съезд партии смог (в трех различных резолюциях) лишь констатировать, что «уровень сельского хозяйства все еще остается крайне низким», заявить о «категорической необходимости общего подъема сельского хозяйства (в первую очередь повышения урожайности и расширения посевных площадей)» и высказаться за «подъем производительных сил деревни и рост благосостояния широких крестьянских масс» [9]. При таком низком уровне сельского хозяйства даже простейшие средства могли принести сенсационные результаты — Чубарь заявил на съезде, что только на Украине при хорошей прополке урожай зерновых может повыситься на 100—120 млн. пудов [10]. Яковлев сообщил о потенциальных возможностях удвоить производство зерна при помощи коллективизации и механизации мелких наделов [11]. Снабжение химическими удобрениями, в чем советское сельское хозяйство значительно отставало от Запада [12], также представляло серьезную проблему. В апреле 1927 г. президиум ОСОАВИАХИМа, вспомнив о наличии «химии» в своем сложном названии [13], одобрил доклад своего сельскохозяйственного отдела по вопросу о необходимости увеличения производства минеральных удобрений и снижения на них цен, а в следующем году одобрил проект создания с этой целью 23 химических лабораторий в высших учебных заведениях [14]. Производство минеральных удобрений (в пересчете на оптовые цены 1926/27 г.) увеличилось с 4 млн. руб. в 1926/27 г. до 6,9 млн. руб. в 1927/28 г. и к 1928/29 г. должно было составить 11,8 млн. руб. [15].

Альтернативная перспектива добиться повышения урожая зерновых за счет освоения новых земель оказалась менее радужной, чем этого можно было ожидать. Пустующие земли в западных и северо-западных районах страны, а также в Белоруссии были, очевидно, не хуже, чем земли в Восточной Пруссии, с которых немецкие фермеры собирали высокие урожаи. Однако их освоение предполагало производство достаточного количества удобрений и правильное их применение (что еще не было налажено) [16]. Гораздо большие надежды возлагались на южные и юго-восточные районы, где в основном строились новые крупные зерновые совхозы и колхозы [17]. Составители первого Пятилетнего плана намечали расширение посевных площадей под зерновыми куль-

турами преимущественно в «Поволжье и восточных областях страны» [18]. Между тем освоение этих засушливых районов требовало применения усовершенствованных методов обработки земли и современного сельскохозяйственного оборудования, что было недоступно отсталым крестьянским хозяйствам, поэтому расширение посевных площадей под зерновые культуры зависело от программы агрикультурных улучшений, направленной на повышение урожайности.

Необходимость повышения производства сельскохозяйственной продукции стала еще очевидней в ходе обсуждения проекта первого Пятилетнего плана народнохозяйственного развития. На ранней стадии обсуждения представитель Института Конъюнктуры Наркомфина Вайнштейн высказал предположение, что ежегодный прирост производства зерновых в течение пятилетки составит около 2% [19], а по подсчетам Ограновского, к концу Пятилетки можно было ожидать увеличения производства зерна на 9,2% (то есть на 1,78% в год) по отправному варианту плана и на 11,4% по оптимальному варианту [20]. Однако эти осторожные прогнозы были расценены как проявление меньшевистского и эсеровского малодушия. Составители Пятилетнего плана, признавая наличие «определенных тенденций упадка в сельском хозяйстве» в течение последних полутора лет, тем не менее предусмотрели в отправном варианте плана «с учетом ряда неблагоприятных обстоятельств» увеличение производства зерна на 24%, а в оптимальном варианте, исходя из постановления ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК и резолюции декабрьской (1928 г.) сессии ЦИК, на 35%, что предполагало увеличение прозводства товарного зерна с 8,2 млн. т в 1927/28 г. до 17 млн. т к концу Пятилетки (по отправному варианту плана) и до 20 млн. т (по оптимальному варианту) [21]. Когда было принято решение об увеличении производства зерна на 35%, ряд членов аграрной секции Комакадемии развернули «активнейшую кампанию» против него, называя это предложение «нереальным», «несовместимым с потребностями экономики», критикуя «неприемлемые темпы» [22]. Сабсович, напротив, доказывал, что, используя современные методы производства зерна, можно будет добиться его увеличения в течение ближайших десяти лет в два раза, а в течение пятнадцати лет — в три раза, а также обеспечить расширение посевных площадей под технические культуры за тот же период соответственно в пять-шесть раз и увеличение их производства в десять — двенадцать раз [23].

Для достижения намеченных целей не пренебрегали ни пропагандой, ни призывами. В июле 1928 г. ведущая советская газета «Экономическая жизнь» поместила большую передовую статью за подписью Яковлева, призывающую удвоить производство зерна. За ней последовал целый ряд статей о реформах, которые необходимо было провести для достижения этой цели [24]. В августе 1928 г. в Ростове состоялась конференция крестьян Северо-Кавказского края, на которой обсуждались пути и способы повыше-

ния урожайности. Об этой инициативе писала «Правда» в октябре 1928 г. как об очень ценном начинании [25]. В том же месяце вышло обращение ЦК, ставшее сигналом к началу широкой пропагандистской кампании по «развитию сельского хозяйства на новой технической основе» [26]. В ноябре 1928 г. Пленум ЦК в своей резолюции по Северо-Кавказскому краю потребовал «осуществления в обязательном порядке известного минимума агроусловий как в совхозах и колхозах, так и в индивидуальных крестьянских хозяйствах» [27]. В резолюции, принятой сессией ЦИКа в декабре 1928 г., подчеркивалось, что впредь работа низовых исполнительных комитетов и сельсоветов будет оцениваться в зависимости от того, как они «руководят сельским хозяйством», а также высказывалось предположение продолжить практику проведения «крестьянских съездов и конференций по вопросу о повышении урожайности», аналогичных тем, которые уже были проведены на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье и Центральной Черноземной области [28]. В январе 1929 г. в призыве ЦК партии по случаю выборов в местные Советы, охватывающем широкий круг вопросов, выходящих далеко за рамки экономической политики, вновь прозвучала мысль о том, что «одним из основных препятствий на пути обеспечения и ускорения темпов индустриализации являются чрезвычайно низкие темпы развития сельского хозяйства, в особенности производства зерна» [29]. Постановление СНК СССР от 11 января 1929 г. призвало предпринять героические усилия к тому, чтобы в предстоящую весеннюю посевную кампанию 1929 г. покрыть образовавшийся осенью 1928 г. недосев озимых культур, и поддержало требование ЦК о необходимости расширения посевных площадей на 7% и поднятия урожайности на 3% [30]. Эти призывы положили начало кампании за установление так называемого агроминимума, который определялся как «план простейших агрикультурных приемов, обязательных для выполнения жителями сел и деревень» [31]. Были проведены конференции на местах с целью разработки программ агроминимума, что в отдельных районах послужило толчком к активизации партийной работы, хотя при этом отмечалось, что очень часто в решениях конференций было «слишком много общих фраз и мало конкретного делового содержания» и что «недостаточная обеспеченность намеченных планом посевной кампании мероприятий материальными ресурсами и прежде всего семенами» являлась большим препятствием на пути к их осуществлению [32]. СНК РСФСР принял постановление, предусматривающее штрафы и другие виды наказаний для тех, кто не соблюдал агроминимум [33]. По подсчетам составителей Пятилетнего плана, в 1927/28 г. работало не менее 9500 агрономов, а к концу Пятилетки их число должно было возрасти до 23 тыс., что должно было позволить 5—6 миллионам крестьян «*...получить хотя бы элементарное агрикультурное воспитание*» [34].

Кампания за агрикультурные усовершенствования в сельском хозяйстве приобрела тем большую популярность, чем она отодви-

нула на задний план все спорные социальные вопросы, которые разъединяли партию. Однако вскоре стало ясно, что отмахнуться от этих вопросов не так-то легко. В начале 20-х годов сам Бухарин подчеркивал, что «буржуазная политическая экономика «в принципе» абстрагируется от исторических социальных сил процесса производства» и что это абстрагирование привело к «невообразимой теоретической путанице, которая на практике играет на руку буржуазии»[35]. Как писал Троцкий в сентябрьской 1927 г. платформе оппозиции: «Кулак и его идеологические сторонники скрывают свои амбиции под маской мнимой заботы о развитии прозводительных сил, увеличения объема товарного производства вообще, и т. д.»[36].

Однако вопрос не сводился к абстрактной экономике. Как сказал Смилга, и Кондратьев, и Преображенский оба были хорошими экономистами, но пришли к прямо противоположным выводам, потому что исходили из прямо противоположных посылок[37]. Практически проблема всегда лежала на поверхности. В условиях, созданных наличием огромной массы неграмотных и полуграмотных крестьян, ведущих хозяйство традиционными, примитивными методами, введение различных технических или агрикультурных усовершенствований — будь то механизация, улучшение снабжения семенами и минеральными удобрениями, землеустройство или переход к многопольной системе севооборота — зависело непосредственно от размера надела. Доклад, подготовленный к XV съезду партии, свидетельствовал о том, что урожайность находилась в прямой зависимости от размера хозяйства: в тех хозяйствах, где собранный урожай (в денежном выражении) составлял свыше 1400 руб., урожайность была вдвое выше, а затраты меньше, чем в тех хозяйствах, где собранный урожай не превышал 200 руб.[38] Нельзя было также отрывать проблему производства от еще более острой проблемы распределения продукции. Озабоченные главным образом снабжением городов и промышленных предприятий власти интересовались не столько количеством всего собранного зерна, сколько количеством товарного зерна. Значение совхозов и колхозов состояло не в том, чтобы они производили больше зерна, а в том, чтобы большая часть их продукции являлась товарной[39]. В своем докладе на XVI партийной конференции Калинин повторил цифры, которые привел Сталин в мае 1928 г. о том, что в 1926/27 г. товарная продукция совхозов и колхозов составляла 47% их общего объема, в кулацких хозяйствах — 20, а в середняцких и бедняцких хозяйствах — 11,2%[40]. Не требовалось никакого квалифицированного статистического аппарата, чтобы доказать, что крупные хозяйства производят гораздо больше товарной продукции, чем мелкие, которые едва сводят концы с концами. Вопрос заключался в том, как создавать эти крупные хозяйства и кто будет осуществлять контроль за ними.

Это была старая проблема, стоявшая перед советскими руководителями еще с 1925 г. (хотя она и несколько усложнилась с

тех пор), — проблема выбора между индивидуальным и коллективным сельским хозяйством, между «капиталистическими» и «социалистическими» формами землепользования и производства[41]. Решение в пользу первых, принятое в 1925 г., никогда, за исключением небольшого периода, не было до конца искренним. Оно вызвало возмущение многих непоколебимых поборников партии, а не только членов троцкистской и объединенной оппозиций, те же, кто выступали в поддержку этого решения, всегда признавали необходимость добровольной кооперации индивидуальных производителей. Тем не менее в период с 1925 по 1927 г. курс, ориентированный на индивидуальное крестьянское хозяйство, еще удерживал свои позиции. Но затем два взаимосвязанных фактора изменили ситуацию. Первый — это все возрастающее давление индустриализации, упор в которой делался главным образом на развитие тяжелой промышленности, что означало отсутствие всякой перспективы быстрого роста производства товаров широкого потребления, которые могли бы стимулировать сдачу хлеба со стороны особенно наиболее зажиточных и высоко продуктивных крестьянских хозяйств. Таким образом была похоронена всякая надежда на то, что индустриализация не ляжет слишком тяжелым бременем на плечи крестьян.

Второй — все возрастающая механизация и более широкое применение усовершенствованных методов ведения сельского хозяйства независимо от того, являлось ли оно индивидуальным или кооперативным. Поэтому, когда в результате нехватки хлеба в 1927 г., давления индустриализации и хлебозаготовительного кризиса 1928 г. проблема выбора вновь стала на повестке дня, аргументация в защиту индивидуального крестьянского хозяйства оказалась намного слабее, чем в 1925 г. Не имея достаточных стимулов, чтобы тратить деньги, крестьянин-единоличник, естественно, стремился припрятать свой хлеб, который был для него наиболее надежной формой капитала, использовал ли он его как резерв на будущее или как средство спекуляции на повышении цен[42]. Наличие крупных индивидуальных крестьянских хозяйств означало, что их владельцы могут себе позволить сдавать хлеб только на определенных условиях (включая необходимые поставки промтоваров по приемлемым ценам), что было несовместимо с потребностями быстро растущей промышленности, нуждающейся в постоянном увеличении капиталовложений. Чем больше был размер крестьянского хозяйства, чем выше его продуктивность, тем более жесткие условия мог выдвигать его владелец и тем больше было его влияние на экономическую политику страны. И только крупные государственные хозяйства можно было заставить сдавать хлеб официальным заготовителям на условиях, установленных центральными органами власти, которые вписывались в структуру планирования и индустриализации.

Проблема широко обсуждалась в литературе в свете классовых противоречий и как элемент борьбы за замену капиталистического

способа производства социалистическим. В контртезисах оппозиции по Пятилетнему плану (ноябрь 1927 г.) говорилось о том, что на современной стадии развития НЭПа любой вопрос, имеющий серьезное экономическое значение, касающийся выполнения экономического плана всей страны, является вопросом классовой борьбы[43]. Составители Пятилетнего плана, хотя их конкретные предложения, касающиеся коллективизации сельского хозяйства, затрагивали только меньшинство крестьянства, четко сформулировали конечную цель — создать социалистическое сельское хозяйство, которое к концу пятилетнего периода будет производить по крайней мере такую же долю товарного зерна, какую производят в настоящее время наиболее зажиточные слои крестьянства. Такова была одна из основных задач плана[44]. Составители Контрольных цифр Госплана на 1928/29 г. заявляли: «... на хлебе же в основном сосредоточена классовая борьба в деревне»[45], а год спустя, представитель Госплана, оглядываясь назад, охарактеризовал 1928/29 год как год усиливающейся классовой борьбы, в центре которой был хлеб[46]. Эта оценка, означающая борьбу между различными классами крестьянства, которую проповедовала партийная доктрина, была в высшей степени неправильной. Вопрос заключался в том, будет ли производство и распределение хлеба контролироваться крестьянством (и в его интересах), которое сосредоточило в своих руках хлебные излишки (в эту категорию входила и значительная часть середняков, которых никак нельзя было назвать кулаками), или же представителями партии и правительства, которые являлись выразителями интересов города и промышленных предприятий, — только так можно было интерпретировать классовую борьбу в обычном понимании. Однако до тех пор, пока вопрос о том, кто будет контролировать судьбы развития сельского хозяйства и как, был неясен, проблемы технического перевооружения сельского хозяйства оставались нерешенными. Было бы наивным предполагать, что его можно было решить в отрыве от вопросов общественного и политического контроля. Именно с этой проблемой, помимо своей воли, столкнулись в конце концов советские лидеры весной 1929 г.

Теперь обнародование раскола в партии и нового курса в области сельского хозяйства и промышленности было уже просто вопросом времени. 21 января 1929 г., в день Пятой годовщины со дня смерти Ленина, произошел еще один скрытый обмен враждебными действиями. Накануне годовщины «Правда» опубликовала статью Бухарина «Ленин и задачи науки в социалистическом строительстве», в которой он вновь пытался свести проблемы сельского хозяйства к нейтральному вопросу технического прогресса: «*Мы победим благодаря научному управлению экономикой или не победим никогда*»[47]. За ней последовала статья Крупской «Ленин и строительство колхозов», в которой подчеркивалась необходимость проявлять осторожность и учитывать пси-

хологию крестьянства. Однако в том же номере была опубликована статья Савельева, убежденного партийца, недавно введенного в редколлегию газеты, носившая явно полемический характер. Да и сам Бухарин рвался в бой. На следующий день он выступил на торжественном собрании, посвященном Дню памяти Ленина с докладом, который явился облегченным вариантом его «Записок экономиста», опубликованных осенью предыдущего года. Он говорил о том, что пытался «не упустить ни одной важнейшей идеи Ленина и абсолютно ничего не добавить от себя». Однако выбор цитат из ленниских работ был весьма многозначителен. На ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК один из выступающих обвинил его в том, что он «сделал из Ленина апостола всеобщего мира» [48]. Теперь Бухарин везде открыто отстаивал свою точку зрения, ссылаясь на последние ленинские работы, в которых вождь подчеркивал, что «основной задачей партии» является упрочение союза между пролетариатом и крестьянством и что раскол между ними может оказаться «губительным для Советской Республики», добавляя при этом, что в своих последних статьях Ленин «не упоминает о кулаке». Бухарин говорил, что не верит в то, что дело идет к «третьей революции», и считал, что «теоретической основой, которая определяет нашу главную тактическую задачу», является сглаживание, а не разжигание классовой борьбы между рабочими и крестьянством. Он резко осуждал все «скоропалительные» формы экономического прогресса [49].

Когда стало известно о записи бесед Каменева с Бухариным и Сокольниковым, состоявшихся полгода назад, это произвело настоящую сенсацию. На последовавшем за этим совместном заседании Политбюро и Президиума Центральной контрольной комиссии (30 января 1929 г.) Бухарин, Рыков и Томский выступили с заявлением, которое впоследствии стало известно как «платформа», в котором они, помимо всего прочего, заявляли о том, что в ближайшем будущем совхозы и колхозы не смогут стать «основным источником» хлеба, что еще долгое время главным источником будут оставаться индивидуальные хозяйства крестьян [50]. После неудачных попыток достичь компромисса 9 февраля 1929 г. была принята резолюция, устанавливающая строгий контроль за поведением и действиями Бухарина, а также осуждающая Рыкова и Томского как его соучастников. Однако резолюция держалась в секрете, а повторная просьба Бухарина и Томского об отставке была вновь отклонена [51]. Имя Бухарина в открытых критических выступлениях пока не упоминалось. Но на Московской губернской партийной конференции в конце февраля 1929 г. выступивший с основным докладом Молотов вновь высмеял формулировку «мирного врастания кулака в социализм», а резолюция конференции призвала к «коллективизации сельского хозяйства... на основе НЭПа» и осудила правый уклон как «главную опасность» на современном этапе [52]. Ни у кого из присутствующих не было никаких

сомнений относительно того, против кого были направлены все эти высказывания.

В этот период шла подготовка к XVI партийной конференции, которая должна была состояться в конце апреля 1929 г., и к Пленуму ЦК, предшествующему конференции. Первоначально предполагалось, что Калинин подготовит и представит тезисы доклада на Пленуме и конференции по сельскому хозяйству, а Рыков — по Пятилетнему плану. Тезисы, подготовленные Калининым, были сразу одобрены Политбюро и опубликованы в «Правде» 2 апреля 1929 г. Они состояли из трех основных разделов. В первом давался обзор существующего положения вещей по вопросу о выборе между двумя путями развития и подчеркивалось, что для преодоления отсталости сельского хозяйства необходимо «создание крупного сельскохозяйственного производства», которое можно было обеспечить либо «путем развития крупных капиталистических кулацких хозяйств, либо путем развития крупных социалистических хозяйств». Вопрос заключался в том: «Кто будет управлять экономикой страны — кулак или социалистическое государство?» Однако ответ на этот вопрос не предполагал никаких резких или революционных изменений в расстановке сил. «Мелкое крестьянское хозяйство еще не исчерпало и не скоро исчерпает свои возможности», партия же будет добиваться увеличения производительности в сельском хозяйстве, «сочетая работу по выполнению своей основной и наиболее важной задачи — созданию крупного сельскохозяйственного производства — с оказанием ежедневной, повсеместной, организованной технической и экономической помощи индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам». Во втором разделе, ссылаясь на резолюцию XV съезда партии, где шла речь о «наступлении на кулака», Калинин осудил правый уклон как «прямое сползание на позиции кулака». В третьем разделе рассматривались практические меры (отнюдь не новые) содействия развитию крупного коллективного сельского хозяйства. В тезисах не было и намека на какие бы то ни было попытки применить насилие по отношению ко всему крестьянству. Выбор Калинина в качестве докладчика, по-видимому, был рассчитан на то, чтобы избежать каких-либо обвинений в том, что тезисы предполагали введение политики, направленной против всего крестьянства.

Совсем другая судьба ожидала проект тезисов Рыкова по Пятилетнему плану. В них ничего не говорилось о социалистических преобразованиях экономики и классовой борьбе и о наступлении на капиталистические элементы в деревне. Новым в них было то, что Рыков предложил в дополнение к Пятилетнему плану разработать специальный план, рассчитанный на два года, с целью решения проблем, связанных с сельским хозяйством, и выравнивания диспропорций между сельским хозяйством и другими отраслями экономики[53]. В них явно прослеживались взгляды Бухарина о необходимости замедления темпов индустриализации в

целях подтягивания сельского хозяйства. Где-то в начале апреля 1929 г. тезисы Рыкова были отклонены Политбюро, после чего они были переработаны, и новый вариант тезисов по Пятилетнему плану должен был быть представлен на конференции, в порядке компромисса, Рыковым, Кржижановским и Куйбышевым вместе. В основном в них шла речь о развитии промышленности и лишь мимоходом упоминалось о сложности «задачи реорганизации многомиллионной армии раздробленных крестьянских хозяйств на основе коллективного труда», но подробно этот вопрос не освещался. Основное внимание вопросам сельскохозяйственной политики было уделено в тезисах доклада Калинина.

Пленум ЦК, который предшествовал партийной конференции, продолжался с 16 по 23 апреля и явился местом жесточайшего столкновения между правой оппозицией и большинством, проходившего на глазах у большой, хотя все же и ограниченной партийной аудитории. Заседания Пленума были закрытыми, а из всех выступлений был опубликован лишь доклад Сталина. Как сообщали, Калинин объявил, что коллективизация является «обязательной» — «без нее мы не сможем в наших условиях получить количество зерна, необходимое для нашего социалистического развития». Бухарин, Томский, Рыков и Угланов выступали от имени оппозиции, Ворошилов, Косиор, Куйбышев, Микоян и Орджоникидзе — от имени большинства [54]. Томский назвал лозунг «смычка с крестьянством по металлу» «вредным изобретением», ибо на деле он означал введение чрезвычайных мер и хлебных карточек. Бухарин дал более трезвую оценку новой смычке, назвав это «чудовищной односторонностью», заявив, что «форма рыночной связи долгие годы будет являться решающей формой экономической связи». Он обвинил руководство в «вопиющей переоценке возможностей воздействовать на основную массу крестьянства, минуя рыночные отношения», и в том, что оно хотело перескочить через НЭП «в какую-то следующую фазу развития наших экономических отношений». Бухарин заявил о том, что все нападки на него «списаны из троцкистской платформы» [55]. Бухарин и Рыков считали, что лучше ввозить зерно из-за границы, чем прибегать к чрезвычайным мерам [56]. Сталин выступил в прениях гораздо позже и главным образом для того, чтобы ответить на критические высказывания Бухарина и Рыкова по вопросам сельскохозяйственной политики. Обращаясь к высказываниям Бухарина в 1925 г., он сказал, что его теория «врастания капитализма в социализм» ведет к затуханию классовой борьбы и противоречит «марксистской теории классовой борьбы» [57], что Бухарин выступает за «любой союз с крестьянством вообще» и не признает разделения крестьянства на враждебные друг другу классы [58]. Сталин далее подчеркнул, что обложение налогом крестьянства — это «ножницы» между сельскохозяйственными и промышленными ценами, которые он назвал вынужденной «перекачкой» или «данью», он заявил, что этот налог — необходимое условие индустриа-

лизации, и потребовал, чтобы Бухарин, Рыков и Томский ответили, поддерживают они эту политику или нет. Бухарин ответил, что «перекачка нужна», но имел неосторожность сказать, что «дань» (слово, которое Сталин употреблял в речи 9 июля 1928 г. и которое было включено в постановление Политбюро от 9 февраля 1929 г.) — «неудачное слово». Это вызвало смех и уничтожающий ответ со стороны Сталина, что Ленин еще в 1918 г. говорил о готовности рабочих заплатить «дань» за победу революции. Сталин сделал вывод о том, что для снабжения города, промышленности и Красной Армии, а также районов, производящих технические культуры (главным образом Средней Азии), требуется 500 млн. пудов хлеба, но сразу может быть заготовлено не более 300—350 млн. пудов, остальные же 150 млн. можно будет заготовить только путем «организованного нажима на кулака и зажиточные слои крестьянства». Рыков же и Бухарин, «по-видимому, в принципе выступают против всякого применения чрезвычайных мер по отношению к кулаку», что является «буржуазно-либеральной, а не марксистской политикой»[59]. Принятая Пленумом резолюция заявляла о том, что «...группа Бухарина вслед за Фрумкиным фактически делает ставку на расширение возможностей для кулацкого хозяйства», в ней говорилось «о забвении правыми руководящей роли пролетариата...» и о «неизбежности обострения классовой борьбы». Пленум также высказался в поддержку постановления Политбюро от 9 февраля 1929 г. и освободил Бухарина и Томского от занимаемых ими постов[60]. Сразу же после Пленума открылась XVI партийная конференция, которая проходила с 23 по 29 апреля 1929 г. Один из трех основных докладчиков по Пятилетнему плану, Рыков, отметил сокращение посевных площадей под зерновыми культурами, особенно под рожью и пшеницей, явившееся следствием неудачной осенней посевной кампании, сказал, что, вероятно, это приведет к сокращению предстоящего урожая, а затем вернулся к хлебозаготовкам прошлой зимы, которые оказались «хуже, чем в предыдущий год». Он отметил, что нехватка зерна повлекла за собой резкий разрыв между заготовительными и вольными ценами и широко распространенную «спекуляцию», что потребовало введения «так называемых заборных книжек, которые нельзя представить, конечно, как какое-то благо вообще. При сложившейся обстановке они являются меньшим из зол»[61]. Кржижановский признал, что не удалось полностью преодолеть за один или два года элемент «стихийности» в сельском хозяйстве, но при этом отметил «ряд прорывов старого фронта»[62]. Куйбышев приветствовал предстоящую классовую борьбу, которая «будет совершенно неизбежным и обязательным спутником этих социальных сдвигов в деревне»[63]. Ни Бухарин, ни Томский на конференции не выступали. Прения по сельскому хозяйству были отложены до обсуждения тезисов доклада Калинина по этому вопросу. Калинин отметил три тревожных фактора: растущую раздробленность крестьянских хозяйств (в стране насчитывалось уже около

25—27 млн. крестьянских дворов), снижение посевов зерновых культур по сравнению с посевами технических культур, а также снижение доли товарной продукции в общем объеме сельскохозяйственной продукции. Он считал, что проблема заключается в «колоссальной нерентабельности сельского хозяйства, непроизводительности мелкого крестьянского хозяйства», и эта отсталость была еще более заметной на фоне достижений в промышленности. Калинин нарисовал привычную картину — два различных пути создания крупного сельского хозяйства — капиталистический и социалистический, подчеркнув, что деревня является ареной «жестокой классовой борьбы», которая должна привести к *«систематическому ограничению кулачества и капиталистических элементов в деревне»* [64].

По решению Политбюро на конференции присутствовали четыре ведущих ученых в области сельского хозяйства. Двое из них (один — член партии, другой — беспартийный) выступали на конференции по вопросу о роли науки в сельском хозяйстве [65]. Хотя в докладе Калинина прозвучала известная формулировка о «переходе целых деревень и поселков к коллективным формам труда», реализация этих коренных изменений казалась весьма отдаленной перспективой, а пока конференция столкнулась с другой, более близкой проблемой, имеющей практическое значение, — пускать кулака в колхоз или нет, — но так и не смогла прийти к единому мнению по этому вопросу [66]. Тезисы Калинина были приняты единогласно, с одной небольшой поправкой, в том виде, в каком они были опубликованы месяцем раньше в «Правде» [67]. Конференция осудила правый уклон, но ни в одном опубликованном документе ни Бухарин, ни Рыков, ни Томский не были названы уклонистами. Раскол в Политбюро по-прежнему держался в тайне.

Вслед за XVI конференцией в мае 1929 г. состоялись XIV съезд Советов РСФСР и V съезд Советов СССР, которые одобрили линию партии и явились важным свидетельством умонастроений того времени. Основным докладчиком на обоих съездах был Рыков, являвшийся председателем Совнаркома СССР и РСФСР. В своем докладе на съезде Советов РСФСР он остановился на «трудностях снабжения» и необходимости введения заборных книжек для «богатых кулацких элементов», отказывающихся расстаться со своим зерном, когда государство так в нем нуждается. Он рассчитывал, что произойдет умеренный подъем сельского хозяйства в рамках предлагаемого Пятилетнего плана и к концу Пятилетки «у нас будет в сельском хозяйстве довольно большой социалистический оазис» [68]. Кубяк заявил, что «проблема дробления крестьянских хозяйств может, по существу, быть решена только путем коллективизации и никак иначе», отметив, что к концу пятилетки, к 1932/33 г., доля обобществленного сектора в общем объеме сельскохозяйственного производства возрастет с 2% в 1927 г. до 21,9% [69]. В резолюции по Пятилетнему плану, в разделе о сельском хозяйстве, отмечалось, что планом предусмат-

ривалось как «резкое усиление обобществленного сектора сельского хозяйства... на более высокой технической основе», так и «значительный подъем бедняцких и середняцких хозяйств при решительном ограничении эксплуатации со стороны кулацких слоев деревни». Важным было и то, в резолюции о местных Советах прозвучал призыв в защиту «социалистической законности»[70].

Состоявшийся сразу же вслед за этим V съезд Советов СССР в основном был посвящен обсуждению проекта Пятилетнего плана[71]. Рыков начал свой доклад съезду с весьма пессимистической ноты, подчеркнув, с одной стороны, нехватку продовольствия и введение хлебных карточек, а с другой — достижения в области промышленности. Однако он признал, что «современная сельскохозяйственная техника требует гораздо более крупных хозяйств, чем кулацкие», и дипломатично занял нейтральную позицию между теми, кто выступал против принятия жестких мер по отношению к кулаку, и теми, кто поддерживал их. Отвечая на вопросы во время прений, он признал, что получил несколько записок от делегатов съезда о «нехватке хлеба в ряде районов»[72]. Калинин, открывший прения по вопросу о сельском хозяйстве, дал теоретическое обоснование коллективизации в рамках Пятилетнего плана. Отмечая успехи некоторых товариществ по производству зерна на Украине, он с оптимизмом заявлял: «Мы знаем, что крестьяне иногда не доверяют коллективизации. Они полагают, что коллективизация означает, что у них отнимут всю землю и они не получат никакой выгоды. Инициатива украинских крестьян показывает, насколько глубоко идеи коллективизации проникли в сознание крестьян — крестьянин всячески пытается найти ее новые формы». Он выразил уверенность в том, что крестьянин со временем признáет обобществление не только земли, но и скота. Однако, когда он сказал, что «некоторые думают, что можно немного подождать, растянуть, скажем, на пять лет план коллективизации, рассчитанный на два года», легко было понять, что он говорит от своего собственного имени[73]. Принятая съездом резолюция отмечала, что «на протяжении продолжительного периода времени индивидуальные бедняцкие и середняцкие хозяйства будут оставаться основными поставщиками продуктов потребления и сырья», однако при этом подчеркивала, что только «крупное сельскохозяйственное производство» способно преодолеть отсталый сельский труд: «Социалистический путь развития — единственный путь освобождения бедняцких и середняцких хозяйств от нищеты и разрухи. В то же время он означает не только ограничение роста капиталистических элементов в деревне, но в конечном счете их полную ликвидацию крупным обобществленным хозяйством». В резолюции подчеркивалось, что подобные меры «ведут к неизбежному обострению классовой борьбы в стране», однако все «попытки затормозить или задержать развитие сельского хозяйства по социалистическому пути» должны решительно пресекаться, даже если они проявляются в форме «сомнений в рядах рабочего класса и крестьянства»[74].

Но несмотря на то, что вопрос был поставлен в резолюции со всей остротой, она не наметила никаких новых мер по подъему сельскохозяйственного производства и повышению товарности продукции. И пока еще никто не подозревал, к каким страшным последствиям приведут все разногласия по этому вопросу.

Официальные заявления партийной конференции и съездов Советов отражали и в какой-то мере усиливали растущую напряженность в деревне. На V съезде Советов шла речь о борьбе с кулачеством в Сибири, где в некоторых селах организовывали манифестации, собирали «школьников и отсталую бедноту», ходили по деревне, останавливались перед избами кулаков, а подчас и середняков, по команде кричали: «Здесь живет враг советской власти», прибивали на домах черные доски с такими же надписями и приказывали строго-настрого караулить эти доски[75]. Зажиточный крестьянин, на которого легла основная тяжесть чрезвычайных мер, встретил хлебозаготовительную кампанию 1929 г. с озлоблением и враждебностью, а также с сознанием того, что надо готовиться к худшему. Он выработал новые формы сопротивления властям и укрывательства хлеба[76]. Накопительство и укрывательство теперь уже сильно истощенных крестьянских запасов упорно продолжалось, и власти отвечали на это усилением антикулацкой пропаганды. Передовая статья в «Правде» от 31 марта 1929 г. описывала сложившуюся ситуацию в весьма язвительных тонах:

«В деревне имеются достаточно большие запасы хлеба для того, чтобы полностью покрыть потребности в хлебе потребляющих районов и обеспечить полное выполнение планов хлебозаготовок. Но в связи с заметно возросшим особым весом кулацких и зажиточных укрывателей хлеба мы наблюдаем усиление классового сопротивления со стороны кулака претворению в жизнь экономических планов пролетарского государства. *Обострение классовой борьбы на данном этапе — это отнюдь не теоретическое явление, оно проявляется прежде всего в экономическом и политическом сопротивлении кулацких элементов задачам и целям Советской власти*».

«Смешно было бы теперь надеяться, — заявил Сталин на состоявшемся в следующем месяце пленуме ЦК, — что можно взять хлеб у кулака добровольно»[77]. Несколько дней спустя, выступая на XVI партийной конференции, Сырцов открыто говорил о растущем влиянии кулака, о том, что борьба в Сибири приобрела «политический» характер, что кулаки уже требуют не просто повышения цен на сельскохозяйственную продукцию, а машин, политических прав и «устранения того порядка, при котором кулаки оказываются в политической изоляции в деревне». Он сказал, что сопротивление кулачества не сломлено, напротив, «оно всеми силами стремится к тому, чтобы закрепить экономическое влияние в деревне...», и далее: «... мы буквально чувствуем, прощупываем,

как происходит известное оформление, осознание кулачеством себя, как класса, выдвижение собственных классовых требований». Он также отметил, что такая ситуация исключает компромисс или пассивную терпимость. Он считал: «Не мешать производству кулацкому — это значит открывать широко двери возможности эксплуатации, допускать к созданию крупного капиталистического производства, укреплять те капиталистические тенденции, почва для которых в деревне еще благоприятна, ибо корни капитализма еще не выкорчеваны»[78].

Однако советское руководство постоянно недооценивало масштабы стоящей перед ним задачи, считая, что сопротивление кулачества сводится в основном к небольшой, определенной, изолированной группе. Выступая на Пленуме ЦК в апреле 1929 г., Сталин смело заявил: «...мы мобилизуем на этом деле бедняцко-середняцкие массы против кулачества, просвещаем их политически и организуем из них свою мощную многомиллионную политическую армию в деревне»[79]. Один из выступающих на XVI партийной конференции оптимистически отметил, что разница в хлебозаготовках 1928 и 1929 гг. заключалась в том, что в 1929 г. бедняцкая и середняцкая масса деревни поддерживала линию партии против кулачества[80]. В принятой конференцией резолюции высказывалось предположение, что позиция крестьянства в целом будет зависеть от политики по отношению к кулаку: «Сохранят ли крестьянские массы верность союзу с рабочим классом или они дадут буржуазии разъединить их с рабочими, — зависит от того, по какому пути пойдет развитие сельского хозяйства: по социалистическому или по капиталистическому, и, сообразно с этим, *кто будет руководить развитием хозяйства — кулак или социалистическое государство*»[81]. Поскольку рабочие требовали в первую очередь национализации промышленных предприятий и экспроприации частных собственников, то можно было предположить, что и крестьяне, за исключением незначительного, коррумпированного богатством меньшинства, будут стремиться к тому же. Заведующий сельскохозяйственным отделом Госплана признавал, что до недавнего времени «любой середняк с завистью смотрел на кулацкое хозяйство с двумя парами волов, хорошим плугом, молотилкой на конной тяге и с одним или двумя батраками, считая, что это вообще идеал хозяйства», но был уверен в том, что скоро идеалом хозяйства для середняка станут совхозы и колхозы[82].

Однако фактов, подтверждающих эту оптимистическую точку зрения, не так уж много. Согласно другой, более трезвой оценке, в деревне существовало широкое движение сопротивления крестьян новой политике:

«Масса крестьянства с преимущественно единоличным хозяйством, которая лишь постепенно втягивается на путь социалистических преобразований, является той средой, где наиболее легко возникают колебания подобного рода по отношению к социалистическому строительству»[83].

Однако в который раз поддержку, оказываемую бедняками и батраками кулачеству, пытались объяснить неправильным применением «административных мер» и слабостью партийной работы среди бедняцких слоев крестьянства [84]. Тем не менее объективно приходилось признать определенное влияние кулака на крестьянские массы. Как отмечал журнал «На аграрном фронте», бедняки хотели только одного — разбогатеть и «слухать тых людей, котори умиють жить» [85]. Влияние кулака на бедняка объяснялось не просто одним запугиванием, имели место случаи, когда кулаки помогали беднякам бесплатно обмолачивать зерно [86]. Кулаки выдвинули лозунг «Колхозы без коммунистов», звучащий как зловещее напоминание о старом лозунге времен НЭПа — «Советы без коммунистов» [87], а также, стремясь настроить крестьян против Советской власти, пытались разжечь антисемитские настроения [88]. Появление «кулаков» и «подкулачников», «танцующих под кулацкую дудку» и являвшихся орудием в руках кулака по осуществлению актов саботажа [89], свидетельствует о том, что зажиточному крестьянству удалось найти поддержку среди беднейших слоев крестьянства в борьбе против политики властей. Партийные и государственные органы почти не оказывали беднякам никакой помощи, а (как отмечалось на V съезде Советов) «кулак и подкулачник играют на самых чувствительных струнах» [90]. Наряду с растущей враждебностью крестьян по отношению к партии и властям, усиливалась и их неприязнь к рабочим. Как отмечалось в статье, опубликованной в журнале Наркомфина «Вестник финансов» осенью 1927 г., крестьян эксплуатируют «для того, чтобы повысить жизненный уровень населения в городах» [91]. Кулаки часто говорили, что «рабочие при Советской власти жиреют, а крестьяне худеют» и что «рабочим и служащим хорошо живется за счет крестьян». Рассказывают о том, что в Пензенской губернии одна учительница, дочь священника, настраивала крестьян против Советской власти, говорила о том, что «крестьянство стало колонией рабочего класса» [92]. Знакомой темой для тех, кто проповедовал постепенность и осторожность в подходе к крестьянству, была ссылка на его традиционный консерватизм. «Патриархально-натуральный уклад жизни, — писал Базаров в 1928 г., — это крепость, о стены которой разбиваются волны культурных перемен и в нишах которой крестьяне, подобно улитке в раковине, почти недосягаемы для воздействия со стороны окружающей среды и, уж конечно, вне досягаемости государственной плановой политики» [93]. Партия и правительство, ставившие на первое место интересы города и не проявлявшие должного внимания к заботам крестьян, серьезно недооценивали степень солидарности всех слоев крестьянства.

В атмосфере растущей напряженности виды на новый урожай вызывали серьезную озабоченность. Отмечалось, что, как и в предыдущем году, кулаки «продолжают вести активную агитацию за сокращение посевных площадей» [94]. В 1929 г. впервые каждый

сельсовет получил план посевной (это называлось «спустить план») [95]. В январе — марте состоялись областные, окружные, районные «урожайные конференции и производственные сельские совещания, которые носили в основном агитационно-пропагандистский характер и в решениях которых было «очень мало конкретно-делового содержания» [96]. Во время весенних заморозков погибло, в общей сложности, около 1300 тыс. га озимых посевов, главным образом пшеницы. Больше всего пострадали Башкирия, Среднее Поволжье, ЦЧО и Северо-Кавказский край. В 1928 г. осенняя вспашка под посевы яровых была проведена в меньшем объеме, чем в 1927 г. Но несмотря на все эти трудности, согласно официальным данным, посевные площади в 1929 г. увеличились на 6% (против 7, предусмотренных по плану в ноябре 1928 г.) [97]. По сообщению Микояна, объем посевных площадей в единоличных хозяйствах увеличился на 2,9%, однако его хвастливое заявление о том, что сокращение посевных площадей в кулацких хозяйствах с лихвой компенсировалось расширением посевных площадей в бедняцких хозяйствах, звучало так же неправдоподобно, как и за явление Калинина год назад [98]. Еще более авантюристически звучал призыв поднять урожайность на 3%, поскольку отсутствие необходимого количества сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений вызывали «серьезные сомнения» в его выполнимости [99]. И каким бы высоким урожай ни был, печальный опыт хлебозаготовок двух предыдущих зим свидетельствовал о том, что перспективы предстоящей заготовительной кампании являются почти безнадежными. Почти никто не отрицал необходимости введения крайне жестких мер. Выступая на XVI партийной конференции, Сталин заявил, что нужно прежде всего «ликвидировать психологию самотека» [100]. Это свидетельствовало о том, что применявшиеся в течение двух предыдущих лет чрезвычайные меры, хотя и не будут пропагандироваться так широко, как раньше, но останутся такими же жесткими.

Что широко пропагандировалось в то время, так это отправка «отрядов рабочих» из города в деревню для оказания помощи беднейшему крестьянству. Продолжали работать созданные еще в 1923—1924 гг. [101] всякие «шефские» организации, а также «Общество работников культуры по смычке города и деревни» в Ленинграде, время от времени с фабрик и заводов отправлялись группы рабочих в деревню либо для выполнения каких-то конкретных работ, либо для того, чтобы содействовать распространению влияния партии и рабочего класса среди крестьянских масс в наиболее отсталых и отдаленных уголках страны [102]. Однако, как отмечалось в «Известиях», органе ЦК партии, это движение за последние два года несколько заглохло, и поэтому автор статьи призывал к сбору средств путем добровольных отчислений от заработной платы и работы на коммунистических субботниках, чтобы содействовать его возрождению [103]. Зимой 1928/29 г. развернулась новая кампания в связи с выборами в местные сельсоветы [104]. «Сотни

рабочих отрядов, тысячи пролетариев, — писала «Правда» 1 января 1929 г., — выехали в деревню». Позднее сообщалось, что они оказывали помощь в уборке урожая, бесплатной вспашке земли в бедняцких хозяйствах и ремонте сельскохозяйственных машин при помощи передвижных мастерских [105]. 21 января 1929 г., в пятую годовщину со дня смерти Ленина, грузовики, везущие зерно на заготовительные пункты, были украшены лозунгами и транспарантами [106]. В прессе постоянно появлялись сообщения об отправке из больших городов, с фабрик и заводов рабочих отрядов в деревню для оказания помощи в ходе хлебозаготовок [107]. XVI партийная конференция в своей резолюции одобрила «...инициативу рабочих в деле посылки рабочих бригад в деревню, оказывающих помощь бедняцкому и середняцкому хозяйству, содействующих коллективизации сельского хозяйства и укрепляющих бедняцко-середняцкий союз в его борьбе против кулачества» [108].

27 мая 1929 г. Центральный Комитет партии призвал к усилению профсоюзной работы в деревне, подчеркнув при этом необходимость «... активизации классовой политики пролетариата в деле социалистического переустройства сельского хозяйства и оказания отпора попыткам контр-наступления со стороны кулацких элементов» [109]. Сталин впоследствии заявил, что «...из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения рабочие-пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс» [110]. Были предприняты попытки организовать социалистическое соревнование между крестьянством Среднего и Нижнего Поволжья и менее успешные попытки — между крестьянством Сибири и Северного Кавказа, а также между отдельными хозяйствами [111]. Однако, насколько эффектины были эти меры, сказать трудно.

Более чем полгода спустя (в январе 1930 г.), на заре новой политики, Сталин говорил о том, что именно летом 1929 г. «...наступила у нас полоса сплошной коллективизации... наступил *перелом в сторону политики ликвидации кулачества, как класса*» [112]. Верно то, что начавшаяся еще зимой 1927/28 г. кампания против кулачества была провозглашена в соответствии с партийной доктриной, в которой она получила свое обоснование, и то, что партийные лидеры все более и более открыто выступали против кулачества, восхваляя преимущества коллективизации. Верно и то, что летом 1929 г. сложилась политическая ситуация, способствующая активизации кампании в защиту коллективизации. Если в 1925—1927 гг. угроза партийной линии исходила слева, от сторонников форсирования индустриализации, что заставляло партию требовать ослабления нажима на крестьянство, то в 1928—1929 гг. вызов единству партии был брошен справа защитниками зажиточного индивидуального крестьянского хозяйства, в ответ на что партийное руководство с удвоенной энергией стало пропагандировать преимущества коллективного сельского хозяйства. Прав-

да, при этом возникло небольшое замешательство в связи с необходимостью провести различие между теперешней линией партии и некогда так резко осужденной платформой троцкистов и сторонников «сверхиндустриализации» [113]. Но троцкистская оппозиция отошла в прошлое, а происшедший в политике партии сдвиг влево способствовал окончательному разгрому ее остатков. И летом 1929 г. советское руководство твердо вступило на путь коллективизации. Развитие сельского хозяйства на базе технической реконструкции и социалистической реорганизации представляло собой одну из неясных перспектив Пятилетнего плана. «Крупное сельскохозяйственное производство, создаваемое на новой технической основе, — отмечалось в одной статье, — гигантские новые задачи, встающие перед нами в связи с ростом производительности в сельском хозяйстве, требуют внимательного изучения. Эта область действительности — практически нетронутая территория. Необычайный полет научной технической мысли, направленный на рационализацию процесса промышленного производства, дал в последние годы потрясающие результаты... Рационализация труда в сельском хозяйстве, рационализация всего сельскохозяйственного производства должны явиться боевым лозунгом предстоящей пятилетки» [114]. Однако это был проект, рассчитанный на перспективу, осторожная попытка вторгнуться в неизведанную область. И несмотря на то, что кампании в поддержку строительства колхозов и наступления на кулачество приобретали все больший размах, никто не думал о том, что сплошная коллективизация и ликвидация кулачества начнутся незамедлительно. Внезапное решение, принятое в конце 1929 г., было поспешным и непродуманным.

Мнение о том, что нельзя применять насилие по отношению к крестьянству, укоренилось в партийной доктрине еще со времен Маркса и Энгельса, которые писали об этом в своей работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» [115]. Никогда с момента введения НЭПа насилие по отношению к крестьянству не рассматривалось как целесообразная мера даже теми, кто принадлежал к левому крылу партии. В 1923 г., накануне XII съезда партии, Троцкий писал, что «вся мудрость нашей партии должна быть направлена на то, чтобы вопрос — сколько взять у крестьянства? — стал не вопросом классовой борьбы, а вопросом соглашения, компромисса» [116], а в 1925 г. он писал о «постепенном переходе к коллективному сельскому хозяйству», что станет возможным, как только будет создана необходимая «техническая база» [117]. Преображенский сделал глубокий анализ этой проблемы в рамках НЭПа, основываясь на рыночной экономике. Позднее он сам говорил о том, что «...совершилось как будто чудо революционно быстрого превращения миллионов мелкокрестьянских хозяйств в коллективные формы», что это была «вещь, которую никто из нас не предвидел...» [118]. «Пролетариат никогда не считал и не может считать своей целью, — писал Крицман в середине 20-х годов, — насильственное принуждение середняка к ведению коллективного

хозяйства»[119]. Резолюция XV съезда партии, провозгласившая наступление на кулачество и подчеркнувшая преимущества крупного сельскохозяйственного производства, категорически указала на то, что «...этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян...»[120]. Следуя официальной линии партии, в своем выступлении на VIII съезде комсомола Бухарин заявил, что коллективизация не означает «какой-то внезапный скачок»[121].

Эта точка зрения превалировала и при обсуждении вопроса о коллективизации летом 1928 г. в связи с составлением Пятилетнего плана и в связи с необходимостью ускорить развитие совхозов и колхозов. «Значит ли это, — спрашивал Сталин в июне 1928 г., — что мы переносим центр тяжести уже теперь на совхозы и колхозы? Нет, не значит. Центр тяжести остается на данной стадии в области дальнейшего поднятия мелкого и среднего крестьянского хозяйства»[122]. Выступая на I Всесоюзном съезде колхозов в июне 1928 г., Калинин повторил свою прежнюю мысль о том, что надо действовать методом убеждения, а не принуждения: «Нельзя административными мерами заставить Петрова посеять коноплю вместо овса. Это можно сделать тем или другим экономическим мероприятием, иначе говоря, определенной льготой в этом вопросе. Нам, например, в высшей степени нужен лен. Льготами правительство стремится к развитию льноводства. Это не есть механическое принуждение, это есть экономическое заинтересовывание, это есть государственное поощрение»[123].

Составленный в этот период план Наркомзема предусматривал, что в течение пяти лет коллективизацией будет охвачено 1200 тыс. крестьянских хозяйств, что доля социалистического сектора в общем объеме сельскохозяйственного производства возрастет с 2,5 до 10%, а производство товарного зерна — с 7 до 21%[124]. В передовой статье «Правды» от 2 ноября 1928 г. выражалась озабоченность в связи с «неуклюжими попытками решить сложный вопрос вытеснения капиталистических элементов деревни при помощи административных мер», и осуждались опасные «тенденции прямого раскулачивания»[125]. Маркевич, энтузиаст движения по развитию машинно-тракторных станций, подчеркивал вновь и вновь, что связь между МТС и индивидуальными крестьянскими хозяйствами должна быть основана «исключительно на добровольных началах»[126].

Осторожность в подходе к вопросам коллективизации ощущалась и в Пятилетнем плане развития, в разделе, касающемся коллективизации: «...мы все еще нащупываем пути в этом направлении, техническая, конструктивная идея коллективной экономики все еще неясна». В нем подчеркивалась необходимость использовать «*производственный подъем, рост интересов и усилий многомиллионной массы беднейшего и среднего крестьянства*». Принятый в апреле 1929 г. окончательный вариант плана предусматривал расширение посевных площадей социалистического сектора

сельского хозяйства (совхозов и колхозов) с 2,3 млн. га в 1927/28 г. до 27 млн. в 1933 г. (в том числе совхозов — до 5 млн. га и колхозов — до 22 млн. га). Это означало, что социалистический сектор будет производить всего лишь 16% общего объема зерна и — согласно оптимальному плану — 43% товарного зерна и что в колхозы вступят где-то 5—6 млн. крестьянских хозяйств, насчитывающих около 17—20 млн. человек, то есть в сельском хозяйстве будут по-прежнему преобладать индивидуальные крестьянские хозяйства [127]. «Было бы равносильно самообману утверждать, — заявляли составители Пятилетнего плана, — что социалистический сектор при тех масштабах, которых он достигнет к концу пятилетнего периода, позволит пренебречь товарной продукцией, которую выбрасывают на рынок группы середняков» [128]. Один из наиболее активных пропагандистов плановой экономики, Струмилин, считал, что кулаки, середняки и бедняки будут попрежнему существовать в течение всего первого периода Пятилетнего плана [129]. «Не террор и не раскулачивание, — писала «Правда» в передовой статье в июне 1929 г., — а социалистическое наступление на путях НЭПа» [130]. Сроки проведения коллективизации, даже по оценкам самых активных ее сторонников, были весьма умеренными. «Это вопрос не ста лет, — заявил Бауман, — а одного-двух десятилетий — вот тот ритм, к которому мы должны стремиться». Он сказал, что в течение пятилетнего периода в Московской губернии будет охвачено коллективизацией 25% всех крестьянских хозяйств, а для всеобщей коллективизации потребуется 20 лет [131]. Шлихтер надеялся, что к концу Пятилетки в коллективизацию будет вовлечено 30% крестьянских хозяйств на Украине и 25% всех посевных площадей и что «...к концу следующей пятилетки, т. е. через десять лет, мы будем иметь, если не везде, то на Украине, сельское хозяйство, коллективизированное на все 100%» [132]. Все эти планы строились на наивном предположении, что не будет возникать никаких проблем с хлебозаготовками и снабжением городов и промышленных предприятий.

Основным фактором, который опрокинул и свел на нет все расчеты о плавном, постепенном переходе к коллективному хозяйству, стал очередной хлебозаготовительный кризис, переросший уже в хроническую, неразрешимую проблему, а движущей силой коллективизации — знакомый со времен НЭПа аргумент острейшей нехватки хлеба для снабжения города и промышленных предприятий. В статье, опубликованной в «Правде» в июне 1929 г., Микоян с горечью признал, что результаты хлебозаготовок являются весьма неудовлетворительными [133]. К концу сельскохозяйственного года, 30 июня 1929 г., положение, висевшее на волоске, удалось кое-как спасти и чудом предотвратить катастрофу. Однако масштабы кризиса нельзя было больше недооценивать. В то время как наблюдался быстрый рост населения и его высокая

концентрация в городах и на предприятиях, производство зерна продолжало сокращаться. Еще более серьезной проблемой являлся вопрос о том, как обеспечить сдачу крестьянством хлеба заготовительным органам. Все известные до сих пор средства для стимулирования хлебозаготовок, применявшиеся в последние полтора года, уже изжили себя, и от них больше нечего было ждать. Партийное руководство в деревне было в полной растерянности. Хлеб ускользал из рук официальных заготовителей и продавался на частном рынке по ценам в два-три раза выше государственных. Дальнейший бесконтрольный рост продовольственных цен на частном рынке ставил под угрозу всю структуру заработной платы и все планы расширения индустриализации. Никогда еще со времени зимы, предшествующей введению НЭПа, перспектива не казалась такой мрачной. Ситуация была настолько бесконтрольной, что у многих появилось ощущение в том, что спасти ее можно только при помощи самых крайних мер.

Настроение безысходности пытались заглушить при помощи революционного пафоса, звучавшего тем громче, чем труднее складывалась ситуация. Грандиозные прогнозы Пятилетнего плана должны были создать уверенность в том, что в этот чрезвычайно трудный период требуется еще одно, самое последнее усилие — и положение будет спасено. Очутившись в такой критической ситуации, партийное руководство с готовностью подхватило растущую уверенность в том, что коллективизация открывает блестящие перспективы и способствует укреплению плановой экономики. В надежде на то, что строительство совхозов и колхозов будет способствовать повышению урожайности и увеличению производства товарной продукции, руководство старалось всемерно содействовать быстрому развитию механизации и тракторизации. Ленинское изречение о том, что 100 тыс. тракторов смогут убедить крестьянина в преимуществах коммунизма, стало девизом кампании тракторизации. И хотя летом 1929 г. производство тракторов еще не достигло уровня, о котором говорил Ленин (и который сам по себе был недостаточно высок), создание машинно-тракторных станций и строительство тракторных заводов позволяли надеяться, что дело сдвинулось с мертвой точки. Механизация, коллективизация, а также повышение урожайности и увеличение производства товарной продукции были тесно взаимосвязанными факторами, определяющим дальнейшую судьбу советского сельского хозяйства. Контрактация же являлась тем механизмом, при помощи которого продукция крупного механизированного сельского хозяйства должна была поступать на рынок. А землеустройство было тем инструментом, при помощи которого производилось перераспределение земли, а также доводились до крестьянства новые методы обработки земли и более прогрессивная система севооборота. И наконец, кооперативы обеспечивали организованное снабжение крестьян семенами, сельскохозяйственными орудиями и машинами в кредит, а также совместную реализацию их продук-

ции. Таким образом, при помощи всех этих механизмов в отсталую русскую деревню проникали принципы крупного, современного, высокоэффективного, коллективного производства. Наступало время для решающего броска вперед.

Это смешение страхов, надежд и революционной веры стало доминирующей чертой советской политики летом 1929 г. И если индустриализация являлась условием, от которого зависел успех коллективизации, то и коллективизация в свою очередь способствовала дальнейшему развитию индустриализации. Однако постепенно росла убежденность в том, что в конечном счете ничто, кроме коллективизации, с помощью которой производство и распределение сельскохозяйственной продукции будет поставлено под централизованный контроль, не сможет обеспечить снабжение городов и заводов, пока промышленность набирает силу и увеличивает свои производственные мощности. Катастрофу в течение двух предыдущих лет едва-едва удалось предотвратить. Действовать постепенными методами дальше нельзя. Можно и нужно переходить к решительному наступлению. Именно в этой атмосфере, в состоянии безысходности, смешанной с оптимизмом, в последние недели 1929 г. внезапно и почти без обсуждения было принято роковое решение — приступить к насильственной сплошной коллективизации крестьянства и ликвидации кулачества, как класса.

Б. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ГЛАВА 12

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

а) Промышленность в 1926 г.

К началу хозяйственного 1925/26 г. промышленное производство составило 90% от уровня 1913 г. Цензовая или крупная промышленность, состоящая в основном из государственных заводов, во время войны и революции пострадала больше, чем мелкая промышленность, куда входили мастерские и семейные надомные промыслы[1]. Однако цензовая промышленность была восстановлена более быстро, чем мелкая, и в 1925—1926 гг. сравнительный удельный вес каждой из двух категорий в общем промышленном производстве был приблизительно на уровне 1913-го[2].

Внутри самой цензовой промышленности довоенные пропорции между отраслями промышленности группы «А», занятыми производством средств производства, и отраслями промышленности группы «Б», занятыми производством предметов широкого потребления или товаров широкого потребления[3], также были восстановлены к середине 20-х годов.

Официальные статистические данные показывают, что доля отраслей промышленности группы «А» в 1926 г. составляла 44% всего промышленного производства против 41% в 1913 г.[4]

И хотя в целом к 1926 г. промышленность почти достигла довоенного уровня, некоторые из отраслей все еще страдали от последствий первой мировой и гражданской войны. Наиболее важными из них были металлургическая и сталелитейная, которым не удалось достичь довоенного уровня производства, несмотря на внушительные усилия, предпринятые в 1924—1926 гг.[5] В 1925/26 г. производство чугуна составляло только 2,2 млн. против 4,2 млн. т в 1913 г., а проката — только 2,2 против 3,5 млн. т[6].

Как следствие, в середине 20-х годов наблюдалась острая нехватка металла: Дзержинский, председатель ВСНХ, отмечал на Московской партийной конференции в декабре 1925 г., что Югосталь, Украинский металлургический и сталелитейный трест, умудрился авансом продать к осени 1925 г. металла больше, чем он мог произвести в 1925—1926 гг.[7]

Способ производства средств производства значительно изменился. Железнодорожный транспорт и вооруженные силы теперь потребляли значительно меньше продукции этой отрасли промышленности, чем до войны. Затраты на капитальные вложения в

железные дороги были сравнительно скромнее[8], и, хотя нет точных статистических данных, ясно, что производство вооружений резко сократилось[9].

С другой стороны, к 1925—1926 гг. машиностроение вышло на уровень 1913 г.[10]

В результате этих перемен машиностроение стало потреблять железа и стали пропорционально больше, чем до войны, производство которых сократилось, а строительство железных дорог и производство вооружений — меньше[11].

В период реконструкции в машиностроительной промышленности были освоены или получили дальнейшее развитие новые важные виды производства[12]. И хотя по многим видам продукции машиностроения Россия все еще почти целиком зависела от ввоза из-за рубежа, начало наступления на области производства, прежде покрываемые импортом из Западной Европы и Америки, было положено в 1924 и 1925 гг.[13]

Другие отличия от довоенной структуры были обусловлены социальными изменениями, вызванными революцией. Уничтожение богатеев привело к сокращению потребности в предметах роскоши — драгоценных камнях, дорогих мехах и парфюмерии. Важные изменения произошли также и на потребительском рынке. Реальные денежные доходы крестьян были меньше дореволюционных, а рабочие были обеспечены несколько лучше. В результате ощущалась меньшая потребность в производителях товаров для крестьян, чем до войны, и существовала острая нехватка производителей, обеспечивающих городского потребителя. Последствия этих социальных изменений были довольно сложными. Например, спрос на высококачественный фарфор, покупаемый зажиточными горожанами, и на глиняную посуду, продаваемую в основном в деревнях, упал, а спрос на обычную фаянсовую посуду возрос. Спрос крестьян на набивной ситец и дешевые хлопчатобумажные ткани упал, тогда как спрос на дорогостоящие хлопчатобумажные ткани в городах увеличился. Промышленность не смогла приспособиться к этим переменам в структуре потребления: предложение определенных видов товаров превышало спрос, в то время как ощущалась нехватка в других; сельский потребитель, как бы примитивны ни были его запросы, страдал больше всех[14].

В период реконструкции были предприняты попытки модернизировать существующие шахты и заводы. Работа в угольных забоях была частично механизирована. Начиная с 1924 г. на смену примитивным стали приходить более современные методы бурения нефтяных скважин[15]. Однако, несмотря на эти достижения, Соединенные Штаты и Западная Европа по сравнению с 1913 г. еще дальше ушли вперед как по объему, так и в технологии промышленного производства.

По мере ввода в строй довоенных мощностей проблема перехода от восстановления промышленности к ее реконструкции ста-

ла первоочередной. Сталин заявил на XIV съезде партии в декабре 1925 г.:

«Основное в промышленности состоит в том, что она уже подошла к пределу довоенных норм, что дальнейшие шаги в промышленности означают развертывание ее на новой технической базе, с использованием нового оборудования и разворотом нового строительства заводов» [16].

Сталинская оценка была не совсем правильной. Согласно скрупулезным оценкам, по состоянию на 1 октября 1925 г. не использовалось 13,5% основного капитала союзных и республиканских трестов на Украине и в РСФСР; год спустя эта цифра все еще достигала 9,5% [17]. Более того, в этот период в большинстве отраслей промышленности почти не уделялось внимания возможности более интенсивного использования существующих мощностей путем увеличения количества рабочих смен. В ряде ключевых отраслей промышленности первоочередной проблемой являлась нехватка материалов, а не свободных производственных мощностей [18]. В большинстве основных отраслей, производящих предметы широкого потребления, уровень производства определяли поставки сельскохозяйственного сырья: шерстяная и шелковая промышленность медленнее восстанавливали свое производство, поскольку шерсти и шелка не хватало; льняная промышленность развивалась быстрыми темпами, так как производство льна было быстро восстановлено, а его экспорт сократился; колебания в производстве сахара отражали урожайность сахарной свеклы. Другие отрасли, производящие предметы потребления, жестоко страдали от недопоставок материалов промышленностью, особенно от нехватки металла. Даже крупные машиностроительные заводы страдали не от нехватки производственных мощностей, а от нехватки металла, что сдерживало расширение производства; какое-то время нехватку металла можно было компенсировать реставрацией и улучшением существующих мощностей без вложений в «новое оборудование» и без «нового строительства заводов», о которых говорил Сталин.

Но в таких отраслях промышленности, как нефтяная и каменноугольная, капиталовложения в новое оборудование в период восстановления достигли значительного уровня, и к 1926 г. многие отрасли промышленности достигли предела своих мощностей. Стало ясно, что в ближайшие два-три года на первый план выдвинется проблема обеспечения новыми производственными мощностями. Более того, к 1926 г. хозяйственные и политические руководители уже проводили политику преобразования СССР в независимую современную промышленную державу; новые отрасли и заводы, развитие которых было запланировано, требовали значительных первоначальных затрат без немедленной отдачи; эти капитальные вложения были тем более обременительны, что они направлялись на развитие новых видов производства, в которых опыт и знания русских и советских специалистов были ограни-

ченны. Определенных успехов, однако, удалось достичь. В 1925—1926 гг. капитальные вложения в цензовую промышленность равнялись и превышали средние годовые вложения последнего довоенного десятилетия[19]. Это было достигнуто без вливания иностранного капитала, практиковавшегося до войны, и явилось первым результатом контроля, который государство уже осуществляло над крестьянством и экономикой в целом.

Однако даже оптимисты не верили, что капитальные вложения таких размеров обеспечат темпы подъема промышленного производства более чем на 10% в год[20], то есть несколько больше, чем в период бума предвоенных лет. В 1926 г. эти умеренные темпы прогресса были с большой неохотой восприняты политическими руководителями, а вскоре их и вовсе сочли полностью неприемлемыми. Более того, в 1925—1926 г. лишь около одной седьмой части капиталовложений в промышленность тратилось на строительство новых заводов[21], и, даже если бы эта сумма была направлена на финансирование новых крупных проектов, ее хватило бы только на строительство, скажем, одного современного металлургического и сталелитейного комбината производительностью один миллион тонн. На самом же деле деньги почти полностью были истрачены на строительство мелких заводов, которые могли быть возведены в короткие сроки. Без лишних слов Сталин признал существующие трудности на XIV съезде партии в декабре 1925 г.: «Это дело очень трудное. Перешагнуть через этот порог, перейти от политики максимального использования всего того, что было у нас в промышленности, к политике построения новой промышленности, на новой технической базе, на базе нового строительства заводов, переход через этот порог требует больших капиталов»[22]. Сложность экономических проблем в 1926 г. и последующие годы заключалась в том, что в условиях аграрного окружения нужно было достичь значительно более высокого уровня вложений в промышленность и направить их на строительство новых заводов.

б) «Непрерывный и устойчивый рост 1926—1927 г.»

Политика индустриализации, подчеркивающая важность производства средств производства, была санкционирована XIV съездом партии в декабре 1925 г. и одобрена на Пленуме Центрального Комитета в апреле 1926 г.[23]. На первомайской демонстрации 1926 г. можно было увидеть массу лозунгов, славящих индустриализацию[24]. Однако поддержка индустриализации уравновешивалась не менее настойчивыми требованиями сохранять неприкосновенной смычку с деревней и необходимое равновесие[25]. Дзержинский, возглавлявший ВСНХ с февраля 1924 г. после смерти Ленина вплоть до своей собственной смерти в июле 1926 г., чистосердечно выразил преобладающую точку зрения. В январе 1926 г. Дзержинский подписал директиву, в которой горячо одобрялись

решения XIV съезда партии об индустриализации [26]. Тем не менее на Пленуме Центрального Комитета в апреле 1926 г. он обвинил Каменева и Троцкого в стремлении заменить политику «лицом к деревне» программой (говоря его словами) псевдоиндустриализации «с кулаками на деревню». Он настаивал на том, что союз рабочего и крестьянина — не пустая формула, а основа Советской власти; поэтому государственный сектор должен был сам изыскивать внутренние ресурсы для финансирования индустриализации [27].

В речи на съезде представителей отделов труда трестов в начале июля 1926 г. Дзержинский резко поставил вопрос: *«За чей счет должна проводиться наша индустриализация?»* И сам же подтвердил, что «даже существующие взаимоотношения слишком обременительны для крестьянства»: «Мы должны ясно и четко заявить, что все задачи, стоящие перед рабочим классом и Советской властью, могут быть решены лишь трудом, организацией труда, с использованием в нашей стране, при нашем правительстве высокого уровня развития техники, достигнутого в капиталистических странах...

Это — источник наших накоплений» [28].

К весне 1926 г. промышленность и планирование уже достигли определенных успехов, и все ожидали значительного прогресса в 1926—1927 г. На сессии Госплана в марте 1926 г. Громан оценил 1925—1926 г., несмотря на первоначальные трудности, как трамплин к новой фазе советского экономического развития, когда улучшение использования существующих мощностей будет сочетаться с начальными шагами восстановления экономики [29]. Приказ ВСНХ от 29 апреля 1926 г., устанавливающий порядок составления промышленного плана на 1926/27 г., подчеркивал, что 1925/26 г. должен стать последним годом периода максимального использования существующих мощностей; 1926/27 г. должен был явиться «решающим годом», когда «программа капитальных затрат должна стать основой промышленного плана» [30].

Однако из-за все еще распространенного скептицизма и консерватизма по отношению к контрольным цифрам и всему процессу годового планирования Госплан не намеревался больше давать повода для обвинений в безответственности и преувеличениях. Смилга, заместитель председателя Госплана, представляя предварительные директивы Госплана по контрольным цифрам на открывшемся 19 мая 1926 г. Совещании Госплана СССР с представителями районов, умудрился совместить уверенность в необходимости индустриализации с величайшей осмотрительностью. Его твердая декларация принципов гласила:

«Мы должны ориентироваться на собственные ресурсы; мы должны вести себя как страна, которая не хочет превратиться в колонию, мы должны *форсировать индустриализацию* экономики. Поскольку мы отстали от Европы и начали переоснащение про-

мышленности позже, мы должны твердо заявить, что путь *ускоренного развития промышленности является кратчайшим и единственным путем повышения общественного благосостояния».*

В своих практических предложениях, однако, Смилга был менее смел. Его предложения по ключевому вопросу о размерах капиталовложений в промышленость на 1926/27 г. ограничивались консервативной цифрой в 800 млн. руб., что было значительно меньше суммы, указанной в циркулировавших в то время в Госплане и ВСНХ предложениях, и лишь несколько превышало ожидаемые капиталовложения в текущем 1925/26 г.[31] Он подчеркнул, однако, что приоритет следует отдать капиталовложениям в отрасли, производящие средства производства. Он предложил также умеренные темпы роста промышленного производства: 15% в цензовой промышленности и меньше — в мелкой промышленности[32]. Предварительные директивы Госплана, основывающиеся на этих цифрах, были приняты к сведению, хотя и не одобрены формально, на совместном заседании Совнаркома и СТО 28 июня 1926 г.[33]

Эта осторожность Госплана была с готовностью поддержана Наркомфином, который, вернее сказать, проявил менее ожесточенный антагонизм[34]. Гринько, работавший в то время в Госплане Украины, также в принципе поддержал подход Смилги и заявил, что «советское общественное мнение следует подготовить к тому, что наше развитие будет идти более медленно». Тем не менее представителя Украины нельзя упрекнуть задним числом в том, что он недооценивал значение тяжелой промышленности; предложения Гринько — увеличение промышленного производства на 15—20%, а капитальных вложений в промышленность приблизительно на 900 млн. руб. — предусматривали более значительный рост, чем предложения Смилги[35].

Реакция ВСНХ СССР была более критической. В начале июня 1926 г. Штерн, бывший меньшевик и заместитель Пятакова в комиссии ВСНХ, ответственный за подготовку ежегодных контрольных цифр и планов, заявил, что размеры капиталовложений и импорта слишком малы, чтобы обеспечить предлагаемое 15%-ное увеличение промышленного производства, в особенности предлагаемые вложения в нефтяную, каменноугольную, металлургическую промышленность и промышленность строительных материалов[36].

В июне и начале июля 1926 г. главки и отделы ВСНХ занимались подготовкой собственных предложений на 1926/27 г., которые затем были сведены в проект контрольных цифр, оказавшихся значительно более амбициозными, чем директивы Госплана. В них предусматривалось увеличение запланированных капиталовложений в промышленость с 800 до 916 млн. руб. и рост выпуска промышленной продукции не на 15%, а на 16—17%, при этом продукции отраслей группы «А» — на 24%, а группы «Б» — только на 12—13%[37].

На этой стадии разногласия между ВСНХ и Госпланом осложнились политическими разногласиями между большинством в партии и вновь образовавшейся объединенной оппозицией. В «Декларации 13-ти», представленной на Пленуме Центрального Комитета партии, состоявшемся 14—23 июля 1926 г.[38], заявлялось, что государственная промышленность отстает от развития всего народного хозяйства и что к социализму можно прийти только с помощью «систематического повышения технического уровня страны до уровня ведущих капиталистических стран».

Хотя «все должно быть подчинено этой задаче, одинаково важной и для пролетариата и для крестьянства», на практике происходило совершенно обратное; «резолюция XIV съезда партии об индустриализации все больше и больше обходила этот вопрос». Когда вопросы промышленности как таковой не стояли в повестке дня, Пятаков, бывший заместителем председателя ВСНХ и председателем Комиссии ВСНХ по подготовке контрольных цифр на 1926—1927 г., нашел возможность в процессе обсуждения проблемы хлебозаготовок заявить, что промышленность должна развиваться более быстрыми темпами, и предложил повысить оптовые цены на промышленные товары для финансирования этого развития[39].

19 июля 1926 г. во время заседания Пленума Центрального Комитета было созвано заседание Президиума ВСНХ для обсуждения проекта контрольных цифр ВСНХ на 1926/27 г. Во вступительном слове Штерн заявил, что любое сокращение предлагаемых капиталовложений в размере 916 млн. руб. «невозможно и имело бы самые серьезные последствия для развития промышленности». Во время обсуждения Дзержинский выступил с резкой критикой предложений Штерна, очевидно интерпретируя их как отражение политики «сверхиндустриализации», сторонником которой был Пятаков[40].

«Представленный товарищем Штерном план — это максимум максиморум, и его ни в коем случае нельзя рассматривать как план-минимум. Он свидетельствует о том, что промышленные предприятия не учитывают еще в должной мере общегосударственную точку зрения; их требования повисли в воздухе, они жадно все хватают, не учитывая реальных возможностей».

Он отметил также, что товарный голод еще более обострится, если будет принято предложение развивать производство отраслей группы «А» значительно более быстрыми темпами, чем группы «Б», и вновь подчеркнул важность поддержания уровня реальной заработной платы и снижения розничных цен на промышленные товары. Он подчеркнул, что проект контрольных цифр не должен использоваться трестами в качестве основы для планирования без его персонального разрешения. По-видимому, мало кто из Президиума активно поддерживал Дзержинского. Из газетных отчетов видно, что лишь один оратор предложил сократить сумму, предложенную Штерном; Лобов, председатель ВСНХ РСФСР,

заявил ведущим партийным руководителям ВСНХ, что «контрольные цифры необходимо утвердить и тресты должны руководствоваться ими», а Межлаук, тогдашний заместитель председателя Главметалла, подчеркнул, что было бы ошибкой сократить капиталовложения в топливную, металлургическую промышленность и транспорт, так как это отрицательно скажется на их развитии в будущем.

Однако пока точка зрения Дзержинского взяла верх. Президиум ВСНХ принял решение создать комиссию для перепроверки представленных контрольных цифр, которые он охарактеризовал как «максимальные цифры, требующие значительных усилий со стороны промышленности и всех отраслей экономики». Комиссии было поручено подготовить второй, минимальный вариант, «базирующийся на существующем финансовом положении и состоянии всей экономики в целом»; этот минимальный вариант после представления Дзержинскому должен был стать основой работы предприятий до утверждения планов предстоящего года[41].

На следующий день, 20 июля 1926 г., на продолжившемся заседании Пленума Центрального Комитета партии Дзержинский выступил с серьезными обвинениями в адрес Пятакова. Он обвинил его в том, что, по мнению последнего, в промышленности все было в порядке, за исключением нехватки денег, и отметил собственную расточительность Пятакова, приведя в качестве примера факт, когда он запросил 42 млн. руб. на ненужный резиновый завод. По его мнению было бы неправильно бояться процветания деревни; что же касается расходов на образование и оборону, то их нельзя сократить:

«Все данные и выводы оппозиции основываются не на фактах, а на стремлении любой ценой затормозить созидательную работу, начатую Политбюро»[42].

Впоследствии говорили, что Дзержинский особенно разозлился на «некоторых товарищей (очевидно, на Пятакова), нарушивших свое обещание продуктивно трудиться для восстановления экономики, особенно промышленности, перед лицом нападок оппозиции». Ему стало плохо, и он покинул зал заседаний, но продолжал получать тексты выступлений; он скончался от сердечного приступа в 16 часов 40 минут, через три часа после своего выступления[43].

Смерть Дзержинского означала конец целого периода в истории ВСНХ. По-прежнему незыблемой оставалась предпосылка, что потребности индустриализации могут быть удовлетворены в рамках смычки с крестьянством. Однако после смерти Дзержинского требования промышленной экспансии со стороны ВСНХ становились все более настойчивыми. Накануне смерти Дзержинского его возражения по контрольным цифрам развития промышленности шли вразрез с преобладающими настроениями в Президиуме ВСНХ. Спустя неделю после его смерти принятая по настоянию Дзержинского резолюция Президиума ВСНХ, требующая

пересмотра этих контрольных цифр, была предана забвению, а контрольные цифры без существенных поправок были представлены в Госплан[44].

Через неделю было объявлено о назначении Куйбышева председателем ВСНХ[45]. Его назначение не означало, по-видимому, отхода от прежней политики, особенно если учесть, что одновременно Пятаков был освобожден от занимаемой должности заместителя председателя. Однако к тому времени, когда требования индустриализации постепенно стали приобретать первостепенное значение, Куйбышев зарекомендовал себя ярым защитником интересов промышленности. В течение августа — сентября 1926 г. произошел заметный сдвиг в официальной политике в отношении промышленности. Партийное руководство, хотя ему и удалось отразить нападки объединенной оппозиции, тем не менее осознало необходимость показать себя надежным защитником интересов промышленности и пролетариата. В августе 1926 г., через две недели после окончания Пленума Центрального Комитета, вышло постановление Совнаркома, требующее выделения в 1926/27 г. из бюджета больше капиталовложений в промышленность, чем в прошлом году[46]. В августе было объявлено о повышении зарплаты в промышленности, а бремя режима экономии в отношении рабочих — ослаблено[47]. Госплан, занимавшийся сбором предложений государственных организаций, республик и областей, стал проявлять некоторую озабоченность, пытаясь защититься от обвинений в излишнем консерватизме. В официальном издании контрольных цифр на 1926/27 г., утвержденных президиумом Госплана 16 августа 1926 г., предложенная сумма капитальных вложений в промышленность была увеличена до 845 млн. руб., то есть на 45 млн. по сравнению с предыдущим маем. Но даже в этом случае увеличение составляло лишь незначительный процент от суммы, которая, как тогда ожидалось, будет вложена в промышленность в 1925/26 г.[48] Последовавшая стычка восстановила ВСНХ против других комиссариатов. На заседании Совнаркома и СТО 20 августа 1926 г. был заслушан доклад Госплана и основных комиссариатов об их предложениях на 1926/27 г. Заместитель народного комиссара финансов Кузнецов напомнил собравшимся о «значительном несоответствии между проектом контрольных цифр и фактическим состоянием развития экономики» в 1925/26 г., критически отозвался о концепции ежегодного кредитно-денежного планирования в целом и предложил определить максимальные капиталовложения в промышленность в размере 700 млн. руб. Штерн настаивал на сумме в 910 млн. руб., равной приблизительно предложениям ВСНХ, сделанным в июле. Представитель Наркомзема возразил, что предлагаемый баланс промышленного производства не учитывает интересов сельского хозяйства, и предсказывал нехватку промышленных товаров, что могло иметь неблагоприятный эффект на сельскохозяйственные цены; он рекомендовал «увеличить на 2—3% рост отраслей, про-

изводящих товары широкого потребления, и соответственно снизить темпы роста отраслей, производящих оборудование и средства производства». Докладчик от Наркомторга выступил в поддержку суммы в 850 млн. руб. как «вполне реальной», однако он предложил, чтобы капиталовложения были направлены на развитие экспортных отраслей и отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье.

Представитель Госбанка Спунде заявил, что Госплан защищает «перенапряженный, нереалистичный бюджет»[49].

Заседание было на три недели отложено, а решение так и не было принято. Эту передышку заинтересованные стороны использовали для подготовки к предстоящим схваткам. Наркомфин опубликовал разработанную им точку зрения[50]. На заседании Госплана 21—24 августа 1926 г. были одобрены его предложения с незначительными поправками[51]. На заседании Президиума ВСНХ 27 августа 1926 г. Штерн информировал о «значительных разногласиях» между ВСНХ и Госпланом: сокращение импорта и капитальных вложений в промышленность, предлагавшееся Госпланом, привело бы к замедлению темпов развития промышленности в 1926/27 г., особенно металлургической, которые в следующем 1927/28 г. составили бы 5—7% вместо 10—12%, предлагаемых ВСНХ. Куйбышев, впервые появившийся на заседании Президиума ВСНХ, согласился, что предложенные ВСНХ цифры должны отстаиваться в Совнаркоме и СТО, и сдержанно предложил рассматривать как директиву «защиту решений, принятых при Ф. Э. Дзержинском». В то же время он заявил, что разногласия с Наркомфином и, возможно, с Наркомторгом и Наркомземом являются более глубокими, чем с Госпланом. На заседании было принято решение «одобрить контрольные цифры в размерах, утвержденных постановлением Президиума ВСНХ СССР 19 июля»; в нем не содержалось ссылок на их пересмотр или минимальный вариант[52].

Возобновленная сессия Совнаркома и СТО открылась относительно спокойно 8 сентября 1926 г. и приступила к рассмотрению вопроса себестоимости промышленной продукции и цен. Рудзутак, председательствовавший как заместитель председателя Совнаркома[53], выступил с заявлением, очевидно заранее подготовленным. Он похвалил контрольные цифры как «большое достижение по сравнению с прошлым годом», однако высказал критические замечания по ряду позиций. Директивы Совнаркома от 3 августа 1926 г. в контрольных цифрах не были отражены. В частности, в них едва прослеживался прирост капитальных вложений в промышленность по сравнению с предыдущим годом: «основные директивы в поддержку индустриализации не были учтены». Была принята резолюция, отвергающая предложенные Госпланом контрольные цифры как не учитывающие бюджетных ассигнований в промышленность, что сделает возможным «большее увеличение капитальных затрат в промышленности и рост

производства в легкой промышленности»[54]. На заседании Совнаркома 28 сентября 1926 г. Наркомфин и Госплан были проинструктированы запланировать капиталовложения в промышленность как минимум в размере 900 млн. руб.[55] Таким образом, в результате обсуждения были отвергнуты предложения Госплана и Наркомфина и восторжествовала точка зрения ВСНХ, предлагавшего более высокие темпы индустриализации[56].

Изменения в политике, казалось, были малозначительны для объединенной оппозиции. Статья Майзлина, написанная в августе 1926 г., содержала нападки на утверждения Бухарина о том, что относительный и абсолютный рост объемов промышленности является доказательством определенного прогресса, и привлекла внимание к увеличивающемуся товарному голоду и росту безработицы; Майзлин предложил постепенно повысить на 30% оптовые цены, с тем чтобы направить полученные в результате этого государством 1200 млн. руб. прежде всего на финансирование развития промышленности[57]. Предложения Майзлина были официально высокомерно отвергнуты. В опубликованном в том же номере журнала «Большевик» ответе подчеркивалось несоответствие в политике, поддерживающей максимальное потребление и максимальное накопление, одновременно выступающей за расширение производства средств производства и предметов широкого потребления в целях устранения товарного голода:

«С одной стороны — суровый пуританизм «сверхиндустриализации», священный гимн «социалистическому накоплению». С другой — явная *потребительская демагогия*»[58].

Дискуссия по контрольным цифрам 1926/27 г., проведенная 26—27 сентября 1926 г. в Коммунистической академии, которую открыл Милютин, использовалась оппозицией как возможность для публичной атаки на официальную экономическую политику. Выступая от имени оппозиции, Смилга отбросил осторожность, проявляемую им ранее в качестве официального представителя Госплана, ответственного за подготовку контрольных цифр; теперь он заявлял, что предлагаемый уровень капитальных вложений в промышленность приведет в течение ближайших двух лет к темпам роста, не соответствующим новой стадии развития экономики[59]. Преображенский призвал к увеличению бюджетных ассигнований на нужды капиталовложений в промышленности[60]. Доминирующей темой выступлений представителей оппозиции было убеждение в том, что большинству в партии недоставало воли или способности для проведения политики индустриализации: Пятаков обвинил Милютина в том, что он проповедует «идеологию реставрации»[61]. Однако в процессе обсуждения стало ясно, что по крайней мере какая-то часть большинства в партии твердо придерживалась политики ускорения темпов индустриализации. Краваль, начальник отдела экономики труда ВСНХ и ярый защитник интересов промышленности, расценил предложения по финансированию промышленности, содержащиеся в контрольных

цифрах на 1926/27 г. Госплана, как «ужасную ошибку», исправленную теперь Центральным Комитетом партии[62]. Солнцев, выступая от имени оппозиции, отметил парадокс, заключавшийся в том, что «товарищ Смилга», являвшийся сторонником супериндустриализации, превратился... в сторонника «недоразвития промышленности», в то время как товарищи Милютин и Краваль выступили в роли сторонников супериндустриализации, требуя увеличения суммы капиталовложений, предлагаемых Госпланом[63].

Наступление оппозиции на официальную политику достигло апогея в конце сентября и первые дни октября. На состоявшемся 1 октября 1926 г. на заводе «Авиаприбор» митинге, на котором выступали представители оппозиции, Зиновьев вновь вернулся к теме о том, что капиталовложения в промышленность должны быть увеличены. В противовес Майзлину он ничего не сказал о повышении цен, однако заявил, что дополнительный миллиард рублей можно получить, сократив на 500 млн. руб. расходы на бюрократический аппарат и увеличив на эту же сумму налоги на нэпманов и кулаков; полученные же средства можно направить на повышение зарплаты и увеличение капиталовложений в промышленность[64].

XV партийная конференция, состоявшаяся 26 октября — 3 ноября 1926 г., также отличалась стычками между представителями оппозиции и большинства в партии[65].

Обсуждение хозяйственного положения, в котором оппозиция не принимала участия, прошло спокойно. Основные разногласия с оппозицией возникли в ходе обсуждения вопроса о «социал-демократическом уклоне» в партии, поднятого Сталиным. Сталин со всей силой выступил в поддержку линии на то, что «нельзя отрывать индустрию от сельского хозяйства». В отличие от капиталистического метода индустриализации социалистический метод индустриализации страны — через «... *неуклонное улучшение* материального положения трудящихся масс», «он ведет... не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и преодолению». Сталин обвинил оппозиционный блок в том, что «он не понимает и не признает, что нельзя двигать вперед индустрию, обходя интересы сельского хозяйства», что он сбивается «... на путь капиталистических методов индустриализации страны»[66]. В последовавшей дискуссии Троцкий вновь привлек внимание к опасности отставания государственной промышленности от народнохозяйственного развития в целом, к опасности увеличения товарного голода и выступил за проведение политики более энергичного экономического нажима на кулака и защиты интересов рабочих, предусматривающей повышение заработной платы, хотя бы и скромное, которое должно быть предпосылкой повышения производительности труда:

«Ускорение индустриализации, в частности путем более высокого обложения кулака, даст большую товарную массу, которая

понизит розничные цены, и это выгодно как для рабочих, так и для большинства крестьянства»[67].

Осинский, ранее поддерживавший оппозицию, являлся защитником лозунга строительства социализма в одной стране под тем предлогом, что в этом случае ударение ставится не на грядущей мировой революции, а на том, что «мы строим здесь социализм», и утверждал, что экономическое развитие накануне революции является той основой, которая, до тех пор пока удастся избежать войны, обеспечит устойчивый экономический рост[68]. Резолюция конференции о хозяйственном положении страны осудила взгляды оппозиции; признавая, что «народное хозяйство вступает в полосу, когда темп развития его сильно замедляется сравнительно с истекшими годами», она отмечала, что «необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран». Успех мог быть обеспечен использованием наличных в народном хозяйстве СССР источников накопления, в то время как в конечном счете эти ресурсы должны поступать главным образом за счет внутрипромышленного накопления; в ближайшем будущем в расходной части бюджета должны быть обеспечены соответствующие ассигнования на промышленность и приложены усилия для использования мелких сбережений населения как одного из источников средств для развития хозяйства. Резолюция не определила, однако, возможных источников предлагаемых дополнительных накоплений за счет бюджета. Резолюция формально одобрила планы капиталовложений в промышленность и промышленное производство в 1927/28 г., уже утвержденные Совнаркомом[69].

Поражение объединенной опозиции ни в коей мере не означало отказа от требований индустриализации. Общая хозяйственная ситуация осенью 1926 г. благоприятствовала дальнейшему ее развитию. Госплан оценивал обстановку в конце 1925/26 хозяйственного года как «в корне отличную от той, которая существовала в начале года»: «к равному и устойчивому росту промышленного производства» добавился вполне удовлетворительный урожай; отмечался рост реальной заработной платы, однако покупательный спрос не был чрезмерным, в результате чего на рынке не наблюдался сильный товарный голод и начался процесс образования запасов товаров; благоприятным был и баланс внешней торговли. Эти тенденции существовали вплоть до конца календарного года, причем производительность труда в промышленности росла более быстрыми темпами, чем заработная плата[70]. В течение всего периода с момента проведения XV партийной конференции в октябре 1926 г. вплоть до IV Всесоюзного съезда Советов в апреле 1927 г. и даже позже этот ничем не омрачаемый прогресс подтверждал несостоятельность скептиков из Наркомфина и сторонников «супериндустриализации» из опозиции.

В атмосфере безоблачного оптимизма требования дальнейших капитальных затрат в промышленности и развития производства находили живой отклик. 6 ноября 1926 г. на специальном заседании коллегии Госплана было рекомендовано немедленно начать строительство электростанции на Днепре и Туркестано-Сибирской железной дороги[71], а Куйбышев на VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. заявил о первостепенной важности и значимости промышленности:

«Товарищи, задачей рабочего класса, его государства и партии по руководству промышленностью является проведение политики, рассчитанной на достижение промышленностью все большего и большего влияния во всей хозяйственной жизни нашей страны. Промышленность должна занять ведущее место во всем хозяйстве и преобразовать его на новой, социалистической основе». Он заявил также, что главным и решающим шагом в строительстве социализма является «капитальное перевооружение промышленности, строительство новых заводов и создание новой техники». И хотя он и не предложил пока перекрыть сумму капиталовложений в 900 млн. руб. на развитие промышленности в 1926/27 г., одобренную XV партийной конференцией, его речь была полна оптимизма. Он заверил съезд, что, хотя правительством будет, по-видимому, утверждено запланированное увеличение промышленного производства на 18%, специалисты ВСНХ считают, что увеличение производства на 20—21% «более или менее вероятно», частично потому, что дополнительные поставки хлопка делают возможным расширение производства товаров потребления на 16% вместо ранее запланированных 14%[72]. В резолюции съезда подчеркивалась важная роль отраслей промышленности, производящих средства производства:

«Задачи профсоюзного движения в период индустриализации страны требуют особого внимания в будущем к развитию тяжелой промышленности и машиностроения, а также к тем отраслям промышленности, где из-за недостаточности объемов производства остро ощущается наша зависимость от импорта»[73].

Этот упор на развитие промышленности, вновь продемонстрированный ВСНХ, нашел отражение в специально подготовленных им к концу декабря 1926 г. предложениях. В них содержался призыв к Госплану одобрить запланированный рост промышленного производства на 20—21% и увеличить плановые капиталовложения в промышленность с 900 до 947 млн. руб. с направлением этих добавочных средств в основном в топливную промышленность[74]. Госплан проявил определенную осторожность: промышленный отдел предложил не увеличивать сумму капиталовложений сверх 925 млн. руб; 25 января 1927 г. коллегия Госплана рекомендовала, чтобы сумма, направляемая на развитие отраслей промышленности, относящихся к приорететам второй очереди, в пределах общих ассигнований была значительно увеличена на том основании, что план капитального строительства не может

быть полностью выполнен, ввиду «чрезвычайной сложности» положения на рынке. Коллегия сохранила запланированный рост промышленного производства на уровне 18—19%, при увеличении производства товаров потребления только на 13% [75].

Однако такая позиция Госплана не отражала точку зрения официальных кругов на перспективы развития промышленности. Воинственные настроения, усиливаемые благоприятной хозяйственной коньюнктурой первого квартала 1926/27 г., были характерны для заседаний Пленума Центрального Комитета партии, состоявшегося с 7 по 12 февраля 1927 г. На пленуме были заслушаны доклады Куйбышева и Кржижановского по вопросам о капитальном строительстве в промышленности и в основном одобрен план капитальных работ в промышленности в размере 1100 млн. руб. вместе с электростроительством; это означало, что сделанные в декабре 1926 г. предложения ВСНХ о выделении 947 млн. руб. только на развитие промышленности были полностью приняты.

Несмотря на то что план предусматривал значительный объем капитальных работ по металлургической промышленности (больше четверти всего объема капитальных работ по всей промышленности), Пленум признал необходимым увеличение этих капитальных работ для обеспечения более быстрого темпа развития металлургии и машиностроения [76].

В начале следующего месяца Сталин с уверенностью заявил на собрании рабочих железнодорожных мастерских Октябрьской дороги, что «...мы сумели поставить своими собственными силами дело индустриализации нашей страны: мы отдаем в этом году на нужды промышленности один миллиард триста миллионов рублей. Мы строим на эти деньги новые заводы, ремонтируем старые, вводим новую технику, умножаем количество рабочего класса. Мы добились таким образом того, что закладываем фундамент новой промышленности на основе своих собственных накоплений. Мы добились таким образом того, что возводим грандиозное здание новой, социалистической промышленности на свои собственные средства. Вот в чем наше основное достижение, товарищи» [77].

Окончательные итоги 1926/27 хозяйственного года на первый взгляд подтверждали распространенный в то время оптимизм. Капиталовложения в промышленность составляли 1068 млн. руб. по сравнению с 991 млн. руб. Прирост по сравнению с прошлым годом составил почти одну треть, а его темпы были большими, чем рост капиталовложений в народное хозяйство в целом [78]. Постоянный капитал и оборудование в промышленности, характеризующие ее производительность, увеличились на 9% в 1926/27 г. по сравнению с 4% в 1925/26 г. [79] Период, когда капиталовложения едва покрывали амортизационные расходы, определенно закончился, начался период дальнейшей индустриализации. Более того, была достигнута цель приорететной концентрации капиталo-

вложений в отраслях, производящих средства производства: в эти отрасли было направлено 71% всех капиталовложений в промышленность в 1926/27 г. по сравнению с 64% в 1925/26 г., а их постоянный капитал и оборудование составляли более половины всего капитала цензовой промышленности. Промышленное производство в 1926/27 г. также развивалось бурными темпами. Производство отраслей промышленности, планируемых ВСНХ, возросло почти на 20%, что соответствовало темпам, запланированным осенью 1926 г., хотя и было несколько меньше предусмотренных окончательным вариантом плана, разработанного весной 1927 г. Несмотря на снижение производства в частной цензовой промышленности и медленный подъем кустарных промыслов, общее промышленное производство возросло на 17% [80].

Тем не менее эти положительные результаты сопровождались серьезными трудностями. Темпы роста доходов в промышленности в 1926/27 г. не достигли запланированного уровня частично из-за того, что снижение затрат было менее запланированного [81], а частично из-за того, что оптовые цены на промышленные товары были значительно снижены [82]. В результате промышленность была вынуждена полагаться на дополнительные ассигнования из госбюджета; в годовом отчете ВСНХ указывалось на «значительные финансовые трудности» в промышленности [83].

Более тщательное исследование производственных показателей также свидетельствует о ряде серьезных проблем. Производство отраслей промышленности группы «А», планируемое ВСНХ, возросло на 26,8% в ценах 1926/27 г. и значительно превысило плановые показатели. Производство отраслей группы «Б» возросло, однако, лишь на 14,9% в ценах 1926/27 г., что было меньше пересмотренных плановых показателей, а в текущих ценах, из-за снижения цен в начале 1927 г., этот рост составлял только 11% [84]. Наблюдалось также отставание производства товаров широкого потребления во многих отраслях промышленности, не планируемых ВСНХ [85]. Более того, квартальные статистические данные как по группе «А», так и по группе «Б» свидетельствуют, что первый квартал хозяйственного года был более удачным, нежели оставшиеся девять месяцев; темпы роста, начиная с января 1927 г., продолжали снижаться [86].

в) Напряжение, 1927—1928 г.

Задолго до окончания 1926/27 хозяйственного года, когда начали составляться первые проекты планов на 1927/28 г., резкое ухудшение международного положения весной 1927 г. [87] повлекло за собой изменение политики в области промышленного развития, что было обнародовано на X Украинском съезде Советов и состоявшемся вслед за ним IV Всесоюзном съезде Советов в апреле

1927 г. Резолюция Украинского съезда, осуждающая замыслы империалистических держав и провозглашающая необходимость «дальнейшего укрепления обороноспособности страны», отмечала:

«В наступающий период экономической реконструкции в Украинской ССР... и в СССР в целом решающая роль принадлежит угольной, металлургической и машиностроительной промышленности» [88].

На Украине упор на развитие тяжелой промышленности был традиционным. На состоявшемся же вскоре Всесоюзном съезде Советов порблемам индустриализации также было уделено большое внимание как при обсуждении вопроса о работе правительства по отчету Рыкова и при обсуждении военных вопросов по докладу Ворошилова, так и специально при обсуждении проблемы развития промышленности по докладу Куйбышева [89].

Большое место в докладе Рыкова было отведено необходимости связи индустриализации, нацеленной на создание «кузницы или мастерской для всего государства», с крестьянским хозяйством. Он четко обозначил проблему: индустриализация требовала значительных капитальных вложений, реальную отдачу от которых страна получит на протяжении ряда последующих лет и которые явятся для нее тяжелым бременем. Рыков согласился с тем, что в течение первых шести месяцев 1925/26 г. объем капиталовложений увеличился слишком быстро при одновременном значительном росте личного потребления, в результате чего образовалась диспропорция, однако повторил известную точку зрения, что результаты 1926/27 г. были вполне удовлетворительными; тем не менее он придерживался позиции, что для создания культурной, богатой и индустриальной страны потребуется «громадное напряжение» [90].

Тон доклада Куйбышева также был оптимистичным, а его анализ планов строительства электростанций, металлургических и сталелитейных заводов, нефтепроводов и машиностроительных предприятий был убедительным. В то же время он попытался соразмерить смелую политику развития промышленности с текущими потребностями потребителя; защищая политику увеличения доли капитальных вложений в тяжелую промышленность, он подчеркивал, что в 1926/27 г. абсолютные размеры капитальных вложений в отрасли промышленности, производящие товары потребления, сократились, и настаивал на том, чтобы прекратить это абсолютное сокращение в 1927/28 г. [91]. В обсуждении вопросов индустриализации приняли участие многие делегаты, высказывавшие практические предложения, а многие желающие выступить не смогли этого сделать; характер обсуждения показал, насколько планы индустриализации проникли в сознание партийных руководителей среднего звена.

Хотя съезд в своих резолюциях прямо не связывал индустриализацию с задачами обороны, в общей резолюции он осудил «все усиливающуюся агрессивность международной буржуазии», от-

метил «миролюбивый» характер советской политики и выразил одобрение «правительственных мер, направленных на индустриализацию страны», а в резолюции по вопорсам обороны и Красной Армии привлек внимание к техническим и экономическим аспектам проблемы [92]. В пространной резолюции по вопросам промышленности заявлялось, что, несмотря на «значительные достижения в развитии промышленности» за последние два года, «существующий уровень промышленного развития все еще низок и совершенно недостаточен для нашей страны». Резолюция вторила призыву XV партийной конференции о выделении необходимых ресурсов «для того, чтобы достичь и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран в исторически короткий срок». В резолюции получил одобрение принцип «перераспределения ресурсов в пользу тяжелой промышленности», рекомендовалось, чтобы отрасли, производящие средства производства, продолжали развиваться более быстрыми темпами, чем отрасли, производящие предметы потребления, и заявлялось, что должно быть уделено «особое внимание максимальному развитию отечественного машиностроения с целью скорейшего освобождения от иностранной зависимости в этой области, что является решающим для индустриализации» [93].

12 мая 1927 г., несколько недель спустя после IV съезда Советов СССР, в Лондоне был совершен налет полиции на помещение АРКОСа — Всероссийского кооперативного общества, осуществлявшего экспортно-импортные операции с Великобританией, — на который советское руководство реагировало с большой тревогой. 25 мая 1927 г. Куйбышев во время поездки по сталелитейным и машиностроительным заводам на юге страны заявил, что английская буржуазия пытается спровоцировать войну, видя успехи советской промышленности, и подчеркнул:

«Мы должны развивать промышленность не только для того, чтобы в будущем построить рай и царство рабочих, но также и для того чтобы весь организм нашей страны смог отражать нападки врагов» [94].

Призыв Центрального Комитета партии от 1 июня 1927 г. требовал предпринять энергичные меры для развития промышленности и дальнейшего усиления оборонной промышленности [95]. Куйбышев вновь обратился к международной проблематике 8 июня 1927 г., после взрыва бомбы в помещении Ленинградской парторганизации, который был приписан белогвардейскому заговору. Он заявил, что указанные события явились попыткой создать «нервозную обстановку в нашей стране, спровоцировать нас на какой-либо необдуманный шаг». В действительности же необходимо уяснить, что «в мирный период мы самоуспокоились больше, чем следовало», и что «необходимо более тесно увязывать планы развития промышленности с потребностями обороны нашей страны», улучшить контингент работающих на военных заводах и навести порядок с запасами, «увеличив их, где это возможно».

С другой стороны, на руку врагу было бы и сконцентрировать внимание на краткосрочных потребностях обороны за счет сокращения капиталовложений в промышленность. Составляя годовые контрольные цифры и долгосрочные планы, необходимо предусматривать больше ресурсов для развития промышленности, с тем чтобы «не снижать темпов роста» [96].

Летом 1927 г. более пристальное внимание было уделено как непосредственным нуждам промышленности, производящей вооружение [97], так и долгосрочным потребностям индустриализации. В апреле — июле 1927 г. были предприняты важные практические шаги в деле осуществления программы индустриализации. СТО одобрил проект строительства Днепрогэса, Сталинградского тракторного завода, новых металлургических заводов в Кривом Роге и Новокузнецке, завода тяжелого машиностроения в Свердловске [98]. Эти проекты явились хребтом нового строительства в промышленности в рамках первого Пятилетнего плана. И хотя международное положение укрепило решимость советского руководства проводить индустриализацию, летом 1927 г. наблюдалась большая неопределенность относительно будущего курса экономической политики. Эта неопределенность происходила в основном из-за неспособности решить проблемы, возникшие в связи с попыткой достичь высоких темпов индустриализации в аграрной стране. Она еще больше усиливалась в связи с затруднениями, вызванными неувязками в снабжении крупных городов [99], которые в свою очередь явились результатом частично уже достигнутых темпов индустриализации, а частично — возобновившихся нападок оппозиции [100].

В начале июля 1927 г. ВСНХ опубликовал первые предложения по контрольным цифрам на 1927/28 г., подготовленные комиссией во главе с бывшим меньшевиком А. М. Гинзбургом, который являлся также председателем комиссии ВСНХ по подготовке проекта текущего Пятилетнего плана [101]. Проект контрольных цифр ВСНХ повторял его предложения по проекту Пятилетнего плана, согласно которым капиталовложения в промышленность в 1927/28 г. должны были составить 1152 млн. руб.; эта цифра была значительно ниже той, которая была предложена годом раньше ОСВОК [102]. Комиссия Гинзбурга предложила, чтобы в 1927/28 г. темпы роста отраслей промышленности группы «А» равнялись 19,6%, а группы «Б» — 16%. Это соотношение было несравненно более благоприятно для группы отраслей промышленности, производящих предметы широкого потребления, нежели в 1925/26 г. и в 1926/27 г. Объяснение этому в какой-то мере можно найти в той позиции, которую сам Куйбышев занял на IV съезде Советов СССР в апреле [103]. Представляя контрольные цифры, Гинзбург признавал важность тяжелой промышленности, однако подчеркивал, что новое соотношение было «продиктовано необходимостью преодолеть нехватку на рынке определенной группы товаров массового потребления, особенно текстильных» [104].

Хотя эти предложения и были умеренными, их отличала точность и твердость, которых не хватало неопределенному подходу, превалировавшему у Госплана[105]. Громан уже заявил от имени Госплана за две недели до их публикации, что предлагаемые ВСНХ цифры капитальных вложений и производства слишком высоки и что такие значительные капиталовложения приведут к нарушению равновесия[106]. Наркомфин также предложил сократить намечаемые капиталовложения, утверждая, что бюджетные и кредитные источники являются достаточными для осуществления в 1927/28 г. программы капитальных вложений на уровне не более чем 1000—1050 млн. руб.[107] Однако в самом ВСНХ детальное обсуждение контрольных цифр комиссии Гинзбурга в главных крупнейших отраслях промышленности во второй половине июля 1927 г. выявило противоположную тенденцию — основные отрасли промышленности требовали увеличения ассигнований[108].

Особенно ярко несогласие с рекомендациями комиссии проявилось на заседании Президиума ВСНХ Украины. Как отмечалось, недостаток предлагаемых капиталовложений в металлургическую и сталелитейную промышленность мог привести к замораживанию или даже падению производства металла в 1928/29 г. Сухомлин заявил с места, что «мы должны пересмотреть распределение ресурсов и изыскать возможность увеличить ассигнования на нужды тяжелой промышленности». Президиум принял постановление утвердить доклад по контрольным цифрам «при условии, что план капиталовложений в металлургическую, сталелитейную и машиностроительную промышленность будет пересмотрен»[109]. Две недели спустя пленум ВСНХ Украины предложил, чтобы запланированные для республики на 1927/28 г. капиталовложения в промышленность были увеличены с 345 млн. до 394 млн. руб.[110]

В то же время на высшем партийном уровне продолжались колебания относительно того, какой политики придерживаться. Это было характерно и для авторитетных партийных заявлений[111]. Доклад Рыкова по контрольным цифрам на 1927/28 г. на Пленуме Центрального Комитета партии, состявшемся 29 июля — 9 августа 1927 г., оказался слабым и нерешительным. В процессе последовавшего затем обсуждения Пятаков отверг утверждение Рыкова о «бескризисном» развитии в 1926/27 г., указав на рост безработицы, «кризис городской экономики» и продолжающуюся нехватку товаров — потребление на душу населения 19 видов производимых товаров составляло лишь 78% от довоенного уровня и было значительно ниже, чем на Западе. Решение могло быть найдено за счет ускоренных темпов индустриализации, финансируемой путем дополнительного налогообложения нэпманов и кулаков[112]. Неубедительная резолюция Центрального Комитета подтверждала, что индустриализация должна продолжаться и идти ускоренными темпами, однако в части капитальных затрат на 1927/28 г. не шла дальше декларации о том, что они «должны

увеличиться по сравнению с текущим годом и направляться в первую очередь в тяжелую промышленность, транспорт и жилищное строительство». По основному хозяйственному вопросу лета 1927 г. — каков конкретный уровень капиталовложений в промышленность, посильный для экономики, — резолюция ничего не говорила [113].

В отсутствие твердой официальной линии Центрального Комитета партии продолжали преобладать осторожные подходы к проблеме. Разногласия между Госпланом и ВСНХ, выявившиеся в процессе обсуждений до Пленума Центрального Комитета, были сглажены: ВСНХ сократил предлагаемую сумму с 1152 до 1086 млн. руб. Это была очень умеренная цифра, близкая к предложенной Наркомфином; стало общеизвестно, что капитальные вложения в промышленность в текущем 1926/27 г., вероятно, достигнут 1000 млн. руб. Уменьшенная сумма капиталовложений, согласованная с ВСНХ, потребовала пересмотра программы индустриализации. С учетом международной обстановки было сделано одно важное изменение в первоначальных предложениях — увеличены ассигнования на развитие химической промышленности, с тем чтобы она могла обеспечить потребности обороны. Комиссия Гинзбурга рекомендовала, чтобы эти дополнительные ассигнования и согласованное сокращение всех капиталовложений в сумме 66 млн. руб. были покрыты главным образом за счет уменьшения плановых ассигнований в топливную и металлургическую промышленность. Сумма капиталовложений в текстильную промышленность дважды обсуждалась в ВСНХ: ввиду возросшей покупательной способности населения было решено не производить сокращения ассигнований на эту отрасль. Особенно значительно по сравнению с первоначальными предложениями были уменьшены капиталовложения в строительство новых заводов [114].

Эти сокращения, так же как и нерешительная политика Центрального Комитета, наглядно подтверждали опасения оппозиции; они противоречили также изменениям в умонастроениях значительной части большевиков, не связанных с оппозицией. Поддержание равновесия на рынке все еще воспринималось в 1927 г. как необходимость представителями всех направлений партии. Однако уже наметился раскол между умеренными и будущими защитниками развернутого наступления 1928—1929 гг.

Столкнувшись с ограничениями на капиталовложения в промышленность, связанными с рынком и необходимостью успокоения крестьян, сторонники индустриализации стали ломать рамки этих ограничений, не признаваясь (возможно, даже себе), что происходит кардинальное изменение политики. Весной 1927 г. в процессе дебатов с Кондратьевым Струмилин обнародовал свою доктрину целенаправленного планирования; в августе Куйбышев выступил в защиту снижения цен в условиях нехватки товаров под тем предлогом, что это явится победой планирования над стихией рынка [115]; примером драматического подрыва, эрозии убежде-

ния в незыблемости рыночного равновесия явилось успешное восстание в сфере промышленности против рекомендаций комиссии Гинзбурга, первоначально поддерживаемых Президиумом ВСНХ, которое закончилось тем, что приоритет был отдан промышленности в ущерб рынку.

Буря разразилась на 2-м пленуме ВСНХ СССР, собравшемся 11 августа 1927 г., спустя два дня после окончания ничего не решившего Пленума Центрального Комитета партии [116]. На большом и представительном пленарном заседании явно преобладала партийная прослойка [117]. Рухимович, бывший председатель Донугля, заменивший в августе 1926 г. на посту заместителя председателя ВСНХ Пятакова, заявил во вступительном слове о сокращении ассигнований в промышленность по сравнению с первоначальными контрольными цифрами ВСНХ. Он попытался успокоить собравшихся, сообщив, что в случае хорошего урожая и улучшения международного положения капиталовложения могут быть увеличены. Однако неудовлетворенность была всеобщей, о чем свидетельствовали выступления. Июльские возражения ВСНХ Украины и возражения ряда главков, как оказалось, нашли всеобщую поддержку. Межлаук, тогдашний председатель Главметалла, обратил внимание на то, что в машиностроении капиталовложения в 1927—1928 гг. увеличатся лишь в кораблестроении и «других производствах»; во всех остальных отраслях машиностроения они будут урезаны. В пределах всех ассигнований на нужды группы металлургических отраслей промышленности основные ресурсы должны были быть направлены в металлургическую и сталелитейную промышленность; тем не менее многое из закупленного новейшего оборудования стоимостью 62 млн. руб. предполагалось складировать, а капиталовложения в строительство новых заводов — сократить на четверть:

«Необходимо запросить у правительства увеличения общих капиталовложений в промышленность. Финансовые ресурсы на нужды обороны должны быть сохранены, однако не следует забывать, что дело обороны может выиграть, главным образом, благодаря укреплению и развитию промышленности».

С серьезными возражениями выступали представители промышленности цветных металлов, а также лесной, химической и текстильной отраслей, делегаты с Дальнего Востока, из Закавказья, с Урала и эксперты ВСНХ РСФСР. Выражая мнение Украины, Сухомлин назвал в качестве «основного недостатка» снижение темпов роста в топливной и металлургической промышленности. Представитель профсоюзов рабочих металлургической промышленности поддержал требование об увеличении ассигнований в эту отрасль. В конце заседания Гинзбург отметил, что «все выступавшие в прениях сосредоточили внимание на единственном вопросе — проблеме капитальных затрат». Рухимович ограничился кратким ответом в прениях, а Куйбышев не принял участия в обсуждении контрольных цифр, так как находился в отпуске.

В своей резолюции пленум одобрил «в целом» контрольные цифры, заявив, однако, что план капиталовложений нужно считать «минимальным» и что ассигнования в металлургическую и химическую промышленность следует увеличить [118].

Указанная резолюция явилась первым шагом в радикальном изменении политики ВСНХ. Три недели спустя после пленума Президиум ВСНХ публично заявил о своей поддержке увеличения капиталовложений в промышленность, открыто отвергнув выводы комиссии Гинзбурга. 31 августа 1927 г. было объявлено, что направленный ранее ВСНХ Госплану проект не отвечает потребностям в капиталовложениях ряда важнейших отраслей промышленности и что поэтому ВСНХ предлагает увеличить ассигнования в металлургическую, химическую и нефтяную промышленность. Намечаемая теперь общая сумма капиталовложений в промышленность достигла 1183 млн. руб. и превышала первоначальную цифру комиссии Гинзбурга. Президиум ВСНХ предложил чтобы более половины дополнительных капиталовложений были выделены из госбюджета, а оставшаяся часть покрыта за счет увеличения доходов промышленности, которые в свою очередь должны были поступить в результате более широкого снижения цен [119].

В передовой статье «Торгово-промышленная газета» оценила это решение как оправданное, «хотя и обременительное для бюджета». Признавая, что потребности рынка в промышленных товарах широкого потребления должны быть удовлетворены в случае поступления необходимого количества сельскохозяйственной продукции, газета задавала риторический вопрос:

«Следует ли из этого, что мы должны хоть на немного ослабить внимание к тяжелой промышленности или, скажем, отодвинуть на второй план ее потребности в капиталовложениях?»

С точки зрения завтрашнего дня интересы обороны и надвигающиеся трудности экономической экспансии могли быть обеспечены лишь при соответствующих темпах роста тяжелой промышленности, а следовательно, и капитальных вложений [120]. В одной из последующих публикаций отмечалось, что капиталовложения текущего года должны быть достаточными для того, чтобы промышленность *«вышла из подготовительного и организационного периода, который затянулся в ущерб народному хозяйству»* [121]. В течение нескольких последующих недель сначала Госплан, а затем Совнарком и СТО совместно одобрили с небольшими поправками новые предложения ВСНХ [122].

Однако для финансирования увеличения копитальных вложений ВСНХ получил дополнительно из бюджета лишь 10 млн. руб., то есть менее четверти запрошенной суммы. Остальные средства предполагалось получить за счет экономии в промышленности в результате добавочного снижения цен, которые намечалось снизить теперь не на 4,5, а на 6%. Несмотря на попытки формально сохранить существующую финансовую стабильность при новом

уровне капитальных вложений, сентябрьское (1927 г.) решение оставить нетронутыми и увеличить размеры капиталовложений в промышленность явилось новым важным шагом на пути индустриализации и, как признавалось, должно было повлечь за собой дальнейшие трудности на рынке [123].

В последние три месяца календарного 1927 г. наблюдалось затишье в дискуссии о ближайших перспективах в промышленности. Борьба с оппозицией была в разгаре, партия готовилась к празднованию X годовщины революции, а правительственный аппарат занимался разработкой Пятилетнего плана. В течение октября ВСНХ закончил подготовку проекта Пятилетнего плана, предусматривавшего значительное ускорение темпов индустриализации [124]. Одобренные в октябре 1927 г. Пленумом Центрального Комитета партии тезисы по Пятилетнему плану отражали в определенной степени энтузиазм резолюций XV партийной конференции и IV съезда Советов. Приветствуя политику, направленную на «наиболее быстрые темпы развития на протяжении длительного периода», в противовес политике «максимального накопления в текущем или последующих годах», тезисы расплывчато отмечали необходимость «оптимального сочетания» тяжелой и легкой промышленности:

«Считая правильнным перенесение центра тяжести в производство средств производства, нужно при этом учитывать опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет; с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот в легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии при условии развития легкой индустрии».

В заключение в них мягко отмечалось, что «только учет всех вышеизложенных факторов и плановая увязка их позволяет вести хозяйство по пути более или менее планового, более или менее безкризисного развития» [125].

На собрании актива Ленинградской парторганизации сразу после пленума Бухарин продолжал призывать к умеренности и ограничениям. Он заявил, что «формула максимальных капитальных вложений в тяжелую промышленность не совсем верна, а если быть более точным, совсем неверна» и что в области капитального строительства «мы совершили ошибку», «наступая на слишком широком фронте» [126].

XV съезд партии в декабре 1927 г. должен был без изменений одобрить тезисы октябрьского Пленума Центрального Комитета. К этому времени Троцкий был исключен из партии, а оппозиция — полностью разбита. В выступлениях на съезде основных членов Политбюро упор вновь делался на индустриализацию. В своем докладе по Пятилетнему плану Рыков сослался на то, что получил «ряд записок», приписывающих затруднения на рынке недостаточному развитию легкой промышленности, однако отверг

предложения о перераспределении в ее пользу средств в рамках Пятилетнего плана:

«Индустриализация всей страны, не говоря уже специально об обороне, упирается в настоящее время в развитие тяжелой индустрии... Но наших позиций в области развития тяжелой индустрии мы под влиянием временных трудности сдавать не можем»[127].

В прениях Куйбышев безуспешно попытался разъяснить положения тезисов, подчеркивающих важность легкой промышленности. Он заявил, что это не означает отхода от проводимой политики, и процитировал другой абзац, в котором отмечалась приоритетность развития средств производства. Сам же он сделал упор совсем на другом:

«Мы по-прежнему должны держать курс на форсированное развитие производства средств производства. Но, товарищи, так вопрос обстоит не только потому, что мы его принципиально ставили в этой плоскости, имея в виду необходимость форсирования темпа индустриализации страны в целом, в том числе и сельского хозяйства. Так вопрос мы принуждены ставить и потому, что теперешняя хозяйственная обстановка, *конъюнктурная* обстановка переживаемого нами периода требует развития тяжелой индустрии во что бы то ни стало... Не следует думать, что у нас имеется уже какая-то сильно развитая тяжелая индустрия, которая так перенасыщена средствами за предыдущие годы, что теперь можно оставить ее в покое и все средства направлять в другие отрасли хозяйства»[128].

В прениях были высказаны диаметрально противоположные точки зрения, продиктованные в основном личными, местными интересами. Председатель Совнаркома Украины Чубарь передал заявление управляющего Югостали о том, что «он должен будет почти все новые работы в этом году закрыть для того, чтобы обеспечить самый необходимый минимум капитальных ремонтов и установку хотя бы части того оборудования, которое пришло и приходит из-за границы». Он от себя добавил, что производство тракторов развивалось слишком медленными темпами, и, несомненно, имея в виду Бухарина, подчеркнул: «Если мы будем идти тем же темпом в области трактороснабжения, каким мы идем в этом году, никакой революции в сельском хозяйстве мы не произведем, будем двигаться черепашьим шагом»[129].

Его призыв о выделении больших ресурсов на нужды отраслей промышленности, производящих средства производства, был поддержан Сухомлиным из ВСНХ Украины и Румянцевым из Азнефти[130]. Напротив, Комаров из Ленинграда возразил, заявив, что, хотя и следует перераспределить часть ресурсов в тяжелую промышленность за счет легкой и средней индустрии, сделать это надо так, чтобы соотношение между развитием тяжелой и легкой индустрии дало возможность не ослаблять наш рынок, а, наоборот, постепенно изживать голод на рынке[131]. Представитель Иваново-Вознесенска остановился на нуждах текстильной промышленно-

сти, отметив, что основная ошибка осуществляемого плана заключалась в том, что слишком мало уделялось внимания легкой индустрии, что в ценностном выражении контрольными цифрами на 1928 г. запроектирован рост производства хлопчатобумажных изделий всего на 1,3%: «Такого рода пренебрежение к легкой индустрии, в частности к текстильной, не могло в конечном счете не сказаться и сказывается теперь в сокращении хлебозаготовок и расстройстве рынка». Он одобрил положения резолюции.

«Соотношения легкой и тяжелой индустрии в хозяйственном плане совершенно правильно сформулированы в тезисах Центрального Комитета, предложенных съезду партии. Этой формулировке противоречат заявления т. Рыкова; противоречит в значительной мере и то, что говорил по этому вопросу т. Куйбышев, хотя т. Куйбышев и цитировал тезисы ЦК»[132]. Выступая с заключительным словом в прениях, Рыков с меньшей настойчивостью защищал тяжелую промышленность, чем в своем докладе. Отвергнув возможность принятия директивы о том, что «тяжелая промышленность не может развиваться за счет легкой индустрии», он настаивал на перераспределении общехозяйственных ресурсов между сельским хозяйством и промышленностью в пользу индустрии и между легкой и тяжелой промышленностью в пользу последней. «Легкая промышленность должна развиваться в таком темпе, чтобы обеспечить в основном: во-первых, растущий товарооборот между городом и деревней и, во-вторых, повышающийся жизненный уровень рабоче-крестьянских масс». Недостаток тех или иных товаров не должен приводить к такому обострению товарного голода, который повлек бы за собой кризис товарооборота[133]. Тезисы по Пятилетнему плану были единогласно утверждены съездом, а принятые незначительные поправки не повлияли на их основные положения о тяжелой и легкой промышленности[134].

Обмен мнениями на партийном съезде явился приглушенным выражением начала ожесточенной борьбы в партии, вызванной товарным голодом осенью 1927 г. и связанными с ним провалами хлебозаготовок. Вне партии, особенно среди специалистов Наркомфина и Наркомзема, все более и более отчетливо стала проявляться враждебность в отношении увеличения темпов индустриализации. В последнем номере «Экономического бюллетеня Конъюнктурного института» Наркомфина за 1927 г. прямо отмечалось, что «промышленность во все большей степени превращается из фактора, оздоровляющего нашу экономику, в фактор, несущий с собой новые осложнения и трудности»[135]. Эти и подобные взгляды, опубликованные в этом выпуске, привели к смещению директора института Кондратьева и его основных сотрудников[136]. Однако сложности, явившиеся причиной подобных нападок, вызывали озабоченность многих сторонников индустриализации в партии. В рамках рыночной экономики для смягчения напряженности, вызванной темпами индустриализации, и снижения уровня инфляции были возможны два пути. Можно было снизить размеры ка-

питальных вложений в экономику в целом и в промышленность в особенности, а можно было направить денежные, людские и материальные ресурсы на нужды текущего производства и первоочередного капитального строительства в отраслях, производящих товары широкого потребления, с тем чтобы увеличить поставки на рынок. Обе эти возможности явились предметом непрекращающихся дискуссий в ВСНХ в первые месяцы 1928 г.[137] По вопросу об уровне капитальных вложений Куйбышев в докладе на Президиуме ВСНХ в начале 1928 г. заявил, что запланированные на 1927—1928 гг. затраты больше увеличить нельзя. Он настаивал, чтобы ВСНХ воздержался даже от необходимой работы, с тем чтобы уровень затрат не превышал выделенной правительством суммы: «Очевидно, мы слишком распылили людские ресурсы в строительстве». Однако он также отметил, что трудно производить сокращения, поскольку по большей части в капитальном строительстве работы велись по объектам, начатым в прошлом году, и «несмотря на наше желание, все наши попытки и все усилия Госплана увеличить долю работ, которые можно было бы перевести во вторую очередь, окончились полным провалом»[138]. И хотя Куйбышев занял оборонительную позицию относительно уровня капиталовложений, ВСНХ твердо отверг предложения о сокращении на несколько сотен миллионов рублей плана 1927—1928 гг.,[139] а требования увеличения капитальных вложений, уже прозвучавшие на XV съезде партии, продолжали раздаваться и в первые месяцы 1928 г.[140] Под их давлением план капитальных вложений в промышленность на 1927—1928 гг. был фактически постепенно увеличен, несмотря на предупреждение Куйбышева. В октябре 1927 г. согласованная сумма равнялась 1176 млн. руб.[141] К февралю 1928 г. ВСНХ запрашивал уже 1240 млн. руб. И Наркомфин и Госплан возражали против такой суммы. Кржижановский от имени Госплана отверг доводы о том, что указанная сумма не может быть значительно снижена ввиду прежних обязательств по инвестиционным проектам. Он заявил, что при таком подходе «мы должны распрощаться с планированием» и перейти к «бесплановым ударным методам труда»[142]. На 3-м пленуме ВСНХ в марте 1928 г. Рухимович сообщил о наличии «определенных тенденций», не позволяющих в сложившейся ситуации выполнить промфинплан[143]. Тем не менее 20 марта 1928 г. Совнарком одобрил капиталовложения в промышленность в сумме 1258 млн. руб., что предусматривало увеличение капиталовложений в металлургическую промышленность на 37 млн. руб.[144] Кризис хлебозаготовок не привел к какому-либо снижению темпов наращивания капиталовложений в промышленность.

Другим способом смягчения инфляционных процессов было уменьшение товарного голода путем перераспределения ресурсов в отрасли промышленности, производящие товары широкого потребления. В этом отношении первоначальные предложения ВСНХ в июле 1927 г., а также контрольные цифры Госплана на

1927—1928 г. уже предполагали значительные изменения по сравнению с предыдущим годом — в них предусматривалось увеличить производство средств производства на 17,3%, а производство товаров широкого потребления — на 14,6% (разрыв в 1926—1927 г. был значительно больше), а также увеличить долю капиталовложений в отрасли промышленности, производящие товары широкого потребления, с 29% в 1926/27 г. до 31% в 1927/28 г.[145] К началу 1928 г. на ВСНХ оказывали сильное давление не только сторонники замедления темпов индустриализации, но и в целом Политбюро, которому было необходимо разумно сочетать «политику кнута» против крестьянства с материальным поощрением в форме товаров широкого потребления. 7 января 1928 г., на следующий день после того, как Политбюро проинструктировало партийные организации о проведении хлебозаготовок, по указанию ВСНХ была развернута внушительная кампания за расширение производства промышленных товаров широкого потребления и их поставку в сельскохозяйственные районы[146].

Предусматривалось не допускать сезонного снижения производства, которое имело место в предыдущие два года. В январе 1928 г. производство промышленных товаров широкого потребления, исчисляемое в довоенных ценах, на 26% превышало уровень соответствующего месяца предыдущего года, по сравнению с аналогичным увеличением на 14% в декабре 1927 г.[147]

Кризис хлебозаготовок привел к тому, что многие беспартийные, так же как и ряд партийных руководителей ВСНХ, стали требовать более заметного и постоянного сдвига в пользу отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления. Куйбышев в выступлениях на партактиве ВСНХ 18 января и на президиуме ВСНХ 2 февраля 1928 г. признал, что усиливаются требования о дальнейшем перераспределении ресурсов, но твердо отверг их.

В докладе на партактиве ВСНХ он заявил: «Есть общественные деятели и отдельные члены партии — которых, к сожалению, под влиянием конъюнктуры становится все больше и больше, — которые думают, что если теперешнее положение, если целый ряд факторов нашей экономической жизни зависит от товарной массы, выбрасываемой на рынок, если успех нашей работы в целом ряде отраслей экономики зависит от этого, то это означает, что мы должны отдать все силы и все наше внимание легкой промышленности... в результате ослабить внимание, а поэтому уменьшить ресурсы и усилия, направляемые в тяжелую промышленность».

Куйбышев честно признал, что недопроизводство товаров широкого потребления является главной причиной экономических трудностей, которая вызвала «нарушение равновесия в целом ряде отраслей нашей экономики». Однако он отверг «лозунг или полулозунг или полушепот», что «следует произвести определенное перераспределение» в пользу производства товаров широкого потребления. Такое перераспределение, отметил он, подорвало бы

политику индустриализации и в то же время задержало бы решение проблем рынка, поскольку потребителю также требовался металл, машины, топливо и лес, которые могла обеспечить развитая индустрия[148] В докладе на Президиуме ВСНХ он отверг как «неправильный уклон» попытки выйти из сложившейся ситуации лишь за счет усиления внимания к легкой промышленности и осудил «ревизионистские взгляды», заявив, что «сложившаяся конъюнктура требует внимания к тяжелой промышленности». По существу это была до сих пор подвергавшаяся критике со стороны партийного большинства точка зрения оппозиции, что нехватка промышленных товаров была вызвана отставанием промышленности от сельского хозяйства[149].

О том, до какой степени проникли в ВСНХ новые веяния о важности легкой промышленности, можно судить по позиции, занимаемой в то время Сабсовичем, крупным специалистом промышленно-планового управления ВСНХ, впоследствии ярым защитником ускоренных темпов индустриализации. Защищая более высокие темпы развития промышленности, он заявлял, что рост отраслей, производящих товары широкого потребления, необходим для успеха индустриализации как потому, что сама по себе производительность труда является производной от уровня жизни, так и потому, что отрасли промышленности, производящие товары широкого потребления, сами служили главным источником накопления для государства[150].

В опубликованных в том же журнале статьях высказывалась резко противоположная точка зрения[151]. В статьях в официальном издании ВСНХ в то время, когда Куйбышев высказал свои возражения, отражались преобладающие тогда смятение и неуверенность. Временная переориентация на производство товаров широкого потребления не ограничивалась постановлением ВСНХ от 7 января 1928 г. В начале февраля в сводном промфинплане содержалось предложение, чтобы в 1927/28 г. в целом производство отраслей промышленности группы «Б» возросло на 26,9% по сравнению с 22,7% для группы «А». Этот ускоренный рост отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления, охарактеризованный Сабсовичем как «неожиданный феномен текущего года», находился в явном противоречии с установившимися принципами[152]. Предложенные темпы развития были одобрены Совнаркомом 20 марта 1928 г. Совнарком, однако, внес добавление о том, что промышленность должна стремиться перевыполнить план «производства средств и орудий производства» во второй половине 1927/28 г.[153] В апреле 1928 г. Пленум ЦК партии констатировал «значительное расширение продукции промышленности, в особенности работающей на широкий рынок»[154]. В рамках общего увеличенного плана капиталовложений в промышленность была потихоньку сделана очередная уступка — увеличена доля всех капиталовложений в отрасли промышленности группы «Б» с 31 до 36%[155]. Таким образом, в результате дискуссии

по вопросам политики в области промышленности в первые месяцы 1928 г. при общем дальнейшем увеличении плана капитальных вложений в промышленность было временно произведено перераспределение как капитальных вложений, так и текущих ресурсов в пользу отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления. И хотя к весне 1928 г. мнения беспартийных и партийных экспертов как ВСНХ, так и Госплана[156] по вопросу о темпах и методах индустриализации серьезно разошлись, среди партийного руководства сохранялось некое подобие единства взглядов. В качестве общей основы принималось осуждение группы Кондратьева. На собрании актива Ленинградской партийной организации 13 апреля 1928 г. Бухарин осудил позицию Конъюнктурного института Наркомфина и обвинил его в пропаганде в последнем номере своего бюллетеня снижения темпов индустриализации. Он прямо заявил, что методы, с помощью которых были сделаны такие выводы, решительно отвергаются и не могут «ни в коей мере явиться предметом обсуждения в нашей партии»[157].

Успешный рост промышленности в 1927/28 хозяйственном году, казалось, опроверг скептиков. Капиталовложения в планируемые ВСНХ отрасли промышленности составляли 1304 млн. руб. (увеличение на 21% по сравнению с 1926/27 г.)[158], а объем производства возрос на 26,3% в ценах 1926—1927 гг.[159] Эти темпы роста в основном соответствовали темпам, предложенным ВСНХ в окончательном варианте плана на год, но значительно превышали темпы роста в 16%, предложенные ВСНХ в июле 1927 г. Более того, и это было очень важно, они превысили темпы роста, достигнутые в 1926/27 г., что шло вразрез с почти единодушным ожиданием замедления темпов роста после окончания периода восстановления[160].

Сделанные два года назад предсказания о падении темпов роста до 5—7% оказались несостоятельными[161]. Эти успехи базировались на достижениях девяти месяцев календарного 1928 года — производство в каждом из трех кварталов с января по сентябрь 1928 г. превышало уровень соответствующего периода 1927 г. Подобная модель развития значительно отличалась от моделей прошлых лет и демонстрировала неожиданные возможности кампании плановой индустриализации[162]. В то же время требования развития отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления, оказали определенное воздействие на результаты текущего года. Сомнительно, возросла ли в 1927/28 г. в действительности доля капиталовложений в отрасли промышленности, производящие товары широкого потребления[163]. Однако несомненно, что производство отраслей группы «Б», планируемых ВСНХ, развивалось более быстрыми темпами, чем отраслей группы «А», курируемых ВСНХ[164]. Этот резкий сдвиг в пропорциях не повторялся впредь до 1927 г. Для потребителя же результаты

не были столь обнадеживающими, как о том свидетельствовали цифры. Легкая промышленность, почти целиком занятая производством товаров широкого потребления, делала менее заметные успехи, чем цензовая промышленность, частично из-за нехватки ресурсов, направляемых в более мощную государственную промышленность[165]. Хотя разрыв в темпах роста групп «А» и «Б» был меньше в 1927/28 г., чем в 1926/27 г., отрасли промышленности группа «А» продолжали тем не менее развиваться более быстрыми темпами, чем отрасли группы «Б»[166].

г) Форсирование темпов, 1928/29 г.

Кризис хлебозаготовительной кампании хотя и не заставил партийное руководство снизить темпы индустриализации, но ускорил весной и летом 1928 г. поиски путей сохранения существующего уровня капиталовложений в промышленность, не вызывающих дальнейших стычек с крестьянством. С течением времени бремя индустриализации становилось все заметнее. Беспартийные специалисты и эксперты Наркомфина и Наркомзема в течение 1928 г. были либо отстранены от своих постов, либо лишились последних остатков своего влияния.

Их озабоченность разделяли не только некоторые коллеги в Госплане и даже ВСНХ, но также и значительное число членов партии, проявлявших все большую озабоченность тем чрезмерным напряжением, которое накладывали темпы индустриализации на отношения с крестьянством. Мало-помалу эти настроения вырисовывались более отчетливо, а Рыков и Бухарин стали выступать как представители этой группы в партийных органах. Проблема темпов индустриализации стала доминирующей во всех партийных дискуссиях в 1928 г. Разрабатывая планы на 1928—1929 гг., ВСНХ не определил четко рамки своей деятельности.

Намерение разработать годовой план развития промышленности в рамках Пятилетнего плана не могло быть реализовано, поскольку не существовало утвержденного Пятилетнего плана[167]. Представители планового управления и члены Президиума ВСНХ вынуждены были рассмотреть запросы различных отраслей промышленности в свете своих собственных прогнозов и ожиданий относительно ресурсов, которые будут, по их мнению, выделены промышленности. К этому времени, однако, темпы развития промышленности уже набрали силу. Требования их дальнейшего усиления стали теперь исходить как от руководителей и специалистов промышленности, многие из которых вступили в партию, так и от партийных деятелей. ВСНХ явился центром агитации за выделение промышленности больших ресурсов, а в связи со все возрастающим успехом и престижем индустриализации влияние ВСНХ на экономическую политику необычайно возросло.

Как и в предыдущие годы, внимание ВСНХ было сосредоточено на плане капитальных вложений в промышленность. Представ-

ленные главками различных отраслей промышленности запросы на 1928—1929 гг. составляли огромную сумму 2250 млн. руб., что более чем вдвое превышало капиталовложения, сделанные два года назад. Плановое управление ВСНХ сочло необходимым урезать эти запросы до 1750 млн. руб., а финансовое управление сократило их еще на 300 млн. под тем предлогом, что нельзя рассчитывать на необходимые финансовые ресурсы вне промышленности[168]. Проблема оставалась какое-то время нерешенной. 1 июня 1928 г. Совнарком одобрил первоначальную минимальную сумму капитальных затрат, предложенную ВСНХ на 1928—1929 г., в размере 1560 млн. руб. В эту сумму были включены затраты на строительство электростанций, которые в предыдущие годы указывались отдельной строкой[169]. На основании этих цифр ВСНХ представил в конце июня план, подчеркнув при этом, что он является «лишь основой более широкого плана»; из него было исключено все новое, еще не начатое строительство, кроме промышленности строительных материалов и экспертных отраслей, и включены лишь «обязательные» капитальный ремонт и жилищное строительство[170].

На Пленуме Центрального Комитета партии, состоявшемся 4—12 июня 1928 г., при обсуждении доклада о политике хлебозаготовок определенная часть делегатов высказала свое несогласие с общим курсом экономической политики[171]. Хотя дискуссия развернулась в основном по вопросу о сельском хозяйстве, признавалось, что ответственность за трудности в отношениях с крестьянством ложится прежде всего на бремя индустриализации. В процессе обсуждения Осинский предложил «вложить в течение одного-двух лет 200—300 миллионов рублей в те отрасли промышленности, которые обслуживают нужды деревни», мотивируя это тем, что «в этом вопросе необходимо проявить такую же заинтересованность, как в строительстве Днепрогэса»[172].

Бухарин откровенно объяснял возникшие трудности попыткой одновременно достичь «максимума накопления в социалистической промышленности, максимума развития в сельском хозяйстве и максимума потребления рабочим классом и всеми работающими вообще» и со всей определенностью заявил, что «накопление в социалистической промышленнности является функцией, зависящей от накопления в сельском хозяйстве»[173]. С другой стороны, Сталин настаивал на том, что «дань» или «сверхналог» на крестьянство необходим для успешного финансирования программы индустриализации[174]. Принятая на Пленуме компромиссная резолюция подчеркивала, что «основным фактором социалистического строительства в СССР является быстрый рост крупной социалистической промышленности на базе новой техники (реконструкции)», и отмечала, что «промышленность сама по себе является мощным двигателем сельского хозяйства по пути его преобразования на основе социалистической индустриализации». В то же время она отмечала, что «сельское хозяйство представляет базу развития

промышленности и как рынок, поглощающий изделия промышленности, и как поставщик сырья и продовольствия, и что от размеров экспорта сельскохозяйственных продуктов, и прежде всего зерновых продуктов, зависят в значительной степени размеры ввода средств производства для промышленности». Резолюция признавала, что «сельское хозяйство все еще находится на крайне низком уровне, а темп его развития чрезмерно отстает от темпа развития промышленности». Вопрос о будущих темпах индустриализации был обойден молчанием[175]. Ни одна из сторон не была готова обсуждать его.

Положение о ВСНХ в этот период также было неясным. Опубликованный в августе 1928 г. проект Пятилетнего плана, казалось, был призван ограничить темпы индустриализации, однако со стороны беспартийных советников ВСНХ в течение всей осени отчетливо прослеживалось несогласие с этим[176]. В сентябре 1925 г. Косиор, член президиума ВСНХ, представил для обсуждения на расширенном заседании президиума доклад о контрольных цифрах на 1928—1929 г., в котором предлагал более высокие темпы развития, чем предусматривались в минимальных цифрах, подготовленных в июне[177]. Он предлагал увеличить все промышленное производство на 20,1% при росте производства отраслей промышленности группы «А» на 22,3%. Несмотря на связанную с этим напряженность бюджета, капиталовложения в промышленность, включая электростроительство, должны были возрасти до 2110 млн. руб. (а без электростроительства — 1680 млн.) Важным было предлагаемое распределение ассигнований в пределах этой суммы. Капиталовложения в отрасли промышленности группы «А» должны были возрасти на 32,2%, а в отрасли группы «Б» — лишь на 8,4%. Почти треть всех капиталовложений предполагалось направить на строительство новых заводов.

В прениях по докладу Косиора даже эти далеко идущие предложения подверглись серьезной критике со стороны главков как неадекватные. Говорили, что ряд текстильных фабрик придется закрыть из-за износа оборудования, что экспорт нефти сократится, что электростроительство станет узким местом, а нехватка чугуна и стали усилится. Стоимость угля не снизится, как было запланировано, а его добыча в дальнейшем будет поставлена под угрозу. Подводя итоги обсуждения, Куйбышев поддержал уровень капиталовложений, предложенный Косиором, и выразил согласие с политикой поддержания темпов роста промышленного производства:

«*Снижение капитальных затрат означает переход к более низкой ступени развития промышленности уже в начале следующего года, так же как и в последующие годы... Было бы неправильно вступить на этот путь*».

С другой стороны, на него, очевидно, оказывали сильное давление извне ВСНХ, с тем чтобы умерить требования промышленности. Куйбышев выразил убеждение, что предлагаемые бюджет-

ные ассигнования на нужды ВСНХ являются слишком большими и что это приведет к тому, что все увеличение бюджетных доходов пойдет на нужды промышленности, и предложил урезать запросы ВСНХ[178]. Президиум согласился с этим предложением и поручил Куйбышеву и Косиору изыскать пути покрытия дефицита, а также одобрил несколько урезанную сумму капиталовложений[179]. Передовая статья в «Торгово-промышленной газете», опубликованная в тот же самый день, расценила цифру, предложенную ВСНХ, как *«максимально возможное самоограничение промышленности»*[180]. Спустя неделю, 19 сентября 1928 г., Куйбышев вновь выступил в защиту тяжелой промышленности на встрече с активом Ленинградской партийной организации:

«Все разговоры, что необходимо немного задержать развитие машиностроения, что необходимо осмотреться и т. д., все эти разговоры, я повторяю, вызваны боязнью этих трудностей и пассивного к ним отношения... Перед нами должны стоять постоянные задачи — провести индустриализацию страны и увеличить темпы». Он подчеркнул наличие опасных тенденций «жалоб, недостатка уверенности и пораженчества», которые встречались в правительственном аппарате и «определенных кругах» партии и которые отражали неудовлетворенность кулачества. И в то время, как в партийных организациях все еще были сильны «пережитки методов военного коммунизма», «Ленинградская правда» накануне близоруко заявила, что наибольшую опасность представляет троцкизм[181].

В прессе не было никаких намеков на разногласия среди политических руководителей относительно темпов индустриализации вплоть до конца сентября 1928 г. Угланов в докладе на заседании Московского городского комитета партии 11 сентября 1928 г., опубликованном после прохождения цензуры в «Правде»[182], отметил, что тяжелая промышленность развивалась удовлетворительно, но что в текстильной промышленности необходимы незначительные улучшения, и под смех присутствующих добавил, что «никто не заподозрит нас в «уклонизме», в том, что мы поддерживаем легкую промышленность и являемся противниками тяжелой»[183]. Однако это был лишь намек на наличие различных точек зрения среди партийных руководителей. 22 сентября 1922 г. Молотов заявил в речи на совещании редакторов газет, что темпы развития промышленности будут приблизительно такими же, как в 1927—1928 г., и довольно любезно добавил, что *«мы начинаем переживать обострение экономических трудностей»*[184]. Неделю спустя, 30 сентября 1928 г., были опубликованы давшие новый толчок обсуждению контрольных цифр «Записки экономиста» Бухарина[185], смысл которых заключался в том, чтобы показать несовместимость темпов промышленного развития, предлагаемых ВСНХ, с необходимым равновесием между промышленностью и сельским хозяйством, являющимся краеугольным камнем советской экономической политики. По мнению Бухарина, отличительной чертой

экономического положения осенью 1928 г. являлась нехватка промышленных товаров при одновременной нехватке зерна, помноженная на огромный рост промышленного производства и капитального строительства.

Под предлогом критики троцкизма он обрушился с нападками на точку зрения, согласно которой эти нехватки были вызваны медленными темпами индустриализации и которой придерживался Куйбышев и его коллеги в ВСНХ. Бухарин отметил, что потребность деревни составляла лишь одну пятую — одну четвертую часть от общей потребности в промышленных товарах в 1928—1929 г. Основная потребность исходила от самой промышленности и других социализированных секторов экономики, а также от рабочих промышленных предприятий; потребность была слишком большой в первую очередь потому, что «развивающаяся сумасшедшими темпами» промышленность создавала «сумасшедший спрос» на свои же промышленные товары — *«промышленность плетется в хвосте у самой себя!»* Высокий уровень капитальных вложений привел к несоответствию развития промышленности имеющимся запасам сырья как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Согласно Бухарину, диагноз Троцкого относительно нехватки промышленных товаров был совершенно неверным:

«Если в конечном счете недостает сырья, хлеба... и строительных материалов, то нужно быть действительно оригинальным, чтобы требовать еще более «супер-индустриальной» программы».

Прямо возложив ответственность за нехватку товаров в городе на высокий уровень капитальных вложений в промышленность, Бухарин обрушился с критикой на текущую экономическую политику. Для капитальных вложений должен быть установлен «верхний предел». При этом следует руководствоваться тремя определяющими принципами. Во-первых, партия должна проводить политику поддержания достаточных запасов, поскольку «политика, постоянно сопровождающаяся нехваткой резервов, попахивает авантюризмом». Во-вторых, потребности промышленности, частично зависящие от уровня вложений, не должны слишком сильно сказываться на этих запасах:

«Общеизвестно, что именно здесь нитка натянута особенно сильно. *Невозможно натягивать ее дальше и еще более усугублять нехватку товаров... Следует решительно устранить товарный голод, причем не в отдаленной перспективе, а в течение ближайших нескольких лет. Первые шаги в этом направлении нужно предпринять немедленно».* В-третьих, программа капитального строительства должна быть реально обеспечена необходимыми материалами. Это положение обосновывалось в известном, но противоречивом абзаце:

«Для того, чтобы индустриализация страны проводилась на деле, а не осталась на бумаге, для того, чтобы капитальное строительство стало реальностью, а не «игрой в маленькие цифры»

(Ленин), необходимо обеспечить не только соответствующее количество денег, отражающих потребность в строительных материалах и т. д., но также и соответствующее снабжение этими материалами, их фактическое наличие в физических единицах, их присутствие, а не их будущее «присутствие», их наличие сейчас, поскольку невозможно построить «настоящие» заводы из «кирпичей будущего», даже согласно Бом-Боверку. Однако у нас часто придерживаются странной точки зрения, своего рода «денежного фетишизма», полагая, что если есть деньги, то будет все остальное. Но если нет каких-то определенных материалов в достаточном количестве (учитывая и сбережения), а для их производства требуется больше времени, чем то, в течение которого они будут использованы промышленностью, тогда деньги не помогут. Можно бить себя в грудь, заявлять о своей поддержке индустриализации и даже клясться в этом, проклиная всех врагов и ренегатов, это нисколько не поможет делу. Можно надеяться, что «небось пронесет», играть в орел-решку, гадать на кофейной гуще и т. д., но, увы, объективные взаимоотношения все равно восторжествуют».

Говоря об «объективных взаимоотношениях» в 1928—1929 г., Бухарин определил ожидаемую потребность в чугуне, стали и строительных материалах, с тем чтобы показать, что «нехватка (нехватка!) быстро растет *(растет!!) для всех важнейших категорий потребителей!»* Результат был известен:

Перенапряжение капитальных затрат: 1) не приведет к реальному строительству на эту сумму; 2) неизбежно приведет через какое-то время к снижению объемов уже начатой работы; 3) самым неблагоприятным образом скажется на других отраслях производства; 4) усугубит повсеместную нехватку товаров; 5) в конечном счете *приведет к снижению темпов развития.* Более того, «в условиях стабильных и полустабильных цен последствия для *денежной системы* будут отрицательными». Осторожные выводы Бухарина после такой уничтожающей критики почти сглаживали положение. Он соглашался, что было бы «в высшей степени нежелательно снизить *уже набранные темпы*». Следует добиваться цели *«поддержания* существующих темпов (не превышать их!)» и ослабления напряжения в экономике путем принятия решительных мер в целях повышения производительности труда и эффективности производства. Его выводы, таким образом, формально совпадали с направлением официальной политики. На самом же деле он рьяно выступил против контрольных цифр, подготавливаемых Госпланом и ВСНХ на 1928—1929 г., в которых предлагалось более чем на четверть увеличить уровень капитальных вложений в промышленность.

В статье в финансовом еженедельнике, опубликованной одновременно со статьей Бухарина в «Правде», Фрумкин, активный критик со стороны правых в период июльского Пленума ЦК партии[186], вступил в дискуссию о контрольных цифрах, будучи заме-

стителем народного комиссара финансов. Приветствуя сокращение капитальных затрат и бюджетных ассигнований, предложенное Президиумом ВСНХ, по сравнению с первоначальными требованиями, Фрумкин настаивал тем не менее, что «предложенный Президиумом ВСНХ план неприемлем как по национальным общеэкономическим, так и в особенности финансовым причинам». Правда, что план не «удовлетворял полностью все запросы страны»; однако в советских условиях, заявлял Фрумкин, критерий запросов был неприменим:

«При стремлении Советской власти дать максимум материальных благ рабочим запросы страны безграничны... следует прежде всего рассчитывать на возможности. В Советском Союзе может возникнуть феномен кризиса, если запросы будут удовлетворяться без достаточного учета возможностей».

Продолжая жаловаться, он отмечал, что в 1927—1928 гг. капиталовложения ВСНХ с использованием краткосрочных кредитов были слишком большими и что в физическом выражении финансовая программа не будет выполнена. Наркомфин предложил уменьшить план капитальных вложений в промышленность в 1928—1929 г. до 1530 млн. руб., оставив 50 млн. в качестве резерва, и значительно сократить по сравнению с предложениями ВСНХ бюджетные ассигнования в промышленность[187].

Напряженность, возникшая в результате предложений ВСНХ по капитальным вложениям на 1928—1929 г., достигла апогея после драматической публикации Бухарина. Член Президиума ВСНХ Золотарев, ссылаясь на «темпераментную борьбу, разгоревшуюся вокруг проблемы капитального строительства в 1928—1929 г.», заявил:

«Совершенно очевидно, что те, кому дороги интересы максимальных темпов индустриализации, должны быть готовы защищать предложения ВСНХ с максимальной энергией, отстаивая их против всех других проектов»[188].

IV заседание Госплана, открывшееся 10 октября 1928 г., прошло под знаком этой борьбы[189]. Гринько, теперешний заместитель председателя Госплана, в общем докладе выразил согласие, что контрольные цифры предыдущего года недооценивали возможности промышленного развития, однако недвусмысленно намекал, что уровень общих капиталовложений, предусмотренных ВСНХ в последнем проекте Пятилетнего плана как для промышленности, так и для других отраслей экономики на 1928/29 и 1929/30 гг., не будет достигнут[190]. Квиринг в докладе по плану капитального строительства выступил против предложений ВСНХ по капитальным вложениям в промышленность в размере 1678 млн. руб., включая 50 млн. резерва. Он выдвинул контрпредложение Госплана о максимальных размерах капитальных вложений в сумме 1652 млн. руб. при условии значительного увеличения объемов финансирования со стороны самой промышленности путем дополнительного сокращения стоимости производства.

Для обеспечения этого предполагалось держать 150 млн. руб. из общей суммы в качестве «резерва», который мог быть использован лишь в том случае, если стоимость производства будет сокращена на 8% до 1 апреля 1929 г., а эффективность самой строительной промышленности повышена[191]. Квиринг предложил, однако, чтобы пропорционально большая часть намечаемых изменений касалась отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления[192]. Косиор от имени ВСНХ осудил предложения Госплана, ставившие под сомнение общий уровень капитальных вложений, запланированных ВСНХ, и назвал проект зарезервировать определенную их часть «фиговым листом»[193]. Очевидно, Госплан считал, что притязания промышленности зашли слишком далеко. Даже Струмилин, один из самых откровенных защитников интересов промышленности в Госплане, выступил с критикой правительственных органов, особенно промышленных:

«Следует напомнить представителям ВСНХ, что индустриализация — это не только программа развития капитального строительства, осуществляемая ВСНХ и даже всей государственной промышленностью, вместе взятыми. В своих притязаниях ВСНХ забывает о законной цепочке, связывающей все секторы экономики, объединяемые широким понятием — индустрия»[194].

Подводя итоги обсуждения, председатель Госплана Кржижановский заявил, что представители ВСНХ «утратили чувство реальности»[195]. Принятая двусмысленная резолюция отмечала «большие трудности», связанные с недостатком материальных и финансовых ресурсов, а также одобрила «в целом правильные предложения Госплана по уровню капитальных вложений, включая и предложение о создании резерва в 150 млн. руб., отметив, однако, что этот резерв следует распределить между металлургической и угольной промышленностью, а также промышленностью строительных материалов[196]. Это означало, что любое сокращение капиталовложений в результате невыполнения промышленностью планов снижения себестоимости продукции еще более тяжелым бременем легло бы на отрасли промышленности, производящие товары широкого потребления. ВСНХ же продолжал непоколебимо отстаивать свои предложения. В передовой статье в «Торгово-промышленной газете» вновь подчеркивалось, что любые попытки поставить план капиталовложений в промышленность «под гильотину бухгалтерского баланса бюджета на 1928/29 г.» и сократить эти капиталовложения в целях достижения «оптимального» распределения между соперничающими секторами экономики явились бы «наихудшей формой вульгарного реализма»[197].

Споры относительно размеров капитальных вложений на 1928—1929 г. продолжались в течение нескольких недель. До лета 1929 г. в прессе поддерживалась видимость единства Политбюро, а имя Бухарина не упоминалось в критических выступлениях. Однако многие опубликованные в это время статьи были почти

целиком посвящены ответу на брошенный им вызов. Оппонентам Бухарина не удалось доказательно опровергнуть его тезис о нехватке товаров главным образом в результате слишком высокого уровня капиталовложений. Их основной заботой было доказать, наряду со стремлением преуменьшить важность, размеры и возможную продолжительность нехватки товаров, что повышенный уровень капиталовложений в промышленность должен являться главной задачей и может быть достигнут, несмотря на любые трудности. В передовой статье «Экономической газеты» утверждалось, что техническая отсталость советской промышленности вызывает необходимость ускоренной индустриализации и что более быстрые темпы развития тяжелой промышленности диктуются *«нашими международными задачами»*[198]. «Торгово-промышленная газета» писала якобы в ответ на критику Фрумкиным контрольных цифр:

«Мы не отрицаем наличие товарного голода, однако мы не делаем из этого выводов, сделанных в 1925/26 г. некоторыми сотрудниками Наркомфина. Мы не считаем необходимым сокращать развитие промышленности и капитального строительства в целях преодоления товарного голода»[199].

В процессе дискуссии много писалось о Бухаринских «кирпичах будущего». В ответе Фрумкина, опубликованном в той же газете, говорилось, что «будущий историк в недоумении остановится перед «Записками экономиста» (Бухарина), для которых потребовалось *полторы страницы* в «Правде», чтобы доказать спорное утверждение о невозможности строить здания без строительных материалов». «Торгово-промышленная газета» отмечала, что для устранения нехватки и других материалов необходимо увеличить их производство и улучшить распределение, а не изменять приоритеты плана. Газета предлагала также устранить имеющуюся нехватку за счет сокращения непромышленных секторов экономики: «Почему необходимо сокращать промышленное строительство, если не хватает кирпича?»[200]

Наряду с дискуссией в экономической прессе противоречивые взгляды стали распространяться и в партийной среде. 18 и 19 октября 1928 г. на специальном объединенном Пленуме Московского комитета партии и Московской Контрольной комиссии было впервые открыто заявлено о «правой опасности» в партии. В открытом письме ЦК партии членам Московской партийной организации, обнародованном в день открытия Пленума, новый период характеризовался как период «прямого социалистического преобразования национальной экономики на базе новой техники», период, когда усилия догнать и перегнать капиталистические страны, опираясь на собственные ресурсы, требуют «громадного напряжения» и «железной дисциплины». Возникшие экономические трудности, отмечалось в письме, привели к «некоторым колебаниям как в определенных кругах рабочих, так и в ряде самих партийных организаций», к появлению «тенденций снижения тем-

пов развития промышленности в целом и тяжелой промышленности в особенности». Однако замедление темпов развития тяжелой промышленности вскоре привело бы к еще большим трудностям и «обрекло бы страну на тяжелую зависимость от мирового капитала»[201].

В своем выступлении в прениях на Пленуме 19 октября 1928 г. Сталин осудил «некоторые круги наших коммунистов», которые, между прочим, «требуют свертывания нашей индустрии, считая нынешний темп быстрого развития гибельным для страны», и заявил, что они «пытаются приспособить, может быть, сами того не замечая, дело нашего социалистического строительства ко вкусам и потребностям «советской» буржуазии». За этим осуждением последовали резкие нападки на троцкистский «фантастический план сверхиндустриализации, проводимый хотя бы ценой раскола с крестьянством...»[202] Однако правую опасность стали теперь рассматривать как серьезную угрозу. В статье, опубликованной в «Правде» через несколько дней после Пленума МК, представитель Госплана Вайсберг, являвшийся убежденным сторонником целевого планирования, обрушился с нападками на «систему» взглядов, «возникающих внутри и около партии», в которой «явно прослеживается влияние советского правительственного аппарата, идей и принципов целого ряда беспартийных чиновников», стремящихся показать, что «слишком много индустриализации» и «слишком много социализма в стране»[203].

В ходе подготовки к Пленуму ЦК партии, открывшемуся 16 ноября 1928 г., и стал заметен раскол в самом Политбюро[204]. Оно отвергло проект резолюции Рыкова о контрольных цифрах на 1928—1929 г., пересмотрев содержащиеся в нем показатели в сторону увеличения[205]. После стычки Сталина с Бухариным был достигнут компромисс, а Рыков представил ЦК текст пересмотренного проекта. В окончательном варианте проекта резолюции подчеркивалась взаимозависимость сельского хозяйства и промышленности, а также пагубные последствия для индустриализации отставания производства зерна. В нем отмечалось, что план капитальных вложений зависит от выполнения плана снижения себестимости промышленной продукции на 7% — компромисс между предложениями ВСНХ и Госплана. Резолюция, признавая важность легкой промышленности и ремесел, отмечала необходимость «напряженных темпов развития промышленности и индустриализации страны в целом», а также подчеркивала, что тяжелая промышленность и производство средств производства являются «отправным пунктом индустриализации страны». Ключевое решение было сформулировано в одном коротком абзаце:

«Капитальные вложения в промышленность в 1928/29 г. составят до 1650 млн. руб. против 1330 млн. руб. в прошлом году»[206]. Эта цифра значительно превышала предложения более ранних проектов Пятилетнего плана и на 25% была выше уровня капитальных вложений в 1927—1928 г.

Проект резолюции, по существу компромисс, означал серьезное поражение правого крыла. 15 ноября 1928 г. накануне Пленума Центрального Комитета было объявлено, что Президиум Госплана одобрил пересмотренный план капитальных вложений в промышленность в размере 1659 млн. руб. в 1928—1929 г., из которых лишь 25 млн. предполагалось держать в резерве; в прессе не сообщалось ни о каких условиях снижения себестоимости продукции[207]. Вскоре Совнарком одобрил эти цифры[208]. Он подчеркнул также значимость тяжелой промышленности, которую она приобрела в результате снижения в 1928—1929 г. капитальных вложений, запланированных для отраслей промышленности группы «Б» (удельный вес которых в общем объеме капитальных вложений был и так значительно ниже, чем в 1927—1928 г.) с 403 до 377 млн. руб., то есть примерно до уровня 1927—1928 г.[209]

В день открытия Пленума ЦК «Правда» поместила статью раскаявшегося и порвавшего с оппозицией Каменева, который резко критиковал «борьбу с целью снизить заданные темпы индустриализации»[210]. Впоследствии Сталин сдержанно признал, что во время предшествующего Пленуму обсуждения «существующие темпы роста промышленности были сохранены»[211]. Первым пунктом повестки дня Пленума было обсуждение проекта резолюции о контрольных цифрах, с которыми выступил Рыков, однако с докладом о контрольных цифрах выступил также и Кржижановский[212]. 19 ноября в прениях выступил Сталин, посвятивший первую часть своей речи обоснованию высоких темпов развития промышленности:

«Нельзя ли обойтись без напряженности? Разве нельзя повести работу более медленным темпом, в более спокойной обстановке? Не объясняется ли взятый нами быстрый темп развития индустрии неспокойностью характера членов Политбюро и Совнаркома? Конечно, нет! В Политбюро и Совнаркоме сидят люди трезвые и спокойные. Говоря абстрактно, отвлекаясь от внешней и внутренней обстановки, мы могли бы, конечно, вести дело более медленным темпом. Но дело в том, что, во-первых, нельзя отвлекаться от внешней и внутренней обстановки, и, во-вторых, если исходить из окружающей нас обстановки, то нельзя не признать, что именно она, эта обстановка, диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии».

Затрагивая тему, к которой он вернется в своей знаменитой речи 31 января 1931 г., Сталин заявил, что необходимо «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны, где техника «...прямо бежит вперед». «Либо мы этого добьемся, либо нас затрут». Он утверждал, что невозможно отстоять независимость страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Сталин подчеркнул, что, когда Петр Великий лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была «своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости», и что пролетариат сможет разрешить задачу ликвида-

ции отсталости страны, которую феодальная аристократия и буржуазия были неспособны даже поставить в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Если бы удельный вес индустрии во всем народном хозяйстве стоял в Советском Союзе так же высоко, как в Германии, то можно было бы развивать индустриализацию менее быстрыми темпами. Если бы пролетарская диктатура существовала в Германии и Франции, то Советский Союз мог бы получать от них машины. Однако изоляция Советского Союза, окруженного развитыми капиталистическими странами, ставит вопрос о том, чтобы догнать и перегнать их, «... как вопрос жизни и смерти нашего развития». Говоря о внутренних условиях, диктующих быстрый темп развития индустрии, Сталин отметил чрезмерную отсталость земледелия, наличие преобладающего большинства мелких товаропроизводителей с их раздробленным и совершенно отсталым производством, в сравнении с которым крупная социалистическая промышленность выглядит как «остров в океане». Вот почему индустрия является ключом, при помощи которого можно перестроить отсталое и раздробленное земледелие на базе коллективизма, максимально обеспечить сельское хозяйство орудиями и средствами производства.

Гвоздь тезисов Политбюро о контрольных цифрах народного хозяйства Сталин видел в том, что в промышленность на капитальные работы в 1928—1929 г. вкладывалось 1650 млн. руб. (туманная фраза «до 1650 млн. руб.» была потихоньку исключена из резолюции). Он резко критиковал Фрумкина за неспособность понять, что сокращение капитальных вложений в промышленность приведет к снижению темпа развития индустрии, что «...действительно ухудшило бы положение всего нашего народного хозяйства»[213]. Резолюция о контрольных цифрах, в которой ЦК партии впервые одобрил конкретные годовые показатели, содержала три положения, ставших отныне решающими для политики индустриализации. Во-первых, ничто не должно стоять на пути «нынешних темпов индустриализации»; эта осторожная формулировка скорее касалась существующих планов индустриализации. Во-вторых, темп индустриализации должен быть напряженным; нехватку товаров, пока еще неизбежную, можно было попытаться смягчить. В-третьих, развитие сельского хозяйства, каким бы важным оно ни было, следовало обеспечить в первую очередь за счет успешной индустриализации, что способствовало бы увеличению поставок машин и оборудования; ресурсы для нужд сельского хозяйства должны быть найдены не за счет, а в дополнение к ассигнованиям на развитие промышленности.

Таким образом, примат промышленности, подчеркнутый ноябрьским Пленумом ЦК, был еще более усилен. Вскоре после ноябрьского Пленума ЦК 1928 г. Куйбышев заявил на пленарном заседании ВСНХ, что «необычайно жесткая» нехватка средств производства заставляет увеличить капиталовложения в эти отрасли промышленности еще на 25 млн. руб., одновременно увели-

чив примерно на ту же сумму оборотный капитал [214]. В декабре на 8-м съезде профсоюзов Куйбышев вновь обрушился с критикой на профессоров Наркомфина и других экономических советников, среди которых он назвал одного из ведущих специалистов Госплана Базарова:

«Эти буржуазные идеологи являются экономистами, которые работают в наших советских учреждениях. Они пишут в наших советских журналах. К сожалению, иногда они влияют на образ мышления одного-двух наших советских учреждений. Поэтому я вынужден говорить о них. Требуется решительная борьба с этой идеологией развития черепашьими темпами» [215].

В том же декабре был опубликован проект Пятилетнего плана, подготовленный ВСНХ, что привело к дальнейшему обострению отношений между ВСНХ и Госпланом, который выступал против ускоренных темпов индустриализации, предлагаемых ВСНХ. Однако предложения ВСНХ восторжествовали [216]. Перемирие среди партийного руководства длилось всего несколько недель. И хотя дискуссия по экономическим вопросам в январе 1929 г. велась главным образом по проблемам сельскохозяйственной политики, за всеми обсуждавшимися вопросами угадывались настоятельные требования индустриализации. В резолюции от 9 февраля 1929 г., осуждающей Бухарина, Рыкова и Томского, подтверждалось, что сверхналог («дань») в виде неблагоприятных цен, который платило крестьянство, «...не может быть уничтожен теперь же, если мы не хотим отказаться от индустриализации...» [217]. В своем запоминающемся выступлении на Московской партийной конференции 23 февраля 1929 г. Молотов вновь подтвердил необходимость предпринять шаги для «возможно более быстрого развития промышленности», как перед лицом «непрекращающейся и усиливающейся угрозы нападения со стороны империалистов», так и потому, что нехватку товаров можно было преодолеть, лишь расширяя капитальное строительство в промышленности: «по вопросу о темпах роста партия не может допустить никаких отклонений» [218]. На апрельском Пленуме Центрального Комитета партии правые вновь сосредоточили основную критику на вопросе о темпах индустриализации. Угланов отстаивал интересы легкой промышленности, сравнив ее с курицей, несущей золотые яйца, и заявив, что нужно задуматься, не душит ли тяжелая индустрия эту курицу [219]. Бухарин остался на своих прежних позициях [220]. Резолюция объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦК по внутрипартийным делам от 9 февраля 1929 г., одобренная объединенным Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 апреля 1929 г., тесно увязывала проблемы сельского хозяйства с индустриализацией:

«Реконструктивный период означает серьезный перелом в экономическом и политическом развитии СССР. Необходимость в короткий исторический срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны обязывает партию вести политику быстрого темпа развития индустрии.

Осуществляя социалистическую индустриализацию, пролетариат приступил в настоящее время к труднейшей работе по выкорчевыванию корней капитализма в народном хозяйстве страны, к работе по социалистическому переустройству сельского хозяйства, являющейся нашей центральной задачей в деревне на предстоящий период». В этом контексте резолюция сурово бичевала как «Записки экономиста» Бухарина, так и в особенности «платформу 3-х» (Бухарина, Томского, Рыкова), оглашенную на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК от 9 февраля 1929 г., а также их выступления на Пленуме ЦК и ЦКК и отмечала, что они «явно направлены к снижению темпа индустриализации» [221].

XVI конференция ВКП(б), состоявшаяся 23—29 апреля 1929 г., публично провозгласила триумф политики ускоренной индустриализации [222]. Даже Рыков в докладе по Пятилетнему плану признал, что «многие из нас ошибались, думая, что при переходе от так называемого восстановительного периода к реконструктивному темпы развития нашего хозяйства, и, в частности, промышленности, потерпят решительное снижение и будут гораздо ниже тех, которые оказались в действительности за последние годы» [223]

В своем выступлении в прениях Куйбышев напомнил, что прирост промышленной продукции в 1927/28 г. составил 23% и что по плану на 1928/29 г. ее производство возрастет еще на 21%. Он с гордостью подчеркнул, как и на конгрессе профсоюзов в декабре 1928 г., что эти темпы развития значительно превышали темпы, предложенные Госпланом весной 1927 г. Он сравнил их с темпами развития США: «Таким образом, жизнь обнаружила, что мы недостаточно учитывали все наши возможности, недостаточно принимали во внимание все те преимущества, которые дает нам советская система с ее национализацией земли, с национализацией фабрик и заводов и плановым ведением хозяйства».

В дискуссии о темпах развития Куйбышев вновь осудил точку зрения правых и, не называя Бухарина, Рыкова и Томского по имени, провел параллель между ними и реакционными элементами вне партии: «Вы, конечно, знаете разговоры о том, что мы идем со слишком большим напряжением. Нам говорят: нельзя ли легче, нельзя ли взять несколько более спокойный ход развития, нельзя ли сдержать развитие промышленности, чтобы уравнять темпы с сельским хозяйством, и т. д., и т. п. Все эти разговоры являются не чем иным, как отражением в нашей партии, в некоторых ее прослойках, тех мелкобуржуазных колебаний, которые совершенно естественно присущи нашей стране ввиду наличия в ней огромных слоев мелких собственников, ввиду того, что мы являемся страной с мелким, частным, дробным сельским хозяйством».

Вопрос о темпах развития «.. является принципиальным вопросом не только нашей хозяйственной политики, но и принципиальным вопросом всей борьбы социализма с капитализмом как внутри страны, так и вовне» и по этому вопросу партия больше-

виков не должна делать ни малейших уступок. Наоборот, «прежде всего нужны опережающие темпы роста для тяжелой индустрии, производящей средства производства, орудия производства» [224].

Достижения промышленности в 1928/29 г., казалось, вселяли чувство уверенности в ВСНХ. 8 мая 1929 г. плановый отдел ВСНХ, заслушав доклад Гинзбурга, оценил итоги первого полугодия (октябрь — март) как «более или менее удовлетворительные».

Производство продукции отраслей промышленности, планируемых ВСНХ, в целом на 19,7% превзошло уровень соответствующего периода 1927/28 г. Оно было несколько ниже запланированного; в частности, отставало от планового производство в химической промышленности, машиностроении и промышленности цветных металлов; более того, в ряде отраслей ухудшилось качество. Специалисты планового отдела отметили, однако, что механизация в угольной промышленности проходила успешно, снабжение коксом и металлическим ломом было регулярным, а новые домны вступили в строй в запланированные сроки. Более равномерным стало снабжение лесом и металлом сельскохозяйственного машиностроения; несмотря на «серьезную нехватку строительных материалов», производство расширялось в соответствии с плановыми требованиями, а подготовка к строительному сезону в 1929 г. шла более быстрыми темпами, чем в 1928 г. С другой стороны, не удалось сократить издержки производства до запланированного уровня, а финансовое положение промышленности было «чрезвычайно напряженным» [225].

Второе полугодие хозяйственного года характеризовалось дальнейшим расширением промышленного производства. Кампания за увеличение производства в 1927/28 г. предотвратила его сезонный спад, наступающий обычно в январе — марте. В 1928/29 г. эта кампания продолжалась круглый год, и в последнем квартале (июль — сентябрь) рост производства был наиболее значительным [226].

Сообщалось, что на протяжении всего года производство отраслей промышленности, планируемых ВСНХ, увеличивалось более быстрыми темпами, чем было запланировано. Производство планируемых ВСНХ отраслей промышленности группы «А» росло значительно быстрее, чем отраслей группы «Б», хотя развитие этих отраслей в свою очередь опережало плановые показатели [227]. Как и в 1927/28 г., фактическое количество имеющихся на рынке товаров широкого потребления увеличивалось более медленно из-за замедленных темпов развития мелкой кустарной промышленности и упадка частной промышленности [228]. Ухудшение товарного голода привело к тому, что стало легче продавать как товары широкого потребления, так и средства производства. А в результате, судя по поступающим сведениям, качество продукции в ряде отраслей промышленности ухудшилось [229]. Несмотря на невыполне-

ние плана, сокращение издержек производства[230], промышленности удалось в 1928/29 г. получить и полностью освоить капитальные вложения.

В планируемых ВСНХ отраслях промышленности капитальные вложения достигли запланированного уровня и на 27% превысили уровень предыдущего года. В рамках общего объема капиталовложений наблюдался заметный сдвиг в пользу отраслей промышленности, производящих средства производства[231]. В 1928/29 г. капиталовложения в промышленность вдвое превышали уровень 1925/26 г., когда был достигнут и даже превзойден довоенный уровень. К лету 1929 г. кампания, рассчитанная на то, чтобы перегнать в техническом отношении развитые капиталистические страны и преобразовать унаследованную дореволюционную промышленную технику, была в полном разгаре и являлась гвоздем всей экономической политики.

ГЛАВА 13

СЕБЕСТОИМОСТЬ ПРОДУКЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА

В начале 1926 г. борьба за снижение издержек производства в промышленности зашла втупик. Успехи, достигнутые зимой 1924/25 г., когда заработная плата была заморожена, а производительность труда быстро росла, были омрачены возобновившимся ростом зарплаты во второй половине 1925 г. и первыми безошибочными симптомами инфляции [1]. Ни одна из двух ближайших целей снижения издержек производства — уменьшение стоимости промышленной продукции и увеличение доходов промышленности — не казалась более досягаемой. От такого развития событий нельзя было отмахнуться просто как от временных неудач.

Отказ от замораживания заработной платы весной 1925 г. показал, что требуется значительная твердость, чтобы поддерживать необходимый разрыв между повышением производительности труда и ростом заработков. Экономические трудности летом и осенью 1925 г. свидетельствовали о том, что в распоряжении центрального руководства имеются весьма ограниченные ресурсы для развития без инфляции. Повышение себестоимости промышленной продукции привело весной 1926 г. к финансовому кризису в таких крупнейших объединениях, как Югосталь и Южмаштрест [2]. Трудности эти еще более усугублялись под воздействием ряда долгосрочных факторов. По мере того как розничные отрасли промышленности одна за другой достигали довоенного уровня производства, уменьшались перспективы роста производительности труда. Поскольку фабрики с низкой себестоимостью производства и наиболее эффективные заводы вновь вступили в строй первыми, увеличение производства зависело теперь от использования устаревшего, более дорогого в эксплуатации капитального оборудования. В условиях, когда Преображенский и левая оппозиция выступали за индустриализацию за счет усиления нажима на крестьянство в целях изъятия излишков зерна, а правые призывали к замедлению темпов промышленного развития, ВСНХ развернул весной 1926 г. кампанию «режима экономии», нацеленную на проведение индустриализации без оказания ненужного нажи-

ма на крестьянство. Кампания, продолжавшая и интенсифицировавшая усилия по снижению себестоимости промышленной продукции, предпринимаемые еще с 1923 г., открылась постановлением ВСНХ от 23 февраля 1926 г., озаглавленным «Режим экономии», в котором потребность в строгой экономии в промышленности увязывалась с необходимостью изыскания ресурсов для «новой стадии» «нового промышленного строительства и его радикального перевооружения» [3]. 4 марта 1926 г. Дзержинский в интервью заявил, что снижение издержек производства способствовало бы снижению розничных цен: поэтому режим экономии — это «борьба за смычку с крестьянством, борьба за действительно социалистическое строительство» [4].

Пятаков, тогдашний заместитель председателя ВСНХ, подчеркнул важное значение режима экономии для индустриализации, заявив, что необходим лозунг «Каждая копейка — на новое промышленное строительство, каждая сэкономленная копейка — на техническое перевооружение нашей индустрии» [5]. 25 апреля 1926 г. было опубликовано воззвание «Борьба за режим экономии», подписанное от имени ЦК партии Сталиным, а от имени ЦКК — Куйбышевым, в котором содержался призыв сосредоточить усилия на изыскании средств для экономического развития. В призыве подчеркивалась безотлагательность «максимального» развития промышленности, для чего требуется строительство новых заводов и фабрик.

Однако в нем открыто подчеркивалось, что «в современных условиях мы можем полагаться только на собственные силы и ресурсы» и что эти внутренние ресурсы необходимо изыскать, несмотря на «острую нехватку средств». Подчеркивая бедственное положение страны, едва «оправляющейся от хаоса разрухи, разрушений и обнищания», воззвание призывало к «режиму экономии» во всех областях государственной деятельности; жесткая экономия на протяжении ряда лет — единственный путь получения необходимых внутренних накоплений для капитальных вложений. В нем содержался также призыв «упорно и неустанно работать для повышения производительности труда, этого необычайно важного источника социалистического накопления» [6].

Через три недели, 18 мая 1926 г., вышло постановление СТО, нацеливавшее на увеличение производительности труда в промышленности и на транспорте до конца 1925/26 г. в среднем на 10%. Для того чтобы добиться этого, необходимо было улучшить трудовую дисциплину, полностью использовать имеющиеся производственные мощности и устранить задержки производства, улучшив снабжение [7].

На протяжении нескольких последующих месяцев в прессе и партийной пропаганде постоянно повторялся этот лозунг. Кампания рассматривалась как ключ к решению правящей пролетарской партией проблем развития аграрной страны. В одной из публикаций подчеркивалось, что необходимость сознательного укреп-

ления государственной дисциплины и самодисциплины была вызвана монопольным положением государственной промышленности, способствующей «тенденции буржуазного перерождения» [8]. Калинин провозгласил, что указанная кампания — важное историческое завоевание и отход от «потребительских привычек» царской России [9]. Кампания достигла своего апогея в июле 1926 г. 11 июля 1926 г. вышло совместное постановление ЦИКа и Совнаркома, повторявшее и развивавшее положения апрельского воззвания и поручавшее Рабкрину, органам контроля Наркомфина и инспекциям правительственных учреждений предпринять необходимые меры для проведения этих положений в жизнь: в случаях плохого, уголовно наказуемого ведения дел необходимо было сообщать в прокуратуру для последующего их рассмотрения в суде в срочном порядке [10]. Но уже к этому времени проводившаяся кампания столкнулась с рядом трудностей. После июльского (1926 г.) Пленума Центрального Комитета партии, на котором оппозиция выступила с ее резкой критикой, заявив, что она используется для оказания давления на рабочий класс [11], партийное большинство вынуждено было отступить. 16 августа 1926 г. было принято совместное постановление Совнаркома, ЦК и ЦКК, подписанное Рыковым, Сталиным и Куйбышевым, осуждавшее «совершенно недопустимые действия определенных хозяйственных органов, серьезно ущемляющих насущные интересы рабочих» и отмечавшее незаконное сокращение числа работающих подростков, ухудшение качества рабочей одежды, случаи отключений горячей воды и освещения в рабочих клубах, попытки изменения условий труда и нарушения коллективных соглашений, а также «завуалированное снижение зарплаты».

В выражениях, напоминающих протесты оппозиции, в декларации говорилось, что «эти неприглядные действия усугубляются раздуванием штатов управленческого бюрократического аппарата, недопустимым протекционизмом высокопоставленных чиновников..., непозволительным использованием ими транспорта и автомашин, наличием привилегий, повышением высокопоставленным чиновникам в завуалированной форме зарплаты в форме бесконечных командировок и выплаты не подлежащих возврату авансов». В декларации вновь твердо подтверждалось, что «целью режима экономии является не снижение, а постоянное улучшение материального и культурного уровня рабочего класса», и содержалось предупреждение об исключении тех членов партии, которые не борются со злоупотреблениями [12]. На следующий день после опубликования декларации были предприняты законодательные меры по повышению зарплаты [13].

В атмосфере борьбы с объединенной оппозицией осуждение негативных аспектов кампании за режим экономии продолжалось вплоть до конца 1926 г. «Искривления» летней кампании вновь подверглись резкой критике с трибуны XV партийной конференции в октябре 1926 г. и VII съезда профсоюзов в декабре 1926 г.

Один из ораторов, выражая широко распространенную официальную точку зрения, заявил, что «при проведении режима экономии упор делается не на незначительное урезание ежедневных потребностей рабочих, а на перестройку всей системы нашего экономического управления, системы функционирования нашей государственной машины» [14]. И в августовской декларации, и в последующих выступлениях руководителей правительства проводилась четкая грань между этими «искривлениями» в кампании и самой кампанией в принципе. В августовской декларации утверждалось, что все сделанное до сих пор означает «прорыв в переходе от расточительства и небрежности к рациональному управлению и бережному отношению к государственным ресурсам и их эффективному использованию», что настоящий этап — это начальная ступень введения режима экономии, который будет сохраняться «на протяжении всего периода нашего экономического развития» [15]. Хотя лозунг «режим экономии» и стал неотъемлемой частью советского экономического словаря, начиная с лета 1926 г. он стал употребляться менее часто, чем раньше. В резолюции XV партийной конференции «об итогах работы и очередных задачах профсоюзов» наряду с осуждением имеющихся «бюрократических извращений» подчеркивалась важность режима экономии и необходимость вести «...энергичную борьбу с разнузданным отношением к производству и трудовой дисциплине».

Однако в основной резолюции конференции «О хозяйственном положении страны и задачах партии» речь шла о необходимости положить конец всяким излишкам и непроизводительным расходам.

Соответствующий раздел резолюции так и назывался «Режим экономии и новые задачи в области управления» [16]. Несколько месяцев спустя, когда в разгаре были уже другие кампании, в передовой статье «Торгово-промышленной газеты» говорилось, что «непосредственная борьба за режим экономии в настоящее время во многом сведена на нет» [17]. Это означало не просто провал лозунга: в значительной степени это знаменовало собой, по крайней мере на данном этапе, провал кампании снижения себестоимости продукции при помощи простого приема — повышения производительности труда рабочих при сохранении на прежнем уровне заработной платы и ухудшении условий труда. В одном из выпусков информационного бюллетеня Госплана были опубликованы две противоречивые оценки этой кампании. Первая — оптимистическая, приписывающая здоровую рыночную ситуацию в апреле — июне 1926 г. частично тому факту, что «режим экономии действовал в рамках необходимого ограничения потребностей государственных предприятий и учреждений».

Другая, подводящая предварительные итоги 1925/26 г., констатировала провал кампаний за трудовую дисциплину, рационализацию и режим экономии на том основании, что они «в значительной мере неэффективны в борьбе за снижение себестоимости

продукции»[18]. Руководители различных учреждений придерживались единого мнения, что сальдо хозяйственного 1925/1926 г. было неблагоприятным, если оценивать себестоимость промышленной продукции и эффективность производства. Вместо запланированного в течение года снижения на 7% стоимость промышленной продукции фактически возросла на 1,7%, а с учетом акцизного сбора — на 3,5%[19]. Главная причина провала попыток снизить издержки производства — отставание в 1925/26 г., как и в 1924/25 г., роста производительности труда от роста заработной платы. Во второй половине 1925/26 г. режим экономии, безусловно, оказал определенное воздействие на себестоимость промышленной продукции. Однако в разгар кампании повысилась стоимость фрахта, возросли цены на некоторые материалы и топливо, а в сентябре 1926 г., последнем месяце хозяйственного года, была повышена и заработная плата. Поэтому к концу хозяйственного года издержки производства продолжали расти[20].

Несмотря на провал или частичный провал кампании за режим экономии, общее хозяйственное положение страны в 1926 г. вселяло уверенность. Возросли по сравнению с прошлым годом капиталовложения в промышленность; критические месяцы конца лета и начала осени прошли без экономического кризиса; на рынке было больше, чем когда-либо со времени революции, товаров широкого потребления, несмотря на возрастание в 1925/26 г. покупательной способности как городского, так и сельского населения. Однако ввиду продолжающегося возрастания себестоимости промышленной продукции к перспективам ее снижения в 1926/27 г. относились очень осторожно. Рассчитав в контрольных цифрах на 1926/27 г., что заработная плата будет возрастать такими же темпами, как производительность труда, а цены на сельскохозяйственное сырье, закупаемое промышленностью, возрастут, Госплан пришел к выводу, что «нельзя ожидать заметного снижения себестоимости продукции»[21]. Первоначально ВСНХ был настроен, на удивление, гораздо более оптимистично, чем Госплан, считая, что разрыв между увеличением производительности труда и ростом зарплаты будет достаточно велик, чтобы снизить издержки производства на 3%[22]. В это время было неожиданно принято решение о немедленном повышении заработной платы[23]. 15 сентября 1926 г. Президиум ВСНХ отметил «опасность для всей экономики», вызванную «чрезвычайно ограниченными возможностями для снижения себестоимости продукции в 1926/27 г.»[24]. В первые месяцы 1926/27 хозяйственного года себестоимость промышленной продукции продолжала расти. К концу ноября 1926 г. Соколовский, один из беспартийных ведущих экспертов ВСНХ по проблемам ценообразования, заявил, что «выполнение указания председателя ВСНХ о снижении на 2—3% себестоимости продукции приведет к огромному перенапряжению промышленности». В результате ВСНХ пришел к выводу, что

максимально допустимое снижение себестоимости продукции — 1% [25].

Пессимизм относительно перспектив снижения себестоимости продукции объяснялся тем, что оптовые цены на промышленную продукцию нельзя было снизить. Снижение промышленных цен без снижения себестоимости продукции привело бы к уменьшению доходов, идущих на финансирование развития промышленности. В течение декабря 1926 г. и января 1927 г. партия решила, однако, провести кампанию с целью изыскания средств в государственном секторе. Подобно кампаниям 1924 и 1926 гг. кампания 1927 г. была нацелена на поиск средств для капиталовложений в промышленность. Однако ее главной ближайшей задачей являлось изыскание имеющихся дополнительных средств для повышения жизненного уровня как в городе, так и в деревне; такого повышения предполагалось достичь путем снижения цен на промышленные товары массового потребления. Очевидно, первым шагом в этом направлении было решение Политбюро в декабре 1926 г. провести новую кампанию по снижению цен, нацеленную на снижение как оптовых, так и розничных цен [26]. Если предыдущее решение о том, что себестоимость промышленной продукции не может быть снижена, предполагало, что не будут снижены и оптовые цены, то новое решение снизить оптовые цены означало, что себестоимость промышленной продукции должна быть в конце концов снижена. После обсуждения на коллегии Госплана СТО в начале января 1927 г. принял решение, что себестоимость промышленной продукция может быть снижена более чем на 1%, предложенный ВСНХ; 25 января, после повторного рассмотрения, коллегия Госплана решила, что указанная себестоимость должна быть снижена по крайней мере на 5% в 1926/27 г. при соответствующем снижении оптовых цен [27]. Постановление ЦК партии, датированное февралем 1927 г., призвало к снижению розничных цен на 10% до 1 июня 1927 г.; в нем также было одобрено решение коллегии Госплана о всеобщем снижении не менее чем на 5% себестоимости промышленной продукции, что в свою очередь делало возможным значительное, хотя и неуточненное, снижение оптовых промышленных цен. В нем указывалось, что «должна быть разработана система соответствующих мероприятий, рассчитанных на ряд лет, имеющих целью постоянное удешевление продукции промышленности, в том числе и местной [28].

Подобные заявления были прелюдией начатой весной 1927 г. оживленной кампании за «рационализацию производства». Даже до революции предпринимались отдельные попытки провести стандартизацию и специализацию продукции в таких отраслях промышленности, как металлургическая и сталелитейная, где были влиятельны синдикаты. В отраслях промышленности, где синдикаты не имели распространения (таких, как текстильная и строительство), стандарты на готовую продукцию, закупаемую у частных предприятий, устанавливались военными представителями;

аналогичные попытки составить перечень разрешенной номенклатуры производства предпринимались и во время гражданской войны [29].

Однако лишь в 1924 и 1925 гг. частично по инициативе ряда отраслей промышленности, а частично по решению центральных органов была создана специальная организация по стандартизации продукции. На высшем уровне под эгидой СТО был учрежден Комитет по стандартизации, решения которого, одобренные СТО, становились обязательными на всей территории СССР; Комитет являлся активным членом Международной организации по стандартизации [30].

Помимо этого Комитета, занимавшегося главным образом промышленностью, хотя в его круг ведения входила вся экономика страны, в Главном экономическом управлении (ГЭУ) ВСНХ был создан отдел рационализации и стандартизации, а к 1926 г. в главках важнейших отраслей промышленности были организованы бюро или комиссии по стандартизации [31]. В ряде важнейших отраслей промышленности были проведены кардинальные сокращения номенклатуры выпускаемой продукции [32]. В этом смысле термин «рационализация» довольно часто упоминался в период «режима экономии». В мае 1926 г. Дзержинский заявил, что «режим экономии предполагает рационализацию продукции» [33], а постановление ЦИКа и Совнаркома от 11 июня 1926 г. подчеркивало необходимость «постоянной работы по рационализации всех отраслей экономики и управления» [34]. В 1926 г. и первые месяцы 1927 г. различные аспекты проблемы рационализации обсуждались на многих конференциях [35].

Поэтому, когда 24 марта 1927 г. вышло постановление ЦК партии, провозгласившее кампанию за повышение эффективности производства путем «рационализации продукции», ее семена упали на благодатную почву. В постановлении, определявшем термин «рационализация» как «улучшение технологии и организации производства», намечались следующие основные задачи:

«На заводах и фабриках следует проводить в широких масштабах политику более полного использования оборудования, специализации предприятий, рационализации использования топлива и электроэнергии, организации непрерывного производства (конвейерной системы), а также механизации и совершенствования внутризаводского транспорта.

Необходимо также ускорить проведение мероприятий по дальнейшему разделению труда, улучшению оснащения капитальным оборудованием рабочих мест и более эффективной организации труда. Особое внимание необходимо уделить развитию массового и серийного производства и дальнейшему совершенствованию стандартизации продукции» [36].

Как само понятие «рационализация», так и ее применение, расшифровывавшееся в постановлении, было заимствовано у Запада. Rationalisierung в Германии, «научная» или «рациональная»

организация труда во Франции продолжали и развивали дальше систему «научного управления» Тэйлора, которая в 1918 г. привлекла внимание Ленина [37]. Состоявшаяся в Женеве в мае 1927 г. Всемирная экономическая конференция приняла резолюцию в поддержку рационализации, включающую в это понятие сокращение номенклатуры изделий, уменьшение отходов материалов и снижение непроизводительных затрат труда, экономию транспортных расходов и снижение количества посредников [38].

На Западе в это понятие зачастую включался переход к массовому конвейерному, или непрерывному поточному, производству; здесь образцом служили автомобильные сборочные заводы Форда. В этом же смысле данное понятие употреблялось иногда и в СССР: в августе 1928 г. в докладе ЦКК Куйбышев определил рационализацию на предприятии как «организацию в крупных масштабах массового производства стандартизированной по качеству и размеру продукции с применением непрерывного поточного производства как наилучшего организационно-технического метода». Пререквизитом подобной рационализированной промышленности являлось наличие обширного рынка для каждого вида продукции; во многих случаях такая далеко идущая рационализация была невозможна без крупных капиталовложений в новое оборудование. Поэтому неудивительно, что к весне 1928 г. непрерывное поточное производство было введено в лучшем случае на 70 или 80 предприятиях [39].

Значительное повышение эффективности было возможно, однако, и без внедрения конвейерной системы; именно на более ограниченных мерах стандартизации и специализации были сосредоточены усилия СССР. Кампания рационализации подхлестнула деятельность всех заинтересованных организаций по внедрению этих улучшений. В августе 1928 г. Куйбышев проинформировал ЦКК, что было утверждено около 300 общесоюзных стандартов в промышленности, которыми при их полном внедрении было бы охвачено 30% всей промышленной продукции. Куйбышев разъяснил, что зачастую стандартизация облегчала развитие специализации, приведя в пример хлопчатобумажную текстильную промышленность, где простой передачей заказов с одной фабрики на другую каждый из трестов становился ответственным за специализацию в производстве определенной группы товаров [40]. Безусловно, к организованным усилиям по специализации и стандартизации продукции добавлялись отдельные попытки различных предприятий упростить свое собственное производство. Завод «Серп и Молот» сократил номенклатуру выпускаемых сельскохозяйственных машин со 120, производимых до войны, до 12— к 1926/27 г., хотя объем его производства вырос почти втрое. Фабрика «Скороход» радикально уменьшила количество сортов и фасонов производимой обуви [41]. Стремление к специализации и стандартизации сопровождалось в 1927 и 1928 гг. разнообразными попытками рационализировать планы производства, обмен ин-

формацией и управление промышленностью в целом. По мере развития кампании обнаружился целый ряд слабостей. Бюро рационализации, организованные на большинстве крупных предприятий и в ряде главков, как выяснилось, не обладали реальной властью, а их деятельность не контролировалась и не носила систематического характера [42].

В начале 1928 г. высказывались опасения, что кампания «в определенной степени дискредитирована»; как заявил один из ораторов, провал планов научной организации труда и Лиги времени означал, что «мы все еще находимся на пороге развития рационализации» [43]. Несколько позднее другой автор заявил, что бюро рационализации «по-прежнему у многих вызывают улыбку» [44]. В тех же случаях, когда рационализация оказывалась эффективной, сокращение видов производимой продукции ограничивало выбор потребителя — как промышленных предприятий, так и частных лиц. Кампания рационализации часто критиковалась также за схематические предложения грандиозной перестройки промышленности, позаимствованные у Западной Европы или Соединенных Штатов без учета специфики советской промышленности.

Кампания за индустриализацию была тесно связана с попытками снизить себестоимость промышленной продукции. В августе 1927 г. «Торгово-промышленная газета» объявила конкурс на лучшее предприятие, добившееся наибольших успехов в снижении себестоимости продукции за счет рационализации в 1925/26 и 1926/27 годах. Были учреждены как коллективные премии — предприятиям в виде дополнительных ассигнований на капиталовложения и нужды социального развития и гарантированного снабжения материалами, так и индивидуальные — в форме бесплатных путевок на поездки в США, Западную Европу и на курорты СССР для директоров, инженерно-технических работников предприятий-победителей и корреспондентов газеты [45]. Председателем жюри был назначен Куйбышев, а руководила конкурсом комиссия под председательством Серебровского, который с самого начала заявил, что «предприятия, не способные снизить себестоимость продукции, не имеют права на существование» [46]. На протяжении нескольких последующих месяцев в газете публиковались подробные отчеты о работе отдельных предприятий; в итоге победителем конкурса стала ситценабивная фабрика [47]. В целом в промышленности кампания за рационализацию, начатая в марте 1927 г., совпала по времени с первыми значительными успехами в снижении себестоимости продукции, хотя они и явились, вероятно, кумулятивным результатом усилий двух предыдущих лет. В то время как в течение шести месяцев с октября 1926 г. по март 1927 г. себестоимость продукции повысилась, на протяжении последующих шести месяцев с апреля по сентябрь 1927 г. она значительно снизилась; снижение составило 1,8% в

пересчете на год и, хотя и было значительно ниже запланированных 5%, определенных февральским 1927 г. постановлением ЦК [48], свидетельствовало о значительных успехах по сравнению с предыдущим годом [49]. Накладные расходы сократились, топливо и материалы использовались более эффективно, а рост заработной платы почти соответствовал темпам роста производительности труда [50].

Снижение себестоимости пормышленной продукции, начавшееся в апреле — сентябре 1927 г., продолжалось в течение почти всего 1927/28 г. По окончательным официальным данным ежегодного доклада ВСНХ, в 1927/28 г. себестоимость промышленной продукции снизилась на 6,2%, что было признано «полностью удовлетворительным» [51]. Впервые с зимы 1924/25 г. производительность труда возрастала более быстрыми темпами, чем зарплата [52]. Однако, несмотря на энергичные усилия, предпринятые для повышения норм выработки [53], разрыв между ростом производительности труда и заработной платы составлял только 30% от снижения себестоимости продукции. Наиболее значительным достижением снижения себестоимости продукции явилась экономия материалов и топлива, потребляемых на производство единицы продукции, — экономия топлива была достигнута почти во всех отраслях промышленности [54].

Увеличение производства на имеющихся мощностях делало возможным значительное снижение накладных расходов предприятия на единицу производимой продукции.

В ряде отраслей промышленности, включая металлургическую, сталелитейную, машиностроительную и химическую, оно являлось наиболее важным фактором снижения себестоимости продукции; в Югостали, Украинском металлургическом и сталелитейном тресте за счет снижения накладных расходов была достигнута половина снижения себестоимости продукции [55].

Кампания за рационализацию, несомненно, сыграла определенную роль в этом важном деле.

Летом и осенью 1928 г. планы капиталовложений в промышленность безжалостно увеличивались, и ВСНХ с громадным трудом изыскивал средства для их финансирования за счет внутренних источников самой промышленности. Дополнительное же снижение себестоимости промышленной продукции на 1% высвободило бы около 100 млн. руб. Во время предварительного обсуждения в июне 1928 г. Президиумом ВСНХ контрольных цифр на 1928/29 г. финансовое управление ВСНХ заявило, что в 1928/29 г. нельзя ожидать снижения себестоимости продукции более чем на 3%, тогда как в прошлом году оно равнялось 5%, и что увеличение капиталовложений не должно превышать эти пределы; Соколовский, с другой стороны, настаивал на 5% сокращения [56]. В сентябре 1928 г. Косиор представил Президиуму ВСНХ доклад о контрольных цифрах, в котором предлагал, несмотря на возражения представителей ряда отраслей промышленности, еще боль-

ше увеличить эту цифру — до 5,9% [57]. Госплан же пришел к заключению, что обширная программа капиталовложений, предложенная ВСНХ, может быть профинансирована только в случае снижения себестоимости продукции на 10, самое малое — на 8%. Разногласия достигли апогея, когда на четвертом пленуме Госплана в октябре 1928 г. он представил свои предложения [58].

Представители ВСНХ были и рассержены и встревожены. Золотарев отметил, что цены и заработная плата продолжают расти, и обвинил Госплан в неспособности определить, каким образом может быть достигнуто дальнейшее снижение себестоимости продукции [59]. Косиор заявил, что президиум Госплана предлагает поставить объемы капиталовложений в зависимость от «непомерно большого и совершенно недостижимого снижения себестоимости продукции»; она может быть снижена на требуемый процент только при условии сокращения объемов производства на 25% [60]. Выступая от имени Госплана, Квиринг настаивал на том, что «нет других резервов», кроме как дальнейшее снижение себестоимости продукции; другие выступающие также подчеркнули объективную возможность такого дополнительного снижения. Калинников, беспартийный начальник отдела промышленности Госплана, задал риторический вопрос: «Что стало со всеми преимуществами механизации, рационализации и т. д.?» Гринько отметил, что предложенное ВСНХ снижение себестоимости продукции в 1927/28 г. на 4% является слишком консервативным [61]. В кратких опубликованных отчетах о пленуме сообщалось, что в принятой резолюции предложения Госплана были одобрены в принципе, но не называлась конкретная цифра снижения себестоимости продукции [62]. Несколько недель спустя специальная комиссия одобрила компромиссную цифру — 7% [63]; эта же цифра была впоследствии включена в постановление ноябрьского Пленума ЦК партии [64].

В резолюции отмечалось, что «снижение себестоимости, достигнутое до настоящего времени промышленностью, не отвечает огромным капитальным вложениям, произведенным в нее», и что «режим экономии все еще проводится на наших предприятиях без достаточной настойчивости и не дает того эффекта, который он может и должен дать» [65]. Это означало одобрение точки зрения Госплана. Опубликованные после Пленума ЦК партии контрольные цифры на 1928/29 г. рассматривали его как первый год, в котором «целый комплекс организационно-технических мероприятий, проведенных в предыдущие два года, начинает сказываться на себестоимости продукции». Придавая особое значение снижению накладных расходов и сокращению потребления топливных и сырьевых ресурсов, Госплан установил плановые задания их экономии — в результате более эффективного использования производственных мощностей предполагалось сократить накладные расходы на 20% [66]. ВСНХ согласился с такими запла-

нированными цифрами еще до ноябрьского Пленума ЦК партии. Комиссия Президиума ВСНХ взялась за трудную задачу распределения требуемого дополнительного снижения себестоимости продукции между различными отраслями промышленности и республиками: окончательно одобренные цифры колебались между 5,5% для соляной промышленности и 9,2% для электротехнической [67]. К концу ноября Куйбышев рассматривал планируемое семипроцентное снижение себестоимости как задачу-минимум. В то время как Госплан основной упор делал на экономию сырья и снижение накладных расходов, ВСНХ придавал особое значение проблеме производительности труда и разрыву между ее ростом и повышением зарплаты.

На четвертом пленуме ВСНХ Куйбышев подчеркнул важность кампании за повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции и выступил с резкой критикой самоуспокоенности профсоюзного руководства [68].

В первые несколько месяцев 1928/29 хозяйственного года первоначальный скептицизм ВСНХ казался оправданным. В октябре — декабре 1928 г. себестоимость снизилась только на 2%; лишь дополнительная помощь государства и провал планов снизить цены способствовали тому, что промышленность полностью получила запланированные средства. Один из представителей президиума Госплана рассматривал эту неудачу планирования как «серьезную угрозу» [69]. К концу первой половины 1928/29 г. положение не улучшалось: из-за трудностей в снабжении, роста цен на сельскохозяйственное сырье и краха планов роста производительности труда себестоимость продукции снизилась всего на 1,9% [70]. Согласно официальным данным, весной и летом 1929 г. положение значительно улучшилось, а на протяжении 1928/29 хозяйственного года себестоимость снизилась на 4—5% [71]. Частично снижение себестоимости было достигнуто за счет ухудшения качества продукции, так что товары худшего качества продавались по той же цене, а частично — за счет дальнейшего сокращения запасов [72]. Таким же важным фактором снижения себестоимости являлся и разрыв между повышением производительности труда и ростом заработной платы, который был значительно больше, чем в 1927/28 г. [73]

Наряду с проводимой работой по снижению себестоимости промышленной продукции были предприняты энергичные усилия по уменьшению себестоимости капитального строительства. По официальным подсчетам себестоимость строительства превышала довоенный уровень в значительно большей степени, чем себестоимость производства. В 1926/27 г. себестоимость строительства, подобно себестоимости производства, снизилась лишь незначительно. В августе 1927 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК предложил уже на протяжении ближайшего года довести снижение индекса строительства не менее чем на 15% по сравнению с текущим хозяйственным годом. «В условиях крупного капитально-

го строительства рационализация строительного дела, сокращение накладных расходов, удешевление строительных материалов и всего строительства должны явиться первоочередной задачей, имеющей громадное общехозяйственное значение»[74]. В апреле 1928 г. представитель профсоюза строительных рабочих заявил на сессии ЦИКа СССР, что «строительная промышленность — самая отсталая и дезорганизованная промышленность»[75]. Намеченная цель не была достигнута; в октябре 1928 г. «Торгово-промышленная газета» сообщила, что себестоимость строительства снизилась на 5%[76], однако даже эта цифра была сомнительной. На Пленуме ЦК партии в ноябре 1928 г. было вновь подтверждено, что удешевление строительных работ в текущем году должно быть обеспечено в размере 15%[77], а постановление Совнаркома от 23 апреля 1929 г., одобрившее Пятилетний план, предложило снизить стоимость строительных работ на 50% в течение пятилетнего периода[78]. Однако в 1928/29 г. поставленная цель вновь не была достигнута[79]. Строительная промышленность находилась в руках целого ряда ведомств; строительные рабочие были в высшей степени сезонными, а заработная плата почти полностью зависела от законов спроса и предложения; большинство строительных материалов производилось местной и даже кустарной промышленностью; к 1929 г. только еще стали вырисовываться контуры государственной организационной структуры управления деятельностью строительной промышленности.

На ранней стадии программы индустриализации было особенно трудно осуществлять контроль за себестоимостью строительства и его эффективностью. Снижение себестоимости производства и строительных работ в промышленности, взятых вместе, помогло сэкономить в 1927/28 г. 300 млн. руб., а в 1928/29 г. — 900 млн. руб. Это было выдающимся достижением, способствовавшим внушительному увеличению капиталовложений в промышленность в те годы. Однако в дальнейшем не предвиделось сколько-нибудь ощутимого снижения себестоимости, которое помогло бы осуществить программу предстоящего значительного увеличения капиталовложений.

К лету 1929 г. потребности программы индустриализации намного превысили имеющиеся возможности режима экономии.

ГЛАВА 14

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

а) ВСНХ и главки

На Высший Совет Народного Хозяйства с самого начала было возложено руководство промышленностью, и, по крайней мере формально, — только государственной промышленностью. ВСНХ имел статус объединенного наркомата, а его председатель являлся народным комиссаром и занимал такое же положение в государственной иерархии, как и другие народные комиссары, занимавшиеся хозяйственными вопросами. Все хозяйственные народные комиссариаты были представлены в Совете Труда и Обороны (СТО), который в свою очередь подчинялся Совету народных комиссаров, или Совнаркому.

ВСНХ фактически являлся одним из самых влиятельных комиссариатов. Даже в начале 20-х годов его влияние уступало, пожалуй, только Наркомфину. Начиная с 1924 г. председатели ВСНХ, в отличие от народных комиссаров финансов, являлись членами Политбюро: Дзержинский был кандидатом в члены, а Куйбышев — членом Политбюро. Таким образом поддерживалась прямая личная связь между ВСНХ и высшим рабочим органом партии. В конце 20-х годов, после перехода к ускоренной индустриализации, престиж ВСНХ заметно возрос, и к 1929 г. его мнение в хозяйственных вопросах было решающим.

Все возрастающие темпы индустриализации и введение централизованного планирования сопровождались крупными изменениями в организации промышленности. Концентрация власти в центре влекла за собой широко распространенные требования децентрализации, зачастую непродуманные и необоснованные. В одних случаях требования децентрализации означали передачу полномочий в области и вызывали столкновения между интересами союзных и республиканских органов и местных властей [1]. В других они были направлены против перегруженной бюрократической машины, оказавшейся неспособной передать власть нижестоящим органам. И наконец, они являлись выражением протеста против все более глубокого проникновения физического планирования в рыночную экономику.

Усиление централизации в организации промышленности не рассматривалось первоначально как неизбежное следствие индустриализации. В последние месяцы жизни Дзержинский был оза-

бочен усилением централизации и бюрократизма, проникших во все сферы управления промышленностью, и заявлял, что централизованная система, приемлемая в первые годы после революции, стала теперь «наиболее вредным пережитком» и «чрезмерная опека» должна быть заменена «системой полного доверия». Однако он оказался не в состоянии предложить, каким образом можно совместить централизованное распределение скудных ресурсов с децентрализацией власти [2]. Его преемник Куйбышев через несколько дней после назначения председателем ВСНХ, используя выражения, мало отличающиеся от терминологии Дзержинского, заявлял о необходимости децентрализовать и передать права, которыми наделен ВСНХ, «низовым органам: синдикатам, трестам, губернским и окружным органам управления» [3]. Позднее он утверждал, что централизованная система была необходима в период, когда промышленность нуждалась в основополагающей информации со стороны производственных предприятий и когда еще не были установлены элементарные отношения между промышленностью и рынком, но что в период нового строительства нельзя продолжать осуществлять контроль из центра [4]. Подобная поддержка передачи власти не означала, однако, отход от принципов планирования при усилении влияния рыночной стихии. В официальных заявлениях часто подчеркивалась необходимость сочетания централизованного планирования предметов первой необходимости с децентрализацией.

В апреле 1926 г. Пленум ЦК партии подчеркивал, что в настоящий период нового строительства особое внимание приобретает усиление «планового начала», однако добавлял, что «необходимо освободить высшие планирующие органы от мелочной проверки технических расчетов низших планирующих органов. . .» [5].

«В феврале 1927 г. первый пленум ВСНХ принял решение о том, что в основу пересмотра системы управления должен быть положен принцип централизации планового руководства и контроля при *децентрализации оперативных функций*»; органы управления промышленностью на каждом уровне должны быть наделены «минимумом функций, действительно необходимых и достаточных для выполнения своих обязанностей». Однако пленум вновь проявил консерватизм в практических рекомендациях: фундаментальные перемены должны проводиться в рамках существующей системы с использованием всех основных особенностей имеющейся структуры [6]. В апреле 1929 г. XVI партийная конференция также постановила, что «систематическая переделка аппарата должна итти по *линии децентрализации* оперативных функций при одновременной централизации планирования и руководства в основновных вопросах» [7].

Как на пленуме ВСНХ, так и на XVI партийной конференции, где были приняты вышеуказанные решения, подробно обсуждался вопрос о сверхцентрализации, в результате чего были сформули-

рованы предложения по реформе, затрагивающие все звенья промышленной иерархии. Однако централизованное планирование и контроль наступали на рыночные отношения еще со времени кризиса сбыта 1923 г. (кризис «ножниц» цен на промышленные и сельскохозяйственные товары), что сопровождалось усилением власти центрального руководства над промышленностью. Принятие программы индустриализации, активное претворение в жизнь которой началось с лета 1925 г., дало новый толчок централизации. Широко признавалось, что только централизованное планирование позволит сконцентрировать ресурсы на главных промышленных проектах, с помощью которых в СССР была бы внедрена западная технология. Выступая в октябре 1926 г. на XV партийной конференции, Рухимович дал решительный отпор обвинениям в сверхцентрализме со стороны Чубаря:

«Чубарь заявляет, что необходимо как-то децентрализовать планирование. Я категорически не согласен. Я считаю, что планы должны выполняться в республиках, областях и районах. Однако главное в другом — их разработка и приведение в соответствие с западной технологией должны осуществляться в центре» [8].

Рыков попытался примирить Чубаря и Рухимовича, прибегнув к обычному клише: «По моему мнению, нам необходим централизованный план и дисциплина в выполнении этого плана, но наряду с этим, выполнение плана должно быть децентрализовано» [9]. Однако никто не мог объяснить, как централизовать планирование без централизации управленческого контроля. Процесс был необратимым — политическое руководство и высшее руководство ВСНХ на словах выступали против централизации, но мало-помалу, нехотя и обескураженно они принимали меры, усиливающие свою власть [10]. Они затрагивали практически все аспекты организации промышленности.

В ранние годы НЭПа ВСНХ СССР руководил промышленностью с помощью десяти директоратов Центрального Управления государственной промышленности (ЦУГПрома). Эти директораты управляли промышленными предприятиями союзного значения, подчинявшимися ВСНХ; в эту важную категорию входили основные предприятия, производящие средства производства, а также ряд предприятий отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления. Каждый директорат руководил одной из отраслей или группой отраслей промышленности. Таким образом, они напоминали главки периода военного коммунизма и являлись по существу скелетом старой системы; три важнейшие отрасли промышленности — электроэнергетическая, металлургическая и машиностроительная, а также оборонная — подчинялись не директоратам, а главкам, сохранившим свои старые названия — Главэлектро, Главметалл и Военпром — и подчинявшимся непосредственно Президиуму ВСНХ.

Наряду с этими подразделениями, ответственными за управление промышленными предприятиями союзного подчинения, в

ВСНХ имелось специальное подразделение — Главное экономическое управление (ГЭУ), осуществлявшее с помощью различных подкомиссий контроль и планирование всей советской промышленности, включая отрасли промышленности, подчиненные ВСНХ союзных республик и губернским совнархозам [11]. Главным в нем был Промплан, комиссия промышленного планирования [12]. Все эти управленческие организации располагались вместе в Москве в Деловом дворе, удобном центре, построенном до революции московскими торговцами.

К середине 20-х годов центральный аппарат ВСНХ СССР насчитывал около 3000 сотрудников, функции которых переплетались и дублировали друг друга, особенно между ГЭУ, с одной стороны, и ЦУГПромом и директоратами — с другой. В апреле 1926 г. в ВСНХ были разработаны основные направления реформы управления [13]. К концу августа 1926 г. представленные Куйбышевым предложения были одобрены Совнаркомом [14], а в начале сентября ВСНХ утвердил необходимые изменения структуры [15]. Количество членов директивного органа ВСНХ — президиума было сокращено с 22 до 11[16]; был образован пленум, состоявший из 85 членов (71 из них были членами партии), в который входили основные руководящие работники ВСНХ, начальники главков, руководители крупнейших трестов и синдикатов, директора ряда предприятий, представители губернских организаций и профсоюзов [17]

В течение последующих трех лет состоялось пять заседаний пленума, ставших важным форумом для обмена мнениями и выработки решений. ЦУГПром был ликвидирован, а директораты слиты с соответствующими комиссиями и управлениями ГЭУ. В результате объединения было образовано восемь новых подразделений — главков, подчинявшихся непосредственно Президиуму и ответственных за руководство республиканской и местной промышленностью, равно как и предприятиями союзного подчинения [18]. Промплан, являвшийся управлением ГЭУ, был преобразован в самостоятельное управление, подчинявшееся напрямую Президиуму ВСНХ [19]. Наличие самостоятельного планового подразделения усиливало ВСНХ в борьбе за увеличение выделения промышленности средств, равно как и в организации внутреннего планирования. Создание главков и выделение Промплана лишило ГЭУ наиболее важных функций. Однако оно все еще продолжало существовать, хотя его значение и уменьшилось; в него вошли отделы, ответственные за такие вопросы, как стандартизация и рационализация, экономика труда и техническая учеба. Несколько месяцев спустя, в мае 1927 г., оно было упразднено, а оставшиеся отделы переданы Промплану, переименованному в «Планово-экономическое управление» (ПЭУ). Так, планирование, являвшееся одной из функций ГЭУ, проглотило его [20].

Для внутренней структуры главков не было установлено какого-то стандартного образца. Промышленные предприятия каж-

дого главка были сгруппированы и подчинялись отделам или входящим в них секторам, каждый из которых отвечал за управление какой-то отраслью промышленности. Например, в Главтекстиле производственный отдел состоял из трех секторов, курирующих хлопчатобумажную, шерстяную и «льняную и другие» отрасли промышленности; в каждом секторе главные специалисты, как правило, инженеры по образованию, отвечали за какой-то определенный трест [21]. В Главметалл входило шесть самостоятельных отделов, каждый из которых отвечал за производство и общее руководство определенной отраслью внутри группы отраслей промышленности [22]; в 1928 г. на базе этих отделов были созданы самостоятельные главки — металлургической и сталелитейной промышленности, промышленности цветных металлов, а также машиностроения.

Наряду с этими общими, или производственными, отделами в каждом главке имелся ряд отделов, отвечавших за определенные виды деятельности самого главка, такие, как финансовая или организация труда, так что структура каждого главка напоминала структуру самого ВСНХ. Наиболее важным из них был плановый отдел, координировавший все планы главка и подчинявшийся как плановому отделу ВСНХ, так и самому главку.

В большинстве главков имелся отдел строительства, отвечавший за капитальное строительство в главке вместе с научно-техническим советом соответствующей отрасли промышленности. Таким образом, ключевыми в главках были отделы, отвечающие за производство и общее управление, планирование и строительство. Первоначально научно-технические советы и большинство научно-исследовательских институтов подчинялись не главкам, а самостоятельному Научно-техническому управлению (НТУ), ответственному непосредственно перед Президиумом ВСНХ. По форме такая структура просто повторяла структуру прежних директоров. Отвечая на высказывавшиеся опасения по поводу восстановления в прежних правах печально известных главков, Дзержинский подчеркивал, что новые главки не будут похожи на главки периода военного коммунизма; они будут заниматься не управлением, а проблемами контроля, планирования и согласования [23]. Однако несколько месяцев спустя председатель Главметалла Межлаук откровенно признал, что реорганизация «приобрела нежелательный оттенок возрождения главкистских тенденций» [24].

Контроль за капитальным строительством был наиболее очевидной сферой деятельности, в которой главки быстро приобрели большую власть, чем их предшественники. Меры по усилению такого контроля были разработаны еще в начале 1926 г. Они предусматривали, что ВСНХ СССР в индивидуальном порядке утверждает проекты капитального строительства в промышленности, сметная стоимость которых превышает определенный потолок; эти правила распространялись на капитальное строительство, осуществляемое предприятиями промышленности республи-

канского, местного, а также союзного подчинения [25]. Первое время наблюдалась значительная неопределенность в процедуре утверждения таких «сверхлимитных» проектов. Однако впоследствии было принято решение, что Президиум ВСНХ утверждает общую спецификацию каждого такого проекта; техническое задание на разработку проекта должно было готовиться главком заинтересованной отрасли промышленности, который утверждал также эскизный и окончательный технический проект [26]. Так осуществлялась детализированная разработка планов строительства новых предприятий в главках. В наиболее важных отраслях промышленности были организованы подчинявшиеся главкам государственные институты по проектированию крупнейших объектов, на которые была возложена эта работа, ранее выполнявшаяся трестами [27]. Наиболее значительным из них был Государственный институт по проектированию объектов металлургической промышленности (Гипромез), созданный по инициативе Главметалла в Ленинграде в 1926 г. Гипромез отвечал за проектирование всех новых металлургических, сталелитейных и большинства новых машиностроительных заводов, в то время как тресты продолжали осуществлять планирование и разрабатывать проекты расширения существующих предприятий. Сфера его деятельности быстро расширялась, а штат сотрудников, насчитывавший в начале 1927 г. около 600 квалифицированных специалистов, к осени 1929 г. возрос до 2000 человек. Таким образом, количество работающих в институте значительно превышало число сотрудников Госплана и наполовину — штат ВСНХ СССР. Институт поддерживал тесные контакты с американскими и немецкими компаниями; в его распоряжении имелась большая библиотека иностранных изданий, а сотрудники института регулярно выезжали в заграничные ознакомительные поездки. К 1929 г. в нем работало около 400 иностранных инженеров, функции которых были значительно шире, чем чисто техническая сторона планирования новых заводов.

Так, отдел экономики занимался сравнительным изучением организации и роста промышленности, включая такие вопросы, как ее размещение, снабжение и условия сбыта, эффективность капитальных вложений. После трех лет работы института «Бюллетень Гипромеза» писал:

«При составлении истории нашей послереволюционной промышленности будущие историки обязательно отметят Гипромез как ступень, наиболее ярко знаменующую переход промышленности от старых к новым формам строительства» [28].

В 1928 г. роль главков в планировании капитального строительства еще более усилилась, так как им были переданы научно-технические советы соответствующих отраслей промышленности [29].

Хотя в руках главков и были сосредоточена большая власть в области капитального строительства, в целом ряде вопросов она была ограничена. В то время как в ряде отраслей промыш-

ленности были созданы государственные строительные организации, подчиненные главкам [30], большая часть фактического строительства по-прежнему осуществлялась трестами, республиканскими и местными властями. Промышленность строительных материалов, состоящая главным образом из большого количества мелких предприятий, плохо поддавалась контролю из центра, а учитывая, что отсутствие систематической информации и отчетов о ходе строительства затрудняло контроль со стороны центральной власти над положением дел на местах, целый ряд решений по вопросам капитального строительства на практике принимался помимо главков и вообще центрального аппарата ВСНХ [31]. При осуществлении строительства на существующих расширяющихся предприятиях главную ответственность в любом случае несли тресты. В то время как подобным образом из-под контроля главков ускользала значительная часть сооружаемых второстепенных объектов, крупные новые проекты забирались у них высшими инстанциями [32].

На бумаге главки обладали большой властью в области производства, распределения и финансирования. Главк отвечал за координацию производства и финансовые планы составляющих его трестов; рассмотрение представляемых в ВСНХ заказов трестов на сырье; спускал трестам утвержденные планы и отвечал перед ВСНХ за их выполнение; решал с одобрения ВСНХ и Наркомфина, когда речь шла о крупных суммах, вопросы распределения финансовых ресурсов между трестами. На практике власть главков была менее действенной. В начале 1928 г. сообщалось, что тресты «чувствуют влияние главков только в вопросах финансирования и кредита или же когда необходимо добиться согласия на корректировку плана» [33]. В отраслях промышленности, производящих товары широкого потребления, влияние рынка было вначале очень сильным. До 1926 г. ВСНХ не пытался контролировать производство этих отраслей промышленности; более того, поскольку тресты в этих отраслях были, как правило, прибыльными, они не очень зависели от директоров или главков в смысле финансовой помощи, даже для нужд капитального строительства. Поэтому, например, Главтекстиль унаследовал слабый аппарат от бывшего директората текстильной промышленности и так и не достиг командных высот в промышленности [34]. В отраслях промышленности, производящих средства производства, власть даже наиболее влиятельных главков на практике ограничивалась как ВСНХ, СТО и другими вышестоящими организациями, так и нижестоящими органами экономического управления. Это последнее ограничение совпадало, а частично и исходило из принципа «децентрализации оперативного управления», который советское руководство пыталось внедрить и поддерживать. В период НЭПа этот принцип применялся двояко. Во-первых, значительная часть государственной промышленности была передана в ведение республиканских и местных органов власти, а не ВСНХ СССР [35].

Во-вторых, почти вся промышленность, независимо от того, подчинялась ли она местным или центральным органам власти, была сгруппирована в полуавтономные и самофинансирующиеся тресты. Обе эти формы децентрализации предназначались, чтобы заменить «главнокритический централизм» военного коммунизма. В период 1926—1929 гг. роль главков как проводников централизации была двусмысленной и неполной. С развитием синдикатов более мощные тенденции централизации стали быстро разрушать положение как республиканских так и местных властей и трестов.

б) Республиканская и местная промышленность

С образованием в 1922 г. СССР вся государственная промышленность была разделена на три основные категории — союзную, республиканскую и местную. Руководство союзной промышленностью осуществлял ВСНХ СССР, через свои директораты и главки, республиканской — ВСНХ союзных республик (созданные в 1923 г. как объединенные республиканские наркоматы) [36] и местной — губернские, уездные и волостные советы, а там, где произошла замена старых административно-территориальных единиц, — областные или краевые, окружные или районные советы [37]. Каждый руководящий орган этой сложной иерархической лестницы осуществлял непосредственное руководство промышленностью на своем уровне, а также контролировал и направлял развитие промышленности на нижестоящем, подчиненном уровне. Так, ВСНХ СССР не только управлял союзной промышленностью, но и координировал развитие республиканской и местной промышленности, а ВСНХ союзных республик, помимо руководства республиканской промышленностью, осуществляли также через специальные отделы контроль за развитием местной промышленности. На местном же уровне, в 13 губерниях и 5 автономных республиках, имеющих развитую промышленность, местные совнархозы руководили промышленными предприятиями местного значения, а также контролировали и координировали развитие промышленных предприятий в уездах и волостях [38]. Губернские совнархозы являлись, по существу, республиканскими ВСНХ в миниатюре и имели двойное подчинение — с одной стороны, ВСНХ союзных республик, а с другой — исполкомам местных советов [39]. Там, где на смену уездам пришли округа, при окружных исполкомах были также созданы отделы народного хозяйства, которые по вопросам управления промышленностью подчинялись областным совнархозам [40]. Промышленность в уездах и волостях и в новых административно-территориальных единицах — районах называлась низовой или государственной промышленностью низшей категории, и руководство ею осуществлял либо один из членов исполкома, либо небольшой отдел коммунального хозяйства исполкома. В соответствии с положением о местных советах, низовая промыш-

ленность не могла быть хозрасчетной, хотя на практике применялись различные формы управления, по-видимому, в том числе и хозрасчет [41].

С самого момента своего создания в 1923 г., ВСНХ СССР, в особенности его планово-финансовое управление пытались использовать систему двойного подчинения республиканской промышленности для того, чтобы установить над нею жесткий контроль, «охватить все в малейших деталях» [42], а республиканские ВСНХ, со своей стороны, требовали большей самостоятельности при составлении планов промышленного развития своих предприятий, а также пытались подчинить себе предприятия союзного значения, расположенные на территории союзных республик. Вплоть до создания СССР, ВСНХ РСФСР и УССР управляли всеми промышленными предприятиями, расположенными на территории этих республик, промышленность же в других союзных республиках была развита очень слабо или находилась в зачаточном состоянии, поэтому ВСНХ в них большой роли не играли. ВСНХ Украины, напротив, ревностно отстаивал свою самостоятельность, требуя права управлять не только республиканской промышленностью, но и предприятиями союзного значения, расположенными на ее территории, а также права давать рекомендации ВСНХ и СНК СССР по вопросам будущего развития промышленности. Эти требования нашли поддержку правительства и партийного руководства Украины. Обычно при направлении проекта плана промышленного развития республики в ВСНХ СССР, ВСНХ Украины (имея на то официальные полномочия или нет) включал в него заказы и расчеты для предприятий союзного значения, находящихся на территории республики. С уверенностью можно сказать, что ВСНХ Украины оказывал большое влияние на принятие решений центральными плановыми органами [43]. Однако ему так и не удалось достичь своей цели — стать посредником между ВСНХ СССР и союзными трестами Украины и осуществлять повседневное руководство всей промышленностью Украины. Весной 1926 г., после приезда Дзержинского в Харьков, ВСНХ СССР освободил от занимаемой должности управляющего Югостали и все руководство Южмаштреста (двух союзных объединений на территории Украины) [44]. Что касается ВСНХ РСФСР, то он не обладал таким влиянием, как ВСНХ Украины, и не пытался вмешиваться в дела управления союзной промышленностью на его территории [45]. Большинство предприятий несоюзного значения в РСФСР находились в ведении губерний и районов, а не ВСНХ РСФСР [46], и только в связи с изменением административно-территориального деления страны была предпринята попытка со стороны местных властей установить контроль за развитием союзной промышленности. Реформа административно-территориального деления страны имела своей целью способствовать усилению роли вновь созданных крупных областей и установлению еще одного важного звена в управлении народным хозяйством — областного [47].

В середине 20-х годов ВСНХ СССР продолжил практику предоставления совнархозам вновь созданных областей мандата на управление отдельными предприятиями союзного значения на их территории [48]. Так, совнархоз только что созданной Уральской области получил мандат на управление всей союзной и республиканской промышленностью на территории области [49]. Там, где еще не была проведена административно-территориальная реформа, при ВСНХ союзных республик были созданы Промбюро, объединяющие несколько губерний. Наиболее крупным из них было Северо-Западное промбюро (Севзаппромбюро), созданное еще во время гражданской войны, подчиняющееся непосредственно ВСНХ РСФСР и контролирующее большую часть предприятий союзного, республиканского и губернского значения в Ленинграде и трех соседних губерниях. Союзная промышленность была передана ему по мандату, и руководство ею осуществлялось им совместно с соответствующими главками ВСНХ СССР [50]. Что касается оценок эффективности такой системы управления, то они были весьма противоречивы [51].

В середине 20-х годов в ведении республиканских и местных органов власти, помимо предприятий, переданных им по мандату, находилось также много других предприятий, производивших большой объем промышленной продукции. В 1925/26 г. республиканская и местная промышленность производила 47% валового объема продукции государственной цензовой промышленности, большая часть этой промышленности находилась в управлении местных властей [52]. Руководство наиболее крупными предприятиями осуществлял ВСНХ СССР, а мелкими — местные органы. Отрасли, производящие основные средства производства, а также крупнейшие текстильные комбинаты находились в ведении ВСНХ СССР, а отрасли, производящие некоторые виды товаров широкого потребления (в том числе пищевая, винокуренная, табачная, кожевенная, обувная и швейная отрасли), подчинялись непосредственно республиканским и местным органам. Им же подчинялись и некоторые отрасли промышленности, производящей средства производства, — либо состоящие из большого количества мелких предприятий, либо выпускающие продукцию для массового рынка, либо и те и другие — наиболее характерным примером может служить промышленность стройматериалов или сельскохозяйственного машиностроения. Но очень часто вопрос о том, кому должно подчиняться то или иное предприятие или отрасль промышленности — союзным, республиканским или местным властям, — решался в зависимости от административной выгоды или исторически сложившихся обстоятельств. Подобный принцип соблюдался и при закреплении предприятий или отраслей промышленности за республиканскими, губернскими и местными органами управления. В подчинении республиканских ВСНХ обычно находились все тресты цементной, асбестовой и горнорудной промышленности, а также наиболее крупные тресты

химической, табачной и кожевенной промышленности, местным же органам управления оставались такие отрасли, как мыловаренная, парфюмерная, спичечная и полиграфическая. Большинство предприятий местного значения находились в подчинении губернских властей, а к компетенции уездов и сельских районов относились небольшие мельницы, кирпичные и лесные склады, сыромятни и пекарни [53].

По мере развития индустриализации усиливался и спор, касающийся взаимоотношений между союзными, республиканскими, областными и местными органами управления. В принципе, руководство ВСНХ признало необходимость делегировать полномочия республиканским и местным властям. Куйбышев заявил, что «...строить управление промышленностью только по вертикали уже невозможно» [54]. Первый пленум ВСНХ СССР, состоявшийся в феврале 1927 г., принял резолюцию, в которой подчеркивалась необходимость «опираться... в более значительной степени, чем до сих пор, на органы управления промышленностью конкретной области» и «предоставлять более широкие права ВСНХ союзных республик» [55]. Несколько дней спустя, 3 мая 1927 г., вышло постановление СНК СССР, в котором прозвучал призыв к усилению планового руководства местной промышленностью со стороны союзных и республиканских органов и в то же время вновь подчеркивалась необходимость децентрализации управления промышленностью и развития местной инициативы [56]. Однако руководство ВСНХ по-прежнему продолжало настаивать на том, что оно должно осуществлять, если не управление республиканской и местной промышленностью, то хотя бы ее планирование. На заседании Президиума ВСНХ СССР в сентябре 1928 г. как Куйбышев, так и Межлаук открыто выступили в поддержку передачи большей части губернской и областной промышленности в ведение ВСНХ РСФСР, а также заявили о том, что, несмотря на административно-территориальную реформу, основные отрасли промышленности, включая хлопчатобумажную, должны остаться в ведении ВСНХ СССР [57]. При обсуждении вопроса, касающегося отдельных отраслей промышленности, чиновники из главков и комитетов ВСНХ проигнорировали общие принципы управления и открыто проголосовали за передачу республиканской и местной промышленности под их контроль [58].

ВСНХ СССР удалось подчинить себе ряд важнейших трестов, находившихся ранее под управлением республик и губерний. В 1926 г., после продолжительных дискуссий, он установил прямой контроль над электростанциями Москвы, Ленинграда и ряда других крупных городов [59]. С передачей ему в 1928 г. треста железорудной промышленности Украины — Юрта вся металлургическая промышленность республики (от добычи руды до конечной продукции) оказалась под его контролем [60]. На более низком уровне произошло сокращение большого количества трестов и предприятий путем их рассредоточения между различными органами уп-

равления. Пришедшие им на смену укрупненные тресты охватывали целые отрасли промышленности на больших территориях. Так, например, все кожевенные предприятия Украины были объединены в один трест кожевенной промышленности, а важнейшие местные заводы сельскохозяйственного машиностроения под предлогом, что они являются слишком специализированными предприятиями, чтобы ограничивать реализацию своей продукции местным рынком, были переданы республиканским трестам сельскохозяйственного машиностроения, где они могли еще больше углубить свою специализацию под руководством ВСНХ Украины [61]. Аналогичные процессы имели место в РСФСР: ВСНХ республики передал целый ряд фарфорово-фаянсовых фабрик республиканскому тресту [62]. Завершившаяся в 1928 и 1929 гг. в довольно короткий срок реформа административно-территориального деления всей республики способствовала дальнейшей концентрации промышленности — вновь создаваемые области обычно брали в свои руки управление бывшими крупнейшими предприятиями губернского значения [63].

Реформа, однако, была связана не только с передачей управления местной промышленностью центральным органам, происходил и обратный процесс — значительное число предприятий было передано республиканскими ВСНХ и даже ВСНХ СССР областному управлению [64]. С созданием Северо-Западной области все предприятия республиканского значения на ее территории были переданы в ее подчинение [65]. Несмотря на возражения со стороны ВСНХ СССР, ВСНХ РСФСР передал ряд своих предприятий местным органам с целью привлечения их к финансированию этих предприятий [66]. В то же самое время существенное количество областных предприятий было передано окружным или даже районным органам [67]. Эти изменения в административной субординации между союзными, республиканскими и местными органами не повлияли на распределение продукции между республиканской и местной промышленностью, с одной стороны, и союзной промышленностью — с другой. В 1925—1926 г. доля республиканской и местной промышленности в общем объеме цензовой промышленной продукции составила из 8,9 млрд. руб. — 4,2 млрд. руб., а по плану на 1929/30 г. должна была составить из 18 млрд. руб. — 9 млрд. руб. [68]

Но гораздо важнее сложных изменений в административной субординации была тенденция к установлению контроля над республиканской и местной промышленностью. С этой целью, например, было принято решение о создании при Президиуме ВСНХ СССР — в период организации крупных трестов промышленности по производству стекла и фарфора — специального комитета по координации всей группы отраслей этой промышленности [69]. Жесткий контроль, установленный в 1926 и 1927 гг. со стороны центральных органов над составлением планов капитального строительства, применялся как по отношению к планам предприятий

республиканского и местного значения, так и по отношению к планам предприятий союзного значения [70]. Но если контроль над республиканской и местной промышленностью все усиливался, то участие республиканских и местных органов в осуществлении контроля над предприятиями союзного значения постепенно снижалось. Так, ВСНХ УССР вскоре утратил свое право принимать участие в составлении контрольных цифр развития промышленных предприятий союзного значения на территории Украины [71], а практика предоставления местным совнархозам мандата на управление предприятиями республиканского и союзного значения стала считаться неэффективной [72].

Несмотря на все эти меры, постоянно раздавались жалобы как со стороны главков и комитетов ВСНХ СССР, так и со стороны республиканских ВСНХ на то, что они не обладают достаточными полномочиями по управлению республиканской и местной промышленностью [73]. Эти жалобы не были лишены основания. Доля капитальных вложений в республиканскую и местную промышленность в общем объеме промышленных капиталовложений в течение всего периода 1925/26—1928/29 гг. оставалась более или менее постоянной [74]. Руководителям республиканской и местной промышленности, по-видимому, удалось дать отпор попыткам ВСНХ СССР строго ограничить размеры их капиталовложений, особенно в те отрасли, которые приносят наибольший местный доход [75]. В республиканской и местной промышленности влияние рынка было намного сильнее, а роль централизованного планирования соответственно намного слабее, чем в союзной промышленности [76]. И только при помощи синдикатов, контроль которых над деятельностью союзных трестов, а также предприятий местной и республиканской промышленности все усиливался, удалось установить наконец централизованный контроль над республиканской и местной промышленностью и преодолеть влияние рынка [77].

в) Тресты и синдикаты

Передача областям функций управления республиканской и местной промышленностью сопровождалась усилением роли трестов — автономных объединений, охватывающих предприятия, производящие одну и ту же или смежную продукцию. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР о трестах от 10 апреля 1923 г. определял их как «государственные промышленные предприятия... которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли» и что при исполнении своих обязанностей «председатель и члены правления должны были проявлять «предусмотрительность заботливого хозяина» [78]. В 1926 г. насчитывалось уже несколько сот трестов; 80 из них подчинялись ВСНХ СССР, 100 — республиканским ВСНХ и еще больше — местным органам управ-

ления [79]. Понятие «трест» включало в себя громадное разнообразие предприятий. Первые губернские тресты были небольшими, почти не подчиняющимися центральному руководству объединениями. Даже в черной металлургии Урала и во всем машиностроении насчитывалось около полдюжины трестов в каждой, продукция которых до некоторой степени конкурировала между собой. Однако начавшийся еще до революции процесс концентрации производства в 20-е годы начал приобретать в государственной промышленности все большие размеры. В 1926 г. в 36 крупнейших трестах, насчитывающих свыше 10 тыс. рабочих каждый, было занято свыше двух третей всех рабочих трестированной промышленности [80]. Эти гигантские тресты составляли основу всей тяжелой промышленности. Так, трест Югосталь производил большую часть металлургической промышленности Украины; в его состав входили металлообрабатывающие предприятия, карьеры и угольные шахты, а также 14 металлургических заводов. Почти всея советская угольная промышленность была сосредоточена в руках одного треста Донуголь (производившего также оборудование для угольной промышленности), а вся нефтяная — треста Азнефть. В состав машиностроительных трестов входили три крупнейших, основанных по территориальному принципу — украинский Южмаштрест, Ленмаштрест и Мосмаштрест, — и два, основанных по производственному принципу — Гомзы (транспортное и металлургическое оборудование) и ГЭТ (электрооборудование). Все они, за исключением Мосмаштреста, подчинявшегося ВСНХ РСФСР, и ГЭТа, подчинявшегося Главэлектро, относились к Главметаллу. Некоторые виды товаров широкого потребления, такие, как, например, сахар и хлопчатобумажные ткани, также производились крупнейшими трестами.

Тресты как фактически, так и юридически обладали большой долей самостоятельности. В первые годы НЭПа влияние ВСНХ на их производство и капитальное строительство было весьма незначительным — все планирование капитального строительства и составление проектов было полностью в руках трестов. Они также сами вели большие строительные работы. Четыре пятых всех промышленных зданий в 1926 г. были построены строительными управлениями трестов с использованием своей рабочей силы [81]. Хотя для ввоза оборудования из-за границы требовалось официальное разрешение вышестоящих инстанций, тресты обычно сами составляли спецификацию необходимого оборудования, а крупные тресты посылали своих специалистов за рубеж для изучения передового опыта [82]. Можно с уверенностью сказать, что на ранней стадии НЭПа прибыль, как это и требовалось в уставе, была важным экономическим стимулом в деятельности трестов. Они стремились, чтобы их производство было прибыльным, и старались избегать выпуска товаров, которые продавались с убытком. Этот стимул был настолько эффективен, что иногда им

удавалось не считаться с мнением вышестоящих управлений ВСНХ. Например, Межлаук, бывший в то время заместителем начальника Главметалла, выражал возмущение тем, что «планируемые цены» на заказы Наркомпута были ниже обычных оптовых цен, что оказывало «пагубное воздействие... ибо предложение не превышало спрос»[83]. Говорилось также и о том, что иногда указания сверху предприятиям текстильной промышленности не срабатывали, ибо некоторые линии были нерентабельны[84].

Тем не менее тресты никогда не были абсолютно самостоятельными предприятиями в полном смысле этого слова. По своему экономическому положению они весьма отличались друг от друга. Наблюдалось две крайности. С одной стороны, производство и издержки мелких трестов местного значения, так же как и в частной промышленности, почти не контролировались сверху. Небольшие тресты, производящие товары широкого потребления, ориентировали свое производство, исходя из потребностей рынка, как это делали важнейшие отрасли машиностроения. Но даже тресты, ориентирующиеся на рынок, подлежали довольно строгому финансовому контролю со стороны ВСНХ, особенно по части капитальных затрат[85]. С другой стороны, союзные тресты, особенно крупнейшие из них, производящие средства производства, контролировались сверху по всем вопросам: финансы, цены, производство, заказчики — все регурировалось либо ВСНХ, либо другими правительственными органами. Для деятельности большинства промышленных предприятий в середине 20-х годов управление государства с помощью рынка и финансовых рычагов было гораздо более действенным, чем непосредственный контроль, и зачастую именно регулирование рынка и использование своих финансовых прав позволяло центральным органам устанавливать самый жесткий контроль над предприятиями.

В 1926 г. тресты уже несколько отошли от принципов, заложенных в Положении 1923 г. Являясь самостоятельными коммерческими предприятиями, целью которых было получение прибыли, они были детищем НЭПа, рожденным в период его расцвета, а усиление планирования делало этот устав устаревшим и ненужным[86]. Проект нового закона был разработан весной 1926 г. и после широкого обсуждения утвержден ЦИК и СНК СССР 29 июня 1927 г.[87] Положение о том, что тресты действуют «с целью извлечения прибыли», было заменено (поскольку эта рекомендация вызывала теперь сомнения) новой формулировкой, гласившей, что они действуют «на принципах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями», а предписание председателю и членам правления проявлять «предусмотрительность заботливого хозяина» (что скорее подходило для предпринимателя) было заменено более осторожной рекомендацией проявлять «необходимую заботливость и предусмотрительность»[88].

В течение последующих двух с половиной лет в результате усиления централизованного руководства трестами со стороны

ВСНХ, они все больше и больше утрачивают свою самостоятельность [89]. Однако в потере ими своих прав были повинны не центральные органы ВСНХ, а синдикаты. Основной их функцией было осуществление реализации промышленной продукции [90]. Первые синдикаты были созданы самими трестами в 1922 г., главным образом крупными трестами союзного значения, для того чтобы противодействовать влиянию рынка на промышленные цены [91]. Хотя ВСНХ формально сохранил за собой право утверждать устав синдикатов и их руководящие кадры, тем не менее первоначально они являлись только агентами трестов по реализации их продукции, а взаимоотношения между ними строились на договорной основе. Вплоть до 1924 г., когда синдикаты все еще подчинялись трестам, часто можно было слышать жалобы на то, что тресты не позволяют синдикатам стать действенным инструментом наиболее выгодного сбыта их продукции. Обычно, прежде чем приступить к переговорам с синдикатами, тресты составляли свои производственные планы, поэтому синдикаты должны были исходить из заданной структуры производства, и зачастую им приходилось заниматься реализацией той продукции, которую тресты не смогли реализовать сами [92]. Однако постепенно положение резко меняется. Синдикаты начинают контролировать все большую часть реализуемой продукции, их деятельность становится все более оперативной и разнообразной [93]. Контроль над сбытом постепенно приводит к необходимости контролировать производство, а контроль над принятием решений о капитальных вложениях — к контролю над путями расширения производства; таким образом, синдикаты пытаются также подчинить своему влиянию и финансы [94]. Некоторые синдикаты начинают создавать центральные управления по снабжению трестов основным сырьем, получая тем самым доступ к управлению и планированию.

Впервые синдикаты начали наступление на права трестов в тех отраслях промышленности, на предприятиях которых тресты не пользовались большим влиянием. С момента своего создания в 1922 г. Всесоюзный текстильный синдикат (ВТС) являлся наиболее мощной центральной организацией в текстильной промышленности, а важность рынка для товаров текстильной промышленности как главного канала снабжения крестьян товарами широкого потребления помогла ему занять ключевое положение в экономике. Осенью 1926 г. по рекомендации Рабкрина ВТС начал снабжать текстильную промышленность сырьем, топливом и запасными частями [95]. Вскоре он начал оказывать влияние на технологические процессы и инвестиционные программы трестов [96], а в 1926 и 1927 гг. взял в свои руки сначала коммерческие отделы трестов, а затем их склады и основные запасы [97]. Все это способствовало изменению отношений между ВТС и Главтекстилем, с одной стороны, и ВТС и предприятиями — с другой. Текстильные тресты и предприятия не могли получить напрямую не-

обходимое оборудование и запасные части у заводов текстильного машиностроения; они должны были сначала выйти на центральное правление ВТС [98].

В то же время начавшийся процесс сращения и специализации способствовал упрощению административной структуры. В конце 1926 г., несомненно под давлением ВТС, шесть трестов текстильной хлопчатобумажной промышленности были реорганизованы в три треста [99], а вскоре после этого были созданы отдельные тресты шерстяной и льняной промышленности. Положение трестов сахарной, резиновой и винно-водочной промышленности было не совсем обычным. У них не было своих синдикатов; вместо этого ими были созданы полуавтономные коммерческие управления по реализации и снабжению сырьем всех предприятий своей отрасли [100]. В металлургической промышленности сначала был создан целый ряд синдикатов, соперничающих между собой из местнических интересов, в связи с чем позиции главка в этой отрасли были довольно сильны, а процесс формирования единого синдиката проходил очень медленно, и только в 1926 г. были созданы два синдиката — Всесоюзный металлический (ВМС) и Всесоюзный машиностроительный (ВМТС) [101]. Начавшийся процесс развивался очень быстро, в основном путем вытеснения трестов. Во многих отраслях промышленности синдикаты стали играть особенно важную роль по обеспечению руководства государства республиканской и местной промышленностью [102]. Подобное запутанное и незапланированное разделение функций по управлению промышленностью, при котором трест оказался зажатым между главком и синдикатом, стало вскоре причиной возникших противоречий.

Выступая на совещании уполномоченных трестов и синдикатов в ноябре 1926 г., Гинзбург говорил о том, что с 1924 г. наблюдается усиление «бюрократической системы регламетации в промышленности», в результате чего «синдикаты угрожают перерасти в главки с полу-принудительными полномочиями», а «тресты лишаются значительной доли своей самостоятельности» [103]. Сабсович предложил найти выход из создавшегося положения путем ликвидации трестов и передачи их функций синдикатам, в то время как другой выступающий, напротив, предложил упразднить синдикаты и сделать тресты центральной административной единицей, но обе эти идеи были отвергнуты как «теоретические, кабинетные предложения» [104]. Спор возобновился осенью 1927 г., когда вновь стали раздаваться обвинения в «отсутствии координации» и «нарушении равновесия» между ВТС и Главтекстилем. В результате проведенного Рабкрином осенью 1927 г. обследования, ряд ее чиновников пришли к выводу о необходимости ликвидации синдикатов, другие выступили за присоединение Главтекстиля к ВТС. Мнения в самом ВСНХ разделились. При обсуждении этого вопроса осенью 1927 г. один руководящий работник заявил, что «слияние будет фактически означать возрождение старого

главкизма в новых условиях», но, к удивлению некоторых, начальник Главтекстиля выступил в поддержку предложения объединить коммерческие и административные функции в синдикатах, заявив, что «фактически промышленостью теперь управляет ВТС, а главк только дает руководящие указания, как управлять». Но в то время ВСНХ выступил против обоих этих предложений, оставив все по-старому — главки осуществляли контроль за производственными планами и капитальными вложениями при твердом руководстве со стороны ВСНХ, а синдикаты — контроль над сбытом, снабжением и финансами [105]. Спустя несколько недель обсуждение этого вопроса было продолжено. Выступая на XV съезде партии в декабре 1927 г., сменивший в 1926 г. Куйбышева на посту председателя ЦКК и наркома РКИ Орджоникидзе говорил о том, что Рабкрин, столкнувшись с беспомощностью Главтекстиля (который дает распоряжения трестам или фабрикам, но никто их не выполняет, и тогда он вынужден обращаться к синдикату и просить его приказать такой-то фабрике или такому-то тресту выполнить его распоряжения), предложил ликвидировать Главтекстиль. Он сказал, что это предложение было уже принято [106]. Текстильный трест (ВТС) взял на себя все функции Главтекстиля, включая руководство и управление всей общесоюзной текстильной промышленостью и планирование республиканской и местной промышленности.

И хотя ни один другой синдикат не обладал таким большим влиянием, как ВТС, и не мог потребовать ликвидации своего главка, контроль синдикатов над деятельностью трестов стал все более усиливаться. Договорные отношения между ними еще не были официально упразднены. Новое положение о синдикатах, принятое ЦИК и СНК СССР 29 февраля 1928 г., по-прежнему исходило из принципа добровольности образования синдиката и допускало принудительное объединение трестов в синдикат лишь в «исключительных случаях», а определение товаров, подлежащих сбыту, и условий сбыта этих товаров по-прежнему должно было оговариваться контрактом, заключаемым между трестом и синдикатом [107]. В этот период синдикаты фактически зачастую руководили распределением всей продукции трестов, спуская им заказы, обязательные для выполнения [108]. Текстильный синдикат (ВТС), добившийся ликвидации Главтекстиля, часто обвиняли в том, что он стремится к ликвидации всех текстильных трестов, и хотя он пытался опровергнуть эти обвинения, тем не менее постепенно стал давать прямые административные указания трестам и в конечном счете отбросил в сторону всякую видимость договорных отношений с ними [109]. Прецедент с ВТС вызвал повсеместно чувство тревоги. Один из руководителей треста сказал своему коллеге о том, что «пример ВТС учит, как **не надо** управлять промышленностью» [110]. При обсуждении этого вопроса в ВСНХ в конце 1928 г. представитель треста шелковой промышленности возмущался тем, что ВТС создал ряд управлений, выполняющих

те же функции, что и тресты. «В один прекрасный день, — сказал он, — ВТС будет иметь возможность сказать ВСНХ, Рабрикну и всему миру о том, что это недопустимое дублирование, которое надо ликвидировать». С другой стороны, два представителя треста хлопчатобумажной промышленности поддержали предложение ликвидировать тресты [111].

Весь этот сложный комплекс взаимоотношений вызвал бурные споры на IV пленуме ВСНХ, состоявшемся в ноябре 1928 г. Опубликовавший незадолго до этого критическую статью о синдикатах Косиор обрушился на них с резкими нападками, квалифицируя их как проводников «давления рыночной стихии», и в более сдержанной форме призвал к борьбе с «нездоровой тенденцией синдикатов к главкизму». Председатель Совета синдикатов Манцев, являвшийся, так же как и Косиор, членом Президиума ВСНХ, отметил «объективные стремления» объединить всю промышленность в «своего рода главкистскую организацию» и *«превратить синдикаты в основной рычаг управления нашей социалистической экономикой»*. Председатель нефтяного синдиката Рябовол открыто ратовал за слияние главков с синдикатами. Председатель Югостали Бирман осудил «имперские амбиции» металлургического синдиката ВМС. Однако в отличие от Косиора, хотевшего подчинить синдикаты главкам, Бирман резко выступил против них обоих и потребовал предоставления трестам большей самостоятельности, поскольку их влияние было сильно подорвано [112]. В этой разноголосице мнений Куйбышев свою точку зрения не высказал. Пленум принял две резолюции — одну, подготовленную Косиором, призывающую бороться с тенденцией синдикатов к главкизму, и специальную резолюцию о синдикатах, предлагавшую строить все взаимоотношения сидикатов и трестов на «...добровольных договорных соглашениях» и отмечавшую, что в ряде отраслей промышленности синдикаты являются «проводниками организующего и контролирующего воздействия советской экономики на рынок» [113]. Хотя на пленуме так и не удалось решить проблему будущих взаимоотношений главков, трестов и синдикатов, дискуссия показала, что вопрос заключался не в том, стоит ли управлять промышленностью из одного центра или нет, а в том, каким образом сделать управление промышленностью наиболее эффективным. Все продолжающий усиливаться в этот период перевес планирования над рыночной стихией, а также более тесное увязывание контроля над распределением с контролем над производством способствовали усилению влияния синдикатов. В одной из статей, опубликованных журналом Наркомторга «Вопросы торговли», говорилось о том, что борьба между принудительной «синдикализацией» и «свободным самоопределением» трестов закончилась победой синдикатов, поскольку тресты не понимают рынка. При этом делалась ссылка на пример трестов сахарной и резиновой промышленности как основание необходимости сочетания контроля за сбытом и производством в одних руках [114].

В начале 1929 г. были созданы комиссии Рабкрина и ВСНХ по реорганизации промышленности. Проблема же взаимоотношений между главками, трестами и синдикатами оставалась нерешенной до конца года [115].

г) Предприятие

Согласно декрету о трестах от 10 апреля 1923 г., советские заводы не имели права юридической самостоятельности [116]. Признавая юридическим лицом трест, декрет определял его как «единое предприятие, в состав которого входит несколько производственных единиц — заведений (фабрик, заводов, промыслов, отделений, магазинов и т. п.)» [117]. Другое положение, «Об управлении заведением, входящим в состав треста» от 14 мая 1924 г., принятое ВСНХ СССР, предусматривало, что трест мог делегировать юридические полномочия администрации предприятия и определять пределы самостоятельности каждого предприятия. При этом трест нес всю полноту юридической ответственности за действия всех входивших в его состав производственных единиц [118], которые не могли являться в суде ни истцом, ни ответчиком. Сначала трест действительно, как юридически, так и практически, был хозяином предприятия. В то время трестом управляла скорее рыночная стихия, чем центральное руководство. Не были свободны от влияния рынка и колебаний в экономике (вызванных изменениями в государственной политике) и предприятия [119]. Однако это вляние сказывалось на нем не прямо, а через трест, через его административный и финансовый контроль. По словам одного из красных директоров, предприятие «...заглядывало в лицо высокому начальству», то есть тресту, а не потребителю [120]. Основным стимулом успешной работы предприятия являлись получаемые из треста приказы (а не принцип материальной заинтересованности), критерием эффективности — оперативность их выполнения [121]. По отношению к входящим в него подразделенимя трест был в положении правителя в стране с «централизованной плановой экономикой», а в методах его управления уже прослеживались черты, характерные для советской экономики 30-х годов.

Однако система управления трестов своими предприятиями не была унифицирована. Каждый трест, в рамках довольно широких границ законодательных актов 1923 и 1924 гг., разрабатывал свои методы, а процесс планирования и распределения внутри треста был весьма слабо связан с системой зарождающегося планирования. Как методы управления со стороны различных трестов входящими в их состав предприятиями, так и степень оперативной самостоятельности трестированных предприятий были весьма различны. Но по мере восстановления довоенного уровня промышленного развития значение отдельных предприятий и роль

директора стали медленно, но неуклонно возрастать. Особенно это касалось крупных предприятий, объем продукции которых в 1926 г. равнялся объему продукции целого треста тремя годами раньше. Пролетарская фабрика в Твери, насчитывающая 20 тыс. рабочих и производящая 60% всей продукции треста, охватывала все стадии производства, трест не играл никакой координирующей роли, а просто ставил печать под соглашением между фабрикой и синдикатом о сбыте ее продукции. Мелкие текстильные предприятия, напротив, находились под полным контролем треста [122].

Рост влияния предприятий шел очень неравномерно, их положение в различных отраслях промышленности было неодинаково. Однако общие тенденции уже вырисовывались довольно четко, и к 1926 г. они нашли свое выражение в системе специальных мероприятий, с помощью которых тресты стали формально делегировать свои полномочия входящим в их состав предприятиям. Так, ряд предприятий получил оборотный капитал, с помощью которого они могли свободно маневрировать [123]. Им было предоставлено право закупать независимо от треста небольшие партии сырья и заключать от своего имени договоры с заказчиком. В некоторых крупнейших трестах отдельные предприятия были переведены на хозрасчет. О первом таком решении было объявлено Дзержинским в мае 1926 г. на конференции, созванной им для обсуждения финансового кризиса в Югостали [124]. В соответствии с этим решением за Югосталью сохранялись функции планирования и контроля над предприятиями, подобные тем, которыми главк пользовался в отношении треста. Он должен был продолжать контролировать снабжение предприятий, с тем чтобы конкуренция между ними не привела к росту цен, а также распределять между входящими в его состав предприятиями финансовые средства. Однако его крупнейшие предприятия получили свой основной и оборотный капитал и право на самостоятельные кредитно-финансовые операции. «Немыслимо, — писал Бирман, — чтобы предприятия, равные крупным, общесоюзным трестам, могли успешно управляться централизованным путем» [125].

В июле 1926 г. СТО предложил ВСНХ СССР принять меры к тому, чтобы правление Южного машиностроительного треста, также испытывающего финансовые затруднения, предоставило «максимальную хозяйственную самостоятельность» входящим в его состав предприятиям [126]. В августе 1926 г. Главметалл распространил обращение ко всем трестам металлопромышленности «Об основных моментах перевода предприятий на хозрасчет» [127]. В ноябре 1926 г. ряд других трестов, производящих средства производства, приступили к переводу своих предприятий на хозрасчет. Что же касается трестов, производящих товары широкого потребления, там дела обстояли гораздо хуже, хотя к этому времени вопрос этот уже начал обсуждаться в пищевой и текстильной промышленности [128]. Несмотря на все эти перемены, предприятия

по-прежнему были лишены юридических прав и рассматривались как второстепенные производственные единицы, чьи функции должны быть четко определены. В первоначальном законопроекте о промышленных трестах, разработанном весной 1926 г., не были учтены многочисленные критические замечания — в нем содержался только один пункт, касающийся положения предприятия в системе треста. Под давлением Дзержинского и директоров предприятий раздел законопроекта, в котором шла речь о подразделениях, входящих в состав трестов, был значительно расширен, в него вошли многие пункты из старого положения ВСНХ об управлении трестированными предприятиями от 14 мая 1924 г. [129] В окончательном варианте, принятом в 1927 г. [130], закон о трестах имел целый раздел, посвященный «производственным предприятиям» (устаревший термин «заведение» в новом законе был отброшен). И хотя трест по-прежему оставался единственным юридическим лицом и предприятия юридической самостоятельности так и не получили, на директоров трестированных предприятий была возложена «полная ответственность» за производственные и финансовые операции предприятия, а взаимоотношения между трестом и каждым из его предприятий должны были получить более конкретное регулирование в особом положении, которое правление каждого треста обязано было утвердить для каждого своего предприятия на основе типового положения.

Таким образом, юридическое положение предприятий улучшилось. Директору предоставлялось право открытия текущего счета предприятия в банке, за трестированным предприятием оставалась «часть экономии, достигнутая им против сметной себестоимости». Директору также предоставлялось право производить расходы на текущий и незначительный капитальный ремонт без санкции треста. Он мог нанимать и увольнять весь административно-технический персонал, включая и технического директора [131]. Единственным исключением оставался главный бухгалтер, назначение которого санкционировалось трестом. И наконец, новый закон углублял и уточнял систему нарядов-заказов, выдаваемых трестом предприятию, устанавливающих точный объем и сроки выполнения трестом и предприятием их взаимных обязанностей. Правление треста должно было оказывать директору помощь в разработке промфинплана и плана снабжения с указанием финансовых обязательств сторон [132]. В этом разделе о правах предприятий можно отметить два важных упущения. Во-первых, нигде не употребляется слово «хозрасчет», хотя это можно рассматривать как упущение по форме, а не по содержанию [133]. Во-вторых, предприятию не было предоставлено право продавать свою продукцию и закупать сырье независимо от треста.

Весной и летом 1928 г. в прессе появилось много сообщений о том, что тресты не торопятся переводить предприятия на хозрасчет и предоставлять им права, гарантированные новым законом. Коллегия НК РКИ установила, что из 13 обследованных

РКИ общесоюзных трестов только два провели в жизнь новое положение о трестах, а «Торгово-промышленная газета» отмечала, что «декрет почти нигде не претворяется в жизнь» и что «потерян целый год» [134]. В ходе проверки перевода на хозрасчет предприятий республиканских трестов Украины, в процессе которой состоялись бурные споры между Бирманом и представителем Рабкрина Украины, была получена обширная информация о положении трестированных предприятий Югостали, первом крупнейшем тресте, предприятия которого была переведены на хозрасчет. На каждом из этих предприятий составлялся годовой производственно-финансовый план (промфинплан) и имелся собственный оборотный капитал [135]. Правление треста оплачивало продукцию предприятия по утвержденной им и включенной в заказ-наряд себестоимости. В руках предприятия был сосредоточен контроль над планом снабжения его сырьем и расходованием денежных средств в рамках утвержденного трестом промфинплана, а коммерческий отдел и отдел снабжения треста были переведены на самофинансирование.

С другой стороны, все усложняющееся централизованное планирование приводило к частой корректировке планов и производственных заказов Югостали, что требовало детализированных отчетов предприятий [136]. На IV пленуме ВСНХ в ноябре 1928 г. Бирман с горечью заявил, что вмешательство главков и ВСНХ приводит к тому, что предприятия Югостали не могут работать на хозрасчете в желаемой степени, а влияние треста подрывается [137]. На основании разрозненных фактов можно прийти к выводу, что по мере уменьшения влияния треста на предприятия и установления все более тесных прямых контактов между предприятием, главком и синдикатом положение предприятий становилось все более прочным. Однако этот процесс являлся частью общего процесса усиления централизованного планирования, а «плановые задания» прочно привязывали предприятия к плановой системе. Усиление же автономии предприятий не влекло за собой ослабление их интеграции в системе планируемого производства и распределения.

Основные черты сложного процесса организационных изменений в государственной промышленности в период 1922—1929 гг. могут быть суммированы следующим образом. В 1922 г. трест являлся основной административной единицей. В этот период везде, за исключением ряда отраслей промышленности, производящих средства производства, тресты действовали с учетом рыночного спроса и на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли, а не по прямым указаниям сверху. Вследствие этого ВСНХ СССР и его главки были относительно слабы. В свою очередь тресты не делегировали полномочия входящим в их состав предприятиям, а пытались управлять ими с помощью

прямых административных инструкций. Начиная с 1923 г. контроль центральных органов власти за деятельностью трестов постепенно усиливается. Был введен контроль над ценами, сначала оптовыми, а затем и розничными. Затем последовало введение производственных планов и контроля над капитальными вложениями со стороны главков. Меры по контролю над капиталовложениями оказались относительно эффективными, а за производствеными планами — нет. В этот же период возникают синдикаты как органы сбыта промышленной продукции, начинающие вторгаться как в сферу финансов, так и в планирование производства. Синдикаты явились единственным эффективным инструментом контроля из центра над производством и сбытом продукции республиканской и местной промышленности. Главки и синдикаты вытеснили рынок как основную силу, влияющую на операции трестов. В борьбе главков с синдактами влияние последних неуклонно возрастало. Предприятия добивались все большей самостоятельности и независимости от трестов. Им удалось завоевать определенную финансовую автономию, и они все чаще стали вступать в прямые отношения с центральным руководством, особенно синдикатами, от которых получали прямые указания. Предприятия становились основными подразделениями, на которые опирался ВСНХ в условиях прочно укрепившейся в то время нерыночной экономики, тресты же уступили свою власть, с одной стороны, главкам и синдикатам, а с другой — предприятиям.

ГЛАВА 15

НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

а) Кооперативная и частная цензовая промышленность

Хотя большая часть продукции крупной или цензовой промышленности производилась в государственном секторе, тем не менее в 20-х годах определенная часть цензовых промышленных предприятий все еще продолжала оставаться в кооперативной или частной собственности[1]. В 1925/26 г. кооперативная промышленность производила 6,4%, а частная — 3,5% общего объема продукции цензовой промышленности[2]. Помимо этого, небольшая часть продукции, менее 0,5%, производилась иностранными концессиями[3].

Кооперативная промышленность охватывала предприятия, находящиеся в собственности потребительской, сельскохозяйственной и промысловой кооперации, причем наибольшую роль играла цензовая промышленность потребительской кооперации[4]. Кооперативная промышленность состояла в основном из предприятий пищевой отрасли, которые производили 17% общего объема продукции цензовой пищевой отрасли. Помимо этого, сюда входили также лесопилки, ситценабивные фабрики, кожевенные заводы, небольшие мастерские по производству металлических изделий, текстильные фабрики и мыловаренные заводы[5]. За период с 1925/26 г. по 1928/29 г. производство цензовой кооперативной промышленности возросло более чем в два раза и к концу этого периода составляло около 9% от общего объема продукции цензовой промышленности против 6,4% в 1925/26 г.[6] По-видимому, этот быстрый рост объяснялся переходом в руки кооперации находившихся ранее в частной собственности мельниц и других предприятий пищевой отрасли[7].

Частная цензовая промышленность включала в себя предприятия двух видов — предприятия, являющиеся собственностью владельца, и предприятия, сдаваемые государством в аренду частным лицам; из этих двух арендуемые играли более важную роль[8]. Частная промышленность состояла в основном из небольших фабрик. Согласно законодательству, введенному еще во времена НЭПа, в частной собственности могли находиться предприятия, имеющие не больше 20 рабочих[9]. И хотя по закону предусматривалось, что советские граждане могли брать в концессию предприятия, имеющие свыше 20 рабочих, на деле это право

предоставлялось только иностранным предпринимателям[10]. Одна треть всех рабочих частной цензовой промышленности была занята в пищевой, ликеро-водочной и табачной отраслях промышленности, а подавляющее большинство — в промышленности, производящей товары широкого потребления[11]. При всем при том, что это были в основном небольшие заводы и фабрики, уровень квалификации рабочих был довольно высоким, а их зарплата в среднем на 20% и производительность труда на 30% выше, чем на предприятиях государственной промышленности, что объяснялось отчасти тем, что частная промышленность сосредоточивала свои усилия на производстве более дорогих и модных товаров, а отчасти тем, что она имела «лучшую организацию труда, более высокую производственную дисциплину, относительно более низкое количество подсобных рабочих, своевременные поставки оборудования и сырья и т. д.»[12].

Партийные постановления весьма четко формулировали долгосрочную политику по отношению к частному сектору. Состоявшийся в декабре 1925 г. XV съезд партии призвал «во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом...»[13]. А апрельский (1926 г.) Пленум ЦК партии подчеркнул, что «...быстрый рост производительных сил страны в направлении усиления удельного веса социалистических элементов в народном хозяйстве» является «основным фактором, определившим укрепление пролетарской диктатуры и усиление международного значения СССР...»[14]. Однако официальные лица, занимающиеся вопросами промышленности, не особенно спешили следовать этим директивам. В апреле 1926 г. на заседании Президиума ВСНХ СССР в докладе А. Гинзбурга, в котором рассматривалась роль частного капитала в экономике страны в связи с вопросом о распределении промышленных капиталовложений, была высказана осторожная мысль о возможном направлении частного капитала в некоторые отрасли промышленности — в те, «в которых государство не особенно стремилось к установлению своей монополии, — мелкие, незначительные отрасли, не оказывающие серьезного влияния на экономику страны, но в которых частный капитал играл существенную роль»[15]. Дзержинский в этот период также считал, что нужно максимально полнее использовать частный капитал, четко определив границы его деятельности, в рамках которых он сможет функционировать на законных основаниях[16], а один из главных руководителей ВСНХ, Квиринг, заявлял о том, что правительство считает более целесообразным предоставлять концессии отечественному, нежели иностранному частному капиталу[17].

Однако летом 1926 г. официальное отношение к частному капиталу, как промышленному, так и торговому, начало постепенно меняться[18]. Было введено новое законодательство, существенно увеличившее налог на частного промышленника и торговца[19], что послужило предвестником длительного наступления на

частный капитал, проходившего как в форме административных действий, так и в форме экономических мер и продолжавшегося до тех пор, пока он окончательно не был вытеснен из экономики страны. Вышедшее 23 августа 1926 г. постановление ЦК подчеркивало «противоречие между классовыми интересами труда и капитала на концессиях, а также частных промышленных и торговых предприятиях» и требовало от партийных организаций этих предприятий усилить борьбу против влияния предпринимателей на рабочих и обеспечить защиту интересов трудящихся [20].

Выступая на XV партийной конференции в октябре 1926 г., Рыков в отличие от Дзержинского, который полгода назад защищал деятельность частного капитала в строго ограниченных областях, заявил о том, что государство уже начало на него наступление [21]. Резолюция конференции обращала внимание на то, что частный капитал должен сосредоточить свою деятельность в тех отраслях народного хозяйства, «которые в наибольшей степени делают возможными регламентацию его деятельности, учет и обложение его прибылей» [22]. Однако по-прежнему сохранялась определенная неясность. Один из наиболее активных сторонников решительных действий против частного капитала, Ларин, считал, что частный промышленный капитал может принести большую пользу, чем частный торговый капитал, и поэтому призывал не ликвидировать его, а отвести ему определенные отрасли (которые не занимают командных высот в народном хозяйстве и не требуют дефицитных материалов), такие, как производство кирпича или домостроение. Он даже предлагал смягчить законодательство, ограничивающее количество рабочих на частных предприятиях до 20 человек [23]. «Мы сами построим ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения и Днепрогэс, — сказал он, — но позволим капиталистам строить пуговичную фабрику» [24]. Аналогичной точки зрения придерживался и Госплан. В контрольных цифрах на 1927/28 г., составленных летом 1927 г., отмечалось, что «...процесс ликвидации частной цензовой промышленности в 1927/28 г., по всей вероятности, продолжаться не будет», а в контрольных цифрах на следующий год высказывалось предположение, что произойдет перемещение частного капитала из торговли в промышленность, что будет способствовать увеличению производства частной цензовой промышленности к 1928/29 г. на 6,1% [25]. И даже в 1928 г. регулирование частного капитала все еще рассматривалось как экономическая, а не как административная мера [26]. Однако жизнь опрокинула все эти прогнозы, и уже летом 1927 г. против частной цензовой промышленности применялись как экономические, так и административные меры. В 1926/27 г. производство частной цензовой промышленности (вместо ожидаемого 12%-ного прироста) сократилось на 30% (по довоенным ценам). Это снижение А. Вайнштейн, заместитель директора Конъюнктурного института, охарактеризовал как «новый этап в хозяйственной жизни СССР» [27]. Процесс вытеснения частного капитала продолжался в течение

всего периода 1928 и 1929 гг., и в 1928/29 хозяйственном году продукция частной цензовой промышленности составила только 0,3% от общего объема промышленной продукции[28].

б) Мелкая промышленность

Помимо крупной, или цензовой, промышленности большое место в народном хозяйстве страны занимала в 20-е годы городская и сельская мелкая промышленность[29]. К концу 1926 г. на предприятиях этой отрасли работало около 3,5 млн. человек, или почти 60% всех занятых в промышленности рабочих[30]. Статистические данные по объему производимой ими продукции менее точны. По оценкам Госплана, валовой объем продукции, производимой мелкими промышленными предприятиями (в пересчете на цены 1913 г.), составил в 1925/26 г. 1860 млн. руб., против 2040 млн. руб. в 1913 г., а ее доля в общем объеме промышленной продукции составила в 1925/26 г. 25% против 24% в 1913 г.[31] В основном эти предприятия производили товары широкого потребления — почти 70% готовой одежды и обуви и 43% пищевых продуктов, а также значительную часть кирпича и металлоизделий[32].

Наиболее точную информацию о структуре мелкой промышленности дает нам Всесоюзная перепись мелкой промышленности, проведенная в конце 1929 г. — начале 1930 г., в которой приводятся данные о действующих в 1928/29 г. мелких промышленных предприятиях[33]. Перепись подтвердила, что в основном мелкая промышленность была сосредоточена в сельской местности — 861 тыс. рабочих, занятых на ее предприятиях, проживали в городе и 3565 тыс. — в деревне, что 15% городских и 89% сельских рабочих все еще сохранили связь с сельским хозяйством. Перепись показала, что мелкая промышленность имела сезонный характер — только 24,1% всех рабочих были заняты на мелких промышленных предприятиях 26 и более недель в году, и даже в городах эта цифра не превышала 62%. Однако часть мелкой промышленности была довольно плотно сконцентрирована в отдельных районах, что в статистике называлось «гнездовой» промышленностью. В ней было занято 26% общего числа рабочих. Всего насчитывалось 3175 таких «гнезд», в каждом из которых работало в среднем по 375 человек. Наиболее крупные гнезда специализировались на производстве шелковых и хлопчатобумажных тканей, ножей, замков и инструментов[34]. Существовали и небольшие частные фирмы, однако общее количество работающих в них в 1925/26 г. не превышало 74 тыс. человек[35]. Подавляющее число предприятий, классифицируемых как мелкая промышленность, были представлены в основном производителями типа кустарей или ремесленников[36]. Обычно это были семейные предприятия, где вся работа производилась на дому. Эти независимые производители часто попадали под контроль нэпманов.

Начиная с июля 1923 г. надомников, работающих на частных предпринимателей, стали определять (согласно Кодексу законов о труде) как «наемных рабочих» и они получили возможность пользоваться всеми правами и привилегиями, вытекающими из трудового законодательства. В результате частные предприниматели закрыли свои мастерские и предоставили своим бывшим работникам статус свободных производителей, которые стали брать патент на право производства той или иной продукции (их называли «патентщиками»), но фактически остались под влиянием частного капитала, так как их прежние нанимателя снабжали их сырьем и осуществляли реализацию их продукции. В результате проведенного ВСНХ обследования отмечалось, что установление строгого государственного контроля над заработной платой и условиями труда в частном промышленном секторе «явилось основным фактором, заставившим частных промышленных предпринимателей перейти к нелегальным формам, фиктивно ликвидировать свои предприятия и передавать работу на сторону, надомникам, создавая фиктивные артели»[37].

Таким образом, введение законодательства, ограничивающего формы организации частного капитала, привело к тому, что начавшийся перед революцией процесс вытеснения системы надомного труда мастерскими повернул в обратную сторону. Ларин отмечал, что в 1927 г. надомники производили почти одну четвертую часть кустарной продукции[38]. В середине 20-х годов кустарное производство, как правило, контролировалось перекупщиками[39]. Примитивный труд кустарей оплачивался очень низко, а их рабочий день длился непомерно долго, но у них не было другого источника существования, и поэтому очень часто они действовали заодно с нэпманами, пытаясь обойти закон[40].

В то время как значительная часть кустарей работала под прямым или косвенным контролем нэпманов, другая принадлежала к промысловой кооперации[41]. На 1 октября 1926 г. из 3,5 млн. кустарей 336 тыс. входили в состав 5806 промысловых кооперативов, объединенных в Союз промысловой кооперации, Всекопромсоюз, или аналогичный союз промысловой кооперации на Украине. Чаще всего низовыми организациями являлись производственные артели, контролирующие труд своих членов. Часть артелей работала сообща в мастерских, другая состояла из семейных групп, каждая из которых работала у себя дома, а третья — занималась только сбытом и снабжением. Помимо официально зарегистрированных, существовало также большое число независимых, так называемых «диких» кооперативов, точное членство которых было неизвестно. По некоторым оценкам, оно составляло 364 тыс. человек.

Таким образом, кооперированные кустари на 1 октября 1926 г. составляли в общей сложности 700 тыс. человек, или одну пятую общего числа[42]. Некоторые выражали сомнение в том, являются ли промысловые кооперативы истинно социалистическими органи-

зациями[43], утверждая, что «дикие» кооперативы являются лжекооперативами, используемыми частником-капиталистом для прикрытия эксплуатации наемного труда[44]. Создавая лжекооперативы, он тем самым обходил трудовое законодательство, ограничивающее количество рабочих на частных предприятиях до 20 человек, и пользовался преимуществами, предоставляемыми кооперативам при уплате налога. Помимо этого, кооперативы в отличие от частных промышленнных предприятий были свободны от контроля со стороны государства над заработной платой, продолжительностью рабочего дня и соблюдением условий труда[45]. В связи с начавшейся весной 1927 г. кампанией наступления на частную торговлю бывшие нэпманы-торговцы стали также создавать свои лжекооперативы, в которых они действовали в качестве скупщиков[46]. Ларин пришел к выводу, что «подавляющее большинство трудовых артелей», включая и те, которые принадлежали к официальным союзам кооперации, являлись «по своей природе капиталистическими». Он считал, что поскольку отсутствует контроль над соблюдением продолжительности рабочего дня и условий труда, то можно сказать, что «мы находимся на досоветском этапе», когда применялась потогонная система[47]. Более того, часть продукции промысловой кооперации продавалась не потребительской кооперации и не государственным торговым организациям, а частному торговцу[48]. В 1928 и 1929 гг. сначала в Москве, а затем и в провинции началась кампания по ликвидации лжекооперативов, однако «вплоть до конца 1928/29 г. поступала информация с мест о деятельности частных кооперативов и процветании и развитии лжекооперативов»[49].

В отличие от частной промышленности кустарная пользовалась поддержкой официальных властей. 3 мая 1927 г. было принято постановление СНК СССР, в котором отмечалось «огромное значение» кустарной и ремесленной промышленности и подчеркивалась необходимость оказания ей всякого содействия. ВСНХ было поручено принять меры по налаживанию снабжения этой промышленности на регулярной плановой основе металлом, кожей, хлопком, волокном и шерстью[50]. Это требование нашло поддержку в резолюции XV съезда партии, который отметил: «При составлении пятилетнего плана необходимо иметь в виду развитие мелкой местной промышленности, кустарной и ремесленной, каковая, служа в настоящее время совершенно необходимым дополнением крупной государственной промышленности, способствует изживанию товарного дефицита и смягчению безработицы»[51]. В следующем, развернутом, постановлении от 21 мая 1928 г. СНК вновь подчеркнул «важное значение» кустарной и ремесленной промышленности и перечислил ряд мер, направленных на повышение ее производства[52]. Аналогичное отношение к ней, по крайней мере на словах, наблюдалось со стороны последующих председателей ВСНХ СССР. На XIV партийной конференции в апреле 1925 г. Дзержинский критиковал тех, кто считал металлическую

кустарную промышленность и государственную промышленность «соперниками и врагами», заявляя, что это «в корне неправильная позиция»[53]. Куйбышев, выступая на сессии ЦИКа в октябре 1927 г., также со всей твердостью заявил о необходимости «вести решительную борьбу против презрительного отношения к кустарной и ремесленной промышленности»[54].

Однако за всеми этими официальными высказываниями проглядывали большие разногласия. Центральные плановые органы были склонны относиться к мелкой промышленности враждебно, поскольку она не поддавалась контролю. В материалах особого совещания по восстановлению основного капитала (ОСВОК), в разделе по сельскому хозяйству, было прямо сказано: «...по мере развития крупной государственной промышленности мелкая промышленность должна будет уступить ей дорогу»[55]. Проект Пятилетнего плана развития народного хозяйства, составленный Госпланом весной 1927 г., был подвергнут серьезной критике за недооценку возможностей кустарного производства[56]. Второй проект, разработанный в этот же период ВСНХ, признавал, что мелкая промышленность все еще будет играть «большую роль», поддержал в основном развитие крупной промышленности, отметив, что «развитие крупной промышленности должно идти опережающими темпами по сравнению с мелкой промышленностью». В нем отмечалось, что вся кустарная промышленность «совершенно неизбежно ведет» к росту крупных предприятий, так как «при современной технике сохранение мелких промышленных предприятий, использующих примитивные орудия труда, совершенно нецелесообразно», а вся крупная промышленность должна использовать технический прогресс на полную мощность, извлекая из него максимальную экономическую выгоду, даже если это ведет к вытеснению некоторых кустарных промыслов[57].

Вскоре после появления этого бескомпромиссного документа Рыков подверг его резкой критике на заседании СНК и СТО весной 1927 г. на том основании, что нехватка промышленных товаров рассматривается в нем как единственный аргумент в пользу кустарной промышленности, считая, что это дает «неправильное представление о месте и роли кустарной промышленности в нашей экономике», поскольку чаще всего кустарная промышленность не конкурирует с государственной промышленностью, а позволяет сэкономить ценный капитал. Он заявил, что политика ВСНХ по отношению к кустарной промышленности часто была ошибочной[58]. В начале 1928 г. вышло постановление ВСНХ РСФСР, в котором была предпринята попытка провести различие между промыслами, не использующими ценное сырье и заслуживающими поэтому всяческого содействия, и промыслами, конкурирующими с государственной промышленностью, и подчеркивалась необходимость содействия развитию какой-то промежуточной категории «в строгом соответствии с ростом государственной промышленности и потребностями рынка»[59].

На практике же ВСНХ почти всегда пренебрегал интересами кустарной промышленности. Как сказал Громан в июне 1927 г.: «Правильные взаимоотношения между государственной и кустарной промышленностью еще впереди»[60]. Вытеснение кустарей фабрично-заводской промышленностью было продолжением в новых условиях старой борьбы между частнокапиталистическими предприятиями и кустарями, шедшей в течение нескольких лет еще до первой мировой войны. Вытеснение кустарей часто шло вразрез с официальной политикой, оказывающей поддержку тем отраслям кустарной промышленности, в которых не использовалось ценное сырье или которые служили дополнением государственной крупной промышленности. Но государство не могло предотвратить понижение потребительского спроса на некоторые изделия (например, из дерева или из глины) фабричного производства и снижение спроса на кустарные изделия[61]. Не препятствовало оно, по существу, и расширению производства государственными предприятиями, например, обуви и других товаров широкого потребления за счет вытеснения кустарей[62]. Во всех дискуссиях о будущем развитии страны защитники кустарной промышленности и промысловой кооперации продолжали твердить, что переход на промышленное производство некоторых товаров означал бы разбазаривание ресурсов[63].

Положение кустарной промышленности зависело от изменения официальной политики по отношению ко всему частному сектору в целом[64]. Выступая в декабре 1927 г. на XV съезде партии, Сталин сказал: «Я читал недавно интересную во всех отношениях книгу тов. Ларина «Частный капитал в СССР». Я рекомендовал бы товарищам прочесть эту книжку. Вы увидите из этой книжки, как ловко и умело прикрывается капиталист под флагом промысловой кооперации, под флагом тех или иных государственных торговых органов. Все ли делается для того, чтобы ограничить, сократить и выжить, наконец, из сферы народного хозяйства капиталистические элементы? Я думаю, что не все. Мне известно, например, что в области кустарной промышленности вообще, в области кожевенной и текстильной промышленности, в частности, имеется немалое количество новых миллионеров, закабаляющих себе кустарей и вообще мелких производителей. Все ли делается для того, чтобы окружить и вытеснить экономически эти эксплуататорские элементы, связав кустарей с кооперацией или государственными органами? Едва ли можно сомневаться в том, что далеко не все делается в этой области. А между тем этот вопрос имеет для нас серьезное значение»[65].

Хотя кампания, направленная на ликвидацию частной промышленности и торговли, привела также и к вытеснению кустарной промышленности, нельзя сказать, что она была направлена против кустаря. Это вытеснение было непреднамеренным или, скорее, частично преднамеренным результатом сформировавшегося в определенных экономических условиях и при определенной орга-

низационной структуре предположения о том, что развитие крупной промышленности имеет первоочередное значение и что частный капитал оказывает на кустаря сильное и опасное влияние. Непосредственным результатом этого предположения явилось то, что многие отрасли кустарной промышленности, столкнувшись с трудностями снабжения еще в середине 20-х годов, стали жертвой все более обостряющегося дефицита товаров и сырья [66]. Проблемы снабжения явились причиной, ускорившей процесс наступления государственной промышленности на кустаря. При распределении важнейших материалов, ВСНХ отдавал предпочтение предприятиям государственной промышленности. В 1926/27 и 1927/28 гг. количество металла, выделяемое кустарной промышленности, было урезано намного сильней, чем количество металла, выделяемое государственной промышленности. Помимо этого, кустари, как и следовало ожидать, получали металл более низких марок и более низкого качества [67].

Подобное ущемления их прав относилось не только к металлоснабжению. Например, в Башкирии, для того чтобы обеспечить кожаным сырьем госпромышленность, под предлогом нарушения санитарных норм «были закрыты почти все кожевенные мастерские в целом ряде районов». Правда, затем по решению Президиума ВСНХ они были открыты вновь. Однако это был не единичный случай — к июлю 1928 г. в РСФСР было закрыто свыше 5 тыс. кустарных кожевенных мастерских [68]. Поступали и другие сообщения о закрытии мелких кустарных мастерских и о передаче их оборудования государственным фабрикам, что иногда приводило к бабьим бунтам [69]. В октябре 1928 г., выступая на IV пленуме Госплана, Гринько говорил о том, что в 1927/28 г. «в результате нехватки сырья произошло (вопреки нашим планам) вытеснение мелких кустарей и частной промышленности» [70]. Наступление на частного торговца еще более усугубило положение кустарной промышленности. Пришедшие на смену частному торговцу государственные торговые организации не особенно стремились себя обременять закупкой мелких партий кустарных изделий, а частные торговые фирмы, имевшие своих агентов, ездивших по деревням и скупающих продукцию кустарей, были закрыты, причем без всякой адекватной замены. В результате большое количество кустарей, изготавливающих металлоизделия, остались без средств существования [71].

В отношении к промысловой кооперации официальные власти проводили четкое различие между «дикими» и зарегистрированными кооперативами, оказывая значительную и все более возрастающую поддержку последним [72]. 3 мая 1927 г. вышло постановление СНК СССР, в котором подчеркивалось значение местной кооперативной промышленности и в то же время обращалось внимание на необходимость оказания всяческого содействия мелкой кооперативной промышленности и увеличения ей помощи в организации снабжения и сбыта и улучшении кредитования. Все

чаще снабжение и сбыт осуществлялись через официально зарегистрированные промысловые кооперативы с целью привлечения в них кустарей-одиночек и «диких» кооператоров[73]. 21 мая 1928 г. вышло постановление СНК СССР, в котором говорилось о том, что необходимо принять действенные меры по увеличению численности кооперативов в тех отраслях промышленности, где было наиболее сильно влияние частного капитала, и о том, что государство должно прекратить закупку через частных торговцев продукции кустарей-одиночек[74]. 3 сентября 1928 г. ЦК партии заявил о том, что промысловой кооперации по-прежнему уделяется недостаточное внимание, подчеркнув, что, с одной стороны, необходимо предотвращать всякие попытки государственной промышленности вытеснить промысловую кооперацию, а с другой — способствовать привлечению в нее новых членов[75]. 26 сентября 1926 г. СНК учредил всесоюзный орган промысловой кооперации — Всекопромсовет, координирующий деятельность республиканских организаций и представляющий их интересы на общесоюзном уровне[76]. В 1928 и 1929 гг. наблюдается значительное увеличение численности промкооперативов[77], производивших в этот период около одной трети всей продукции, выпускаемой мелкой промышленностью. Только одна треть всех членов промысловой кооперации работала сообща в мастерских (при этом она производила две трети продукции), остальная же часть по-прежнему работала на дому[78]. Но несмотря на все предпринимаемые усилия, летом 1929 г. большинство кустарей-одиночек все еще не было кооперировано.

Перед лицом всех этих трудностей кустарная промышленность проявляла удивительную живучесть. В период 1926—1929 гг. при общем отставании темпов роста мелкой промышленности от темпов роста цензовой промышленности, по-видимому, все-таки наблюдался некоторый ее рост[79]. Несмотря на достаток сырья и ограничения в торговле, общая нехватка промышленных товаров создавала для кустарной промышленности готовый рынок. И даже в конце 1928 — начале 1929 г. еще разрабатывались долгосрочные планы по расширению мелкой промышленности. Проект Пятилетнего плана, составленный ВСНХ в декабре 1928 г., предусматривал увеличение числа кустарей за пятилетку с 4,1 млн. человек до 6,3 млн. человек, и только во второй пятилетке эти цифры были пересмотрены в сторону уменьшения[80]. Плановый прирост количества рабочих, занятых в кустарной промышленности, намного превышал прирост в цензовой промышленности, поскольку кустарная промышленность по-прежнему считалась одним из основных средств снижения безработицы в городе и неполной занятости в деревне. Выступая на XVI партийной конференции апреле 1929 г., Куйбышев даже высказал предположение о том, что объем кустарной промышленности в течение пятилетнего периода может удвоиться[81] (в опубликованном варианте плана было намечено увеличение на 50%)[82]. На V съезде Советов в мае

1929 г. Калинин доказывал, что потребительская и сельскохозяйственная кооперация должны всячески содействовать развитию сельской кустарной промышленности с целью наиболее полного удовлетворения потребностей крестьян [83]. И только в 1930 г. начался общий резкий спад кустарной промышленности.

ГЛАВА 16

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Политика индустриализации означала, что промышленное производство и уровень капитальных вложений в промышленность будут расти как абсолютно, так и относительно других важнейших отраслей экономики. Курс первоочередного развития сельского хозяйства наконец-то был отвергнут. И когда в контрольных цифрах на 1926/27 г. Госплан, описывая сущность индустриализации, подчеркнул, что она состоит в том, что «...удельный вес промышленности ...растет за счет удельного веса сельского хозяйства»[1], то это прозвучало как что-то само собою разумеющееся. Советская промышленность развивалась чрезвычайно быстрыми темпами. По официальным данным, в 1928/29 г. объем производства цензовой промышленности в натуральном выражении превысил уровень 1925/26 г. на 70%, а валовой объем промышленного производства, включая и мелкую промышленность, увеличился за тот же период на 55%[2]. Темпы промышленного роста СССР намного опережали в этот период не только темпы дореволюционной России, но и любой другой страны. Следует, однако, принять во внимание, что развитие страны в этот период (после окончания мировой и гражданской войн) носило так называемый восстановительный характер, когда индустриализация сводилась в значительной мере к «приведению в действие бездействующего оборудования». В этом отношении успехи оказались гораздо выше, чем можно было предположить в 1925 и 1926 гг.[3] Однако более четырех пятых промышленного прироста было обеспечено за счет увеличения капиталовложений[4]. В 1928/29 г. объем капиталовложений в цензовую промышленность вдвое превысил уровень 1925/26 г. (года, когда был достигнут объем капиталовложений 1913 г.)[5]. Основные фонды промышленности и электрификации росли намного быстрее, чем в других важнейших отраслях народного хозяйства[6]. Обеспечение форсированного темпа развития промышленности стало главной задачей хозяйственной политики. В основе решения об индустриализации лежали две тесно взаимосвязанные между собой цели: 1) в максимально короткий срок добиться обеспечения независимости советской экономики (прежде всего промышленности) от капиталистических государств; 2) обеспечить развитие советской промышленности на базе внедрения в советскую экономику новейших достижений западной техники.

а) Экономическая самостоятельность

Первая мировая война и ее последствия способствовали усилению в ведущих промышленно развитых странах мира тенденции к экономической самостоятельности. В Советском Союзе эти тенденции проявлялись еще более остро в связи с его изоляцией во враждебном капиталистическом мире, от которого вряд ли приходилось ждать экономической помощи. Цель достижения «экономической самостоятельности», провозглашенная в резолюции XIV съезда партии, была вновь подтверждена апрельским (1926 г.) Пленумом ЦК, резолюция которого отмечала: «Партия и государство должны принимать систематические меры к высвобождению нашей экономики от зависимости ее от капиталистических стран, особенно выпукло выразившейся в настоящем году, когда народное хозяйство подошло к концу восстановительного периода, использовав всю технику, доставшуюся от дореволюционного времени» [7].

В течение трех последующих лет никто всерьез эту точку зрения не оспаривал. Время от времени Сокольников (в партии) и Кондратьев (вне партии) выдвигали уже знакомые аргументы о том, что для того, чтобы иметь средства для оплаты оборудования, ввозимого из-за рубежа, необходимо обеспечить приоритетное развитие сельского хозяйства и увеличение экспорта сельскохозяйственных культур [8]. Базаров из Госплана предлагал сосредоточить все усилия на развитии тех отраслей промышленности, которые могли бы обеспечить незамедлительное производство массовой продукции как для внутреннего рынка, так и для экспорта [9]. Но ни один из этих аргументов всерьез не воспринимался — советские лидеры были убеждены в том, что единственная социалистическая страна в мире, находясь в полной изоляции, не имеет права рисковать своим будущим, находясь в длительной экономической зависимости от капиталистических государств.

На одном из своих заседаний Президиум ВСНХ принял резолюцию, призывающую к получению максимально высокой прибыли на вложенные средства и к сосредоточению всех капиталовложений в те предприятия, «которые могут конкурировать с технически развитыми странами или по крайней мере могут приблизиться к их уровню изготовления продукции» [10]. Если бы эта резолюция нашла поддержку и стала последовательно претворяться в жизнь, это могло бы привести к резкому сокращению программ освоения новой техники и отставанию других отраслей промышленности. Однако этого не произошло, и все усилия во второй половине 20-х годов были сосредоточены на обеспечении экономической самостоятельности. Конечно, советские лидеры не надеялись, что им удастся сразу прекратить импортировать продукцию из-за рубежа. Быстрый рост промышленности и появление новых отраслей требовали все большего количества оборудования — более разнообразного и усовершенствованного. Выступая на IV

съезде Советов в апреле 1927 г., Куйбышев признал, что, несмотря на рост машиностроения, импорт оборудования еще долгое время будет продолжаться, увеличиваясь с каждым годом [11]. Типичный подход к этому вопросу со стороны ВСНХ сформулировал журнал Главметалла «Металл»: «В целях наиболее полного использования технических достижений высокоразвитых стран планы на импорт оборудования должны в основном включать только наиболее испытанное и надежное оборудование, самых современных образцов зарубежной техники. Это оборудование еще в течение долгого времени будет требоваться нашему новому строительству. В то же время каждый завершенный этап этого строительства будет вести к снижению потребностей нашей промышленности и всей экономики в целом в закупках оборудования за рубежом» [12].

Хотя другие отрасли промышленности, такие, как химическая, цветная металлургия, также играли большую роль в обеспечении экономической самостоятельности страны, основу всей этой программы составляло машиностроение [13]. В резолюции XV съезда партии подчеркивалось, что задача состоит в том, чтобы «...СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование...» [14]. Значение ускоренного развития машиностроения неоднократно подчеркивалось во всех заявлениях партии и правительства. Резолюция XV партийной конференции отмечала, что «...конференция ставит перед государственными и хозяйственными органами задачу всемерного развития *машиностроения*», куда «должны быть напралены лучшие технические силы и лучшие коммунисты-администраторы» [15]. Февральский (1927 г.) Пленум ЦК призвал к увеличению капиталовложений в металлургическую и машиностроительную промышленность и предложил СТО разработать меры «лучшего использования внутренних ресурсов» и «уменьшения зависимости капитального строительства от импорта» [16]. Выступая на IV съезде Советов в апреле 1927 г., Куйбышев вновь повторил мысль о том, что полагаться только на ввоз продукции машиностроения из-за рубежа было бы неправильно, даже несмотря на то, что там она стоит в два раза дешевле. Это было бы только «кажущееся» ускорение. Он сказал: «Это ускорение... «боком» вышло бы для нас в последующие годы, когда зависимость наша от заграницы не только не уменьшилась бы, а еще больше возросла. Мы сейчас пойдем, может быть, более медленным, но зато более верным темпом, который обеспечит в будущем такое ускорение, о котором мы сейчас не можем и мечтать» [17].

Задача расширения собственного производства машин и оборудования стала главной темой дискуссий в ходе разработки первого Пятилетнего плана развития народного хозяйства [18].

В стране не было основных отраслей машиностроения. Дореволюционная Россия производила в основном паровозы, вагоны, некоторые виды сельскохозяйственных орудий и машин и совсем

небольшую часть капитального оборудования для промышленности. Объем производства станков и текстильного оборудования был крайне низким. Основные виды капитального оборудования для металлургической промышленности и сложное оборудование для электротехнической промышленности русская империя не производила вовсе — 45% всего капитального оборудования в 1913 г. ввозилось из-за границы [19]. Технические достижения в других странах в области машиностроения в период с 1917 по 1924 г. обошли Россию стороной, а старое оборудование пришло в полную негодность. Подавляющая часть капитального оборудования сильно устарела — 30% всех станков в 1927 г. нуждались в немедленной замене, и, как сообщалось, на некоторых крупнейших машиностроительных заводах оборудование было настолько старым и ненадежным, что им могли управлять только «старики» [20]. Появление новых видов производства в машиностроении в середине 20-х годов потребовало реконструкции существующих заводов, многие цеха были почти полностью переоборудованы. Как сообщалось в докладе ВСНХ и СТО, на многих предприятиях «попытки наладить производство высокоточных деталей привели к большому количеству брака» [21]. Однако, несмотря на все эти трудности, машиностроение обладало одним непосредственным преимуществом — наличием большого объема свободных мощностей, составлявших в 1925 г. от 40 до 60% общего объема производственных мощностей [22]. Свободные мощности были сконцентрированы на заводах, производивших ранее главным образом военную продукцию, наиболее известным из них был ленинградский Путиловский завод [23]. Таким образом, на данном этапе дальнейшее развитие машиностроения можно было обеспечить за счет переоборудования и переоснащения существующих предприятий, а не за счет строительства новых или расширения существующих. Благодаря этим мерам было достигнуто значительное расширение машиностроения, хотя капиталовложения в него росли не так быстро, как в другие отрасли промышленности группы «А», такие, как, например, металлургическая и стройматериалов, которые нуждались в капиталовложениях еще больше [24].

Наиболее значительные достижения отмечались в электротехнической промышленности. Начиная с 1924 г. производство различного электрооборудования развивалось очень быстрыми темпами и в 1927/28 г. вдвое превысило уровень 1913 г. [25] Блестящим примером успехов в области электротехнической промышленности являлся ленинградский завод «Электросила», построенный в 1912 г. как филиал немецкой фирмы «Симен—Шукерт» в России, директором которого был Красин. Сначала завод производил крупные агрегаты для немецких генераторов, но вскоре стал производить свои генераторы, и к 1927 г. объем производства завода по сравнению с довоенным уровнем почти удвоился [26]. Такой же быстрый рост наблюдался и в радиотехнической промышленности [27]. В широких масштабах развивалось и производство промышленного и

машинного оборудования (некоторые виды которого раньше не производились), включая станки для текстильной промышленности, машины для угольной промышленности и буровые станки, трубы и насосы для нефтяной промышленности[28]. За период с 1925/26 г. по 1928/29 г. объем производства в этой отрасли увеличился более чем в два раза.

Две основные группы машиностроения — тяжелое машиностроение, особенно производство оборудования для металлургической промышленности, и станкостроение, — наиболее слабо развитые в дореволюционной России, имели первоочередное значение для достижения экономической самостоятельности страны. И та и другая развивались крайне медленно. Тяжелое машиностроение требовало наибольших капиталовложений. В Свердловске после долгих оттяжек началось строительство завода тяжелого машиностроения, который был пущен в строй только в 1933 г.[29] Началось также строительство предприятий станкостроительной промышленности, но на первых порах основная проблема заключалась, по-видимому, в нехватке грамотных инженеров и квалифицированных конструкторов. Несмотря на то что станкостроение быстро набирало темпы[30], в 1928—1929 гг. оно могло удовлетворить лишь небольшую долю потребностей в станках даже тех немногих предприятий, которые существовали в то время. В Пятилетнем плане подчеркивалась необходимость сосредоточения непосредственных усилий на станкостроении, с тем чтобы к концу Пятилетки, в 1933 г., вытеснить весь импорт станков. В то же время в производстве сложных машин необходимо было приобрести еще некоторый опыт, и выполнение этой задачи было отложено до второй Пятилетки[31].

Наиболее широко освещались успехи в области сельскохозяйственного машиностроения. В советской статистике и официальных документах термин «сельскохозяйственное машиностроение» употреблялся по отношению к производству орудий ручного труда и оборудования на конной или машинной тяге, но не по отношению к трактору, который сам являлся машиной, обеспечивающей механическую тягу. В эти годы основной упор в этой отрасли делался на производство орудий и простого оборудования, которые могли бы способствовать подъему производительности мелких единоличных хозяйств без изменения их структуры[32]. Производство в этой отрасли росло быстрыми темпами — за период с 1913 г. по 1928/29 г. оно выросло почти на 175%[33]. Частично этот прирост был обеспечен за счет более интенсивного использования имеющихся производственных мощностей — концентрации производства на наиболее крупных предприятиях и введении на важнейших из них серийного производства. Помимо этого, были направлены большие капиталовложения и на расширение существующих предприятий. К октябрю 1927 г. они составили около одной четверти стоимости всех основных фондов промышленности[34]. В 1925 г. началось строительство крупнейшего завода сельскохо-

зяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону, которое продолжалось весь этот период.

Курс, направленный на достижение экономической независимости путем преимущественного развития производства средств производства, встречал сопротивление по следующим причинам: во-первых, цены на советское оборудование почти вдвое превышали цены на импортируемое[35]: во-вторых, импортируемое оборудование было более современным и качественным (даже несмотря на то, что в электротехнической промышленности качество продукции было довольно высоким и продолжало повышаться[36], можно было слышать жалобы на то, что строители советских электростанций предпочитают западную технику, считая ее более надежной, и тем самым ставят программу электрификации «в полную зависимость от иностранной электротехнической промышленности и смежных с нею отраслей»)[37]; в-третьих, сроки поставок советского оборудования часто нарушались[38] — частично из-за большого спроса на продукцию машиностроительных заводов, что позволяло им производить более простое и менее современное оборудование, частично из-за трудностей, с которыми сталкивались эти заводы при получении необходимого сырья, особенно металла[39], а частично из-за низкой квалификации и отсутствия опыта у работников этой отрасли промышленности. Выражая общую точку зрения трестов, настаивающих на покупке оборудования за рубежом, Куйбышев сказал: «Там дешевле, там меньше риска»[40]. Советские таможенные барьеры были недостаточно эффективны, чтобы восстановить нарушенный баланс. Таможенные пошлины в среднем составляли 40% с объявленной цены ввозимого оборудования и не покрывали разницу в ценах между советским и импортным оборудованием[41]. Процедура получения разрешения на ввоз оборудования из-за рубежа была довольно сложна, но, очевидно, недостаточно строга, чтобы переориентировать заказчиков на советскую технику, особенно в тех случаях, когда речь шла о строительстве объектов, имеющих первоочередное значение.

Для стимулирования производства и закупки новых видов машиностроительной продукции необходимы были решительные действия со стороны властей. В феврале 1927 г. ЦК партии поручил СТО разработать меры по размещению «долгосрочных плановых заказов» на производство оборудования на советских машиностроительных предприятиях, с тем чтобы увеличение объема производства способствовало снижению себестоимости продукции и понижению цен на нее[42]. Два месяца спустя, выступая на IV съезде Советов, Куйбышев, говоря о необходимости лишения трестов права ускорять или тормозить ту или иную отрасль промышленности, объявил о создании комитета по машиностроению при Президиуме ВСНХ СССР, который должен был распределять заказы между предприятиями, обеспечивая полное использование их производственных мощностей, иногда даже в ущерб интересам заказчиков[43]. На первом заседании комитета, состоявшемся

30 апреля 1927 г., Куйбышев, назначенный его председателем, заявил о том, что функция комитета состоит в «координировании разрозненных действий различных хозяйственных ведомств, сведении воедино всех заказов на оборудование и определении производственных мощностей предприятий»[44]. Заседания комитета проходили довольно часто. В течение первого года его существования были рассмотрены вопросы о производстве оборудования для текстильной и нефтяной промышленности, а также о выпуске тракторов, котлов и турбин. Комитет распределял заказы между советскими предприятиями, стремясь закрепить за конкретными предприятиями производство определенного вида оборудования, в целях налаживания выполнения заказов в срок и сокращения себестоимости продукции. Иногда он производил снижение цен, установленных заводом-изготовителем, с тем чтобы закупки советского оборудования были менее убыточными. Тем не менее решения комитета о снижении цен, а также последовавшая за этим кампания за снижение себестоимости продукции, по-видимому, ни к чему не привели, так как цены оставались по-прежнему высокими[45]. Но комитету удалось перенаправить ряд долгосрочных заказов на общую сумму около 150 млн. руб. от западных фирм советским предприятиям[46].

По-прежнему продолжали поступать обвинения в том, что делаются необоснованные заказы оборудования за рубежом[47], в связи с чем вопрос был снова вынесен на 3-й пленум ВСНХ СССР в марте 1928 г. Куйбышев возмущался тем, что некоторые тресты, для того чтобы получить разрешение на заказ импортного оборудования, заказывали, к примеру, в Ленинграде дизельный мотор, который нельзя было спроектировать. Он настаивал на том, чтобы все такие заказы обязательно проходили через комитет по машиностроению[48]. Но не только комитет предпринимал усилия по обеспечению более широкого использования продукции советских машиностроительных заводов. Главное управление электротехнической промышленности (Главэлектро) и Главное управление машиностроения (Главмашинстрой, ранее Главметалл) стремились убедить другие главки и тресты в необходимости размещения заказов на советских предприятиях, в чем их поддерживал Рабкрин. Так, Рабкрин обнаружил, что оборудование, выпускаемое Государственным электротрестом, ГЭТ, не соответствует принятым нормативам и поэтому предприятия стараются размещать свои заказы за рубежом, чтобы избежать срыва поставок. Тогда Главэлектро созвал совещание представителей заводов-изготовителей и главков-заказчиков с целью координирования заказов[49].

Самый затянувшийся и нашумевший спор по вопросу о замене ввозимой из-за границы техники советскими машинами разгорелся вокруг закупок генераторов для Днепрогэса[50]. На Волховской ГЭС, построенной в 1926 г., были установлены советские генераторы[51], но они имели слишком низкую для Днепрогэса мощность и стоили на 70% дороже шведских. На состоявшемся в октябре

1927 г. совещании в промышленном отделе Главэлектро было предложено поручить строительство трех генераторов для первой очереди Днепрогэса ГЭТу, который обещал построить первый через два года, а остальные два — с интервалом в четыре месяца. Однако руководство Днепростроя выразило сомнение в том, что трест сможет выполнить заказ в срок (к концу 1930 г.), а главный инженер строительства Винтер предложил использовать советские генераторы только во второй очереди[52], за что был обвинен в предвзятом отношении к советской технике. В печати был также опубликован в связи с этим протест рабочих харьковского Электротехнического завода, где до этого была проведена дорогостоящая реконструкция с целью налаживания выпуска генераторов. В ноябре было принято решение Главэлектро в пользу советской промышленности, при этом цена осталась прежней — почти на 70% выше стоимости импортных генераторов (без учета пошлины)[53]. Однако этим дело не кончилось, спор продолжался еще в течение двух лет[54]. Аналогичные разногласия возникли и вокруг металлических мостовых переходов через плотину. И опять ВСНХ принял решение не в пользу Днепростроя, который и на этот раз выразил опасение в том, что не получит оборудование в срок[55]. Тем не менее ему было разрешено закупить за границей оборудование, которое не производилось в Советском Союзе. Все турбины были поставлены США, что же касается других машин, то, пока шел спор вокруг генераторов, Винтер съездил в Германию и заказал Круппу камнедробилки и бетономешалки, которые в Советском Союзе не производились[56].

По мере того как советские политические лидеры, а также руководители промышленности приобретали все большую уверенность, расширялись и их представления о том, какие виды оборудования можно производить у себя в стране. Увеличение капиталовложений в химическую промышленность привело к принятию постановления ВСНХ СССР от 20 мая 1929 г., призывающего к «всемерному форсированию» производства оборудования для химической промышленности с тем, чтобы к 1931 г. все ее нужды на две трети покрывались за счет собственного машиностроения[57]. Печать сообщала о том, что планируется построить или что уже строится целый ряд предприятий в других отраслях машиностроения[58]. Однако нельзя было достичь всего сразу.

Степень замены импорта советскими машинами в конце 20-х годов была различной в зависимости от отрасли машиностроения. Уже в 1925/26 г. девять десятых всех паровозов и подвижного состава производились советской промышленностью[59]. Что касается сельскохозяйственных орудий и инвентаря, то во второй половине 20-х годов произошел резкий сдвиг (который в конечном счете произошел во всем машиностроении) в сторону собственного производства — импорт сократился с 44% от общего количества в 1913 г. до 19% в 1928/29 г.; при этом необходимо учесть,

что общий объем сельскохозяйственных орудий и инвентаря, реализованный крестьянству за этот период, увеличился (в сравнительных ценах) на 90%[60]. С другой стороны, повышение спроса на изделия электротехнической промышленности привело к опережающему росту импорта над союзным производством[61]. В результате увеличения закупок промышленного и капитального оборудования во второй половине 20-х годов доля импорта, сократившаяся в период с 1913 г. по 1925/26 г.[62] с 60 до 40%, все еще составляла в 1928/29 г. 33% общего объема производства, несмотря на то что за последние три года оно увеличилось более чем в два раза[63].

б) Внедрение новой техники

С момента победы революции во всех официальных советских документах и высказываниях постоянно подчеркивалась мысль о роли передовой техники в деле социалистического строительства. Принятый в 1920 г. план электрификации всей страны, ГОЭЛРО, должен был способствовать дальнейшему развитию технической революции[64]. В резолюции XIV съезда партии (декабрь 1925 г.) отмечалось, что одна из главных задач состоит в том, чтобы «развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня»[65]. Провозглашение съездом цели — достижения экономической самостоятельности (а это означало, что Советский Союз намерен сам развивать ведущие отрасли промышленности, составляющие основу капиталистической экономики) — способствовало дальнейшему усилению кампании за внедрение новейшей техники. Резолюция XV партийной конференции «О хозяйственном положении страны и задачах партии» оценивала «новый период» в развитии экономики страны как «период перестройки хозяйства на основе новой, более высокой техники»[66], а постановление ЦК от 24 марта 1927 г. «Вопросы рационализации производства» призвало к «созданию новых предприятий на основе последних достижений в области науки и техники» и к «коренному переоборудованию действующих предприятий...»[67]. Во всех официальных заявлениях об индустриализации в конце 1927 г. неизбежно подчеркивалась важность широкого развертывания работы по усовершенствованию техники. Ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК отметил, что возрастающая рационализация «всего производственного процесса, возрастающее применение науки, наиболее полное использование опыта и знаний Западной Европы и Америки» являются «...особенно необходимыми». Выдвинув лозунг «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении капиталистические страны», Пленум объединил воедино две цели — обеспечение экономической независимости и внедрение технического прогресса[68]. Это слияние целей отражало традиционную двойственность России в отношении к Европе — с одной

стороны, она училась у нее и брала взаймы, а с другой — использовала это для того, чтобы высвободиться из-под западного господства и влияния.

Характерно, что Россия, как и Германская империя, где индустриализация началась только в конце XIX века (гораздо позднее, чем в других странах), имела определенные преимущества, поскольку могла использовать опыт и достижения других стран. Вот как охарактеризовал это Кржижановский применительно к советской индустриализации: «У нас идет процесс, аналогичный тому, когда молодая капиталистическая страна, начинающая механизацию производства, заимствует из арсенала своих капиталистических соседей машины, оборудование и методы ведения производства, которые являются последним словом в капиталистической практике, и тем самым минует первоначальные этапы индустриализации». И при этом добавил, что советская плановая экономика сможет добиться таких технических успехов, которые недоступны капиталу [69]. Вместе с тем раздавались и отдельные осторожные высказывания, смысл которых сводился к тому, что не следует пытаться ускорять события. Выступая на сессии ЦИКа в апреле 1926 г., Рыков говорил, что капиталисту, начинающему свое дело, иногда приходится на начальном этапе жертвовать многим и ходить пешком, а «мы здесь сразу садимся в автомобиль» [70]. Однако все были согласны с Рухимовичем, который в своем выступлении на XV партийной конференции сказал о том, что необходимо применять технику завтрашнего дня, которая используется на предприятиях Европы и Америки [71]. Куйбышев в своем докладе на сессии ЦИКа в октябре 1927 г. также подчеркнул, что основная установка Пятилетнего плана — это «...максимально возможное повышение технического уровня страны, потому что социализм — это есть технически высшая стадия развития общества» [72]. Когда же Сокольников на XV съезде партии заявил, что к усовершенствованию техники можно будет перейти только «после того, как самые несложные, первоначальные, примитивные потребности можно будет удовлетворить...», Рыков на это сказал: «Мне кажется, что т. Сокольников несколько запоздал... То, что он относит к настоящему, я в значительной степени отношу к прошлому. То, что он относит к будущему, я отношу к настоящему» [73].

Правота такого подхода, по-видимому, подтверждалась настоятельной необходимостью снижения себестоимости продукции. В июле 1927 г. Серебровский, отвечавший в то время за вопросы капитального строительства в ВСНХ, с гордостью докладывая СТО о расширенной механизации и реконструкции угольной, нефтяной и сахарной промышленности, высказал предположение, что небольшое снижение себестоимости продукции, имевшее место в 1926/27 г., «было связано» с капиталовложениями 1925/26 г. и что на 1927/28 г. можно запланировать снижение себестоимости на 4%, так как ассигнования на ризвитие рационализации в

1926/27 г. были удвоены [74]. Однако существование огромной армии безработных в городе и частично занятых в деревне ставило под сомнение его, казалось бы, неопровержимые доводы. Хотя рационализация и механизация производства были направлены на повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции путем более эффективной организации производства и снижения количества занятых рабочих, хроническая безработица ставила защитников рационализации и механизации перед лицом неразрешимой проблемы. Сущность этой социальной проблемы выразил Кржижановский, горячий сторонник усовершенствования техники: рационализация промышленности «представляет возможность обходиться со все меньшим и меньшим живым трудом», а между тем «нужда использования имеющейся в нашей стране живой силы диктует нам политику всемерного поглощения, занятости во всей нашей хозяйственной работе все большего и большего количества живого труда» [75]. В наиболее простой форме эта проблема нашла свое проявление в деревне. Как отметил Калинин на XV съезде партии: «...аграрная перенаселенность является колоссальнейшим тормозом при введении новой техники. Зачем вводить молотилку, когда можно свободно цепами обмолотить, в противном случае делать нечего» [76]. «Все эти металлические орудия, — писал автор одной статьи в «Экономическом обозрении», — составляют жесточайшую конкуренцию живой рабочей силе» [77]. В условиях избыточной рабочей силы и ограниченного капитала доводы в защиту форм производства, поглощающих живую рабочую силу в противовес капиталоемким формам производства, было трудно опровергнуть и еще труднее игнорировать на практике.

Постановление СНК СССР в мае 1927 г. обращало внимание на то, что «фабрично-заводская промышленность еще долгое время не будет в состоянии... поглотить избыточную рабочую силу» в деревне, и призвало к развитию кустарной и ремесленной промышленности, которая сможет использовать эту избыточную рабочую силу [78]. Весной 1928 г. Наркомтруд, ВСНХ и Наркомпут издали совместную директиву, призывающую к расширению «трудоинтенсивного строительства» в промышленности и на транспорте, в особенности к усиленному строительству дорог, плотин и каналов, в целях сокращения безработицы [79]. Летом того же года ведущие инженеры Научно-технического Совета (НТС) текстильной промышленности выступали с настоятельным требованияем применения трудоинтенсивного оборудования. Один из них отметил, что капитала в стране мало, а стоимость его велика и имеются большие «трудовые ресурсы», в США же стоимость капитала низкая, а рабочей силы высокая он пришел к выводу, что наряду с использованием машин необходимо шире, чем на Западе, использовать рабочую силу [80]. Его оппоненты доказывали, что проходящая в стране техническая революция приведет к созданию высоко квалифицированного рабочего класса, будет спо-

собствовать повышению его жизненного уровня и тем самым вызовет удорожание рабочей силы. «Торгово-промышленная газета» писала: «Советский Союз уже перестал быть страной дешевой рабочей силы» [81]. Другой ведущий специалист Научно-технического Совета осудил этот подход, назвав его «псевдо-революционным романтизмом» [82], а передовая статья в той же газете осудила тех «трезвомыслящих реалистов», которые пытаются строить свои экономические расчеты, исходя из посылки о наличии *«дешевой рабочей силы и дорогостоящего капитала»* [83]. Два дня спустя научно-технические советы во всех отраслях промышленности были переданы в подчинение своих главков [84].

И хотя руководители промышленности решительно выступали за использование передовой технологии, отсутствие капитала на практике вынуждало их соглашаться с использованием технологии, связанной с применением устаревшего оборудования и большего количества рабочих, чем на современных западных предприятиях, а также, несмотря на более высокие издержки на оплату рабочей силы, восстанавливать старые, закрытые несколько лет назад предприятия. В различных отраслях промышленности ситуация была неодинакова. В металлургической промышленности большое количество износившегося оборудования было списано за негодностью и была проведена большая реконструкция [85]. Широкой модернизации подвергалась также угольная и нефтяная промышленность. Так, в 1928/29 г. 30% всей добычи угля в Донбассе производилось при помощи машин, тогда как в 1925/26 г. — только 5,6%, а до революции машины вообще не применялись [86]. В общем машиностроении капитальные затраты направлялись в основном на расширение производства, а не на освоение новой техники [87]. Что же касается текстильной промышленности, то сначала затраты «имели своим назначением главным образом рационализацию работы существующих фабрик и заводов», а мощность предприятий, наоборот, развивалась очень медленно [88]. До 1928 г. предпринимались энергичные усилия по налаживанию производства текстильных станков, ранее ввозимых из-за границы [89]. Однако с переходом в начале 1928 г. на трехсменную работу [90] и повышением использования промышленного оборудования спрос на новые текстильные машины снизился, в связи с чем официальный представитель ВСНХ заявил: «Мы решительно должны отказаться от нового строительства в тех отраслях легкой промышленности, где увеличения выпуска продукции можно достичь увеличением сменности...» [91] Летом 1928 г. предприятия текстильного машиностроения охватил кризис перепроизводства [92], и весь 1927/28 г. выпуск текстильных машин оставался на уровне предыдущего года [93]. Таким образом, нехватка капитала и излишек рабочей силы оказались серьезным препятствием на пути дальнейшей рационализации текстильной промышленности, и осенью 1928 г. Гринько заявил, что усилия во всей

промышленности были направлены до сих пор главным образом на «количественное расширение производства» [94].

Однако, несомненно, был достигнут определенный прогресс в повышении общего уровня технической оснащенности всей промышленности. Несколько увеличилось количество основного капитала в промышленности на одну рабочую единицу [95]. Рост капитальных затрат способствовал снижению себестоимости продукции в период с 1925/26 г. по 1928/29 г. почти на 10% [96]. Но отставание Советского Союза по уровню технического развития от промышленно развитых западных стран все еще было огромным. Летом 1929 г. лишь небольшая часть промышленных рабочих была занята на более или менее хорошо оборудованных, больших предприятиях, входивших в состав крупнейших общесоюзных и республиканских трестов. На небольших, гораздо хуже оборудованных предприятиях, находившихся в ведении местных органов или кооперации, производилось свыше 40% всей продукции цензовой промышленности и было занято около 40% всех промышленных рабочих [97]. Помимо этого, около одной пятой всего объема промышленной продукции производили мелкие ремесленники-кустари, работающие неполный день, имеющие либо очень примитивное оборудование, либо никакого оборудования вообще, — их общее количество превышало число рабочих, занятых в цензовой промышленности [98].

Электроэнергетическая промышленность являлась блестящим примером технической оснащенности [99]. План электрификации всей страны — ГОЭЛРО — щедро финансировался в течение всего периода 20-х годов. Эта отрасль промышленности имела особый статус, и при распределении капитальных вложений, а также составлении всяких планов ее всегда относили к отдельной категории. Как ВСНХ, так и Госплан считали, что, планируя производство электроэнергии, необходимо предусматривать не только расширение текущего потребления, но и учитывать количество электроэнергии, требующейся для поднятия всей промышленности на более высокий технический уровень. В докладе Совнаркому СССР в 1928 г. ВСНХ рекомендовал: «Для того, чтобы плановая электрификация стала *ведущим звеном* народного хозяйства и чтобы хронический недостаток электроэнергии не задерживал развитие промышленности, совершенно необходимо создать в каждом промышленном районе некоторый избыток мощности на районных станциях даже сверх нормального резерва» [100]. Принцип — чем больше электроэнергии, тем выше ее потребление — явился обоснованием строительства Днепрогэса [101]. Однако на практике электроснабжение было не в состоянии удовлетворить растущий спрос со стороны реконструирующейся промышленности. В Москве и Донбассе часто случались перебои с электроснабжением, в результате чего в 1928 г. в Москве была введена система первоочередного снабжения в часы пик [102]. Однако все эти годы капиталовложения в электростроительство неуклонно возрастали, и к

1928/29 г. они составили одну седьмую часть всех промышленных капиталовложений [103], что способствовало увеличению общей мощности всех электростанций в период с 1926 по 1929 г. с 1,6 млн. кВт до 2,3 млн. кВт и повышению производства электроэнергии за этот же период в два раза [104]. Электроэнергетическая промышленность явилась первой отраслью народного хозяйства, где было официально санкционировано составление первого Пятилетнего плана. План электрификации ГОЭЛРО был представлен в СТО в декабре 1926 г. и одобрен Совнаркомом 19 февраля 1927 г. В нем предусматривалось увеличение мощности электростанций к концу. Пятилетки минимум на 1,3 млн.·кВт [105].

Эти достижения являлись важным шагом на пути претворения в жизнь плана ГОЭЛРО. К октябрю 1927 г. было построено около одной пятой всех намеченных ГОЭЛРО районных станций, общей мощностью в 1,5 млн. кВт. Докладывая ноябрьскому (1928 г.) Пленуму ЦК, Кржижановский сообщил, что общая мощность уже построенных или строящихся станций составляет 92% плана [106]. Часто высказывалась точка зрения, что намеченный ГОЭЛРО объем производства электроэнергии будет достигнут к 1931 или 1932 г. [107] Первоначальный план был составлен наспех, в то время, когда еще не было накоплено достаточно опыта, и в некоторых местах уже наблюдались отклонения от первоначальной карты электрификации всей страны [108], поэтому постоянно поднимался вопрос о пересмотре этого плана. Уже в начале 1927 г. был разработан проект пятнадцатилетнего плана электрификации, предусматривающий увеличение общей мощности всех электростанций с 1,5 млн. кВт в 1926 г. до 6 млн. кВт в 1936 г. и до 10 млн. — к концу 1941 г., а также сохранивший первоначальный замысел ГОЭЛРО о том, что к 1941 г. мощность единой системы районных электростанций (в отличие от местных и фабрично-заводских станций) составит 68% от общей мощности всех электростанций, против 27% в 1926 г. [109] В 20-х годах сдвиг в сторону районных станций заметно усилился — к 1929 г. они производили 40% общего объема электроэнергии, причем большинство из них было построено после 1920 г. [110]

В 1928 г. была предпринята попытка привлечь особое внимание к химической промышленности, которая, как и электрификация, была призвана сыграть решающую роль в преобразовании всего народного хозяйства. В марте 1928 г. 37 ведущих химиков страны, включая Ипатьева и Баха, вручили Рыкову как председателю Совнаркома широко разрекламированное письмо, в котором обращалось внимание на недооценку роли химии, особенно при составлении долгосрочных планов, зачастую основывавшихся на импортной технологии. В письме говорилось о «неограниченных будущих возможностях», открывающихся в связи с применением химии (речь шла об атомной энергии), а также о том, что

необходимо поставить «газификацию» в один ряд с «электрификацией». В нем перечислялись объекты химической промышленности, которые должны быть построены в первую очередь, выдвигались требования увеличить ассигнования на исследования в области чистой и прикладной науки и предлагалось создать при Совнаркоме СССР комиссию «по химизации страны». Вручая письмо Рыкову, Бах заявил, что «человечество в настоящее время приближается к эпохе перехода от века пара и электричества к веку химии». Инициатива химиков встретила горячую поддержку со стороны Куйбышева и Рыкова. Куйбышев отметил, что «план химизации» должен стать дополнением к «плану электрификации всей страны» как основе развития народного хозяйства, а Рыков противопоставил «революцинеров в политике», являвшихся иногда «консерваторами в технике», ученым и инженерам, являвшимся «революционерами в технике» [111]. В том же месяце была создана комиссия Совнаркома по изучению этого вопроса [112], а уже в августе 1928 г. был создан постоянный комитет Совнаркома СССР по химизации, председателем которого был назначен Рудзутак [113]. Высокоразвитая химическая промышленность имела также огромное значение для развития сельского хозяйства и оборонной промышленности [114]. При составлении контрольных цифр на 1928/29 г. план капиталовложений в эту отрасль был пересмотрен в сторону увеличения — запланированный объем вдвое превысил прошлогодний [115].

в) Приоритетное развитие производства средств производства

Непосредственным следствием кампании за широкое внедрение техники явилось официальное заявление о том, что производство «средств производства» должно иметь первоочередное значение. Маркс показал, что в капиталистическом обществе конкуренция, являющаяся движущей силой технического прогресса, вызывает общую тенденцию — рост «органического строения капитала» (отношение средств производства к труду), на основании чего Ленин пришел к выводу, что в процессе расширенного капиталистического воспроизводства производство средств производства (по Марксу, подразделение 1) опережает рост производства предметов потребления (по Марксу, подразделение 2) и что быстрее всего растет производство средств производства для отраслей промышленности, производящих средства производства [116]. Этот вывод стал обоснованием советской экономической политики — если такой приоритет сложился в капиталистических странах стихийно, под действием экономических законов капитализма, то, по-видимому, социалистическое государство, основанное на плановой экономике, должно само установить этот приоритет, являющийся непременным условием технического прогресса, тем более что техническая отсталость Советского Союза делает этот

приоритет совершенно необходимым. Исходя из этого, ВСНХ при составлении плана промышленного развития на 1925/26 г., назвал опережающий рост тяжелой промышленности «здоровым, прогрессивным явлением», характерным для «необходимого второго этапа промышленного роста» [117]. Такой вывод имел значение не только с точки зрения технического прогресса, но и с точки зрения достижения экономической самостоятельности — для того чтобы Советский Союз мог освободиться от зависимости от капиталистических стран, он должен был увеличить производство капитального оборудования и других средств производства, которые царская Россия почти не производила. Эта идея нашла свое выражение в контрольных цифрах на 1926/27 г., в главе «Индустриализация», где речь шла о том, что, хотя в условиях капитализма отрасли, производящие средства производства, растут быстрее отраслей, производящих предметы потребления, иногда в отдельных странах наблюдается опережающий рост отраслей, производящих предметы потребления «при наличии возможности импорта оборудования и машин из других стран» (именно на путь такого развития капиталистические страны «стремятся толкнуть Индию и Китай»). Такой тип индустриализации был для Советского Союза «совершенно недопустим», ибо это грозило разрывом его экономических связей с капиталистическим миром [118].

Хотя аргументы сторонников опережающего роста производства средств производства были весьма убедительны, у их оппонентов, выступающих против недооценки роли отраслей, производящих товары широкого потребления, также имелись веские доводы. Из экономического учения Маркса следовало, что процесс накопления капитала при капитализме ведет к обнищанию трудящихся, а цель социализма — обеспечить неуклонное повышение уровня жизни, поэтому производство товаров широкого потребления должно соответственно постоянно расширяться. Более того, если изоляция Советского Союза вызывала стремление добиться экономической независимости путем ускоренного развития производства средств производства, то одинаково важно было обеспечить увеличение производства товаров широкого потребления для деревни, если Советское правительство хотело укрепить свои позиции в крестьянской стране и получить хлеб у крестьян. На практике эти противоречия между сиюминутными интересами потребителя и долгосрочными целями индустриализации порождали сомнения и неуверенность, проявлявшиеся в колебаниях официальной политики. Резолюция XIV съезда партии (декабрь 1925 г.), наметившего курс на индустриализацию, призвала к «развитию производства средств производства» с целью достижения экономической самостоятельности [119].

Состоявшийся в апреле 1927 г. IV съезд Советов СССР также отметил, что признает правильной политику правительства, обеспечившую более быстрый темп роста отраслей промышленности,

производящих средства производства, что «такое перераспределение средств в пользу тяжелой промышленности полностью отвечает интересам индустриализации страны» и что «эта политика должна продолжаться и впредь» [120]. Однако, сталкиваясь с нехваткой промышленных товаров, руководство начинало терять всякую уверенность. Как отмечалось в проекте Пятилетнего плана ВСНХ, опубликованном летом 1927 г., «каждый, кто сегодня читает газеты, знает, что тенденция обеспечить опережающий рост производства средств производства соответствует потребностям индустриализации»; вопрос заключался лишь в том, чтобы определить, в каких границах должна действовать эта «старая истина» [121]. В течение всего 1927/28 г. принцип более быстрого развития производства средств производства неоднократно ставился под сомнение, да и в резолюции XV съезда партии чувствовалась определенная неясность [122]. Борьба между двумя направлениями выразилась в двух противоположных лозунгах, призывающих к укреплению союза между рабочим классом и крестьянством — «смычкой по металлу» и «смычкой по текстилю» [123]. Поражение правой оппозиции означало победу лозунга «смычка по металлу». В ноябре 1928 г. Пленум ЦК заявил: «Развитие черной металлургии, машиностроения, электростроительства, химической промышленности, всемерная индустриализация и машинизация сельского хозяйства, систематическое повышение удельного веса производства средств производства являются обязательными предпосылками дальнейшего развития страны...» [124] Состоявшаяся в апреле 1929 г. XVI партийная конференция выдвинула на первое место среди всех задач Пятилетнего плана «максимальное развитие производства средств производства как основы индустриализации страны» [125].

Соотношение в народном хозяйстве удельного веса отраслей, производящих средства производства, и отраслей, производящих предметы потребления, выраженное в статистических показателях группы «А» и группы «Б», свидетельствовало о колебаниях в официальной политике и в конечном счете о победе принципа первоочередного развития тяжелой промышленности. Наиболее четко и последовательно этот принцип проявился в распределении капитальных вложений между двумя группами. В 1925/26 г. удельный вес капиталовложений в группу «А» был намного выше удельного веса ее основных производственных фондов по сравнению с другими отраслями промышленности. В течение трех последующих лет, за исключением (по непонятным причинам) 1927/28 г., наблюдается дальнейшее увеличение капиталовложений в эту группу за счет группы «Б» [126], что способствовало гораздо более быстрому росту ее производственных мощностей, в результате чего удельный вес группы «А» в общем объеме основных фондов промышленности увеличился с 50,1% на 1 октября 1925 г. до 61,2% на 30 сентября 1929 г. [127]

Однако увеличение капиталовложений в эту группу отраслей

промышленности не привело к быстрому увеличению объема выпускаемой ими продукции. В 1925/26 г. ее удельный вес составлял 25,5% от общего объема промышленной продукции, а в 1928/29 г. — 28,8% [128]. В контрольных цифрах Госплана на 1928/29 г. отмечалось, что соотношение продукции двух основных групп промышленности — группы «А» и группы «Б» — «вполне отчетливо» позволяет судить о масштабах индустриализации, и подчеркивалось, что удельный вес средств производства заметно повысился, «хотя и далеко не в таких размерах, как другие показатели индустриализации» [129]. Этот относительно более медленный рост производства продукции тяжелой промышленности объяснялся отчасти тем, что для выпуска средств производства требовалось больше времени, чем для выпуска предметов потребления [130], а также тем, что промышленность группы «Б» получала больше сырья и имела больше рабочей силы, а не более быстрым ростом ее производственных мощностей. Некоторое увеличение производства товаров широкого потребления в период 1926—1929 гг. было результатом целенаправленной политики, поскольку в этот период все еще теплилась иллюзорная надежда на то, что удастся обеспечить повышение жизненного уровня трудящихся города и деревни в рамках индустриализации. Но уже весной 1929 г. была установлена бесспорная и окончательная первоочередность развития отраслей, производящих средства производства.

г) Военная промышленность

Вооружения не вписывались в какую-либо из групп промышленности — «А» или «Б» [131]. Производство вооружений было связано с отраслями промышленности группы «А» — особенно металлопромышленностью и машиностроением — и способствовало их развитию. Естественно, для этого требовалась современная техника. Успех развития производства вооружений зависел в значительной мере от экономической независимости страны как в области самой этой промышленности, так и смежных с ней отраслей. Конечная же ее продукция не использовалась в других отраслях промышленности и не содействовала развитию производства. Являясь наилучшим примером непроизводственного потребления, военная промышленность высасывала капиталовложения и текущие ресурсы как из отраслей промышленности группы «Б», производящих товары широкого потребления, так и отраслей группы «А», производящих чугун и сталь, машины и тракторы и являющихся хребтом индустриализации. В конечном счете индустриализация заложила экономический фундамент военной промышленности; в краткосрочном плане интересы обороны и индустриализации были диаметрально противоположны и удовлетворялись за счет сокращения производства товаров широкого потребления.

В середине 20-х годов военная промышленность находилась в загоне. В докладе на IV Всесоюзном съезде Советов в апреле 1927 г. Ворошилов заявил, что военная промышленность «до последнего времени хромала на все четыре ноги» [132]. Выступая на XV съезде партии, он вновь подчеркнул: «Военная промышленность до последнего года представляла, пожалуй, самое больное место во всем нашем хозяйстве и, во всяком случае, — самое слабое в нашей индустрии. Только с осени прошлого года нам удалось вытащить военную промышленность из трясины бесхозяйственности, недоделок, задолженности, хаоса и прочих безобразий» [133].

Ворошилов отметил быстрый прогресс находившейся в зачаточном состоянии авиапромышленности, работавшей как на военные, так и на гражданские нужды. Туполев уже сконструировал цельнометаллический самолет. Был создан Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), в котором работало около 100 инженеров и конструкторов и которому «не было равных не только в Европе, но и во всем мире» [134]. До осени 1926 г. военная промышленность составляла единый крупный комплекс, подчинявшийся Главному управлению военной промышленности ВСНХ — Главвоенпрому [135]. В августе — декабре 1926 г. была проведена реорганизация ВСНХ. 27 августа 1926 г. был учрежден Комитет военной промышленности, в который вошли представители различных главков — поставщиков военной промышленности [136]. В декабре 1926 г. Толоконцев, пользовавшийся большим влиянием председатель правления металлообрабатывающего и машиностроительного треста «Гомза», был назначен начальником Главвоенпрома [137], а единый военно-промышленный комплекс был разделен на четыре треста, ведающих производством винтовок и пулеметов, патронов и минометов, химического оружия, а также пушек и гильз снарядов [138]. Главвоенпрому был передан также и Авиатрест [139].

На промышленных предприятиях и в трестах были введены должности уполномоченных, отвечающих за оборонные заказы, а на заводах и фабриках, их выполняющих, созданы мобилизационные органы (мобячейки), контролирующие прохождение этих заказов, в дополнение к органам наблюдения и контроля народного комиссариата по военным и морским делам [140]. Через несколько месяцев положение дел улучшилось. В апреле 1927 г. на IV съезде Советов Куйбышев, отвечая на многочисленные вопросы и записки, заявил, что военная промышленность становится на ноги и выпускает продукцию, качество которой не ниже, а иногда и превосходит качество продукции гражданских отраслей [141]. В докладе на съезде по вопросам обороны Ворошилов также отметил, что прогресс военной промышленности налицо, подчеркнув, однако, что она еще не стала стержнем всей экономической организации в случае нападения [142]. В непродолжительных прениях выступающие связывали развитие военной промышленности с

общим процессом индустриализации и подчеркивали необходимость так построить всю гражданскую промышленность, чтобы в случае нужды в короткий срок перейти на военное производство. В течение нескольких последующих лет обе эти темы звучали вновь и вновь [143].

В результате возникшей весной 1927 г. международной напряженности вопросы обороны стали привлекать все больше внимания общественности. СТО стал регулярно собираться под председательством Рыкова для разрешения вопросов, связанных с обороной. По этому поводу несколько позднее Ворошилов заметил, что «только с весны Совет Труда и Обороны вновь обрел свою третью букву — О». При Президиуме ВСНХ на случай нападения было организовано Управление мобилизации промышленности. Был создан специальный соответствующий аппарат в Госплане, а во всех народных комиссариатах, где их еще не было, были учреждены мобилизационные органы [144]. Куйбышев призвал к улучшению состава работающих на военных заводах [145], а Рабкрин предложил Президиуму ВСНХ за непринятие мер к выполнению срочных мобзаданий, нераспорядительность и «расходование военных кредитов на другие надобности» [146] объявить строгий выговор председателю правления «Гомзы», объявить строгий выговор и снять с работы заместителя председателя «Гомзы».

В контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927/28 г. указывалось, что решающее значение в приросте капитальных работ играют в первую очередь химическая и металлургическая отрасли промышленности, максимальное развертывание которых стоит также и в связи с задачами обороны страны. «Задача обороны страны нашла свое отражение в программе строительства и по другим отраслям промышленности, вызывая в некоторой части определенное направление капитальных затрат и неизбежное их увеличение по сравнению с теми размерами, какие они могли бы иметь в условиях сохранения передышки на более длительное время...» При этом добавлялось, что «наилучшая опора обороны страны — это хорошо организованная и вполне покрывающая предъявляемый к ней в мирное время спрос промышленность», что «лишь небольшая доля» затрат на промышленность носит «специфически военный характер» [147]. В декабре 1927 г. Ворошилов отмечал, что «мы, военные работники, считаем, что наша промышленность в настоящем ее виде уже представляет собой достаточно мощную базу». «Есть еще и сейчас много недочетов в работе военных заводов, но в целом военная промышленность значительно подтянулась и быстрыми шагами идет вперед». Авиапромышленность, по его мнению, являлась «действительно светлым пятном в наших достижениях». В области производства взрывчатых веществ, подчеркивал Ворошилов, наблюдалось сильное отставание. И хотя имеются конструкции отечественных советских танков, «производство этих танков пока очень ограничено» [148].

Существовало два дополняющих друг друга подхода к проблеме быстрого перевода гражданского производства на военное. Первый заключался в том, чтобы загрузить оборонные заводы производством гражданской продукции, с тем чтобы сохранить производственные мощности и кадры для изготовления, в случае необходимости, военной продукции. На протяжении ряда лет военные заводы успешно выпускали текстильные станки. Сейчас же Главвоенпром предлагал выпускать автомашины [149]. Второй путь состоял в том, чтобы наладить производство военной продукции на гражданских заводах, а при создании новых гражданских заводов учитывать интересы обороны. На XV съезде партии Ворошилов объединил проблемы тракторо- и танкостроения и указал на важность авиастроения, отметив трудности, связанные с тем, чтобы прокормить громадное множество лошадей, которые будут мобилизованы в случае нападения. Он остановился также на значимости для военных целей черной и цветной металлургии и алюминия, который Советский Союз совсем не производил, а также химической промышленности, находившейся «в зачаточном состоянии» [150]. Обсуждение вопросов военной промышленности переросло в проблему важности для военных нужд мощной тяжелой промышленности; неизвестно, до каких пределов возросла сама военная промышленность за этот период [151].

Потребности оборонных отраслей промышленности часто упоминались в связи с Пятилетним планом, однако публично не обсуждались. IV Всесоюзный съезд Советов в апреле 1927 г. предложил Совнаркому учитывать потребности и задачи обороны при разработке хозяйственных планов, основные установки которых должны были заключаться в том, чтобы обороноспособность «никогда не отставала от общего экономического развития страны» [152]. По-видимому, еще к весне 1927 г. ВСНХ разработал «военный вариант» Пятилетнего плана [153].

В декабре 1927 г., выступая на XV съезде партии, Ворошилов подчеркнул, что Пятилетний план развития хозяйства должен предусматривать и вопросы обороны страны. Он подчеркнул, что Франция готовится к «полной войне» (фраза — предшественница «тотальной войны»), отметив, что Франция имеет в настоящий момент целую сеть мобилизационных органов во главе с центральным органом — Высшим советом национальной обороны, имеющим свои филиалы во всех министерствах. Помимо этого, там имеется Государственный экономический совет («подобие нашего Госплана»). Настаивая на том, что Пятилетний план народного хозяйства должен исходить «из неизбежности вооруженного нападения на СССР», Ворошилов имел в виду, что такое нападение не произойдет в ближайшие пять лет и что основные усилия в этот период должны быть сосредоточены на развитии отраслей промышленности, нужных для обороны. Он отметил, что в СССР имеется пятилетний план строительства вооруженных сил, предусматривающий, что численность армии остается прежней, а уве-

личение бюджетных ассигнований идет исключительно на усиление технических средств [154]. В разработанных после съезда, в апреле 1928 г., директивах ВСНХ по Пятилетнему плану содержалось поручение Главвоенпрому разработать пятилетний план развития оборонных отраслей промышленности [155]. В докладе по пятилетнему плану XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Кржижановский, напомнив делегатам, что «мы не можем рассчитывать на бесконечную мирную передышку, она — временная» и что «мы должны будем многократно возвращаться к оценке нашего плана с точки зрения нужд обороны», сделал оговорку, «что один из неразработанных разделов нашей пятилетки — это трактовка нужд военного ведомства, трактовка нужд обороны», и «может быть, что мы в нашем пятилетнем плане несколько преуменьшили эти нужды» [156]. Выступивший в прениях заместитель народного комиссара по военным и морским делам Уншлихт прямо заявил, что в области обеспечения нужд обороны «пятилетка не вполне отвечает нашим требованиям», и высказался за четкое установление первоочередности работ, решение проблемы суррогатирования и развития производства искусственных заменителей по примеру Германии, а также за ускорение темпов выполнения заказов военной промышленности в первые годы пятилетки. Он обратил особое внимание на необходимость максимального кооперирования и ассимиляции военной промышленности с гражданской, важность дислоцирования военного производства с учетом стратегической боеспособности и «дублирования» основных технологических процессов на предприятиях в глубине страны [157]. В резолюции конференции отмечалось, что Пятилетний план вполне обеспечивает «значительное укрепление обороноспособности страны» [158]. Каковы бы ни были недостатки плана с точки зрения нужд обороны, начиная с весны 1927 г. необходимость строительства новых промышленных предприятий в глубине страны постоянно подчеркивалась в процессе обсуждения планов капиталовложений.

Необходимость такого районирования промышленности явилась, несомненно, одним из важнейших факторов при определении месторасположения многих крупнейших новостроек плана в частности Урало-Кузнецкого металлургического комбината [160].

д) Новое строительство

Кампания за достижение экономической самостоятельности и внедрение передовой техники со всей остротой поставила вопрос о строительстве новых заводов и фабрик, которое в советской прессе определялось как «новое строительство». Соотношение размеров капиталовложений, направленных в новое строительство и в развитие и переоборудование действующих предприятий, было предметом затянувшихся дискуссий [161]. Во многих отраслях машиностроения, в металлургической и текстильной промышлен-

ности было трудно отдать предпочтение чему-либо, а споры на этот счет носили характер диспута по более широкой проблеме — новой технике. Возражения против строительства новых заводов строились на прагматической основе — они обходились дороже и возводились дольше. Защитники строительства новых предприятий утверждали, что это — средство внедрения в СССР самой передовой техники, ядро и учебный полигон передовой экономики будущего, а если уровень капиталовложений будет выше, то больше будет и отдача, так как себестоимость продукции на новых заводах будет ниже. Более того, развитие действующих предприятий осуществлялось в уже сложившихся промышленных районах страны, тогда как строительство новых — способствовало индустриализации еще не освоенных областей. Особенно характерным примером защиты нового строительства могут служить высказывания Александрова, автора проекта Днепрогэса, утверждавшего, что внедрить одну-две машины является зачастую более дорогостоящим делом, чем привлечь больше рабочих, и делавшего вывод, что механизацию на американский манер нельзя внедрять частями — *«необходимо, чтобы на данном предприятии все было механизировано от начала до конца»*. Передовую технику нужно внедрять с помощью быстро построенных и полностью оснащенных ею заводов :*«Не должно быть места кустарным методам и медленным темпам строительства. Крупные капиталовложения на них не рассчитаны»* [162].

К 1926 г. строительство новых промышленных предприятий получило всеобщую поддержку. В одной из статей в журнале красных директоров «Предприятие» отмечалось, что «очень и очень многие из наших директоров заводов, инженеров и техников, подавляющее большинство из них придерживаются глубоко укоренившегося убеждения, что рационализация промышленности неразрывно связана с коренной реконструкцией и обновлением, строительством новых предприятий». Работники промышленности были «загипнотизированы» «мечтой об «американизации» нашей промышленности, планами и проектами нового строительства» [163]. Партийные лидеры и руководящие деятели ВСНХ на первых порах проявляли осторожность относительно того, до какой степени целесообразно развивать новое строительство. Но по мере того, как индустриализация набирала темп, в официальной политике как на практике, так и в принципе все больше и больше стала преобладать точка зрения, что значительная часть капитальных вложений должна направляться на строительство новых современных заводов. На XIV съезде партии Сталин подтвердил этот принцип, заявив, что дальнейшее развитие промышленности должно сопровождаться «...разворотом нового строительства заводов». Он доказал это, изменив свое отношение к Днепрострою, превратившись из скептика в одного из самых рьяных его защитников [164]. Среди партийных деятелей Куйбышев был одним из самых видных и неутомимых сторонников нового строи-

тельства. На VI съезде профсоюзов в декабре 1926 г. он решительно отверг все доводы о том, что целесообразнее направлять капиталовложения на развитие существующих заводов, возразив, что «мы должны быть твердыми и ежегодно выделять все больше и больше средств из нашего промышленного бюджета на нужды нового строительства». Если этого не будет сделано, то не будет создано никакой новой технической базы [165]. На IV Всесоюзном съезде Советов в апреле 1927 г. он выразил свою личную точку зрения, заявив, что ассигнования на новые заводы являются недостаточными [166].

Второй проект Пятилетнего плана, составленного ВСНХ весной 1927 г., отмечая невозможность «метафизического решения проблемы», предусматривал, что к 1931/32 г. удельный вес капиталовложений в строительство новых заводов должен составлять 42% уровня всех капиталовложений в промышленность [167]. К лету 1927 г. ВСНХ уже достиг значительного прогресса в разработке в общих чертах планов новых заводов, которые были одобрены. В распространенной в августе 1927 г. среди представителей прессы брошюре указывались все строящиеся или проектируемые ВСНХ СССР, ВСНХ союзных республик и местными Совнархозами заводы. Этот перечень насчитывал 391 завод общей сметной стоимостью 891 млн. руб. [168] В 1928 и 1929 гг. он был еще больше расширен по мере увеличения производственных заданий промышленности в соответствии с Пятилетним планом. В то же время желание достичь немедленного увеличения промышленного производства побуждало руководство снимать средства с нового строительства и направлять их на освоение действующих заводов и фабрик. Осенью 1927 г. СТО отверг предложение о направлении большей части капиталовложений, выделенных металлургической промышленности, на строительство новых заводов, завявив, что «опыт других европейских стран, особенно Германии, показывает, что наиболее целесообразно проводить индустриализацию страны путем рекапитализации и реорганизации производства существующих предприятий» [169]. Восемнадцать месяцев спустя один из сотрудников Рабкрина подверг критике руководство Югостали за «непродуманное и явно нерациональное расходование крупных сумм» на строительство новых заводов, заявив, что направление незначительных средств на расширение действующих заводов могло бы увеличить производство на 80% [170].

Несмотря на колебания и практические трудности, удельный вес капиталовложений, выделяемых на строительство новых заводов в промышленности, неуклонно возрастал и составил в 1928/29 г. около одной трети от общей суммы [171]. Это соотношение было ниже предложенного на этот год планом ОСВОК [172], однако приблизительно соответствовало предложениям ВСНХ, разработанным весной 1927 [173]. На протяжении всего этого периода доля нового строительства в отраслях промышленности группы «А» была несколько выше, чем в отраслях группы «Б». Отноше-

ние властей к строительству новых заводов в отраслях промышленности группы «Б» было более скептическим. Наивысший процент нового строительства был характерен для новых отраслей, таких, как производство электроэнергии и электромашиностроение [174]. Большинство заводов, строящихся за счет увеличения капиталовложений на новое строительство, еще не были введены в эксплуатацию, и лишь 7% промышленной продукции в 1928/29 г. было произведено на предприятиях, построенных после революции [175]. Преобразование советской промышленности, которое предполагалось провести в течение ближайших четырех лет с помощью строительства крупных новых заводов и фабрик, оснащенных передовой западной техникой, едва началось [176].

Разрыв между долгосрочными целями нового строительства и текущими потребностями экономики был наиболее заметен в металлургической промышленности. Восстановление металлургической промышленности после гражданской войны шло медленнее, чем других основных отраслей промышленности [177]. В конце 20-х годов ее производство быстро росло; однако в 1928/29 г. оно едва превысило уровень 1913 г., хотя, по официальной статистике, производство отраслей промышленности группы «А» в целом на 80% превысило уровень 1913 г. [178] Но даже в этом случае восстановление промышленности требовало огромных капиталовложений. В 1928/29 г. на долю металлургической промышленности приходилась одна седьмая часть всех капиталовложений в промышленность [179]. При этом значительно большая, чем в других отраслях промышленности, доля этих капиталовложений шла на восстановление и модернизацию действующих заводов. Средств на строительство новых заводов оставалось мало. Тем не менее настоятельная потребность в них ощущалась давно, а долгосрочные программы такого нового строительства преследовали далеко идущие цели. В апреле 1929 г. XVI партийная конференция отметила, что «необходимо признать постройку новых заводов металлопромышленности первоочередной задачей» [180], а в июне того же года Межлаук объявил о проектировании в 1925/26 г. новых металлургических заводов, которые будут полностью введены в строй через пять лет [181]. К концу 1926 г. самые честолюбивые замыслы начали претворяться в жизнь. Намечалось строительство трех гигантских, по меркам того времени, металлургических заводов — одного в Кривом Роге на Украине, второго — на Магнитной горе на Урале, где впоследствии вырос Магнитогорск, и третьего — в Тельбесе под Кузнецком в Сибири [182]. На этих заводах планировалось выплавлять 1,7 млн. т чугуна в год, что на 40% увеличило бы мощности, унаследованные от царского режима, не говоря уже о планировавшемся значительном расширении действующих заводов. Важным дополнением к этим проектам явилось предложение о строительстве в Свердловске на Урале крупного машиностроительного завода по производству оборудования для тяже-

лой промышленности, которое до сих пор в основном импортировалось. Этот завод стал известен как Уралмашзавод или Уралмаш.

Строительство металлургических заводов на Урале и в Кузнецком бассейне обсуждалось еще до революции. Черная металлургия Урала начала постепенно терять свое значение еще с конца XVIII в., когда в Англии для выплавки чугуна стал применяться кокс вместо угля. Новые заводы должны были возродить славу уральской промышленности и заложить фундамент индустриализации Урала и Сибири. Наиболее популярной стала идея создания «Урало-Кузнецкого комбината», или УКК, предусматривающая снабжение Магнитогорска коксующимся углем Кузбасса по железной дороге, протяженностью свыше 2000 км [183]. Впервые она была предложена накануне первой мировой войны, а в 1917 г. Временное правительство утвердило проект строительства крупного современного завода в Кузнецком бассейне [184].

К этой идее вернулись после революции, и к концу 1925 г. уральские инженеры занялись разработкой детальных проектов развития как Уральского, так и Кузнецкого бассейнов [185]. Свердловский завод, хотя и планировался самостоятельно, рассматривался как дополнение к УКК, и разработку его проекта также вели уральские инженеры. Первоначально предполагалось, что это будет сравнительно небольшой завод, производящий широкий ассортимент машиностроительной продукции, и в течение долгого времени было неясно, где именно на Урале его разместить [186]. К 1926 г. был разработан четкий план строительства завода на новом месте в нескольких километрах от старой губернской столицы — Екатеринбурга, переименованного в Свердловск. Завод должен был стать крупным предприятием по производству капитального оборудования для металлургической промышленности Урала и Сибири и иметь собственное литейное производство, кирпичные заводы и инструментальные цеха. Проблема топлива была решена необычным и скорым способом, предполагавшим использование местного торфа, для чего при заводе организовывались собственные торфоразработки [187].

Вопрос о месторасположении заводов постоянно дебатировался. Зачастую дискуссия шла по проблемам технических преимуществ той или иной площадки в каком-либо определенном районе. Где было лучше построить металлургический завод — в Кривом Роге, где имелись месторождения железной руды, или в Запорожье, на полпути между месторождениями железной руды и угля, поближе к Днепрогэсу? [188] Где лучше разместить Уральский машиностроительный завод — в Свердловске, Челябинске или Нижнем Тагиле? [189] Однако главным был вопрос о том, размещать ли новые громадные заводы вдали от хорошо сформированных промышленных комплексов Украины. Представители украинской промышленности постоянно прибегали к хорошо известному аргументу о преимуществах уже развитого промышленного района, энер-

гично отстаивая свою позицию. Диманштейн, инженер, довольно часто представлявший Госплан Украины в официальных комиссиях, был самым рьяным защитником интересов Украины среди специалистов. Его доводы сводились к тому, что южные районы, как и до революции, будут играть решающую роль в индустриализации страны, а их роль напоминает ту, которую северо-восточные и центральные штаты играли в экономическом и политическом развитии Соединенных Штатов Америки [190]. Основным недостатком УКК была непомерно высокая стоимость транспортировки более чем за 2000 км кокса из Кузбасса к руде Урала. На заседании СТО Диманштейн заметил, что практика капиталистических стран свидетельствует, что не уголь доставляют к руде, а руду к углю [191]. Хотя перевозка железной руды в Кузбасс и обходилась дешевле, ее стоимость, по нормальным экономическим меркам, также оказалась бы слишком высокой [192]. Представители Украины заявляли, что уральская железная руда была значительно хуже криворожской и что южные районы обладают вполне достаточными потенциальными возможностями для снабжения завода коксом.

Кроме того, существовали «непреодолимые барьеры, препятствующие интенсивному росту рабочей силы на Урале» [193]. Комиссия по металлу при Госплане Украины объявила, что Урал «потерял свое значение как металлургический центр», и рекомендовала немедленно прекратить работу над магнитогорским проектом [194]. Предложение о строительстве на Урале завода тяжелого машиностроения встретило почти такое же яростное сопротивление, хотя в планах ВСНХ и предусматривалось расширение Краматорского завода в Восточной Украине для обеспечения нужд украинской промышленности [195]. Возражения Украины против высоких транспортных расходов в случае осуществления проекта УКК были неоспоримы; проект мог стать рабочим только в случае специального соглашения о снижении стоимости фрахта, что влекло за собой значительные потери для железнодорожного транспорта. Однако сторонники строительства УКК расценивали особое мнение Украины как попытку затормозить развитие и недооценку огромных возможностей, открывающихся перед советской экономикой. УКК рассматривался как крупный шаг вперед по пути развития экономики за Уралом [196]. Нетронутые ресурсы Урала и Сибири выгодно контрастировали со скудеющими запасами коксующего угля Донбасса. Если бы могла быть решена проблема снижения транспортных расходов, УКК смог бы обслуживать рынок, охватывающий свыше четверти всего советского населения и 28% промышленного населения, то есть регион, потребности которого в чугуне составят по крайней мере 1,5 млн. т в год к тому времени, когда в 1932/33 г. будет построен Магнитогорский завод [197].

Самым убедительным аргументом были соображения обороны: после военного психоза летом 1927 г. потребности обороны стали приобретать все больший вес в дискуссии о развитии Урала и Си-

бири как базы тяжелой промышленности, и УКК в особенности. Уральская плановая комиссия подчеркивала, что «однобокая концентрация металлургической промышленности на юге» стратегически опасна и что военную промышленность следует дислоцировать на Урале; это приведет к увеличению спроса на металл [198]. И Косиор, хотя и работал в украинской промышленности, учел экономические и стратегические интересы, отдав предпочтение Тельбесу и Магнитогорску:

«В данном случае интересы экономики полностью совпадают с мерами, направленными против угрозы войны: у нас будут мощные металлургические гиганты вдали от границы и рядом с потребителем» [199].

Один из сибирских делегатов на IV съезде Советов в апреле 1927 г. привлек внимание к другому политическому аспекту проблемы: «Итак, если мы хотим иметь море, иметь океан, влиять на море и океан, на Великий Тихий океан, как мы влияем в Ленинграде на Балтийское море, то необходимо создать условия, создать обстановку для этого влияния. Именно в области индустриализации края, в области создания и проведения в жизнь *уралокузнецкой проблемы,* в постройке металлургического завода будут создаваться и пролетариат, и политическое влияние на Монголию и Китай» [200].

Большинство этих крупнейших проектов нового строительства были официально санкционированы в 1926 г. или в первом полугодии 1927 г. В 1926 г. Совнарком РСФСР утвердил предложение о строительстве Свердловского завода, которое, однако, еще не было одобрено Совнаркомом СССР [201]. В докладе на VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. Куйбышев отметил, что уже есть решение о строительстве Магнитогорского завода и «крупного» машиностроительного завода под Свердловском, и добавил, что наряду с наиболее быстрым развитием металлургической промышленности на юге необходимо построить «один из крупнейших в стране заводов» за Уралом, непосредственно в Сибири [202]. Однако в течение какого-то времени центральное руководство не принимало решительных мер. Межлаук отметил относительно пренебрежительное отношение к магнитогорскому проекту, который «положит начало совершенно новому периоду в истории уральской промышленности» по сравнению с тем вниманием, которое уделялось Туркестано-Сибирской железной дороге» [203]; после ряда правительственных и партийных совещаний на высшем уровне в декабре 1926 г. на нужды Турксиба и Днепрогэса были ассигнованы значительные средства [204]. Проекты же металлургической промышленности продолжали плестись в хвосте Турксиба и Днепрогэса.

Но начиная с весны 1927 г., с развитием индустриализации и усилением подготовки к обороне, положение дел изменилось в лучшую сторону. Резолюция ЦК партии от 12 мая 1927 г. отметила задержки в планировании и строительстве новых заводов в металлопромышленности и рекомендовала предпринять необходи-

мые меры по ускорению этой работы[205]. В следующем месяце на серии совещаний, последовавших одно за другим в течение нескольких недель, СТО утвердил проект Днепростроя[206], одобрил строительство машиностроительного завода на Урале, подтвердив три месяца спустя, что он будет построен «в районе города Свердловска»[207], а также санкционировал строительство заводов в Кривом Роге и Тельбесе (Кузнецке). СТО все еще сомневался относительно Магнитогорска; подчеркивая «крайнюю необходимость сооружения металлургического завода на Урале», СТО отложил решение до представления окончательных данных по этому вопросу[208].

Принятие этих решений не означало, что предусмотренные ими проекты окончательно разработаны или что дальнейшее развитие промышленности четко определено. Крупные изменения были обычным явлением. Когда закончилась разработка детальных проектов, оказалось, что, в частности, стоимость металлургических заводов была сильно занижена: определенная осенью 1926 г. сметная стоимость в 180 млн. руб. была увеличена до 500 млн. руб. к началу 1929 г.[209] Все увеличивающееся в связи с этим напряжение ресурсов не предотвратило, однако, утверждение дальнейших предложений о строительстве новых крупных заводов, особенно в начале 1929 г. Было принято решение о немедленном строительстве еще двух металлургических заводов — одного в Запорожье на Украине и другого в Алапаевске на Урале. Производительность каждого из них должна была равняться 650 тыс. т, так же как и заводов в Кривом Роге и Магнитогорске. Что касается завода в Запорожье, то было намечено построить его к последнему году Пятилетки — 1932/33 г.[210]

Эта внушительная программа претворялась в жизнь необычайно медленно. Повсеместно средства на строительство новых заводов выделялись гораздо медленнее, чем планировалось ранее[211]. Но самым трудным было изыскать средства для этой группы крупных новых заводов, которые начали бы выпускать продукцию через несколько лет. Постоянно растущие сметы расходов и недостаток финансовых средств приводили к затяжкам начала строительных работ и пересмотру решений, принятых, казалось, бесповоротно. Проект Свердловского завода был особенно подвержен превратностям судьбы. В мае 1928 г. технический совет Гипромеза в течение нескольких дней рассматривал его на своем заседании; в процессе обсуждения целесообразность всего проекта открыто ставилась под сомнение. Безосновательно утверждалось, что в решении СТО указывался лишь Урал, без названия города. В выступлениях также отмечалось, что альтернативное месторасположение завода в Челябинске практически не обсуждалось; что будет трудно найти квалифицированную рабочую силу; что в предполагаемый ассортимент производимой продукции было включено слишком много наименований второстепенного оборудования и что монтажные работы слишком дороги. Секция экономики научно-

технического совета возражала против использования в качестве топлива торфа. В опубликованном отчете о заседании совета его настроения относительно проекта характеризовались как «неспокойные» [212]. Окончательный проект был в конце концов утвержден Главметаллом 1 июня 1928 г., но только после значительных изменений, сделанных Гипромезом [213]. В то же время на строительной площадке кипела работа.

Осуществление проекта Свердловского завода в меньшей степени зависело от иностранной технической помощи, чем другие крупные проекты, и больше полагалось на местную инициативу. Уральский совнархоз без одобрения центральных властей в декабре 1926 г. образовал строительную организацию, которая вплоть до марта 1929 г. [214] формально не подчинялась ВСНХ СССР. Первые строители начали расчищать строительную площадку и возводить временные жилища в 1927 г.; 15 июля 1928 г., в день девятой годовщины освобождения Урала от Колчака, был официально заложен первый камень в фундамент завода [215]. На этом трудности не закончились. В августе 1928 г. первоначальные ассигнования на 1928/29 г. в сумме 6,5 млн. руб. были урезаны до 2,5 млн. руб. [216] Но даже и эту урезанную сумму удалось получить лишь в результате сильного нажима со стороны уральских властей [217]. Аналогичные, хотя и менее драматичные коллизии происходили вокруг Магнитогорского и Криворожского металлургических заводов.

Резкость этих противоречий, возможно, была обусловлена напряженной атмосферой 1928 г., когда настойчивые призывы к индустриализации привели к возникновению оппозиции как внутри партии, так и среди значительной части беспартийных специалистов. Партийное руководство и специалисты, выступающие в защиту проектов, рассматривали возражения против них как тактику проволочек и нетерпеливо от них отмахивались.

«Пора заканчивать дискуссию, — писал главный инженер Уральского отделения Гипромеза, — работа по строительству УКК в любом случае потребует 6—7 лет, и ее необходимо продолжать» [218]. После поражения правых на Пленуме ЦК в ноябре 1928 г. подход к проблемам индустриализации стал более решительным; затяжки и сомнения, характерные для 1928 г., в первые месяцы 1929 г. были отброшены в сторону. 12 декабря 1928 г. Президиум ВСНХ принял решение, что строительство заводов в Магнитогорске и Кузбассе должно начаться в 1928/29 г. с «максимальным» использованием иностранной технической помощи [219]. В январе 1929 г. Госплан и ВСНХ окончательно утвердили проект УКК и включили строительство обоих заводов в проект Пятилетнего плана [220]. В то же время, расширив план за счет включения в него строительства Запорожского и Криворожского заводов, они в определенной степени пошли навстречу пожеланиям Украины [221]. Скупые строки протокола заседания Президиума ВСНХ зафиксировали первоочередное значение этих крупных проектов: «Уско-

рить создание Криворожстроя. Предложить отделу финансов ВСНХ изыскать средства, необходимые для создания этой организации. Предрешить начало вложений с 1-го квартала 1929/30 г. Главчермету включить необходимые цифры в контрольные цифры 1929/30 г.» [222].

Все эти проекты были включены в Пятилетний план, утвержденный весной 1929 г.: Криворожский и Магнитогорский заводы предстояло построить в 1932/33 г., а Кузнецкий завод — в 1933/34 г. В течение Пятилетки должно было быть завершено строительство Уралмашзавода и проведена «коренная реконструкция» Краматорского завода [223]. На протяжении нескольких последующих лет они представляли собой блестящий пример нового строительства в промышленности.

Помимо нового строительства в существующих отраслях промышленности, для достижения экономической независимости и внедрения новой техники постоянно требовалось создание новых крупных отраслей. Для становления автомобильной и авиационной промышленности, организации широкомасштабного производства тракторов и станков, бесспорно, было необходимо сосредоточить усилия на строительстве новых заводов. Существо вопроса заключалось в том, развивать ли вообще и как быстро эти новые отрасли промышленности.

Быстрый рост автомобилестроения в Западной Европе и Соединенных Штатах лишь подчеркивал контраст между промышленным Западом и СССР. На Западе с середины 20-х годов грузовик стал основным средством транспортировки грузов, а в США легковые автомобили производились миллионами. В России же автомобильная промышленность накануне первой мировой войны едва нарождалась — на заводе в Риге производилось несколько сотен автомашин в год. В 1916 г. царское правительство подписало ряд контрактов с иностранными компаниями на строительство пяти автомобильных заводов общей мощностью 10 тыс. автомобилей в год. К началу революции их строительство было далеко от завершения, а во время гражданской войны и в начале 20-х годов отремонтировать даже имеющиеся несколько десятков автомобилей было невозможно. Становление советского автомобилестроения началось в 1924 г. с производства на заводе АМО в Москве грузовиков «Фиат». В 1926/27 г. в Москве и Ярославле было выпущено около 500 грузовиков и с десяток легковых автомобилей [224]. В 1927 г. в СССР общий парк грузовых и легковых автомобилей едва насчитывал 12 тыс. штук, в то время как даже в Индии их было около 100 тыс. Многие из них были устаревшими и почти все — импортными. Легковые автомашины, которые можно было встретить в Москве и Ленинграде, как правило, представляли собой семиместную модель класса «люкс», управлялись шофером и использовались в служебных целях. Даже в крупнейших городах все еще были распространены извозчики.

В сельской местности слякоть и снег делали дороги непроезжимы в течение большей части года. Один из пессимистически настроенных экономистов заметил по этому поводу: «Для развития автомобилестроения в нашей стране нам недостает главного — дорог» [225].

Долгосрочные перспективы развития автомобилестроения оценивались Госпланом в то время очень скромно. Его скептицизм разделял и ВСНХ. Предложение Главметалла о выделении автомобильной промышленности 121 млн. руб. на Пятилетку, что позволило бы довести производство автомобилей до 10 800 машин в год, не нашло поддержки, а в проекте Пятилетнего плана развития, разработанном весной 1927 г. ВСНХ, ассигнования были урезаны более чем наполовину [226].

Летом 1927 г. советский автомобиль мгновенно стал катализатором кампании за индустриализацию и внедрение новой техники. Подобной перемене настроения во многом способствовал Осинский, тогдашний заместитель председателя ЦСУ, вернувшийся из служебной командировки в США, где он был потрясен размахом американского автомобилестроения. В июле 1927 г. он опубликовал в «Правде» серию ярких статей под общим названием «Американский автомобиль или русская телега?», выдвинув лозунг: «Каждому рабочему и крестьянину через 15—20 лет — по автомобилю!» В его представлении смычка с крестьянством должна была воплотиться в образе русского фермера, едущего на автомобиле в город — «непроезжая Русь» русских поэтов не шла ни в какое сравнение с индустриальной Россией. Массовое производство автомобилей в СССР и, возможно, их коллективное приобретение сделают автомобиль достаточно дешевым для рядового рабочего и крестьянина: благодаря низким ценам и системе проката автомобиль в Америке перестал быть «каретой буржуазии» [227]. Статьи Осинского представляли собой вполне обычную смесь технического предвидения и утопизма. Крупное производство грузовиков, способных ездить по разбитым русским дорогам, было более реалистичным предложением, чем выпуск миллионов небольших легковых автомашин, для которых требовалось совершить революцию в строительстве дорог. Эти две проблемы у Осинского были перепутаны и не были четко разграничены в последующих откликах на его статьи специалистами, которые были заметно обеспокоены отсутствием у него чувства реализма. Даже Струмилин, заявляя, что в принципе идея Осинского «совершенно верна», был настроен весьма скептически в отношении ближайших перспектив. Он подчеркивал, что не следует ожидать от рабочих и крестьян большого спроса на автомашины. Развитие общего машиностроения представлялось делом гораздо большей важности и срочности. Налаживание массового производства автомобилей в России было бы равносильно попыткам «подковать блоху»: «нам нужно научиться полнее использовать лошадь». Один из ведущих специалистов Госплана по группе металлопромышленности, Гарт-

ман, твердо заявил, что подобная перспектива «сильно преувеличена» и что пройдет гораздо больше времени, чем предполагает Осинский, прежде чем каждый рабочий и крестьянин сможет иметь машину. Он сказал, что индустриализация — длительный процесс, который может оказаться непонятым многими и который может проходить «даже без массового производства автомобилей»[228]. Но наиболее показательным для понимания той громадной дистанции, которую предстояло пройти советскому автомобилестроению, было сообщение о переоборудовании пары сотен старых, выброшенных на свалку грузовиков в пожарные машины[229].

Первые практические шаги по развертыванию нового строительства, необходимого для развития автомобилестроения, были достаточно робкими. В августе 1927 г. было санкционировано строительство в Москве первого советского автомобильного завода, сравнительно небольшого предприятия, рассчитанного на выпуск 10 тыс. грузовиков в год. Этот завод был не чем иным, как объединением в одно подразделение планов строительства нескольких небольших заводов, уже утвержденных царским правительством[230]. Но даже в этом случае Совнарком СССР, стремясь ограничить финансовые обязательства общесоюзных руководящих органов, передал проект в Совнарком РСФСР, который в свою очередь принял решение о передаче его Моссовету, проявившему наибольшую заинтересованность в его претворении в жизнь, который и должен был нести затраты по строительству завода и административную ответственность[231]. Полтора года спустя был утвержден более грандиозный проект. После обычных длительных споров о том, какое место является наиболее подходящим, Президиум ВСНХ в начале апреля 1929 г. принял решение о строительстве в Нижнем Новгороде, в 400 км восточнее Москвы, автомобильного завода мощностью 100 тыс. машин в год[232]. Несколько позднее в том же месяце Куйбышев проинформировал о принятом решении на XVI партийной конференции[233]. Указанное решение, однако, было поставлено под сомнение, когда 30 мая 1929 г. Президиум ВСНХ постановил рассредоточить производство этих машин на трех новых заводах[234]. Но достоинства первоначального проекта взяли верх, и в июне был подписан контракт с Фордом о строительстве в десятилетний срок автозавода мощностью в 200 тыс. машин в год в Нижнем Новгороде[235]. Тем не менее даже в это время не было четкого представления о плане развития автомобилестроения в целом. Все еще предполагалось производить больше легковых, чем грузовых машин[236]. В дальнейшем автомобилестроение пошло по пути производства главным образом тяжелых грузовиков для промышленности и сельского хозяйства, а не индивидуальных автомобилей.

Бок о бок с автомобилестроением, быстро набирая темп, начало развиваться и тракторостроение, которому придавалось еще большее значение. В незначительном количестве тракторы про-

изводились на Путиловском заводе в Ленинграде и локомотивном заводе в Харькове [237]. На Путиловском заводе бывшие цеха по производству артиллерийских орудий были переоборудованы в новый тракторный цех, который начал производство точной копии американского трактора «Фордзон», разобрав предварительно десять тракторов для того, чтобы снять размеры каждой детали. Заводу удалось на четыре пятых снизить первоначальную высокую себестоимость трактора, так что советский трактор Путиловского завода обходился лишь на 50% дороже своего американского прототипа [238]. На IV съезде Советов СССР в апреле 1927 г. представитель АССР Немцев Поволжья отметил, что маленький тракторный завод, организованный на принципах массового поточного производства, имеется и в их республике, однако «...этому заводу, этой маленькой лаборатории массового производства, где мы имеем колоссальные технические достижения, которых нет и на Путиловском заводе, этому заводу не уделяется совершенно никакого внимания» [239]. Количество советских тракторов, поставленных сельскому хозяйству, возросло с 457 в 1924/25 г. до 2800 в 1928/29 г. [240], а в соответствии с Пятилетним планом их производство на Путиловском заводе должно было увеличиться с 5 тыс. до 10 тыс. тракторов в год [241]. Во второй половине 20-х годов удельный вес поставляемых в сельское хозяйство тракторов советского производства возрос с 5,6% в 1925/26 г. до 29,6% в 1928/29 г., однако их общее количество в этом году несколько сократилось [242]. Массовое снабжение сельского хозяйства тракторами советского производства стало возможно только в 30-х годах, в связи со строительством новых тракторных заводов.

К концу 1925 г. план строительства тракторного завода с массовым поточным производством в Сталинграде начал претворяться в жизнь [243]. Первый камень в его фундамент был заложен после двух отсрочек в июле 1926 г. до того, как строительство завода было окончательно официально утверждено СТО и СНК СССР [244]. К этому времени уже было решено, что объемы производства легкого трактора «Фордзон» на Путиловском заводе будут недостаточны для того, чтобы быть рентабельными, и что поэтому на новом заводе целесообразно выпускать более тяжелый трактор типа «Интернэшнл», производство которого мелкими партиями было бы рентабельно [245]. 9 сентября 1926 г. завод был официально назван именем Дзержинского [246]. В начале 1927 г. представители промышленности Украины все еще продолжали задним числом воевать против размещения тракторного завода в Сталинграде, и даже в некоторой степени заручились поддержкой комиссии Рабкрина, считавшей, что завод должен был располагаться ближе к Днепрогэсу и к планируемому в Кривом Роге металлургическому заводу [247]. Однако соображения экономического порядка о размещении завода в Сталинграде продолжали иметь решающее значение. Здесь он был ближе к основным рынкам сбыта в районах Северного Кавказа и Волги; транспортировка готовой продукции

водным путем по Волге и затем по Волго-Донскому каналу была более удобной; рядом имелся подходящий металлургический завод «Красный Октябрь», который мог производить высококачественную сталь [248]. 1 апреля 1927 г. СТО принял окончательное решение о строительстве Сталинградского завода, а 1 июня утвердил мощность завода в 10 тыс. тракторов в год [249]. В декабре 1927 г. на XV съезде партии Ворошилов выразил озабоченность по поводу медленного прогресса в строительстве завода, а Чубарь посетовал, что «если мы будем идти тем же темпом в области трактороснабжения, каким идем в этом году, никакой революции в сельском хозяйстве мы не произведем» [250]. В течение 1928 г. планы механизации сельского хозяйства быстро расширялись, и первоначальные предложения относительно мощности Сталинградского завода были коренным образом пересмотрены. В июле 1928 г. запланированная мощность была увеличена с 10 тыс. тракторов в одну смену до 20 тыс. тракторов в две смены, а дата ввода завода в строй приближена к концу 1930 г. [251] Осенью того же года плановая мощность была еще более увеличена — до 40 тыс. тракторов в год. Было также решено наладить производство более мощного трактора типа «Интернэшнл» [252]. На этой стадии ведущие специалисты Гипромеза выступили против такого значительного расширения под тем предлогом, что было бы нереально пытаться построить тракторный завод больших размеров, чем любой американский [253]. Весной 1929 г. в окончательном проекте пятилетнего плана предусматривалось строительство завода мощностью 50 тыс. тракторов в год, а его сметная стоимость возросла с 16 млн. руб. в 1926 г. до 77 млн. руб. в 1929 г. [254] В 1928 г. были начаты работы на строительной площадке завода, а в ноябре 1928 г. ЦК партии принял решение об ускорении строительства [255]. В 1929 г. строительство продолжалось быстрыми темпами. Американец Джон Кальдер, строивший заводы Форда в Америке, был назначен главным инженером строительства [256]. В конце 1928 г. Куйбышев предложил построить на Урале еще один крупный завод такой же мощности, как и Сталинградский [257]. На XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Скрыпник настаивал на строительстве этого второго завода на Украине [258]. В течение нескольких месяцев было санкционировано строительство обоих заводов — на Урале в Челябинске и на Украине в Харькове [259].

Скептики, не верящие в быстрое развитие автомобиле- и тракторостроения, сплошь и рядом заявляли, что без импорта нельзя быстро решить проблему снабжения этих отраслей промышленности материалами и комплектующими деталями. Автор одной статьи в начале 1928 г. утверждал, что для выплавки высококачественных марок стали, необходимой для производства 12 тыс. автомобилей в год, потребуется семь лет [260]. При разработке проекта Сталинградского завода весной 1928 г. было в принципе решено, что такие детали, как шарикоподшипники и магнето для

тракторной, автомобильной и авиационной промышленности, должны производиться в СССР[261]. Год спустя, 30 мая 1929 г., Президиум ВСНХ образовал особую экспертную комиссию под руководством Долгова, беспартийного инженера, члена Президиума ВСНХ, для рассмотрения вопроса обеспечения автотракторостроения и других потребителей высококачественными сталями. Одной из ее функций было составление указаний Гипромезу при проектировании металлургической базы для автостроения[262]. Это были только основные аспекты проблемы обеспечения материалами и комплектующими деталями. ВСНХ было необходимо также спланировать, какие заводы и в каком количестве должны производить такие детали, как болты и крепления, пружины, шоферский инструмент, электрооборудование, шипы, тормозные колодки, стекла, краски, лаки и искусственную кожу, а также предусмотреть производство бензина и масел соответствующих марок и в необходимом количестве для будущих тракторов, автомобилей и самолетов. Ему пришлось также планировать строительство ремонтных заводов и складов запасных частей, заниматься вопросами подготовки водителей, инженеров и техников. Развитие тракторо- и автостроения оказало огромное влияние на развитие всей промышленности в целом: помимо того, что многие требующиеся материалы и детали были новыми и сложными, их производство в необходимом количестве имело чрезвычайно важное значение для целого ряда отраслей промышленности. В этой работе принимали участие почти все главки ВСНХ и его центральный аппарат, а важнейшие вопросы рассматривались СТО и даже Политбюро. Координация такого сложного и взаимосвязанного развития новых отраслей промышленности и производства новых видов продукции на Западе осуществлялась предпринимателями и регулировалась рыночным механизмом. В СССР она все в большей степени становилась частью повседневной работы Советского правительства, основным содержанием централизованного планового руководства народным хозяйством.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Урожай 1926 г.

1. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Определение «товарности» дается в Приложении «А».

2. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 158, 262, 437, 472.

3. В 1926/27 г. кулацкие хозяйства давали 20% товарного хлеба, середняцкие — 12, а бедняцкие — 6%. (*В. Яковцевский.* Аграрные отношения в СССР, с. 156).

4. «На аграрном фронте», № 5—6, 1926. с. 18.

5. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. В передовой статье, опубликованной в «Правде» 25 мая 1926 г., говорилось о том, что «внеплановые заготовители явились „фактором дезорганизации рынка"».

6. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

7. В марте 1926 г. официальные заготовительные цены на хлеб составляли в среднем 150% от уровня 1909—1913 гг., к июлю они упали до 106%, а к концу года вновь незначительно возросли. (См. табл. № 34).

8. «Торгово-промышленная газета», 6 мая 1926 г. Преображенский в своей статье, опубликованной в «Правде» 27 июня 1926 г., писал о необходимости снижения цен на хлеб.

9. См. гл. 34.

10. Декларация находится в архиве Троцкого (Т 880). Отдельные выдержки из нее были зачитаны на XV партийной конференции («XV конференция ВКП (б). Стенограф. отчет», 1927, с. 618). О вопросах промышленности см. гл. 12, политические вопросы, обсуждавшиеся на Пленуме, будут рассмотрены в последующих томах.

11. О реформе сельскохозяйственного налога см. гл. 30.

12. Предложения Каменева цитировал журнал «Большевик», № 7—8, 30 апреля 1927 г., с. 32.

13. «ВКП(б) в резолюциях...», 1940, ч. 2, с. 117—121. Из последующих изданий резолюция была изъята. Восемь членов оппозиции, включая Зиновьева, Каменева, Троцкого и Крупскую, проголосовали против пункта о перевыборах в Советы (См. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22), заявив о том, что якобы не предпринимаются никакие меры для поддержки батраков и бедняков и что Наркомзем оказывает поддержку «крепкому» середняку (Архив Троцкого, Т 882).

14. «Правда», 1 августа 1926 г. Те же цифры приводил заместитель председателя наркомфина Фрумкин в своей оптимистической статье в журнале «Советское строительство», № 1, август 1926 г., с. 35.

15. После пленума Каменев выразил удовлетворение по поводу принятия предложения о снижении цен на хлеб («Большевик», № 7—8, 30 апреля 1927 г., с. 32).

16. «Правда», 3 августа 1926 г. Более подробно о теории равновесия, горячим приверженцем которой был Бухарин, см. ниже, с. 794—795. О платформе оппозиции по вопросу о ценах см. гл. 26.

17. В предисловии указывалась дата 20 августа 1926 г., то есть тот день, когда они были представлены в СТО (см. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г.», 1926, с. VII).

18. Там же, с. 340—341, 348—351.
19. См. табл. № 2.
20. «Беднота», 3 октября, 7 ноября 1926 г.
21. См. табл. № 7.
22. «На аграрном фронте», № 9, 1926, с. 8. См. также «Собрание законов», 1926, отд. 2, ст. 151 о смещении Каменева с поста наркома торговли и назначении на его место Микояна.
23. См. табл. № 7. Сельскохозяйственный год исчислялся с 1 июля по 30 июня, а хозяйственный — с 1 октября по 30 сентября.
24. «На аграрном фронте», № 8—9, с. 69—71.
25. «Плановое хозяйство», № 9, 1927, с. 123. Согласно более поздним данным, плановые хлебозаготовки возросли с 69,7% в 1925/26 г. до 81,3% в 1926/27 г. («Экономическое обозрение», № 9, 1928, с. 25). Особенно интересные цифры привел Микоян: они свидетельствовали о резком сокращении частных хлебозаготовок в августе — сентябре 1926 г. («Большевик», № 19—20, 31 октября 1926 г., с. 82).
26. *А. Малафеев.* История ценообразования в СССР, 1964 г., с. 114.
27. «На аграрном фронте», № 8—9, 1927, с. 80—81.
28. Там же, № 5, 1927, с. 7.
29. Там же, № 4, 1927, с. 104—105. Зимой 1925/26 г. цена на семена подсолнечника упала до 75 коп. за пуд, к осени она повысилась до 1 руб. 25 коп. за пуд, но было слишком поздно (там же, № 8—9, 1927, с. 71). В Средней Азии эквивалент хлопка на хлеб в 1925/26 г. составлял 3 : 2 против довоенных 3 : 1. («Торгово-промышленная газета», 17 сентября 1926 г. Согласно материалам XV съезда партии, цена на лен в период с 1925 г. по 1927 г. менялась 5 раз («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1364).
30. «XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 123, 201.
31. «Правда», 25 ноября 1926 г.
32. «СССР. От съезда к съезду (май 1925 — апрель 1927 г.)», 1927, с. 53.
33. «Плановое хозяйство», № 9, 1927, с. 123.
34. Там же, № 8, 1926, с. 112.
35. «Большевик», № 18, 30 сентября 1926 г., с. 103, 108, 110, 117. В примечании от редакции статья была названа «Нелегальным документом оппозиции, распространявшимся среди членов московской организации». Бухарин утверждал, что Майзлин — псевдоним Смирнова («XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 594), а Рыков, что это псевдоним Смирнова и Пятакова вместе взятых (там же, с. 128). В своей неопубликованной статье, написанной в 1927 г. (Архив Троцкого, Т 874), Смирнов писал: «Со всеми основными выводами товарища Майзлина я абсолютно согласен. Я никогда не уклонялся и не собираюсь уклоняться от политической ответственности за его статью». О том, какие последствия эта статья имела для развития промышленности и политики цен, см. гл. 12 и 26. О докладе Бухарина от 28 июля 1926 г. см. выше, с. 16.
36. Этот эпизод и опубликованная в «Правде» декларация будут рассматриваться в следующем томе.
37. *И. Сталин.* Соч., т. 8., с. 244. Заявление до тех пор никому не известного Андреева (не следует путать с А. Андреевым, профсоюзным деятелем, членом ЦК) было зачитано Ярославским на Пленуме ЦК ВКП(б) 23 октября 1926 г., а неделей позже процитировано Бухариным на XV партийной конференции. («XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 598). Во время выступления на конференции Каменева из зала была брошена полная сарказма реплика: «Вы ожидали хозяйственного кризиса?» (там же, с. 467).
38. Там же, с. 486.
39. Там же, с. 506. О дискуссии, развернувшейся на апрельском (1926 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24. В своей записке, составленной при подготовке к конференции, Троцкий утверждал, что «кулак, лавочник и мелкий буржуа стучатся в дверь политики», и обвинял партийное руководство в «систематических уступках кулаку», а также «тред-юнионистском уклоне» (Архив Троцкого, Т 3006).

40. *И. Сталин.* Соч., т. 8, с. 290. Впервые Троцкий сказал об этом на XII съезде партии в 1923 г., когда заявил, что если промышленность останется отсталой, то хороший урожай сыграет на руку скорее капиталистическим, нежели социалистическим элементам в деревне. Эту же мысль он выразил впоследствии в своем открытом письме VI конгрессу Коминтерна от 12 июля 1928 г. (*L. Trotsky.* The Third International After Lenin (N. Y., 1936, p. 249)).

41. «XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 598.

42. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 297, 302, 303. Другие пункты резолюции см. гл. 12.

43. «Собрание законов», 1927, № 5, ст. 49.

44. «Пути мировой революции», 1927, т. 2, с. 118.

45. «Большевик», № 23—24, 31 декабря 1926, с. 25, 33.

46. Процитировано Каменевым на XV съезде из неопубликованной стенограммы заседания Политбюро (от 3 января 1927 г.) («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1961, т. I, с. 282).

47. *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи, 1944, с. 61.

48. Работа конференции подробно освещалась в «Правде», начиная с 7 января 1927 г. и в последующих номерах. Доклад Бухарина см. в номере от 13 января. Принятая по докладу резолюция выразила одобрение официальной линии партии (там же, 11 января, 1927 г.).

49. «Большевик», № 9, 1 мая 1927, с. 9.

50. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 год», 1928, с. 233, 443.

51. «На аграрном фронте», № 8—9, 1927, с. 74—75. К 15 ноября 1926 г. общий объем поставок хлеба в виде налога составил в денежном выражении 117 млн. руб., тогда как в тот же период 1925 г. — только 67 млн. руб. (там же, № 11—12, 1926, с. 43). В своем выступлении в Комакадемии в сентябре 1926 г. Смилга отмечал, что «в этом году единый сельскохозяйственный налог взимается более концентрированно, чем в прошлом» («Вестник Коммунистической академии», т. 17, 1926, с. 200). О сельскохозяйственном налоге см. гл. 30.

52. См. гл. 25.

53. «Торгово-промышленная газета», 27 июля 1927 г.

54. Подробное описание хода хлебозаготовок см. в журнале «На аграрном фронте», № 11—12, 1926. с. 44—56. Об Укрхлебе и Кавкхлебе см. там же, № 5—6, 1926, с. 22.

55. Цитируется по книге Ю. Ларина «Частный капитал в СССР», 1927, с. 292—293.

56. «IV съезд Советов Союза ССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 142.

57. См. табл. № 5.

58. «Плановое хозяйство», № 9, 1927, с. 62—65. Из всей заготовленной частником в 1926/27 г. сельскохозяйственной продукции 44,37% было продано городским частным фирмам, 30,28 — государственным органам, 16,64 — кооперации и 8,71% было продано частником в розницу через свои магазины («Материалы по истории СССР», 1957, т. 7, с. 150).

59. «Вопросы торговли», № 12, сентябрь 1928, с. 62—65. Список государственных и кооперативных заготовительных органов см. в: *Г. Нейман.* Внутренняя торговля в СССР, 1935, с. 120.

60. *Ц. М. Крон.* Частная торговля в СССР, 1926, с. 9—10.

61. «На аграрном фронте», № 9, 1929, с. 183. По продуктам животноводства перевес кооперативных заготовок по сравнению с государственными был выше, чем по хлебозаготовкам. С другой стороны, государственные заготовительные органы забирали почти весь урожай сахарной свеклы, хлопка и льна (там же, № 4, 1928, с. 156—157).

62. «41 собрание уполномоченных Центросоюза. Стеногр. отчет» — источник, высказывающий предубеждение против сельскохозяйственной кооперации. Постановлений СТО найти не удалось. Данные Наркомторга свидетельствовали как об увеличении доли заготовок кооперативных органов, так и о соперничестве между сельскохозяйственной и потребительской кооперацией. В 1925/26 г. доля

первой в общем объеме хлебозаготовок составила 16,2%, а второй — 7,6, в 1926/27 г. — соответственно 21 и 14% («Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь — декабрь 1927, с. 48). Каминский утверждал, что доля сельскохозяйственной кооперации составила 30% («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, т. 2, с. 1365). Это утверждение было явным преувеличением, но общая доля кооперации в заготовках сельскохозяйственной продукции составила в 1926/27 г. 65% («Вопросы торговли», № 6, март 1929, с. 20).

63. См. Приложение «А».

64. «На аграрном фронте», № 8—9, 1927, с. 72.

65. *M. Fainsod,* Smolensk Under the Soviet Rule, 1958, p. 46.

66. См. гл. 26.

67. См. с. 22.

68. О постановлениях см. гл. 5—7.

69. «На аграрном фронте», № 3, 1927, с. 8.

70. «IV съезд Советов Союза ССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 188.

71. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

72. «Съезды Советов в документах», 1960, т. 3, с. 127. Заместитель наркома земледелия Свидерский особенно подчеркивал отличие этой резолюции от резолюции III съезда Советов («На аграрном фронте», № 5, 1927, с. 5).

73. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

74. См. гл. 4.

75. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

76. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

77. Более подробно об этом см. гл. 4 Аграрная секция Комакадемии, проводившая в общем в рамках партийной политики антикулацкую линию, опубликовала в этот период ряд материалов о результатах исследований по расслоению деревни в различных районах страны («На аграрном фронте», № 11—12, 1926, с. 153—162 на Северном Кавказе; № 6, 1927, с. 106—122 и № 7, 1927, с. 113—138 в Западной Сибири; № 7, 1927, с. 139—154 и № 8—9, 1927, с. 179—193 на Украине; № 7, 1927, с. 84—148 в Самарской губернии).

78. Доклады и материалы о ходе дискуссии были опубликованы в журнале Наркомзема «Пути сельского хозяйства» за 1927 г.: Макарова и Челинцева — № 4, с. 103—132; Чаянова и Кондратьева — № 5, с. 109—140 и другие выступления, выражающие в основном противоположную точку зрения: № 6—7, с. 126—147; № 8, с. 103—126 и № 9, с. 117—133. А. Чаянов был автором хорошо известного пособия «Оптимальные размеры сельскохозяйственного предприятия», в котором он пропагандировал как идеальную сельскохозяйственную единицу «семейное крестьянское хозяйство». Учебник переиздавался три раза: в 1922, 1924 и 1928 гг. Однако в 1929 г. его взгляды изменились, и он заявил о том, что американская машина — трактор, комбайн и грузовой автомобиль — внесла «в организацию зернового хозяйства технический переворот такого порядка», который можно сравнить с появлением паровой машины в индустрии, и дала крупному механизированному хозяйству перевес над «другими формами организации зернового хозяйства» («Экономическое обозрение», № 9, 1929, с. 39). О Кондратьеве см. гл. 29.

79. «Пути сельского хозяйства»: № 5, 1927, с. 129, 139.

80. Там же, № 6—7, 1927, с. 129.

81. *Л. Крицман.* Расслоение деревни, 1926, с. 165. Это высказывание Крицмана было неправильно процитировано журналом «На аграрном фронте» (№ 5, 1928, с. 129), пытавшимся изобразить его защитником кулачества.

82. Цитируется по статье Зиновьева в «Большевике», № 13, 15 июля 1927, с. 45. Об этой статье см. гл. 2.

83. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Передовая статья в «Бедноте» (27 апреля 1926 г.) поставила на широкое обсуждение вопрос о нарушениях закона о наемном труде и аренде земли, однако ответной реакции не последовало — возможно, тема оказалась слишком скользкой, чтобы ее можно было обсуждать публично.

84. «Вестник Коммунистической академии», т. 17, 1926, с. 200.

85. См. с. 15.

86. «Правда», 3 августа 1926 г. Об этом выступлении см. также выше, с. 15.

87. «XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 125—126.

88. «На аграрном фронте», № 9, 1926, с. 102. См. также об этой дискуссии ниже, гл. 4.

89. «Экономическая жизнь», 23 марта 1927.

90. *G. Gleinow.* Neu-Sibirien (1928), p. 270—273.

91. По некоторым оценкам, на руках у бедняков было сосредоточено 5% всех запасов, у середняков — 73,3 и кулаков — 21,7%. По другим (дающим более узкое разграничение середняка), в маломощных хозяйствах было сосредоточено 4,9%, в средних — 36,5, в зажиточных — 29,2 и богатых — 29,4% («Статистическое обозрение, № 2, 1927, с. 43). О более поздних оценках запасов пшеницы и ржи у крестьян см. таб. № 8.

92. «Вестник Коммунистической академии», т. 17, 1926, с. 204. Выступая на Международной экономической конференции, состаявшейся в мае 1927 г. в Женеве, Сокольников говорил о том, что «в деревне скопилось» около 600—700 млн. пудов зерна (Report and Proceedings of the World Economic Conference (Geneva, 1927, p. 121)).

93. «IV съезд Советов Союза ССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 47—48.

94. Декларация находится в архиве Троцкого (T 941). Более подробно она будет рассматриваться в следующем томе. В немецком переводе декларация была напечатана в Берлине оппозиционным крылом Коммунистической партии Германии в брошюре «Der Kampf um die Kommunistische Internationale», 1927, S. 151—164.

95. Относительно землеустройства см. ниже, гл. 10.

96. «Беднота», 13 апреля, 11 мая 1927 г.

97. См. гл. 11.

98. О докладе Бухарина см. гл. 2 и 4.

99. Более подробно об этой, а также о другой его работе, «Закон ценности в советской экономике», вошедшей в «Новую экономику» и первоначально опубликованной в «Вестнике Коммунистической академии», см. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Анализ «Новой экономики» был сделан Бухариным в большой статье, помещенной в нескольких номерах «Правды» (1, 3 и 7 июля 1926 г.), но последняя часть ее так и не была напечатана. Бухарин упрекал Преображенского в непоследовательности — в том, что он говорил о недопустимости абстрагирования от экономических факторов при анализе пролетарского государства, а на деле абстрагировался от них. Позднее Бухарин назвал эту работу «теоретическим обобщением всех предложений, суждений, взглядов и тезисов оппозиции» (там же, 3 августа 1926 г.). Целый ряд статей против Преображенского, написанных разными авторами, был опубликован летом 1926 г. в «Большевике» (№ 9—10, 30 мая 1926 г., с. 45—60; № 11, 15 июня 1926 г., с. 10—16, 52—57; № 13, 15 июля 1926 г., с. 9—22), что было редким знаком внимания, свидетельствующим о его большом влиянии. Президент Комакадемии Покровский сетовал на то, что некоторые считают книгу Преображенского «чуть ли не выражением мнения самой Академии, тогда как Академия не имела возможности высказаться по поводу этой книги» («Вестник Коммунистической академии», т. 17, 1926, с. 181). В послесловии к статье, опубликованной в «Большевике» в марте 1927 г., Преображенский писал о том, что на состоявшемся в предыдущем месяце последнем Пленуме ЦК его книгу назвали «евангелием оппозиции» и что он с этим несогласен, так как за свою книгу в качестве автора несет ответственность он один, а взгляды оппозиции изложены в других документах и выступлениях («Большевик», № 6, 15 марта 1927 г., с. 65). Преображенский был членом Бюро Президиума Академии, в состав которого входило 5 человек («Вестник Коммунистической академии», т. 17, 1926, с. 301). Академия не являлась партийным учреждением, она была приписана к ЦИКу СССР. О постановлении ЦИКа СССР относительно ее статуса см.: Там же, т. 19, 1927, с. 269—276.

100. «Большевик», № 9—10, 30 мая 1926 г., с. 5.

101. *И. Сталин.* Соч., т. 7, с. 142.

102. Его исключение из партии будет рассматриваться в следующем томе. Об Оссовском см. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

103. Об этом упоминает, в частности, Милютин, см.: «Вестник Коммунистической академии», т. 16, 1926, с. 255—256.

104. О постановлении см. гл. 13.

105. «XV конференция ВКП (б). Стеногр. отчет», 1927, с. 538, 562, 593, 620.

106. В своей последней статье Преображенский, по-видимому, пытался доказать, что эти противоречия могут быть решены при помощи мировой революции: «Вся сумма этих противоречий показывает, как тесно связывается наше развитие к социализму с необходимостью пробить брешь в нашем социалистическом одиночестве не только по политическим, но и по экономическим причинам и опереться в дальнейшем на материальные ресурсы других социалистических стран» («Вестник Коммунистической академии», т. 22, 1927, с. 70—71). Оппозиция, однако, отказалась следовать этим курсом. На XV партийной конференции Каменев поставил вопрос: «... есть ли у нас в стране внутренние ресурсы для того, чтобы поднять промышленность на ту ступень, которая бы не озлобила крестьянство недостатком и дороговизной товаров?» — и сам ответил: «Есть» («XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 484—485).

107. Об ОСВОК см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 6.

108. Материалы «Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия 3, т. 2, 1927, с. 6—7, 16—24, 28—34, 42, 45. Вопросы сельского хозяйства вошли в том, озаглавленный «Перспективы развития сельского хозяйства», в работе над составлением которого принимал участие ответственный работник Наркомзема СССР, бывший эсер Огановский, названный в предисловии одним из постоянных докладчиков по этому вопросу и представленный, к удивлению многих, работником Наркомторга и ВСНХ. Как отмечалось в предисловии, проект плана был «согласован в значительной мере со всеми заинтересованными учреждениями и ведомствами (исключая НКЗ)» и в декабре 1928 г. принят Комиссией по пятилетней гипотезе при Президиуме Промплана ВСНХ (там же, с 3—4). Согласно источнику (*L. Hubbard.* The Economics of Soviet Agriculture, 1939, p. 77), Огановский фактически являлся главой Наркомата земледелия вплоть до 1928 г.

109. См. гл. 37 и табл. № 51.

Глава 2. Урожай 1927 г.

1. «Беднота», 6 июля 1927 г.

2. «КПСС в резолюциях...», 1954 г., ч. 2, с. 375—381.

3. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 464—476. Микоян говорил о том, что Госплан наметил заготовить 740 млн. пудов (12,1 млн. т), хотя местные работники утверждали, что больше чем 590 млн. пудов (9,6 млн. т) заготовить будет нельзя («41 Собрание уполномоченных Центросоюза», 1928 г., с. 289). В «Экономическом обозрении» (№ 9, 1928, с. 28) отмечалось, что Постановлением СТО от 22 июня 1927 г. годовой план заготовок зерновых хлебов был определен в 11,057 млн. тонн, а позже был увеличен до 11,386 млн. т.

4. См. табл. 7.

5. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующем томе. См. также гл. 12.

6. «Большевик», 1927, № 13, 15 июля, с. 33—47. Об Устриялове см.: «Социализм в одной стране...», том 1, гл. 2; о Кондратьеве и «нео-народниках» см. выше, гл. 1. В примечании редактора отмечалось, что обвинения, выдвигаемые против Кондратьева, хотя и во многом обоснованные, не являются чем-то новым, что значение так называемой «кулацкой партии» преувеличено, что в статье игнорируется «энергичная борьба», которую партия уже проводит против таких тенденций, и что сама оппозиция повинна в «кулацком уклоне». Неко-

торые восприняли эту статью как попытку зиновьевского крыла оппозиции отмежеваться от компрометирующих его взглядов Сокольникова («Социалистический вестник», Берлин, № 15 (157) 1 августа 1927 г., с. 14). О позиции Сокольникова см.: «Социализм в одной стране...», том 2, гл. 13.

7. Архив Троцкого. Т 1007. Этот эпизод будет рассмотрен в следующем томе. Английский перевод платформы вошел в книгу: *L. Trotsky.* The Real Situation in Russia (n. d. [1928]), p. 23—195. Ниже цитируется именно этот вариант.

8. *L. Trotsky.* The Real Situation in Russia (n. d. [1928]), с. 35, 67—72. Группа «Демократический централизм» также направила ЦК ВКП(б) летом 1927 г. свою платформу, в которой называла политику партии в деревне «кулацкой» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. II, 1962, с. 1640, прим. 164).

9. См. гл. 27.

10. См.: «Социализм в одной стране...», том I, гл. 34. Как заявил один американец немецкого происхождения, посетивший Автономную республику Немцев Поволжья в 1927 г., многие немцы выехали в Германию «из-за притеснения крестьян, что особенно тяжело ударило по немецким фермерам, среди которых был высокий процент кулачества» (*A. Noe.* Golden Days of Soviet Russia. Chicago, 1931, p. 153). Это говорит о том, что в некоторых районах решительное наступление на кулака началось еще в 1927 г.

11. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. III, с. 379.

12. О необходимости «форсировать промышленное производство или индустриализацию» говорилось на всех уровнях уже более года (см. гл. 12).

13. Выступление было полностью опубликовано в «Правде» 16 и 18 октября 1927 г. и отдельной брошюрой: *Н. Бухарин.* К десятилетию Октябрьской революции, 1927 г. Из воспоминаний Калинина становится ясно, что Бухарин действовал по поручению Политбюро («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. II, 1962, с. 1230).

14. «2-я сессия Союза ССР 4-го созыва», 1927, с. 34—48.

15. Там же. Постановления (1927), с. 15. Об этом манифесте, впервые опубликованном в «Правде» 16 октября 1927 г., см. также гл. 18; о сельскохозяйственном налоге см. гл. 30.

16. «Постановления 2-й сессии ЦИК Союза ССР 4-го созыва», 1927, с. 20.

17. См. табл. № 7.

18. «Торгово-промышленная газета», 1927, октябрь 5 и 26.

19. «Правда», октябрь 30, 1927., Дискуссионный листок, № 1.

20. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 416, 425.

21. Там же, с. 400, 406. Тезисы обоих были первоначально напечатаны в «Правде», 25 октября 1927 г.

22. Контртезисы были опубликованы в «Правде», 5 ноября 1927 г., Дискуссионный листок, № 3, под заголовком: «Контртезисы троцкистской оппозиции о работе в деревне». В примечании, напечатанном мелким шрифтом, говорилось о том, что троцкисты называют свой документ «Тезисы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)».

23. Смилга сетовал на это в своем выступлении на Пленуме.

24. Эти вопросы будут рассматриваться в следующем томе.

25. Тексты этих выступлений с пропусками были напечатаны в «Правде» 30 октября 1927 г.; Дискуссионный листок № 1. См. также гл. 37.

26. Текст речи с пропусками из-за выкриков с места был напечатан в «Правде» от 2 ноября 1927 г., Дискуссионный листок № 2, полный текст в английском переводе вошел позднее в его книгу: *L. Trotsky.* The Real Situation in Russia, 1928, p. 3—19.

27. Первоначально речь была опубликована в «Правде», 4 ноября 1927 г., а затем вошла в работу Н. Бухарина «В защиту пролетарской диктатуры», 1928 г., с. 201—260, цитируемые отрывки на с. 207—208, 229—230.

28. Эти контртезисы были опубликованы в «Правде» 17 ноября 1927 г. Дискуссионный листок № 5, с теми же примечаниями, что и к первым контртезисам (см. выше, гл. 43).

29. Об этих событиях речь будет идти в последующих главах.

30. Доклад Бухарина и заключительные замечания опубликованы в «Правде», 23, 24, 26 ноября 1927 г., резолюция — там же, от 24 ноября 1927 г.

31. Ход конференции освещался в «Правде», 29 ноября 1927 г. Доклад Баумана от 27 ноября 1927 г. см. там же, 1 декабря 1927 г. Выдержки из доклада Баумана цитировались на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. («Шестнадцатая партийная конференция ВКП(б)», 1962 г., с. 367, 805, прим. 230). Опубликованные материалы Московской губернской конференции получить не удалось.

32. «Коммунистическая партия Украины в резолюциях» (1958 г.), с. 411—412.

33. См. табл. № 7.

34. *И. Сталин.* Соч., т. 10, с. 303—305, 309—310.

35. «XV съезд ВКП(б), Стеногр. отчет», ч. I, 1961, с. 148.

36. Там же, ч. 2, с. 1094—1095, 1098. О посевных комитетах см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

37. «Пятнадцатый съезд ВКП(б), Стеногр. отчет», ч. 2, 1962 г., с. 1164—1165.

38. См. «Междуцарствие...», гл. 4.

39. «XV съезд ВКП(б), Стеногр. отчет», 1962 г., ч. 2, с. 1364. О Каминском см. гл. 5.

40. «КПСС в резолюциях...», 1954 г., ч. 2, с. 455.

41. *И. Сталин.* Соч., т. 10, с. 311. Такую же точку зрения высказывал накануне съезда А. П. Смирнов: «Исторически сложившиеся индивидуалистические склонности крестьянских хозяйств и кулацкая эксплуатация не могут быть преодолены только мерами администрирования, а прежде всего особым вниманием к производственному кооперированию и коллективным формам производства» («Правда», 30 ноября, 1927 г. Дискуссионный листок № 9). Бакаев, выступавший на съезде на стороне оппозиции, подверг Сталина критике за то, что в его докладе не было и намека на лозунг «О форсированном наступлении на кулака» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, ч. I, с. 373—375).

42. Там же, т. 2, с. 1189, 1194, 1210. Молотов добавил: «Никаких фантазий, никакого принуждения в отношении крестьянина при переходе к крупному хозяйству мы не можем допустить» (там же, ч. 2, с. 1212). Почти три года назад он говорил о бедняцких иллюзиях, о коллективизации широких крестьянских масс» («Правда», 9 мая 1925 г.). Радек в своем меморандуме (июнь 1928 г., архив Троцкого, Т 1780) писал о том, что Молотов на XV съезде партии приуменьшил значение наступления на кулака. В резолюции по Пятилетнему плану также говорилось о «возможном еще абсолютном росте частнокапиталистических элементов города и деревни» («КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 454).

43. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», ч. 2, 1962 г., с. 868, 870.

44. Там же, ч. 2, с. 1229—1230.

45. «XVI конференция ВКП(б), Стеногр. отчет», 1962 г., с. 304.

46. *A. Ciliga.* Au Pays du Grand Mensonge, 1938, p. 36.

47. «XV съезд ВКП(б), Стеногр. отчет», ч. 2, 1962 г., с. 1195—1197. Осинский также говорил о том, что «деревня, низы ее, хочет идти по новому пути, но им нужно послать туда людей, способных действительно помогать в проведении этой организационной работы» (там же, ч. 2, с. 1352). Широко распространенное в это время мнение в партии, по-видимому, основывалось на ошибочной точке зрения, что большинство крестьян думают подобным образом.

48. «Беднота», 17 декабря 1927 г.

49. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 457, 473—475. Пункт резолюции, в котором говорилось о том, что задача преобразования и объединения мелких индивидуальных хозяйств в крупное коллективное хозяйство должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне, и подчеркивалось, что этот переход может происходить только при согласии со стороны «трудящихся крестьян», был внесен на съезде как дополнение к резолюции, так же как и пункт, в котором говорилось о поддержке коммун, артелей и тозов (см. ниже, с. 167). Это были единственные дополнения к первоначальным тезисам, принятые без обсуждения в последний день работы съезда («XV съезд

ВКП(б), Стеногр. отчет», ч. 2, 1962, с. 1419—1421). Оригинальный текст этих дополнений см. в: «КПСС в резолюциях...», 1954 г., ч. 2, с. 421. О ленинском кооперативном плане см. ниже, с. 920—924, раздел Б.

50. В комментарии редакции «К статье Крицмана», опубликованном в «Правде» 7 июля 1928 г., автору был брошен упрек в том, что он усматривает в этом связь («сваливает в одну кучу временные экстраординарные меры и длительный курс наступления на кулачество на основе решений XV съезда»).

51. См. табл. № 7.

52. «СССР. Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны за I квартал (октябрь — декабрь) 1927/28 г.», 1928 г., с. 56. Г. Конюхов в своей книге «КПСС в борьбе с хлебными затруднениями» (1960 г., с.65) пишет, что самые низкие хлебозаготовки были в Сибири, Поволжье и на Северном Кавказе, а в Центральном земледельческом районе они превысили в июле — декабре 1927 г. уровень хлебозаготовок за тот же период 1926 г.

53. По приблизительным подсчетам за август — октябрь 1927 г., деревня получила с промыслового заработка 300 млн. руб. против 120—140 млн. руб. в 1926 г. («На аграрном фронте», № 4, 1928 г. с. IV). За исключением районов Черноземья, заработки бедняков на отхожих промыслах в 1926/27 г. превышали их доходы от сельского хозяйства (там же, № 7, 1927 г., с. 162). В своих «Записках экономиста» («Правда», 30 сентября 1928 г., см. ниже, с. 89—90) Бухарин писал о том, что «доходы крестьянства почти наполовину состоят из доходов промышленных (промыслы, строительство, доходы от лесоразработок и проч.)».

54. См. выше, гл. 1.

55. «Экономическая жизнь», 4 февраля 1928 г.

56. О привычке кулака удерживать хлеб до весны см.: «Социализм в одной стране...», том I, гл. 5. Таблица («На аграрном фронте» № 5, 1929, с. 29) свидетельствует о том, что мелкие крестьянские хозяйства сдавали большую часть хлеба сразу же после сбора урожая — в октябре — декабре, а крупные — накануне нового урожая, когда запасы хлеба уже истощались, то есть в июле — сентябре.

57. «Большевик», № 19—20, 31 октября 1927 г., с. 27. О том, что следующий год мог быть неурожайным, говорилось в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927—1928 гг.», 1928, с. 11.

58. О борьбе с самогоноварением см. гл. 30.

59. «На аграрном фронте», № 9, 1928 г., с. 56—57. Первые сообщения о частных закупках зерна зажиточным крестьянством относятся к осени 1924 г. (см. «Социализм в одной стране...». том I, гл. 5.

60. См. гл. 44.

61. «Экономическое обозрение», № 2, 1928, с. 42.

62. См. гл. 26.

63. «На аграрном фронте» № 9, 1928, с. 65—66. О соперничестве см. выше, гл. 1.

64. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 44. Этой оценке дал блестящее подтверждение один иностранный обозреватель, работавший в Сибири: «Никого из начальства закупки зерна не волнуют. Целыми неделями деревня не получает из центра никаких бумаг или распоряжений. Все высшее начальство находится в Москве либо на съезде, либо на праздновании годовщин, либо на сессии Советов и т. д., все местное комсомольское начальство, а также местные корреспонденты заняты только одним — подготовкой к празднованию годовщины революции». Он также связывал эти упущения с борьбой против оппозиции: «Государственный заготовитель зерна бросает свою работу на 2—3 месяца, а сам в это время ведет политические дискуссии в Москве, Новосибирске, на вокзалах, на фабриках и в школах. Что может быть интереснее и важнее, чем наблюдать за тем, как идет борьба за власть внутри партийного руководства?» (*G. Gleinow,* Neu-Sibirien (1928), с. 408—409). Сталин продолжал и дальше критиковать «теорию самотека» (*И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 67, 70).

65. См. выше, гл. 1.

66. «XV съезд ВКП(б), Стеногр. отчет», ч. 2, 1962, с. 1217—1218.
67. См. гл. 3.

68. К концу 1928 г. потребительская кооперация имела в 2,5 раза больше заготовительных пунктов, чем сельскохозяйственная. Большая популярность потребкооперации объяснялась тем, что она сосредоточивала в своих руках и промышленные товары («Вопросы торговли», № 12, сентябрь 1928 г., с. 61). Высказывалось мнение о том, что сельскохозяйственная кооперация «заостряет свое внимание на вопросах конкуренции с работой госзаготовителей, отодвигая на задний план вопросы качественного улучшения своей работы» (там же, № 6, март 1929 г., с. 20—21. Этот источник был очень враждебно настроен по отношению к сельскохозяйственной кооперации).
69. См. гл. 25.
70. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», ч. 2, 1962, с. 1320—1321.
71. См. с. 45.
72. «Правда», 26 января 1928 г.

73. На эту директиву, «совершенно исключительную как по своему тону, так и по своим требованиям» (из: *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 11), делается ссылка в другой директиве, от 13 февраля 1928 г. (см. ниже, с. 51—52), но она не была опубликована. Согласно краткому ее изложению в «Истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР» (1967, с. 127), в ней содержался приказ «направить в деревню промышленные товары, усилить сбор налога, страховых платежей, самообложения, вести более решительную борьбу со спекуляцией и т. д.». В директиве от 13 февраля делалась также ссылка на две другие, более ранние директивы, от 14 и 24 декабря, очевидно не столь категоричные по тону, поскольку они «не возымели действия».
74. «Торгово-промышленная газета», 8 января 1928 г. Неделю спустя был издан еще один приказ, в котором подчеркивалась необходимость принять все меры по улучшению снабжения промтоварами хлебных сырьевых районов (там же, 15 января 1926 г.).
75. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 12—13 (233—234), 17 апреля 1928 г.
76. «Вопросы истории КПСС», № 5, 1964 г., с. 104.
77. *Г. Конюхов.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями, 1960, с. 113.
78. Там же, с. 119, 123.

79. Согласно «Социалистическому вестнику», (Берлин, № 14(180) 23 июля 1928 г., с. 15), в этой поездке его сопровождал Молотов.
80. «Собрание узаконений...», 1926, № 80, ст. 600.
81. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 1—9. Это называлось «Краткая запись выступлений Сталина в различных районах Сибири». См. основные даты его поездки: там же, т. 11, с. 369—370. В своем письме Троцкому из Барнаула от 22 февраля 1928 г. Сосновский, член оппозиции, находившийся там в ссылке, писал о том, что он связывает применение 107 статьи с прибытием в Сибирь Сталина и считает, что «с оказанием нажима на кулака хлебозаготовительная кампания тронулась с места» (архив Троцкого, Т 1144).
82. «Правда», 2 февраля 1928 г.
83. Во время своей поездки по Сибири в январе 1928 г. Сталин отмечал «бешеную конкуренцию» между различными заготовительными организациями за то, чтобы заполучить крестьянский хлеб (*И. Сталин.* Соч.. т. 11, с. 12). Относительно соперничества между различными заготовительными органами см. выше, гл. 1 и 2.

84. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 10—19. Отмечается, что письмо было написано самим Сталиным (там же, т. 11, с. 370).
85. «Правда», 15 февраля 1928 г. Как утверждает А. Силига (автор находился в это время в Москве), все считали, что эта статья была написана Сталиным.
86. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. 2, с. 493.
87. *И. Сталин,* Соч., т. 12, с. 15.
88. «Правда», 22 февраля 1928 г.

89. «Правда», 31 января, 29 февраля 1928 г.; *Г. Конюхов,* «КПСС в борьбе с хлебными затруднениями», 1960, с. 146—147.

90. «Социалистический вестник». Берлин, № 13(176), 8 июля 1928 г., с. 14.

91. См. гл. 30. Методы сбора налога с русского крестьянства издавна отличались своей крайней жестокостью. О том, как проходил сбор налога в 80-х годах XIX в., см.: *Степняк.* Русский крестьянин, 1888, т. I, с. 72, 92.

92. Подробную информацию можно получить из директивы ЦК от 13 февраля 1938 г. (см. выше, с. 47—48), из резолюций пленумов ЦК от 11 апреля 1928 г. и 10 июля 1928 г. («КПСС в резолюциях...», 1954 г., ч. 2, с. 495—497, 514—516), а также из выступления Рыкова 13 июля 1928 г. (см. гл. 3). О крестьянском займе см. гл. 30.

93. «Вопросы торговли», № 6, март 1928 г., с. 7.

94. «На аграрном фронте», № 8, 1929 г., с. 64—65. Эти действия впоследствии получили осуждение как «извращения» и как «громадная политическая ошибка». Согласно статье 112 Земельного кодекса 1922 г., земельные общества, выделяющиеся большинством хозяйств на общественную обработку земли, подчиняли себе меньшинство земельного общества, не согласное с этим выделением. Однако, по-видимому, на практике эта статья в жизнь не проводилась. См. термин «земельные общества» в гл. 4.

95. *F. Belov.* The History of a Soviet Collective Farm. London, 1956, p. 5—6). Это источник, имеющий предвзятое мнение, поэтому данное им описание событий может быть искажено, однако приводимая в нем информация кажется вполне правдоподобной и обстоятельной. О комитетах бедноты на Украине (Комнезамхозах) см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

96. *Г. Конюхов.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями, 1960 г., с. 153.

97. Цитаты из письма Фрумкина от 15 июня 1928 г. (см. выше, гл. 30).

98. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

99. *И. Сталин.* Соч., т. 10, с. 257.

100. «Большевик», № 19, 15 октября 1928 г., с. 20.

101. *А. Ангаров.* Классовая борьба в советской деревне, 1929 г., с. 23, 45.

102. «Правда», 12 февраля 1928 г.

103. «Большевик», № 13—14, 31 июля 1928 г., с. 46.

104. Цитируется по собранию сочинений Сталина, т. 11, с. 123. О письме Фрумкина см. выше, с. 74.

105. *Г. Конюхов.* КПСС в борьбе с хлебными излишками, 1960, с. 100—101. «Правда», 15 февраля 1928 г. опубликовала письма о спекуляции хлебом кулачества Сибири.

106. «Бюллетень оппозиции». Париж, № 3—4, сентябрь 1929 г., цитируется письмо от июля-августа 1928 г.

107. *M. Fainsod.* Smolensk under Soviet Rule, 1958, p. 46.

108. «Вопросы истории», № 4, 1960 г., с. 63.

109. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 44—45.

110. Там же, с. 83.

111. «На аграрном фронте», № 6—7, 1928 г., с. 34.

112. Последовавшая за этими событиями чистка в партии будет рассматриваться ниже.

113. «Бюллетень оппозиции». Париж, № 3—4, сентябрь 1929 г., с. 17, цитирует местную партийную газету, вышедшую весной 1928 г.

114. Текст секретной резолюции, принятой конференцией, см. в архиве Троцкого, Т 1171. Говорят, что на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК партии кто-то из членов партии сказал, якобы цитируя Ворошилова: «Если мы опять прибегнем к чрезвычайным мерам, это может привести к волнениям в армии» (см. там же, Т 3146). В последующих сообщениях оппозиции из Москвы также говорилось о недовольстве в армии чрезвычайными мероприятиями (там же, Т 2442).

115. «Правда», 17 февраля 1928 г. Согласно «Социалистическому вестнику» (Берлин, № 5 (171), 6 марта 1928 г.), Смирнов был освобожден от обязанностей наркома земледелия РСФСР за «крестьянский уклон» и избран вместо

Кубяка секретарем ЦК. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)» № 5 (228), 22 февраля 1928 г. Впоследствии Смирнов был осужден как сторонник Кондратьева («Правда», 21 ноября 1930 г.).

116. Там же, 2, 23 марта 1928 г. Очевидно, тогда же был переведен на другую работу и Огановский (см. выше, гл. 1).

117. См. табл. № 7; «Правда», 10 и 15 февраля 1928 г., и «Торгово-промышленная газета», 16 и 21 февраля, 2 марта 1928 г. Они свидетельствуют о том, что хлебозаготовительная кампания достигла своего апогея в период с 26 января по 29 февраля 1929 г.

118. «Правда», 11 марта 1928 г.

119. «Торгово-промышленная газета», 14 марта 1928 г.

120. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 492—497.

121. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 51.

122. См. гл. 12.

123. «Исторический архив», № 3, 1958 г. См. об этом выступлении гл. 12.

124. «Торгово-промышленная газета», 4 февраля 1928 г. В своем меморандуме Троцкому и в прилагаемом письме от 23 апреля 1928 г. (оба документа находятся в архиве Троцкого, Т 1262, 1349) Преображенский писал о том, что это был не просто конъюнктурный или чисто экономический кризис, а социальный. Он писал о том, что наступление на кулака приняло такой размах, что партия была вынуждена вести «организованную борьбу против капиталистических элементов в деревне на уровне государства».

125. «Правда», 30 марта 1928 г. Мартовский (1928 г.) Пленум ЦК компартии Украины проголосовал единогласно (явно под влиянием Кагановича) «за усиление нажима на кулацкую прослойку». *Г. Конюхов.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями, 1960, с. 151.

126. См. это выступление выше, гл. 2.

127. «III сессия ЦИК Союза ССР 4 созыва», 1928, с. 341.

128. «Правда», 19 апреля 1928 г.

129. Выступая на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК, Бухарин заявил о своей поддержке чрезвычайных мер (см. гл. 3).

130. Письмо, написанное, вероятно, в феврале 1928 г., находится в архиве Троцкого (т. 1106). Согласно «Социалистическому вестнику» (Берлин, № 14(180), 23 июля 1928 г., с. 15), после возвращения Сталина из поездки по Сибири у него была весьма бурная стычка с Рыковым. Пять лет спустя, выступая на XVII съезде партии с покаянной речью, Рыков признался в том, что он боролся «против применения экстраординарных мер» (XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б)», 1934 г., с. 210).

131. «Беднота», 1 апреля 1928 г. См. о крестьянском займе ниже, с. 30.

132. «Беднота», 8 апреля 1928 г.

133. См. резолюцию выше, гл. 2.

134. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 46, 48.

135. Об этом стало известно из письма Сталина членам Политбюро ЦК от 26 июня 1928 г. (*И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 125). Впервые об этом предписании было открыто упомянуто в небольшой заметке, опубликованной в «Правде» 30 июня 1928 г., где речь шла о том, что наркомторг СССР Микоян обратился с циркулярной телеграммой к союзным наркомторгам о недопустимости закрытия хлебных базаров.

136. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. 2, с. 495.

137. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 48.

138. «Известия» ЦК ВКП(б) № 12—13 (233—234), 17 апреля 1928 г.

139. «Деревенский коммунист», № 14 (86), 26 июля 1928 г., с. 34—35.

140. «Вопросы торговли» № 1—2, октябрь — ноябрь 1928 г., с. 85; «На аграрном фронте», № 10, 1928, с. 28—29. В это время происходит усиленная реализация и убой скота частично из-за нехватки кормов, а частично из-за необходимости уплаты сельскохозяйственного налога (см. там же, № 5, 1929, с. 70). О гибели озимых посевов см. гл. 3.

141. «III сессия ЦИК Союза ССР 4 созыва», 1928, с. 62—63. «В «Контрольных цифрах Госплана на 1928—1929 гг.» отмечалось, что 1927/28 г. характе-

ризовался увеличенной реализацией скота крестьянским населением в связи с плохим урожаем кормовых культур и трав и неблагоприятными метеорологическими условиями осени 1927 г. и весны 1928 г. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 гг.» (1929, с. 300).

142. «Экономическое обозрение», № 8, 1928, с. 96.

143. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. 2, с. 515.

144. Выступление Рыкова от 13 июля 1928 г., см. ниже, гл. 3.

145. Архив Троцкого, Т 1744.

146. *И. Сталин,* Соч., т. 11, с. 106—107.

147. Там же, с. 206.

148. «Вопросы торговли», № 4, январь 1929 г., с. 25.

149. См. эти выступления гл. 3. «Социалистический вестник» (Берлин, № 15 (181) 3 августа 1928 г., с. 14) писал о крестьянских волнениях и даже вооруженных выступлениях на Украине, в Поволжье и на Северном Кавказе.

150. См. табл. № 7. В своем докладе Микоян отметил, что по предварительным итогам заготовительной кампании заготовки всей сельскохозяйственной продукции сократились с 11 500 тыс. т до 11 400 тыс. т, а заготовки зерновых культур дали снижение на 5,3% («Правда», 19 июля 1928 г.). Заготовительный план по зерновым культурам был выполнен на 90,2% («Экономическое обозрение», № 9, 1928, с. 28). В пересчете на довоенные цены заготовки всей сельскохозяйственной продукции в 1927/28 г. составили 108% от уровня 1926/27 г., а зерновых — 87,7% (там же, № 12, 1928, с. 110).

151. См. гл. 27.

152. «Правда», 20 июля 1929 г. В то время об этом не было сказано открыто. Выступая на 3-й сессии ЦИКа Союза ССР в апреле 1928 г., Калинин сказал, что «для того, чтобы можно было «регулировать рынок», пришлось бы закупить за границей не менее 50—70 пудов хлеба (от 830 тыс. до 11 млн. т), но эта мера не оправдала бы себя» («III сессия ЦИК Союза ССР 4 созыва», 1928, с. 417).

153. Цитируется по письму Фрумкина от 15 июля 1928 г. (см. ниже, гл. 3).

Глава 3. Урожай 1928 г.

1. «Собрание законов», 1928, № 12, ст. 106. Текст постановления был разработан Госпланом и одобрен СТО в начале февраля («Правда», 12 февраля 1928 г.). В Российской Федерации предусматривалось увеличение посевных площадей на 3,2 млн. га.

2. «Собрание законов», 1928, № 14, ст. 119. Журнал «Деревенский коммунист» (№ 5—6 (77—78), 14 марта 1928 г.) писал о необходимости принятия мер по усилению борьбы против кулаков, оказывающих сопротивление расширению посевных площадей.

3. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 37—38.

4. Там же, 1929, № 5, с. 16.

5. Там же, 1928, № 6—7, с. 36.

6. Там же, 1928, № 6—7, с. 47.

7. *А. Маркевич.* Межселенные машинно-тракторные станции, 2-е изд., 1929, с. 48, 287, О МТС см. гл. 8.

8. «КПСС в резолюциях...», ч. 2. с. 498—499. Относительно ранее упоминавшегося соперничества между кооперативными и государственными хлебозаготовительными органами см. выше, гл. 1.

9. «Собрание законов...», 1928, № 37, ст. 399. Согласно этому постановлению, потребительская кооперация должна была сдавать свой заготовленный хлеб прямо в местах заготовок Союзхлебу. Условия сдачи определялись генеральными контрактами между Центросоюзом и Союзхлебом («41 собрание уполномоченных Центросоюза», 1928, с. 200).

10. «Обращение». См. выше, гл. 3. В тот же день Совнарком издал указ, где была намечена подробная программа оказания помощи сельскому хозяйству в финансовом 1927/28 г., выражалось беспокойство в связи со сложившейся

ситуацией, а также подчеркивалась необходимость создания крупных государственных хозяйств (см. гл. 7).

11. «ВЛКСМ в резолюциях...», 1929, с. 331. В своем докладе съезду Чаплин назвал коллективизацию «центральной задачей текущего момента» («VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. Стеногр. отчет», 1928, с. 68).

12. «Правда», 16 мая 1928 г., «Известия» ЦК ВКП(б), 25 мая 1928 г., № 16—17 (237—238), с. 7—9.

13. «Экономическое обозрение», 1928, № 12, с. 100—101.

14. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 34.

15. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 15, с. 6. Сообщалось, что нажим, оказываемый на беднейшее крестьянство, и отказ ему в помощи вынуждали бедняков вступать в колхозы («На аграрном фронте», 1928, № 9, с. 5—6).

16. См. выше, гл. 2. О потерях озимых посевов ржи и пшеницы, составивших 1,593 млн. га (половина из них на Северном Кавказе) см.: «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 35. В резолюции июльского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б) говорится о том, что погибло более 5 млн. га озимой пшеницы, из них 3 млн. га было пересеяно («КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 407).

17. «На аграрном фронте», 1928 г., № 10, с. 87.

18. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 220. Согласно другому источнику, посевы продовольственных зерновых культур составили в 1927 г. 97% от довоенного уровня, а к 1928 г. упали до 91,7% («На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 88).

19. *V. Timoshenko.* Agricultural Russia and the wheat Problem, 1932, p. 365—370.

20. О начавшемся с 1924 г. вытеснении из потребления ржи пшеницей см.: «Экономическое обозрение», 1928, № 9, с. 34. Автор данной статьи утверждает, что в 1927/28 г. «рожь уже перестала быть доминирующей культурой крестьянского потребления». См. также гл. 27.

21. См. таблицу в: «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 19. Это снижение не было равномерным по всей стране. Статистика свидетельствует о некотором увеличении посевных площадей в 1928 г. у небольшого количества зажиточных крестьян в Нижнем Поволжье, а затем резкое снижение в 1929 г. («История СССР», 1958, № 6, с. 14). Возможно, имеет значение то, что в этом районе репрессии против кулаков начались только в 1929 г. (там же, с. 18).

22. На XVI партийной конференции, состоявшейся в апреле 1928 г., Калинин привел некоторые цифры, подтверждающие этот вывод («XVI Конференция ВКП(б)», 1962, с. 274—275). Таблица в сборнике «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...» (2-е изд., 1931, с. 13) свидетельствует об увеличении посевных площадей под зерновыми в бедняцких и середняцких хозяйствах в период с 1927 по 1929 г. с 85,5 до 87,3% и об их уменьшении в кулацких хозяйствах с 12,9 до 7,1%.

23. В июле 1928 г. еще не были подведены окончательные итоги посевной кампании, но уже высказывалось предположение, что общая посевая площадь увеличилась на 11%. При этом отмечалось, что произошло некоторое сокращение посевной площади на Северном Кавказе и «несомненное уменьшение посевов зерновыми хлебами» («Правда», 3 июля 1928 г.). На июльском (1928 г.) Пленуме ЦК Сталин утверждал, что в основных районах хлебного производства посевы яровых увеличились от 2 до 15 и 20% (*И. Сталин.* Соч., т. 2, с. 21).

24. *M. Hindus.* Humanity Uprooted, 1929, p. 158, 173. Глава, из которой приводится эта цитата, представляет особый интерес.

25. «Правда», 7 июня 1928 г.; «Беднота», 8 июня 1928 г. О съезде см. ниже, гл. 6.

26. См. выше, гл. 2.

27. Эти записки не были опубликованы. Их краткое изложение дается в сборнике «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, с. 66, где говорится о том, что Бухарин «зачитал» свои тезисы на заседании Политбюро. О разногласиях

с Бухариным см. также резолюцию Политбюро от 9 февраля 1929 г. («КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 566).

28. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 81—97. О других данных по производству товарного зерна см. ниже, с. 916—919. Выступление Сталина носило характер ответов на вопросы. Оно было опубликовано в «Правде», 2 июня 1928 г.

29. Письмо находится в архиве Троцкого (Т 1693). Лозунг «возврат к XIV съезду» был очень распространен в дискуссиях того времени. В своем выступлении в июле 1929 г. Молотов критиковал Серра (то есть Таска) за то, что тот в своем докладе Итальянской компартии писал о том, что, объявив наступление на кулачество, «XV съезд партии тем самым слишком рано сошел с почвы XIV съезда» («Правда», 20 июля 1929 г.).

30. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 116—126. Более подробно Сталин анализировал это письмо в своем выступлении на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК. (Там же, т. 11, с. 271—273.)

31. См. гл. 6.

32. В своей статье от 1 июля 1928 г. Астров поддержал основные положения статьи Марецкого, опубликованной в «Правде» накануне.

33. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 101—115. Чтобы избежать обострения полемики, письмо Сталина было датировано «12 июня 1928 г.».

34. Эти вопросы будут рассматриваться в следующем томе.

35. Наиболее подробная запись этих прений дается в протоколе оппозиции, который хранится в архиве Троцкого (Т 2442). В нем дается краткое изложение всех выступлений в том порядке, в каком они следовали. Помимо этого протокола, в архиве Троцкого находятся также, по-видимому, полные тексты выступлений Сокольникова, Сталина и Бухарина (очевидно, в том виде, в каком они были записаны секретариатом, а не в исправленном варианте, опубликованном впоследствии в стенографическом отчете пленума), а также краткие записи некоторых других выступлений. Ссылки на них даются ниже, в примечаниях. Из всех выступлений на Пленуме опубликовано было только выступление Сталина (см. с. 63). О дискуссии по вопросам индустриализации см гл. 12.

36. См. выступление Осинского в архиве Троцкого (Т 1834). Термин «размычка» был придуман Преображенским еще два года назад, когда он говорил о товарном голоде (см. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

37. Там же, Т 1834, 1835, 2442.

38. Там же, Т 1836.

39. Там же, Т 1835, 2442.

40. Там же, Т 1883. О статье Астрова см. выше, с. 64.

41. Об этом упоминал Сокольников в своей беседе с Каменевым 11 июля 1928 г. (см. гл. 3).

42. Архив Троцкого, Т 1832.

43. Для сравнения двух вариантов выступления Сталина — первоначального, которое находится в архиве Троцкого, и опубликованного в печати (*И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 157) — см.: «Soviet Studies», 1965, v. 16, p. 339—340.

44. Архив Троцкого, Т 1900. В опубликованном варианте выступления Сталина фамилии Осинского и Сокольского упоминаются только один раз (*И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 157), а спор по вопросу о ценах вообще отсутствует, вероятно, потому, что Сталин не получил поддержки по этому вопросу (см. с. 64).

45. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 159, 170—172, 178, 180—181.

46. Архив Троцкого, Т 1901. Выступление не было опубликовано. Последняя его часть, как и выступления Стетцкого и Рыкова, неоднократно прерывалась выкриками с места.

47. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, с. 66—67. На XVI съезде партии в 1930 г. он сказал о том, что его ошибки начались на июльском Пленуме с «совершенно искренней ошибки» в том, что он призывал к уступкам середняку, то есть к уступкам индивидуальному хозяйству («XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1930, с. 143). Однако позднее он указывал, что это началось еще раньше

ше, во время заготовительного кризиса предыдущей зимы (см. выше, с. 61, примеч. 5).

48. Об этом Каменеву говорил Сокольников во время их встречи 11 июля 1928 г. (см. выше, с. 65).

49. «КПСС в резолюциях...», ч. 2, 1954, с. 511—517. Сталин, ведя полемику с Фрумкиным, в своем письме от 20 июня 1928 г. писал о том, что якобы решение о повышении цен было принято в Политбюро еще в феврале этого года (*И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 125). Однако никаких следов этого решения не найдено. Выступая на 3-й сессии ЦИКа СССР в апреле 1928 г., Каменев говорил о том, что некоторые товарищи предлагали повысить цену на хлеб, но он был не согласен с ними, потому что, если бы цена повысилась на 10—15 копеек за пуд, то наиболее крепкие крестьяне стали бы прижимать хлеб в надежде на то, чтобы спекулировать без конца. («3 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, с. 417).

50. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 189. Основную часть его выступления см. гл. 7. Этот непонятный и непереводимый термин «восстановительные цены» применялся весьма широко и обозначал цены, способствующие восстановлению экономики. Квиринг, выступая два года назад перед «красными директорами», объяснял эти цены применительно к промышленным товарам как «назначение промышленностью высоких цен для извлечения большей прибыли, дающей возможность развивать продукцию» («Предприятие», 1926, № 6, с. 80). Когда на IV съезде Советов, состоявшемся в апреле 1927 г., представитель оппозиции предложил внести в проект резолюции пункт о том, что «производитель должен получать за свой хлеб восстановительную цену», это предложение было отвергнуто партийной фракцией, поскольку оно отражало «кулацкое требование повышения сельскохозяйственных цен» («Большевик», 1 июля 1927 г., № 13, с. 33). Фактически это был лозунг тех, кто был за повышение цен или выступал против их снижения, но не решался сказать об этом открыто.

51. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 235, 319—320.

52. Меморандум находится в архиве Троцкого, Т 3126. Каменев в беседе с двумя членами партии, фамилии которых не названы, — эта беседа воспроизводится в меморандуме от 22 сентября 1928 г. (см. там же, Т 2630) — выразил согласие с оценкой июльского Пленума, данной Троцким, и заметил, что, если платформа Рыкова была ясна, позиция Сталина, напротив, была нечеткой и расплывчатой и состояла из одних «оговорок» и «уступок по оговоркам». Сосновский в своем письме Троцкому из Сибири писал о том, что поворот влево закончен: «антикулацкий курс был неприятным моментом, который они пытаются забыть» (Архив Троцкого, Т 2071). Часть этого письма была опубликована в «Бюллетене оппозиции» (Париж, сентябрь 1925 г., № 3—4, с. 22—24). «Социалистический вестник» (Берлин, 3 августа 1928 г., № 15 (181), с. 2, 14) писал: «Левый курс увял, не успев расцвести», отмечая, что Политбюро приняло решение «положить конец» левому курсу «по отношению к крестьянству» и что «линия Рыкова одержала верх», хотя «организационно Сталин — все еще решающая сила».

53. Запись этой беседы, воспроизведенная Каменевым, находится в архиве Троцкого, Т 1897. Более подробно об этом см. в следующем томе. В беседе с Сокольниковым, состоявшейся в тот же день, накануне встречи с Бухариным (которая воспроизводится в этом же документе), Каменев также говорил о намерении Сталина «обложить данью крестьян» и о «ножницах» цен Микояна.

54. Выступление Рыкова от 13 июля 1928 г. было опубликовано в «Правде» 15 июля 1928 г. О «размычке» см. выше, с. 67.

55. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 204—218. Это выступление было напечатано в «Правде» 15 июля 1928 г. на развороте той же страницы, что и выступление Рыкова. В своем меморандуме (о котором речь шла выше, с. 81) Троцкий назвал это «беспомощной» речью побежденного. Заявление о том, что «индивидуальное хозяйство еще не исчерпало своих возможностей», превратилось в то время в своего рода клише. Выступая несколько дней спустя на Собрании уполномоченных Центросоюза, Микоян сказал:

«Мы должны будем помочь индивидуальному мелкому хозяйству, которое

еще останется на ряд долгих лет основной базой сельского хозяйства» («41 Собрание уполномоченных Центросоюза», 1928, с. 294). Эту же мысль высказал А. Маркевич в своей книге «Межселенные машинно-тракторные станции», 2-е изд., 1929, с. 170).

56. В архиве Троцкого находятся записи трех таких дискуссий: секретный отчет информационного отдела Орграспреда Московского комитета партии о дискуссии на собрании актива Московской партийной организации 15—17 июля 1928 г. (Т 2021); еще один секретный отчет этого же отдела о конференции представителей первичных партийных организаций Москвы 25 июля 1928 г. (Т 2167) и материалы оппозиции о дискуссиях на предприятиях (Т 2066). Все три документа сходятся в одном — в них выражались опасения, что чрезвычайные меры вызвали отчуждение середняка. Они также свидетельствовали о том, что разногласия в руководстве уже, по-видимому, ни для кого не были секретом.

57. «Собрание законов...», 1928, № 44, ст. 400. Оно было впервые опубликовано в «Правде» 20 июля 1928 г. В передовой статье «Правды» от 21 июля 1928 г. выражалось беспокойство, что в результате повышения закупочных цен на хлеб крестьяне положат себе в карман свыше 100 млн. руб., и это еще больше увеличит их спрос на промышленные товары.

58. «41 Собрание уполномоченных Центросоюза», 1928, с. 296—297, 299. В этом же выступлении, несколько выше, Микоян сказал: «Те трудности, с которыми мы теперь сталкиваемся, являются трудностями полосы реконструкции, строительства социализма в нашей отсталой стране... при нашей некультурности, при грандиозности тех задач, которые перед нами стоят. Надо отдать себе трезвый отчет, что наш путь — тернистый путь. Строить социализм — это не значит по хорошенькой дорожке прогуляться» (там же, с. 284—285). Это свидетельствовало о том, что он лучше других руководителей понимал всю сложность стоящих перед страной задач.

59. «Правда», 5 августа 1928 г., статья была предположительно написана для очередного номера журнала партработника «Спутник коммуниста».

60. Работа конгресса будет рассматриваться в следующем томе. Официальным представителем на нем от Советов был Бухарин. Однако никакого заметного влияния на положение внутри страны конгресс не оказал.

61. Архив Троцкого, Т 2532.

62. Затруднения в связи с изменениями «географического размещения» урожая были предсказаны еще в июле 1928 г. журналом «Экономическое обозрение» (1928, № 7, с. 139), а также Милютиным в его докладе, о котором речь шла выше. См. также «Бедноту», 16 сентября 1928 г. В «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1928—1929 год» (1929, с. 294) отмечалась «невозможность своевременного вывоза необходимого количества хлеба из восточных районов».

63. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 135.

64. Там же, 1929, № 11, с. 138—139. Рассказывают, что весной 1929 г. поезда, отравляющиеся из Москвы в Рязань, были битком набиты мешочниками, ведущими хлеб на продажу в провинцию («Социалистический вестник», Берлин, 25 мая 1929 г., № 10—11, с. 21). О мешочниках периода военного коммунизма см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

65. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 135.

66. «Вопросы торговли», октябрь — ноябрь 1928 г., № 1—2, с. 85.

67. «Правда», 5 сентября 1928 г., «Беднота», 8 сентября 1928 г.

68. Там же, 1928, 10 июня, 1 июля. О Союзхлебе см. выше, с. 68.

69. «41 Собрание уполномоченных Центросоюза», 1928, с. 233.

70. «Правда», 9, 16, 28 августа 1928 г. (В последнем номере говорилось о возрождении частной торговли). В «Бедноте» от 10 августа 1928 г. была помещена карикатура, изображающая грызущихся между собой Союзхлеб и кооперацию и частника, уносящего в это время у них из-под носа мешок с хлебом. О соперничестве между государственными и кооперативными заготовительными организациями см. выше, гл. 1 и 2.

71. «41 Собрание уполномоченных Центросоюза», 1928, с. 198, 202. При-

нятая резолюция призывала к «усилению единства системы в хлебозаготовках» и к «установлению согласованности с местными конторами Союзхлеба» (там же, с. 343).

72. «Беднота», 2, 12 сентября 1928 г. (Рудзутак занимал пост наркома путей сообщения и заместителя председателя Совнаркома, с июля 1926 г. — член Политбюро). В «Правде» от 23 сентября 1928 г. была помещена директива наркомторга Микояна о выполнении плана хлебозаготовок, в которой он предупреждал, что «запугивание крестьян намеками на чрезвычайные меры недопустимо», и в то же время подчеркивал, что «на сбор всех платежей, причитающихся с крестьянства», должно быть обращено особое внимание. «Правда» от 25 сентября 1928 г. в передовой статье отмечала: «Стопроцентное выполнение сельскохозяйственного налога — это боевая задача».

73. «Беднота», 19 сентября 1928 г.

74. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 138. Когда Госплан составлял контрольные цифры на 1928/29 г., уровень хлебозаготовок за июль — сентябрь 1928 г., превысивший уровень двух предыдущих лет, мог считаться вполне удовлетворительным («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 год», 1929, с. 4). Окончательные цифры см. табл. № 7.

75. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 13.

76. Угланов некоторое время считался единомышленником Бухарина по этому вопросу. В своем докладе на Пленуме Московского комитета партии 30 июня 1928 г., опубликованном в «Правде» 5 мая 1928 г., он, по-видимому, ушел от обсуждения зерновой проблемы, в отличие от Баумана, подчеркнувшего в своей статье, опубликованной в «Правде» днем раньше, что только коллективизация является основой радикального подъема производительных сил и товарности крестьянского хозяйства.

77. Доклад Угланова был опубликован в «Правде» 21 сентября 1928 г. Резолюция так и не была напечатана.

78. Архив Троцкого, Т 26688.

79. Цитируется Круминым в «Правде» 31 марта 1929 г.

80. Архив Троцкого, Т 2674. Передовая статья в «Правде» от 30 сентября 1928 г. объясняла хлебозаготовительный кризис не только «текущими причинами», но и «глубинными процессами, связанными с основными социально-классовыми отношениями».

81. В своей резолюции от 9 февраля 1929 г. Политбюро специально отметило, что статья была опубликована «без ведома ЦК». («КПСС в резолюциях...», 1954, с. 2, с. 557).

82. О том, какое влияние оказала эта статья Бухарина на дальнейшую судьбу индустриализации, см. выше, гл. 12.

83. Архив Троцкого, Т 2825. Смилга отмечал, что, по-видимому, Бухарин уже выступал от имени правой оппозиции, а не от имени всей партии. В своем письме от 21 октября 1928 г. Троцкий писал о «теоретической никчемности» бухаринской статьи (там же, Т 3146).

84. Все перемещения Бухарина в этот период будут рассматриваться в следующем томе.

85. Слово «вылазка» обычно применяется для обозначения попытки выхода части войск из осажденной территории.

86. «Правда», 19 октября 1928 г. О письме от 13 февраля 1928 г. см. выше, гл. 2.

87. Архив Троцкого, Т 2780. Там же содержатся краткие выдержки из других выступлений в прениях (Т 2781—2815).

88. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 222—238. Первоначально выступление было опубликовано в «Правде» 23 октября 1928 г. Другие выступления в прениях опубликованы не были.

89. Архив Троцкого, Т 2815.

90. «Правда», 29 октября 1928 г.

91. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 259, 274—275. Как и первое письмо Фрумкина от 15 июня 1928 г., это письмо не было напечатано (см. выше, с. 62), но отдельные выдержки из него были приведены во враждебной статье «Правды»

8 декабря 1928 г. Позиция Фрумкина произвела на некоторых весьма сильное впечатление. Спустя некоторое время украинский профессор Минин, специалист в области сельского хозяйства, заявил о том, что разделяет «линию части коммунистической партии, возглавляемую, предположим, Фрумкиным» («Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», ч. I. 1930, с. 144). Однако, очевидно, фраза о «деградации» сельского хозяйства достигла цели, поскольку опровержению этого тезиса Фрумкина был посвящен целый абзац в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1928/1929 год», 1929, с. 217.

92. Более подробно этот эпизод будет рассматриваться в следующем томе. Основные источники почерпнутой информации:

— предположительно сам Бухарин, рассказавший об этом Каменеву в январе 1929 г., о чем стало известно из публикации «Бюллетеня оппозиции», Париж, июль 1929 г., № I—I, с. 15—17;

— резолюция объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК от 9 февраля 1929 г. («КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 556—567);

— выступление Сталина в феврале 1929 г. (*И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 320—321);

— статья в журнале «Вопросы истории КПСС» (1960, № 4, с. 62—80), основанная на архивных документах.

93. Тезисы Рыкова на Пленуме опубликованы не были. Как отмечалось позднее, докладчик выступил, «совершенно не считаясь» с тезисами, выработанными специальной комиссией (там же, 1960, № 4, с. 70).

94. Основные положения его пространного доклада см.: *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 260—261, 264, 289—290. Первоначально он опубликован в «Правде» 24 ноября 1928 г.

95. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 528—530. Относительно пунктов резолюции по вопросам развития промышленности см. гл. 12.

96. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 19, 219. Здесь же (с. 51) несколько загадочно упоминается «проведенное уже правительством 15—17%-ное повышение (хлебных цен)». О постановлении СНК СССР от 19 июля 1928 г. см. выше, с. 84. С другой стороны, была проявлена осторожность при определении объема плановых хлебозаготовок. В денежном пересчете по ценам 1926/27 г. объем товарного зерна должен был составить в 1928/29 г. 430 млн. руб., тогда как в 1927/28 г. он составил 463 млн. руб. («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 478), то есть в 1928/29 г. предполагалось заготовить всего лишь 9,8 млн. т, против 10,4 млн. т в 1927/28 г. (хотя по другим подсчетам, намечалось заготовить 11,145 тыс. т зерна). («Экономическое обозрение», 1929, № 1, с. 111; № 11, с. 131—132, 145).

97. «ВКП(б) в резолюциях...», 1940, ч. 2, с. 305—310. Резолюция по Северо-Кавказскому крайкому в последующие издания не вошла.

98. Речь Молотова и резолюция были опубликованы в «Правде» 28 ноября 1928 г.

99. Резолюция была опубликована там же, 1 декабря 1928 г. Смещение Угланова было смягчено назначением его на пост наркома труда (см. ниже, с. 555).

100. «Правда», 4 декабря 1928 г.

101. См. гл. 20. Согласно «Социалистическому вестнику» (Берлин, 5 декабря 1928 г., № 22—23 (188—189), с. 22), Ворошилов попал в опалу за свой доклад, в котором шла речь о «росте антиправительственных настроений в армии в связи с крестьянской политикой». (О том, что Ворошилов был весьма обеспокоен этим, см. выше, с. 57, прим. 8). Сталин собирался отстранить его от занимаемой должности, но его уговорили подождать. По слухам (неизвестно, насколько они верны), обстановка в Москве в то время была накалена до предела.

102. «История СССР», 1958, № 3, с. 124—125.

103. Цитируется по ЦГАОР без указания точной даты (там же, с. 125—126).

104. Там же, с. 126. «Правда», 9 декабря 1928 г. В Вотской автономной области, позднее переименованной в Удмуртскую АССР, весной 1929 г. 60 тыс. га лучших земель было отобрано у кулаков и передано бедноте и середнякам, часть из них вошли в новые колхозы («История советского крестьянского и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 309).

105. См. гл. 4.

106. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 123.

107. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 533—534.

108. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 7. См. там же, выше, гл. 6, 8, 9.

109. «Правда», 26 сентября 1928 г., 3 января 1929 г. Этот эпизод также описывается в «Истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 308—309.

110. См. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

111. См., например: «Правда», 20 июля 1928 г. (где сообщалось об убийстве нескольких человек), 22 сентября 1928 г. (об убийстве селькора под Киевом), 13 ноября 1928 г. (об убийствах и поджогах).

112. Там же, 25 октября 1928 г.

113. Там же, 27 октября, 2 ноября 1928 г.

114. «История советского и крестьянского и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 317—318.

115. «Социалистический вестник» (Берлин, 5 декабря 1928 г., № 22—23 (188—189), с. 2) писал о том, что «селькоры фактически превратились в контролеров местной политики из центра, в проводников зигзагов коммунистической политики в низших партийных органах».

116. «Беднота», 1 ноября 1928 г. Еще одна передовая статья там же (15 января 1929 г.) описывала поджог кулаками одного из крупнейших колхозов Смоленской губернии.

117. «Правда», 30 ноября 1928 г.; об этом конгрессе см. выше, гл. 4.

118. Работа конференции освещалась в «Правде» 28 ноября, 4, 5, 7, 8 декабря 1928 г. Речь Бухарина см. там же, 2 декабря 1928 г. или более подробно в «Бедноте» 5, 6, 7, 8 декабря 1928 г.

119. См. выше, с. 72.

120. Цифры по месяцам см. табл. № 7.

121. «3 сессия ВЦИК РСФСР 13 созыва. Стеногр. отчет», 1928, № 1., с. 2—19. О географии распределения урожая см. выше, с. 70.

122. «Коммунистическая партия Украины в резолюциях», 1958, с. 459.

123. См. табл. № 31 и «Показатели конъюнктурного хозяйства СССР на 1923/24—1928/29 гг.», ред. А. Мендельсон, 1930, с. 106.

124. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 138.

125. «Вопросы торговли», январь 1929 г., № 4, с. 14.

126. *Г. Нейман.* Внутренняя торговля СССР, 1935, с. 174—175; «Вопросы торговли», апрель 1929 г., № 7, с. 59.

127. «Экономическое обозрение», 1929 г., № 1, с. 124—125.

128. «Правда», 24 февраля 1929 г.

129. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 138—139. Отмечали случаи, когда из-за отсутствия кормов крестьянам приходилось забивать скот. Об этом писала «Беднота» в опубликованной на первой полосе статье 4 января 1929 г. Хотя число лошадей увеличилось с 1928 по 1929 г. с 33 500 тыс. до 34 600 тыс., что свидетельствовало скорее о прошлом, чем о настоящем благополучии деревни, поголовье крупного рогатого скота сократилось с 70 500 тыс. голов до 67 100 голов, а свиней — с 25 900 шт. до 20 300 шт., количество овец и коз осталось без изменений (см. табл. в сборнике «Сельское хозяйство СССР, 1935», 1936, с. 192).

130. «Правда», 2 февраля 1929 г.

131. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 76, 322—323, 780, примеч. 57.

132. *И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 88, 90.

133. «История советского крестьянского и колхозного строительства СССР», 1963, с. 128.

134. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 323.

135. «Правда», 26 июня 1929 г.
136. См. об этой конференции и съезде Советов гл. 41.
137. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 91—92.
138. *И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 97.
139. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 174, 387. Это ироническое замечание относилось к тезису Бухарина «врастание в социализм».
140. Там же, с. 415; «5 съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929.
141. Там же, № 2, с. 18; № 16, с. 6.
141. Там же, № 3, с. 6.
142. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 140.
143. См. выше, с. 72.
144. «Большевик», 15 августа 1929 г., № 15, с. 17.
145. См. табл. № 7.
146. «Правда», 27 июня 1929 г.
147. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 141—142. См. там же (с. 135) таблицу, свидетельствующую о том, что в 1928/29 г. уровень плановых заготовок по сравнению с 1927/28 г. в южных районах сократился с 5461 тыс. т до 2176 тыс., а в центральных и восточных возрос с 2545 тыс. до 2648 тыс. т и с 2108 тыс. т до 3303 тыс. т соответственно.
148. См. об этих мерах гл. 15.
149. «Плановое хозяйство», 1929, № 10, с. 95, приводит на этот счет подробный отчет.
150. «Статистическое обозрение», февраль 1929 г., с. 66.
151. См. табл. № 31.
152. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 144—145; «Плановое хозяйство», 1929, № 10, с. 96.
153. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 144—145.
154. Там же, с. 140.
155. «Плановое хозяйство», 1929, № 5, с. 61.
156. «На аграрном фронте», 1929, № 5, с. 81—82.
157. «Экономическое обозрение», 1929, № 1, с. 119.
158. «Большевик», 15 октября 1929, № 19, с. 17.

Глава 4. Земля и крестьянство

1. См.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19; «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
2. См. об этой комиссии: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
3. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 93.
4. Об этих проектах см, там же: 1926, № 5—6, с. 95—110; 1926, № 10, с. 77—80. Говоря о проекте СНК РСФСР, нарком земледелия Смирнов назвал его «проектом Наркомзема» (там же, 1926, № 11—12, с. 131).
5. О прениях по проектам см, там же: 1928, № 9; с. 81—126; 1926, № 10, с. 69—76; 1926, № 11—12, с. 127—146. Очевидно, записи выступлений даны в очень сжатом виде. В более поздней статье (там же, 1927, № 2, с. 18—23) воспроизводятся выдержки из других выступлений, не вошедших в эти записи, на основании опубликованной стенограммы.
6. Там же, 1927, № 1, с. 100—104.
7. «Съезды Советов в документах», 1960, ч. 3, с. 130.
8. «3 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, с. 730, 763.
9. «Известия ЦК ВКП(б)», 28 ноября 1927 г., № 44 (217).
10. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 903.
11. «3 сессия ЦИК СССР 4 созыва», 1928, с. 763. Пересмотренный проект был опубликован в «Бедноте» 15 июля 1928 г.
12. «4 сессия ЦИК СССР 4 созыва», 1928, № 12, с. 1—38; № 17, с. 46; № 33, с. 1—9; № 34 (Постановления), с. 32—47. Текст был также напечатан в «Собрании законов...», 1928, № 69, ст. 642.
13. «Беднота», 25 мая 1929 г.
14. «Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, т. I, с. 337.

15. Ленин постоянно подчеркивал, что национализация земли — это требования буржуазно-демократической, а не социалистической революции. Он писал: «Отрицание частной собственности на землю есть выражение требований самого чистого капиталистического развития» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 408, 415).

16. О Декретах см. «Большевистскую революцию...», т. 2, гл. 16.

17. См. там же, т. 2, гл. 17.

18. См. там же, гл. 19, В ст. 22 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (см. там же, т. 2, гл. 19) использовалась старая эсеровская формулировка, согласно которой земля должна была являться «всенародным достоянием».

19. См. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

20. Это положение подверглось критике в опубликованной в «Большевике» статье (1 января 1927 г., № I, с. 44) за то, что оно означало отступление от принципа национализации земли.

21. В декабре 1929 г. Сталин говорил: «... у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству», что «облегчает дело перехода... на рельсы коллективизации» (*И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 153).

22. «На аграрном фронте», 1926, № 10, с. 77.

23. Там же, № 526, с. 96. Тот же журнал (1927, № 4, с. 62) приводил высказывание одного крестьянина: «В настоящее время нет определенного хозяина на земле. С одной стороны, земля национализирована, с другой стороны, ею распоряжается земельное общество, и, в-третьих, отдельный крестьянин мыслит ее своею».

24. «На аграрном фронте», 1926, № 9, с. 114. В постановлении президиума Комакадемии от 15 января 1927 г. (см. выше, с. 107) отмечалось, что эта формулировка могла вызвать «большие недоразумения».

25. В совместной директиве Наркомзема и Наркомюста (1920 г.) говорилось о том, что все земельные споры, как по землеустройству, так и землепользованию, относятся к компетенции «земельных отделов Советов», очевидно, при этом гарантировался судебный характер разбирательства («О земле», Наркомзем, 1921, ч. I, с. 153—159). Декрет, изданный 10 марта 1927 г. («Собрание узаконений...», 1921, № 15, с. 97), подтверждал, что земельные споры судебному разбирательству не подлежат.

26. В АССР Немцев Поволжья, в хозяйствах немцев-колонистов выделяющийся из семьи наследник мог получить взамен причитающейся ему доли денежное вознаграждение. Это вознаграждение часто получали в кредит под залог земли или имущества. («О земле», Наркомзем, 1921, ч. I, с. 88). Это предполагало наличие довольно высокого жизненного уровня и развитой экономики.

27. «3 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, с. 722—723. «Правда», 26 сентября 1928 г., «Беднота», 11 октября 1928 г. писали о случаях нарушений национализации земли — о купле-продаже земли под предлогом продажи построек и т. д.

28. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 97. В Земельном кодексе 1922 г. двор определялся как «семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство», и здесь же противоречащее этому добавление: «Двор может состоять из одного бессемейного лица» (ст. 65). От двора отделялись либо для того, чтобы образовать новое хозяйство, либо для того, чтобы стать работником в городе или деревне.

29. «Призрение» фиктивных родственников, приемышей (так называемое «примачество») с целью расширения или сохранения хозяйства было известно в России с давних времен. Усыновление своих или чужих детей было запрещено первым советским кодексом законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве 1918 г., ст. 183 («Собрание узаконений...», 1918, № 76—77, ст. 818) с целью предотвращения попыток обойти закон о наследстве, предусматривающий право наследования только для ближайших родственников, из опасения, что «призрение» приемышей может быть использовано с целью эксплуатации детского труда, а также исходя из убеждения, что в государственных учреждениях сиротам будут предоставлены гораздо лучшие условия

(*Я. Бранденбургский.* Курс семейно-брачного права, 1928, с. 122—123). На 2-й сессии ВЦИКа 12-го созыва приводились примеры, которые случались довольно часто, когда какой-нибудь родственник брал ребенка и тот работал на него год, два, три, ему не платили, а потом его выталкивали за ворота без одежды и никуда не пристроив («2 сессия ВЦИК 12 созыва. Стеногр. отчет», 1925, с. 250). Запрет на усыновление, очевидно, должен был распространяться и на примачество, о котором шла речь в ст. 182 этого кодекса. Однако в ст. 66 Земельного кодекса примачество было признано однозначно как средство увеличения состава двора. В более позднем Кодексе законов о браке, семье, опеке РСФСР, 1926 г., запрет на усыновление был снят («Собрание законов», 1926, № 82, ст. 612). Бывали случаи, когда кулаки «усыновляли» батраков для того, чтобы обойти трудовое законодательство («История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 128). Весьма любопытное решение было принято ЦИКом РСФСР в апреле 1928 г.: «Если член двора осужден за двоеженство, многоженство или заключение брака с лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста, женщины, ставшие жертвами этих преступлений, наделяются всеми правами, которыми обладают согласно данному законодательству лица, ставшие членами данного хозяйства путем законного брака» («Собрание узаконений», 1928, № 47, ст. 357).+

30. *А. Чаянов.* Организация крестьянского хозяйства, 1925, с. 21—22.

31. «Большевик», 30 ноября 1927 г., № 22, с. 40—44.

32. «Деревенский коммунист», 5 апреля 1928 г., № 7 (79), с. 33.

33. *Ю. Ларин.* Частный капитал в СССР, 1927, с. 94.

34. *А. Чаянов.* Организация крестьянского хозяйства, 1925, с. 82.

35. «На аграрном фронте», 1928, № 1, с. 23—24; 1929, № 3, с. 9.

36. Там же, 1929, № 3, с. 10. Другим примером несовместимости двора с товарно-денежными отношениями являлась 71-я ст. Земельного кодекса, которая гласила: «Имущество двора не может быть присуждено в уплату за долги отдельных членов двора, сделанные ими для своих личных надобностей». Как утверждалось, эта статья затрудняла получение крестьянством кредитов от кредитной кооперации (там же, 1926, № 9, с. 91). Ст. 77 этого кодекса признавала собственностью членов двора «имущество личного пользования (которое)... приобретено на личные средства», а также «имущество, которое признается личной принадлежностью отдельных членов двора по местным обычаям». По вопросу о равной ответственности членов двора высказывались различные мнения: «... если в семье 2—3 сына и один из них совершил преступление, то семья не должна отвечать за него», но, с другой стороны: «... если один из членов семьи натворил что-нибудь такое и присуждают выплатить, то семье нужно делиться» («2 сессия ВЦИК 12 созыва. Стеногр. отчет», 1925, с. 250, 296).

37. См. гл. 30.

38. См. подробную информацию по этому вопросу в журнале «На аграрном фронте», 1928, № 8, с. 12—14. На 2-й сессии ВЦИКа 12-го созыва приводились случаи, когда жена, придя в дом мужа после свадьбы, требовала: «Отделись, потому что щи сама хочу разливать, а не свекровь» («2 сессия ВЦИК 12 созыва. Стеноср. отчет», 1925, с. 247). Преображенский, выступая на 3-й сессии ВЦИКа в октябре 1926 г., объяснил раздел дворов повышением культурного уровня сельской молодежи («3 сессия ВЦИК 12 созыва. Стеногр. отчет», 1926, с. 678—679). В своем выступлении на XV партийной конференции Томский также отмечал: «Деревня с ее старым укладом ... не удовлетворяет современную деревенскую молодежь, и она рвется в город на какую угодно работу». Это относится не только к бедноте, но в большинстве случаев к середняку и иногда к детям зажиточного крестьянства («XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 288). Из 30 крестьян, ответивших утвердительно на вопрос: «Есть ли изменения в правах домохозяина?» — 18 объяснили эти изменения вмешательством членов двора в хозяйство (5 из них указывали на вмешательство женщин), 5 — ослаблением внутрисемейной дисциплины (в том числе 1 — уменьшением телесных наказаний членов семьи) и 4 — «независимостью детей в вопро-

---

* Источник указан неверно.

сах брака, культурно-просветительских и религии» («На аграрном фронте», 1928, № 8, с. 11). В ст. «Об отцах и детях», опубликованной в «Бедноте» 17 февраля 1929 г., отмечалось, что одной из причин упадка дворов являлась борьба молодежи со стариками.

39. «2 сессяи ВЦИК 12 созыва. Стеногр. отчет», 1925, с. 231.

40. «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 18.

41. «Экономическое обозрение», 1929, № 7, с. 9—19; «Сельское хозяйство СССР, 1925—1928 гг.». 1929, с. 16. Согласно другим данным, в 1916 г. насчитывалось приблизительно 21 млн. дворов, а в 1927 г. — 25 млн. дворов. Но и здесь прирост составил 19,1%, тогда как сельское население за этот период увеличилось только на 7,1% («История СССР», № 3, с. 94).

42. «3 сессия ВЦИК 12 созыва. Стеногр. отчет», 1926, с. 561. Сборник «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства» (ред. Яковлев, 1928, с. 354) дает по Украине и европейской части Российской Федерации еще более высокий процент.

43. «Собрание узаконений...», 1925, № 71, ст. 566. О крестьянских комитетах взаимопомощи см. гл. 4.

44. «Социалистическое строительство СССР», 1934, с. 134. Приводимая выше цифра на 1928 г. свидетельствует о резком снижении числа дворов в 1928/29 г. В докладе Земплана при обсуждении вопроса о мерах против дробления хозяйств указывалось, что количество разделов (дворов) в чисто земледельческих губерниях сокращается, а в «промышленных» все еще продолжает расти («Беднота», 15 октября 1928 г.).

45. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 232 (речь шла о льне).

46. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 576.

47. «На аграрном фронте», 1929, № 8, с. 100—101.

48. См. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

49. «Собрание узаконений...», 1927, № 32, ст. 213. На IV съезде Советов отмечалось, что дробление крестьянских хозяйств представляет угрозу дальнейшему развитию сельского хозяйства, но не было выработано никаких мер по борьбе с ним («Съезды Советов в документах», 1960, ч. 3, с. 130).

50. В докладе члена коллегии Наркомзема, опубликованном в «Бедноте» 14 октября 1928 г., подчеркивалось, что запрещение раздела хозяйств — неэффективная мера. В статье, опубликованной в то же время журналом «На аграрном фронте» (1928, № 11, с. 16—17), эта директива была подвергнута резкой критике как несовместимая с линией партии, а также были приведены примеры недовольства этой мерой со стороны местных органов власти.

51. «4 сессия ЦИК СССР 4 созыва». Стеногр. отчет», 1928, № 12, с. 11.

52. «Беднота», 25 мая 1929 г. О проекте см. выше, с. 108.

53. «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 26.

54. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927 гг.», 1927, с. 120. В «Истории СССР» (1958, № 3, с. 100) приводится другая цифра на 1922 г. — 98—99%, а в «Большевике» (23 марта 1928 г., № 6, с. 44) на 1925 и 1927 гг.—91% (очевидно, по всей стране). Из-за неясности взаимоотношений между двором и земельным обществом возникала путаница. Обычно крестьянин, образующий свой хутор или отруб, отделялся от земельного общества, но в некоторых местах хутора входили в состав земельных обществ.

55. «О земле», Наркомзем, 1921, ч. I, с. 81; «На аграрном фронте» ,1928, № 8, с. 81.

56. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

57. «История СССР», 1958, № 3, с. 100. В 1926—1927 гг. в Смоленской губернии в общинном землепользовании находилось 64,8% всех крестьянских земель (*M. Faensod.* Smolensk Under Soviet Rule, 1958, p. 46. Совершенно другие цифры приводятся по одному из уездов Смоленской губернии в журнале «На аграрном фронте» (1929, № 11—12, с. 98—99). В Псковской губернии общинное землепользование в 1920 г. составляло 77,54%, а в 1926 г. — 68,2% (там же, 1928, № 2, с. 79).

58. «О земле», Наркомзем, 1921, ч. I, с. 52—53. Согласно ст. 136 Земельного кодекса РСФСР 1922 г., в земельное общество входило свыше 250 дворов, но, очевидно, это считалось исключением.

59. В выступлениях разных ораторов на 3-й сессии ЦИКа СССР 4-го созыва три раза называлась одна и та же цифра — 319 тыс. земельных обществ: первый раз, когда речь шла об их общем количестве в СССР, третий раз — в РСФСР, а второй раз — вообще непонятно где. В «Местных бюджетах за 1926/27 г.» (1929, с. 8—10) дается общее количество сельсоветов в Российской Федерации — 53 тыс., что, очевидно, подтверждает предположение о том, что 319 тыс. земельных обществ и 73 тыс. сельсоветов относились ко всей стране. Как утверждает Д. Мейл (*D. J. Male.* Soviet Studies, XIV, (1963), 247, примечание 64), общее число дворов в СССР в это время равнялось 25 млн., из них предположительно 80 млн. входили в состав земельных обществ, что в среднем составляло около 70 дворов в одном обществе. «История СССР» (1958, № 3, с. 122) считает, что на землях под контрактационными посевами в состав одного земельного общества в среднем входило 36 дворов, но, возможно, это было нетипично.

60. Журнал «Плановое хозяйство» (декабрь 1927, № 12, с. 75) писал, что «обществом» мог быть «и коллектив из трех кулаков, и целое село».

61. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Такое противоречивое отношение к общине наблюдалось еще в XIX в., когда консерваторы считали ее оплотом существующего режима, а радикалы-«народники», типа Герцена, видели в ней путь к социализму. Как писал в журнале «На аграрном фронте» (1926, № 10, с. 143—149) один строгий критик-марксист: «Споры „за" и „против" общины без учета социально-экономической системы являются беспредметными; ... формы землепользования есть функция (производная) от системы общественно-хозяйственных отношений, а не наоборот. Поэтому утверждение, что одни формы ведут к социализму, а другие нет, не является марксистской постановкой». Но этот довод можно было интерпретировать и по-другому. Автор статьи в «Большевике» (31 октября 1927 г., № 19—20, с. 143—149) пришел на основании этого тезиса к выводу о том, что формы землепользования «безразличны для развития сельского хозяйства», и при этом всячески подчеркивал преимущества хуторов и отрубов. Тогда как автор другой статьи, опубликованной в том же журнале (31 декабря 1927 г., № 23—24, с. 128—134), оспаривая его точку зрения, утверждал, что общинное земледелие является более удовлетворительной формой. Однако ясно было одно, что при политике, направленной на поддержку зажиточного крестьянина, как община, так и отруба и хутора могли служить его интересам. В некоторых местах передел земли проводился таким образом, что «бедняки лишались своих участков земли» («Беднота», 15 июня 1926 г.). Иногда земля делилась не по количеству «едоков» или даже работников в хозяйстве, а по количеству голов скота («Известия», 29 июля 1926 г.). Один кулак пытался объяснить это тем, что «люди не едят сено». «Крестьянин, стремящийся к легкому обогащению, — с горечью писала «Беднота» (28 октября 1926 г.), — крестьянин с кулацким уклоном никогда не уйдет из общины».

62. «Беднота», 10 сентября, 28 октября 1926 г.

63. Троцкий объяснял живучесть общины после революции тем, что существование одной из форм местной земельной организации было «тактической необходимостью» (*Л. Троцкий.* История русской революции, т. II, 1933, с. 36).

64. «На аграрном фронте», 1926, № 9, с. 117.

65. Там же, с. 87—88.

66. Там же, с. 110—111. Наиболее рьяным сторонником земельного общества в этот период выступал бывший меньшевик Суханов (см. там же, 1926, № 11—12, с. 97—110). Выступая в декабре 1929 г. на конференции аграрников-марксистов, он сказал: «... община — это мельчайшая ячейка социалистического государства» (Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, т. I, с. 246).

67. «На аграрном фронте», 1926, № 10, с. 89, 90.

68. «Собрание узаконений...», 1926, № 8, ст. 58.

69. В Ленинградской губернии трехполье сохранилось в 1926 г. в общине — на 97%, у хуторян — на 28, у отрубщиков — на 21%. («На аграрном фронте», 1926, № 9, с. 99). Выступая на XV съезде партии, Бауман подчеркнул, что косность общины является главным препятствием на пути перехода к многополью и усовершенствованным методам ведения хозяйства («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет». 1962, ч. 2, с. 1316).

70. См. например: «На аграрном фронте», 1929, № 11—12, с. 107.

71. *В. Яковцевский.* Аграрные отношения в СССР, 1964, с. 304.

72. См. гл. 6.

73. «На аграрном фронте», 1926, № 11—12, с. 27.

74. «На аграрном фронте», 1927, с. 103; «Большевик», 1 января 1927 г., № 1, с. 48—50.

75. «Съезды Советов в документах», 1960, ч. 3, с. 130.

76. *L. Trotsky.* The Real Situation in Russia, 1928, p. 69.

77. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1386—1387. О высказываниях Шлихтера см.: там же, ч. 2, с. 1304—1305.

78. Там же, ч. I, с. 100.

79. «Большевик», 31 января 1928 г., № 2, с. 77—82.

80. «3 сессия ЦИК СССР 4 созыва». Стеногр. отчет», 1928, с. 724—727.

81. *В. Данилов.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации, 1957, с. 348—349.

82. «Беднота», 15 июня 1928 г.

83. «4 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, № 12, с. 13, 23.

84. В первоначальной редакции этой статьи (38), как и в 54-й статье Земельного кодекса, для принятия такого решения выдвигалось требование большинства в две трети голосов. Предложение заменить это простым большинством было поддержано Милютиным и принято сессией («4 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, № 12, с. 19; № 33, с. 6). «Беднота» от 2 ноября 1928 г. писала о том, что это предложение было выдвинуто СНК РСФСР.

85. Земельные общества были ликвидированы постановлением Президиума ЦИКа СССР от 3 февраля 1930 г. («Собрание законов...», 1930, № 16, ст. 172. К этому времени коллективизация создала более мощные средства контроля и организации сельского хозяйства.

86. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 341.

87. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 90.

88. См. в особенности ст. 4, 8, 9.

89. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 350. Это уточнение, очевидно, основывалось на классификации крестьянства, данной Лениным в «Первоначальном наброске тезисов по аграрному вопросу» для II съезда Коммунистического Интернационала, — сельскохозяйственный пролетариат, полупролетарии, мелкое, среднее и крупное крестьянство. (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. 25, с. 269—273).

90. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1177. Это был сборник «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927 гг.» (1927), в котором крестьянские хозяйства классифицировались по посевам, по арендным отношениям и по найму рабочей силы, но не было деления на «кулаков», «бедняков» и т. д.

91. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1382.

92. О разных названиях кулака см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Журнал «На аграрном фронте» (1927, № 4, с. 60) писал о том, что представитель крестьянских верхов «является одновременно и сельским хозяином, и ростовщиком, и лавочником, и скупщиком, и арендатором, и промышленным предпринимателем, и даже сел.-хоз. «сдельным рабочим». В статье, опубликованной в «Большевике» (30 июня 1929 г., № 12, с. 41—57), озаглавленной «Социальная мимикрия кулака», говорилось о различных ухищрениях кулака, при помощи которых он пытался скрыть свое настоящее лицо.

93. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

94. О недостатках этого критерия см. там же, т. I, гл. 5.

95. Согласно результатам обследования, проведенного Рабкрином в августе — сентябре 1926 г., крестьянин, имеющий двух-трех батраков, все еще считался середняком. Фактически половину всех крестьян, использующих наемный труд, можно было классифицировать как кулаков («На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 153—154).

96. «Правда», 10 февраля 1928 г.

97. «Плановое хозяйство», 1928, № 3, с. 37.

98. «Большевик», 15 июля 1927 г., № 13, с. 37.

99. Об этих запасах см. выше, гл. 1.

100. «Плановое хозяйство», 1929, № 2, с. 133.

101. «Собрание законов...», 1929, № 12, ст. 103. Об индивидуальном налогообложении см. гл. 30.

102. «Собрание законов...», 1929, № 34, ст. 301.

103. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1244.

104. «На аграрном фронте», 1929, № 2—3, с. 58.

105. «Плановое хозяйство», 1929, № 8, с. 54. В докладе комиссии СНК СССР бедняцкие хозяйства определялись (очевидно, с целью освобождения их от налога) как хозяйства с посевом до одного га, при наличии у них не более одной головы рабочего скота, как хозяйства без рабочего скота с посевом до 4 га, и 50% хозяйств без рабочего скота с посевом от 4 до 6 га («Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, т. I, с. 286).

106. *И. Сталин.* Соч., т. 7, с. 331.

107. О попытках разделить середняка на две группы — «крепкого» и «слабого», см. выше, гл. 1.

108. *А. Ангаров.* Классовая борьба в советской деревне, 1929, с. 45.

109. «На аграрном фронте», 1928, № 3, с. 18.

110. Там же, 1927, № 6, с. 152.

111. «Плановое хозяйство», 1929, № 2, с. 100.

112. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. 26, с. 239.

113. «Большевик» (15 июля 1927 г., № 13, с. 82) писал о том, что количество беспосевных и малопосевных хозяйств (с просевами до трех десятин) в Западной Сибири в 1926 г. по сравнению с 1925 г. сократилось с 55,3 до 42,46%, а количество хозяйств с посевами свыше четырех десятин возросло. В статье, опубликованной в более позднем номере этого журнала, говорилось о том, что в этом же районе наблюдается рост как кулацких, так и бедняцких слоев деревни и что «наступление капитала» на командные высоты экономики происходит на основе накопления сельскохозяйственных машин в руках кулачества (там же, 31 августа 1927 г., № 15—16, с. 90—99). Вслед за этой статьей в том же номере журнала шла другая, в которой отмечалось улучшение положения всех слоев крестьянства (там же, с. 100—116). О примерах по Сибири см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Более подробные данные о результатах выборочного обследования крестьянских хозяйств в Сибири см.: «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 125.

114. «Статистический справочник СССР за 1928 г.», 1929, с. 42. В своей статье, написанной в 1918 г. и впервые опубликованной в 1925 г. под названием «Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!», Ленин писал о том, что в России — около 15 млн. крестьянских хозяйств, из них — около 10 млн. бедноты, 3 млн. среднего крестьянства и «больше 2-х миллионов кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. 23, с. 207).

115. «Большевик» 30 ноября 1927 г., № 22, с. 54—55. Эти же цифры приводятся в журнале «На аграрном фронте», 1928, № 3, с. 18. В своей книге «Частный капитал в СССР» (1927, с. 75) Ю. Ларин писал о том, что только 2% всех крестьянских хозяйств могут быть названы капиталистическими, и о том, что они производят 9% всей валовой и 14% всей товарной продукции.

116. О докладе Бухарина см. гл. 2.

117. «Правда», 30 ноября 1927 г.

118. *И. Сталин.* Соч., т. 10, с. 316.

119. О расслоении крестьянства см. выше, гл. 2.

120. О данных на 1926 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Самые полные данные на 1927 г. приводятся в справочнике «Статистическое обозрение», 1929, № 4, с. 3—18.

121. «Беднота», 14 августа 1926 г.

122. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 184. Количество крестьян, арендующих или сдающих в аренду инвентарь, было намного больше и составляло приблизительно 80%.

123. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах», 1927, с. 144—145.

124. «3 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, с. 759.

125. См. таблицу в книге Яковцевского «Аграрные отношения в СССР», 1964, с. 243, составленную им на основании архивных материалов.

126. *L. Trotsky.* The Real Situation in Russia (n. d. [1928]) p. 65.

127. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 485.

128. Архив Троцкого, Т 2341.

129. «Собрание законов...», 1928, № 44, ст. 394.

130. См. «Общие Начала», ст. 37 и 40 (выше, с. 108). Выступая на 4-й сессии ЦИКа 4-го созыва, Милютин, говорил о том, что многие предлагали запретить аренду земли, но он считал, что это неправильно («4 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, № 12, с. 20).

131. В «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1928—1929 год» (1929, с. 95) отмечалось, что «в ряде районов» аренда сократилась на 10—30%.

132. Описание супряги и статистические данные о ней см. в: «Экономическое обозрение», № 12, 1929, с. 166—168. Об отношении к супряге писал Л. Крицман в «Расслоении советской деревни», 1926, с. 162—163. Директор совхоза им. Шевченко Маркевич (см. ниже, гл. 7) в своем отчете Президиуму Госплана назвал лозунг «через супрягу к социализму» «вредной эсеровской утопией» (цитируется по изданию Наркомзема, которое находится в архиве Троцкого (Т 2240). О практике супряги в Сибири, откуда произошло это слово, см.: *G. Gleinow*, Neu-Siberien (1928), p. 274—275; Об особой форме супряги «ало» см.: «На аграрном фронте», 1929, № 6, с. 96—108.

133. «На аграрном фронте», 1928, № 627, с. 36. Супрягшиеся хозяева должны были засеять определенную площадь.

134. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

135. «Собрание узаконений...», 1926, № 11, ст. 89; № 43, ст. 328; «Собрание законов...», 1926, № 52, ст. 389.

136. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1927—1928 год», 1928, с. 340—341.

137. В статье, опубликованной в журнале «Пути сельского хозяйства» (1927, № 4, с. 112), отмечалось, что резкий темп повышения наемного труда с 1925 по 1926 г. должен объясняться «не столько самим процессом развития капиталистических отношений, сколько изменением отношения государства, а через него и общества к вопросам о наемном труде».

138. «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 77. Однако эти цифры могут оказаться заниженными, поскольку зачастую рабочих нанимали всего лишь на один день или на небольшой срок, поэтому неясно, насколько этот сроковый наем нашел отражение в статистике. В 1926 г. в Ленинградской губернии наемную силу использовали 18,5% хозяйств, из них постоянных и сроковых рабочих нанимали 1,8% хозяйств, в Курской губернии рабочую силу нанимали 30,6% хозяйств, постоянных и сроковых рабочих имели 1,2% хозяйств (*В. Яковцевский.* Аграрные отношения в СССР, 1964, с. 255). В целом по стране только 6,2% всех хозяйств использовали наем рабочей силы на период свыше 25 дней в году («На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 79).

139. «Исторический архив», 1960, № 1, с. 52. О Временных правилах см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Согласно источнику «Колхозы СССР. Статистический справочник» (1929, с. 39, табл. 16) число батраков в коллективных хозяйствах составляло в среднем 4,8%, в общинах несколько выше — 6,8% и ниже всего в товариществах — 2,8%. Коллективные хозяйства, организованные до 1 января 1928 г., шире применяли наемный, в основном сезонно-

сроковый труд (общины — 47,9%, артели — 37,7 и ТОЗы — 11,7%), чем организованные в 1928 г. (общины — 13,3%, артели — 10,1 и ТОЗы — 7,2%) («Колхозы в СССР. Статистический справочник», дополнение 1-е, 1929, с. 43, табл. 20).

140. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

141. В своем выступлении на съезде профсоюзов в декабре 1926 г. Шмидт говорил о том, что неправильно считать батраком только того крестьянина, «который не имеет ни кола, ни двора», и считать крестьянина бедняком, если он имеет «несчастный двор с прогнутой крышей» и «маленький надел, клочок земли», хотя по существу он тот же батрак, потому что «уходит работать и наниматься как батрак» («8 съезд профсоюзов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 444). В официальном источнике «Материалы по истории СССР» (1959, т. 7, с. 239) батраки включены в категорию бедняков.

142. «4 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, № 15, с. 36, 38.

143. «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 42—44. Оба обследования проводились в августе, в самый разгар уборочной страды — в период, наиболее насыщенный рабочей силой (там же, 1929, № 2, с. 133). Однако завышение этих данных может быть компенсировано количеством батраков, избежавших учета. В результате обследования, проведенного работником Центрального аппарата Всеработземлеса на Украине, оказалось, что у кулаков зарегистрированы договоры только на 18% фактически имеющихся у них батраков, а у середняков — на 45% (*Ю. Ларин.* Частный капитал в СССР, 1927, с. 85). О критических высказываниях по поводу этих анкетных опросов см.: «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 3—6. Число «пролетарских» хозяйств (то есть хозяйств, «главным источником существования которых являлась работа по найму») отличалось от района к району: в АССР Немцев Поволжья — 14,9%, на Северном Кавказе — 13,8, в Ленинграде — 12,5 и в ЦЧО — от 4,7 до 2% (там же, 1929, № 3, с. 37—38).

144. См. табл. 23. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год» (1928, с. 347) свидетельствовали о расширении масштабов применения наемного труда в «частном секторе» за период с 1924/25 г. по 1926/27 г.

145. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 428.

146. Два источника, данные которых часто расходятся («Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, т. I, с. 298, и «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР», 2-е изд., 1931, с. 134) приводят одинаковые цифры по составу рабочей силы: из общего числа наемных работников совхозов в 1926 г. постоянные рабочие составляли 41%, сезонные — 17,8, поденные — 28,8 и сдельные — 12,4% («На аграрном фронте», 1927, № 5, с. 68).

147. Там же, 1929, № 9, с. 89.

148. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 369.

149. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 121—124. Эта статистика основана на информации Всеработземлеса и Наркомтруда. В 1926 г. средняя месячная зарплата рабочих совхозов (без совхозов Сахаротреста) составляла 24 руб. 68 к., а рабочих совхозов Сахаротреста — 31 руб. 40 к. (годовых) и 23 руб. 60 к. (сезонных) («Большевик», 31 января 1929 г., № 2, с. 80), тогда как самый низкий заработок промышленных рабочих составлял в это время 50 руб. в месяц (см. табл. 25).

150. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 121—124. О другом соотношении натуры и денег в зарплате см. там же, 1929, № 10, с. 165.

151. «7 съезд профсоюзов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 216.

152. Там же, с. 192—193.

153. См. гл. 20.

154. «Правда», 1 декабря 1926 г.

155. «Собрание законов...», 1926, № 40, ст. 290; там же, 1927, № 9, ст. 80.

156. «8 съезд профсоюзов СССР. Стеногр. отчет», 1929, с. 331.

157. *L. Trotsky.* The Real Situation in Russia (n. d. [1928]), p. 46. В ответ на это «Правда» (1 декабря 1927 г., Дискуссионный листок № 10) писала,

что прирост в 63% по сравнению с довоенным уровнем относится к 1924 г., а в 1927 г. он составил 80% для батраков и 86% для батрачек.

158. «Труд», 2, 25 октября 1928 г.

159. «8 съезд профсоюзов СССР. Стеногр. отчет», 1929, с. 87—88.

160. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

161. «Правда», 29 декабря 1927 г. Дискуссионный листок № 8. Цифра 1900 тыс., очевидно, опечатка вместо 900 тыс.

162. «Правда», 28 ноября 1928 г. В статье Ярославского, опубликованной там же 27 ноября 1928 г., отмечалось, что общее количество сельскохозяйственных рабочих на тот период составляло 2500 тыс. человек, из них в союзе было объединено только около половины, а если взять женщин, то только около одной пятой.

163. «7 съезд профсоюзов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 194, 236. Выступая спустя два года на 8-м съезде профсоюзов, одна батрачка говорила о том, что она не получила от профсоюза ничего, кроме «красивых резолюций» и «учетных форм», которые не могла прочесть, так как была неграмотна («8 съезд профсоюзов. Стеногр. отчет», 1929, с. 113).

164. «Справочник партийного работника», 1928, выпуск 6, ч. I, с. 636—641.

165. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 485—486.

166. О съезде см. «Правду», 28, 30 ноября 1928 г. и «Бедноту», 1, 25 декабря 1928 г. О 5-м съезде, состоявшемся в январе 1926 г., см. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. В постановлении от 4 марта 1929 г. ЦК ВКП(б) вновь выразил озабоченность в связи с недостатками в работе Всеработземлеса и призвал профсоюзные, партийные, советские и кооперативные органы к его укреплению («Известия» ЦК ВКП(б), 1929, № 10 /269/).

167. «8 съезд профсоюзов. Стеногр. отчет», 1929, с. 321.

168. «Собрание законов...», 1929, № 14, ст. 117.

169. Там же, № 16, ст. 138. Другое постановление СНК СССР, от 11 июля 1929 г., явилось дополнением к ранее принятому постановлению от 20 февраля 1929 г. (там же, № 46, ст. 402).

170. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 428—429.

171. Эти организации будут обсуждаться в следующем томе; о крестьянских комитетах взаимопомощи см. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5; т. 2, гл. 24.

172. В статье, опубликованной журналом «На аграрном фронте» (1929, № 11—12, с. 55), отмечалось, что в связи с сохранением в России остатков крепостничества и ввиду слабого развития капитализма «пролетаризация крестьянства принимает форму его пауперизации», в результате чего растут «кадры не чистых пролетариев, а мелких пауперизированных хозяйств полупролетариев».

173. Сталин выражал определенный скептицизм в отношении крестьянства как надежного союзника рабочего класса (*И. Сталин.* Соч., т. 7, с. 28).

Глава 5. Сельскохозяйственная кооперация

1. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

2. Относительно некоторой неясности ленинского кооперативного плана см. Приложение «Б».

3. Более подробно о кооперативах этого периода см.: «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 29—40; № 7—8, с. 60—71; «Экономическое обозрение», 1928, № 12, с. 127—133.

4. См. гл. 6.

5. По одним оценкам, на 1 октября 1926 г. «дикие» кооперативы составляли одну треть от общего количества кооперативов (*Я. Яковлев.* К вопросам о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, 1928, с. 76), по другим (годом позже) — 40% («Известия ЦК ВКП(б)» № 36 (209), 25 сентября 1927 г., с. 4), по третьим (более поздним) — менее одной пятой (*G. Ratner.* Agricultural Cooperation in the Soviet Union, 1929, p. 11).

6. International Cooperation, 1927—1928 (International Cooperative Alliance, 1930), p. 222. Журнал «На аграрном фронте», 1928, № I, с. 73. К 1927 г. насчитывалось 66 800 сельскохозяйственных кооперативов, охватывающих 7369 тыс. крестьянских хозяйств. Это совпадает с данными, приводимыми на состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б), согласно которым сельскохозяйственная кооперация охватывала 32% всех дворов («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1961, с. 101).

7. Отмечалось, что в этот период в универсальной сети сельскохозяйственной кооперации «неплатежи по обязательствам, протесты векселей, случаи ликвидации союзов наблюдаются довольно часто». К 1925 г. имелось только 26% «относительно хороших» и около 40% «более или менее удовлетворительных» универсальных кооперативов («На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 34).

8. О снижении количества сельхозкооперативов универсального типа и увеличении количества специальных сельхозкооперативов в период с 1925 по 1928 г. см. таблицу в: *G. Ratner.* Op. cit., p. 11.

9. См. гл. 5.

10. *G. Ratner.* Op. cit., p. 26—56.

11. «Правда», 11 мая 1926.

12. «Известия ЦК ВКП(б)», № 35/36 (156/157), 6 сентября 1926, с. 3, 4. 25 февраля 1927 г. было также издано постановление СТО «О мерах к укреплению и развитию сельскохозяйственной кооперации» («Известия», 18 марта 1927 г.). В выступлениях на XV съезде ВКП(б) отмечалось, что как «директивы ЦК», так и постановления СТО остались на бумаге («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1369; там же, с. 1295).

13. «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 509. В своем выступлении на XV съезде партии Каминский называл также цифры по льну — 50% и по маслу — 94% («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1365). О Каминском см.: «Вопросы истории КПСС», 1965, № 11, с. 127, и «Социализм в одной стране...» т. I, гл. 5. На XIV партийной конференции в апреле 1925 г. и на XV съезде партии (декабрь 1927 г.) он выступал от имени сельскохозяйственной кооперации («XIV конференция РКП(б)», 1925, с. 133). («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1363—1369; там же, ч. 2, с. 1295).

14. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 122.

15. См. выше, гл. 1.

16. Там же.

17. *Преображенский.* Новая экономика, 1926, с. 251.

18. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

19. В своей статье «Кооперация на переломе», опубликованной в «Правде» в мае 1926 г., А. П. Смирнов предостерегал против непродуманного создания кооперативных союзов сверху и писал о необычайной легкости получения средств этими союзами («Правда», 23 мая 1926).

20. *G. Ratner.* Op. cit., p. 57. Согласно источнику «Колхозы СССР. Статистический справочник» (1929, с. 1, табл. 27), на 1 октября 1928 г. было зарегистрировано 22 тыс. машинно-тракторных обществ, 5077 мелиоративных и 3848 посевных товариществ, насчитывающих соответственно: 390 500, 518 700 и 141 100 членов.

21. «Большевик» № 19/20, 31 октября 1927 г., с. 150. Наиболее высокий процент «диких» кооперативов наблюдался среди машинных, мелиоративных и животноводческих объединений («Контрольные цифры на 1928/29 год», 1929, с. 103).

22. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

23. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 30—40.

24. «Справочник партийного работника», 1928, вып. VI, ч. I, с. 655—656; *В. Данилов.* Создание материально-технических предпосылок, 1957, с. 143; *G. Ratner.* Op. cit., p. 10. О Каминском см. выше, с. 110, прим. 4, о его назначении председателем Колхозцентра см. гл. 6.

25. См. гл. 6.

26. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1332. Составители контрольных цифр Госплана на 1927/28 год относились к производственному кооперированию с предубеждением и подчеркивали, что «преобладающее значение» остается за потребительской и «сельскохозяйственной кооперацией со сбыто-снабженческими функциями». Темпы сельскохозяйственной кооперации отставали от темпов роста потребительской кооперации (см. табл. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 378, 379.

27. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 462, 475, 483. Относительно критических высказываний оппозиции и обсуждения на съезде социального состава кооперации см. с. 112.

28. «На аграрном фронте», 1929, № 5, с. 13.

29. Там же, 1929 № 6, с. 135—136.

30. «Проблемы источниковедения», 1955, ч. IV, с. 77.

31. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

32. Это же обвинение было выдвинуто и в декларации 8 оппозиционеров, проголосовавших против резолюции «О работе в деревне» (Архив Троцкого, Т 882). В неопубликованном меморандуме от 11 июля 1926 г. (Архив Троцкого, Т 2993, с. 6, 7) Троцкий обвинял в этом лично Смирнова и Каминского. В другом неопубликованном меморандуме (февраль 1927 г.) он обвинял Каминского вместе с Милюковым и Устряловым (Архив Троцкого, Т 3028). В сентябрьской платформе оппозиции от 1927 г. был сделан более правильный вывод о том, что «классовый характер сельскохозяйственной кооперации определяется не столько численным весом различных групп крестьянства в кооперации, сколько их относительным экономическим весом».

33. «Правда», 31 июля 1926 г.

34. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 382, 383.

35. «На аграрном фронте», 1929, № 5, с. 14. О более поздних данных по собственности на средства производства (орудия труда и скот) см. «Сельское хозяйство в СССР 1925—1928 гг.», 1929, с. 136.

36. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 68.

37. «На аграрном фронте», 1926, № 10, с. 90, 91. Один из делегатов XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.), Гилинский, выразил несогласие с точкой зрения о том, что «... земельные общества могут, в известных условиях, стать готовой ячейкой для производственного кооперирования, поскольку «традиции старой общины» в земельных обществах еще слишком сильны». («XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1265).

38. См. о постановлении выше, с. 113.

39. «Материалы по истории СССР», 1955, ч. I, с. 251, 252.

40. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 475, 476, 479, 480.

41. «Известия ЦК ВКП(б)», № 20 (241), 30 июня 1928 г.

42. Там же, № 34, 22 ноября 1928 г.

43. «Правда», 4, 6 декабря 1928 г.

44. «Большевик», № 23—24, 31 декабря 1928, с. 132, 133.

45. «Собрания законов...», 1929, № 3, ст. 28. Как писал один западный критик-обозреватель, термин «лжекооператив» широко использовался в агитационной борьбе против кулачества (*G. Gleinow,* New Sibirien, 1928, p. 410). О «лжеколхозах» см. гл. 6.

46. «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 36, 37.

47. См. гл. 6.

48. «Плановое хозяйство», 1929, № 3, с. 105.

49. См. постановление Совнаркома СССР от 21 июня 1929 г. («Собрание законов...», 1929, № 44, ст. 385) и постановление ЦК ВКП(б) от 27 июля 1929 г. («Известия ЦК ВКП(б)», № 23—24 (282—283), 25 августа 1929).

50. О разграничении функций сельскохозяйственной и кредитной кооперации см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5, 9.

51. Там же, т. I, гл. 9. О неспособности системы сельскохозяйственного кредита привлечь крестьянские средства как в форме вкладов, так и паевых капиталов см.: «Экономическое обозрение», 1929, I, с. 40.

52. «Известия ЦК ВКП(б)», № 35—36 (156—157), 6 сентября 1926. О «Постановлении о сельскохозяйственной кооперации» см. выше, с. 146. О решении 1925 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

53. Пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства, ред. М. Лацис, *И. Литвинов,* 1929, с. 104.

54. Согласно «Статистическому справочнику СССР за 1928 г.» (1929, с. 298), большая часть ссуд была выплачена на приобретение рабочего скота (56,6 млн. руб.), сельскохозяйственных машин и орудий (62,7 млн. руб.) и жилые постройки (27,7 млн. руб.), а остальные — на племенной скот, технические культуры, мелиорацию, тракторы и т. д. (там же, с. 194).

55. «Собрание законов...», 1927, № 4, ст. 44. Именно отсутствием такой поддержки объясняются следующие критические высказывания о сельскохозяйственной кредитной кооперации: «Ее еще совершенно нет», и далее: «... Мы, по существу, совершенно не имеем сельскохозяйственного кредитного товарищества как сколько-нибудь самостоятельной организации крестьянского населения» («На аграрном фронте», 1926, № 7—8, с. 69).

56. «Собрание законов...», 1928, № 14, ст. 120.

57. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. I, с. 748.

58. «Собрание законов...», 1926, № 27, ст. 171; «На аграрном фронте», 1927, № 10, с. 122.

59. «Собрание законов...», 1926. «На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 69—70. О распределении кредитов на 1926/27 г. см. выше, с. 154, прим. 2, аналогичные данные на последующие годы отсутствуют.

60. «XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 307.

61. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 70, примеч. 75.

62. «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства», ред. Я. Яковлева, 1928, с. 16.

63. «Вопросы торговли», № 12, сентябрь 1928, с. 54.

64. «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 104, 105.

65. Там же, № 10, с. 65—67.

66. «Известия», 7 апреля 1928 г.; «Беднота», 26 августа 1928 г. — письма о наивной жалобе на то, что кредитная кооперация предоставляет кредит только «кредитоспособным, т. е. тем, кто может погасить ссуду», и отказывает в ссуде беднякам, за исключением тех случаев, когда приходит приказ из центра («Беднота», 26 августа 1928 г.). Менее удивительно, что Кондратьев призывал к «безусловной свободе» кооперативных объединений и к отказу в кредитной политике от «филантропии» в отношении маломощных хозяйств («Большевик», № 13, 15 июля 1927 г., с. 37).

67. «Собрание узаконений...», 1928, № 90, ст. 586. Аналогичное постановление было принято Совнаркомом Украины («Правда», 5 июля 1928 г.).

68. «Собрание законов...», 1928, № 59, ст. 530.

69. «На аграрном фронте», 1928, № 12, с. 100.

70. Там же, № 12, 1928, с. 99.

71. «Правда», 2 февраля 1929 г.

72. Эта точка зрения была подвергнута критике Шацкиным, делегатом комсомола на XVI конференции ВКП(б), состоявшейся в апреле 1929 г. Он сказал, что речь идет о «смазывании классовой линии партии» («XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 118. Выступление Лежавы, которое не было опубликовано в то время, цитируется там же, с. 783, прим. 79 и несколько позже в «Комсомольской правде», 14, 20 мая 1929 г.).

73. «Собрание законов...», 1929, № 10, ст. 96.

74. «Экономическое обозрение», 1929, № 6, с. 38. В журнале «На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 63—86, приводятся многочисленные примеры, когда кредитная кооперация не оказывала помощь маломощному крестьянству.

Глава 6. Колхозы

1. См. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.
2. «Собрание законов...», 1926, № 15, ст. 161.
3. Материалы были перепечатаны из архивных документов («Исторический архив», 1960, январь — февраль, № 1, с. 12—54.
4. Об этом постановлении, касающемся в основном сельскохозяйственной кооперации, см. выше, гл. 5.
5. «3 сессия ВЦИК 12 созыва (Постановления)», 1926, с. 249.
6. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», 1957, ч. I, с. 625—631. В постановлении ЦК шла речь также о совхозах (см. выше, гл. 5). Об отношениях между сельскохозяйственной кооперацией и колхозами см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.
7. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 293. Точной даты создания комиссии не указано, очевидно, это было после выхода постановления от 30 декабря 1926 г.
8. «Собрание законов...», 1927, № 15, ст. 161. Это был первый законодательный документ в СССР по коллективным хозяйствам. Аналогичное постановление было принято и по совхозам (см. гл. 7).
9. «Проблемы источниковедения», 1955, ч. 4, с. 62—63. Ничего не говорится о создании таких центров в других республиках. В октябре 1929 г. произошло слияние Колхозцентра РСФСР с Всесоюзным Советом Коллективных Хозяйств РСФСР (там же, ч. 4, с. 66). Утверждение Г. Конюхова о том, что Всесоюзный колхозный центр (Колхозцентр) был образован в апреле 1927 г., очевидно, не верно (*Г. Конюхов.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями, 1960, с. 203—204).
10. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 293. О Каминском см. выше, гл. 4.
11. «Справочник партийного работника», вып. 6, 1928, ч. I, с. 656—657.
12. «Известия ЦК ВКП(б)», 22 октября 1927 г., № 39 /212/.
13. О трех видах колхозов см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Разграничительная грань между ними не всегда была четкой и не всегда последовательно соблюдалась («Большевик», 15 января 1929 г., № 1, с. 43—44). Например, на Украине 28% коммун в 1927 г. образовалось из артелей и 20% ТОЗов объявили себя артелями («На аграрном фронте». 1929 г., с. 93).
14. Там же, 1928, № 3, с. 53.
15. О «диких» сельскохозяйственных кооперативах см. выше, гл. 5.
16. «На аграрном фронте», 1926, № 7—8, с. 204; 1928, № 5, с. 98. В другой статье, опубликованной в том же номере журнала, на с. 11, говорилось о том, что учет колхозов был поставлен очень плохо и что руководящие органы давали совершенно разные сведения о количестве колхозов в 1924, 1925 и 1926 гг.
17. Там же, 1927, № 2, с. 31—32.
18. «Беднота», 20 апреля 1928 г.
19. «Большевик», 31 октября 1928 г., № 20, с. 78.
20. См. табл. № 9.
21. «Исторический архив», 1960, № 1, с. 40.
22. См. с. 119.
23. «Большевик», 31 октября 1928 г., № 20, с. 80.
24. Нижеприводимая таблица дает средние размеры землепользования по трем группам коллективных хозяйств:

Вид колхозов	Колхозы, образованные до 1 января 1928 г.	Колхозы, образованные после 1 января 1928 г.
Коммуны	406,3 га	194,4 га
Артели	180,2 га	123,1 га
Товарищества	193,0 га	95,2 га

Средний размер посева на один колхоз, организованный в 1928 г., был также незначителен: в коммунах — 128 га, артелях — 53,9 га и товариществах — 36,7 га. («На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 79).

25. В 1928 г. в состав одного колхоза входило в среднем 12,5 хозяйства («Сдвиги сельского хозяйства СССР...», 2-е изд., 1931, с. 36). В ЦЧО в 1926 г. в состав одного колхоза входило в среднем 76,4 колхозника и 14,5 хозяйства, эти цифры остались без изменения и на 1927—1928 гг («Исторические записки», 1955, т. 51, с. 221). Колхозы Среднего Поволжья, созданные до 1 января 1928 г., насчитывали в среднем 16 хозяйств и 89 членов на один колхоз, а созданные в первые четыре месяца 1928 г. — соответственно 14 и 70. В журнале «На аграрном фронте» (1929, № 4, с. 94, 101) они скромно названы «мелкими, экономически и технически слабыми» объединениями. В Сталинградской губернии на один колхоз приходилось в среднем 8 хозяйств (там же, 1928, № 11, с. 133). В Северо-Кавказском крае в начале 1928 г. крайком партии принял решение о том, что колхозы, имеющие меньше 6 дворов, не должны считаться самостоятельными юридическими объединениями («Беднота», 29 апреля 1928 г.). Число хозяйств в одном колхозе зависело от степени обобществления средств производства. В 1928 г. насчитывалось: 33 коммуны, охватывающих 555 дворов, 14 артелей, охватывающих 154 двора, и 45 товариществ, охватывающих 494 двора («На аграрном фронте», 1929, № 10, с. 104).

26. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1928—1929 год», 1929, с. 104. См. также табл. там же, с. 117. На XVI партийной конференции отмечалось, что в старых колхозах тракторы имелись в 45% колхозов, а в новых — только в 10%. («XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 237). «Беднота» писала о том, что использование трактора в колхозе экономически выгодно, если он насчитывает не менее 15 дворов (это по самым низким оценкам) («Беднота», 26 апреля 1928 г.).

27. «На аграрном фронте», 1928 г., № 9, с. 8; 1929, № 4, с. 8.

28. См. «Большевистская революция», т. 2, гл. 17.

29. «Правда» от 13 февраля 1927 г. с восторгом писала о том, как в одной сельскохозяйственной коммуне, основанной группой бедняков, крестьяне отказывали себе во всем, кроме самого необходимого, для того чтобы купить сельскохозяйственные машины. Иногда такие коммуны создавались религиозными сектами.

30. В 1925 г. рабочие в колхозах составляли только 5,5%, а к 1928 г. их доля уменьшилась до 1,6%. («Построение фундамента социалистической экономики в СССР», 1960, с. 290).

31. Цитируется по книге: *R. G. Wesson,* Soviet Communes (1969), p. 130—131.

32. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», 1963, с. 122.

33. Архив Троцкого, Т 1230.

34. «Исторический архив», 1960, январь — февраль, № 1, с. 53.

35. *К. Киндеев.* Коллективное земледелие, 1927, с. 169. Враждебное отношение женщин к колхозам наблюдалось еще на самом начальном этапе колхозного строительства («Правда», 1 июня 1919 г.).

36. «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 420.

37. «Построение фундамента социалистической экономики СССР», 1960, с. 291.

38. «На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 7—9. Приводимые в журнале цифры не совсем совпадают с данными в табл. № 9, с. 942.

39. *А. Гайстер.* Достижения и трудности колхозного строительства, 1929, с. 26.

40. «По пути подъема и ...», с. 63, 67.

41. «Экономическое обозрение», 1929, № 7, с. 155.

42. «Беднота», 26 апреля 1928 г.

43. «Большевик», 15 ноября 1929 г., № 21, с. 33. Как сообщают некоторые источники, зажиточное крестьянство предпочитало товарищества, а бедняки — коммуны, нежели артели («Материалы по истории СССР», ч. 7, 1959 г., с. 239—240).

44. «Большевик», 15 января 1929 г., № 1, с. 39—40.
45. «По пути подъема и ...», с. 61.
46. Там же, с. 77.
47. «На аграрном фронте», 1927, № 4, с. 31—32.
48. Там же, 1928, № 5, с. 113.
49. *Ю. Ларин.* Частный капитал в СССР, 1927, с. 88—93. Многие единоличные хозяйства получали кредит «под маркой колхоза», чтобы избежать уплаты налогов («На аграрном фронте», 1928, № 5, с. VI, 108). В некоторых колхозах снятый урожай распределялся не по количеству едоков или работников, а по земельному паю или по стоимости рабочего скота, сданного в колхоз, поэтому зажиточные крестьяне часто получали львиную долю дохода колхоза («На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 72—73).
50. «Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», ч. I, 1930, с. 308.
51. «На аграрном фронте», 1927, № 11—12, с. 209—211.
52. «Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», ч. I, 1930, с. 150.
53. Постановление ЦК и постановление ЦИКа и СНК СССР см. выше, с. 159—160.
54. «Построение фундамента социалистической экономики в СССР», 1960, с. 345—346.
55. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 484.
56. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1332.
57. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 477—478. См. о тезисах и о дополнениях к ним выше, с. 43.
58. Доклад обсуждался на заседании СНК РСФСР, о котором писала «Правда» 5 апреля 1928 г. О сравнительных цифрах по урожаю см. гл. 7.
59. «На аграрном фронте», 1928, № 5, с. 99—101. Согласно официальной статистике, к 1 января 1928 г. к многополью перешли: 86,3% старых коммун, 48,1% старых сельскохозяйственных артелей и 41,7% старых товариществ по совместной обработке земли. Что же касается новых коллективных хозяйств, то по ним цифры соответственно были: 66,7%, 20,7 и 25,2%. («Материалы по истории СССР», 1959, ч. 7, с. 253). Уже на следующий год многопольный севооборот был внедрен в 75% всех колхозов («На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 88—89).
60. Первоначально было объявлено, что Всесоюзный съезд колхозов будет созван в январе 1928 г. («Правда», 12 октября 1927 г.).
61. Там же, 18 мая 1928 г.
62. Ход работы съезда освещался в «Правде» и «Бедноте» 25, 26 мая 1928 г.
63. О выступлении Калинина см. ниже, гл. 11. Краткое изложение выступления Яковлева было опубликовано в «Правде» 3 июня 1928 г. и более подробно — в «Бедноте», 19, 20 и 21 июня 1928 г. Опубликованную стенограмму I Всесоюзного съезда сельскохозяйственных коллективов получить не удалось. О конференции колхозов, состоявшейся в 1925 г., см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 22.
64. «Правда», 6 мая, 14 июня 1928 г. «Построение фундамента социалистической экономики в СССР», 1960, с. 363, 366.
65. «Проблемы источниковедения», 1955, ч. 4, с. 82—83.
66. См. выше, с. 120.
67. «Известия ЦК ВКП(б)», 22 октября 1927 г., № 39 (212). В 1928 г. только 27% коммун, 11,7 — артелей и 2,5% ТОЗов состояли в союзах сельскохозяйственной кооперации. («Пути подъема и ...», 1929, с. 79). Отсюда следует предположение, что была зарегистрирована лишь небольшая часть новых колхозов, возникших в 1928 г.
68. *К. Киндеев.* Коллективные хозяйства, 1927, с. 161.
69. О резолюции см. выше, гл. 5.
70. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 484. Типичный пример такой

путаницы описывает: *G. Ratner. Agricultural* Cooperation in the Soviet Union (1929), p. 57—58.

При перечислении типов производственных кооперативов товарищества не включены в общий список, а впоследствии названы «товариществами по совместной обработке земли». В статье, опубликованной в журнале «На аграрном фронте» (1928, № 1, с. 73), колхозы были включены в «производственно-сбытовую систему сельскохозяйственной кооперации». Практическая связь между двумя организациями была проиллюстрирована в постановлении ЦК ВКП (б) от 26 марта 1928 г., в котором было объявлено о создании годичных курсов по подготовке «кооперативных работников низовой сети кооперации и руководителей колхозов» («Известия ЦК ВКП (б)», 4 апреля 1928 г., № 11 (232).

71. «Беднота», 12 января 1928 г.

72. «На аграрном фронте», 1928, № 5, с. 112. Исключение составляли колхозы Сибири, реализовавшие 75% своей молочной продукции через кооперативную сеть.

73. См. выше, гл. 5.

74. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 90.

75. «41 собрание уполномоченных Центросоюза», 1928, с. 279.

76. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 121. Классификацию кооперативов см. там же, с. 101.

77. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. 2, ч. I, с. 315.

78. «Плановое хозяйство», 1929, № 3, с. 101.

79. См., например: «Экономическое обозрение», 1928, № 12, с. 129—130.

80. *И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 67.

81. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 237.

82. «Известия», 1 июня 1928 г.

83. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 513.

84. «4 сессия ЦИК Союза ССР 4 созыва», 1928, № 17, с. 31.

85. Об Общих Началах см. выше, гл. 4.

86. См. примеры в следующих источниках: «Материалы по истории СССР», 1959, ч. 7, с. 236; «На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 80—82; «Экономическое обозрение», 1929, № 6, с. VIII. Согласно неопубликованным архивным материалам, первые кустовые объединения колхозов возникли на Северном Кавказе в 1926 г. Первоначально, вплоть до 1928 г., они в основном создавались на территории РСФСР, а несколько позднее на территории Украины и Белоруссии. Впоследствии они «служили фундаментом создания МТС». («Проблемы источниковедения», 1955, ч. 4, с. 83—84). Создание кустовых объединений колхозов было рекомендовано Всесоюзным съездом колхозов, включившим этот пункт в свою резолюцию (июнь 1918 г.) (см. выше, с. 169).

87. «Пути подъема и ...», с. 90. «Беднота» от 1 января 1928 г. писала о кустовых объединениях из 6 колхозов в Подмосковье.

88. «Колхозы СССР. Статистический справочник», 1929, с. 31, табл. № 12.

89. «На аграрном фронте», 1929 г. № 10, с. 46—47. Согласно этому источнику, летом 1929 г. кустовые объединения охватывали одну четвертую часть всех колхозов.

90. «Съезды Советов в документах», 1960, ч. 3, с. 165.

91. «Большевик», 31 мая 1929 г., № 9—10, с. 38—56. О Шанине см. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

92. «Построение фундамента социалистической экономики в СССР», 1960, с. 288—289. Поскольку Северный Кавказ, Поволжье, Западная Сибирь и часть Крыма находились в засушливой зоне и являлись районами экстенсивного земледелия, земельные нормы там выходили за пределы средних норм центральных районов, что создавало условия для организации крупных высокомеханизированных хозяйств («На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 49).

93. «Пути подъема и ...», 1929, с. 57. В сборнике «Сельское хозяйство СССР, 1935 г.» (1936 г. с. 63—64) приводятся данные, свидетельствующие о том, что в 1927—1929 гг. наиболее интенсивный рост колхозов наблюдался на Северном Кавказе и Украине. В июле 1928 г. колхозы Северного Кавказа составляли

18% всех колхозов РСФСР. («XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 133). Карта, которую приводит А. Гайстер в своей книге «Достижения и трудности колхозного строительства» (1929, с. 11), показывает, что Северный Кавказ и Нижнее Поволжье — единственные районы, где колхозы охватывали более 1,5% площади, занятой индивидуальными хозяйствами, за ними следовали Украина и Урал. Об одном из колхозов Сальской области Северо-Кавказского края писала «Правда» 1 мая 1929 г. Он был основан как коммуна в 1922 г. 77 американцами-эмигрантами. К 1929 г. в коммуне насчитывалось уже 270 человек (американцев, финнов и представителей местного населения). В 1922 г. ее площадь составляла 380 га и у нее было 3 трактора и 4 лошади, а в 1929 г.— соответственно 3080 га, 21 трактор и 13 лошадей и она уже превосходила по производительности хозяйство известного американского фермера Кэмпбелла в штате Монтана. По-видимому, эта коммуна являлась одним из отделений крупного колхоза, образованного в январе 1929 г. в Сальском районе в результате «объединения шести отдельных коммун». («Экономическое обозрение», 1929, № 6, с. 10—11).

94. «Материалы по истории СССР», 1959, ч. 7, с. 220—221. К 1 июля 1929 г. план строительства колхозов был перевыполнен (хотя по Северному Кавказу он был выполнен только наполовину).

95. «Собрание законов...», 1929 г., № 4, ст. 33. См. ту часть постановления, где речь идет о посевных площадях совхозов, гл. 7.

96. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 24. В сборнике «Колхозы. Статистический справочник» (1929, с. 29, табл. № 11) приводится список 207 крупнейших колхозов на 1 июня 1929 г., из них 147 — в РСФСР, 52 — на Украине и 8 — в Белоруссии. В этом же источнике (с. 63—75, табл. 28) приводится список 173 крупнейших колхозов в РСФСР на 1 октября 1929 г. и указывается их месторасположение (но сюда не вошел ряд других крупнейших колхозов, возможно, потому, что они начали функционировать позднее). Трудно сказать, сколько из этих колхозов оказались жизнеспособными.

97. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 587.

98. «Материалы по истории СССР», 1959, ч. 7, с. 208. О «гигантомании» в колозном движении говорится в статье, опубликованной в «Вопросах истории», 1965, № 3, с. 4.

99. В июне 1929 г. бедняки и батраки составляли в колхозах 56,4%, середняки — 38,5, зажиточные крестьяне — 3,3 и кулаки — 1,8%. Еще более красноречиво о социальном составе колхозов говорит классификация членов колхозов по количеству лошадей: безлошадные составляли 11,2%, однолошадные — 45,4, двух- и трехлошадные — 42,5, более 3-лошадные 0,9% («Экономическое обозрение», 1929, № 6, с. 8).

100. «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 67—68. Об отношениях женщин к колхозам см. выше, с. 123.

101. «Материалы по истории СССР», 1959, ч. 7, с. 242. Здесь же цитируется письмо одного крестьянина из уральской деревни, которое весьма красноречиво характеризует ситуацию: «Говорят, что антихрист на землю сошел, что скоро конец миру. Одного старика какие-то женщины (подозревают монашек) завели в лес, дали ему евангелие и сказали, что эта книга его всегда на путь выведет, где бы он ни был, только раньше из колхоза он выйти должен непременно, а то иначе книга недействительна». В письме также говорилось о поджогах домов тех, кто вступал в колхоз (там же, ч. 7, с. 245). См. также «На аграрном фронте» (1929, № 10, с. 69—71) о сопротивлении кулаков колхозам, о «кулацком терроре», включая убийства и поджоги.

102. *А. Ангаров.* Классовая борьба в советской деревне, 1929, с. 24—25. Здесь приводится обзор материалов губернских газет.

103. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 19, с. 3. «На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 73.

104. Там же, 1929, № 10, с. 46.

105. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 41.

106. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 362. Середняк

вступал в колхоз «только, если колхоз был лучше обеспечен техникой, чем он сам» («Беднота», 20 декабря 1928 г.).

107. «Большевик», 30 ноября 1929 г., № 22.

108. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 370. Вероятно, имеется в виду Огановский, предложивший, с целью привлечения крестьян на поселение в восточные районы, включая Казахстан, выделять им в среднем по 40 или более десятин земли («Экономическая жизнь», 13 января 1928 г.).

109. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 812, прим. 266. Однако в «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—1929 год» (1929, с. 307) отмечалось, что колхозы «в отношении приобретения... промтоваров... находятся в одинаковых с крестьянским населением рыночных условиях».

110. «Беднота», 31 октября 1928 г.

111. «На аграрном фронте», 1929, № 8, с. 63. О том, как кулаки и зажиточные крестьяне создавали колхозы и машинные товарищества для получения тракторов и других машин, а затем, добившись своей цели, распускали их, см. там же (1928, №11, с. 70—71).

112. Примеры см. там же, 1929, № 10, с. 75, 113.

113. *G. Gleinow.* Neu-Sibirien, 1928, p. 270—273. О конференции см. выше, с. 24.

114. «Материалы по истории СССР», 1959, ч. 7, с. 243.

115. В своем выступлении на конференции Кубяк говорил о том, что вопрос встал «совершенно неожиданно». («XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 420). Очевидно, его решение вызвало определенные сложности. Приводились примеры противоположного подхода к нему со стороны местных районных руководителей Среднего Поволжья (там же, с. 397).

116. «Правда», 16 апреля 1929 г.

117. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 800, примеч. 194,

118. Там же, с. 296. Другой выступающий повторил утверждение о том, что не допускать кулака в колхоз — значит «выселять кулацкие хозяйства на отрубы и таким образом создавать в деревне капиталистические гнезда, увековечивать на веки вечные этого кулака» (там же, с. 368).

119. Там же, с. 311—312. Это, по-видимому, была единственная реплика Сталина, и она была занесена в протокол.

120. Там же, с. 325, 338—339.

121. Там же, с. 412.

122. «Большевик», 18 июня 1929 г., № 11, с. 34. Статья была напечатана «в порядке обсуждения», редакция журнала сняла с себя всякую ответственность за нее.

123. И только в конце 1929 г. Сталин произнес наконец фразу: «Конечно, нельзя его пускать в колхоз» (*И. Сталин.* Соч. т. 12, с. 170), которая стала началом кампании ликвидации кулачества как класса.

124. См. табл. № 9. Среднее число крестьянских хозяйств в одном колхозе увеличилось с 12,5 в 1928 г. (см. выше, с. 133) до 17,7 в 1929 г. и 69,8 в 1930 г.(«Сдвиги в сельском хозяйстве СССР», 2-е изд., 1931, с. 36). Журнал «На аграрном фронте» (1929, № 7, с. 24) приводит данные Наркомзема и Колхозцентра, противоречащие друг другу, о размерах посевных площадей в колхозах РСФСР (в тыс. га):

	1928 г.	1929 г.
НКЗ	969,7	3007,8
КОЛХОЗЦЕНТР	1304,9	3042,0

125. «Колхозы СССР. Статистический справочник», 1929, с. 5, 17, 19, табл. № 1, 5, 6.

126. «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», 2-е изд., 1931, с. 139.

127. Там же, с. 200. Урожай пшеницы и ржи в коммунах был на 40% выше, чем в индивидуальных хозяйствах, в артелях — на 30% и совхозах — на 20—90% (там же, с. 141, 145). Но в другом источнике указывается, что

урожай в совхозах был выше только на 10%. («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 237).

128. Сырцов говорил о том, что «качество труда в колхозах, зачастую даже в крупных, хуже, чем в крестьянских хозяйствах», и что для того, чтобы «укоренились новые стимулы», нужно время («Правда», 7 июля 1929 г.; «Беднота», 7, 9 июля 1929 г.).

129. См. табл. № 9. О данных, приведенных Сталиным, см. выше, гл. 3.

130. *И. Сталин.* Соч. т. 11, с. 85.

131. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР» 1929, т. 2, ч. I, с. 283.

Глава 7. Совхозы

1. Об этих совхозах см. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 111—118. О Сахаротресте см. выше, гл. 9.

2. В статистическом сборнике «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами» (далее «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», 2-е изд., 1931, с. 26) приводится перечень 35 совхозобъединений, в состав которых входило 1949 трестированных совхозов. В 1929 г. совхозы акционерного общества «Овцевод» насчитывали 1 млн. голов овец, а совхозы Сельтреста — 150 тыс. («Пути подъема и реконструкции сельского хозяйства», ред. *М. Лацис* и *И. Литвинов*, 1929, с. 272).

3. «Труд в СССР», 1935, с. 256. О происхождении этой системы см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

4. «На аграрном фронте», 1927, № 11—12, с. 96. Статистические данные по совхозам того времени были весьма противоречивы и неточны — иногда они включали все совхозы, а иногда только трестированные; одни источники учитывали общую земельную площадь совхозов, другие только пахотную. Сборник «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927 гг.» (1927, с. 164) свидетельствует о резком снижении количества совхозов в период с 1924 по 1926 г., хотя объем пахотных площадей при этом остался на прежнем уровне. Как свидетельствует таблица, которая приводится в: «Пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства» (ред. *М. Лацис* и *И. Литвинов*, 1929, с. 25), в период с 1926 по 1928 г. количество трестированных совхозов увеличилось с 2318 до 2460, общая земельная площадь — с 2293 тыс. га до 3985 тыс. га, а посевная — с 839 тыс. га до 1057 тыс. га. В 1928 г. на трестированные совхозы приходилось 75% земельной и 80% посевной площади всех совхозов («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 236).

5. «Колхозы в СССР. Статистический справочник», 1929, с. 49, табл. 21. Выступая на V съезде Советов в 1929 г., Калинин отмечал, что у рабочих совхоза им. Шевченко «благодаря механизации много свободного времени, поэтому они могут лучше обрабатывать свои сады и огороды» («V съезд Советов СССР», 1929, № 15, с. 3).

6. «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», 2-е изд., 1931, с. 126.

7. «На аграрном фронте», 1926, № 9, с. 139—158.

8. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

9. «Правда», 10 июня 1926 г. Аналогичная реорганизация совхозов проводилась в 1924 г. также и на Украине («На аграрном фронте», 1928, № 2, с. 59—73).

10. Эти данные приводятся в журнале «На аграрном фронте», 1926, № 11—12, с. 73—87, цитата — на с. 80—81. К 1926 г. земля в совхозах Сахаротреста в аренду не сдавалась (там же, 1926, № 5—6, с. 112).

11. См. об этом постановлении, где шла речь и о колхозах, выше, гл. 6.

12. «Собрание законов...», 1927, № 15, ст. 162. Вслед за этим вышло постановление СНК СССР от 19 июня 1927 г., согласно которому Советы Народных Комиссаров союзных республик должны были составить перспективные планы

развития совхозов, а также обеспечить совхозам соответствующую компенсацию за их работу по оказанию агрикультурной помощи крестьянскому населению (там же, № 41, с. 373). Постановление «О колхозах» см. выше, гл. 6, «О сложных машинах» — выше, гл. 8.

13. «На аграрном фронте», 1927, № 5, с. 143—146.

14. Цитируется журналом «На аграрном фронте» (1928, № 8, с. 123), а также в «Трудах первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, ч. I, с. 177.

15. Там же, ч. I, с. 205.

16. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1204.

17. Там же, с. 904.

18. «Плановое хозяйство», 1927, № 12, с. 62—66.

19. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 484. О комментариях по поводу использования тракторов в совхозе им. Шевченко, высказанных на съезде, см. выше, гл. 8.

20. «Правда», 30 сентября 1928 г. О статье см. выше, гл. 3.

21. «Собрание законов...», 1928, № 15, ст. 126. О постановлении см. выше, гл. 3.

2. Информацию о работе комиссии см.: «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962. с. 792, прим. 128 (из неопубликованных архивов); *М. Богденко.* Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг., 1958, с. 23, 26—29; *Г. Конюхов.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями, 1960, с. 217—218. Предложения Наркомзема были сформулированы Кубяком в его статье, опубликованной в «Правде» 29 мая 1928 г. Целый ряд «очень видных специалистов» предупреждали комиссию о том, что «нет еще ни исторического опыта для этого строительства, ни возможностей построить действительно механизированное хозяйство, не требующее такой массы рабочей силы, которую в этих районах трудно найти» («Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, ч. I, с. 243). Среди специалистов, с которыми консультировалась комиссия, возглавляемая Калининым, наибольшую осторожность проявляли Макаров, Чаянов и Лященко. В статье, напечатанной журналом «На аграрном фронте» (1928, № 5, с. 24), выражалась точка зрения о том, что «...расчеты буржуазных экономистов и агрономов в части определения оптимумов хозяйства... оказывают еще весьма сильное влияние не только на беспартийных специалистов, но и на партийные массы». О Макарове и Чаянове см. выше, с. 184—185.

23. «Собрание законов...», 1928, № 41, ст. 373. О первом постановлении см. выше, с. 184—185.

24. «Известия ЦК ВКП(б)», 30 июня 1928 г., № 20 (241), с. 2.

25. *Г. Конюхов.* Цит. соч., с. 218.

26. *М. Вольф.* Пути реконструкции сельского хозяйства, 4-е изд. 1929, с. 27.

27. «На аграрном фронте», 1929, № 5, с. 24.

28. О выступлении Бухарина и письме Фрумкина см. выше, гл. 3. В «Записках экономиста» (30 сентября 1928 г.), (см. выше, гл. 3) Бухарин доказывал, что направление капиталовложений в тяжелую промышленность более выгодно, чем в «зерновые фабрики». Калинин позднее отмечал, что «...одной из характерных черт правого уклона является борьба за снижение в той или иной степени темпа совхозного строительства» (XVI конференция ВКП(б), 1962, с. 301).

29. *М. Богденко.* Цит. соч., с. 32.

30. «Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, ч. I, с. 200. О выступлении Осинского см. выше, гл. 3.

31. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 190—192.

32. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 517—518. О Пленуме ЦК см. выше, с. 76—77.

33. «Собрание законов...», 1928, № 48, ст. 421. 14 июля 1928 г. на заседании Комиссии Политбюро было принято решение о создании Зернотреста и его правления (*М. Богденко.* Цит. соч., с. 34—35).

34. «Экономическое обозрение», 1928, № 9, с. 48.

35. «На аграрном фронте», 1929, № 5, с. 5, ч. 27.

36. Там же, 1928, № 9, с. 86—87. Об Уэре см. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 17.

37. *А. Маркевич.* Цит. соч., с. 168—169. Об МТС см. выше, гл. 8.

38. «Собрание узаконений...», 1928, № 137, ст. 888.

39. «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 5—6. О еврейских поселенцах в Крыму см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 10, а также Приложение «В».

40. *М. Богденко.* Цит. соч., с. 51.

41. *Г. Конюхов.* Цит. соч., с. 225. О его начальном этапе писала «Правда» 14 августа 1928 г. В феврале 1929 г. его посевная площадь составляла 53 тыс. га (там же, 14 февраля 1929 г.).

42. «Правда», 10 января 1929 г.

43. Эта, а также последующая его поздка в Москву, в июне — июле 1930 г., описываются в книге: *T. D. Campbell,* «Russia: Market or Menace?» (N. Y., 1932). Заместитель председателя Зернотреста Ильичев весной 1929 г. посетил Соединенные Штаты. См.: Economic Review of the Soviet Union. Washington IV, № 7, April 1, 1929, p. 132—134.

44. «На аграрном фронте», 1929, № 11—12, с. 135. О критике МОСХ (называвшемся раньше «Императорским обществом сельского хозяйства») со стороны партии см.: там же, с. 139, и «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 186.

45. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 584—586.

46. «Собрание законов...», 1928, № 41, ст. 373. 12 июня 1928 г. проект постановления обсуждался Комиссией Политбюро. *(Г. Конюхов.* Цит. соч., с. 218). В это же время ЦК потребовал уделять больше внимания существующим совхозам («Известия ЦК ВКП(б)», 14 июля 1928 г., № 21 (242). О постановлении ЦИКа и СНК СССР от 16 марта 1927 г. см. выше, с. 136—137.

47. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. 2, с. 531.

48. «Правда», 23 ноября 1928 г.

49. «VIII съезд профсоюзов СССР. Стеногр. отчет», 1929, с. 294.

50. «Правда», 30 апреля 1929 г. Постановление явилось, по-видимому, результатом работы совещания в отделе ЦК по работе в деревне, состоявшегося в марте 1929 г. («Беднота», 18 мая 1929 г.).

51. «Известия ЦК ВКП(б)», 15 мая 1929 г., № 13 (272).

52. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 183, 337.

53. «Исторические записки», 1955, т. 51, с. 203.

54. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 340, 423, 431—432. 9 марта 1929 г. в «Правде» была напечатана статья, критикующая Зернотрест за излишнюю централизацию. Ответ на эту статью был напечатан там же в номере от 6 апреля 1929 г.

55. «Собрание законов...», 1929, № 30, ст. 275. Сокращение общего количества совхозов с 3125 в 1928 г. до 3042 в 1929 г. свидетельствует о том, что произошло укрупнение (слияние) некоторых старых совхозов. («Сельское хозяйство СССР», 1935, с. 715).

56. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 340, 804, примеч. 220.

57. «Труд в СССР», 1935, с. 257.

58. См. выше, гл. 6.

59. «Собрание законов...», 1929, № 4, ст. 33. О плановых заданиях совхозов см. гл. 28.

60. *М. Богденко.* Цит. соч., с. 54. По-видимому, большинство новых совхозов Зернотреста использовали очень простой севооборот — «пар — пшеница — пар — пшеница», что считалось наиболее эффективной системой земледелия для засушливой зоны («Экономическое обозрение», 1929, № 12, с. 89—90).

61. См.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

62. См. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

63. «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства», ред. *Я. Яковлев,* 1928, с. 334.

64. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 484.

65. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. 2, с. 308. В более поздних изданиях эта резолюция отсутствует.

66. «Материалы по истории СССР», ч. 7, 1959, с. 292—294.

67. *А. Маркевич.* Цит. соч., с. 36—41, 298—301.

68. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 764—766. О высказываниях Калинина по поводу этого договора см.: там же, 291—292. О проекте типового договора, составленного в апреле 1929 г. сахарокомбинатом и совхозом «по агрикультурному и организационному улучшению крестьянского хозяйства», см.: «Материалы по истории СССР», 1959, ч. 7, с. 283—287.

69. «Собрание узаконений...», 1929, № 55, ст. 542. в «Исторических записках», (1952, т. 41, с. 217) приводятся примеры практической помощи и «широкой разъяснительной работы по коллективизации сельского хозяйства», проводимой совхозами ЦЧО в 1929 г. О помощи совхозов Сахаротреста в снабжении крестьян семенами см.: «Экономическое обозрение», 1928, № 7, с. 160.

70. *В. Яковцевский.* Аграрные отношения в СССР, 1964, с. 319.

71. «Материалы по истории СССР», 1959, ч. 7, с. 295. См. «Историю советского крестьянства и колхозного строительства» (1963, с. 197—198) о переоценке размеров помощи, оказываемой совхозами крестьянству.

Глава 8. Механизация сельского хозяйства

1. Обычно в литературе по этому вопросу термины «сельскохозяйственные орудия» и «машины» всегда употребляются вместе. Машины включают в себя такие металлические орудия, как плуги, бороны и т. д., но не включают самодельные сохи. А такие машины, как сеялки, молотилки, жатки и сноповязалки, относятся к категории сложных машин. К концу 1929 г. 45,3% средств производства машинных товариществ составляли простейшие металлические орудия труда — плуги, бороны и т. д. — и 54,7% — сложные машины (*В. Данилов.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР, 1957, с. 203. Эта книга содержит большой объем информации — частично из неопубликованных архивов — по снабжению крестьян сельскохозяйственными машинами). Нечеткость классификации, используемой в то время, вносила путаницу в статистику и затрудняла пользование ею. Тракторы составляли отдельную категорию сельскохозяйственного оборудования и не включались в понятие «сельскохозяйственные машины и орудия». В книге «Сельское хозяйство в СССР, 1935 г.» (1936, с. 198) дается перечень сельскохозяйственных машин и инвентаря.

2. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 196—197.

3. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 118.

4. «Исторический архив», 1967, № 1, с. 40.

5. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 18, с. 8.

6. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Как Рыков, так и Калинин весной 1929 г. вспоминали о том, насколько высоко оценивал Ленин роль электроплуга в сельском хозяйстве («XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 15; «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 15, с. 18; «Исторический архив», 1956, № 4, с. 3—8).

7. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 387. Результаты проведенного в 1926 г. обследования в Орловской губернии показали, что доля железного плуга в земледельческом инвентаре на участках с посевом менее одной десятины составляла 23,6%, а на участках с посевом свыше 16 десятин — 61,8%. В среднем же плуг составлял 38%, а соха — 62% всего инвентаря. («К вопросу о социалистическом переустройстве народного хозяйства», 1927, ред. *Я. Яковлев*, с. 97).

8. «Плановое хозяйство», 1927, № 12, с. 61. О дискуссиях см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

9. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. I, с. 299—300.

10. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1361.

11. «Собрание законов...», 1928, № 41, ст. 374. Это же требование было выдвинуто в окончательном проекте Пятилетнего плана 1929 г. («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. 2, ч. I, с. 293).

12. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 162. Судя по статье в «Большевике», впервые о противопоставлении «ситцевой смычке» «машинной» говорил Троцкий, отсюда следует, что Сталин позаимствовал это противопоставление у него.

13. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5. Рассказывают, что когда середняков спрашивали за кого они — за кулака или Советскую власть, они отвечали: «Не за кулака и не завласть, а за трактор». («Материалы по истории СССР», 1959, т. 7, с. 243). См. также с. 176.

14. «Большевик», 31 июля 1928 г., № 13—14, с. 42, «XIV Всероссийский съезд Советов. Стеногр. отчет», 1929, № 7, с. 4—5; «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 19—20.

15. Цитируется по материалам Наркомзема из архива Троцкого (Т 2240). В некоторых маломощных крестьянских хозяйствах на содержание лошади уходила половина урожая («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. I, с. 278).

16. Там же, т. 2, ч. I, с. 277—278.

17. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5, а также выше, гл. 17.

18. См. табл. 12.

19. Об этом и других решениях см. выше, гл. 16.

20. «Беднота», 25 июня 1927 г.

21. «Торгово-промышленная газета», 27 июля 1927 г.

22. «Беднота», 29 сентября 1927 г.

23. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. 26, с. 246.

24. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», ч. 2, 1962, с. 1196.

25. О свидетельстве немецкого автора по этому вопросу см.: *O. Schiller,* Die Kollektivbewegung in der Sowjetunion (1931), p. 35.

26. «Собрание законов...», 1925, № 32, ст. 222.

27. «Торгово-промышленная газета», 27 июля 1927 г. О нереализованном инвентаре и машинах см.: *В. Яковцевский.* Цит. соч., с. 299—300.

28. «Торгово-промышленная газета», 14 ноября, 7 декабря 1926 г.

29. Там же, 16 сентября, 8, 29 октября 1926 г.

30. «Собрание законов...», 1927, № 7, ст. 75.

31. «Торгово-промышленная газета», 18 сентября, 11 ноября 1926 г.

32. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 299—900.

33. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 415—417. В журнале «На аграрном фронте» приводятся другие цифры: в 1927 г. насчитывалось 26 тыс. машинных товариществ, а в 1928 — 45 тыс. (№ 9, 1928, с. 5). О данных на 1926 г. см. выше, с. 198.

34 . «Собрание узаконений...», 1927, № 62, ст. 429. О комитетах см. выше, с. 142.

35. О постановлении см. выше, гл. 6.

36. «Известия ЦК ВКП(б)», 13 мая 1927 г., № 17—18 (190—191); 30 июля 1927 г., № 29 (203); 28 ноября 1927 г., № 44 (217).

37. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 418.

38. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 377. В «Экономическом обозрении» (1928, № 3, с. 21) приводятся примеры, когда зажиточному крестьянству отдавалось предпочтение в снабжении машинами.

39. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. I, с. 483—484.

40. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 120.

41. «Собрание законов...», 1928, № 23, ст. 206; № 59, ст. 530. «Собрание узаконений...», 1929, № 29, ст. 310; «Собрание законов...», 1929, № 20, ст. 178. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 184.

42. См. данные из ЦГАНХ и ЦГАОР, которые приводит В. Яковцевский в: Цит. соч., с. 234.

43. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 40.

44. «Правда», 20 февраля 1928 г. доклад Сырцова.

45. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 171—172. 17 марта 1928 г. в «Правде» была опубликована телеграмма Орджоникидзе, в которой выдвигалась эта задача. С другой стороны, в «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—

1929 год» (1929, с. 293) Госплан рекомендовал реализацию машин основной массе середняцких хозяйств «с полным учетом их денежных средств и наличных хлебных излишков».

46. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 434. Там же (с. 812, примеч. 269) цитируется приказ Наркомторга от 20 декабря 1928 г., запрещающий подобную практику. О контрактации см. выше, гл. 9.

47. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 184—185. По-видимому, эти цифры не публиковались. Очевидно, именно об этом инциденте говорил с негодованием Сталин в апреле 1929 г. (*И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 103).

48. *В. Данилов.* Цит. соч.,с. 315—316.

49. Архив Троцкого, Т 1230.

50. «Деревенский коммунист», 25 декабря 1928 г., № 24 (96), с. 17. В «Известиях ЦК ВКП(б)» (17 апреля 1928 г., № 12—13 (233—234)) описывалась ликвидация машинных лжетовариществ в Сибири.

51. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 15, с. 30.

52. В «Большевике» (15 августа 1928 г., № 15, с. 31—32) приводится интересная таблица о формах оплаты за аренду сельскохозяйственных машин и оборудования (в процентах):

Арендуемые с.-х. машины	Деньгами	Хлебом	Работой	Проч. и смешанная
Плуг	3,4	16,2	58,5	21,9
Сеялка	3,2	48,6	34,4	13,8
Молотилка	1,4	82,1	10,6	5,9
Веялка	2,1	52,7	32,9	12,3

Об оплате в натуральной форме см. выше, гл. 3.

53. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 182. Об этой резолюции см. «Социализм в одной стране...». т. I, гл. 5.

54. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 227—228.

55. «Экономическое обозрение», 1929, № 12, с. 153. Отчасти бурный рост прокатных пунктов в 1928 г. объяснялся принятием программы, предусматривающей на этот год строительство 1000 прокатных пунктов, 895 из них — в зерновых районах. (*В. Данилов.* Цит. соч., с. 236).

56. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 478.

57. «Собрание законов...», 1928, № 12, ст. 106.

58. «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 23; 1929, № 7, с. 18; 1929, № 8, с. 12. Обследование, проведенное зимой 1928/29 г. показало, что система снабжения машинной техники запасными частями еще не была налажена («Экономическое обозрение», 1929, № 2, с. 16).

59. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 18.

60. «Экономическое обозрение», 1929, № 12, с. 165, 168, 169.

61. «Правда», 12 августа 1926 г. См. также выше, гл. 8.

62. «Собрание законов...», 1926, № 48, ст. 358 и № 77, ст. 633.

63. Цитата из стенограммы совещания, получить которую не удалось, приводится по книге: *В. Данилов.* Цит. соч., с. 303—304. В «Правде» от 11 января 1927 г. было сообщение, что совещание состоится 20 января.

64. «Собрание законов...», 1927, № 11, ст. 118.

65. Там же, № 35, ст. 349; «Собрание узаконений...», 1927, № 115, ст. 768.

66. «4 съезд Советов СССР», 1927, с. 490. В республике был свой тракторный завод (см. гл. 16).

67. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 418; «На аграрном фронте», 1927, № 10, с. 138, и 1928, № 5, с. 110.

68. Там же, 1928, № 3, с. 105, 109. Эти примеры относятся к Ленинградской губернии. Еще в 1929 г. можно было слышать жалобы на то, что машинные товарищества находятся в руках кулаков («Беднота», 19 января 1929 г.).

69. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, 1962, ч. 2, с. 998—999.

70. «Плановое хозяйство», 1927, № 12, с. 62.

71. «Правда», 4 апреля 1928 г.

72. «Собрание законов...», 1928, № 41, ст. 375.

73. О резолюции см. выше, гл. 7.

74. «Правда», 24 мая 1928 г. Данные о парке тракторов и машин в колхозах на 1928 г. приводятся в: «Построение фундамента социалистической экономики в СССР», 1960, с. 293. Количество тракторов в колхозах составляло в этот период 9586, а общее количество — 26 700 (см. ниже, табл. № 10, с. 945). На 1 июня 1929 г. в колхозах насчитывалось уже 13 409 тракторов («Колхозы СССР. Статистический справочник», 1929, с. 43, табл. 18). Сюда не входят тракторные колонны и тракторы, находящиеся в собственности прокатных пунктов, также иногда обслуживающие колхозы. Данные, которые приводит журнал «На аграрном фронте», свидетельствуют о том, что колхозы начали широко использовать тракторы гораздо раньше совхозов, но затем, после 1927 г., последние их намного обогнали (№ 10, 1929, с. 18). Как утверждает источник «Пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства» (1929, ред. *М. Лацис* и *И. Литвинов*, с. 281), вплоть до 1929 г. совхозы, за исключением совхоза им. Шевченко, не имели тракторных колонн, и основная заслуга в том, что они стали развиваться в 1928 г., принадлежит хлебной кооперации, собравшей плохо используемые тракторы у мелких колхозов и создавшей из них тракторные колонны (там, же с. 283). В Казахстане шла острая конкурентная борьба между колхозами и совхозами из-за тракторов, в связи с чем понадобилось вмешательство ЦК ВКП(б), умерившего чрезмерное рвение местных властей, стремящихся отдать все тракторы совхозам (там же, с. 297).

75. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 309.

76. «Исторические записки», т. 51, 1955, с. 201.

77. В. Яковцевский в цит. соч. (с. 32) пишет о том, что в индивидуальных хозяйствах трактор работал в среднем 279 ч в году, а в МТС — 1238 ч.

78. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 229.

79. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 344.

80. Там же, с. 347; «Плановое хозяйство», 1927, № 12, с. 63, 66. Как утверждает П. Лященко в «Истории народного хозяйства СССР» (1956, ч. 3, с. 354), первая тракторная колонна из 12 тракторов была создана земельным обществом под Одессой в 1925 г., а в другом источнике — «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет» (1962, с. 808, примеч. 247) — говорится о том, что эксперимент был начат совхозом им. Шевченко весной 1927 г.

81. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 903—904.

82. *И. Сталин.* Соч., т. 10, с. 309.

83. «КПСС в резолюциях...», 1954, с. 484.

84. *П. Лященко.* Цит. соч., ч. 3, с. 355. «Известия», 18 марта 1928 г. Шлихтер писал о тракторных колоннах совхоза им. Шевченко в «Правде» 9 марта 1928 г.

85. «Большевик», 15 января 1929 г., № 1, с. 48; *В. Данилов.* Цит. соч., с. 357.

86. «На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 72; 1929, № 7, с. 23. Эти 45 тракторных колонн перечислены в: *В. Данилов.* Цит. соч., с. 434—436. Согласно «Экономическому обозрению» (1929, № 6, с. 98), весной 1929 г. насчитывалось 56 тракторных колонн из 1496 тракторов, однако сюда вошли только тракторные колонны Российской Федерации, без учета 14 колонн Украины. См. также «Экономическую жизнь», 27 июня 1929 г.

87. *А. Гайстер.* Достижения и трудности колхозного строительства, 1929, с. 54.

88. «Пути подъема и ...», с. 294.

89. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 291. В тех районах, где еще не было тракторов, по примеру тракторных колонн (в других районах) создавались конные колонны («Известия», 12 марта 1929 г.). Большое распространение в это время, до прихода механизации, получили машинно-тракторные товарищества, создаваемые на основе объединения рабочего скота и инвентаря. Весной 1929 г. насчитывалось 400 таких товариществ, из них 114 в одном Северо-Кавказском крае (*С. Трапезников.* Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, 1959, с. 101) Т. Д. Кэмпбел пишет о машинных станциях на конной тяге, существовавших в 1929—1930 гг. параллельно МТС, использующим обычные машины. (*T. D. Campbell.* Russia: Market er Menace? New York, 1932, с. 72—73).

90. «На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 73.

91. «Беднота», 20 мая 1928 г.

92. «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 38.

93. *А. Ангаров.* Классовая борьба в советской деревне, 1929, с. 25.

94. «Экономическое обозрение», 1929, № 6, с. 99.

95. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 7.

96. «Плановое хозяйство», 1927, № 12, с. 70. Бесспорно и то, что на начальном этапе тракторы очень часто ломались и были менее надежны, чем лошади.

97. «Пути подъема и ...», с. 295.

98. «Большевик», 15 января 1929 г., № 1, с. 50. Кампания сопротивления трактору шла параллельно кампании сопротивления колхозам (см. выше, гл. 6).

99. «На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 70. О появлении этого названия см.: *А. Маркевич.* Цит. соч., с. 17. О Маркевиче см. выше, гл. 6.

100. «Беднота», 20 ноября 1928 г. также писала о создании в деревне под Одессой МТС на 70 тракторов, которая обслуживала 15 земельных обществ и 12 колхозов общей площадью 17 тыс. га. Оплата за обработку земли производилась не в натуральной форме, как в совхозе им. Шевченко, а в денежной. Весной 1929 г., используя опыт совхоза им. Шевченко, были созданы МТС и двумя новыми зерновыми совхозами — украинским совхозом «Титусовка» и северокавказским «Хуторок». («Пути подъема и ...», с. 281).

101. «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», 1929, т. 2, ч. I, с. 277.

102. «На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 71.

103. «Пути подъема и ...», с. 299—300.

104. *А. Маркевич.* Цит. соч., с. 280.

105. Цитируется по журналу «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 34—35. Впоследствии в сопротивлении тракторным колоннам были обвинены «украинские буржуазные националисты», которых считали, что они якобы служат интересам кулачества.

106. «Большевик», 15 января 1929 г., № 1, с. 52; «На аграрном фронте», 1919, № 2, с. 73—78, 95.

107. Там же, 1929, № 4, с. 36.

108. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 306—307. Шлихтер говорил, что такое решение было принято на Пленуме ЦК компартии Украины, состоявшемся незадолго до конференции.

109. Там же, с. 381.

110. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 580.

111. В «Пути подъема и ...» (с. 287) говорится о том, что, согласно директиве ЦК Хлебоцентру, было запрещено перераспределение новых тракторов.

112. См. выше, гл. 11.

113. *А. Маркевич.* Цит. соч., с. 46—47.

114. Там же, с. 48, 287—289.

115. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 7, с. 8.

116. «На аграрном фронте», 1929, № 11—12, с. 146—147.

117. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 404.

118. «На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 73. Оплата за тракторную вспашку производилась в натуральной форме и составляла от 25 до 40% урожая (наивысшая оплата допускалась лишь при обработке больших площадей целинных земель). Этой форме оплаты отдавалось предпочтение на том основании, что она избавляла крестьянина «от излишних сомнений и риска». («Пути подъема и ...», с. 295).

119. «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 39.

120. Только 1,6% всех хозяйств, обслуживаемых тракторами Шевченковской МТС, имели посевную площадь менее 3 га, 86% — более 9 га, а 84,9% составляли колхозы (там же, 1929, № 11—12, с. 144—146).

121. *А. Маркевич.* Цит. соч., с. 63—64, 246.

122. *M. Hindus.* Red Bread, 1931, p. 335. О трудностях с техническим обслуживанием тракторов см.: «На аграрном фронте», 1929, № 11—12, с. 149—150 и «Пути подъема и ...», 1929, с. 98.

123. «На аграрном фронте», 1928, № 5, с. 109—110. В «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1927—1928 год» (1928, с. 140) уже подчеркивалась необходимость организации «государственных мастерских по ремонту с.-х. машин и орудий».

124. «На аграрном фронте», 1927, № 10, с. 138.

125. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 337.

126. *А. Маркевич.* Цит. соч., с. 262—263. В «Пятилетнем плане народнохозяйственного строительства СССР» (1929, т. I, ч. 2, с. 79) отмечалось, что потребность в квалифицированных сельскохозяйственных рабочих составит на пятилетний период 200 тыс. трактористов и 50 тыс. механиков.

127. См. табл. 16.

128. *В. Данилов.* Цит. соч., с. 387. По данным ВСНХ, в 1927/28 г. было произведено 1,2 млн. плугов («Экономическая жизнь», 22 сентября 1928 г.). За период 1928—1929 гг. применение сохи сократилось с 4 581 400 шт. до 4 183 900 шт., а использование плуга за этот же период увеличилось с 13 935 000 шт. до 14 704 300 шт. («Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», 2-е изд., 1931, с. 109).

129. «Социалистическое строительство СССР», 1934, с. 166—167. В журнале «На аграрном фронте» (1929, № 10, с. 16) приводятся несколько иные цифры. Согласно источнику «Вопросы истории КПСС» (1962, № 4, с. 56), в 1929 г. в Российской Федерации насчитывалось 26 940 тракторов, 65% которых были сосредоточены в районе Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья, где размещалась большая часть крупнейших новых совхозов и колхозов.

130. «На аграрном фронте», 1928, № 9, с. 4. О продолжении дискуссии по этому вопросу см. «Плановое хозяйство», 1929, № 2, с. 103.

131. «Большевик», 31 января 1930 г., № 2, с. 34. В «Итогах первого пятилетнего плана» (1933, с. 135) Госплан дает более высокие цифры о количестве машин.

132. «3 сессия ВЦИК 13 созыва. Стеногр. отчет», 1928, № 6, с. 28.

133. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. 2, ч. I, с. 277. Позднее в «Истории советского крестьянства и колхозного строительства СССР» (1963, с. 201—202) отмечалось, что «путь от сохи к трактору» в конце первой пятилетки «был пройден только наполовину».

134. «Большевик», 15 июня 1929 г., № 11, с. 32.

Глава 9. Контрактация

1. Условия контрактации сахарной свеклы определены в постановлении СТО, принятом в 1921 г. («Собрание узаконений...», 1921, № 51, ст. 283).

2. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 60; «Вопросы торговли», 1953, № 4, с. 24.

3. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 41. В 1928 г. было запрещено контрактировать картофель на перегонку спирта в районах выращивания са-

харной свеклы из опасения, что картофель может ее вытеснить (там же, 1929, № 4, с. 17).

4. Более подробно см.: там же, 1927, № 11—12, с. 45—46. Утверждение о том, что в 1928 г. основную массу контрактантов составляли единоличные хозяйства (там же, 1929, с. 29), опровергается другим источником — «Пути подъема и ...», с. 89, который считает, что с единоличными хозяйствами было заключено только 11,1% всех договоров.

5. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1199.

6. «На аграрном фронте», 1929, № 10, с. 31—32.

7. «Беднота», 17 мая 1928 г. «Большевик» писал о том, как проходила контрактация, организованная Хлебоцентром весной — осенью 1928 г., что явилось «первым опытом широкой контрактации зерновых культур» (15 октября 1928 г., № 19, с. 51—61). О том, как этот процесс развивался в дальнейшем, см.: там же (15 января 1929 г., № 1, с. 35). Согласно данным из неопубликованных архивных материалов, в РСФСР на 1 декабря 1928 г. насчитывалось 5008 посевных обществ, 1 апреля 1929 г.—12 452 и 1 июля 1929 г.—19 033 («Построение фундамента социалистической экономики в СССР», 1960, с. 283).

8. См. выше, гл. 3.

9. «Собрание законов...», 1928, № 46, ст. 412. В табл. 11 приводится окончательная цифра на 1927/28 г. — свыше 6 млн. га.

10. «Собрание узаконений...», 1928, № 113, ст. 705. Это постановление получило дальнейшее развитие в другом постановлении, вышедшем два месяца спустя (там же, № 136, ст. 887).

11. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. 2, ч. I, с. 286.

12. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 247.

13. «Исторические записки», 1952, т. 34, с. 14.

14. «На аграрном фронте» (1929, № 7, с. 26—42) приводит весьма подробное описание этих трудностей.

15. «Беднота», 2 апреля 1929 г.

16. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 31—32.

17. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 87, 358.

18. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 29.

19. См. выше, табл. № 11.

20. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 37, где выражается сомнение в эффективности «безавансовой контрактации». Контрактация зерновых увеличилась в 1928/29 г. по сравнению с 1927/28 г. почти в два раза, а объем средств, выделяемых на авансирование — только на 45%. («Пути подъема и ...», с. 115).

21. «Правда», 19 апреля 1929 г.

22. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 38.

23. «Большевик», 15 августа 1929 г., № 15, с. 21.

24. «Экономическое обозрение», 1928, № 5, с. 31—32. См. там же, 1928, № 4, с. 95—96, об инструкции Наркомторга, в основу которой, очевидно, было положено это постановление. При проведении контрактации на Северном Кавказе кулакам выделялся аванс в размере 5 руб. за десятину, середнякам — 8 руб. и беднякам — 12 руб. (натурой, зерном). За полученный аванс кулак должен был вернуть зерном в 4 раза больше полученного, середняк — в 2,5 раза и беднота — в полтора. («XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 360—361).

25. «Пути подъема и ...», с. 95.

26. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 52.

27. См. выше, гл. 5 и 8.

28. «Собрание законов...», 1929, № 3, ст. 29.

29. «Экономическое обозрение», 1929, № 4, с. 143.

30. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962. с. 289.

31. См. об этом выше, гл. 6.

32. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 318, 433—435.

33. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 40—41.

34. В более позднем постановлении, от 7 октября 1929 г., этому вопросу было уделено особое внимание. («Собрание законов...», 1929, № 65, ст. 610).

35. «Экономическое обозрение», 1928, № 4, с. 90—91.

36. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 246.

37. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 59; 1928; № 8, с. 45.

38. «Известия ЦК ВКП(б)», 25 мая 1928 г., № 16—17.

39. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 92.

40. «На аграрном фронте», 1928, № 7, с. 30—31.

41. «Правда», 9 декабря 1928 г.

42. «4 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет (Постановления)», 1928, № 34, с. 52. Об «агроминимуме» см. выше, гл. 11.

43. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 39.

44. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 58.

45. «На аграрном фронте», 1929, № 5, с. 15—16, 19.

Глава 10. Землеустройство

1. На аграрном фронте, 1928, № 2, с. 76.

2. Период, когда «землеустройству приходилось идти нога в ногу с черным переделом», описывается в журнале «На аграрном фронте», 1928, № 2, с. 76; 1928, № 4, с. 6—7. «Но если подойти к результатам землеустройства этой эпохи с точки зрения создания предпосылок для поднятия производительности и реконструкции сельского хозяйства, то результаты будут ничтожны».

3. Условия в разных частях страны были различны. Таблица в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 115, показывает, что в южных и юго-восточных районах только около 20% земельных наделов состояли более чем из 10 полос, а незначительная часть — более чем на 20, но лишь 38% полос находились на расстоянии от 5 до 10 верст, а 37% — на расстоянии свыше 10 верст; в северных и северо-западных районах 52% наделов состояли из 40 полос и лишь незначительное их количество были расположены дальше чем за 3 версты. Зачастую полосы были очень узки; одним из положительных аспектов землеустройства явился переход на систему с более широкими полосами. Более подробно о системе полос см. «Историю СССР», 1958, № 3, с. 103—108.

4. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 10.

5. «Съезды Советов в документах», т. III (1960) с. 84. Ничего не было предпринято, чтобы воплотить это решение о субсидиях и кредитах в жизнь до сентября 1926 г., когда был принят соответствующий закон («Собрание законов...», 1926, № 61, ст. 455).

6. «На аграрном фронте», 1928, № 2, с. 80—81; это заключение частично подтверждается статистическими данными по трем областям, приведенными в «Материалах по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства», 1929, т. V, с. 28—29, которые показывают, что в 1927 г. процентное соотношение хуторов и отрубов на землях, где было осуществлено землеустройство, в два-три раза выше, чем соответствующий процент на всей сельскохозяйственной земле.

7. «Власть Советов», 6 июня, 1927 г., № 23, с. 1—2.

8. «4 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза СССР 4 созыва», 1928, № 13, с. 5, 7.

9. «Власть Советов», 6 июня 1927 г., № 23, с. 2.

10. «На аграрном фронте», 1928, № 2, с. 87—89; Критический анализ его точки зрения см. там же, 1928, № 6—7, с. 1—9. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Бауман жаловался, что агрономы и землеустроители даже в Московской области все еще выступали за создание хуторов и отрубов («Пятнадцатый съезд ВКП (б)», 1962, ч. II, с. 1316). В 1929 г. Хауке, уволенный со своей должности в Москве, опубликовал в журнале Белорусской Сельскохозяйственной академии статью, критикующую коллективизацию («Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, т. I, с. 181—182).

11. «На аграрном фронте», 1929, № 11—12, с. 120.
12. «Беднота», 6 ноября 1927 г.
13. «СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 426; годом позже Милютин подтвердил эту оценку («3 сессия ЦИК Союза ССР 4 созыва», 1928, с. 756).
14. «Съезды Советов в документах», т. III, 1960, с. 129—130.
15. «На аграрном фронте», 1929, № 2, с. 84. В начале 1929 г. один из докладчиков в Коммунистической академии выразил сожаление, что из 17 млн. га, подвергшихся землеустройству в РСФСР, лишь на 13 млн. было рекомендовано внедрить систему севооборота (*А. Тайстер.* Достижения и трудности колхозного строительства, 1929, с. 64), что свидетельствует о том, что введение этой системы стало признанной функцией землеустройства.
16. «Пути подъема и ...», с. 259.
17. «2 сессия Центрального Исполнительного комитета Союза ССР 4 созыва. Постановления» (б. д. 1927, с. 15). Указанный Манифест см. выше, с. 33.
18. «Правда», 26 ноября 1927 г., Дискуссионный листок, № 7, 30 ноября 1927 г. Дискуссионный листок, № 9.
19. «XV съезд ВКП (б), ч. II (1962), с. 1187, 1245; сообщается, что к 1927 г. процесс землеустройства был «пассивным», то есть он не поддерживал коллективных форм сельского хозяйства («Экономическое обозрение», 1929, № 4, с. 153). В Центральной Черноземной области в 1928 г. бедняцкие крестьянские слои еще должны были платить за землеустройство своих наделов, поскольку соответствующие кредиты не предоставлялись («III сессия Всероссийского Центрального Исполнительского Комитета XIII созыва», 1928, № 2, с. 13).
20. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 461, 485.
21. «На аграрном фронте», 1928, № 6—7, с. 6, 8. В 1929 г. один из представителей Госплана определил функцию землеустройства как «приспособление земельной территории к новым формам хозяйства» (там же № 10, 1929, с. 25).
22. «Экономическое обозрение», 1929, № 6, с. 15.
23. «Беднота», 1 апреля 1928 г.
24. Там же, 6 апреля 1928 г.
25. «На аграрном фронте», 1929, № 8, с. 109—110.
26. «Беднота», 26 июня 1928 г.
27. Там же. 19 сентября 1928 г. Предлагалось использовать аэрофотосъемку для ускорения работы («На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 31).
28. «История советского крестьянства и колхозного строительства СССР», 1963, с. 128—129. Цитата из неопубликованного архива; согласно «Истории СССР», 1958, № 3, с. 121, образование хуторов и отрубов в 1928 г. уменьшилось в РСФСР до мизерных размеров, а в степных районах Украины было запрещено совсем. В докладе Московскому областному комитету партии указывалось наличие крестьянской оппозиции образованию отрубов, «помогавших подъему кулачества» (Архив Троцкого, Т 2341).
29. Эти два термина часто были взаимозаменяемы. Под «выселком» понималось отделение, в то время как понятие «поселок» широко применялось для обозначения любого поселения. Поселки определялись как «населенные пункты городского типа, но по размерам территории и составу населения отличающиеся от них»; упоминаются поселки шахтеров, железнодорожников и «рабочей мелкой буржуазии» (то есть ремесленников и кустарей), дачные поселки «для оздоровительных целей или летнего отдыха», а также крестьянские поселки («Советское строительство», № 3—4, ноябрь — декабрь 1926 г., с. 126, 168—169). Практически даже «мир» мог считаться поселком («IV сессия Центрального Исполнительного комитета Союза ССР 4 созыва», 1928, № 15, с. 2).
30. «КПСС в резолюциях...» 1954, ч. II, с. 485; разделение крупных земельных общин, особенно в Центральной Черноземной области, на поселки в 20—30 хозяйств рекомендовалось в докладе съезду. (*Я. Яковлев.* К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, 1928, с. 88).
31. «Деревенский коммунист», № 21, 3 ноября 1928 г., с. 42; процедура описывается в «Истории СССР», № 3, 1958, с. 112—113.
32. «III сессия Всесоюзного Центрального Исполнительского Комитета XIII созыва», 1928, № 2, с. 13.

33. Там же, № 2, с. 13.

34. «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 21—22.

35. Там же, № 7, 1929, с. 138—143; рецензируется работа, опубликованная Минским аграрным институтом, защищающая поселки как «прогрессивный феномен». Дальнейшая критика содержится в трудах «Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, с. 176. Для читателя может быть интересным узнать, что «мир» можно было редко встретить в Белоруссии (см. выше, с. 120).

36. «На аграрном фронте», 1929, № 10, с. 25.

37. «IV сессия Центрального Исполнительского Комитета Союза ССР 4 созыва», 1928, № 12, с. 6, 15—16.

38. Там же, № 16, с. 2; № 17, с. 30.

39. Общие принципы см. выше, гл. 4. Проект пересмотренного Земельного кодекса РСФСР, подготовленный весной 1929 г. (см. выше, с. 108), был более точен и определял цели землеустройства как «создание условий и предпосылок такой организации сельского хозяйства, которая будет способствовать расширенному воспроизводству социалистических форм агрикультуры и ведения сельского хозяйства» («Экономическое обозрение», 1929, № 6, с. 16).

40. «Беднота», 22 ноября 1928 г.

41. *А. Гайстер.* Достижения и трудности колхозного строительства, 1929, с. 38, 104.

42. Там же, с. 65; тот же оратор выразил сожаление, что процесс землеустройства все еще сосредоточивался главным образом на «создании небольших наделов и поселений».

43. «Съезды Советов в документах», 1960, с. 166.

44. «Экономическое обозрение», 1929, № 6, с. 21; та же цифра была приведена Яковлевым на XV партийном съезде в декабре 1927 г. («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. II, 1962, с. 1362).

Глава 11. Накануне «Великого перелома»

1. «Правда», 28 октября 1928 г. По другим оценкам, эти потребности составляли 550 млн. пудов, см. об этом выше, гл. 3. Сталин в апреле 1929 г. называл цифру в 500 млн. пудов, см. выше, гл. 11.

2. *Г. Кржижановский и др.* Основные проблемы Контрольных цифр народного хозяйства на 1928—1929 год, 1929, с. 97—98.

3. Этот неопубликованный документ был упомянут в докладе Кржижановского ЦК партии в ноябре 1928 г. (*Г. Кржижановский и др.* Цит. соч., 1929, с. 23—25).

4. Там же, с. 23—24.

5. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 529.

6. «4 сессия ЦИК СССР 4 созыва», 1928, № 34 (Постановления), с. 48—57.

7. «Съезды Советов в документах», 1960, ч. 3, с. 127.

8. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1359. На сессии ЦИКа СССР год спустя демонстрировался ряд диаграмм, свидетельствующих об отставании Советского Союза от европейских и других стран как в области урожайности, так и в использовании минеральных удобрений и сельскохозяйственных машин («4 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, № 28, с. 1—43; № 29, с. 3—28). См. также «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 356—357. Подобные сравнения были весьма популярны в то время. Согласно данным Международного аграрного института в Риме, урожай зерновых в СССР в 1928 г. (7,7 центнера с гектара) равнялся приблизительно урожайности в Испании, в то время как во Франции он составлял 14,7 центнера, в Германии — 22,3 и Нидерландах — 33,3. Урожайность ржи в СССР составляла 7,5 центнера с гектара (в 1927 г.—8,6) и являлась самой низкой в Европе, за исключением Испании и Португалии (не являвшихся основными производителями ржи), в то время как в Германии она составляла 18,4 центнера с гектара, а в Бельгии — 25,4. («Международный сельскохозяйственный статистический ежегодник», Рим, 1929, с. 122—123, 126—127).

9. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 437, 460, 472.

10. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 987.

11. «Экономическая жизнь», 3 июля 1928 г.

12. Шлихтер заявил о том, что, в то время как в Бельгии в 1913 г. использовалось 476,3 кг удобрений на гектар, на Украине использовалось лишь 4 кг («Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, ч. I, с. 77).

13. См. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 21.

14. «Вопросы истории», 1965, № 6, с. 46 (цитата из неопубликованных архивов).

15. *Г. Кржижановский и др.* Цит. соч., с. 93. По оценкам «Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», производство минеральных удобрений в 1927/28 г. в ценах этого года составляло 9,2 млн. руб., а планируемое на 1928/29 г. должно было составить 13 млн. руб.

16. *М. Вольф.* Пути реконструкции сельского хозяйства, 1929, изд. 4, с. 45.

17. См. выше, гл. 6.

18. «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», 1929, т. I, с. 84.

19. «Плановое хозяйство», 1927, № 8, с. 87.

20. Там же, 1928, № 1, с. 41. Об Огановском см. выше, гл. 1.

21. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, ч. I, с. 85; т. 2, ч. I, с. 297—298. О двух вариантах плана см. выше, гл. 11.

22. «Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», 1930, с. I, с. 336.

23. «Плановое хозяйство», 1929, № 1, с. 99. О Сабсовиче см. выше, гл. 12.

24. «Экономическая жизнь», 3 июля 1928 г. Письмо Сталина товарищу С. (см. выше, гл. 3) было также опубликовано в этом номере.

25. «Правда», 11 октября 1928 г.

26. «Большевик», 15 октября 1928 г., № 19, с. 4—5.

27. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. 2, с. 307. В более поздних изданиях резолюция отсутствует.

28. Об указанной резолюции см. выше, гл. 11. «Беднота» от 22 декабря 1928 г. подчеркивала важность этой резолюции для возложения ответственности на низовые Советы, включая сельские, за улучшение агрикультурной технологии и повышение урожайности продукции, аналогичное постановление СНК РСФСР было издано 20 декабря 1928 г. («Собрание узаконений...», 1928, № 4, ст. 50).

29. «Известия ЦК ВКП(б)», 16 января 1929 г., № 1 (260).

30. «Собрание законов...», 1929, № 4, ст. 33; «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 3—5. Резолюцию Пленума ЦК партии см. выше, с. 238. СНК Украины издал постановление, призывающее к 6—7%-ному увеличению урожая («Правда», 12 января 1929 г.).

31. «Беднота», 31 марта 1929 г.

32. «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 29—30. «Беднота» писала об одной из таких кампаний в статье под заголовком «Много шума, мало дела». («Беднота», 22 февраля 1929 г.). Сообщения о многочисленных «производственных совещаниях» приводятся по материалам из неопубликованных архивов, см. «Исторические записки», т. 39, 1952, с. 11—12.

33. «Беднота» от 31 марта 1929 г. Сообщалось, что уже в следующем месяце агроминимум был введен в 108 238 деревнях («XIV Всероссийский съезд Советов», 1929, № 7, с. 8).

34. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. I, с. 79.

35. *Н. Бухарин.* Экономика переходного периода, 1920, т. I, с. 105.

36. *L. Trotsky.* The Real Situation in Russia.

37. О меморандуме Смилги (октябрь 1928 г.) см. выше, гл. 3.

38. *Я. Яковлев.* К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, 1928, с. XVIII—XIX.

39. См. выше, гл. 5.

40. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 276—277. См. данные, которые приводил Сталин выше, гл. 3.

41. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

42. См. выше, гл. 2.

43. О контртезисах см. выше, гл. 2.

44. «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», 1929, т. 2, ч. I, с. 270—272.

45. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 289.

46. «Плановое хозяйство», 1929, № 8, с. 9.

47. «Правда», 20 января 1929 г.

48. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, с. 58.

49. «Правда», 24 января 1929 год, через несколько дней речь была издана отдельной брошюрой под заголовком «Политическое завещание Ленина».

50. «XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1930, с. 201.

51. «КПСС в резолюциях...», 1954, с. 556—567; сама резолюция и события, предшествующие ей, будут рассматриваться в следующем томе. О беседе Каменева и Бухарина см. выше, гл. 3.

52. Ход конференции освещался в «Правде», 23, 26, 2 февраля и 1, 2, 7 марта 1929 г. Об аналогичной партийной конференции в Ленинграде, состоявшейся несколько дней спустя, на которой выступал Ворошилов, см. выше, гл. 11.

53. Тезисы не были опубликованы и могут быть приблизительно воспроизведены по краткому пересказу их содержания в стенографическом отчете XVI партийной конференции (1962, с. XIII), а также по работе Сталина, в которой он цитирует оотрывки из них (*И. Сталин,* Соч., т. 12, с. 79—82). О предложениях Рыкова по двухлетнему плану, выдвинутых им на заседании СНК и СТО, см. ниже, с. 889. Сообщалось, что Рыков, выступая на Московском губернском съезде Советов, говорил о «чрезвычайных трудностях» и «кризисных явлениях» («Правда», 14 апреля 1929 г.; «Экономическая жизнь», 13 апреля 1929 г.).

54. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, с. 74. Источник информации — неопубликованные партийные архивные документы.

55. Выдержки из выступлений Троцкого и Бухарина см. в стенографическом отчете XVI партийной конференции (1962, с. 803, примеч. 215, 806) и в журнале «Большевик», 30 ноября 1929 г. № 22, с. 6. «О смычке по металлу» см. выше, гл. 8.

56. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 780, примеч. 56. Первоначально Рыков предлагал закупить за границей 80—100 млн. пудов зерна, но потом снизил эту цифру до 50 млн. (*И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 92).

57. Это обвинение, хотя и выраженное в грубой форме, имело под собой основание. Однако необходимо также вспомнить, что Сталин, выступая 9 июня 1925 г. перед студентами университета им. Свердлова, в самый разгар бухаринской кампании, заявил: «...мы здесь также не заинтересованы в разжигании классовой борьбы» (*И. Сталин.* Соч., т. 7, с. 179). Сталину, очевидно, напомнили о том, что в его высказываниях на Пленуме ЦК в июле 1928 г. есть противоречия; тогда он вновь повторил: «...нашу политику никак нельзя считать политикой разжигания классовой борьбы», однако при этом добавил, что это вовсе не означает отказ от классовой борьбы или то, что она не будет обостряться (там же, т. 11, с. 170).

58. О значении этих различных подходов см.: «Социализм в одной стране», т. I, гл. 3.

59. *И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 1—107. О взглядах Бухарина и Рыкова на сельское хозяйство см. там же, т. 12, с. 28—56, 79—95. Это была первая полная публикация его речи; в сокращенном виде она была опубликована в журнале «Большевик» 31 декабря 1929 г., № 23—24, с. 15—49, в дни, когда было принято решение о сплошной коллективизации.

60. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 549—556, политические аспекты этой резолюции будут рассматриваться в следующем томе.

61. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 17—21.

62. Там же, с. 33 О «стихийности» также см. выше, гл. 2 и 11.
63. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 69.
64. Там же, с. 276—285.

65. Там же, с. 341—351, 804, примеч. 201. Один из них был Вавилов, впоследствии известный ученый-генетик. Калинин возмущался на конференции тем, что в ведении ВСНХ имелось целых 36 научно-исследовательских институтов, занимающихся проблемами промышленности, а по проблемам сельского хозяйства никаких научных исследований не производилось (там же, с. 298).
66. См. выше, гл. 6.
67. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 575—589.
68. «XIV Всероссийский съезд Советов. Стеногр. отчет», 1929, № 1, с. 11, 13.
69. Там же, № 7, с. 4, 14.
70. «Съезды Советов в документах», т. 4, 1962, с. 119, 135—156.
71. См. выше, гл. 37.
72. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 2, с. 1—2, 16, 18; № 7, с. 3—4.

73. Там же, № 15, с. 28; № 19, с. 4, 6. В тезисах Калинина по сельскому хозяйству, принятых XV партийной конференцией, отмечалась «...тяга к коллективному хозяйству... середняков, объединяющихся в коллективные хозяйства со своим инвентарем и скотом» («КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 586). О скептическом отношении крестьян к обобществлению скота писал журнал «На аграрном фронте», 1929, № 11—12, с. 154—155.
74. «Съезды Советов в документах», ч. 3, 1960, с. 162—164.
75. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 3, с. 6.
76. Как сообщалось, в некоторых районах Сибири кулаки предпочитали уничтожить хлеб, чем сдавать его заготовительным органам («XVI конференция ВКП(б), Стеногр. отчет», 1962, с. 322). В Воронежской губернии были найдены большие запасы кулацкого хлеба, хранящиеся под землей («Правда», 5 июня 1929 г.). В одной из деревень Центрально-Черноземной области были обнаружены 5 т зерна, спрятанных под кучей навоза, в другой — 11 т, спрятанных между двойными стенами (там же, 26 июня 1929 г.).
77. *И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 15.
78. «XVI конференция ВКП(б) Стеногр. отчет», 1962, с. 320—323.
79. *И. Сталин.* Соч. т. 12, с. 88—89.
80. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 400—401.
81. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 576—577.
82. *М. Вольф.* Пути реконструкции сельского хозяйства, 4 изд., 1929, с. 111.
83. «На аграрном фронте», 1928, № 12, с. 4.
84. «Деревенский коммунист», 1928, № 12, с. 4.
85. «На аграрном фронте», 1928, № 1, с. 93.
86. «Известия», 8 декабря 1928 г. Об этом говорил Калинин несколько дней спустя на сессии ЦИКа («IV сессия ЦИК 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, № 24, с. 13).
87. «Исторические записки», т. 51, 1955, с. 222.
88. «Правда», 15 января 1929 г.
89. Там же, 26 января 1929 г.; «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 7. Об отношении к кулакам бедняков и батраков см. выше, гл. 4.
90. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 16, с. 4.
91. «Вестник финансов», 1927, № 9, с. 34.
92. *А. Ангаров.* «Классовая борьба в советской деревне», 1929, с. 38—39.
93. «Плановое хозяйство», 1928, № 2, с. 44.

94. «Экономическое обозрение», 1929, № 1, с. 140. Местная печать писала о том, что кулаки призывали крестьян «сократить посевы» и «сеять только для себя» (*А. Ангаров.* Цит. соч., с. 38—39). Сталин в апреле 1929 г. отмечал, что «кулаки сокращают посевные площади», и иронически добавил: «... в этом, пожалуй, «виновата» политика партии...» (*И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 84).
95. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 7—9.
96. Там же, 1929, № 4.

97. Там же, 1929, № 7, с. 3—6. О 7%-ном расширении посевных площадей см. выше, гл. 11.

98. «Большевик», 15 августа 1929 г., № 15, с. 20. О заявлении Калинина см. выше, с. 71. Как сообщалось, хозяйства, владевшие тремя и более единицами рабочего скота, сократили в 1929 г. свои посевные площади на 5,5%, количество рабочего скота — на 11 и постоянно используемую рабочую силу — на 12,0%. С другой стороны, крестьяне, не имевшие рабочего скота, расширили свои посевные площади на 9,4%, а крестьяне, имевшие одну единицу рабочего скота, — на 3,5%. Из всех крестьян, расширивших посевные площади в 1929 г., 48,7% были безлошадные («Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», т. I, 1930, с. 298—300).

99. «На аграрном фронте», 1929, № 8, с. 11.

100. *И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 89. Несколько недель спустя эту мысль повторил Микоян: «Самотек в хлебозаготовках должен быть исключен» («Большевик», 15 августа 1929 г., № 15, с. 22).

101. См.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

102. О деятельности рабочих бригад и шефских организаций в Ленинграде см.: «Вопросы истории КПСС», № 5, 1964, с. 102—104.

103. «Известия ЦК ВКП(б)», 22 ноября 1928 г., № 34 (255). Там же см. статью о недостатках в работе шефских организаций (31 декабря 1928 г., № 37—38 (258—259)).

104. «Правда», 7 декабря 1928 г. В ходе предвыборной кампании, которая будет рассматриваться в следующем томе, выдвигались требования повысить производительность труда в сельском хозяйстве и дать отпор наступлению кулачества (там же, 1 января 1929 г.).

105. Там же, 12 февраля 1929 г.

106. 31 января 1929 г.

107. См. например там же, 28 февраля 1929 г. (Было отправлено 35 рабочих бригад из Ленинграда, 65 из Луганска и 85 из Днепропетровска); там же, 4 апреля 1929 г. (бригады из Москвы и Самары); 22 июня 1929 г. (в апреле и мае Московский союз потребительской кооперации отправил 30 бригад). О партийно-комсомольских отраслях рабочих см.: *Г. Конюхов.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями, 1960, с. 191—199; о профсоюзных отрядах см.: Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР, 1956, с. 405—406 — отправка отрядов рабочих текстильной промышленности, с. 416—420 — рабочих-железнодорожников, с. 423—424 — металлургов, с. 425 — 430 — отрядов ЦК профсоюзов.

108. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 589.

109. «Известия ЦК ВКП(б)», 29 июня 1929 г., № 17—18.

110. *И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 128.

111. «На аграрном фронте», 1929, № 7, с. 11—12. О соревновании между сельскохозяйственными рабочими см. «Исторические записки», т. 41, 1952, с. 232—233, а примеры сегодняшнего дня — в «Материалах по истории СССР», т. 7, 1959, с. 264—266, где также говорилось о том, что часто социалистическое соревнование «сводилось к простому подписанию договора, а принятые обязательства не выполнялись» (там же, т. 7, с. 269). В мае 1929 г. ЦК принял постановление о распространении принципов социалистического соревнования на совхозы, колхозы и кооперативы («Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам», 1957, т. 2, с. 57—61). О социалистическом соревновании в промышленности см. выше, гл. 18.

112. *И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 179. Еще в апреле 1929 г., выступая на XVI партийной конференции, Каминский назвал прошедший год «переломным годом в колхозном движении» («XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 391). Знаменитый сталинский манифест «Год великого перелома» был опубликован накануне 12-й годовщины Октябрьской революции (ноябрь 1929 г.).

113. В своей речи 10 июля 1929 г. Молотов усиленно старался подчеркнуть разницу между лозунгом партии «наступления на кулачество» и троцкистской позицией — «паникерство перед лицом кулака» («Правда», 20 июля 1929 г.).

114. «Экономическое обозрение», 1929, № 3, с. 45.

115. Энгельс писал: «...обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели» (*Маркс и Энгельс.* Сочинения, т. 22, изд. 2-е, с. 518, 523). Накануне Октябрьской революции Ленин цитировал первый из этих абзацев: «Энгельс подчеркивал, что социалисты в мыслях не имеют экспроприировать мелких крестьян, что лишь силой примера будут выясняться ими преимущества машинного социалистического земледелия» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 115). В своей статье от 20 января 1929 г. (см. выше, гл. 11) Крупская вспоминала, что Ленин любил цитировать это высказывание Энгельса. В ноябре 1918 г., всего лишь год спустя после революции, когда разразился жестокий хлебозаготовительный кризис, Ленин приводил эти высказывания полностью и добавлял: «В отношении к среднему крестьянину мы говорим: никоим образом никакого насилия. В отношении к крупному крестьянину мы говорим: наш лозунг — их подчинение хлебной монополии; борьба с ними, когда нарушена хлебная монополия, когда они прячут хлеб» (т. 37, с. 209). В марте 1919 г., на XIII съезде РКП(б) Ленин вспомнил, что несколькими месяцами раньше он «... выражал даже уверенность, что, быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления и по отношению к крупному крестьянству. В России это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике. Но сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно» (там же, т. 38, с. 145—146). Далее это положение развивалось в резолюции съезда, составленной Лениным: «... поощряя товарищества всякого рода, а равно сельскохозяйственные коммуны средних крестьян, представители Советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых... Те представители Советской власти, которые позволяют себе употреблять не только прямое, но хотя бы и косвенное принуждение, в целях присоединения крестьян к коммунам, должны подвергаться строжайшей ответственности и отстранению от работы в деревне». («КПСС в резолюциях...», 1954, ч. I, с. 448); О выводах этого съезда см. «Большевистская революция», т. 2, гл. 17. Год спустя Ленин вновь предостерегал: «Переход к коллективному земледелию пролетарская государственная власть должна осуществлять лишь с громадной осторожностью и постепенностью, силой примера, без всякого нажима над средним крестьянством». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 174). Говоря о сроках такого перехода, Ленин не был излишне самонадеян: «...дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений». И далее: «Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия... Такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее, чем десятилетиями» (там же, т. 43, с. 60—61). Сталин впоследствии объяснял эту «... с первого взгляда преувеличенную осмотрительность Энгельса» тем, что Энгельс «исходил из наличия частной собственности на землю» (*И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 152—153). Однако он не стал приводить высказывания Ленина.

116. Доклад от 5 апреля 1923 г., выдержки из которого приводятся в меморандуме от октября 1926 г. (Архив Троцкого, Т 3013).

117. См. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 22.

118. «XVII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1934, с. 238.

119. *Л. Крицман.* Классовое расслоение деревни, 1926, с. 12. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 475—476. О выступлениях на съезде по этому вопросу Сталина и Молотова, см. выше, гл. 2.

120. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», 1928, с. 30.

121. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 123. О более ранних высказываниях Сталина о том, что индивидуальные крестьянские хозяйства все еще сохраняют свое значение, см. выше, гл. 3.

123. Цитируется по: *В. Яковцевский.* Аграрные отношения в СССР, 1964, с. 170. О съезде и докладе на нем Калинина см. выше, гл. 6.

124. «Правда» 3 июля 1928 г. Те же прогнозы (о том, что около 1300 тыс. хозяйств будут объединены в 60 тыс. колхозов) были высказаны на совместном совещании Колхозцентра и Союза сельскохозяйственной кооперации, но были отвергнуты как нереальные («Беднота», 23 июня 1928 г.).

125. «Правда», 2 ноября 1928 г.

126. *А. Маркевич.* Цит. соч., с. 60.

127. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. 1, с. 59, 63; т. 2, ч. I, с. 285. Более подробно см. там же, т. 2, ч. 1, с. 299, 337.

128. Там же, т. 2, ч. 1, с. 329.

129. «Плановое хозяйство», 1929, № 3, с. 36.

130. «Правда», 2 июня 1929 г.

131. «Правда», 16 июня 1929 г.

132. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 308—309.

133. «Правда», 13 июня 1929 г.

134. См. выше, гл. 3.

Глава 12. Развитие индустриализации

1. О терминах «крупная» и «мелкая» промышленность см. ниже, с. 934.

2. См. табл. 12.

3. Об этих категориях см. там же.

4. «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. 1960, с. 198.

5. О восстановлении черной металлургии и сталелитейной промышленности см.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6; отставание и восстановление объясняется частично закрытием заводов в первые годы НЭПа.

6. См. ниже, табл. 16; значительное отставание в производстве чугуна частично объяснялось наличием металлолома, скопившегося, по определению одного журналиста, на «огромных кладбищах металла, существовавших в первые послевоенные годы в армии и на транспорте» («Металл», № 12, 1928, с. 44).

7. *Ф. Дзержинский.* Избранные сочинения, т. II, 1957, с. 185.

8. Общие капиталовложения в транспорт и связь в 1925—1926 гг. составляли менее двух третей капиталовложений в цензовую промышленность; в 1903—1913 гг. капиталовложения только в железнодорожный транспорт почти равнялись капиталовложениям в цензовую промышленность («Народное хозяйство СССР», 1932 г. с XXX—XXXI; *С. Струмилин.* Статистико-экономические очерки, 1958, с. 623).

9. См. выше, гл. 16.

10. «Большевик» № 4, 15 февраля 1927 г., с. 31.

11. В 1924—1925 гг. машиностроение потребляло 31% чугуна, а в 1925—1926 гг.—50% («Торгово-промышленная газета», 2 июля 1926 г.).

12. О развитии производства самолетов, тракторов и сельскохозяйственных машин см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

13. Об этих сдвигах в машиностроении см. выше, гл. 16.

14. См. обсуждение в «Торгово-промышленной газете» 13, 14, 19 октября, 13 ноября, 14 декабря 1926 г.

15. Обзор технических условий в основных отраслях промышленности см.: «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.» 1959, с. 84—190.

16. *И. Сталин.* Соч., т. 7, с. 315.

17. «Экономическое обозрение», № 10, 1929, с. 134.

18. Анализ влияния поставки материалов, спроса и имеющихся производственных мощностей на производство в различных отраслях промышленности

см.: «Перспективы промышленности на 1925—1926 гг. Операционный год», 1925, с. 28—50.

19. Основные подсчеты можно найти в: *С. Струмилин.* Очерки советской экономики, 1928, с. 65 81; «Вестник финансов», № 3, 1927, с. 9—20; «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», под ред. *А. Соколова,* 1928, с. 30—31; комментарии на подсчеты Струмилина см.: «Баланс народного хозяйства СССР 1923—24 года» («Труды Центрального Статистического управления, XXIX, 1926», с. 89—99. Подобные оценки являются всегда предварительными: затруднительно давать сравнительную характеристику довоенного и послевоенного уровней промышленности, определять рубежи и сглаживать изменения цен, и, главное, делать поправки на обесценивание.

20. Эти цифры см.: «Торгово-промышленная газета», 27 октября 1926 г.; нижнюю цифру см. выше, гл. 12.

21. «СССР: год работы правительства. Материалы к отчету за 1925—26 бюджетный год», 1927, кол. 200.

22. *И. Сталин.* Соч., т. 7, с. 315.

23. См. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 6 и 10.

24. *Е. Бурджалов,* СССР в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.), 1940, с. 35.

25. Необходимость сдерживать темпы индустриализации с тем, чтобы не разрушить смычку с деревней, подчеркивалась даже в журнале советских директоров («Предприятие», № 1, 1926, с. 6).

26. *Ф. Дзержинский.* Избранные произведения, т. II, 1957, с. 237.

27. Там же, с. 259—269; см. также: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 10.

28. «Торгово-промышленная газета», 8 июля 1926 г.

29. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», 1926, с. 231—232; см. также гл. 37.

30. «Торгово-промышленная газета», 30 апреля 1926 г.; более подробно см. ниже, с. 825.

31. Нижеприведенная таблица (в млн. руб. по текущим ценам) суммирует различные предложения о капиталовложениях в планируемую ВСНХ промышленность в 1926—1927 гг.:

Действительные положения в 1925—1926 гг.	— 811
Предложения ОСВОК на 1925—1926 гг. — начало 1926 г.	— 1549
Отдел промышленности Госплана (при обсуждении Пятилетнего плана) начало 1926 г.	— 1200
Госплан (проект Пятилетнего плана), март 1926 г.	— 900
Госплан (предварительные директивы), май — июнь 1926 г.	— 800
Госплан Украины, июль 1926 г.	— 900
ВСНХ (комиссия Штерна), 19 июля 1926 г.	— 916
Госплан (контрольные цифры), август 1926 г.	— 845
Наркомфин, август 1926 г.	— 700
Совнарком, 28 сентября 1926 г.	— минимум 900 (частично резервом)
XV съезд партии, октябрь 1926 г.	— 900
ВСНХ, декабрь 1926 г.	— 947
Отдел промышленности Госплана, январь 1927 г.	— 925
ЦК партии и Совнарком, февраль 1927 г.	— 947 (с частичным резервом)
Окончательные ассигнования, август 1927 г.	— 991
Действительные капиталовложения в 1926—1927 г.	— 1068

Аналогичные таблицы на 1927—1928 гг. и на 1928—1929 гг. см. выше, гл. 12; о термине «планируемая ВСНХ промышленность» см. Приложение Д. Эти данные относятся к общим капиталовложениям, включая затраты на капитальный ремонт.

32. О конференции и резолюции см.: «Торгово-промышленная газета», 21, 22, 23, 28 мая 1926 г.; «Экономическая жизнь», 21, 23 мая 1926 г., см. также ниже, с. 811. Приведенные здесь и далее в этом томе данные о промышленном производстве и капиталовложениях относятся к планируемой ВСНХ цензовой промышленности, если не указано другое.

33. См. выше, гл. 1 и 34.

34. См., например, ретроспективный комментарий Юровского в «Вестнике финансов», 1926, № 12, с. 6.

35. «Хозяйство Украины», 1926, № 7, с. 17.

36. «Торгово-промышленная газета», 4 июня 1926 г.; о назначении Пятакова и Штерна см. там же, 30 апреля 1926 г. Штерн, бывший сотрудник Наркомфина, являлся начальником финансового отдела ВСНХ.

37. Там же, 20 июля 1926 г.

38. Об этом пленуме ЦК и «Декларации 13» см. выше, гл. 1.

39. Речи Каменева и Пятакова отсутствуют. Ссылки на них делаются в речи Рыкова 11 августа 1927 г. («Правда», 17 августа 1927 г.); речь Дзержинского 20 июля 1926 г. (там же, 1 августа 1926 г.); «Большевик», 30 ноября 1926 г., № 21—22, с. 17; там же, 15 апреля 1927 г., № 7—8, с. 48. О предложениях Пятакова по оптовым ценам см. выше, гл. 26.

40. Неясно, когда выступал Пятаков на Пленуме ЦК — до или после заседания Президиума ВСНХ. Хотя он и был зарегистрирован в качестве участника этого заседания ВСНХ («Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926 гг.», № 10, с. 320), его имя не фигурировало в отчетах прессы; на следующий день Дзержинский жаловался в Центральном Комитете, что «Пятаков оставил место в президиуме, когда началось обсуждение контрольных цифр» («Правда», 1 августа 1926 г.).

41. «Торгово-промышленная газета», 20 июля 1926 г. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926 г.», № 10, с. 320).

42. «Правда», 1 августа 1926 г.

43. «Торгово-промышленная газета», 21 июля 1926 г.; Менжинский в «Правде», 20 июля 1927 г.

44. «Торгово-промышленная газета», 29 июля 1926 г.

45. «Правда», 6 августа 1926 г.

46. Об этой директиве см. гл. 30.

47. См. выше, гл. 13 и 19.

48. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 28, 336.

49. О заседании сообщалось в «Правде» 3 сентября 1926 г.; «Торгово-промышленная газета», 2 сентября 1926 г.; О Кузнецове и Спунде см. гл. 29 и 3.

50. «Торгово-промышленная газета», 26 августа 1926 г.

51. «Информационный бюллетень Госплана СССР», 1926, № 9, с. 24.

52. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР», 1925—1926, № 11, с. 361; «Торгово-промышленная газета», 29 августа 1926 г. Статья о детальных разногласиях ВСНХ и Госплана опубликована там же, 14 сентября 1926 г.

53. О Рудзутаке см. выше, гл. 3.

54. «Правда», 21 сентября 1926 г.; о резолюции см. также гл. 31.

55. «Торгово-промышленная газета», 1, 3 октября 1926 г.

56. Остающиеся разногласия рассматривались на двух совместных заседаниях ВСНХ и Госплана в октябре (там же, 14, 23 октября 1926 г.). Было достигнуто соглашение, что 30 млн. из 900 млн. руб. будут зарезервированы и включены в планы каких-либо определенных отраслей, а еще 70 млн. руб., хотя и включены в планы развития отраслей промышленности, будут рассматриваться как приоритеты второй очереди и не будут расходоваться до тех пор, пока не появится уверенность в том, что все ресурсы, необходимые для пер-

воочередных нужд, фактически использованы («Правда», 17 декабря 1926 г.).

57. Об этой статье см. выше, гл. 1; о ее последствиях для политики цен см. выше, гл. 26.

58. «Большевик», 30 сентября 1926 г., № 18, с. 128.

59. «Вестник Коммунистической академии», т. XVII, 1926, с. 196—200; он предсказывал, что производство в 1927—1928 гг. увеличится лишь на 5—7%. Два месяца спустя на посту заместителя председателя Госплна его сменил Квиринг, переведенный из ВСНХ («Торгово-промышленная газета», 28 ноября 1926 г.).

60. «Вестник Коммунистической академии», XVII, 1926, с. 232.

61. Там же, с. 209.

62. Там же, с. 240. Об отделе экономики труда см. выше, гл. 14.

63. «Вестник Коммунистической академии», т. XVII, 1926, с. 244.

64. Рыков сослался на это предложение на XV партийной конференции («XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927, с. 128); о митинге на «Аваприборе» сообщалось в «Правде», 3 октября 1926 г.

65. О событиях, приведших к созыву конференции, см. выше, гл. 1.

66. *И. Сталин.* Соч., т. 8, с. 286—288.

67. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927, с. 505—507, 514.

68. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927, с. 606—616.

69. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 293—311; о других аспектах дискуссии и резолюции см. выше, гл. 1 и 14.

70. «Информационный бюллетень Госплана СССР», 1927, № 2—3, с. 1—7 (доклад 24 февраля 1927 г.).

71. См. выше, гл. 38.

72. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 498, 502, 512—513. В процессе обсуждения доклада Куйбышева председатель профсоюза рабочих пищевой промышленности Кроль с сожалением констатировал, что бюджетные поступления в пищевую промышленность значительно меньше, чем ее отчисления в бюджет, и внес предложение о том, что ВСНХ должен внимательнее относиться к нуждам отраслей, использующих продукцию сельского хозяйства. Оно было отвергнуто как Комитетом, так и съездом под тем предлогом, что это привело бы к затушевыванию основных задач индустриализации (там же, с. 519, 598—599).

73. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 747, 749.

74. «Торгово-промышленная газета», 30 декабря 1926 г.; «Экономическая жизнь», 6 января 1927 г.

75. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 1, 1927, с. 1—8; о приоритетах второй очереди см. выше, с. 285.

76. «КПСС в резолюциях...», ч. II, 1954, с. 343—344; сумма в 947 млн. руб. была одобрена Совнаркомом 13 февраля 1927 г., при условии, что 55 млн. руб. из этой суммы будут ассигнованы во вторую очередь, а еще 30 млн. руб. останутся в резерве («Собрание законов...», 1927, № 10, ст. 98). Запланированные объемы капитальных работ в промышленности будут увеличены впоследствии до 991 млн. руб. («Торгово-промышленная газета», 12 августа 1927 г.).

77. *И. Сталин.* Соч., т. 9, с. 173—175, цитируемая цифра, очевидно, включала и оборотный капитал.

78. См. выше, табл. 18.

79. «Фабрично-заводская промышленность СССР и его экономических районов», т. VII, 1928, с. 13.

80. См. табл. 12 и 15. О развитии частной и мелкой кустарной промышленности см. выше, гл. 15.

81. См. выше, гл. 13.

82. См. выше, гл. 26.

83. «Промышленность СССР в 1926/27 году», 1928, с. 8, 72.

84. См. табл. 13, а также «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 467; о снижении цен см. выше, гл. 26.
85. См. выше, табл. 13.
86. См. выше, табл. 14.
87. Этот вопрос рассматривается в следующем томе; см. также выше, гл. 2.
88. «Съезды Советов в документах», т. V, 1964, с. 174.
89. О дискуссии по военным вопросам см. выше, гл. 16.
90. «СССР: 4 съезд Советов», 1927, с. 36—42.
91. Там же, с. 250, 255—259; см. также выше, гл. 16.
92. О резолюции по вопросам обороны см. выше, гл. 16.
93. «Съезды Советов в документах», ч. III, 1960, с. 113—114, 118; о резолюции XV партийной конференции см. выше, гл. 12.
94. Исторический архив, № 3, 1958, с. 47—48.
95. «Правда», 1 июня 1927 г.
96. Там же, 10 июня 1927 г.
97. См. выше, гл. 16.
98. См. выше, гл. 17.
99. См. выше, гл. 27.
100. О «Декларации 83» в мае 1927 г. см. выше, гл. 2.
101. См. выше, гл. 37.
102. «Торгово-промышленная газета», 13 июля 1927 г. Следующая таблица (в млн. руб. в текущих ценах) суммирует предложения по капитальным вложениям в 1927—1928 гг. в отрасли промышленности, планируемые ВСНХ:

Фактические вложения в 1926—1927 гг.	1068
Предложения Госплана на 1927—1928 гг. (проект Пятилетнего плана), март 1926 г.	1000
Предложения по ОСВОК, весна 1926 г.	1450
Проект Пятилетнего плана ВСНХ, весна 1927 г.	1152
Наркомфин, июля 1927 г.	1000—1050
ВСНХ — Госплан, начало августа 1927 г.	1086
ВСНХ — Госплан, октябрь 1927 г.	1176
ВСНХ, февраль 1928 г.	1240
Одобренные Совнаркомом, март 1928 г.	около 1260

Аналогичные таблицы на 1926—1927 гг. и на 1928—1929 гг. приводятся в гл. 12.
103. См. выше, гл. 12.
104. «Торгово-промышленная газета», 13 июля 1927 г. Он подтвердил свою поддержку этого соотношения на втором пленуме ВСНХ (там же, 12 августа 1927 г.).
105. О положении в Госплане в это время см. гл. 34.
106. «Плановое хозяйство», 1927, № 7, с. 132. Эта статья основывалась на сделанном 20 июня 1927 г. докладе на Всесоюзной конференции по контрольным цифрам.
107. «Торгово-промышленная газета», 14 июля 1927 г.; «Вестник финансов», 1927 г., № 7, с. 7. Наркомфин предлагал зарезервировать 70—100 млн. руб. на случай невозможности импортировать достаточного количества оборудования в соответствии с потребностями программы капитальных вложений.
108. «Торгово-промышленная газета», 21, 24, 27, 29 июля 1927 г.
109. Там же, 23 июля 1927 г.
110. Там же, 9 августа 1927 г.
111. Редкое исключение составляли статьи в «Правде» от 7 и 13 июля 1927 г., подчеркивавшие важность производства средств производства, а также передовая от 14 июля 1927 г., в которой критиковался Госплан за недооценку возможностей развития как промышленности, так и сельского хозяйства. Сталина и Куйбышева в то время не было в Москве — Сталин вернулся из отпуска 23 июля («Правда», 24 июля 1927 г.), Куйбышев ушел в отпуск 14 июля и

вернулся на работу 29 июля в день открытия Пленума ЦК партии (там же, 15 июня 1927 г.; «Торгово-промышленная газета», 30 июля 1927 г.).

112. Речь Рыкова не печаталась. Речь Пятакова цитировалась в «Правде» 5 августа 1927 г.; «Большевик», № 14, 31 июля 1927 г., с. 26—28, 31—34; № 18, 30 сентября 1927 г., с. 85; «Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б)», ч. II, 1928, с. 79, 239.

113. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 372—381. О других аспектах этой резолюции см. ниже, с. 816. Выступая после Пленума на собрании актива Московской партийной организации, Рыков заявил, что капиталовложения увеличатся на 100—150 млн. руб. по сравнению с текущим годом, но вновь не указал точной цифры («Правда», 14 августа 1927 г.).

114. «Торгово-промышленная газета», 12 августа 1927 г.; предлагаемые капиталовложения в строительство новых заводов были сокращены с 361 до 276 млн. руб.

115. См. выше, гл. 32 и 37.

116. «Торгово-промышленная газета», 12 августа 1927 г.

117. См. выше, гл. 14.

118. Дискуссия и резолюция были опубликованы в «Торгово-промышленной газете» 12, 13, 17 августа 1927 г.

119. Там же, 31 августа 1927 г.

120. «Торгово-промышленная газета», 1 сентября 1927 г.; несмотря на увеличение капиталовложений, представитель ВСНХ выражал сожаление, что «металлургическая и сталелитейная промышленность не получат достаточных средств для дальнейшего развития» (там же, 2 сентября 1927 г.).

121. Там же, 9 сентября 1927 г.

122. О резолюции Госплана см. «Правду», 10 сентября 1927 г., о решении Совнаркома и СТО см. письмо Куйбышева в «Торгово-промышленной газете» 5 октября 1927 г.

123. См. гл. 34.

124. См. гл. 37.

125. «КПСС в резолюциях...» 1954, т. II, с. 399, об этих тезисах см. выше, гл. 2 и 37.

126. Об этой речи см. выше, гл. 2.

127. «Пятнадцатый съезд ВКП(б), т. II, 1962, с. 870—871.

128. Там же, с. 944—947.

129. Там же, с. 994—995, 998; о высказывании Бухарина см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 6.

130. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. II, 1962, с. 1109—1111, 1120—1123.

131. Там же, с. 1040—1041.

132. Там же, с. 1125—1127.

133. Там же, с. 1165—1167.

134. Там же, с. 1409—1411.

135. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», № 11—12, 1927, с. 72.

136. Об этом см. выше, гл. 30; о других цитатах из этого номера бюллетеня см. выше, гл. 15.

137. Выход из создавшейся ситуации можно было также найти, ограничив или снизив доходы, а следовательно, и покупательскую способность городского населения. И хотя возможность снижения заработной платы всерьез не рассматривалась, требования роста производительности труда опережающими темпами по отношению к зарплате в течение 1927—1928 гг. усилились и в целом увенчались успехом (см. выше, гл. 19).

138. «Торгово-промышленная газета», 4 февраля 1928 г. Еще одна ссылка на эту речь приводится выше, гл. 12. Заседание Президиума ВСНХ от 2 февраля 1928 г. описывается в «Экономической жизни» от 4 февраля 1928 г.

139. «Пути индустриализации», 1928 г., № 2, с. 75—85.

140. Там же, 1928 г., № 3, с. 83.

141. «Торгово-промышленная газета», 5 октября 1927 г.

142. Там же, 22, 29 февраля 1928 г.

143. Там же, 7 марта 1928 г.

144. «Собрание законов...», 1928, № 20, ст. 180.

145. О предложениях ВСНХ см. выше, гл. 12; о цифрах Госплана см. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 49, 55, 62, 499; о развитии отраслей промышленности группы «А» и группы «Б» в 1926—1927 гг. см. табл. 13.

146. См. выше, гл. 3.

147. «Предприятие», 1928, № 2, с. 5—6. Производство товаров широкого потребления слегка упало в феврале, но в целом в I квартале (февраль — март) возросло на 10,7% по сравнению с предыдущим кварталом и на 26,7% — по сравнению с тем же кварталом предыдущего года. («Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. *А. Мендельсона,* 1930, с. 14—16; в эти цифры не входит сезонное производство).

148. Этот доклад был впервые опубликован в «Историческом архиве», 1958, № 3, с. 53—69. О других аспектах этого доклада см. выше, с. 59, и ниже 632. Взгляды Куйбышева изложены также в статье, опубликованной в это же время в первом номере нового журнала Президиума ВСНХ «Пути индустриализации», № 1, 1928, с. 12—24.

149. Об этом выступлении см. выше, гл. 12.

150. «Пути индустриализации», 1928, № 2, с. 53; № 4, 1928, с. 48—52. Временный энтузиазм Сабсовича в отношении отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления, разделялся в какой-то мере Коллегией Наркомфина, которая попросила его выступить с докладом, изложив свою точку зрения; о потребностях отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления, еще более недвусмысленно говорилось и в другой статье, опубликованной там же, 1928, № 4, с. 41—47.

151. Там же, 1928, № 2, с. 19—24; 1928, № 4, с. 65—74.

152. «Торгово-промышленная газета», 8 февраля 1928 г.; «Пути индустриализации», 1928, № 2, с. 50—53; о достоверности этих цифр см. ниже, с. 935.

153. «Собрание законов...», 1928, № 20, ст. 180.

154. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 498.

155. «Пути индустриализации», 1928, № 4, с. 46; сопоставимость этих двух цифр, однако, сомнительна (см. выше, гл. 16).

156. О конфликте в Госплане см. выше, гл. 32 и 37.

157. «Правда», 19 апреля 1928 г.; о поражении группы Кондратьева см. выше, гл. 30.

158. См. выше, табл. 18.

159. См. выше, табл. 11; о других расчетах в текущих ценах, показывающих увеличение на 21,7%, см. выше, табл. 12. Несколько более низкие цифры приводятся в «Промышленности СССР в 1927/28 году», 1930, с. 64.

160. О противоречии в «ослаблении темпов» см. выше, гл. 37.

161. См. выше, гл. 12; успехи 1927—1928 гг. частично объясняются использованием резервных мощностей, о чем не сообщалось в дискуссиях 1925 и 1926 гг. (см. выше, гл. 12).

162. См. выше, табл. 14.

163. Сопоставимость официальных статистических данных о капиталовложениях в отрасли промышленности групп «А» и «Б» в 1926—1927 и 1927—1928 гг. рассматривается в гл. 16.

164. См. выше, табл. 13.

165. О двух различных расчетах — одном, свидетельствующем о росте производства мелкой промышленности на 3,1%, и другом, указывающем на снижение почти на 5%, — см. ниже, с. 947. Вскоре после окончания экономического года Госплан доложил о снижении приблизительно на 2,5% Совнаркому и СТО («Экономическая жизнь», 16 октября 1928 г.).

166. См. выше, табл. 13.

167. См. выше, гл. 37.

168. «Торгово-промышленная газета», 10 июня 1928 г. Предложения по

капитальным вложениям (в млн. руб. в текущих ценах) на 1928—1929 гг. по отраслям промышленности, планируемым ВСНХ, составляли:

фактические капитальные вложения в 1927—1928 гг.	— 1 304
запросы главков на 1928—1929 гг., июнь 1928 г.	— 2 250
плановое управление ВСНХ, июнь 1928 г.	— 1 750
финансовое управление ВСНХ, июнь 1928 г.	— приблизительно — 1 450
«минимальный план» ВСНХ, июнь 1928 г.	— 1 307
Президиум ВСНХ, сентябрь — октябрь 1928 г.	— 1 678 (включая резерв — 50)
Коллегия Госплана, октябрь 1928 г.	— 1 652 (включая резерв — 150)
Наркомфин, октябрь 1928 г.	— 1 580 (включая резерв — 50)
резолюция Центрального Комитета, ноябрь 1928 г.	— «до» 1 650
Сталин, ноябрь 1928 г.	— 1 650
Совнарком, ноябрь 1928 г.	— 1 659 (включая резерв — 25)
ВСНХ, конец ноября 1928 г.	— 1 675
фактические капиталовложения в 1928—1929 гг. (предварительные данные)	— 1 679

Аналогичные таблицы на 1926—1927 гг. и 1927—1928 гг. см. выше, гл. 12.

169. «Собрание законов...», 1928, № 33, ст. 297 «Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам», т. I, 1957, с. 822—823.

170. «Торгово-промышленная газета», 28 июня 1928 г. Из общего количества 1560 млн. руб. ВСНХ выделил 1307 млн. на нужды промышленности и 254 млн. — на строительство электростанций.

171. См. выше, гл. 3.

172. Архивы Троцкого, Т 1834.

173. Там же, Т 1901.

174. См. выше, гл. 3.

175. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 511—512. Об этой резолюции см. выше, гл. 3.

176. См. выше, гл. 17.

177. «Торгово-промышленная газета», 14 сентября 1928 г.; Косиор являлся бывшим управляющим Югостали.

178. Там же.

179. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР», 1927—1928, № 26, с. 659.

180. «Торгово-промышленная газета», 11 сентября 1928 г.

181. «Правда», 25 сентября 1928 г.

182. См. выше, гл. 3.

183. «Правда», 21 сентября 1928 г.

184. Там же, 26 сентября 1928 г.

185. Там же, 30 сентября 1928 г. О проблемах сельского хозяйства и долгосрочного планирования по этой статье см. выше, с. 89—90, и ниже, с. 881.

186. См. выше, гл. 3.

187. «Финансы и народное хозяйство», № 40, 30 сентября 1928 г. Указанные цифры исключают строительство электростанций. Во время обсуждения в ЦИКе бюджета в апреле 1928 г. Фрумкин заявил, что степень индустриализации не может быть измерена количеством затраченных рублей; излишние затраты приводили к нехватке материалов, а в результате возникающей ситуации стоимость строительства увеличилась («3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», 1928, с. 238—239).

188. «Экономическая жизнь», 2 октября 1928 г.; Золотарева назначили членом Президиума в июле 1928 г. («Торгово-промышленная газета», 24 июля 1928 г.).

189. Указанному заседанию предшествовал ряд совещаний президиума Госплана, первое из которых состоялось 19 сентября 1928 г., где предложения ВСНХ и других правительственных органов на 1928—1929 гг. обсуждались с участием их представителей («Торгово-промышленная газета», 19 и 30 сентября, 7 октября 1928 г.).

190. «Экономическая жизнь», 12 октября 1928 г.

191. Обсуждение вопроса о снижении стоимости продукции см. выше, гл. 13; О Квиринге см. выше, гл. 12.

192. «Экономическая жизнь», 14 октября 1928 г.

193. «Экономическая жизнь», 16 октября 1928 г.; «Торгово-промышленная газета», 16 октября 1928 г.

194. «Экономическая жизнь, 16 октября 1928 г.; понятие «индустрия» используется для того, чтобы подчеркнуть значение слова «индустриализация», понимаемого в широком смысле как процесс перевода на индустриальную, то есть промышленную, основу всех отраслей экономики, включая и сельское хозяйство, в то время как «индустрия» в узком смысле означает «промышленность».

195. Там же, 16 октября 1928 г. О разногласиях между ВСНХ и Госпланом, возможно, можно судить по редакционной заметке в «Торгово-промышленной газете», 16 октября 1928 г.: «Речи товарищей Андрейчика и Струмилина, к сожалению, не могут быть воспроизведены, так как нашего корреспондента не допустили в зал заседания Госплана СССР».

196. «Экономическая жизнь», 14 октября 1928 г.

197. «Торгово-промышленная газета», 14 октября 1928 г.

198. «Экономическая жизнь», 18 октября 1928 г.

199. «Торгово-промышленная газета», 20 октября 1928 г. О критике Фрумкина см. выше, гл. 12.

200. Там же, 21 октября 1928 г. См. также: «Пути индустриализации», 1928, № 21, с. 21.

201. Об этом письме см, выше, гл. 3.

202. О речи Сталина см. выше, гл. 3. Меморандум Смилги, критикующий статью Бухарина (см. выше, гл. 3), датирован 23 октября 1928 г., днем публикации речи Сталина в «Правде». В нем клеймились центристы, которые довольствовались двусмысленным лозунгом «сохранить нынешние темпы индустриализации», в противовес оппозиции, выступающей за ускорение темпов индустриализации.

203. «Правда», 14 ноября 1928 г.

204. Об этом эпизоде в отношении сельского хозяйства см. выше, гл. 3; его политические аспекты обсуждаются в следующем томе.

205. 4 ноября 1928 г. на заседании СТО между Рыковым и Куйбышевым произошла стычка. Во время выступления Куйбышева о важности капиталовложений в тяжелую промышленность Рыков бросил реплику, что они не должны превышать уровень, при котором можно сохранить равновесие рынка, что было встречено в штыки Куйбышевым *(А. Хавин.* У руля промышленности (документальные очерки), 1968, с. 65—66).

206. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 525—540. О разделах резолюции, касающихся сельского хозяйства и планирования, см выше, гл. 3 и 34.

207. «Правда», 15 ноября 1928 г.

208. 17 ноября 1928 г. в редакционной статье «Правды» утверждалось, что на 1928/29 г. была одобрена сумма 1659 млн. руб. На следующий день, 18 ноября 1928 г., «Экономическая жизнь» сообщала, что ВСНХ проинформировал свои главки о том, что Совнарком согласился ассигновать 1659 млн. руб. и зарезервировать только 25 млн. руб.

209. Там же, 18 ноября 1928 г.; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 472.

210. «Правда», 16 ноября 1928 г.

211. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 320.

212. Доклад Рыкова не был опубликован. Отрывки из доклада Кржижанов-

ского появились в: *Г. Кржижановский и др.* Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 год, 1929, с. 5—47.

213. *И. Сталин.* Соч., т. 11, с. 246—249, 256—257, 276. Об этой речи см. также выше, с. 93. О более ранних вариантах призыва «догнать и перегнать» капиталистические страны см. выше, гл. 12 и 16.

214. «Торгово-промышленная газета», 28 ноября 1928 г.

215. «VIII съезд профессиональных союзов», 1929, с. 374—375.

216. См. выше, гл. 37.

217. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 558. Об этой резолюции см. выше, гл. 11.

218. «Торгово-промышленная газета», 27 февраля 1929 г.

219. «XVI конференция ВКП (б)», 1962, с. 114, 782.

220. См. выше, гл. 11.

221. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 551—552.

222. О сельскохозяйственных аспектах, рассматривавшихся на Конференции, см. выше, гл. 11, об аспектах планирования — гл. 37.

223. «XVI конференция ВКП (б)», 1962, с. 11.

224. Там же, с. 57—59. О более ранних предложениях по темпам роста промышленности см. выше, гл. 12 и 37.

225. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929 гг.», № 19, приложение; о себестоимости см. выше, гл. 13.

226. См.: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», ред. *А. Мендельсон,* 1930, с. 14, 149.

227. См. выше, табл. 13; о плановых цифрах см.: «Экономическая жизнь», 16 октября 1928 г.

228. См. выше, табл. 12 и 15.

229. См., например: «Экономическое обозрение», № 12, 1929, с. 17.

230. См. выше, гл. 13.

231. См. выше, табл. 18.

Глава 13. Себестоимость продукции и эффективность производства

1. См. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 7 и 9.

2. «Торгово-промышленная газета», 25 мая, 29 июля 1926 г. За первую половину 1925/26 г. издержки производства в Югостали возросли на 22%. Именно данный кризис заставил Дзержинского настаивать на укреплении трудовой дисциплины (см. выше, гл. 18).

3. «Торгово-промышленная газета», 24 февраля 1926 г.

4. *Ф. Дзержинский.* Избранные произведения, т. II, 1957, с. 257—258.

5. «Торгово-промышленная газета», 16 апреля 1926 г.

6. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», ч. I, 1957, с. 578—583.

7. Об этом Постановлении см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 7; см. также выше, гл. 18.

8. «Большевик», 30 июня 1926 г., № 12, с. 24—25.

9. «Режим экономии. Сборник директивных и инструктивных материалов», 1926, с. 33.

10. «Директивы КПСС и ...», 1957, с. 585—587; см. также выше, с. 486.

11. См. выше, гл. 18.

12. «Директивы КПСС и ...», 1957, с. 590—596.

13. См. выше, гл. 19.

14. «VII съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 464, 742—746.

15. «Директивы КПСС и ...», с. 591—592.

16. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 315—316, 297—298; резолюция ЦКК от 22 октября 1926 г. подчеркивала, что в будущем кампания должна сосредоточить внимание на совершенствовании управления и производства, а также на борьбе против расточительства («Справочник партийного работника», VI, 1928, ч. I, с. 319—321).

17. «Торгово-промышленная газета», 22 июня 1927 г.

18. «Информационный бюллетень Госплана СССР», 1926, № 8, с. 2—3, 6—9.

19. О данных, характеризующих снижение запланированной и фактической себестоимости промышленной продукции с 1925 г. по 1929 г., см. ниже, с. 954.

20. О дискуссии по вопросам себестоимости промышленной продукции в 1925/26 гг. см.: «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 9, 1926 г., с. 2—3; «Промышленность СССР в 1926/27 году», 1928, с. 104—105; «СССР: от съезда к съезду (май 1925 г. — апрель 1927 г.»), 1927, с. 31—32; «Торгово-промышленная газета», 12, 17 сентября, 28 ноября 1926 г.

21. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 27; расчеты заработной платы и производительности труда см. выше, гл. 18.

22. «Торгово-промышленная газета», 19 июня 1926 г.

23. См. выше, гл. 13 и 19.

24. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР», 1925—1926 гг., № 12, с. 435.

25. «Торгово-промышленная газета», 28 ноября 1926 г.; «Экономическая жизнь», 6 января 1927 г.

26. См. выше, гл. 26.

27. «Экономическая жизнь», 5 января 1927 г.; «Информационный бюллетень Госплана СССР», 1927, № 1, с. 1—2, 4.

28. Об этой резолюции см. выше, гл. 26.

29. «Предприятие», № 10, 1927, с. 10—11; о синдикатах см. выше, гл. 14 и 23.

30. Первый отраслевой стандарт — ОСТ (прообраз ГОСТа) — был утвержден в марте 1926 г.; утверждают, что с тех пор Комитет по стандартизации СССР работает лучше, чем в любой другой стране (*А. Серебровский.* Рационализация производства и новое промышленное строительство СССР, 1927, с. 50—51).

31. Там же, с. 44—45; о ГЭУ см. выше, гл. 14.

32. Количество разрешенных размеров проката было сокращено с 4742, одобренных Продаметом до 1914 г., до 713; еще более радикально был сокращен сортимент хлопчатобумажных тканей («Предприятие», 1926, № 11, с. 70—71; № 10, 1927, с. 12—13).

33. «Торгово-промышленная газета», 9 мая 1926 г.

34. См. выше, гл. 13.

35. В это время была проведена Всесоюзная конференция инженерно-технических работников текстильной промышленности и Всесоюзный конгресс по «рационализации в текстильной промышленности» («Предприятие», 1927, № 10, с. 11); в октябре 1926 г. на Украине был проведен 4-дневный конгресс рационализаторов (там же, 1928, № 6, с. 24).

36. «Директивы КПСС и ...», 1957, с. 666—672; о положениях Постановления, касающихся трудовой дисциплины и производительности труда, см. выше, гл. 19. Оно было первоначально опубликовано в «Правде» 25 марта 1927 г.; в том же номере «Правды» была опубликована с редакционным комментарием статья Троцкого о связи между снижением себестоимости продукции и улучшением ее качества.

37. Описание передовых форм организации труда, разработанных в Германии на основе американской модели, было опубликовано в «Предприятии», 1927, № 5, с. 30—36. В постановлении ЦК партии от 24 марта 1927 г. говорилось, что рационализация при капитализме основывается на усилении безработицы среди рабочих, их эксплуатации и обнищании, в то время как социалистическая рационализация направлена на увеличение численности рабочего класса, подъем его материального и культурного уровня, усиление связи с крестьянством и развитие «социалистических элементов нашей экономики». В действительности же западные защитники рационализации капиталистической системы также намеревались добиться коренного повышения жизненного уровня потребителя путем совершенствования себестоимости продукции и снижения цен; успешная индустриализация в СССР, как и на Западе, должна была неизбежно привести к увеличению безработицы в ряде отраслей промышленности

(см. выше, гл. 17). Однако различие между социалистической и капиталистической рационализацией действительно имело место в период, когда советская политика промышленного развития привела вскоре к спаду безработицы, тогда как в руках капиталистических правительств не было средств и возможностей вызвать экономический рост или хотя бы предотвратить крупномасштабный экономический кризис. Фундаментальное различие между социалистической и капиталистической рационализацией часто подчеркивалось в статьях в советской прессе и выступлениях советских руководителей («Правда», 25 ноября 1926 г.); выступление Бухарина в ИККИ в ноябре 1926 г. см. в: «Пути мировой революции», 1927, ч. I, с. 91, 383, 386; выступление Рыкова на VII конгрессе профсоюзов в декабре 1926 г. в: «VII съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 15—16.

38. «Report and Proceedings of World Economic Conference». Geneva, 1927, part I, p. 48—49; о заявлении Осинского см. там же, part II, p. 145.

39. «Правда», 29 августа 1928 г.

40. Там же.

41. «Предприятие», 1927, № 7, с. 81; 1927, № 11, с. 40.

42. Там же, 1927, № 9, с. 5—8, 1928, № 1, с. 33—36.

43. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии», 1928, с. 16; о «научной организации труда» (НОТ) и Лиге Времени см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 7.

44. «Предприятие», 1928, № 12, с. 84.

45. «Торгово-промышленная газета», 27 августа, 15 сентября 1927 г.; подобное соревнование проводилось и между предприятиями Донугля в январе 1927 г. (там же, 7 сентября 1927 г.).

46. Там же, 27 августа 1927 г.

47. «Пути индустриализации», 1928, № 9, с. 73.

48. См. выше, гл. 13.

49. См. выше, табл. 19.

50. «Торгово-промышленная газета», 26 июня 1928 г.; «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 109—115; о цифре 5,1% см. выше, табл. 19.

52. См. выше, гл. 19.

53. Об этой кампании см. выше, гл. 18.

54. «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 53. Нижеприведенная таблица (основывающаяся на данных на с. 113—114) показывает источники снижения себестоимости в 1927/28 г.:

Конъюнктурные факторы (факторы, не зависящие от промышленности,—изменения цен на сырье, налогов и т. д.)	0,7%
Потребление сырья и топлива на единицу продукции	2,2%
Зарплата	1,8%
Амортизация, накладные расходы и др.	1,5%
Всего	6,2%

55. «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 121.

56. «Торгово-промышленная газета», 10 июня 1928 г.

57. Там же, 14 сентября 1928 г.; О докладе Косиора см. выше, гл. 12.

58. Об этом Пленуме см. выше, гл. 12.

59. «Торгово-промышленная газета», 13 октября 1928 г.

60. Там же, 14 октября 1928 г.

61. Там же, 16 октября 1928 г.; о выступлении Гринько см. выше, с. 278—279, 321.

62. Там же, 16 октября 1928 г.; «Экономическая жизнь», 16 октября 1928 г.

63. «Торгово-промышленная газета», 13 ноября 1928 г.; в статье Яковлева из Рабкрина, опубликованной в «Правде» 28 октября 1928 г., поддерживалась цифра «не менее 7%».

64. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 536. Об этой резолюции см. выше, с. 325. Согласно Рыкову, «ряд товарищей» в Политбюро и ЦК предложили снижение себестоимости более чем на 7% («Торгово-промышленная газета», 14 декабря 1928 г.).

65. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 534—535.

66. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 206—207.

67. Там же, с. 208; «Торгово-промышленная газета», 13 ноября 1928 г. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929 г.», № 1, ст. 77, Приложение (9—12 ноября 1928 г.).

68. См. выше, гл. 19.

69. «Торгово-промышленная газета», 8 марта 1929 г.

70. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929 г.», № 19, Приложение.

71. См. выше, табл. 19.

72. «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 106; 1929, № 12, с. 17. Согласно последнему источнику, качество ухудшилось «в целом ряде отраслей промышленности». Расследование Рабкрина показало, что «промышленные предприятия произвольно нарушают согласованные стандарты и используют трудное положение на рынке для продажи заведомо некачественной продукции».

73. См. гл. 18.

74. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 375.

75. «3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», 1928, с. 167—172.

76. «Торгово-промышленная газета», 14 октября 1928 г.

77. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 535; «Собрание законов...», 1929 г., № 4, ст. 34.

78. «Собрание законов...», 1929, № 29, ст. 268.

79. «Экономическое обозрение», 1929, № 10, с. 3.

Глава 14. Организация государственной промышленности

1. Об этом аспекте децентрализации см. выше, гл. 14.

2. О взглядах Дзержинского в это время см.: «Soviet Studies», 1960, т. XI, с. 388—390.

3. Выступление 27 августа 1926 г. цитируется по неопубликованным архивам в «Вопросах истории», 1966, № 6, с. 12.

4. «Торгово-промышленная газета», 23 декабря 1926 г.

5. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 260.

6. «Пути индустриализации», № 1, 1928 г., с. 47; о пленуме ВСНХ см. выше, гл. 14.

7. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 597.

8. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927 г., с. 195; о выступлениях Рухимовича и Чубаря см. выше, гл. 12.

9. «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 263.

10. «Мы все за децентрализацию, — заявил в декабре 1926 г. на конгрессе профсоюзов один из делегатов с Урала, — но на деле какой-то магнит, помимо воли товарища Куйбышева и нашей воли, все притягивает к центру» («VII съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 534—535). Об усилении централизации оперативного планирования в промышленности см. ниже, с. 823—834.

11. Эти вопросы рассматриваются выше, гл. 14.

12. О Промплане см. выше, гл. 37.

13. «Торгово-промышленная газета», 17 апреля 1926 г.

14. Там же, 28 августа 1926 г. Об изменениях в первоначальном проекте Куйбышева см. там же, 26 августа 1926; о заседании Президиума ВСНХ 27 августа, одобрившем предложения, см. там же, 29 августа 1926 г., и «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926 г.», № 11, ст. 362, 363.

15. Приказ по этому вопросу, датированный 4 сентября, был опубликован

в «Торгово-промышленной газете» 5 сентября 1926 г.; о дальнейших решениях ВСНХ и Совнаркома см. там же 15, 17 сентября 1926 г. Результаты проведенной реорганизации были сформулированы Куйбышевым в записке в ЦИК 17 декабря 1926 г. («Советское строительство», декабрь 1926 г., № 5, с. 128—130).

16. Там же, декабрь 1926 г., № 5, с. 129; в состав 11 членов Президиума входил председатель ВСНХ и два его заместителя.

17. Члены пленума были указаны поименно с указанием должности в приказе ВСНХ от 14 сентября («Торгово-промышленная газета», 15 сентября 1926 г.).

18. В записке Совнаркому Куйбышев назвал 10 промышленных главков: металлургической, энергетической, топливной, угольной промышленности, геологии и геодезии, лесной и целлюлозно-бумажной, химической, текстильной промышленности, сельского хозяйства (пищевой), оборонной промышленности и электрического машиностроения, а также комиссии по вопросам кожевенной и полиграфической промышленности (см. там же, 28 августа 1926 г.). Впоследствии в Главторге были объединены топливная и угольная промышленность, геология и геодезия, а отдельный главк электротехнического машиностроения не был образован.

19. Эта реорганизация была предусмотрена приказом ВСНХ от 20 января 1926 г. («Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926 г.», № 4, ст. 108).

20. «Торгово-промышленная газета», 24—25 декабря 1927 г.; в этом томе ПЭУ употребляется для обозначения «планового управления ВСНХ».

21. «Пути индустриализации», № 1, 1928, № 48.

22. О структуре Главметалла см.: «Металл», 1927, № 11—12, с. 69.

23. «Торгово-промышленная газета», 17 апреля 1926 г.

24. Там же, 17 ноября 1926 г.

25. «Собрание законов...», 1926, № 47, ст. 341; № 50, ст. 360, 361; см. также: «Экономическая жизнь», 4 января 1927 г.

26. Основные постановления перечисляются в: *R. W. Davies.* The Development of the Soviet Budgetary System, 1958, с. 207; см. также: *А. Венедиктов.* Организация государственной промышленности в СССР, 1961, т. II, с. 376—389.

27. О трестах см. выше, гл. 14.

28. О его работе см. «Бюллетень Гипромеза», № 1—2, 1929, с. 74—77; № 7—8, 1929, с. 85—90; «Металл», 1929, № 9, с. 91—94; «Правда», 15 марта 1927 г.; *А. Венедиктов.* Цит. соч., с. 370. О Гипрошахте, аналогичной организации в угольной промышленности, см.: «Собрание законов...», 1928 г., ч. II, № 63, ст. 255.

29. См. приказ ВСНХ от 18 августа 1928 г., опубликованный в «Торгово-промышленной газете» 24 августа 1928 г.; постановление предусматривало, что в каждом совете должно быть создано «постоянное рабочее ядро».

30. Например, см.: «Собрание законов...», 1926, ч. II, № 13, ст. 91; «Торгово-промышленная газета», 5 октября, 6 ноября 1926 г., 7 сентября 1928 г.

31. «Предприятие», № 9, 1928, с. 9—11; о руководстве строительством со стороны трестов см. выше, гл. 14.

32. Важнейшие решения о крупнейших проектах, подобных Днепрогэсу (см. ниже, с. 898) принимались ВСНХ, СТО и даже Политбюро, а не Главкомом, который отвечал за него.

33. «Пути индустриализации», 1928, № 1, с. 50.

34. Об упразднении Главтекстиля см. выше, гл. 14.

35. Частично промышленность оставалась та же или была передана в частную или кооперативную собственность или управление; негосударственная промышленность рассматривается выше, гл. 14.

36. О различных типах народных комиссариатов см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 14, и «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.

37. Об организационной структуре промышленности и об административно-территориальном делении СССР до 1926 г. см. там же, т. 2, гл. 21.

38. Совнархоз в губерниях назывался «губсовнархозом», а в автономных

республиках — «центральным» совнархозом. О более раннем периоде губсовнархозов см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16 и 17. Совнархозы создавались и во вновь образованных областях (см. выше, гл. 14).

39. Более подробно об организации республиканской и местной промышленности см.: *А. Венедиктов.* Цит. соч., с. 50—55, 253—256, 258—259.

40. «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 176.

41. Там же, с. 172, 177; «Торгово-промышленная газета», 10 ноября 1926 г.

42. См., например, выступление Чубаря на XV конференции ВКП(б). («XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 146—147).

43. О позиции ВСНХ Украины по контрольным цифрам на 1926/27 г. см.: «Торгово-промышленная газета», 23 июля, 9 августа 1926 г., а также информацию о совещании по вопросам строительства новых предприятий на Украине см.: там же, 31 декабря 1926 г. О рекомендациях ВСНХ Украины по размещению новых предприятий см. выше, гл. 16.

44. «Торгово-промышленная газета», 26, 28 мая, 10 июня 1926 г.

45. В 1923 г. основные функции и штаты народных комиссариатов РСФСР были переданы в ведение союзных органов (см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20).

46. В 1927/28 г. объем производства местной промышленности РСФСР был в 4 раза выше объема производства республиканской промышленности, что было значительно выше, чем в целом по стране («Торгово-промышенная газета», 8 сентября 1928 г.).

47. О ходе этой реформы и ее последствиях см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 21. В июле 1923 г., когда было принято первоначальное решение об административно-территориальной реформе, Кржижановский заявил о том, что экономическое районирование «направлено против принципа главкизма» (*Г. Кржижановский.* Соч., 1934, т. 2, с. 139—142).

48. *Г. Сахаров, Н. Чернай и О Кабаков.* Очерки организации тяжелой промышленности СССР, 1934, т. 2, с. 52—53. Аналогичные мандаты предоставлялись и республиканским ВСНХ.

49. *П. Алампиев.* Экономическое районирование СССР, 1959, с. 145—146.

50. «Торгово-промышленная газета», 26 ноября 1926 г.; *А. Венедиктов.* Цит. соч., т. 1, с. 583—584; там же, 1961, т. 2, с. 52; «Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925—1928 гг.)», 1964, с. 64—86.

51. Как сообщалось в «Правде» от 12 января 1927 г.: «Промбюро ряда областей, таких, как Уральская и Северо-Западная, фактически уже успешно управляют почти всеми промышленными предприятиями на своей территории». О противоположной точке зрения см: *Г. Сахаров, Н. Чернай и О. Кабаков.* Цит. соч., с. 28.

52. Это видно из следующей таблицы, относящейся к 1925/26 г.:

	Количество производственных предприятий	Количество занятых рабочих	Производство (в млрд. руб. в текущих ценах)
Союзная промышленность	1 459	1 211 088	4 767
Республиканская промышленность	1 042	265 150	1 198
Местная промышленность наркоматов	6 043	664 476	2 963
Всего . . .	8 544	2 140 714	8 298

(«Фабрично-заводская промышленность СССР. Основные показатели ее динамики за 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.», 1929, с. 16—17, Таблицы на с. 104—111;

Термин «цензовая промышленность» см. выше, приложение «Д». Данные по местной промышленности приводятся совместно с данными промышленности наркоматов (контролируемой не ВСНХ, а общесоюзными или республиканскими народными комиссариатами), хотя доля этой промышленности была незначительной.

53. «Торгово-промышленная газета», 10 ноября 1926 г.

54. «Экономическая жизнь», 20 февраля 1927 г. См. также выступление Лобова в: «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 376, а также тексты выступлений Шеина, И. В. Косиора и А. М. Гинзбурга, опубликованные в «Торгово-промышленной газете», 17 ноября 1926 г.

55. «Промышленность в СССР в 1927/28 году», 1930, с. 177.

56. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», 1927, с. 694—699.

57. «Торгово-промышленная газета», 8 сентября 1928 г.

58. См., например, предложение главка лесной промышленности о создании «всеобъемлющего треста» в целях содействия экспорту леса («3 сессия ЦИК СССР 4 созыва. Стеногр. отчет», 1928, с. 105) или предложение ВСНХ СССР об образовании единого полиграфического треста («Предприятие», 1927, № 2, с. 73—74).

59. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926 г.», 20 января 1926 г., № 4, ст. 101; «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1926—1927 г.», 7 октября 1927 г., № 1, ст. 5; «Собрание законов...», 1926, № 68, ст. 521; «Торгово-промышленная газета», 11 июля, 5 августа, 12 октября 1926 г.

60. Там же, 24 мая 1928 г.; «Промышленность СССР в 1927/28 году», т. 2, 1930, с. 87.

61. Там же, с. 432—433; «Торгово-промышленная газета», 16 мая 1928 г.

62. «Правда», 28 апреля 1927 г.; «Промышленность СССР в 1926/27 году», 1928, с. 431.

63. «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 431—433, 528, 532; более поздние источники указывают, что губернские тресты были переведены в областное подчинение «по финансовым соображениям в целях содействия рационализации и улучшению организации снабжения сырьем» («Вопросы экономического районирования СССР», ред. *Г. Кржижановский*, 1957, с. 326).

64. Там же, с. 326. Это были как предприятия, первоначально получившие сырье и сбывавшие свою продукцию не только в рамках одной губернии, а теперь получившие возможность действовать на гораздо большей территории, так и предприятия, сохранившие формально республиканское или даже общесоюзное значение, но переданные в административное подчинение областных совнархозов.

65. «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 172.

66. «Торгово-промышленная газета», 12 августа 1927 г. О передаче автомобилестроительного треста Моссовету см. выше, гл. 16.

67. «Вопросы экономического районирования...», с. 331, 337.

68. Показатели на 1925/26 г. см, выше, с. 364, а на 1929/30 г. см.: «Экономическое обозрение», 1929, № 11, с. 19. Осенью 1929 г. в республиканской и местной промышленности был занят 1 млн. человек из 2,26 млн., занятых в государственной цензовой промышленности.

69. «Торгово-промышленная газета», 17 июня 1928 г.

70. См. выше, гл. 14.

71. О дискуссии в ВСНХ Украинской ССР см. «Торгово-промышленную газету», 14 июля 1928 г.

72. *Г. Сахаров, Н. Чернай и О. Кабаков.* Цит. соч., с. 28. О системе мандатов см. выше, гл. 14.

73. «Торгово-промышленная газета», 19 мая, 8 сентября 1928 г.

74. Размеры капиталовложений, выделяемых ВСНХ СССР общесоюзным и республиканским трестам РСФСР и Украины в 1927—1928 гг., несколько сократились (в процентном отношении к общему объему капиталовложений):

1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
84,0	78,9	80,0	77,3

75. В 1925/26 и 1926/27 гг. уровень капитальных затрат в кожевенной промышленности превысил запланированный объем (частично с разрешения ВСНХ РСФСР истратить больше, чем было запланировано, а частично за счет самовольного превышения). См.: «Промышленность СССР в 1926/27 году», 1928, с. 390—391.

76. См. выступления Куйбышева и Золотарева в «Торгово-промышленной газете» 8 сентября 1928 г.

77. См. выше, гл. 14 и 24.

78. Об этом декрете см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19; «Междуцарствие...», гл. 1 и 2.

79. «Торгово-промышленная газета», 8 декабря 1926 г., «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, 1927, с. 160.

80. «Торгово-промышленная газета», 8 декабря 1926 г.

81. Там же, 1 декабря 1926 г. и 27 июля 1927 г.

82. «Экономическая жизнь», 4 января, 23 февраля 1927 г.

83. Там же, 14 июня 1925 г.

84. «Торгово-промышленная газета», 11 декабря 1926 г.

85. Приводились примеры, когда строительство общественного туалета из кирпича стоимостью 1200 руб. должно было быть санкционировано решением ВСНХ (там же, 19 ноября 1926 г.) и когда трест не мог без разрешения сверху продать старую лошадь (там же, 20 ноября 1926 г.).

86. О снижении роли материального стимула в деятельности трестов свидетельствуют изменения в оплате труда управленческого и инженерно-технического персонала (см. выше, гл. 22).

87. «Собрание законов...», 1927, № 39, ст. 391, 392. О ходе обсуждения законопроекта см. «Торгово-промышленную газету», 12 мая, 26 августа 1926 г., и «Экономическую жизнь», 20, 26 февраля 1927 г. Важнейшие разделы закона, в которых рассматриваются взаимоотношения трестов с входящими в их состав предприятиями, анализируются выше, гл. 14.

88. В новом Положении о трестах термин «хозрасчет», употреблявшийся в законодательных и административных актах 1921—1922 г., был заменен термином «коммерческий расчет», что могло свидетельствовать о стремлении сохранить остатки прежней формулы об извлечении прибыли. В 20-х годах «хозрасчет» и «коммерческий расчет» были взаимозаменяемыми понятиями и различие между ними было весьма неопределенным. В 1921 г. «хозрасчет» предполагал противопоставление «государственному снабжению» и означал определенную самостоятельность предприятий в вопросах снабжения и сбыта, а также самофинансирование. «Коммерческий расчет» включал в себя все вышеуказанные черты «хозрасчета», но при этом подчеркивался принцип прибыльности. Сложность заключалась еще и в том, что тресты интерпретировали их по-своему: «коммерческий расчет» означал, что предприятия имели собственные счета, а «хозрасчет» предполагал более полную самостоятельность в оперативно-хозяйственной деятельности (*А. Венедиктов.* Цит. соч., т. 2, с. 25—26, 264; «Предприятие», 1926, № 11, с. 10; *А. Гинзбург.* Экономика промышленности, т. 1, 1925, с. 222—225).

89. См. выше, гл. 14 и 35.

90. О деятельности синдикатов в этом направлении см. выше, гл. 24.

91. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

92. «Торгово-промышленная газета», 18 июля, 24 ноября 1926 г.

93. Причины усиления влияния синдикатов анализируются выше, гл. 24.

94. «Торгово-промышленная газета», 8 мая 1928 г.

95. Там же, 19 ноября 1926 г.; «Экономическая жизнь», 11 января 1927 г.

96. «Предприятие», 1926, № 11, с. 18—19; «Торгово-промышленная газета», 27 июля, 30 сентября 1927 г.

97. Там же, 25 августа 1926 г., 18 октября 1927 г.

98. Там же, 19 ноября 1926 г.

99. Там же, 8 декабря 1926 г.
100. Там же, 19 ноября 1926 г.; 18 августа 1928 г.
101. Об этих синдикатах см. выше, гл. 24.
102. См. выше, гл. 24.
103. «Торгово-промышленная газета», 28 ноября 1926 г.
104. Там же, 25 ноября, 3, 11 декабря 1926 г.
105. Там же, 30 октября 1927 г.
106. «XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1961, ч. 1, с. 450—451.
107. «Собрание законов...», 1928, № 16, ст. 129.
108. О правовых аспектах отношений между синдикатами и трестами и возникающих между ними разногласиях см.: *А. Венедиктов.* Цит. соч., т. 2, с. 280—296.
109. «Торгово-промышленная газета», 24 июня 1928 г.
110. Там же, 23 сентября 1928 г.
111. Там же, 1 декабря 1928 г.
112. О дискуссии на IV пленуме ВСНХ сообщалось в «Торгово-промышленной газете» 30 ноября, 1, 2 декабря 1928 г. Статья Косиора была напечатана в «Путях индустриализации», 1928, № 21, с. 70—86, и отдельные выдержки из нее были приведены в «Торгово-промышленной газете», 25 ноября 1928 г. (В том же номере была помещена статья, в которой высказывалось мнение о том, что синдикаты должны подчиняться главкам.) Косиор в прошлом сам являлся управляющим трестом (см. выше, гл. 12).
113. «Торгово-промышленная газета», 6 декабря 1928 г. Бирман проинформировал Пленум, что незначительное меньшинство членов комиссии, которой было поручено подготовить проект специальной резолюции, имели различные против нее возражения.
114. «Вопросы торговли», март 1929 г., № 6, с. 7—8.
115. Реформа декабря 1929 г., в результате которой главки были ликвидированы, а синдикаты реорганизованы в объединения, в данном томе не рассматривается, она описывается в книге: *E. Burns.* Russia's Productive System, 1930, p. 127—145, 261—273.
116. См.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19; «Собрание узаконений...», 1923, № 84, ст. 815. Ряд заводов не входили в состав трестов и обладали статусом «предприятия».
117. Термин «заведение» был позаимствован из Положения о промышленности 1983 г. и обозначал «заводы, фабрики и мастерские» (*А. Гинзбург.* Цит. соч., т. 1, с. 62). Однако на самих заводах этот термин не прижился. Один из выступающих на первом пленуме ВСНХ в феврале 1927 г. говорил о том, что «на местах не понимают, что он означает» («Экономическая жизнь», 20 февраля 1927 г.).
118. *А. Венедиктов.* Цит. соч., т. 2, с. 77—82; «Предприятие», 1926, № 7, с. 96—97.
119. О подъеме производства в 1925 г. и последовавшем за ним спаде, выразившемся в сокращении занятости, падении производства и недогрузке мощностей отдельных предприятий, см. там же, 1926, № 4, с. 85—88.
120. Там же, 1927, № 3, с. 67.
121. Например, отдельные заводы, входящие в состав треста Югосталь, рассматривались как производственные отделы одного большого завода, а основным показателем их эффективности считался не доход, а объем произведенной продукции (см. статью Бирмана в «Торгово-промышленной газете» 17 июня 1928 г.). См. также: «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 112—115; «Большевик», 30 мая 1926 г., № 9—10, с. 111—112.
122. «Торгово-промышленная газета», 19 ноября 1926 г.; «Предприятие», 1927, № 1, с. 71—72.
123. «Торгово-промышленная газета», 23, 26 ноября, 11 декабря 1926 г.; «Предприятие», 1926, № 11, с. 10—11.
124. «Торгово-промышленная газета», 25 мая 1926 г. О финансовом кризисе в Югостали см. выше, с. 333. В 1923 г. на хозрасчет были также переведены (но с более ограниченными правами) 32 рудоуправления треста Донуголь,

а в 1924 г. — заводы треста Гомзы (*А. Венедиктов.* Цит. соч., т. 2, с. 81—82).

125. «Металл», 1927, № 1—4, с. 83—93.

126. *А. Венедиктов.* Цит. соч., т. 2, с. 269.

127. «Торгово-промышленная газета», 18 августа 1926 г.

128. «Предприятие», 1926, № 11, с. 10—14; 1927, № 1, с. 71—72; 1927, № 2, с. 73.

129. Там же, 1926, № 7, с. 96—97. О Положениях ВСНХ см. выше, гл. 14.

130. См. выше, гл. 14.

131. Раньше технический директор назначался правлением треста. Обычно это был квалифицированный инженер, отвечавший за все производство и пользовавшийся, вероятно, даже большим влиянием, чем директор, который должен был быть обязательно членом партии, но при этом мог не иметь технического образования. На первом пленуме ВСНХ, после «бурных споров», было принято решение о том, что коммерческий директор должен назначаться директором предприятия, а технический директор — правлением треста, но по рекомендации директора прдприятия. Присутствующие на пленуме директора предприятий внесли в протокол оговорку, что «подобная система не позволяет директору чувствовать себя хозяином на предприятии» («Экономическая жизнь», 26 февраля 1927 г.). Окончательное решение означало победу директоров предприятий и усиление их контроля над техническими специалистами, а также укрепление автономии предприятий в отношениях с трестом.

132. Другие меры законодательного характера, способствующие увеличению прав предприятий, приводятся в: *А. Венедиктов.* Цит. соч., т. 2, с. 272—274.

133. Венедиктов отмечает, что «все эти положения получили полное осуществление в Положении о промышленных трестах от 29 июня 1927 г., посвятившем «производственным предприятиям» треста особый раздел и потребовавшем «перевода трестированных предприятий на хозрасчет...» (там же, с. 271).

134. О положении и правах предприятий в 1928 г. см. «Торгово-промышленную газету», 10, 12, 17, 19 мая и 6 июня. 1 июля 1928 г.: «Предприятие», 1928, № 6, с. 20.

135. О промфинплане см. выше, гл. 35.

136. «Торгово-промышленная газета», 1, 17 июня, 13, 19 июля 1928 г. Список необходимого сырья и материалов, составленный отделом снабжения Югостали, насчитывал 16 тыс. наименований, что привело, по словам Бирмана, к «истерическим телеграммам».

137. «Торгово-промышленная газета», 1 декабря 1928 г.

Глава 15. Негосударственная промышленность

1. Значение термина «цензовая промышленность» см. Приложение «Д».

2. См. выше, табл. № 15.

3. См. выше, гл. 28.

4. «Фабрично-заводская промышленность СССР. Основные показатели ее динамики за 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.», 1929, с. 18—19. В 1926/27 г. в общем объеме продукции кооперативной цензовой промышленности, стоимость которой составляла 700 млн. руб., доля потребительской кооперации составляла 395 млн. руб., сельхозкооперации — 109 млн. и промкооперации — 164 млн. руб. Из 700 тыс. членов промысловой кооперации в кооперативной цензовой промышленности работало только 38 тыс. О промысловой и потребительской кооперации см. выше, гл. 15, с. 653—662, а о сельскохозяйственной — выше, гл. 5.

5. Более подробно о кооперативной цензовой промышленности в 1926/27 г. см.: «Фабрично-заводская промышленность...», с. 112—127.

6. См. выше, табл. 15.

7. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 48; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 106—107.

8. В 1924/25 г. стоимость продукции частных промышленных предприятий, арендованных у государства, составила 106 млн. руб. против 49 млн. руб. — стоимости продукции предприятий, принадлежавших частным владельцам («Частный капитал в народном хозяйстве», ред. *А. Гинзбург*, 1927, с. 38).

9. Об этом положении и о его нарушениях см.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6. В 1924/25 г. среднее количество рабочих на частных предприятиях цензовой промышленности составляло 22 человека, а на арендованных — 25 человек. («Частный капитал...», с. 38).

10. *Ю. Ларин.* Частный капитал в СССР, 1927, с. 151—152.

11. О данных на первое полугодие 1925/26 г. см.: «Частный капитал...», с. 43—45.

12. Там же, с. 209—216. *Ю. Ларин.* Цит. соч., с. 146—149.

13. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 196.

14. Там же, с. 258.

15. «Торгово-промышленная газета», 1 апреля 1926 г. Резолюция по докладу Гинзбурга отмечала, что это лишь «предварительный этап дальнейшей работы», а другая резолюция подчеркивала необходимость проведения «стабильной политики» по отношению к частному капиталу, с тем чтобы переключить его деятельность из сферы спекуляции на «общественно полезные экономические функции в промышленности и торговле» («Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР», 1925—1926, № 8).

16. «Торгово-промышленная газета», 9 мая, 4 июня 1926 г.

17. Там же, 22 мая 1926 г. О Квиринге см. выше, гл. 15.

18. О других аспектах этих изменений см. выше, гл. 24.

19. См. выше, гл. 30.

20. «Справочник партийного работника», 1928, т. 6, ч. 1, с. 510—513. Циркуляр от 2 октября 1926 г. постановлял, что члены партии не должны занимать административных постов в концессиях и частных предприятиях (см. там же, т. 6, ч. 1, с. 568). Об отношении профсоюза к рабочим частной промышленности см. выше, приложение «Е»).

21. «XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 129—130.

22. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 308.

23. «Большевик», 15 июня 1927 г., № 11—12, с. 83, 87—89. Летом 1927 г. Ларин предсказывал, что закон будет скоро пересмотрен (*Ю. Ларин.* Цит. соч., с. 152).

24. Там же, с. 158.

25. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 43. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 96, 98. В тезисах, одобренных центральной комиссией по перспективному планированию президиума Госплана СССР в марте 1928 г., выражалась точка зрения о том, что развитию частного капитала следует содействовать «в тех отраслях промышленности, где он действительно может способствовать привлечению неиспользованных природных ресурсов и производительных сил страны в хозяйственную жизнь и ликвидации товарного голода и безработицы» (*Р. Вайсберг.* «Принципы и методология перспективного планирования», 1928, с. 8). Об авторе этих тезисов — Вайсберге — см. выше, с. 325.

26. *Р. Вайсберг.* Принципы и методология перспективного планирования, 1928, с. 19 (Вайсберг проводит различие между «прямым планированием» социалистического сектора и «контролем» над частным сектором, определяя «контроль» как «метод косвенного нажима, главным образом при помощи экономических мер»).

27. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», 1927, № 11—12, с. 7, 63—71.

28. См. выше, табл. № 15.

29. О раннем этапе ее развития см.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 19. О термине «мелкая промышленность» см. выше, приложение «Д».

30. «Народное хозяйство СССР», 1932, с. 88—91.

31. Об этих данных см. выше, табл. 12. По другим источникам, ее производство было значительно ниже (см. выше, гл. 15, прим. 1).

32. «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.», 1960, с. 199.

33. Об этой переписи см. выше, Приложение «Д», о ее последствиях см.: «Народное хозяйство СССР», 1932, с. 84—117, 647—650.

34. «Гнездо» определялось: а) в деревне — как населенный пункт или группа соседних поселков, где не менее 50 хозяйств были заняты в одном производстве или целом ряде производственных процессов, связанных между собой разделением труда; б) в городе — более широко, как концентрация мелких производителей в определенной части города («Народное хозяйство СССР», 1932, с. 649).

35. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 357.

36. Как до, так и после революции экономисты пытались провести различие между «кустарной промышленностью», где производитель работал на отдаленный рынок, и «ремеслом», где он работал непосредственно на заказчика или клиента, часто используя их материал. Согласно этому определению, как кустари, так и ремесленники работали своими семьями, не используя наемного труда. В 20-х годах термин «кустарь» стал использоваться более широко, для обозначения всех городских и сельских ремесленников. См. это определение, а также информацию о дискуссии, возникшей в связи с трудностями употребления этих терминов, в: *А. Гинзбург.* Цит. соч., т. 1, 1925, с. 279; «Баланс народного хозяйства СССР 1923/24 года (Труды Центрального Статистического Управления)», т. 29, 1926, с. 177. Еще в начале 1897 г. Ленин писал: «Мы считаем бесполезным спорить о смысле слова «кустарь», ибо, как увидим ниже, *нет той формы промышленности* (кроме разве машинной индустрии), которая бы не включалась под этот традиционный термин, абсолютно негодный для научных исследований». (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 323).

37. «Частный капитал...», с. 216, 238—248.

38. *Ю. Ларин.* Цит. соч., с. 119—120.

39. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 357—358. Сообщалось, что из 18 тыс. кустарей по металлу в Московской губернии абсолютное большинство продавали свою продукцию скупщикам или хозяйчикам, что частные торговцы монополизировали все производство самоваров, охотничьих ружей и скобяных товаров в Туле и что в одном сельском районе девять женщин-скупщиц контролировали все кружевные промыслы (каждая из них держала под контролем около тысячи кружевниц), но Наркомфину никак не удавалось их поймать («Большевик», 31 августа 1926, № 15—16, с. 57—58). По оценке Ларина, нэпманы контролировали несколько сот тысяч кустарей, снабжая их сырьем и деньгами, а также реализовывая их продукцию («IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 141—142).

40. «Большевик», 30 июля 1926 г., № 14, с. 40; 31 августа 1926 г., с. 58—59; *Ю. Ларин.* Цит. соч., с. 149—151.

41. О более раннем периоде деятельности промысловой кооперации см.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6. О промысловой кооперации цензовой промышленности см. выше, гл. 15.

42. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 101—105. Отмечается, что в РСФСР процент «диких» кооператоров был намного ниже («Контрольные цифры народного хозяйства на 1927—1928 год», 1928, с. 377).

43. Иногда подобные утверждения высказывались и о сельскохозяйственной кооперации (см. выше, гл. 5).

44. По некоторым данным, в 1925 г. свыше 47% всех работников промысловой кооперации являлись наемными рабочими (*Ю. Ларин.* Цит. соч., с. 116—117).

45. Там же, с. 151—155; «Частный капитал...», с. 220—236. В «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1927—1928 год» (1927, с. 377) проводится различие между теми «дикими» кооперативами, которые являлись «скрытыми капиталистическими организациями», и теми, «которые, по существу, не являлись капиталистическими и могли быть привлечены в кооперативные союзы».

46. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1928—1929 год», 1929, с. 103—104. См. также «Большевик», 15 июня 1927 г., № 11—12, с. 78.

47. Там же, 15 июня 1927 г., № 11—12, с. 82—86. По оценкам Фрумкина, заместителя наркомфина, почти две трети всех промысловых кооперативов были лжекооперативами, а некоторые ответственные работники ВСНХ считали, что эта цифра составляла 80% (*Ю. Ларин.* Цит. соч., с. 117).

48. «Торгово-промышленная газета» (13 октября 1926 г.) считала, что промысловые кооперативы реализовали через частный сектор 21% своей продукции. Приводились примеры, когда частные торговцы скупали большую часть продукции «диких» кооперативов или когда кооперативы находились полностью под контролем бывших купцов или более зажиточных производителей, которые и получали большую часть прибыли (*А. Фабричный.* Частный капитал на пороге пятилетки, 1930, с. 25).

49. *А. Фабричный.* Цит. соч., с. 38—41.

50. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», ч. 1, 1957, с. 699—707. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 54.

51. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 459.

52. «Собрание законов...», 1928, № 30, ст. 267.

53. «XIV конференция РКП(б). Стеногр. отчет», 1925, с. 166.

54. «2 сессия ЦИК СССР. 4 созыва. Стеногр. отчет», 1927, с. 339.

55. «Материалы особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия 3, ч. 2, 1927, с. 16—24. См. также выше, гл. 1.

56. «Большевик», 31 мая 1927 г., № 10, с. 44—46.

57. «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», 1927, с. 48—50. О проектах плана, составленных Госпланом и ВСНХ, см. выше, гл. 37.

58. «Правда», 8 мая 1927 г.

59. «Торгово-промышленная газета», 28 февраля, 21 марта 1928 г. «Мелкая ремесленная промышленность Вятской губернии», 1929, ч. 1, с. 65—66. Об аналогичном подходе писала «Торгово-промышленная газета» двумя годами раньше, 27 апреля 1926 г. О других дискуссиях по поводу различий между государственной и кустарной промышленностью см.: «Пути индустриализации», 1928, № 18, с. 63—64; «Экономическое обозрение», 1930, № 2, с. 80—81.

60. «Плановое хозяйство», 1927, № 7, с. 129.

61. Об упадке гончарного промысла в одной из губерний см.: «Мелкая и ремесленная промышленность...», с. 62—69. По всей стране количество занятых в этих промыслах несколько возросло — с 88 тыс. в 1926/27 г. до 91 тыс. в 1928/29 г. («Народное хозяйство СССР», 1932, с. 88—91).

62. «Торгово-промышленная газета», 5, 20 августа 1927 г.

63. Например, председатель Всекопромсоюза заявлял, что если при капиталовложениях в обувную промышленность в размере 24 млн. руб. объем произведенной продукции составит 17 млн. руб. в год, то промкооперация может произвести в 10 раз больше при капиталовложениях всего лишь 13 млн. руб. (там же, 5 апреля 1929 г.).

64. О политике правительства по отношению к частной цензовой промышленности и частной торговле см. выше, гл. 15 и 25.

65. *И. Сталин.* Соч., т. 10, с. 311. Суммировав весь объем продукции, выпускаемой мелкими частными предприятиями, открыто использующими наемный труд, продукцию лжекооперативов и кустарей, работающих на капиталиста-частника, Ларин пришел к выводу, что почти половину всей продукции мелкой промышленности, составившей в 1925/26 г. 8,3% от общего объема промышленной продукции, фактически следует отнести к капиталистическому сектору (к которому следует добавить продукцию частной цензовой промышленности, составившую в этом году 3,4% общего объема) (*Ю. Ларин.* Цит. соч., с. 121).

66. Как представитель ВСНХ РСФСР, так и представитель Госплана утверждали (в мае 1928 г.), что снабжение кустарей уже улучшилось («Тор-

гово-промышленная газета», 24 мая 1928 г.), но никаких подтверждений этому найти не удалось.

67. «Торгово-промышленная газета», 23 июня, 9 августа, 1 ноября 1927 г. Весьма характерно, что созванное по инициативе Межлаука совещание, на котором обсуждались вопросы улучшения снабжения металлоломом кустарной промышленности, пришло к выводу, что кустарям следует поставлять негодный металл и старое оборудование, которое раньше шло в металлолом (там же, 1 ноября 1927 г.).

68. «Правда», 19 июля 1928 г. Прекратилась также продажа кустарям хлопка («Торгово-промышленная газета», 8 августа 1928 г.).

69. «Торгово-промышленная газета», 3 февраля 1928 г.

70. Там же, 12 октября 1928 г.

71. Там же, 20 января 1928 г.

72. Об этом постановлении см. выше, гл. 15, 11 мая 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли устав промысловой кооперации («Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», 1957, ч. 1, с. 708—715).

73. «Торгово-промышленная газета», 15 февраля 1928 г.

74. Об этом постановлении см. выше, гл. 15.

75. «Правда», 16 сентября 1928 г.

76. «Собрание законов...», 1928, № 62, ст. 567.

77. Согласно переписи мелкой промышленности, проведенной в 1929 г., промысловая кооперация насчитывала в 1928/29 г. 725 тыс. членов («Народное хозяйство СССР», 1932, с. 96). Согласно другому источнику, ее численность составляла: 1 октября 1927 г.—599 тыс. человек, 1 октября 1928 г.—1004 тыс. и 1 октября 1929 г.—1460 тыс. («Промысловая кооперация в СССР в 1929/30 году», 1931, с. VII).

78. «Народное хозяйство СССР», 1932, с. 96.

79. См. выше, табл. 11. Согласно ЦСУ, товарооборот всей мелкой промышленности увеличился за период с 1926/27 г. по 1928/29 г. с 3,05 млрд. руб. до 3,44 млрд. руб.; таким образом, прирост составил 12,8% («Народное хозяйство СССР», 1932, с. 88). Число занятых в мелкой промышленности с 1926 по 1929 г. возросло с 3,5 млн. до 4,4 млн. человек (см. выше, гл. 15). Однако эти цифры, очевидно, не совсем тесно взаимосвязаны.

80. «Пути индустриализации», 1929, № 5—6, с. 37. Предыдущий вариант проекта плана предусматривал значительно меньший прирост числа кустарей (там же, 1928, № 18, с. 58). О декабрьском 1928 г. проекте плана ВСНХ см. выше, гл. 37.

81. «XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 65.

82. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. 2, ч. 2, с. 84.

83. «V съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1929, № 19, с. 2—3.

Глава 16. Реконструкция промышленности

1. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926 г., с. 169.

2. См. выше, табл. 12. Расчеты приводятся в ценах 1913 г., в пересчете на цены 1926—1927 гг. этот рост еще более значителен (см. выше, табл. 13).

3. См. выше, гл. 12. В период с октября 1925 г. по сентябрь 1928 г. удельный вес производственных мощностей общесоюзных и республиканских трестов РСФСР и Украины увеличился с 86,5% до 94%. Причем процент этот был неодинаков для разных отраслей промышленности: если в электростроении он равнялся в 1928 г. 87,7, то в других отраслях, включая электростроительство и полиграфическую промышленность, он доходил до 100 («Экономическое обозрение», 1929, № 10, с. 119, 134).

4. В результате ввода запасных резервных мощностей фактический объем промышленного производства увеличился с октября 1925 г. по сентябрь 1928 г. (см. пред. примеч.) на 8,5%, а чистый прирост основных производственных фондов составил за этот же период 40% (см. выше, табл. 48).

5. См. выше, гл. 12.

6. См. выше, табл. 48.

7. Об этих резолюциях см. выше, гл. 12. Пленум ЦК в своей резолюции призвал обратить «максимальное внимание» на развитие хлопководства, овцеводства, на усиление добычи цветных металлов, выплавку черных металлов, на развитие машиностроения и т. д.

8. *Г. Сокольников.* Финансовая политика революции, 1928 г., т. 3, с. 69—81 (эта речь, произнесенная им в марте 1926 г. неправильно датирована мартом 1927 г.); «Торгово-промышленная газета», 4 ноября 1926 г., см. также выше, гл. 37.

9. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической академии», 1928, с. 75—76; см. также гл. 32.

10. «Экономическая жизнь», 27 февраля 1927 г. О прибыли на вложенные средства см. также гл. 31.

11. «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 382.

12. «Металл», № 12, 1928, с. 63. См. также: *Г. Кржижановский и др.* Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 год (1929, с. 94), где Квиринг говорит о необходимости ввоза тракторов из-за границы.

13. Согласно классификации, принятой в то время, термин «машиностроение» включал в себя производство машин и другого капитального оборудования для промышленности, транспорта и сельского хозяйства, включая плуги, корабли, локомотивы, станки и домны. Ниже в это понятие включается также и электротехническая промышленность (в том числе электромашиностроение и электроснабжение), хотя по принятой классификации они являлись самостоятельными отраслями.

14. См. выше, гл. 12.

15. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 305. О резолюции см. выше, гл. 12.

16. Там же, с. 343—344. О резолюции см. выше, гл. 12.

17. «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927 г., с. 230—231. В резолюции съезда подчеркивалась важность машиностроения (см. выше, гл. 12).

18. Во втором проекте ВСНХ Пятилетнего плана развития, опубликованном летом 1927 г. (см. выше, гл. 37), называлось несколько причин целесообразности производства собственных машин и оборудования, даже несмотря на то, что они стоили на 100—150% дороже, чем импортные: 1) отсутствие производства некоторых видов оборудования за границей; 2) значительное превышение транспортных расходов над выигрышем от разницы цен на советское и импортируемое оборудование; 3) снижение себестоимости продукции и цен на нее по мере роста собственного производства; 4) невозможность получения иностранной валюты, необходимой для увеличения импорта за счет адекватного увеличения экспорта; 5) чрезмерно высокая стоимость переоборудования железнодорожных станций и портов для приемки этих импортных грузов; 6) важность данной отрасли для оборонной промышленности; 7) способность машиностроения поглотить избыточное сельское население («Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», 1927, с. 21). Наибольшее значение имели пункты 3, 4 и 6.

19. «Большевик», 15 февраля 1927 г., № 4, с. 31.

20. «Предприятие», 1927, № 7, с. 27—32; «Торгово-промышленная газета», 15 октября 1926 г.

21. «Первые шаги индустриализации 1926—1927 гг.», 1959, с. 145.

22. Там же, с. 144.

23. «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927 г., с. 359—361; British-Russian Gazette And Trade Outlook, iii. London, 1926, № 2, p. 240.

24. Об увеличении объема производства см. выше, гл. 16; о капиталовложениях в различные отрасли см. выше, табл. 18.

25. «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 261; «Большевик», 15 февраля 1927 г., № 4, с. 31.

26. «Предприятие», 1927, № 10, с. 66—68; «Торгово-промышленная газета», 10, 17 декабря 1927 г.

27. Там же, с. 75. Сообщалось о том, что ленинградский инженер Терман решил проблему «передачи изображения на расстоянии».

28. *Е. Ларина и Ю. Ларин.* Вопросы рабочей жизни, 1928, с. 47—49. О заводе «Красное Сормово» см. «Торгово-промышленную газету», 29 сентября 1927 г.

29. См. выше, гл. 16.

30. См. выше, табл. 16.

31. «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», 1929, т. 2, ч. I, с. 161.

32. О машинизации сельского хозяйства см. выше, гл. 8.

33. См. выше, табл. 16.

34. «Металл», 1927, № 11—12, с. 144, 147, 261; сюда не вошли затраты на капитальный ремонт.

35. «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 230; «Торгово-промышленная газета», 2 декабря 1928 г.

36. «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 310—311.

37. «Большевик», 15 февраля 1926 г., № 3, с. 66.

38. См. статью Межлаука в «Торгово-промышленной газете» от 4 декабря 1926 г.; «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 312—313.

39. См. примеры на с. 307, там же.

40. «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 232.

41. Парадоксально, но ВСНХ настаивал, чтобы Наркомфин снизил таможенные пошлины еще больше. В то время как политика ВСНХ заключалась в поощрении закупок советского оборудования, он был заинтересован в том, чтобы снизить отчисления машиностроения в бюджет за импортируемую продукцию. ВСНХ обращал внимание на то, что «некоторые небольшие и легкие машины» облагаются, согласно действующему тарифу, пошлиной в размере 7—10% их стоимости, тогда как «тяжелые машины» — в размере 75%, а некоторые конвейеры и экскаваторы — 100—150% их стоимости. 15 ноября 1928 г. таможенные пошлины на машины были снижены в среднем до 30% их стоимости, сократив тем самым диспропорцию в таможенном обложении «легких» и «тяжелых» машин. («Пути индустриализации», 1928, № 6, с. 8—9; 1929, № 2, с. 64—65).

42. Об этой резолюции см. выше, гл. 16. Постановление СНК СССР от 19 февраля 1927 г. предусматривало необходимость систематического снижения зависимости электроэнергетики от импорта («Собрание законов...», 1927, № 11, с. 108).

43. «IV съезд Советов СССР. Стеногр. отчет», 1927, с. 231—233. Создание такого комитета было рекомендовано первым пленумом ВСНХ в феврале 1927 г. («Экономическая жизнь», 26 февраля 1927 г.).

44. «Правда», 4 мая 1927 г.

45. Согласно таблице, которая приводится в «Основных моментах реконструкции промышленности СССР» (1931, ред. Минаев, с. 61), цены на машины и капитальное оборудование советского производства в 1928/29 г. были на 11,2% выше, чем в 1924/25 г., тогда как за этот же период цены на импортное оборудование сократились на 24,8%.

46. Отчет о работе комитета был опубликован в журнале «Металл», 1928, № 2, с. 5—14.

47. См. например: «Торгово-промышленная газета», 13 января 1928 г., и «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, ч. 2, с. 1041—1042.

48. «Торгово-промышленная газета», 6 марта 1928 г. Опубликованное в следующем месяце постановление ВСНХ осудило практику Азнефти, исказившей спецификацию дизельного двигателя в надежде передать заказ иностранной фирме. В постановлении отмечалась «определенная нездоровая тенденция ряда промышленных предприятий заказывать как можно больше капитального оборудования за границей» (там же, 2 сентября 1926 г.).

49. «Торгово-промышленная газета», 30 октября 1927 г.

50. О проекте Днепростроя см. выше, гл. 38.

51. О Волховстрое см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 10.

52. «Торгово-промышленная газета», 8 октября 1927 г. Директор производства берлинской фирмы AEG в своем докладе о работе треста ГЭТ, подготовленном год назад по просьбе советской стороны, отмечал «совершенно недопустимые» задержки в выполнении заказов, что на Западе абсолютно исключается (там же, 2 сентября 1926 г.).

53. Там же, 19 октября, 5 ноября 1927 г.

54. В конечном счете пять генераторов были поставлены американской фирмой «Джи. И. Си», а четыре остальные — ленинградским заводом «Электросила» («Большая советская энциклопедия», т. 22, 1935, с. 738).

55. «Экономическая жизнь», 4 октября 1928 г.

56. «Торгово-промышленная газета», 11 ноября 1927 г.; «Большая советская энциклопедия», т. 22, 1935, с. 737—740.

57. «Протокол заседания Президиума ВСНХ», 1928—1929, Приложение, ст. 539.

58. Сообщения о новых производственных линиях по выпуску пишущих машинок, термометров, арифмометров и автоматического телефонного оборудования, введенных в строй в период с ноября по декабрь 1928 г., резюмированы в: *Е. Ларина и Ю. Ларин.* Цит. соч., с. 44—49.

59. «Большевик», 15 февраля 1927 г., № 4, с. 31.

60. Там же, 15 февраля 1927 г., № 4, с. 31; «Основные моменты реконструкции промышленности СССР», 1931, *ред. Минаев,* с. 7; *Г. Кржижановский и др.* Цит. соч., табл. 3.

61. Данные на 1913 г. и на период с 1925/26 г., по 1927/28 г. приводятся по журналу «Большевик» (15 февраля 1927 г., № 4, с. 31), а также по ежегоднику ВСНХ СССР «Промышленность СССР в 1927/28 году» (1930, с. 308, 351). Показатели на 1928/29 г. получить не удалось.

62. «Большевик», 15 февраля 1927 г., с. 31.

63. «Основные моменты реконструкции промышленности СССР», *ред. Минаев,* 1931, с. 16.

64. См.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20; «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 10.

65. См. выше, гл. 16.

66. «КПСС в резолюциях...», 1954 г., ч. 4, с. 294. Об этой резолюции см. выше, с. 404.

67. О постановлении см. выше, гл. 13.

68. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 526. О резолюции см. выше, гл. 12.

68. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. 2, с. 526. О резолюции см. выше, гл. 12; о первоначальном варианте этого лозунга см. там же.

69. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 15.

70. «2 сессия ЦИК 3 созыва. Стеногр. отчет», 1926, с. 10; см. также выше, гл. 16.

71. «XV конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1927, с. 194. О Рухимовиче см. выше, гл. 12.

72. «2 сессия ЦИК 4 созыв. Стеногр. отчет», 1927, с. 250.

73. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1926, ч. 2, с. 1129, 1167—1168.

74. «Торгово-промышленная газета», 27 июля 1927 г.

75. *Г. Кржижановский и др.* Цит. соч., с. 8. Более подробно о влиянии рационализации на занятость рабочей силы см. гл. 17.

76. «XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1926, ч. 2. с. 1234. Калинин говорил о том, что у рабочих совхозов освобождается много «свободного времени» в результате механизации (см. выше, гл. 17).

77. «Экономическое обозрение», 1929, № 9, с. 88—89.

78. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», 1957, ч. I, с. 699.

79. «Торгово-промышленная газета», 7 апреля 1928 г.

80. Там же, 27 мая 1928 г.

81. Там же, 25 июня, 6 июля 1928 г.

82. Там же, 28 июля 1928 г.

83. Там же, 16 августа 1928 г. Об этой дискуссии см.: Socialism, Capitalism and Economic Growth: Essays Presented to Maurice Dobb, *ed. C. H. Feinstein*, 1967, p. 292—297.

84. См. выше, гл. 14.

85. О докладе ВСНХ по промышленному капитальному строительству за 1925/26—1927/28 гг., представленном в СТО, см. «Первые шаги индустриализации 1926—1927 гг.» (1959, с. 120—142), где приводятся архивные материалы.

86. «Основные моменты реконструкции промышленности СССР», 1931 г., *ред. Минаев*, с. 84—85.

87. «Первые шаги индустриализации СССР 1926/27 г.», 1959, с. 146—147, 159.

88. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 35.

89. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», 1959, с. 156—157.

90. См. выше, гл. 18.

91. «Пути индустриализации», 1928, № 2, с. 26—27.

92. См. доклады в «Торгово-промышленной газете», 6, 8, 10, 14, 26 июля 1928 г., и выступление Комарова на XVI партийной конференции. («XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет», 1962, с. 110.

93. «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 261.

94. «Правда», 31 октября 1928 г.

95. Количество основного капитала на одного рабочего в 1925/26 г. несколько снизилось в результате значительного притока рабочей силы в этом году, но к 1927/28 г. оно увеличилось с 4410 руб. до 4520 руб. («Пути индустриализации», 1928, № 21, с. 10—19).

96. См. выше, гл. 13.

97. См. выше, гл. 14. Как сообщалось в «Контрольных цифрах по труду на 1928/29 год» (1929, с. 50), от 35 до 40% всех доменных печей в 1928 г. в промышленности и на транспорте пришли в негодность и подлежали замене. Более подробно о промышленных показателях см.: «Обзор деятельности НКТ СССР за 1926—1928 гг.», 1928, с. 129.

98. См. выше, гл. 15.

99. О поддержке, оказываемой Лениным плану ГОЭЛРО, см. «Большевистскую революцию...», т. 2, гл. 20. О планировании, ориентированном на приоритетное развитие энергетики, см. выше, гл. 33.

100. «Промышленность в СССР в 1927/28 году», 1929, с. 321—322.

101. См. выше, гл. 38.

102. «Экономическое обозрение», 1927, № 10, с. 139; «Торгово-промышленная газета», 12 августа 1928 г. С окончанием строительства новых электростанций в Ленинграде в 1927 г. оказались неиспользованные мощности, но это было нетипично («Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», 1959, с. 84).

103. См. выше, табл. 47.

104. «Социалистическое строительство СССР», 1935, с. 97; см. также выше, табл. 16.

105. «Собрание законов...», 1927 г., № 11, с. 108; «Торгово-промышленная газета», 5 декабря 1926 г. Эта цифра учитывала только районные электростанции и не включала планируемый рост мощностей фабрично-заводских станций. Общая мощность всех электростанций должна была увеличиться на 1,5 млн. кВт в конце 1931 г. («Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», 1927, с. 61).

106. «Торгово-промышленная газета», 7 июня 1928 г.; *Г. Кржижановский и др.* Цит. соч., с. 34.

107. «Большевик», 15 февраля 1926 г., № 15, с. 59; «Торгово-промышленная газета», 5 декабря 1926 г.

108. «Плановое хозяйство», 1926, № 6, с. 181—183.

109. «Перспективы развития народного хозяйства СССР на 1926/27—

1930/31 гг.», 1927, с. 67; фактически мощность электростанций увеличилась до 7,5 млн. кВт в 1936 г. и 11,2 млн. в 1940 г. («Промышленность СССР», 1964, с. 231).

110. «Социалистическое строительство СССР», 1935, с. 97.

111. «Правда», 18 марта 1928 г. Это письмо поддержали 10 украинских химиков, высказавших также ряд критических замечаний в «Торгово-промышленной газете», 24 марта 1928 г.

112. «Собрание законов...», 1928, № 19, с. 169.

113. Там же, № 25, с. 222; «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», 1957, ч. I, с. 815—819.

114. См. выше, гл. 11 и 16.

115. См. выше, табл. 18.

116. «Мы видим, таким образом, что всего быстрее возрастает производство средств производства для средств производства, затем производство средств производства для средств потребления и всего медленнее производство средств потребления» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 80).

117. «Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год», 1925 г., с. 108. Термины «тяжелая» и «легкая» промышленность были синонимами понятий «группа А» (производящая средства производства) и «группа Б» (производящая предметы потребления). Понятие «группы А и Б» не были адекватны терминам «подразделение 1» и «подразделение 2», которые использовал Маркс, так как подразделение 1 включало в себя строительство (которое в советской статистике не считалось отраслью промышленности) и сельскохозяйственное сырье для промышленности. Тем не менее, когда при обсуждении вопросов развития экономики использовались статистические данные, предполагалось, что обе классификации идентичны.

118. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 171.

119. См. резолюцию выше, гл. 12.

120. «Съезды Советов в документах», 1960, ч. 3, с. 118.

121. «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», 1927, с. 26. Об этом проекте плана см. выше, гл. 37.

122. См. выше, гл. 12.

123. См. выше, гл. 8.

124. О резолюции см. выше, гл. 12.

125. О резолюции см. выше, гл. 37.

126. Опубликованные данные о размерах капитальных вложений в промышленность свидетельствуют о резком увеличении ассигнований в группу «Б» в 1927/1928 г. (*Г. Кржижановский и др.* Цит. соч., с. 65). Однако этот рост не нашел подтверждения в более развернутых статистических данных по отдельным отраслям промышленности, которые приводятся в табл. 18 (см. также гл. 12).

127. «Основные моменты реконструкции промышленности СССР», *ред. Минаев*, 1931, с. 69. Эти показатели относятся к цензовой промышленности, но не включают некоторую республиканскую и местную цензовую промышленность.

128. См. выше, табл. 13. Сравните темпы роста капиталовложений в группу «А» и группу «Б» (см. выше, табл. № 18) с темпами роста производства в обеих группах (табл. 13).

129. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 гг.», 1929, с. 61.

130. «Основные моменты реконструкции промышленности СССР», *ред. Минаев*, 1931, с. 63.

131. Производство вооружений не включалось в то время в публикуемые статистические данные по промышленности СССР, хотя об этом и не сообщалось.

132. «СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 556.

133. «XV съезд ВКП(б)», 1962, ч. II, с. 988; по данным Госплана, потребление топлива в оборонной промышленности составляло только 1,4% всего потребления в 1924/25 г. и по плану должно было возрасти в 1925/26 г.

только на 15% по сравнению с ростом на 40% в целом по промышленности («Плановое хозяйство», № 1, 1926, с. 63).

134. «СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 551—552.

135. О Главвоенпроме см. выше, гл. 14.

136. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР», 1925/26 г., № 11, с. 364. Первоначально комитет был создан при Главвоенпроме; неделю спустя после реорганизации ВСНХ он был переподчинен непосредственно его Президиуму («Торгово-промышленная газета», 5 сентября 1926 г.).

137. Там же, 11 декабря 1926 г.; о его деятельности в качестве председателя правления треста «Гомзы» см. там же, 10 октября 1926 г. Толоконцев оставался на посту начальника Главвоенпрома вплоть до назначения начальником вновь созданного главка машиностроения в августе 1928 г. (там же, 31 августа 1928 г.).

138. «Собрание законов...», 1927, № 7, с. 76; 15 декабря 1926 г.

139. «Промышленность СССР в 1926/27 году», 1928, с. 198.

140. «Торгово-промышленная газета», 28 сентября, 5 октября 1926 г.

141. «СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 388.

142. Там же, с. 556.

143. Там же, с. 567, 569—570, 574—575; в сентябре 1926 г. Радек, выступая в Коммунистической академии, от имени оппозиции заявил, что «судьба войны зависит от металлообрабатывающей и химической промышленности; здесь мы все еще очень слабы, и в тысячу раз лучше пойти на риск индустриализации, чем расплачиваться впоследствии массовой гибелью крестьян» («Вестник Коммунистической академии», 1926, XVII, с. 248).

144. «Собрание законов...», 1927, № 37, ст. 373; 8 июня 1927 г.; «XV съезд ВКП(б)», 1926, ч. II, с. 980—981; «Торгово-промышленная газета», 26 августа 1928 г. Еще 2 апреля 1926 г. с целью планирования и использования транспорта для нужд обороны в Наркомпуте был создан центральный мобилизационный отдел («Собрание законов...», 1926, № 25, ст. 127).

145. См. выше, гл. 12.

146. «XV съезд ВКП(б)», 1926, ч. II, с. 981.

147. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г.», 1928, с. 62.

148. «XV съезд ВКП(б)», 1962, ч. II, с. 982—988.

149. «Торгово-промышленная газета», 14 сентября 1927 г.; в статье упоминались военные заводы «Викерс», «Армстронг» и BSA, производящие станки, металлопродукцию, велосипеды, автомашины, и подчеркивалось, что оборудование советских заводов было таким же хорошим.

150. «XV съезд ВКП(б)», 1962, ч. II, с. 983—986.

151. О соотношении оборонных отраслей промышленности и расходов на оборону в государственном бюджете см.: *R. W. Davies.* The Development of the Soviet Budgetary System, 1958, p. 131—132; о расходах на оборону, предусмотренных госбюджетом на этот период, см. ниже.

152. «Съезды Советов в документах», 1960, ч. III, с. 139.

153. См. выше, гл. 37.

154. «XV съезд ВКП(б)», 1962, ч. II, с. 976, 991—993.

155. «Торгово-промышленная газета», 26 апреля 1928 г.

156. «XVI конференция ВКП(б)», 1962, с. 49.

157. См. выше, гл. 11.

158. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 573.

159. См., например: «Большевик», 31 июля 1927 г., № 14, с. 71; «XV съезд ВКП(б)», 1962, ч. II, с. 993.

160. См. выше, гл. 17.

161. Иногда было затруднительно отличить крупное расширение существующего завода от строительства нового: один из делегатов на конференции по тяжелому машиностроению, столкнувшись с предложениями перестроить и расширить Харьковский локомотивный завод, для чего потребовалось бы провести работы только на 30% существующих зданий и сооружений, заметил, что «брюки пришивают к пуговицам» («Металл», 1929, № 5—6, с. 92). «Новое

строительство» определялось не всегда четко: Донуголь рассматривал вновь открываемые шахты как «новое строительство», а Югосталь — как «рекапитализацию и расширение» («Пути индустриализации», 1928, № 6, с. 40—42).

162. «Торгово-промышленная газета», 18 ноября 1926 г. Днепрогэс, Турксиб и и другие проекты, затрагивающие интересы нескольких ведомств, рассматриваются ниже, с. 896—915; выдержки из выступления Александрова см. выше, гл. 38.

163. «Предприятие», 1962, № 10, с. 13.

164. О речи Сталина см. выше, гл. 12; его оценку Днепростроя см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 6, гл. 10.

165. «XV съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 557, 594.

166. «СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 255, 384—387; см. также критическое выступление делегата из Нижнего Новгорода, там же, с. 322—323.

167. «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», 1927, с. 61, 550.

168. *А. Серебровский.* Рационализация производства и новое промышленное строительство СССР, 1927, с. 101, 103—188; электростанции не были включены в этот перечень.

169. «СССР: сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны за I квартал (октябрь — декабрь) 1927/28 г.», 1928, с. 37.

170. «Правда», 7 февраля 1929 г.; ответ Бирмана см.: «Торгово-промышленная газета», 29 марта 1929 г. На процессе над Трудовой партией в 1930 г. один из членов суда заявил, что решение построить новый завод вместо расширения Путиловского являлось актом саботажа (Le Procès des Industriels de Moscou. Paris, 1931, p. 470).

171. В союзной и республиканской промышленности эта пропорция возросла с 14% в 1926/27 г. до 27% в 1927/28 г. и до 35% в 1928/29 г. («Основные моменты реконструкции промышленности СССР», *ред. С. Минаев*, 1931, с. 57).

172. См. выше, гл. 37.

173. «Правда», 21 июня 1927 г.; «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», 1927, с. 60—61, 550.

174. «Основные моменты...», с. 57; «Экономическое обозрение», 1929, № 10, с. 121—123.

175. «Основные моменты...», с. 94.

176. Проблемы нового строительства в этот период рассматриваются также в: «Socialism, Capitalism and Economic Growth: Essays Presented to Maurice Dobb», ed. *C. H. Feinstein*, 1967, с. 288—305.

177. См.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6 и выше, гл. 12.

178. См. выше, табл. 16 и 25.

179. См. выше, табл. 18.

180. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 162.

181. «Экономическая жизнь», 17 июня 1925 г.

182. Тельбесстрой был переименован в Кузнецкстрой 8 мая 1929 г. («Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928/29 г.», № 17, Приложения).

183. Обсуждение вопросов строительства Урало-Кузнецкого металлургического комбината рассматривается в: *F. D. Halzman.* Quaterly Journal of Economics, Ixxi, 1957, p. 368—405.

184. «Труды Комиссии по металлу при Госплане СССР», 1926, т. VII, с. 74, 77; «Бюллетень Госплана», 1924, № 6—7, с. 14.

185. «Труды Комиссии по металлу при Госплане СССР», 1926, т. VII, с. 81; «Торгово-промышленная газета», 27 октября 1927 г., 18 ноября 1928 г.

186. *Е. Макаров.* Отец заводов: очерки из истории Уралмашзавода, 1960, с. 8—9.

187. Там же, с. 7—9; *Г. Унпелов.* Рождение Уралмаша (1928—1933 г.), 1960, с. 4. «Торгово-промышленная газета», 27 октября, 28 ноября 1926 г.; «Генеральный план Урала на период 1917—1941 гг. и перспективы первого пятилетия». Свердловск, 1927 г., с. 263. Характерные для советской политики попытки использовать торф вместо обычного топлива предпринимались на Свердловском заводе вплоть до 1933 г., хотя и были сопряжены со все возрас-

тающими трудностями (Уральский завод тяжелого машиностроения, 1928—1933 г., 1933, с. 32—33).

188. «Торгово-промышленная газета», 9 сентября, 28, 29 октября, 24 ноября 1927 г.

189. Там же, 13 мая 1928 г.

190. «Труды Комиссии по металлу при Госплане СССР», 1927, т. XX, с. 60—61.

191. «Торгово-промышленная газета», 10 июля 1927 г. Предпринимались непрекращающиеся попытки найти такой способ строительства металлургического центра по производству чугуна и стали на Урале, при котором можно было бы избежать дорогостоящих челночных перевозок из Кузнецкого бассейна. Обсуждалась и была отвергнута возможность использования коксующегося угля Донбасса (там же, 10 июля 1927 г.), развития угольных шахт Караганды и Ткварчельского района Абхазии («Металл», № 10, 1928, с. 64—66; «XV съезд ВКП(б)», 1952, ч. II, с. 949). Были организованы усиленные поиски промышленных запасов угля на самом Урале; директива СТО от декабря 1928 г. предусматривала развитие уральской угольной промышленности в целях полного удовлетворения потребностей уральских заводов («Торгово-промышленная газета», 23 декабря 1928 г., 15, 17 мая 1928 г.; «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 3—4, 1928 г., с. 25).

192. «Труды Комиссии по металлу при Госплане СССР», т. XX, 1927, с. 185—208, 221—223.

193. Там же, 1928, т. VI, с. 4; 1927, т. XII, с. 4.

194. Там же, 1927, т. XX, с. 185—208, 221—233.

195. Там же, т. XVI, с. 4—5; 1927 г., т. XX, с. 221—223. Возражения Украины сводились не только к развитию Урала. Были сомнения относительно целесообразности строительства Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения, так как его продукция не найдет сбыта; украинские заводы уже были недогружены, и в случае необходимости их производство могло быть быстро и дешево расширено (там же, 1927, т. XX, с. 225—226; «СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 258, 313, 385—386); о возражениях против строительства Сталинградского тракторного завода см. выше, гл. 16.

196. «Металл», 1927, № 5, с. 143—144; «Торгово-промышленная газета», 10 июля 1927 г.; о параллельном обсуждении строительства Турксиба см. выше, гл. 38.

197. Уральский областной исполнительный комитет: Уралплан, Магнитогорский металлургический завод, 1928, с. 11, 13—14.

198. Там же, с. 10, 17.

199. «Торгово-промышленная газета», 10 августа 1927 г.; о Косиоре см. выше, гл. 12.

200. «СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 359.

201. *Е. Макаров.* Цит. соч., с. 12—13.

202. «VII съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 580—581, 586.

203. «Торгово-промышленная газета», 14 декабря 1926 г.

204. См. выше, гл. 38.

205. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», 1957, т. I, с. 715—717.

206. Об утверждении проекта Днепрогэса, объявленном 12 июня 1927 г., см. выше, гл. 38.

207. «Правда», 10 июня 1927 г.; *Е. Макаров.* Цит. соч., с. 14; «Торгово-промышленная газета», 16, 18 сентября 1927 г.

208. Там же, 10 июля 1927 г.

209. В нижеприведенной таблице дается сметная стоимость трех металлургических заводов в различные годы (в млн. руб.):

	октябрь 1926 г.	август 1927 г.	январь 1929 г.
Кривой Рог	80	81	188
Магнитогорск	60	118	183
Тельбес	41	80	130

(Первая колонка цифр взята из «Торгово-промышленной газеты», 27 октября 1926 г.; вторая — у А. Серебровского, «Рационализация производства и новое промышленное строительство СССР», с. 113—114, 116; третья — из «Торгово-промышленной газеты», 13 июня 1929 г.)

210. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. I, с. 42.

211. См. выше, гл. 16.

212. «Торгово-промышленная газета», 13, 18, 19 мая 1928 г.

213. *Г. Унпелов.* Рождение Уралмаша (1928—1933 гг.), 1960, с. 6.

214. *Е. Макаров.* Цит. соч., с. 10; *Г. Унпелов.* Цит. соч., с. 14.

215. О ходе строительства Уралмаша см. там же, с. 16; «Уральский завод тяжелого машиностроения, 1928—1933 гг.», 1933, с. 11, 130; «Уралмаш: рассказы уралмашевцев о своем заводе», 1958, с. 5, 35.

216. «XVI конференция ВКП(б)», 1962 г., с. 94—95; «Уралмаш...», с. 36; один из молодых инженеров в письме отмечал, что урезанные ассигнования были «каплей в море», которых хватит в 1929 г. лишь на завершение строительства уже начатых зданий.

217. *Г. Унпелов.* Цит. соч., с. 6. Сообщалось, что фактические расходы на строительство завода в 1928/29 г. составили 4,7 млн. руб. («Уральский завод тяжелого машиностроения, 1928—1933 г.», 1933, с. 152).

218. «Торгово-промышленная газета», 18 ноября 1928 г.

219. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928/29 г.», № 2, Приложение, с. 127.

220. «Торгово-промышленная газета», 9, 13 января 1929 г.; проекты Криворожского и Магнитогорского заводов были утверждены Гипромезом в начале 1929 г. («Бюллетень Гипромеза», № 1—2, 1929, с. 64).

221. Общие запланированные капиталовложения на строительство новых объектов (в отличие от переоборудования и развития существующих заводов) соответствовали одобренному весной 1929 г. Пятилетнему плану и составили 1539 млн. руб. для Украины, 1208 млн. руб. — для Урала и 502 млн. руб. — для районов Сибири («Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие», 1929, с. 24, 29, 34).

222. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929 гг.», № 19, с. 523.

223. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. I, с. 46; «Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие», 1929, с. 21, 26, 31.

224. «Металл», 1927, № 11—12, с. 161—164; 1928, № 1, с. 14; «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.», 1969, с. 167; «Промышленность СССР в 1927/28 году», 1930, с. 261.

225. «Плановое хозяйство», 1926, № 5, с. 169—176; «Правда», 20 июля 1927 г.

226. «Правда», 21 июля 1927 г.; на втором пленуме Госплана в марте 1927 г. Базаров резко критиковал идею организации советского автомобилестроения или тракторостроения на том основании, что недостаточность спроса не позволит развить дешевое массовое производство («Плановое хозяйство», 1927, № 5, с. 12—14).

227. «Правда», 20, 21, 22 июля 1927 г.

228. «Правда», 14 августа 1927 г.; о предложении по коллективному использованию автомобилей в целях их большей доступности для населения см. там же, 17 августа 1927 г.

229. «Металл», 1928, № 5—6, с. 27.

230. «Правда», 28 августа 1927 г.

231. Там же, 7 сентября 1927 г.; «Торгово-промышленная газета», 7 сентября 1927 г.

232. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929 гг.», № 16, с. 378 (1—6 апреля 1929 г.). 23 апреля 1929 г. Совнарком поручил ВСНХ обеспечить окончание строительства завода в течение трех лет («Собрание за-

конов...», 1929, № 29, с. 218); после переименования города в г. Горький завод стал называться Горьковский автомобильный завод (ГАЗ).

233. «XVI конференция ВКП(б)», 1962, с. 63; на конференции Осинский призывал к строительству еще одного автомобильного завода мощностью 500 тыс. автомобилей в год (там же, с. 150—151).

234. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929 г.», № 20, с. 569.

235. «Металл», № 8, 1929, с. 43—46; в журнале указывалась расчетная потребность в легковых автомобилях — 790 тыс. штук и «минимум» 350 тыс. грузовиков.

237. О более раннем этапе строительства тракторов см.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.

238. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва: 3 сессия», 1927, с. 913—916.

239. «СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 330—331.

240. См. выше, табл. 10. «Металл», 1929, № 12, с. 74.

241. «Материалы к докладу В. В. Куйбышева о пятилетнем плане развития промышленности», 1928, с. 9; «Торгово-промышленная газета», 26 июля 1928 г.

242. См. выше, табл. 10.

243. См.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 5.

244. «Торгово-промышленная газета», 12 мая, 10, 14 июля 1926 г.; в 1926 г. Главный комитет по концессиям безуспешно обратился к Форду с предложением построить тракторную фабрику («Soviet Studies», 1966, v. XVIII, p. 165—166).

245. Представитель Главметалла позже привел расчеты, согласно которым требовалось производить 90 тыс. — 100 тыс. тракторов «Фордзон» в год, для того чтобы это производство было рентабельным, и заявил, что «мы не можем достичь таких масштабов производства» (*А. Ветлугин и Ю. Грозный.* Сталинградскому тракторному заводу 20 лет, 1959, с. 10; «Информационный бюллетень Госплана СССР», 1927, № 5—6, с. 33—36).

246. «Торгово-промышленная газета», 15 сентября 1926 г.

247. «Правда», 15 марта 1927 г.

248. Там же, 2 апреля 1927 г.; *А. Серебровский.* Цит. соч., с. 120.

249. *В. Данилов.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации, 1957, с. 287; «Правда», 11 мая 1927 г.; «Торгово-промышленная газета», 8 июля 1927 г.; «Металл», 1928, № 10, с. 81—82.

250. «XV съезд ВКП(б)», 1962, ч. II, с. 986, 988.

251. «Торгово-промышленная газета», 26 июля 1928 г. В 1926 г. считалось, что завод будет построен в течение трех лет (там же, 14 июля 1926 г.); в 1927 г. Куйбышев заявил, что его строительство будет завершено в течение четырех-пяти лет. («СССР: IV съезд Советов», 1927, с. 258).

252. «Soviet Studies», 1966, v. XVIII, p. 166.

253. *А. Ветлугин и Ю. Грозный.* Цит. соч., с. 11.

254. «Торгово-промышленная газета», 27 октября 1926 г.; «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. I, с. 47.

255. «КПСС в резолюциях...», 1954, ч. II, с. 533.

256. О ходе работ на месте и возникающих проблемах см.: *И. Таскаев.* Первый тракторный. Саратов, 1930, с. 7—8, 11—14, 19—28.

257. «Материалы к докладу В. В. Куйбышева...», с. 9.

258. «XVI конференция ВКП(б)», 1926, с. 16. В день открытия конференции 23 апреля 1929 г. Совнарком поручил ВСНХ начать в 1929/30 г. строительство еще одного тракторного завода, не уточняя его дислокацию («Собрание законов...», 1929, № 29, ст. 268); 18 мая 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов предложил начать строительство тракторного завода в Челябинске на Урале в 1929 г. («Съезды Советов в документах», 1962, т. IV, ч. I, с. 120); в том же месяце на V Всесоюзном съезде Советов Куйбышев сообщил о намеченном строительстве на Урале второго тракторного завода, прозрачно намекнув, что третий завод будет построен на Украине («СССР: V съезд Советов», 1929, № 9, с. 17).

259. «XVI конференция ВКП(б)», 1962, с. 771. Накануне коллективизации сельского хозяйства советские автомобиль и трактор явились символами будущей индустриализации аграрной России. В ноябре 1929 г. Сталин резюмировал превалирующее в партии настроение: «Мы становимся страной металлической, страной автоматизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые» (*И. Сталин.* Соч., т. 12, с. 135).

260. «Металл», 1928, № 1, с. 16—23.

261. «Торгово-промышленная газета», 5 апреля 1928 г.

262. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928/29 г.», № 20, с. 570; о работе комиссии Долгова см. ниже, с. 904.

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

1926—1929

ТОМ I

Часть I

Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *Н. И. Шарганова*

Сдано в набор 27.12.88 г. Подписано в печать 14.02.89 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 32,44
Изд. № 24/44511

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
119847, Зубовский бульвар, 17